

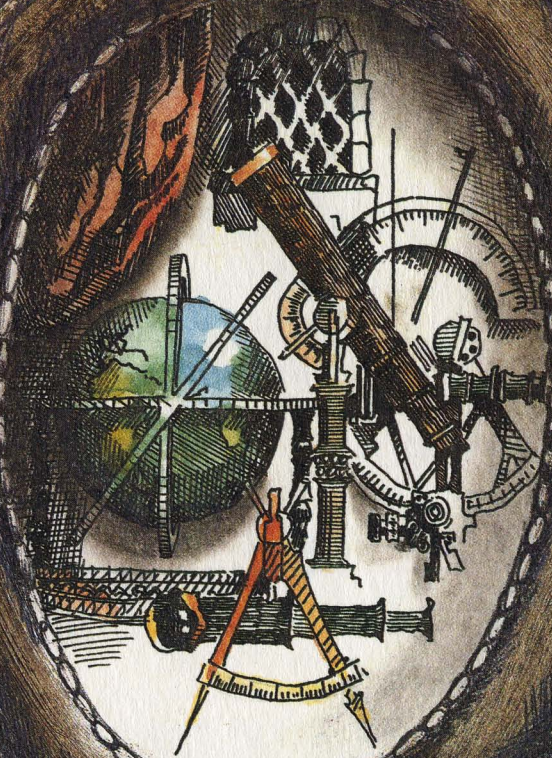

ЖЮЛЬ ВЕРН

**Открытие
Земли**

TERRA FICTIO

TERRA INCOGNITA

ЖЮЛЬ ВЕРН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

СЕРИЯ 1

„НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЖЮЛЬ ВЕРН”

**JULES
VERNE**

**La Découverte
de la Terre**

MOSCOU

ЖЮЛЬ ВЕРН

Открытие Земли

Перевод с французского

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

МОСКВА

Составление серии
З. Потаповой

Перевод
Е. Брандиса

Послесловие
А. Москвина

Примечания
В. Невского

ISBN 5-86218-207-1 (т. 23)

ISBN 5-86218-022-2

© З. М. Потапова. Состав, 1996.

© Е. П. Брандис. Перевод, 1996.

© А. Г. Москвин. Послесловие, 1996.

© В. Невский. Примечания, 1996.

© Научно-издательский центр «Ладомир», 1996.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Историю великих путешествий и великих путешественников», как я понял, опубликовав первую часть книги, должен составлять краткий очерк истории открытия Земли. Благодаря недавним географическим исследованиям история эта значительно разрослась. Она должна охватить не только все странствия далекого прошлого, но и новейшие экспедиции, к которым совсем недавно проявлял интерес ученый мир. Желая придать своему труду, сильно увеличившемуся в объеме за счет сведений о находках современных путешественников, надлежащее качественное обеспечение, я призвал на помощь человека, которого с полным правом считаю одним из самых компетентных географов нашего времени, — господина Габриэля Марселя, внештатного научного сотрудника Национальной библиотеки.

Пользуясь его познаниями в незнакомых мне иностранных языках, мы смогли докопаться до источников и позаимствовать отсюда оригинальные документы. Тем самым наши читатели уведомляются об участии господина Марселя в этой работе, дающей сведения обо всех великих путешественниках — от Ганнона и Геродота до Ливингстона и Стенли.

Наш труд выходит через двадцать пять лет после сочинения, вдохновленного той же идеей: «Старинные и современные путешественники» Эдуарда Шартона. Эту превосходную и полезную работу, которая написана человеком, больше всех способствовавшим пробуждению во Франции вкуса к географическим исследованиям, составляют отдельные отрывки, заимствованные из реляций выдающихся путешественников. Вот чем наша книга отличается от своей предшественницы.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Часть
первая

Глава первая

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

*Ганнон (505). – Геродот (484). – Пифей (340). – Евдокс (146). –
Страбон (63).*

Ганнон Карфагенский. – Острова Счастливые (Канарские), Вечерний Рог, Южный Рог, залив Рио-де-Оро. – Геродот посещает Египет, Ливию, Эфиопию, Финикию, Аравию, Вавилонию, Персию, Мидию, Колхиду, Каспийское море, Скифию и Фракию. – Пифей исследует берега Иберии и Кельтики, Ла-Маниш, остров Альбион, Оркадские (Оркнейские) острова, землю Туле. – Неарх объезжает азиатское побережье от Инда до Персидского залива. – Евдокс знакомится с западными берегами Африки. – Страбон путешествует по Внутренней Азии, Египту, Греции и Италии.

Первым путешественником, о котором сохранились упоминания в исторических источниках, был Ганнон, посланный Карфагенским¹ сенатом для колонизации новых территорий на западном берегу Африки. Сообщение об этой экспедиции было написано на пуническом² языке и переведено на греческий; оно известно под названием «Морское кругосветное путешествие Ганнона». В какую эпоху жил исследователь? Историки придерживаются разных мнений. Но наиболее достоверной считается версия, согласно которой посещение им африканских берегов относится к 505 г. до н. э.³

Ганнон покинул Карфаген во главе флота, состоявшего из шестидесяти пятидесятивесельных галер;⁴ на судах находились тридцать тысяч человек, а также припасы для длительного путе-

¹ Карфаген (финикийское – Картхадашт, или «Новый город») был основан финикийцами в 825 (по другим данным – 814) г. до н. э. на северном побережье Африки, на берегу Туниского залива.

² Римляне называли карфагенян пунами; отсюда название языка – пунический.

³ Точную дату экспедиции Ганнона установить невозможно. Современные ученые относят ее к V или VI в. до н. э. История об этом путешествии дошла до нас в форме «приключенческого романа», в котором достоверные факты переплетаются с вымышленными. Однако географическое описание западного побережья Африки, рассказ о степных пожарах внутри страны не оставляют сомнений в подлинности путешествия, которое впоследствии обросло различными мифами.

Ганнон посетил западное побережье Африки. Он проплыл вдоль него от Гибралтарского пролива на юг около 4500 км.

⁴ Существенно: одним веслом может грести несколько человек. (Примеч. перев.)

шествия. Переселенцы — их вполне можно так назвать — должны были обосноваться в новых городах. Карфагеняне собирались основать поселения на западном побережье Ливии, иначе говоря — Африки.

Флот благополучно миновал Геркулесовы столпы¹ — скалы Гибралтара и Сеуты, возвышающиеся над проливом, — и отважился пуститься к югу, в Атлантический океан. Через два дня Ганнон сделал остановку и основал в этом месте город Фимиатериум. Потом он обогнул мыс Солосит, вступил в торговые отношения с местными жителями и направился дальше, к устью большой африканской реки, на берегах которой обитало племя пастухов-кочевников. Заключив с ними дружеский союз, карфагенский мореплаватель продолжал продвигаться к югу вдоль пустынных берегов Сахары; он достиг острова Керны, находящегося, судя по описанию, на таком же расстоянии от Геркулесовых столпов, как последние от Карфагена. Что это был за остров? Без сомнения, один из относящихся к группе Счастливых (теперь Канарских) островов.

Вскоре Ганнон прибыл к устью реки Хреты², образующему широкую бухту. Когда карфагеняне поплыли вверх по реке, местные жители — негры — встретили их градом камней. Края эти изобиловали крокодилами и гишпопотами.

Закончив разведку, флот вернулся на Керну и после двенадцатидневного плавания к югу достиг гористой местности, изобилующей благоухающими деревьями и бальзамическими растениями. Затем флот остановился в обширном заливе с ровными низменными берегами. Эта земля, такая спокойная днем, ночью озарялась столбами пламени либо костров, разожженных туземцами, либо самовозгоравшейся высохшей травы.

Спустя еще пять дней Ганнон и его спутники обогнули мыс и вошли в залив, который они назвали «Вечерний Рог». Там, рассказывает путешественник, он слышал звуки флейт, грохот кимвалов, тамбуринов³ и гул бесчисленных голосов. Оракулы, сопровождавшие карфагенскую экспедицию, посоветовали бежать от

¹ Геркулесовы столпы — две горы на европейском и африканском берегах Гибралтарского пролива, якобы воздвигнутые мифическим героем Геркулесом. По представлению древних греков, Геркулесовы столпы являлись западным краем известного мира.

² Вероятно, река Сенегал.

³ Кимвалы — древний музыкальный инструмент в виде медных тарелок. Тамбурин — ударный музыкальный инструмент, напоминающий бубен.

этой ужасной земли. Их послушались, и флот продолжал плавание в более низкие широты.

Затем Ганнон достиг залива, получившего название «Южный Рог»¹. Географы считают, что, по-видимому, он являлся устьем реки Рио-де-Оро, которая впадает в Атлантический океан возле тропика Рака.

В глубине залива виднелся остров, изобиловавший гориллами, которых карфагеняне приняли за волосатых дикарей. Им удалось захватить трех «женщин», но вскоре они вынуждены были их убить, так как ярость обезьян была неукротима².

Южный Рог был, без сомнения, конечным пунктом пунической экспедиции. Некоторые историки утверждают, что карфагенский флот не заходил дальше мыса Бохадор, расположенного двумя градусами севернее тропика, но эта точка зрения кажется маловероятной.

Достигнув Южного Рога, Ганнон начал испытывать недостаток в съестных припасах. Тогда он повернул на север и возвратился в Карфаген, где по его распоряжению в храме Ваала-Молоха была поставлена мраморная плита с высеченным на ней описанием путешествия «вокруг света».

После карфагенского мореплавателя самым знаменитым из древних путешественников во времена исторические был греческий ученый Геродот, прозванный «отцом истории». Для нашей цели мы отделим путешественника от историка и последуем за ним в страны, в которых он побывал.

Геродот родился около 484 г. до н. э.³ в малоазиатском городе Галикарнасе. Он происходил из богатой и знатной семьи с обширными торговыми связями, что могло зародить в душе ребенка мечты о дальних странствиях.

¹ «Ю ж н ы й Р о г» — теперь залив Шерборо в британской колонии Сьерра-Леоне, расположенной на берегу Гвинейского залива.

² Надо полагать, что это были не гориллы, а шимпанзе.

³ Биографические сведения о Геродоте чрезвычайно скудны. Годы жизни его точно неизвестны; полагают, что он родился около 484 г. до н. э. и умер в 424 или 426 г. до н. э. Геродот является автором первого дошедшего до нас большого исторического труда — знаменитой «Истории», в которую он включил богатый географический материал, собранный им во время длительных путешествий. Нельзя точно сказать, какие именно страны посетил Геродот во время своих путешествий. Несомненно, что он побывал в Египте и на северном побережье Черного моря. На востоке он доходил, вероятно, до Вавилона. Геродот говорит и о путешествии в Индию, но это описание не имеет исторического основания.

В ту эпоху не существовало единого мнения относительно формы земли. Школа Пифагора начала уже распространять учение о том, что земля шарообразна. Но Геродот не принимал никакого участия в этих спорах, волновавших ученых его времени. В ранней молодости он покинул родину с намерением тщательно изучить далекие страны, о которых доходили весьма скудные и противоречивые сведения.

В 464 г. двадцатилетним юношей он оставил Галикарнас. По видимому, Геродот сначала направился в Египет, где посетил города Мемфис, Гелиополис и Фивы. Во время путешествия ему удалось получить много ценных сведений о разливах Нила. В своих записках он приводит различные мнения относительно истоков этой великой реки, которую египтяне почитали, как божество.

«Когда Нил разливается, — говорит Геродот, — не видно ничего, кроме городов; они кажутся построенными поверх воды и напоминают острова Эгейского моря».

Геродот рассказывает о религиозных обрядах египтян, о том, как они приносят жертвы своим богам и как торжественно справляют праздники в честь богини Изиды в городе Бузирисе, развалины которого видны еще и теперь. Геродот сообщает также, как египтяне почитают диких и домашних животных, считая их священными, и воздают им погребальные почести. С пунктуальностью настоящего натуралиста он описывает нильского крокодила, его повадки, а также способы, с помощью которых крокодилов ловят. Мы узнаем, какие там еще водятся звери и что представляют собой египетский гиппопотам, птица ибис, различные змеи. Геродот рисует домашнюю жизнь египтян, их обычаи, игры, рассказывает об искусстве бальзамирования умерших, которым египтяне владели в совершенстве. Далее он рассказывает о сооружениях, которые были возведены при фараоне Хеопсе: построенном у озера Мериса лабиринте, остатки которого были открыты в 1799 г.; озере Мерисе, созданном руками человека, и двух пирамидах, поднимавшихся над поверхностью его вод; с удивлением повествует Геродот о храмах, воздвигнутых в Мемфисе, о знаменитом колоссе из целого камня, над перевозкой которого из Элефантины¹ в Саис трудились две тысячи человек в продолжение трех лет.

Тщательно изучив Египет, Геродот направился в другие страны Ливии, то есть Африки, но при этом молодой путешественник

¹ Остров Э л е ф а н т и н а (Слоновой кости) находится на реке Нил, у первых порогов, на границе Египта и Судана.

даже не предполагал, что Африка простирается далеко на юг за тропик Рака; он верил, что финикийцы могли огибать этот материк и возвращаться в Египет через Гибралтарский пролив¹.

Рассказывая о народах, населяющих Ливию, Геродот упоминает пастушеские племена, кочующие вдоль берегов Африки, и называет также аммонийцев, которые живут в глубине страны, в местах, изобилующих хищными зверями. Аммонийцы построили знаменитый храм Зевса Аммонского, развалины которого были открыты на северо-востоке Ливийской пустыни, в пятистах километрах от города Каира². Путешественник подробно описывает также обычаи и нравы ливийцев и сообщает, какие животные водятся в этой стране: змеи страшной величины, львы, слоны, рогатые ослы (вероятно, носороги), обезьяны-павианы — «звери без головы, с глазами на груди», лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, пантеры и т.д.

По Геродоту, Ливия населена двумя народами: ливийцами и эфиопами. Но действительно ли он путешествовал по этой стране? Историки в этом сомневаются. Скорее всего, многие подробности он записал со слов египтян. Хотя, без сомнения, он действительно плывал к городу Тиру, в Финикии, так как дает вполне точные описания. Кроме того, путешественник собрал сведения, по которым составил краткое описание Сирии и Палестины.

Вслед за тем Геродот спускается на юг — в Аравию, страну, называемую им азиатской Эфиопией, то есть в ту часть южной

¹ Здесь автор имеет в виду рассказ Геродота, услышанный им в Египте, о путешествии финикийских мореплавателей вокруг Африки, предпринятом по приказанию египетского фараона Нехао около 600 г. до н. э. Это предприятие не имеет себе равных в истории географических открытий, поэтому мы приведем целиком краткий рассказ Геродота:

«Ливия, оказывается, кругом омывается водою, за исключением той части, где она граничит с Азией; первый доказал это, насколько мы знаем, египетский фараон Нехао. Приостановив прорытие канала из Нила в Аравийский залив [Красное море], он отправил финикийцев на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы столпы [Гибралтарский пролив], пока не войдут в Северное [Средиземное] море и не прибудут в Египет. Финикийцы отплыли из Эритрейского [Красного] моря и вошли в Южное море [Индийский океан]. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так в плавании прошло два года, и только на третий год они обогнули Геракловы столпы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плаванья вокруг Ливии финикийцы имели солнце с правой стороны. Так стала известна Ливия».

² Аммон (Сива) — оазис в Ливийской пустыне.

Аравии, которую он считает последней обитаемой землей. Арабы, живущие на Аравийском полуострове, по его словам, народ строго религиозный. В их стране в изобилии произрастают ценные растения, из которых получают ладан и мирру. Путешественник сообщает интересные подробности о том, как из этих растений добывают благовонные вещества.

Затем мы встречаем Геродота в странах, называемых им неопределенно то Ассирией, то Вавилонией. Рассказ об этих странах он начинает подробным описанием Вавилона, в котором жили цари со времени разрушения древней столицы Ниневии. Ее развалины сохранились и поныне в виде холмиков, разбросанных по обоим берегам Евфрата, на расстоянии 78 километров к юго-востоку от Багдада. Большая, быстрая и глубокая река Евфрат разделяла тогда Ниневию на две части. В одной возвышался укрепленный царский дворец, в другой — храм Зевса. Далее Геродот говорит о двух царицах Вавилона — Семирамиде и Никтокриде; потом описывает ремесла и земледелие, сообщая, как возделывают в этой стране пшеницу, ячмень, просо, кунжут, виноград, смоковницу и пальмовые деревья.

Изучив Вавилон, Геродот отправился в Персию и, так как целью его путешествия было собрать точные сведения о продолжительных греко-персидских войнах, то он посетил те места, где происходили битвы, чтобы получить на месте все необходимые ему подробности. Эту часть своей истории путешественник начинает с описания обычаев персов. В отличие от других народов они не придавали своим богам человеческой формы, не воздвигали в их честь ни храмов, ни жертвенников, довольствуясь исполнением религиозных обрядов на вершинах гор.

Он описывает, наконец, их домашние нравы, их пренебрежение мясом, склонность к лакомствам, пристрастие к вину, привычку обсуждать серьезные дела, чрезмерно выпив; персы любят удовольствия, ценят воинскую доблесть, серьезно относятся к воспитанию детей, уважают право на жизнь всякого, даже раба; они терпеть не могут лжи и долгов, презирают прокаженных. Заболевание проказой служит для них доказательством, что «несчастный согрешил против Солнца».

Индия Геродота, по словам Вивьена де Сен-Мартена¹, ограничивается странами, орошаемыми пятью притоками теперешнего Панджнада, и территорией Афганистана. Туда и направил свой

¹ Вивьен де Сен-Мартен (1802 — 1897) — французский географ, автор известного труда «Очерк всеобщей географии» и других работ.

путь молодой путешественник, покинув Персидское царство¹. Индийцы, по его мнению, являются самым многочисленным из известных народов. Одни из них ведут оседлый образ жизни, другие постоянно кочуют. Племена, обитающие на востоке этой страны, как утверждает Геродот, не только убивают больных и стариков, но якобы даже и поедают их. Племена, живущие на севере, отличаются храбростью и искусством в ремеслах. Их земля богата золотым песком.

Исследователь полагает, что Индия есть последняя обитаемая страна на Востоке. Круглый год климат ее так же благодатен, как и в Греции, находящейся на противоположном конце земли.

Затем неутомимый Геродот отправился в Мидию², где составил историю мидийцев, первого народа, свергнувшего иго ассирийцев. Мидийцы основали огромный город Экбатану (Хамадан), окруженный семью рядами стен. Перевалив через горы, отделявшие Мидию от Колхиды, греческий путешественник проник в страну, прославленную подвигами Ясона³, и изучил со свойственной ему добросовестностью ее нравы и обычаи.

Геродот, по-видимому, был хорошо знаком с очертаниями Каспийского моря. Он говорит, что оно «само по себе и не имеет никакого сообщения с другим». Каспий, по его словам, ограничен на западе Кавказскими горами, а на востоке обширной равниной, населенной массагетами, которые, вероятно, принадлежали к скифскому племени. Массагеты поклонялись солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Геродот упоминает также большую реку Аракс, впадающую в Каспийское море.

Потом путешественник попадает в Скифию. Скифы, по определению Геродота, — различные племена, населяющие обширное пространство между Дунаем и Доном, то есть значительную часть Европейской России. Наиболее многочисленным и сильным Геродот называет племя «царских скифов», занимавшее берега реки Танаис (Дона), кроме того, он упоминает о племенах скифов-

¹ По Афганистану и Индии Геродот не путешествовал; сведения об этих странах он собрал в Вавилоне.

² Мидия была расположена к югу от Каспийского моря. При персидском царе Кире (ок. 558 — 529 гг. до н. э.) вошла в состав Персии. Главный город — Экбатана.

³ Ясон — в греческой мифологии предводитель похода аргонавтов за золотым руном. По одному варианту мифа — погиб под обломками корабля Арго, по другому — покончил самоубийством. Миф об аргонавтах, предпринявших плавание из Греции в Колхиду (восточное побережье Черного моря), является отражением истории ранней греческой колонизации (VIII — VII вв. до н. э.).

кочевников и скифов-хлебопашцев. Хотя путешественник и перечисляет различные скифские племена, подробно описывает их обычаи, но неизвестно, посетил ли он лично страны, расположенные к северу от Понта Евксинского¹. На греческого исследователя неизгладимое впечатление произвел Понт Евксинский — это «гостеприимное море». Геродот определяет размеры Черного моря, Босфора, Пропонтиды² и Азовского моря, и его определения почти верны. Он перечисляет большие реки, впадающие в Черное море: Истр, или Дунай; Борисфен, или Днепр; Танаис, или Дон.

Путешественник передает много мифов о происхождении скифского народа, причем в них большая роль отводится Геркулесу. Описание Скифии он заканчивает рассказом о браках скифов с воинственными женщинами из племени амазонок, чем и можно, по его мнению, объяснить скифский обычай, состоящий в том, что девушка не может выйти замуж, пока не убьет врага.

Из Скифии Геродот прибыл во Фракию³, где узнал о хеттах — самом мужественном народе, населявшем эту страну, затем совершил путешествие по Греции, предполагая собрать недостающие сведения для своей истории. Посетив местности, в которых происходили главные события греко-персидских войн, в том числе Фермопильский проход, Марафонское поле и Платею, путешественник затем возвратился в Малую Азию и объехал ее побережье, исследуя многочисленные колонии, основанные там греками.

Вернувшись 28 лет от роду на родину, в Галикарнас, исследователь принял участие в народном движении против тирана Лигдамиса и содействовал его свержению. В 444 г. до н. э. Геродот присутствовал на Панафинейских празднествах и прочитал там отрывки из описания своих путешествий, вызвав всеобщий энтузиазм. Под конец своей жизни он удалился в Италию, в Туринум, где и умер в 426 г. до н. э., оставив по себе славу знаменитого путешественника и еще более знаменитого историка.

¹ Черное море древние греки первоначально называли Понтом Аксинским (негостеприимным) из-за сильных и частых бурь. Впоследствии, когда греки колонизовали черноморские берега, море было переименовано в Понт Евксинский (гостеприимное).

² Пропонтида (буквально: «лежащая перед Понтом») — Мраморное море.

³ Фракия — страна, находившаяся на севере Балканского полуострова; ее берега с востока омывались Черным морем, с юга — Эгейским.

...После Геродота мы перешагнем через полтора столетия, упомянув о враче по имени Ктесий, современнике Ксенофонта¹. Ктесий написал отчет о своем путешествии по Индии, хотя и нет достоверных сведений о том, что он его действительно совершил.

Придерживаясь хронологического порядка, перейдем теперь к Пифею из Массилии — путешественнику, географу и астроному, одному из ученейших мужей своего времени. В 340 г. до н. э. Пифей отважился пуститься в путь по водам Атлантического океана, снарядив всего один корабль. Вместо того чтобы следовать вдоль берегов Африки к югу, как это делали обычно его карфагенские предшественники, мореплаватель отправился на север, где занялся изучением берегов Иберийского полуострова² и побережья страны кельтов, вплоть до гранитного мыса Финистерре. Затем Пифей вошел в пролив Ла-Манш и пристал к острову Альбион³. Он познакомился с жителями этого острова, которые, по его словам, отличались добродушием, честностью, умеренностью и изобретательностью. Они вели торговлю оловом, за которым сюда приезжали торговцы из отдаленных стран.

Продолжая путь к северу, Пифей миновал Оркнейские острова, расположенные у северной оконечности Шотландии, и поднялся на такую широту, где «летом ночь не превышала двух часов». После шестидневного плавания по Северному морю путешественник достиг земли, известной с тех пор под названием Крайнее Туле (Ultima Thule). По-видимому, это был полуостров Скандинавия. Но продвинуться севернее Пифей уже не смог. «Дальше, — говорит он, — не было ни моря, ни земли, ни воздуха».

Исследователь вынужден был повернуть обратно, но путешествие его на этом не закончилось: он поплыл на восток и прибыл к устью Рейна, где жили остионы, а еще далее германцы. Оттуда он добрался до устья большой реки, которую он назвал Таисом (вероятно, это была Эльба), а затем отплыл обратно в Массилию и вернулся в свой родной город через год после того, как его покинул.

¹ Ксенофонт — греческий историк конца V — первой половины IV в. до н. э., автор «Греческой истории», «Анабасиса» и других произведений.

² Иберия — древнее название Испании.

³ Альбион — древнее название острова Великобритания, что в переводе значит «Белый остров» (название дано Пифеем из-за меловых скал, возвышающихся над Ла-Маншем).

Замечательный путешественник Пифей был и выдающимся ученым; он первым доказал влияние Луны на морские приливы и отливы и заметил, что Полярная звезда не занимает в небесном пространстве точки, которая находится над самым земным полюсом, что и было впоследствии подтверждено наукой.

Спустя несколько лет после Пифея, около 326 г. до н. э., прославился своими исследованиями другой греческий путешественник — Непарх с острова Крит. В качестве командующего флотом Александра Македонского он получил приказ объехать все побережье Азии от Инда до Евфрата.

Идея о такой экспедиции была вызвана необходимостью установить сообщение между Индией и Египтом, в чем Александр, находившийся в это время со своей армией в 800 милях от берега, в верховьях Инда, был крайне заинтересован. Полководец снарядил для Непарха флот, состоявший из тридцати трех двухпалубных галер и большого числа транспортных судов, на которых разместились две тысячи человек. В то время как Непарх плыл со своим флотом вниз по Инду, армия Александра шла за ним по обоим берегам. Достигнув через четыре месяца Индийского океана, Непарх поплыл вдоль берега, составляющего ныне границу Белуджистана.

Непарх пустился в море второго октября, не дождавшись зимнего попутного муссона, который мог бы благоприятствовать его плаванию. Поэтому за сорок дней путешествия Непарху едва удалось проплыть 80 миль к западу. Первые его стоянки были сделаны в Стуре и в Кореестисе; названия эти не соответствуют ни одному из нынешних селений, расположенных в тех местах. Далее он приплыл к острову Крокала, лежащему неподалеку от современной Карантийской бухты. Разбитый бурями флот укрылся в естественной гавани, которую Непарх вынужден был укрепить «для защиты от нападения дикарей».

Двадцать четыре дня спустя флотоводец Александра Македонского вновь поднял паруса и пустился в море. Сильные бури заставляли его делать частые остановки в различных местах побережья и защищаться от нападений арабитов, которых восточные историки характеризовали как «варварский народ, носящий длинные волосы, отпускающий бороды и похожий на фавнов или медведей».

До этих пор ничего серьезного с македонским флотом не случилось, пока 10 ноября ветер, дувший с необыкновенной силой с моря, не погубил две галеры и одно парусное судно. Непарх тогда

приказал идти к острову Крокала, где дождался эскадры с зерном, которую направил к нему Александр. На каждый корабль был погружен десятидневный запас продовольствия.

После многих приключений и стычек с прибрежными племенами мореплаватель пристал к земле оритов, носящей в современной географии название мыса Моран. «В этой области, — замечает Неарх, описывая свое путешествие, — солнце в полдень освещало все предметы вертикально, и они не отбрасывали тени». Но путешественник, по-видимому, ошибается, так как в это время года дневное светило находилось не в Северном полушарии, а в Южном, на тропике Козерога, кроме того, корабли македонцев плыли на расстоянии всего нескольких градусов от тропика Рака; следовательно, даже летом в этих областях солнце в полдень не могло освещать предметы вертикально.

Вскоре установился северо-восточный муссон, и плавание продолжалось в благоприятных условиях. Неарх следовал вдоль берегов страны ихтиофагов, то есть «людей, питающихся рыбой», — довольно жалкого племени, которое, за бедностью пастбищ, вынуждено было кормить своих овец дарами моря. Здесь флот Неарха начал испытывать недостаток в продовольствии. Обогнув мыс Посми, Неарх взял на свою галеру туземного кормчего. Подгоняемые береговыми ветрами корабли Неарха успешно продвигались вперед. Берег становился менее бесплодным. Там и сям попадались деревья. Неарх причалил к городу ихтиофагов, названия которого он не указывает, и, внезапно напав на жителей, силой захватил у них съестные припасы, в которых так нуждался его флот.

Затем корабли прибыли в Каназиду, иначе говоря, город Чурбар. Развалины этого города и теперь еще можно видеть возле залива того же названия. К тому времени хлеб у македонцев был уже на исходе. Напрасно Неарх останавливался в Канате, в Трое и в Дагазире — ему ничего не удалось добыть у этих нищих народов. У мореплавателей не было больше ни мяса, ни хлеба, и все же они не решались есть черепах, которыми изобиловали эти страны.

Почти у входа в Персидский залив флоту встретило большое стадо китов. Испуганные матросы хотели повернуть галеры вспять, но Неарх на своем корабле смело выступил навстречу морским чудовищам, которых удалось разогнать.

Достигнув Кармании¹, корабли отклонились к северо-западу.

¹ Кармания — область на юге Ирана; по представлению древних, была населена кочевниками, питающимися рыбой (ихтиофаги).

Берега здесь были плодородны — всюду попадались хлебные поля, обширные пастбища, фруктовые деревья. Неарх бросил якорь у Бадиса, нынешнего Яска. Затем, обогнув мыс Масета, или Муссендон, мореплаватели оказались у входа в Персидский залив, который Неарх, подобно арабским географам, ошибочно называет Красным морем.

В гавани Гармосия (Ормуз) Неарх узнал, что армия Александра находится на расстоянии пяти дней пути. Высадившись на берег, он поспешил присоединиться к завоевателю. Александр, не получая в течение двадцати одной недели никаких известий о своем флоте, уже не надеялся его увидеть. Можно представить себе радость полководца, когда до неузнаваемости исхудавший Неарх предстал перед ним целым и невредимым! Чтобы отпраздновать его возвращение, Александр велел устроить гимнастические игры и принести богам обильные жертвы. Затем Неарх снова отправился в Гармосию, где оставил свой флот, чтобы оттуда плыть в устье Евфрата.

Плывя по Персидскому заливу, флот македонцев приставал ко многим островам, а затем, обогнув мыс Бестион, прибыл к острову Кейшу, на границе Кармании. Далее начиналась Персия. Корабли Неарха, следуя вдоль персидского побережья, останавливались в разных местах, чтобы запастись хлебом, который посылал сюда Александр.

После нескольких дней плавания Неарх прибыл к устью реки Эндиана, затем достиг реки, вытекающей из большого, кишящего рыбой озера Катадербис и, наконец, бросил якорь близ вавилонского селения Дегела, недалеко от устья Евфрата, проплыв, таким образом, вдоль всего персидского побережья. Здесь Неарх вторично соединился с армией Александра Македонского, который щедро его наградил и назначил начальником всего своего флота. Полководец хотел также предпринять исследование арабского берега Персидского залива, вплоть до Красного моря, и проложить морской путь из Персии и Вавилона в Египет, но смерть помешала ему осуществить этот план.

Неарх оставил описание своего путешествия, к сожалению, не сохранившееся. Подробный отчет о его плаваниях содержится в книге греческого историка Флавия Арриана¹ «История Индии», которая дошла до нас в отрывках.

¹ Арриан Флавий (около 95 — 175 гг. н. э.) — греческий писатель римского периода, историк и географ. Главные сочинения: «Анабасис Александра» (История походов Александра Македонского) и «История Индии».

Неарх, как полагают, был убит в битве при Ипсе. Он оставил по себе славу искусного морехода, а его путешествие составляет важную страницу в истории мореплавания.

Теперь следует упомянуть о смелом предприятии греческого географа Евдокса, жившего во II в. до н. э. Посетив Египет и берега Индии, этот отважный путешественник возымел намерение объехать вокруг Африки, что, однако, удалось осуществить только шестнадцать столетий спустя португальскому мореплавателю Васко да Гаме.

Евдокс нанял большой корабль и два баркаса и пустился по незнакомым водам Атлантического океана. Как далеко он довел свои суда? Это трудно определить. Как бы то ни было, познакомившись с туземцами, принятыми за эфиопов, мореплаватель возвратился в Мавританию¹, а оттуда переправился в Иберию и занялся приготовлениями к новому обширному путешествию вокруг Африки. Было ли совершено это путешествие? Сомнительно. Нужно сказать, что этот Евдокс, человек безусловно отважный, большого доверия не заслуживает. Во всяком случае, ученые его не принимают всерьез.

Из древних путешественников нам остается упомянуть имена Цезаря и Страбона. Юлий Цезарь², родившийся в 100 г. до н. э., был прежде всего завоевателем и не ставил своей целью исследование новых стран. Напомним только, что в 58 г. до н. э. он начал покорять Галлию и через 10 лет привел свои легионы к берегам Великобритании, которую населяли народы германского происхождения.

Что касается Страбона, родившегося в Каппадокии³ около 63 г. н. э., то он известен скорее как географ, чем путешественник. Однако исследователь проехал Малую Азию, Египет, Грецию, Италию и долго жил в Риме, где и умер в последние годы царствования Тиберия. Страбон оставил «Географию», разделенную на семнадцать книг, большая часть которой сохранилась до нашего времени. Это сочинение вместе с сочинениями Птолемея составляет наиболее важный памятник древнегреческой географии.

¹ Мавритания — область на северо-западном побережье Африки. В начале I в. н. э. стала римской провинцией.

² Цезарь Юлий (полное имя Гай Юлий Цезарь) — римский император, один из самых крупных государственных деятелей Древнего Рима, политик, полководец, писатель.

³ Каппадокия — название местности, расположенной в юго-восточной части полуострова Малая Азия.

Глава вторая

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОТ I ДО IX ВЕКА

*Павсаний (174). – Фа Сянь (399). – Косма Индикоплов (547). –
Аркульф (700). – Виллибард (725). – Сулейман (851).*

Плиний, Гиппал, Арриан, Птолемей. – Павсаний посещает Аттику, Коринфию, Лаконию и другие города Эллады. – Фа Сянь исследует Хотанское царство, Афганистан, Северную Индию, Пенджаб, Цейлон и Яву. – Косма Индикоплов и «Христианская топография вселенной». – Сулейман обзревает Оманский залив, Цейлон, Суматру, Сиамский залив и Южно-Китайское море.

В течение первых двух веков нашей эры география как наука сделала заметные успехи, но путешественников — открывателей новых земель — было в ту эпоху очень мало.

Плиний Старший (23 — 79 гг. н. э.) посвятил географии третью, четвертую, пятую и шестую книги своей «Естественной истории».

В начале правления Тиберия (14 — 37 гг. н. э.) римский купец Гиппал установил закономерность движения муссонов в Индийском океане и научил мореплавателей пользоваться направлением этих ветров. Он поясняет в своем труде «Плавание вокруг Эритрейского моря»¹, как можно, плывя по открытому морю, достичь Индии и вернуться обратно в течение одного года.

Греческий историк Арриан (около 95 — 175 гг. н. э.) составил свое «Описание путешествия по Понту Евксинскому», в котором попытался охарактеризовать страны, открытые предшествующими исследователями.

Клавдий Птолемей, грек, живший в Египте во II в., систематизировал труды предшественников и опубликовал знаменитую «Географию», в которой попытался определить широты и долготы всех известных ему городов и местностей, опираясь на математические данные.

Первым путешественником нашей эры, имя которого сохранилось в истории, был греческий писатель Павсаний. Он жил в Риме во II в. и много путешествовал по римским и греческим провинциям. Описание своих путешествий, составленное в форме по-

¹ Эритрейским морем римляне называли северную часть Южного моря (Индийского океана).

дробного путеводителя, он опубликовал в десяти книгах около 180 г. Путеводитель был настолько подробен, что, руководствуясь им, туристы второго века легко могли объехать все провинции Греции.

С предельной скрупулезностью Павсаний описывает Аттику¹ и Афины со всеми памятниками, гробницами, арками, храмами, крепостью, ареопагом², академией и т. п. От Аттики он переходит к Коринфу и исследует острова Эгейского моря, затем приводит тщательное описание Лаконии³ и Спарты⁴, перечисляет названия всех дорог и провинций, городских улиц и площадей. Но к тому, что уже было сделано его предшественниками, Павсанию не удалось добавить ни одного нового открытия. Это был педантичный путешественник, посвятивший свой труд детальному исследованию уже известных земель, а не открытию новых. Тем не менее путеводитель Павсания принес немало пользы: все позднейшие географы и археологи пользовались им при своих исследованиях Элады и Пелопоннеса, и недаром один ученый XVI в. назвал работу Павсания «сокровищем самой древней и самой редкостной эрудиции».

В конце IV в. китайский монах-буддист по имени Фа Сянь посетил страны, лежащие к западу от Китая. Сохранилось подробное, им самим составленное описание путешествия, которое, по мнению Эдуарда Шартона⁵, «представляет тем больший интерес, что заставляет нас отказаться от нашей односторонней точки зрения на западную цивилизацию».

Фа Сянь в сопровождении нескольких монахов, задумав исследовать страны, лежащие на запад от Китая, перебрался через несколько горных хребтов и прибыл в страну, называемую теперь Кан-чу, расположенную недалеко от Великой Китайской стены. Там к Фа Сяню присоединились несколько туземцев. Они перешли реку Сулэхэ, большую пустыню, которую восемьсот лет спустя исследовал Марко Поло⁶. После семнадцатидневного путешествия экспедиция Фа Сяня достигла озера Лоб-нор.

¹ Аттика — юго-восточная часть Средней Греции, где находилась территория Афинского города-государства.

² Ареопаг — высший судебный и контролирующий орган в древних Афинах, названный так по месту собраний («Холм Ареса»).

³ Лакония — область, расположенная на юго-востоке полуострова Пелопоннес.

⁴ Спарта, или Лакедемон — город-государство Древней Греции, расположенное в юго-восточной части Пелопоннеса, в области Лаконии.

⁵ Шартон Эдуард (1807 — 1890) — французский географ, историк географических открытий, издатель журнала «Tour du Monde» («Вокруг света»).

⁶ Автор имеет в виду пустыню Гоби.

Побывав у негостеприимных жителей страны уйгуров, монахи двинулись к юго-западу, в пустынную страну, с большим трудом преодолевая встречные реки. Спустя тридцать пять дней маленький караван прибыл в Татарию — в Хотанское царство, в котором насчитывалось «несколько десятков тысяч монахов». Фа Сянь и его спутники были допущены в монастыри, и после трехмесячного ожидания им посчастливилось присутствовать при торжественном празднестве буддистов и браминов, во время которого по городам Хотанского царства, по усыпанным цветами улицам, среди облаков благоуханий провозили роскошно убранные колесницы с изображениями богов.

Затем Фа Сянь и его спутники направились на юг и прибыли в холодную гористую страну Балистан, в которой, кроме хлебных злаков, не было почти никаких культурных растений. Из Балистана Фа Сянь взял путь в восточный Афганистан и целый месяц блуждал в горах, покрытых вечными снегами. Здесь, по его словам, встречались «ядовитые драконы».

Через горы путешественники переправились в Северную Индию. Исследовав истоки реки Инд, они прибыли в Фо-лу-ша, — вероятно, теперешний город Пешавар, расположенный между Кабулом и Индом, затем — в город Гило, лежащий на берегу небольшого притока реки Кабул.

Во всех этих городах Фа Сянь особое внимание уделял празднествам и обычаям, связанным с культом Фо, а это не кто иной, как Будда.

Оставив Гило, Фа Сянь переправился через хребет Гиндукуш. Стужа в этих горах была такая лютая, что один из спутников Фа Сяня замерз. После многих затруднений каравану удалось добраться до города Бану, который существует и поныне; затем, снова перейдя Инд в средней части его течения, Фа Сянь пришел в Пенджаб. Отсюда, спускаясь к юго-востоку, он пересек северную часть Индийского полуострова и, перебравшись через большую солончаковую пустыню, лежащую на восток от Инда, достиг страны, которую он называет «Центральным царством». По словам китайского путешественника, «здесь жители честны и благочестивы, они не имеют чиновников, не знают законов, не признают смертной казни, не употребляют в пищу никаких живых существ, и в их царстве нет ни скотобоен, ни винных лавок».

Отправившись на юго-восток, Фа Сянь посетил район современного Фарухабада, куда Будда, согласно легенде, спустился с

неба по тройной лестнице со ступенями из драгоценных камней. Набожный путешественник долго распространяется об этом буддийском поверье. Потом он нанес визит в город Канудже, расположенный на правом берегу Ганга, который китаец называет Хен. Эти края были по преимуществу буддийскими. Во всех местностях, где согласно преданиям довелось отдохнуть божеству, верующие воздвигли высокие башни. Паломники не упустили возможности отправиться к храму Чиуан, где в течение двадцати пяти лет Фо подвергал себя добровольному умерщвлению плоти, а возле места, где божество вернуло зрение пятистам слепым, считающегося теперь священным, по свидетельству Фа Синя, «сердца верующих пронизывает острая боль».

Китайские путешественники, продолжая свой путь, посетили Капилау, Горахпур на непальской границе и Кин-и-на-ки — места, прославленные чудесами Фо, и прибыли в дельту Ганга, в знаменитый город Палиан-фу в царстве Магадха. Это была богатая страна, населенная людьми отзывчивыми и справедливыми, любящими философские споры. Забравшись на пик Вотур, возвышающийся над истоками рек Дахдер и Банура, Фа Сянь спустился в долину Ганга, посетил храм Исси-Патен, который иногда навещали «летающие маги», достиг Бенареса в «сияющем царстве» и продолжил путь по реке до города То-мо-ли-ти, расположенного в самом устье, на незначительном расстоянии от места, занимаемого современной Калькуттой.

В это время торговый караван готовился перебраться через море на остров Цейлон. Фа Сянь сел на один из кораблей и после четырнадцатидневного перехода высадился на берегу древней Тапробаны, о которой еще за несколько веков до него сообщал довольно интересные вещи греческий купец Ямбул. Китайский монах обнаружил в этом царстве все легендарные традиции, связанные с богом Фо, и оставался на острове в течение двух лет, занимаясь библиографическими розысками. С Цейлона он отправился на Яву, куда добрался после очень тяжелого перехода по морю, во время которого мореплаватели «не видели ничего, кроме огромных волн, сталкивающихся между собой, сверкания молний, черепах, крокодила, морских чудовищ и прочих чудес».

После пятимесячного пребывания на Яве Фа Сянь отплыл в Кантон, но в пути ему долго мешали встречные ветры; перенеся тысячу тягот, китайский монах высадился на берег в современной провинции Шаньдун, какое-то время прожил в Нанкине, а в

Сиань, свой родной город, вернулся после восемнадцатилетнего отсутствия.

Таково краткое описание этого путешествия, которое впервые перевел с китайского языка французский ученый Абель де Ремюза.

Одним из христианских путешественников, проникших в не известные европейцам края, был александрийский купец Косма (от греческого «космос» — «мир, вселенная») по прозвищу Индикоплов (или Индикоплейст — «Плаватель в Индию»), живший в VI в. Он побывал в Эфиопии, Индии и Западной Азии, после чего, вернувшись на родину, постригся в монахи.

Широкое распространение получило сочинение Космы «Христианская топография вселенной» (около 547 г.).

Косма не сообщает никаких подробностей о своем путешествии. Стремясь опровергнуть теории о нашем мире, противоречащие Священному писанию, он силится доказать, что Земля имеет четырехугольную форму и заключена вместе с другими светилами в большой продолговатый ящик. По его мнению, плоская четырехугольная суша, как крышей, покрыта небесами, которые в свою очередь рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой. Суша окружена океаном, за которым находился некогда рай. Небесные светила передвигаются по своим сферам ангелами, назначенными для этого богом еще при сотворении мира, и т. д.

Описательная часть сочинения Космы посвящена Индии, острову Цейлону, другим азиатским странам и включает рассказы о населяющих эти страны животных. Здесь фигурируют: носорог, бык-олень (должно быть, буйвол), легко поддающийся приручению, дикий бык, кабарга, за которой охотятся, чтобы добывать ее «пахучую кровь» (мускус), единорог, — по мнению Космы, животное отнюдь не химерическое, вепрь, гиппопотам, тюлень, дельфин и черепаха. От животных он переходит к описанию тропических растений. Перечник — кустарник хрупкий и нежный, вроде маленькой виноградной лозы; плоды кокосовой пальмы напоминают приятный вкус свежих орехов и т. п.

С начала христианской эры верующие старались посетить святыне места, колыбель новой религии. Паломничество становилось все более частыми; история сохранила имена видных лиц, посетивших Палестину в первые века христианства.

Один из них, французский епископ Аркульф, живший в конце VII в., оставил обстоятельный рассказ о своем путешествии.

Вначале он описывает топографическое положение Иерусалима, в том числе окружающие священный город стены. Далее паломник повествует о церкви в форме ротонды, построенной над гробницей Иисуса Христа и плитой, ее прикрывающей, церкви Девы Марии, церкви, построенной на горе Голгофе, и базилике Константина, возведенной на месте обретения Животворящего Креста. Все эти различные храмы составляли единое здание, охватывающее как гробницу Христа, так и Голгофу, на которой был распят Спаситель.

Наконец Аркульф спустился в долину Иосафата, расположенную к востоку от города, где возвышался храм, построенный над могилой Девы Марии и могилой Авессалома, который путешественник назвал Иосафатской башней. Потом он забрался на Масличную гору, противостоящую городу со стороны долины, а на этой горе посетил пещеру, в которой молился Иисус. Затем паломник отправился на гору Сион, расположенную за пределами города, у его южной оконечности; по пути он отметил гигантскую смоковницу, на которой, согласно преданию, повесился Иуда Искариот, и посетил соборный храм, ныне разрушенный. Пройдя к источнику Силоам и поднявшись по долине Кедрона, епископ вернулся на Масличную гору, покрытую пыльным ковром злаков, трав и цветов; он описал то место на вершине священной горы, откуда Христос вознесся на небо. Там верующие построили большую церковь, круглую в плане, с тремя изогнутыми портиками, не имеющую ни свода, ни плоской крыши, так и оставшуюся открытой в течение всего года. «Внутреннее пространство храма осталось непокрытым, — говорится в сообщении епископа, — чтобы место это, где в последний раз стояли на земле божественные ступни, перед тем как Спаситель вознесся на облаке в небо, оставалось открытой дорогой, по которой мольбы верующих отправлялись бы прямо к Богу. Потому что, когда строили храм, о котором мы говорим, не смогли замостить, как всю оставшуюся площадь здания, то место, где покоились стопы Господа. Приносили мраморные плиты, но земля не могла вынести ничего, что от людей, и всякий раз отторгала их, если можно так выразиться, прямо в лицо строителям. К тому же, как нестираемый след, поверхность земли хранит еще отпечаток тех божественных стоп, и хотя каждый день посетители пытаются унести с собой эти отпечатки, они тут же восстанавливаются, и земля хранит их вечно».

Добравшись до Вифании, расположенной посреди большой оливковой рощи, где виднелась могила Лазаря и церковь, выстроенная справа от нее, в том самом месте, где Христос обычно беседовал со своими учениками, Аркульф направился в Вифлеем, построенный в двух часах пути от святого города, в южной части долины Зеффраим. Он описал место рождения Спасителя — естественный полугрот, вырытый возле восточного угла города, и воздвигнутый над ним Святой Еленой храм. Далее — могилы трех пастухов, осиянных светом небесным в момент рождения Господа, Рахили, четырех патриархов, Авраама, Исаака, Иакова и первого человека Адама. Потом он посетил Мамбрийскую гору и дуб, в тени которого Авраам принимал ангелов.

Отсюда Аркульф отправился в Иерихон, точнее, в те края, где располагался этот город, стены которого рухнули при звуках труб Иисуса Навина. Епископ обследовал место, где сыны Израилевы, перейдя через Иордан, сделали первую остановку в земле Ханаанской, в храме на Галгале видел двенадцать камней, которые израильтяне по приказу Господа вырыли в пересохшем ручье. Далее он прошел по берегам Иордана и узнал на его правом берегу, возле речной излучины, в часе хода от Мертвого моря, в очаровательной рощице, поросшей великолепными деревьями, место, где Спаситель был крещен Иоанном Предтечей и на котором был установлен крест, во время паводка целиком покрываемый белесыми водами.

Проехав по берегам Мертвого моря и попробовав его соль, разыскав в Финикии, у подножия Ливанских гор, место, где из недр земных появляется Иордан, осмотрев большую часть Тивериадского озера, паломник посетил источник в Самарии, где Христос был поддержан самаритянкой, родник в пустыне, из которого утолял жажду Иоанн Креститель, обширную, «никогда позднее не возделывавшуюся» равнину, где Христос накормил народ пятью хлебами и двумя рыбами. Наконец, Аркульф добрался до Капернаума со стертыми временем следами и прибыл в Назарет, где провел свое детство Христос. Закончил путешествие по собственным святым местам у горы Фавор, расположенной в Галилее.

Далее сообщение епископа содержит географические и исторические подробности о других посещенных им городах: о королевском городе Дамаске, через который текут, «чтобы оживить его», четыре реки, о Тире, финикийской столице, некогда отде-

ленной от материка, но потом соединенной с сушей дамбой Навуходоносора, об Александрии, бывшей в то время столицей Египта, куда путешественник прибыл через сорок дней, после того как покинул Яффу, и, наконец, — о Константинополе, где он часто посещал обширную церковь, в которой хранилось «освященное дерево от креста, на котором был распят и умер Спаситель ради блага рода человеческого».

Отчет о путешествии, записанный под диктовку епископа аббатом Сен-Колумбана, заканчивается обращением к читателям призвать милость Божию на святого прелата Аркульфа, а также помолиться за писца, жалкого подданного вечного судии Христа!

Через несколько лет после французского епископа один английский паломник предпринял такое же путешествие с той же благой целью, совершив его примерно в тех же условиях.

Этого паломника звали Виллибард (или Виллибальд); он принадлежал к знатному роду, жившему, вероятно, в графстве Саутгемптон. Его родители посвятили изнуренного болезнью сына Богу, и вся юность мальчика прошла в набожных трудах в монастыре Вальтхайм. Достигнув зрелости, Виллибард решил отправиться в паломничество в Рим, в храм, посвященный апостолу Петру, и это его намерение побудило Ричарда, его отца, Уимбальда, его брата, и Вальпургию, его юную сестру, присоединиться к нему.

Набожное семейство село на корабль в Хамбльхэйвене весной 721 г. и, перебравшись через Ла-Манш и поднявшись по Сене, высадилось в городе Руане. Виллибард сообщает мало деталей о пути до Рима. Проехав через лигурийский город Кортону, тосканскую Лукку, где Ричард скончался 7 февраля 722 г. от перенесенных в пути тягот, перебравшись зимой через Апеннины, оба брата вместе с сестрой прибыли в Рим, где провели остаток зимы, по очереди перенеся жестокую простуду.

Выздоровев, Виллибард решил продолжить паломничество до святых мест. Он отослал брата с сестрой в Англию, а сам в обществе нескольких монахов отправился дальше. Проехав через Террачину, Гаэту, Неаполь, Реджо-ди-Калабрия, Катанию и Сиракузы, паломники сели на корабль и, пристав по дороге у Коса и Самоса, высадились в Малой Азии, в Эфесе, где находились могилы святого Иоанна Евангелиста, Марии Магдалины и Семи спящих, семи христианских мучеников, казненных в царствование императора Деция.

Пробыв некоторое время в Строболи, Патаре и Митиленах, столице острова Лесбос, путешественники перебрались на Кипр, посетили Пафос и Констансу; наконец семеро паломников оказались в финикийском городе Эдессе, где посетили могилу святого апостола Фомы.

Здесь Виллибарда и его спутников сарацины приняли за лазутчиков и посадили их в тюрьму, но благодаря заступничеству одного испанца были выпущены королем на свободу. Паломники поспешно покинули город, и с этого момента дневник путешествия почти совпадает с реляцией епископа Аркульфа. Виллибард посетил Дамаск, Назарет, Кану Галилейскую, в которой видел чудесные амфоры, гору Фавор — место великого чуда Преображения, Тиверииду, расположенную там, где Господь и Петр шли по волнам, Магдалу, где жили Лазарь и его сестры, Капернаум, где Иисус воскресил княжескую дочь, Вифсаиду Галилейскую, — родину Петра и Андрея, Хоразин, где Господь излечил одержимого, Цезарею, где Святому Павлу был вручен ключ от неба, место, где был крещен Христос, Галгалу, Иерихон и Иерусалим.

Священный город, долина Иосафата, Масличная гора, Вифлем, Фема, где Ирод устроил избиение младенцев, долина Лавра, Газа — вот места поклонения набожных паломников. Во время службы в храме Святого Матфея Виллибард, как он рассказывает, внезапно потерял зрение, но оно вернулось к нему в Иерусалиме, через два месяца, когда паломник входил в храм Святого Креста. Пройдя по Священной долине в десяти милях от Иерусалима, по берегу Сирийского моря через Тир, Сидон и Триполи, Виллибард через Ливанские горы, Дамаск и Цезарею вернулся в палестинский город Эммаус со струящимся источником, в котором Христос омыл свои ноги, и наконец возвратился в Иерусалим, где пилигримы провели всю зиму.

Но неутомимые паломники не собирались этим ограничивать свое путешествие. Позже их увидели в Птолемиде, нынешней Аккре, Эмессе, Дамаске, в Самарии, там, где находились могилы святого Иоанна Крестителя, в Абдиасе и Елисее, в Тире. Здесь, надо признаться, набожный Виллибард обманул таможенников, спрятав под одеждой некоторое количество палестинского бальзама, высоко ценимого в те времена и запрещенного к вывозу. После долгого пребывания в Тире он смог попасть на корабль, отправлявшийся в Константинополь, где оставался вместе со своими товарищами в течение двух лет, а потом наконец вернулся через Сицилию, Ка-

лабрию, Неаполь и Капую. Английский путешественник прибыл в монастырь на Монте-Кассино через десять лет после того, как он покинул родину. Однако для него время отдыха еще не наступило. Папой Григорием III он был назначен епископом во вновь образованное епископство — Франконию. Виллибарду исполнился в то время сорок один год, и он был рукоположен в епископский сан и в продолжение сорока пяти лет занимал епископский престол. Умер он в 745 г. В 938 г. был канонизован папой Львом VI.

Список имен путешественников I — IX вв. мы закончим Сулейманом, арабским купцом из Басры. Он совершил путешествие из Персидского залива через Индийский океан в Китай, посетив попутно остров Цейлон, Суматру, Никобарские и Андаманские острова. Записки Сулеймана, составленные около 851 г., позже были дополнены арабским географом Абу-Зейд-Хассаном и в таком виде приобрели большую известность.

По мнению французского востоковеда Рейно, это сочинение «представило в совершенно новом свете торговые отношения, существовавшие в IX веке между берегами Египта, Аравии, прибрежными странами Персидского залива, с одной стороны, и индийскими и китайскими провинциями — с другой».

Выйдя из Персидского залива, Сулейман вскоре достиг «второго моря» — Аравийского (Оманского залива). Там он видел огромную рыбу, вероятно, кашалота, — его предупредительные мореплаватели отпугивают звоном колокола. Там же была поймана акула, в желудке которой оказалась акула меньших размеров, а в последней — акула еще поменьше, «обе живые», — прибавляет путешественник, не боясь преувеличений. Далее Сулейман говорит о Херкендском море (Индийском океане), простирающемся от Мальдивских островов до Зондского архипелага, насчитывающем, по мнению купца, до тысячи девятисот островов, берега которых усеяны большими кусками амбры. Среди этих островов, находившихся под управлением женщины, он отмечает остров Цейлон с его жемчужной ловлей, Суматру, богатую золотыми рудниками и населенную людоедами, а также Никобарские и Андаманские острова, еще и поныне заселенные племенами каннибалов. «В этом море, — сообщает он, — свирепствуют смерчи, которые расщепляют корабли и выбрасывают на берег огромное количество мертвой рыбы, груды камней и даже целые горы; когда вздымаются волны, море становится похожим на пылающий огонь». Сулейман полагает, что море посещается чудовищем, пожирающим людей.

Выменяв у жителей Никобарских островов железо на кокосовые орехи, сахарный тростник, бананы и кокосовое вино, он переплыл затем Андаманское море, омывающее берега Малакки, и после десятидневного плавания остановился в районе современного Сингапура, чтобы запастись пресной водой. Затем он поднялся к северу по морю Кедрендж — по-видимому, речь идет о Сиамском заливе — и достиг провинции Поуло-Оби, находящейся в южной части Камбоджи.

Здесь глазам арабского купца открылось море Сенф, простирающееся между Молуккскими островами и Индокитаем. Сулейман отправился на остров Сандер-Фулат, запасся там съестными припасами и продолжал свой путь по морю Санджи, или Южно-Китайскому. Месяц спустя он вошел в оживленный китайский порт Сиань-фу (Кантон).

Остальная часть рассказа Сулеймана содержит интересные сведения о быте и нравах индийцев, китайцев и жителей других стран, в которых ему удалось побывать.

Подводя итоги путешествиям и исследованиям последних шести веков до нашей эры и первых девяти веков нового летосчисления, можно сказать, что за это время было исследовано все громадное береговое пространство от Норвегии до Китая — берега Атлантического океана, Средиземного и Красного морей, Индийского океана и Китайского моря.

Не ограничиваясь прибрежной полосой, первопроходцы смело проникали во внутренние области разных стран — от Египта до Эфиопии, от Малой Азии до Кавказа, от Индии до Китая и Монголии.

Хотя путешественникам и не удавалось добиться математической точности в определении географического положения различных мест, которых они достигали, зато они довольно подробно описывали изучаемые обычаи и нравы жителей, религиозные обряды, природные богатства, ремесла, искусства и торговлю многих стран.

Корабли, хорошо ориентируясь в режиме ветров, могли уже с уверенностью пускаться в далекие и опасные плавания. Караваны, используя проложенные пути, стали смело продвигаться во внутренние области отдаленных стран. Таким образом, благодаря всей сумме накопленных знаний, распространяемых стараниями ученых, торговые связи между разными народами и странами в последний период средних веков приняли уже значительные размеры.

Глава третья

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ X — XIII ВЕКОВ

Вениамин Тудельский. — ПIANO Карпини. — Рубрук.

Вениамин Тудельский посещает Марсель, Рим, Константинополь, Иерусалим, Дамаск, Баальбек, Ниневию, Багдад, Вавилон, Басру, Исфахан, Шираз, Самарканд, Тибет, Египет, Германию и Францию. — Джованни дель ПIANO Карпини исследует Куманскую землю и нынешний Туркестан. — Нравы и обычаи татар. — Гильям де Рубрук посещает Азовское море, Волгу, землю башкир, Каракорум, Астрахань и Дербент.

В течение X — начале XI века на севере Европы отмечалось довольно значительное оживление в области географических открытий. Отважные норвежцы и галлы пускались в рискованные плаванья по северным морям и — если верить некоторым более или менее аутентичным рассказам — достигали Белого моря, посещая страны, ныне населенные самоедами. В ряде документов говорится даже о том, что принц Мадок исследовал Американский континент.

В любом случае можно утверждать, что Ирландия была открыта скандинавскими искателями приключений к 861 г., и норманны не стали тянуть с ее колонизацией. В это же время один норвежец нашел убежище на совершенно незнакомой земле, расположенной далеко на запад от Европы; восхищенный ее зеленеющими далями, он назвал эту страну Гренландией, что в буквальном переводе с его родного языка означает «Зеленый край». Однако сообщение с этой частью Американского континента было затруднено, и, говоря словами географа Кули, судно, кажется, «надо было потратить пять лет на дорогу из Норвегии в Гренландию и обратно». Правда, в очень суровые зимы Северный океан замерзал на всем своем протяжении, и некий Холлур-Гейт, ведомый своей козой, смог добраться пешком от Норвегии до Гренландии. Но не будем забывать, что речь идет о временах легендарных, а эти гиперборейские страны отличает богатый фольклор.

Вернемся к фактам реальным, доказанным, неопровержимым и расскажем о путешествии одного испанского еврея, истинность которого подтверждена самими учеными комментаторами.

Из путешественников XII в. наибольшей известностью пользуется Вениамин Тудельский, испанский еврей из города Тудела в Наваррском королевстве, посетивший Марсель, Рим, Валахию, Константинополь, Палестину, Ниневию, Багдад, Вавилон, Шираз, Самарканд, Тибет, Цейлон, Красное море, Египет, Сицилию, Италию, Германию и Францию. За тринадцать лет (1160 — 1173 гг.) он объехал почти весь известный тогда мир. Описание этого путешествия, подробное до мелочей, пользовалось большой популярностью вплоть до XVI в.

Вениамин Тудельский покинул Барселону и через Таррагону, Жерону, Норбон, Безье, Монпелье, Люнель, Пускье, Сен-Жиль и Арль добрался до Марселя. Посетив две синагоги и нанеся визиты первейшим единоверцам этого города, он отправился морем в Геную, куда корабль доставил его через четыре дня. В те времена генуэзцы были хозяевами на морях и вели войну с пизанцами, людьми очень отважными, к тому же, как и генуэзцы (замечает путешественник), не имевшими ни королей, ни князей, а подчинявшимися только судьям, которых они выбирали по своему усмотрению.

Посетив город Лукку, Вениамин Тудельский через шесть дней прибыл в великий Рим. Папой тогда был Александр III, а в числе его министров, согласно рассказу путешественника, были евреи. Среди архитектурных достопримечательностей Вечного города Вениамин Тудельский выделяет собор Святого Петра и базилику Сан-Джованни ин Латерано, но описания его удивительно сухи. Из Рима через Капуа и полузатопленные тогда Поццуоли он отправился в Неаполь, где встретил только пять сотен евреев, живших тогда в этом городе. Потом, оставив за собой Салерно, Амальфи, Беневенто, Асколи, Трани, Сан-Никколо-ди-Бари, Таранто и Бриндизи, он прибыл в Отранто, на берег одноименного пролива, проехав через всю Италию и не сообщив ничего интересного об этой столь интересной стране.

Сколько бы ни было неблагоприятным перечисление городов, не скажем — посещенных, но упомянутых Вениамином Тудельским, нельзя упустить ни одного из них, потому что дневник еврейского путешественника точен, и полезно следить за его маршрутом по карте, специально составленной Лелевелем. От Отранто до валашского Зейтуна этапами его пути стали Корфу, залив Арта, Ахелус, древний этолийский город, греческая Анатолика (в заливе Патрас), город Патрас, Лепанто, Крисса, построенная у подно-

жия Парнаса, Коринф, Фивы, в которых жили две тысячи евреев, лучшие в Греции мастера по выделке шелка и изготовлению пурпуровой краски, потом — Негрепонт и Зейтун.

Именно там, утверждает испанский путешественник, начинается Валахия. Валахи бегают, как косули, и спускаются с гор, чтобы грабить и воровать в греческих землях. Отсюда через Гардики, маленькое селение в заливе Воло, через Армирос, порт, посещаемый венецианцами, греками и пизанцами, через Бисину, город, ныне разрушенный, через Салоники, давние Фессалоники, через Димитрици, Дарму, Хриstopоль, Абидос Вениамин Тудельский прибыл в Константинополь.

Путешественник приводит целый ряд деталей об этой великой столице всех греческих земель.

В то время императором Византии был Эммануил Комнин, живший в роскошном дворце на берегу моря. «Там возвышались, — говорит Вениамин, — колонны из чистого золота и серебра и золотой трон, усыпанный драгоценными камнями, над которым золотая корона, свешивающаяся на золотых цепях, оказывалась как раз на голове императора, когда он садился на престол. Камни, украшавшие эту корону, были столь редки, что никто не мог их оценить, и ночью не было надобности в огне, так как было совершенно светло от блеска этих драгоценностей».

Путешественник сообщает, что купцы стекаются в Константинополь из всех стран, и этот город так густо населен, что его можно сравнить с одним только Багдадом. Жители Константинополя носят шелковые одежды, украшенные дорогим шитьем и золотой бахромой. Когда встречаешь их в этих дорогих нарядах, едущими на лошадях, можно подумать, что это принцы крови, но у них нет ни мужества, ни отваги для ведения войн. На случай нападения или обороны они содержат наемников всех наций, в любую минуту готовых пролить за них свою кровь.

С сожалением Вениамин Тудельский свидетельствует, что евреев в городе нет, их всех переселили за Галатскую башню возле входа в порт. Там их насчитывается чуть меньше двух с половиной тысяч, принадлежат они к двум различным сектам, раббинитам и карайтам, и среди этих людей есть много специалистов по шелкам и богатых купцов; всех евреев греки весьма ненавидят и очень дурно с ними обходятся. Ни один из этих богачей не имеет права ездить верхом, кроме одного, — египтянина Саломона, медика императора.

Из памятников Константинополя Вениамин упоминает о храме Святой Софии, в котором «приделов¹ столько же, сколько дней в году, а колонн и паникадил такое множество, что их невозможно сосчитать». Кроме того, он дает описание ипподрома, в котором для забавы народа показывают борьбу «львов, медведей, тигров, а также диких гусей и многих других птиц».

Покидая Константинополь, Вениамин Тудельский посетил античный Византий, Галлиполи² и Килию³, порт на восточном побережье Дарданелл; потом, устроившись на корабле, он объехал острова архипелага: Митилену⁴, Хиос, торгующий фисташковым соком, Самос, Родос и Кипр. Держа курс на землю Арама, он миновал Мессис⁵, Антиохию, где восторгался системой водораспределения, Латакию и прибыл в Триполи, пострадавший от недавнего землетрясения, ощущавшегося и во всей земле Израиля. Далее путешественник навестил Бейрут, Сидон и Тир, славившийся производством пурпурной краски и стекла, Акру⁶, Хайфу, расположенную близ горы Кармель, где находилась пещера Илии, Капернаум, Цезарею, очень красивый и уютный город, Какон, Самарию, построенную на орошаемой речушками местности, «обильной садами, виноградниками и оливковыми рощами», Наблус, Гаваон; наконец, он прибыл в Иерусалим.

В священном городе испанский еврей не увидел ничего такого, что непременно подметил бы христианин. Для Вениамина Иерусалим остался только маленьким городком, защищенным тремя рядами стен и плотно заселенным иаковитами, сирийцами, греками, грузинами и франками всех наций и языков. В нем есть два госпиталя, один из которых приютил четыреста рыцарей, постоянно готовых к войне, большой храм, представляющий собой могилу «этого человека», как в Талмуде называют Иисуса Христа, и дом, в котором евреи за долговое обязательство могут получить кое-какие поверхностные знания. Впрочем, единоверцев Вениамина Тудельского в Иерусалиме было немного: всего две сотни, да и те жили в закоулке под башней Давида.

Кроме Иерусалима испанец упоминает могилу Авессалома,

¹ Добавочный, обычно боковой алтарь в церкви.

² Город на берегу пролива Дарданеллы, на одноименном полуострове, современный Гелиболу. *(Примеч. перев.)*

³ Современный город Чанаккале. *(Примеч. перев.)*

⁴ Имеется в виду остров Лесбос. *(Примеч. перев.)*

⁵ Современный Мерсин на южном побережье Турции. *(Примеч. перев.)*

⁶ Современная Акка в Израиле. *(Примеч. перев.)*

гробницу Осии, пруд Силоам, недалеко от реки Кедрон, Иосафатскую долину, Масличную гору, с вершины которой виден берег моря у Содомы. В двух фарсангах, или в двух лье, виднелась неразрушенная статуя жены Лота, и путешественник утверждает, что, «хотя проходящие войска регулярно слизывают со статуи соль, она постоянно восстанавливается в первоначальном виде».

Написав свое имя на могиле Рахили — в соответствии с обычаем всех евреев, проходящих мимо этого места, — Вениамин Тудельский направился в Вифлеем, где насчитал двенадцать израэлитских духовных школ, а потом — в Хеврон, город разрушенный и опустевший. На равнине Махпелы он посетил могилы Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Лии, потом проехал через Бет-Яберим, Скилон, гору Мориа, Бет-Нуби, Раму, Яффу, Иамнию, Азот, Аскалон, построенный священником Ездрой, Луз, Сирион, Тивериаду, где расположены теплые источники, «выходящие из недр земных», Гиш, Мером, все еще бывший местом паломничества у евреев, Альму, Кадис, Велинас, расположенный поблизости от пещеры, из которой вытекает Иордан, и, наконец, еврейский путешественник покинул землю Израиля и прибыл в Дамаск.

Вот какое описание дал Вениамин этому городу, где начиналась уже страна Нуреддина, турецкого властителя:

«Город очень велик и очень красив, он окружен стенами; местность на пятнадцать миль в округе обильна фруктовыми садами; на всей земле нет страны более плодоносной. Город расстилается у подошвы горы Гермона, на которой берут начало две реки — Амана и Фарфар; первая протекает через середину города, и из нее проведена вода во все большие дома, на площади и рынки. Дамаск торгует со всем миром. У измаилитов есть в Дамаске мечеть, называемая Гоман-Даммешек, то есть синагога Дамаска. Подобного сооружения нет на земле. Говорят, что когда-то оно было дворцом Бенадада. В этом храме есть стеклянная стена, имеющая триста шестьдесят пять отверстий. Солнце, спускаясь по двенадцати делениям, по числу часов в дне, входит каждый час в одно из этих отверстий, таким образом каждый может узнать, который час». В пределах дворцовой территории находились дома величиной с огромный чан, построенные из золота и серебра; в них могут поместиться по три человека, желающих помыться или искупаться.

Покинув Дамаск, Вениамин Тудельский посетил Баальбек-Небек — Гелиополис греков и римлян, построенный Соломоном;

затем он приехал в Тудмур, или Пальмиру, потом в Газу, сильно разрушенную землетрясением. После этого Вениамин отправился в Месопотамию, посетив Мосул на Тигре, Ниневию и Багдад — столицу и резиденцию арабских калифов.

Багдад очень понравился путешественнику-израэлиту. Это был большой город, занимавший территорию периметром в три мили, на которой высались госпитали для простых больных и для евреев. В нем было множество ученых людей — философов, изощренных в науках любого сорта, и опытных магов, знающих все виды колдовства. Город был столицей и резиденцией халифа, а им в то время был, как считают некоторые комментаторы, Мостайджед, владевший западной Персией и долиной Тигра. Халиф жил в просторном дворце посреди парка, орошавшегося одним из притоков Тигра и заселенного дикими животными. Этого суверена, с некоторых точек зрения, можно считать образцом для всех властелинов мира. Он был порядочным человеком, правдолюбом, приветливым и учтивым ко всем встречным. Властитель жил трудом рук своих, изготавливая покрывала, снабженные его личной печатью, и посылал принцев продавать их на городском базаре, чтобы покрыть расходы на питание придворных. Из дворца своего он выходил только один раз в году, в праздник рамадана, направляясь в мечеть, расположенную у Басреких ворот, где, исполняя функции имама, разъяснял своему народу Писание, потом возвращался во дворец по другой дороге, и она в течение целого года тщательно охранялась, дабы какой-нибудь прохожий не осквернил его следы. Все братья халифа жили в одном с ним дворце; к каждому из них относились с величайшим почтением; во владение им были отданы города и поместья, доходы с которых позволяли им вести приятную жизнь. Но когда однажды они взбунтовались против своего государя, то все оказались в кандалах, а перед их домом была поставлена стража.

Отметив такие подробности, Вениамин Тудельский пересек этот уголок азиатской Турции, орошаемый Тигром и Евфратом, и добрался до руин Вавилона, улицы которого раскинулись на тридцать миль в округе. По дороге он видел огненную печь, в которую были брошены Анания, Мисаил и Азария, городок Хилла и Вавилонскую башню, описанную им так: «Есть там башня, которую строили рассеянные. Сделана она из кирпичей; ширина ее основания около двух миль; ширина самой башни двести сорок

локтей, а высота ее сто «палок»;¹ через каждые десять локтей были устроены дороги, поднимавшиеся кверху наподобие раковины улитки. С этой башни открывался вид вдаль на двадцать миль, поскольку страна эта обширная и плоская; но огонь небесный пал на эту башню, снес ее до основания и сровнял с землей».

От Вавилонской башни путешественник отправился к синагоге Иезекииля, что на берегу Евфрата, подлинной святыне, к которой приходят верующие, чтобы прочесть великую книгу, написанную рукой пророка. Потом, только проехав через Алькотзонат, Айн-Иафату, Лефрас, Кефар, Куффу², Суру, в которой когда-то находился известный еврейский университет, Шафйатиб, синагога которого построена из камней Иерусалима, он пересек Йеменскую пустыню³, достиг Темы, Тилимаса, Хайбара, в котором считывалось пятьдесят тысяч израэлитов, Уасета, а потом наконец прибыл в Басру, порт на Тигре⁴ почти у впадения реки в Персидский залив.

Об этом важном торговом городе путешественник не сообщает никаких подробностей; отсюда он, вероятно, направился в Карну, где посетил могилу пророка Ездры, а потом — в Персию, где прожил некоторое время в Хузестане — крупном городе, частично разрушенном, разделенном Тигром на два квартала: богачей и бедняков, причем через реку переброшен мост, на котором из соображений справедливости подвешен гроб Даниила.

Вениамин Тудельский продолжил свое путешествие по Персии через Рудвар, Холуан, Мулехет, Амарию, где начинается Мидия. В этом месте, рассказывает он, появился этот обманщик царь Давид, мастер по фальшивым чудесам, бывший не кем другим, как еврейским Иисусом. Потом через Хамадан, где возвышаются гробницы Мардохая и Эсфирь, и через Дабрестан он прибыл в Исфаган, столицу царства, насчитывающую в окружности двенадцать миль.

Далее рассказ путешественника не отличается определенностью: следя за его записками, мы видим его то в Ширазе, то в Самарканде, то у подошвы Тибетских гор. Отсюда Вениамин воз-

¹ «П а л к а» (фр. caine a mesurer) — мера длины, межевая и торговая, распространенная в старые времена в ряде стран, в том числе и на юге Франции, и равная 180 см. (Примеч. перев.)

² Современный город Эль-Куфа на Нижнем Евфрате. (Примеч. перев.)

³ Судя по всему, речь все же идет об иракской Южной пустыне. (Примеч. перев.)

⁴ По современным представлениям, Басра находится на р. Шатт-эль-Араб, образованной слиянием Тигра и Евфрата. (Примеч. перев.)

вратился в Низампур и Хузестан на берегах Тигра; затем, после двухдневного плавания, он достиг Эль-Катифа — арабского города у Персидского залива, где добывают жемчуг. Переправившись через Оманское море, Вениамин прибыл в Хулан (теперь Куилон) на Малабарском берегу Индостана.

Наконец-то Вениамин Тудельский добрался до Индии, царства поклонников Солнца, детей Куша, созерцателей звезд. Эта страна производила перец, корицу, имбирь. Через двадцать дней после того, как он оставил Хулан, еврейский путешественник появился на острове Синраг, то есть на Цейлоне, жители которого были фанатичными огнепоклонниками.

Нет доказательств, что с Цейлона Вениамин Тудельский смог попасть в Китай, упоминаемый им в записках. Он считает переезд по морю слишком опасным. Множество кораблей гибнет, и вот единственное средство, избавляющее от опасности, которое перевозит наш путешественник: «С собой в дорогу берут изрядное количество бычьих шкур; если судну угрожает ветер, каждый, кто хочет спастись, заворачивается в одну из этих шкур, зашивая ее изнутри, стараясь, чтобы туда не проникла вода, а потом бросается в море; тогда один из тех больших орлов, которых называют грифонами, замечает эту шкуру и, полагая, что видит животное, спускается, хватая ее и относит на сушу, на какую-нибудь гору или в долину, где он вознамерился сожрать добычу; тогда зашитый в шкуру человек проворно убивает орла ножом и, выбравшись из шкуры, идет до ближайшего населенного пункта. Этим способом спаслось очень много людей».

Далее мы встречаем Вениамина Тудельского снова на Цейлоне и вслед за тем — на острове, по всей вероятности Сокотре, при входе в Аденский залив. Переправившись после этого через Красное море, он приехал в Абиссинию, которую называет «Индией на суше», а спустившись затем вниз по течению Нила, достигает вслед за тем местечка Холван, откуда через знойную пустыню Сахару прибывает в Каир.

Каир, по словам путешественника, — большой город, украшенный площадями и лавками; там никогда не бывает дождя, но Нил, выходящий ежегодно из берегов, орошает страну на пространстве «пятнадцати дней пути», что и делает ее необыкновенно плодородной.

Из Каира Вениамин проехал в Александрию, основанную некогда Александром Македонским. «Александрия, — говорит он, —

большой торговый город, куда съезжаются купцы со всех частей света; город этот чрезвычайно многолюден, а улицы его так длинные, что кажутся бесконечными. В море, на целую милю от берега, выдается плотина, на которой стоит высокая башня, сооруженная еще Александром Великим; на ее вершине установлено стеклянное зеркало, в которое можно видеть находящиеся на расстоянии пятидесяти дней пути корабли, идущие из Греции или с запада». «Эта священная башня, — добавляет Вениамин, — еще и теперь служит маяком для всех плывущих в Александрию, так как она видна за сто миль не только днем, но и ночью благодаря большому светильнику, горящему на ее вершине».

Дамиетта, Сунбат, Элах, Рефидим, поселок Тор у подножия Синая — все эти места посетил еврейский путешественник. Вернувшись в Дамиетту, он вышел в море и двадцать дней спустя высадился в Мессине. Все еще желая продолжить перепись своих единоверцев, он проехал через Рим и Лукку до Морьена, на Сен-Бернаре; он перечисляет множество немецких и французских городов, где нашли убежище евреи; позднее Шатобриан, используя путевые заметки Вениамина Тудельского, определил численность беглецов в семьсот шестьдесят восемь тысяч сто шестьдесят пять человек.

Наконец, путешественник говорит о Париже, который он, без сомнения, посетил, — городе, находящемся под властью короля Людовика и расположенном на берегах Сены. «Здесь сосредоточены, — пишет он, — ученики мудрецов, не имеющих сегодня равных себе на всей земле, день и ночь корпящих над изучением права; они гостеприимны ко всем иностранцам и показывают свою дружелюбность и братство ко всем своим еврейским сотоварищам».

Таким было путешествие Вениамина Тудельского. Записки о его странствиях являются значительным памятником географической науки середины XII в.; используя современные названия городов, мы смогли легко проследить маршрут по карте.

Следуя хронологическому порядку, после Вениамина Тудельского мы должны назвать итальянского путешественника, монаха-францисканца Джованни дель Плано Карпини, которого обычно именуют просто Карпини. Он родился около 1182 г. в городе Умбрии. В 1245 г., когда ему было уже шестьдесят три года, он предпринял путешествие в Центральную Азию, к великому монгольскому хану.

Всем известны завоевания и опустошения, произведенные монгольскими ордами под предводительством властолюбивого Чингисхана. В 1206 г. этот грозный завоеватель избрал столицей своего царства Каракорум¹ — древний тюркский город в сердце Азии, расположенный на реке Орхон, у северных границ Китая. При преемнике Чингисхана, Угедее, монгольское владычество простиралось до Центрального Китая, и этот хан с шестисоттысячным войском нахлынул на Европу. Россия, Грузия, Польша, Моравия, Силезия и Венгрия стали ареной кровавых битв, кончившихся в пользу Угедая. На жестоких монголов европейцы смотрели, как на дьяволов, вырвавшихся из бездны преисподней.

Наступление монголов взволновало папу римского, задумавшего если не заключить союз с татарами, то хотя бы выведать их дальнейшие намерения. С этой целью папа Иннокентий IV и отправил к татарскому хану свое первое посольство, которое привезло от хана высокомерный и малоутешительный ответ. Тогда папа решил послать к хану второе посольство, поручив эту миссию францисканскому монаху Джованни дель Пано Карпини, слывшему умным и тонким дипломатом. Сопровождать его должен был монах Стефан Богемский.

Карпини отправился в свое далекое путешествие 6 апреля 1245 г. из Лиона — тогдашней резиденции папы. Сначала он нанес визит чешскому королю Венцеславу, который дал ему грамоту к своим родным в Польшу. Карпини и его спутники без каких-либо затруднений достигли владений русского князя, где, по совету последнего, приобрели меха бобров и других пушных зверей, чтобы принести их в дар татарским вельможам. С этими подарками Карпини направился на северо-восток и прибыл в Киев, тогдашнюю столицу России, не без опасений нападения литовцев, сущих врагов креста, наводнивших в то время русские края.

Везде были видны следы страшного опустошения. Карпини пишет об этом так: «...Татары вступили в землю язычников-турок; победив их, они пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси; после долгой осады они взяли его и убили жителей города. Поэтому, когда мы ехали через их землю, мы находили в поле бесчисленное количество

¹ Каракорум — древнемонгольский город, столица государства Чингисидов в XIII в., расположен в верховьях р. Орхон, притока Селенги. В настоящее время — городище (развалины).

голов и костей мертвых людей. Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь разорен почти дотла: едва существует там двести домов, а людей татары держат в самом тяжком рабстве. Уходя отсюда, они опустошили всю Русь»¹.

Киевский князь предложил Карпини переменить лошадей на татарских, привыкших находить траву под снегом, и на этих выносливых животных тот достиг города Данилова. Там Карпини опасно заболел. Поправившись, он купил телегу и продолжал путь. Приехав в Канев на Днепре, послы очутились в первом селении Монгольского царства. Отсюда наместник хана, смягченный подарками, приказал проводить их в татарский лагерь.

Татары, встретившие послов сначала весьма недружелюбно, направили их к своему начальнику, стоявшему во главе авангарда шестидесятитысячного войска. Тот в свою очередь отослал их под стражей к Батью, главному начальнику и самому могущественному после великого хана властителю.

По пути для них были везде приготовлены свежие лошади; путешествие продолжалось днем и ночью, почти без остановок. Таким образом Карпини проехал через всю страну, лежащую между реками Днепр, Дон, Волга и Яик (Урал), и прибыл наконец ко двору хана Батя.

«Прежде чем повести к хану, — рассказывает Карпини, — нас предупредили, что нам нужно будет пройти между двух огней, чтобы сила огня очистила нас от дурных намерений и от яда, в случае злого умысла против хана, на что мы и согласились, дабы снять с себя всякое подозрение».

Хан располагался в великолепном шатре из тонкого льняного полотна в окружении своих приближенных. О нем говорили как о человеке очень ласковым с ближними и чрезвычайно жестоком с врагами. Карпини и Стефан были приняты Батием.

Папская грамота была переведена толмачами на славянский, арабский и татарский языки, после чего ее прочли хану. Батый приказал отвести папским послам особую палатку, где им был приготовлен обед, состоявший всего-навсего из маленькой мисочки вареного проса.

На другой день Батый призвал к себе обоих послов и приказал им прибыть к великому хану. В апреле 1246 г. итальянцы снова отправились в путь с двумя проводниками. Дорога была очень изнурительной из-за скудной пищи и быстрой езды; путе-

¹ Цитаты из Карпини добавлены при переводе.

шественников все время торопили, по пять-шесть раз на день меняя под ними лошадей.

Куманские степи¹ поразили Карпини своей безлюдностью, так как татары истребили большинство жителей. Послам пришлось испытать не только голод, но и жажду. Немногочисленные местные жители занимались скотоводством под тяжким игмом монголов.

Проезжая по территории Туркестана, Карпини всюду видел разоренные города, села и крепости. Миновав эту обширную область, папские послы прибыли в Каракитай². Начальник провинции принял их хорошо и, желая оказать им почести, заставил танцевать перед ними двух своих сыновей и знатных придворных.

Покинув Каракитай, путешественники в течение нескольких дней ехали вдоль озера, расположенного севернее города Йемана, которое, по мнению господина Ремюза, позднее носило название Кезилбаш. Там проживал Орду, старейший из татарских вождей.

Посланцы папы целый день отдыхали в этом месте; тамошние жители не скупались на гостеприимство. Затем послы поехали напрямик через гористую холодную страну найманов, кочевого народа, живущего в палатках, а через несколько дней пути въехали в страну монголов, и путешествие по ней, несмотря на быстроту передвижения, отняло у них три недели. Наконец, в день святой Магдалены, 22 июля, итальянцы прибыли в ставку императора, или, скорее, того, кого должны были провозгласить императором, потому что выборов еще не было.

Будущего суверена звали Гуюк. Он щедро оплатил пребывание посланников папы, но не мог их принять, поскольку, не став еще повелителем, не вмешивался в какие-либо дела. Между тем письмо от Батыея позволило ему узнать причины, побудившие Иннокентия IV отправить такое посольство.

Со смертью Угедая власть над Монгольским царством перешла на время к его вдове, матери Гуюка. Она приняла францис-

¹ Название Куманские степи происходит от тюркской народности куманы, иначе кыпчаки, в русских летописях известных под названием половцев. С XI в. они кочевали на огромной территории от р. Иртыша до р. Днепра.

² К а р а к и т а и, или кидани — древний народ, живший в Средней и Центральной Азии в средние века. В 1137 г. они образовали феодальное государственное объединение, которое занимало территорию между Иртышом и Амударьей, Алтаем и Куэнь-Лунем. В начале XIII в. государство каракитаев было покорено Чингисханом.

канца и его спутника в белом шелковом шатре, который мог вместить до двух тысяч человек.

«Там, — говорит Карпини, — мы видели большое собрание вождей и князей, съехавшихся со всех сторон со своими свитами. В первый день все были в белой шелковой одежде, во второй — ее сменила красная, в третий — лиловая, в четвертый — малиновая. В шатер вели два больших входа — один для самого хана, а другой для гостей. Возле второго входа стояла стража, вооруженная стрелами и мечами. Если кто-нибудь из гостей заходил за отведенные границы, то его били; а если он обращался в бегство, пускали ему вдогонку стрелы».

Прошел целый месяц, прежде чем Гуюк был провозглашен великим ханом и принял папских послов. Карпини, живя в Орде, изучал быт и нравы татар, и его описания обнаруживают большую наблюдательность.

«Монгольская империя, — сообщает Карпини, — страна гористая, песчаная и почти беслесная. Хан, его приближенные, а также все другие люди варят себе пищу и греются у огня, разведенного из бычьего и конского навоза. Хотя страна бесплодна, но стада разводятся здесь хорошо. Климат неровный, погода меняется резко. Летом бывают такие грозы, что многих людей убивает молнией. Ветер свирепствует иногда с такой силой, что опрокидывает всадников... На этой земле зимой никогда не бывает дождя, и даже летом дождя выпадает так мало, что он едва смачивает пыль и корни трав. Выпадает там очень крупный град», а во время пребывания Карпини осадки были столь интенсивны, что сто сорок человек потонули, когда градины растаяли. В общем и целом, страна обширна, но в значительной степени бедна и убога.

Карпини так рисует внешность татар: «Глаза и щеки у них отстоят друг от друга на большое расстояние, и скулы сильно выдаются вперед; нос маленький и плоский, глаза тоже маленькие, а ресницы приподняты до бровей. Они очень тщедушны и тонки в поясе, роста по большей части среднего; бороды почти у всех очень маленькие и редкие; впрочем, у некоторых волосы растут и над верхней губой, и на подбородке, чему они не препятствуют и не срезают их. На макушке у них, как и у наших священников, венчик, а от одного уха до другого выбривается полоска шириной в три пальца; что же до волос, находящихся между венчиком и выбритым местом, то им позволяют расти до самых бровей; а на лбу, с одной и с другой стороны, волосы подрезаются на половину

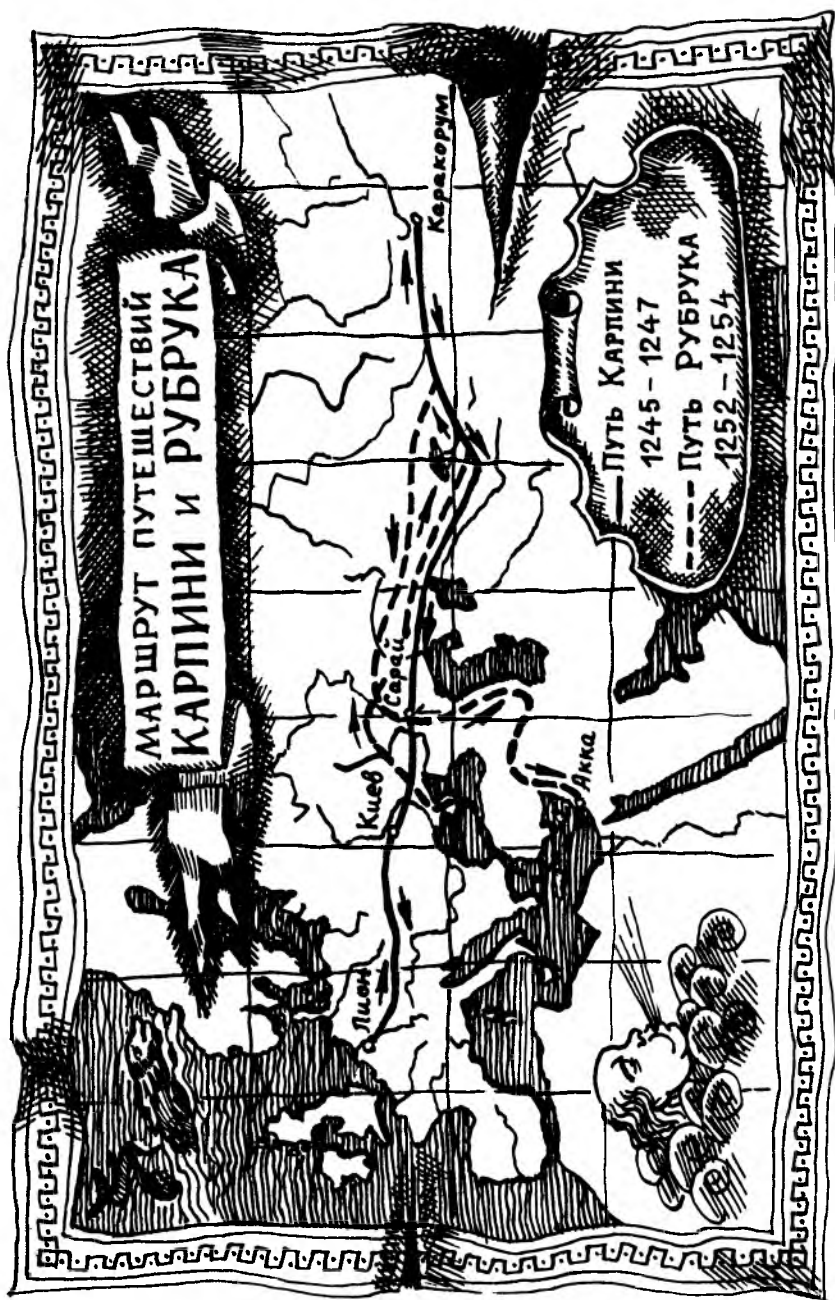
длины; на прочих же местах они растут столь же длинными, как у женщин, их заплетают в две тонкие косички, завязывая узлом за ушами. Ступни ног довольно маленькие».

Мужчин от женщин очень трудно отличить вследствие того, что одеваются они совершенно одинаково: все носят халаты, подбитые мехом, и высокие шапки из холста или из шелка, расширяющиеся кверху; живут они в шатрах, сложенных из прутьев и тонких палок и покрытых со всех сторон войлоком; эти жилища легко разбираются и перевозятся на вьючных животных. А самые большие шатры, которые не могут разбираться, перевозятся на повозках.

Монголы — народ очень суеверный: они верят в чары, колдовство и очистительную силу огня. После смерти какого-нибудь вельможи вместе с ним зарывают чашу, полную мяса, кружку с кумысом, кобылицу с жеребенком и оседланного и взнузданного коня.

Монголы послушны своим начальникам. Они уклоняются от всякой лжи, избегают споров; убийства и грабежи между ними чрезвычайно редки; воровства у них почти вовсе не бывает, и драгоценные вещи не запираются. Эти люди безропотно переносят голод и усталость, жару и холод; они любят веселиться — играют, танцуют и поют при всяком удобном случае, однако подвержены пьянству. Главный недостаток их состоит, по мнению Карпини, в том, что они горды и надменны с иностранцами и ни во что не ставят человеческую жизнь.

Чтобы завершить их портрет, Карпини добавляет, что эти варвары едят всякое мясо: собак, волков, лис, лошадей и даже, при нужде, людей. Пьют они кобылье, овечье, козье, коровье и верблюжье молоко. Ни вина, ни пива, ни питьевого меда они не знают, но с опьяняющими напитками знакомы. Притом они очень нечисты, не брезгуя при отсутствии другой пищи ни крысами, ни мышами, ни червями; миски они никогда не моют, ополаскивая их только налитым супом; одежду свою никогда не чистят и не позволяют ее почистить другим, «особенно когда гремит гром». Мужчины не понуждают себя ни к какой работе; охотиться, стрелять из лука, наблюдать за стадами, ездить на лошади — вот и все их занятия. Не пренебрегают этими упражнениями и женщины с девушками; они очень ловки и отважны. Кроме того, они выделывают меха, изготавливают одежды, правят повозками и верблюдами и тем лучше справляются с обилием хозяйственных забот,

МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЙ
КАРПИНИ И РУБРУКА

— ПУТЬ КАРПИНИ
1245 — 1247
- - - ПУТЬ РУБРУКА
1252 — 1254

Каракорум

Киев
Сарай

Акка

Лшон

чем более они многочисленны в семьях, а эти варвары-многоженцы покупают, и за высокую цену, столько женщин, сколько они сумеют прокормить.

Таковы наблюдения Карпини за месяц, проведенный им в Сыр-Орде в ожидании избрания императора. Вскоре появились признаки приближения этого события. В самом деле, когда Гуюк выходил из своего шатра, ему выражали уважение поднятием красивых жезлов, кончики которых были украшены пучками ярко-красной шерсти. В четырех лье от Сыр-Орды, на равнине, вдоль ручья, для коронации подготовили специальный шатер, обтянутый изнутри алой тканью и опирающийся на столбы, инкрустированные золотыми пластинами. Наконец, в день святого Варфоломея, созвали большое собрание, и каждый из присутствующих, беспрестанно молясь, пребывал в неподвижности с лицом, обращенным к югу; при этом францисканец и его компаньон отказались присоединиться к раболепной церемонии. Гуюка посадили на императорский трон, а князья и народ опустились перед ним на колени. Так состоялось посвящение во владыки.

Сразу же после церемонии путешественники были вызваны к новому императору. Сначала их обыскали, потом они вошли в императорский шатер одновременно с другими послами, доставившими богатые подарки. Что же до бедных посланцев римского папы, то им больше нечего было дарить. Отразилось ли это на приеме — неизвестно, но итальянцы были далеки от того, чтобы изложить его величеству суть приведших их к татарскому владыке дел. Шли дни, с посланцами не церемонились, и они буквально умирали от голода и жажды, когда наконец, в день святого Мартина¹, управляющий двором и секретари императора пожелали их видеть, и европейцы получили письма к папе, оканчивающиеся возвышенными словами, ставшими как бы заключительной формулировкой азиатских суверенов: «Мы поклоняемся Богу, и с его помощью мы завоюем всю землю, от Востока до Запада».

Только осенью Карпини и Стефан выбрались из Орды и в продолжение всей зимы пробирались по снежной пустыне. Весной они прибыли ко двору Батгя, снабдившего их пропуском, и лишь 24 июня 1247 г. итальянцы добрались до Киева.

Карпини с чувством благодарности рассказывает о том, как они были приняты в этом городе: «Киевляне, узнав о нашем при-

¹ 11 ноября по григорианскому календарю. (Примеч. перев.)

бытии, все радостно вышли нам навстречу и поздравляли нас, как будто мы восстали из мертвых; так принимали нас по всей Руси, Польше и Богемии».

Таково в общих чертах содержание рассказа Карпини о его путешествии к татарам. Умер этот знаменитый путешественник в Риме в 1252 г.

Миссия Карпини в целом не привела к какому-нибудь результату, и татары остались тем, чем и были: дикой и жестокой ордой.

Спустя шесть лет после возвращения Плано Карпини францисканский монах Гильом де Рубрук, родом фламандец, был послан к монголам французским королем Людовиком IX. Новое посольство было вызвано следующим обстоятельством: Людовик вел войну с арабами в Сирии, и в то время, как он преследовал их в Сирии, монгольский хан Эркалтай¹ напал на арабов со стороны Персии и таким образом оказал Людовику услугу. Кроме того, разнесся слух, будто татарский хан принял христианство. Желая удостовериться в этом и заручиться новым союзником в борьбе против мусульман, Людовик и решил отправить Рубрука в Монголию.

Весной 1253 г. Рубрук и его спутники отправились из города Акка в Константинополь, переплыли Черное море и высадились в порту Салдайя (Судак) на южном берегу Крыма. Здесь монахи купили запряженную четырьмя волами крытую повозку и поехали к низовьям Волги, где была ставка Батыея.

Достигнув пределов Азовского моря, путешественники направились на восток через бесплодные степи Куманской земли, по которой несколько севернее ранее проходил Карпини. После утомительного двухмесячного путешествия Рубрук прибыл в лагерь хана Сартака, расположенный на берегу Волги.

Там был двор хана, сына Бату-хана. У него было шесть жен; каждая из них владела собственным дворцом, домами и двумя сотнями повозок, некоторые из которых, имея ширину в двадцать футов, перемещались упряжкой из двадцати двух быков, выстроенных в две шеренги — по одиннадцать в каждой.

Рубрук и его спутники просили доложить Сартаку о своем приезде, и тот согласился принять чужестранцев. Облачившись в

¹ Речь идет о нойоне (а не хане) Эльчидае.

церковные одеяния, разложив на подушке Библию, Псалтырь, Требник, распятие и кадило, с пением молитв они вошли в палатку Сартака. Сартак с любопытством рассматривал монахов и их одеяние, но в переговоры с ними не вступил, предложив им отправиться к его отцу, хану Батьюю. Однако и Батый без излишних слов отослал посланников французского короля к великому хану Мункэ, жившему в Каракоруме.

На пути в Каракорум Рубрук прошел через землю башкир, затем через землю Органа, где лежит озеро Балхаш, и через землю уйгуров, после чего приехал в монгольскую столицу Каракорум, перед которой останавливался Карпини, но не был туда допущен. Этот город, по словам Рубрука, был обнесен земляными стенами, с воротами на каждой из четырех сторон. Дворец великого хана, две мусульманские мечети и один христианский храм составляли главные здания города.

Монах собрал в этом городе сведения о населении прилежащих земель, главным образом тангуров, чьи быки принадлежали к особому виду и были не чем иным, как знаменитыми тибетскими яками. Французский посланник говорит о тибетцах и об их странном обычае поедать трупы отцов и матерей.

Великого хана в это время не было в столице, и поэтому Рубрук вместе с своими спутниками должен был отправиться в его резиденцию, находившуюся по другую сторону гор, в северной части страны. На следующий день состоялась церемония их представления ко двору хана. Следуя правилу францисканских монахов, послы шли босые, причем отморозили себе пальцы на ногах, так как был сильный мороз. Когда татары ввели монахов к Мункэ-хану, те увидели перед собой «курносого человека среднего роста, лежащего на большом диване; на нем была меховая одежда, блестящая, как шкура тюленя». Вокруг Мункэ-хана сидели на шестах соколы и другие птицы. Послам французского короля были предложены разные напитки: арак, кумыс и мед. Но послы воздержались от питья; сам же хан вскоре охмелел, и аудиенция должна была прекратиться.

Рубрук провел много дней при дворе Мункэ-хана. Там он встретил много немецких и французских пленников, занятых преимущественно изготовлением оружия или работой на шахтах в Боколе. Татары хорошо обходились с европейцами, и те не жаловались на свое положение. После многих аудиенций у великого хана Рубрук получил разрешение уехать, после чего он вернулся в Каракорум.

Возле этого города высился величественный дворец, принадлежащий хану и напоминавший обширную церковь с нефом и двумя приделами. Именно там восседал на возвышении в северном углу суверен; мужчины расположились справа от него, а женщины — слева. В том же дворце дважды в год устраивали пышные праздники, когда вокруг своего суверена собирались все вельможи государства.

Во время пребывания в Каракоруме Рубрук собрал интересные сведения о китайцах, об их нравах, обычаях, письме и т. д. Затем, покинув монгольскую столицу, он поехал обратно той же дорогой, но, достигнув города Астрахани, расположенного близ устья Волги, направился к югу и через Дербент, Нахичевань, Эрзерум и Малую Азию достиг порта Акка на берегу Средиземного моря.

Читатель видит, что путешествие Рубрука немногим отличается от путешествия Карпини, но описание его менее интересно: фламандский монах не был одарен такой наблюдательностью, какой отличался итальянский францисканец.

Именами Карпини и Рубрука мы можем закончить обзор путешествий, получивших более или менее широкую известность в средние века; однако известность этих путешественников тускнеет и меркнет перед славой венецианца Марко Поло, который справедливо считается самым знаменитым путешественником средневековья.

Глава четвертая

МАРКО ПОЛО (1254 — 1324)

I

Почему венецианские купцы были заинтересованы в исследовании Центральной Азии — Семейство Поло и его общественное положение в Венеции — Братья Никколо и Маттео Поло Они отправляются в Константинополь, а затем ко двору монгольского императора — Прием при дворе хана Хубилая Великий хан назначает их послами к папе — Возвращение в Венецию — Марко Поло — Он отправляется со своим отцом Никколо и дядей Маттео в резиденцию монгольского хана — Книга Марко Поло, писанная под его диктовку Рустичано

Венецианские и генуэзские купцы, достигшие в XIII в. торгового могущества на Средиземном море, не могли оставаться равнодушными к исследованиям, предпринимаемым смелыми путешественниками в Центральной Азии, Индии и Китае. Они понимали, что эти страны открывают перед ними новые рынки сбыта и что торговля с Востоком сулит им неисчислимые выгоды. Таким образом, интересы торговли неминуемо должны были вызвать исследования новых стран.

Именно по этой причине два крупных венецианских торговца предприняли путешествие в Восточную Азию. Оба купца принадлежали к семейству Поло, родом из Далмации. Богатство, приобретенное торговлей, поставило семейство Поло в один ряд с дворянскими родами Венеции.

В 1260 г. братья Никколо и Маттео Поло, жившие до этого несколько лет в Константинополе, где они вели торговлю, отправились с большой партией товаров в Крым, к своему старшему брату Андреа, имевшему там свою контору. Отсюда Никколо и Маттео взяли путь на северо-восток. Проехав Куманскую землю, они прибыли ко двору Берке-хана, который встретил венецианцев очень радушно и купил у них все товары по высокой цене.

Братья Поло прожили целый год в стане Берке-хана, пока между последним и Хулагу-ханом не развязалась в 1262 г. война. Не решаясь ехать по странам, разоренным монголами, братья предпочли отправиться в Бухару, главную резиденцию хана Борак-а, где и прожили три года. Когда Борак был побежден и Бухара покорена, приверженцы Хулагу-хана пригласили венецианцев следовать за ними в резиденцию великого монгольского хана, обещая им со стороны последнего ласковый прием. Этот хан, Ху-

билай (Кублай) — четвертый сын Чингисхана — и был императором Китая. Он находился тогда в своей летней резиденции, в Монголии, на границе Китайского царства.

На путешествие из Бухары в Монголию братья Поло потратили целый год, пробираясь через многочисленные горные хребты Центральной Азии. Хубилай-хан был очень рад приезду венецианцев и с большим интересом расспрашивал их о событиях, происходивших в то время на Западе, о жизни и обычаях западноевропейских народов.

Братья Поло, свободно говорившие на монгольском языке, подробно отвечали на все вопросы хана.

После переговоров с венецианцами Хубилай задумал войти в сношения с Западом и решил отправить посольство к папе, поручив обоим братьям Поло быть его представителями перед главой церкви. Купцы охотно согласились принять на себя эту миссию, облегчавшую им возвращение на родину. Хубилай приказал написать на тюркском языке грамоту, в которой просил папу прислать ему сто учителей и ученых, чтобы идолопоклонников обратить в христианство. Вместе с венецианцами хан отправил своего приближенного Когатала и поручил ему привезти чуточку масла из той священной лампады, которая горит негасимым огнем на могиле Христа в Иерусалиме.

В 1266 г. братья Поло отправились в Европу. Но в дороге Когатал заболел, и венецианцы вынуждены были с ним расстаться. После долгих странствований, продолжавшихся три года, в 1269 г. они достигли крепости Акка на Средиземном море и здесь узнали, что папа Климентий IV, к которому у них было послание от Хубилая, умер, а новый папа еще не был избран. Находившийся в Акке папский легат велел им дожидаться избрания папы. И тогда братья решили время до папских выборов провести на родине, где они не были уже пятнадцать лет. Маттео и Никколо отправились в Негропонт (Халкида), где сели на корабль, доставивший их прямо в Венецию.

В дороге Никколо узнал о смерти своей жены и о рождении сына, появившегося на свет через несколько дней после его отъезда в 1254 г. и названного Марко. Оба брата прожили в Венеции два года, а избрание папы все откладывалось. Братья хорошо понимали всю важность ханского поручения и не сочли возможным откладывать далее возвращение к великому хану. Они снова отправились в Акку, взяв с собой юного Марко, которому было

тогда не более семнадцати лет. В Акке они получили у папского легата письмо к Хубилаю, в котором сообщалось о смерти папы Климентия IV. Но едва только они тронулись в путь, как узнали, что папский легат первого сентября 1271 г. был избран папой под именем Григория X. Новый глава церкви приказал вернуть путешественников с дороги.

Армянский царь предоставил в распоряжение Поло галеру, чтобы как можно быстрее доставить венецианцев в Акку. Папа принял их весьма поспешно, передал письма к китайскому императору, приставил к ним двух доминиканцев, Никколо из Виченцы и Гильермо из Триполи, а после благословил путешественников.

Противившись с его святейшеством, послы направились в Лаяс. Но едва они прибыли в этот город, как чуть не оказались пленниками банд мамелюкского султана Бибара, опустошавших тогда Армению. Оба доминиканца, обескураженные подобным началом путешествия, отказались от намерения ехать в Китай, переложив на венецианцев и Марко Поло заботу о передаче папского послания монгольскому императору.

Здесь, собственно, и начинается путешествие Марко Поло. Посетил ли он в действительности все многочисленные страны и города, которые описывает в своей книге? Конечно нет. В рассказе, написанном под его диктовку по-французски пизанцем Рустичано, прямо сказано, что «Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции, говорил о том, что видел своими глазами, и о том, чего сам не видел, но слышал от людей неживых и верных. И чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говорить в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда».

Следует заметить, что в большей части упоминаемых им городов и царств Марко Поло действительно бывал. Но во многих случаях все же трудно установить, когда путешественник описывает личные впечатления и когда сообщает сведения с чужих слов.

Возвращаясь в Монголию, братья Поло не придерживались того же самого пути, которым они следовали к великому хану в первый раз. Если прежде они ехали вдоль предгорий северного Тянь-Шаня, что значительно удлинило дорогу, то теперь они прошли более коротким путем — через нынешний Афганистан.

Но, несмотря на это, их путешествие в резиденцию Хубилай-хана продолжалось около трех с половиной лет.

II

Малая Армения. – Великая Армения. – Гора Арарат. – Грузия. – Мосул, Багдад, Басра, Тавриз. – Персия. – Провинция Керман. – Камади. – Ормуз. – Горный старец. – Шибарган. – Таликан. – Кашмир. – Кашгар. – Самарканд. – Хотан. – Пустыня. – Тангут. – Карахорум. – Тендук. – Великая стена. – Шанду. – Резиденция Хубилай-хана. – Ханбалык, современный Пекин. – Императорские праздники. – Охота. – Описание Пекина. – Монетный двор и китайские банкноты. – Императорская почта.

Марко Поло вместе со своим отцом и дядей Маттео начал путешествие с Малой Армении¹, которая характеризуется в его книге как «страна сильно нездоровая». «В старину, – сообщает путешественник, – здешние дворяне были храбры и воинственны; теперь они слабы и ничтожны и только пьянствуют». Большое впечатление произвел на венецианцев находящийся на берегу моря торговый город Лаяс (Аяс) – складской пункт ценных азиатских товаров и место съезда купцов всех стран.

Из Малой Армении Марко Поло отправился в Туркменскую землю², жители которой, обладая прекрасными пастбищами, разводят добрых туркменских коней и хороших, дорогих мулов. Горожане занимаются там торговлей и ремеслами. Особенно они славятся производством ковров и шелковых тканей.

Великая Армения³, которую затем посетил Марко Поло, представляла собой удобное становище для татарской армии. Путешественник упоминает о горе Арарат, где, по библейскому преданию, остановился ковчег Ноя во время всемирного потопа. Интересно сообщение Марко Поло о разработке нефтяных источников, разбросанных по землям, граничащим с Каспийским морем.

Из Великой Армении венецианцы направились на северо-восток, в Грузию, простиравшуюся по южному склону Кавказа.

¹ Во время монголо-татарского ига Малой Арменией называлось государство, расположенное в юго-восточной части полуострова Малая Азия; важнейшим портом ее на побережье Средиземного моря был Лаяс, или Аяс.

² На территории современного Туркменистана Марко Поло не был. Под его «Туркменией» следует понимать государство, основанное в Малой Азии турками-сельджуками и находившееся в вассальной зависимости от персидских монголов.

³ В то время Великой Арменией называлась большая часть территории современной республики Армения.

Предание гласит, пишет Марко Поло, что древние цари Грузии рождались «со знаком орла на правом плече». Грузины, по словам путешественника, прекрасные стрелки и хорошие воины. Жители городов выделывают чудесные ткани из шелка и золотых нитей. («Гор, ущелий, крепостей здесь много, и татары не могли подчинить эту страну вполне».)

Там находится тот знаменитый проход длиной в четыре лье, расположенный между подножием Кавказских гор и берегом Каспийского моря, который турки называют Железными Воротами, а европейцы — Дербентским проходом, а еще — чудесное озеро, в котором, говорят, рыба появляется только во время поста.

Затем путешественники спустились в королевство Мосул и прибыли в город того же имени, расположенный на правом берегу Тигра; потом они посетили Багдад, где «живет халиф всех в мире сарацин». Марко Поло рассказывает здесь о взятии Багдада татарами в 1255 г. и приводит чудесную историю, подтверждающую известное христианское изречение о вере, которая сдвигает горы; далее он указывает купцам дорогу, которая ведет от этого города к Персидскому заливу; ее проходят за восемнадцать дней, пересекая край финиковых рощ и город Басру.

Часть дневника Марко Поло, описывающая дорогу до Тавриза, персидского города в провинции Азербайджан, кажется неполной. Как бы то ни было, путешественник появился в большом торговом городе, выстроенном посреди прекрасных садов. Тамошние купцы ведут торговлю драгоценными камнями и наживают большую прибыль. («В этих землях злых людей и разбойников много; убийства случаются ежедневно».) Вследствие этого купцы находятся под вечным страхом и всегда ездят вооруженными. Главная торговля страны — лошади и ослы, которых жители отправляют в Кизи и в Курмаз (Ормуз), а оттуда в Индию. Что касается продуктов земледелия, то «пшеницы, ячменя, пшени, всякого хлеба, вина и всяких плодов у них много».

Из Тавриза путешественники снова спустились к югу, к персидскому городу Язди (Иезд), а затем, проехав семь дней по великолепным, изобилующим дичью лесам, прибыли в провинцию Керман. Здесь, в горах, рудокопы добывают бирюзу, железо и сурьму. Славятся местные края производством конской сбруи, оружия и воспитанием охотничьих соколов.

* Здесь и далее знаком * отмечены дополнения переводчика.

Покинув Керман, Марко Поло и его спутники через девять дней прибыли в город Камади (Камадин), окруженный прекрасными рощами финиковых пальм и фисташковых деревьев. Всюду видны были стада рослых жирных баранов и белых, как снег, с короткими и крепкими рогами быков. Над землей проносились стаи рябчиков и другой дичи. Это изобилие произвело на путешественников чарующее впечатление.

Продолжая свой путь к югу, Марко Поло достиг плодородной долины Курмаза, нынешнего Ормуза, и затем прибыл к берегам Персидского залива, в Ормуз. Эта местность, богатая финиками и пряностями, показалась венецианцам очень жаркой и нездоровой. И тем не менее Ормуз был крупным торговым городом. Сюда, говорит путешественник, доставляют из разных мест для продажи драгоценные камни, шелковые и золотые ткани, слоновую кость, финиковое вино и хлеб, а потом вывозят все эти товары на кораблях. Но «суда у них плохие, — замечает путешественник, — и немало их погибает, потому что они не сколочены железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов».

Из Ормуза Марко Поло, поднимаясь к северо-востоку, отправился опасной дорогой через бесплодную пустыню, в которой попадает лишь горькая стоячая вода, и спустя семь дней достиг города Кобинана (Кухбенан). Продолжая путешествие, венецианец встретил в горах асасинов, мусульман-сектантов, во главе которых стоял старшина, называемый «горным старцем». Асасины отличались религиозным фанатизмом и страшной жестокостью по отношению к иностранцам, но Марко Поло и его спутникам удалось благополучно миновать владения «горного старца».

Дальнейший путь пролегал через город Сапурган (Шибарган), где «дыня слаще меда» и водятся в изобилии всякие звери и дичь; потом он прибыл в Тайкан (Таликан — на северо-востоке Афганистана) — город, известный своим соляным рынком. «Славная страна, — говорит Марко Поло, — к югу высокие горы, и во всех есть соль, отовсюду, за тридцать миль вокруг, приходят за этой самой лучшей в свете солью. Соль твердая, ломают ее большими железными заступами, и так ее много, что хватит на весь свет до окончания мира... В этой местности попадалось много дикобразов, которые, когда за ними охотились, скупивались все вместе и подставляли собакам свои иглы, сидящие у них в большом количестве на спине и на боках».

Путешественники вступили в горы Таликана, цари которого претендовали на происхождение от самого Александра Великого, страну холодного климата, славящуюся хорошими лошадьми, отличающимися быстротой хода, добрыми охотничьими соколами и изобилием дичи всякого рода. Там, в горах, называющихся Сигинан, находились рубиновые рудники, разрабатываемые царем для своих нужд, в которые не может входить под страхом смерти ни один посторонний. В других местах здесь находят минералы серебра и много драгоценных камней, из которых делают «самую тонкую лазурь в мире», то есть ляпис-лазурь. Должно быть, Марко Поло долго находился в этой стране, раз он так точно ориентируется в географических реалиях. В десяти днях пути от Таликана расположилась провинция, идентифицируемая с современным Пайшором, жители которой идолопоклонники, отличающиеся очень темной кожей, а еще в семи днях пути к югу лежала область Шесмюр (Кашмир), страна с умеренным климатом, где много городов и селений, («есть леса и пустыни, а укрепленных проходов столько, что народ никого не боится, живет самостоятельно»).

Если бы Марко Поло держался прежнего направления, он достиг бы Индии. Но он поднялся на север и через двенадцать дней прибыл в землю Ваханскую, орошаемую верхним течением Амударьи и изобилующую прекрасными пастбищами, на которых пасутся громадные стада диких баранов. Затем, преодолев гористые пустыни Памира, совершив сорокадневный сложнейший переход, путешественники оказались в провинции Кашгар. Теперь они находились в стране, где однажды уже были Маттео и Никколо Поло, во время своего первого путешествия из Бухары в резиденцию великого хана. Из Кашгара Марко Поло повернул на запад с целью посетить Самарканд, большой город, населенный христианами и сарацинами. Затем, возвратившись опять в Кашгар, он направился в Яркан (Яркент) — город, посещаемый караванами, ведущими торговлю между Индией и Северной Азией; далее, проехав город Хотан — столицу большой области того же названия, — и Пейн, город неидентифицируемый, расположенный в стране, где в больших количествах добывают яшму и халцедон, он добрался до некоего царства Сярсян, — может быть, Карашар, — которое простирается у границ пустыни Гоби.

После пятидневного путешествия по песчаной и безводной равнине венецианцы прибыли в город Лоб; здесь они отдыхали

восемь дней, готовясь к переходу через пустыню, простирающуюся на восток.

(«А пустыня та, скажу вам, великая: в целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь сутки, так найдешь довольно пресной воды; человек на пятьдесят или на сто хватит ее; так по всей пустыне: пройдешь сутки и найдешь воду. В трех-четырех местах вода дурная, горькая, а в других хорошая, всего двадцать восемь источников. Ни птицы, ни звери тут не водятся, потому что нет для них никакой еды.

Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, заслышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот еще что — днем люди слышат голоса духов, и чудится им, будто играют на многих инструментах и вроде бы на барабане.

Так-то вот, с такими трудностями переходят через пустыню»¹.)

Через месяц путешественники, преодолев безжизненный край, прибыли в провинцию Тангут, в город Шачжоу на западной границе Китайской империи. Марко Поло был поражен местным обычаем не сжигать мертвецов до того дня, который назначен для погребения астрологами. «Да вот еще что: родные покойника из того же дома во все дни, пока он в доме, кормят его; приносят питье и еду, точно как бы живому, ставят перед ящиком, где тело, и оставляют до тех пор, пока мертвец, как они думают, не наестся».

Выбравшись из пустыни, Марко Поло со своими спутниками направился к северо-востоку, к городу Камул (Хами) и добрался оттуда до области Гингинталас, на краю пустыни, населенной идолопоклонниками, магометанами и христианами-несторианцами. Следует заметить, что у географов нет единого мнения относительно местоположения этой области. Из Гингинталаса Марко Поло возвратился в Шачжоу и отправился по прежней дороге, через Тангут, в город Суктан (теперь Цзюцюань), в окрестностях

¹ В песчаных пустынях перед наступлением урагана действительно иногда можно слышать звуки, похожие на игру различных музыкальных инструментов. Они происходят от столкновения миллионов песчинок, крутящихся в воздухе.

которого разводят в больших количествах ремень, и далее в город Канпичион (теперь Чжанье, в центральной части китайской провинции Ганьсу) — тогдашнюю столицу тангутов. Это «большой, величественный город», в котором живут знатные и богатые идо-лопоклонники, имеющие по многу жен. Три венецианца прожили здесь целый год. Поскольку они делали продолжительные остановки и часто возвращались в одни и те же места, их путешествие по Внутренней Азии затянулось на три года.

Покинув Чжанье, Марко Поло ехал верхом двенадцать дней, после чего прибыл на границу песчаной пустыни, в город Езину (Эдзина). Таким образом, он опять подался в сторону, так как поехал на север; но ему непременно хотелось посетить Каракорум, эту знаменитую столицу Монголии, в которой жил Рубрук в 1254 г.

Любознательный Марко Поло не останавливался ни перед какими трудностями и опасностями, когда дело касалось посещения неизвестных ему мест. Чтобы ознакомиться с Каракорумом, он пустился в сорокадневный переход через безлюдную пустыню Гоби и потом — на обратном пути — вторично пересек ее из конца в конец.

И вот он добрался до Каракорума — города, насчитывающего три мили в окружности. Он долго был столицей Монгольской империи, а потом его завоевал Чингисхан, предок современного императора, и Марко Поло в этом месте делает историческое отступление, в котором рассказывает о войнах татарского героя против знаменитого пресвитера Иоанна, того самого суверена, который властвовал в этой стране прежде.

Еще раз возвратившись в Шачжоу, Марко Поло направился на юго-восток, в город Фингуи (теперь Синин, центр провинции Цинхай). В этой стране паслись дикие быки — яки, огромные, «со слона, на вид очень красивые», и встречались драгоценные животные — кабарги, дающие мускус.

Далее венецианцы проехали через провинцию и большой торговый город Сендук (Тендук) и, перебравшись через Великую Китайскую стену, прибыли в Чиаганнор (во Внутренней Монголии), где находился один из летних дворцов великого хана. («Много здесь озер и рек, и много судов по ним плавают; есть здесь прекрасная равнина, где много журавлей, фазанов, куропаток и всяких других птиц. И вот оттого, что много тут птиц, великий хан любит здесь жить; живет он там в свое удовольствие: охотится с соколами да кречетами, ловит много птиц, пирует и веселится.»)

Наконец Марко Поло, его отец и дядя, покинув Чианганнор, приехали через три дня в Чианду (Шанду, к северу от Великой стены) и там были приняты великим ханом Хубилаем, жившим в своей летней резиденции, расположенной за Великой стеной к северу от Ханбалька (Пекина).

Путешественник мало говорит о приеме, оказанном Хубилаем, но очень подробно описывает дворец великого хана, выстроенный из камня и мрамора и весь вызолоченный внутри. Дворец помещался в парке, окруженном стеною; там были собраны всякие звери и птицы, били фонтаны, повсюду стояли беседки из бамбука. В летнем дворце хан Хубилай жил по три месяца в году: июнь, июль и август.

«Чуть не забыл рассказать вам о чуде, — добавляет Марко Поло. — Когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет».

Кажется, венецианский путешественник не сомневается в могуществе этих чародеев. Он верит, что при помощи своего «дьявольского колдовства» чародеи-идолопоклонники способны творить всевозможные чудеса. Эти мудрые люди, говорит он, принадлежат к двум расам; обе — идолопоклонники; лучше всех они овладели дьявольскими чарами и колдовством; и все, что они делают, они совершают при помощи дьявола, но других людей они заставляют верить в то, что вершат это с помощью Божьей, вследствие собственной святости. «Бакши (буддийские знахари), о которых я вам рассказывал, — продолжает путешественник, — по правде, знают множество заговоров и творят вот какие великие чудеса: сидит великий хан в своем главном покое, за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое, по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко и другое хорошее питье. По наговорам да по колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану, а никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это: истинная то правда, без всякой лжи. В некромантии¹ сведущие скажут вам, что дело то возможное».

¹ Некромантия — в древнем мире — вызывание «духов умерших», якобы предсказывающих будущее. В средние века перешла в магию, а позднее возродилась в форме спиритизма.

Приводя биографические сведения о хане Хубилае, Марко Поло говорит, что тот владеет таким количеством земель и сокровищ, каким не владел ни один повелитель на земле, «от времен Адама, нашего предка».

Венецианец рассказывает, как великий хан, которому тогда исполнилось восемьдесят пять лет, человек среднего роста и сравнительно худой, но пропорционально и хорошо сложенный, с белым и румяным лицом, с красивыми черными глазами, вступил на престол в 1256 г. от Рождества Христова. Он был хорошим военачальником и доказал это, когда против него взбунтовался его дядя Наян при поддержке четырехсот тысяч конников. Хубилай-хан, собрав «тайно» триста шестьдесят тысяч всадников и сто тысяч пеших, выступил против родственника. Битва была жестокой. «Удивительно, сколько людей погибло как с одной, так и с другой стороны». Но Хубилай-хан победил, и Наян, как лицо, в жилах которого текла кровь рода великого Чингиса, был закатан в плотный ковер и умер в страшных мучениях.

После победы император триумфально вернулся в свою столицу Ханбальк, которая со временем стала Пекином. Прибыв в этот город, Марко Поло вынужден был довольно долго там оставаться, вплоть до того момента, когда ему были даны поручения в различные части империи. Именно в Ханбальке возносился величественный дворец императора, о котором венецианский путешественник написал в приводимых ниже строках, очень точно описывающих роскошь двора монгольских суверенов.

«Три месяца в году, декабрь, январь и февраль, великий хан живет в главном городе Катая (Китая) Ханбальке; там его большой дворец, и вот он каков: прежде всего квадратная стена; каждая сторона — миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в вышину добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы, все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угóльные; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знайте, одно что-нибудь: в одном луки и ничего иного, в другом только одни седла, и так в каждом одно что-нибудь. В стене на юг пять ворот; посередине большие, открываются, только когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий.

За стеной этой есть другая, в ширину поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота — так же, как и там.

Посредине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого больше нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша превысокая. Стены в больших и в малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что, кроме золота и живописи, ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть.

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша, красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит, как кристалльная, и светится издали кругом дворца. Крыша эта, знаете, крепкая, выстроена прочно, простоит многие годы.

Между первой и второй стеной — луга, и прекрасные деревья, и всякого рода звери; есть тут и белые олени, и зверьки с мускусом (мускусная кабарга), антилопы и лани и всякие другие красивые звери; и за стенами только по дорогам, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей.

В северо-западном углу большое озеро и много в нем разных рыб. Великий хан велел напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, — сколько нужно, там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам, большая река; рыбе выход железными и стальными сетями загорожен.

От дворца на север на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Имеет он в вышину сто шагов, а в окружности тысячу; весь покрыт деревьями; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев. Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землей и на слонах привезти к тому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые в свете деревья тут. Холм этот великий хан приказал покрыть лазуриком (дерном) зеленым; и деревья тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность Зеленым холмом. На вершине посредине — дворец, большой, красивый и весь зеленый. Так это все — и гора, и деревья, и дворец — с виду прекрасно, смотришь,

и сердце веселится. Для того-то и устроил все это великий хан, чтобы было на что порадоваться».

Марко Поло упоминает также о дворце сына и наследника великого хана, а затем описывает Ханбалык. Старый город отделен от нового города — Тайду — каналом, разделяющим и современный Пекин на две части: китайскую и татарскую.

Далее дотошный путешественник сообщает подробности об образе жизни великого хана. По его словам, хан Хубилай «ради важности держит около себя охрану из двух тысяч всадников». Обеды хана совершаются с разными церемониями и подчинены строгому этикету. За своим столом, возвышающимся над всеми остальными, он сидит на северной стороне, лицом на юг. По левую сторону от него сидит старшая жена, а по правую — сыновья, племянники и родичи, так что «головы их приходятся у ног великого хана». Прислуживают ему знатные лица, у которых нос и рот прикрыты золотой тканью, «чтобы дух и запах не касались пищи и питья великого хана». Когда хан собирается пить, раздается музыка, а когда берет в руки чашу, знать и все присутствующие смиренно преклоняют колена.

Великий хан устраивает ежегодно два больших праздника: в день своего рождения и в день нового года. На первом празднике он дарит двенадцати тысячам придворных сто пятьдесят тысяч парчовых одежд, отделанных жемчугом и драгоценными камнями. На втором празднике все подданные — мужчины и женщины — облачаются в белые одежды, так как белый цвет есть символ счастья, и «весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей». В этот день великий хан получает, кроме всего прочего, сто тысяч лошадей, покрытых великолепными понами, пять тысяч слонов, убранных тканями и дорогими сукнами и нагруженных царской посудой, и великое множество верблюдов.

В течение трех зимних месяцев, пока хан остается в своей зимней резиденции, все богатые люди, живущие на шестьдесят дней ходьбы в округности, обязаны приносить ему кабанов, оленей, антилоп, ланей, медведей. Впрочем, Хубилай, и сам страстный охотник, содержит великолепный охотничий двор. У него имеются львы, леопарды и рыси, отлично выдрессированные для ловли дичи, орлы, настолько сильные, что довольно удачно охо-

тятся за лисицами, антилопами и ланями, и, наконец, сотни свор охотничьих собак. Когда великий хан отправляется на охоту, его сопровождает не менее десяти тысяч ловчих с собаками, кречетами, ястребами и священными соколами. Во время охоты за великим ханом следует передвижной дворец, установленный на четырех попарно связанных слонах и обтянутый снаружи львиными шкурами, а внутри — золотыми тканями.

Охотники продвигаются до селения Качар Модун, где уже расставлены палатки и шатры на десять тысяч человек. В роскошно убранном шатре Хубилая может поместиться одновременно тысяча всадников. Здесь он живет до весны, охотясь за зверями и птицами, а затем возвращается в свою столицу Ханбалык.

Подробно описывая этот город, Марко Поло перечисляет двенадцать предместий, которые богатые купцы застроили своими прекрасными дворцами. Ханбалык ведет оживленную торговлю со многими странами. «Ни в какой другой город в свете не свозится столько дорогих и богатых вещей». Каждый день приезжает сюда более тысячи телег с шелком. Из Индии сюда привозят драгоценные камни, жемчуг и всякие дорогие вещи. В Ханбалык сходятся люди за покупками со всех сторон, за много сотен миль.

Далее Марко Поло сообщает, что для более успешного хода торговли великий хан приказал учредить «монетный двор», служащий для него неиссякаемым источником доходов. Ханская монета — всего-навсего кусочек картона с императорской печатью. Картон, выделанный из коры тутового дерева, разрезается на кусочки разной величины — в соответствии со стоимостью «монеты». Великий хан пользуется такими деньгами для всех своих платежей и распространяет их во всех подвластных ему странах, «и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать». Кроме того, обладатели драгоценных камней, жемчуга, золота или серебра обязаны по нескольку раз в год приносить свои сокровища на монетный двор, где получают взамен бумажные деньги, так что великий хан владеет всеми сокровищами своей империи.

По описанию Марко Поло, система управления в Китае подчинена строгой централизации. Все царство разделено на тридцать четыре провинции, которые управляются подчиненными хану князьями, живущими в Ханбалыке; при дворцах этих князей живут чиновники, ведающие делами каждой провинции. От столицы во все концы империи расходятся лучами хорошие шоссейные дороги; по этим дорогам на расстоянии двадцати двух миль одна

от другой устроены почтовые станции, и на каждой станции всегда стоят наготове от трехсот до четырехсот лошадей для ханских посыльных и чиновников; кроме того, между станциями, через каждые три мили, находятся поселки, приблизительно в сорок домов; там живут гонцы великого хана, «и исполняют они службу вот как: у них большие пояса с колокольчиками, для того чтобы издали слышно было, как они бегут; бегут они вскачь не более трех миль, а через три мили стоит смена; издали слышно, что гонец идет». Гонец отдает поручение соседнему скороходу, и тот бежит дальше, до следующего поста. Таким образом, великий хан уже через сутки получает известия из мест, лежащих в десяти днях пути. Такой способ сообщения обходится Хубилаю очень дешево, так как ханские гонцы вместо жалования должны довольствоваться освобождением от налогов. Что же касается лошадей, то последние находятся на содержании у жителей провинции и тоже не доставляют чиновникам никаких забот.

Но если татарский царь так безраздельно пользуется своим всемогуществом, если он так обременяет налогами своих подданных, то и о нуждах их он тоже активно заботится и часто приходит им на помощь. Например, если град погубит урожай, он не только не требует обычных податей, но еще и выдает пострадавшим зерно из своих собственных запасов. Если какая-то смертельная болезнь поражает скот в одной из провинций, он возмещает ущерб за свой счет. В урожайные годы он заботится о том, чтобы положить в закрома побольше пшеницы, ячменя, проса, риса и других продуктов, стараясь удержать средние цены на зерно во всей империи. Больше того, он особенно опекает бедняков своей столицы Ханбалька. «Он приказал сделать перепись всех бедных семей и тех, которым нечего есть, — семей из шести, восьми или десяти человек. Он раздал таковым пшеницу — столько, сколько им было нужно, и в большом количестве; и все, кто приходит просить во дворец царский хлеб, никогда не получают отказа. Хотя ежедневно за этим приходит свыше тридцати тысяч человек, и такие раздачи происходят в течение целого года, что является великой добротой властелина, так заботящегося о своих подданных. Они за это почитают владыку как бога».

Дороги в Монгольской империи содержатся в образцовом порядке; они обсажены высокими деревьями, которые видны на далеком расстоянии. Благодаря обилию лесов, жители не испытывают недостатка в дровах, и, кроме того, («по всей области Катай

есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров, он держится во всю ночь до утра. Жгут эти камни, потому что и дешево, да и дерева сберегаются»¹).

Марко Поло прожил в Ханбальке довольно долго. Он расположил к себе великого хана живым умом, сметливостью и способностью легко усваивать местные наречия. Хубилай давал венецианцу различные поручения и посылал его не только в разные области Китая, но и в Индийские моря, на остров Цейлон, на Коромандельские и Малабарские острова и в Кохинхину (Индокитай). В 1280 г. Марко Поло был назначен правителем города Янгуи (Янчжоу) и еще двадцати семи городов, входивших в эту область. Выполняя поручения великого хана, он объехал большую часть Китая и передал в своей книге много сведений, ценных и в этнографическом, и в географическом отношении. К описанию этих путешествий мы теперь и перейдем.

III

Река Хуанхэ. — Таянфу (Тайюань). — Тибет. — Каражан (Юньнань). — Зердендан. — Баошань. — Мян (Мяньнин). — Кангизу. — Толаман. — Кунгуи. — Качанфу (Хэузянь). — Манзи. — Янгуи (Янчжоу). — Приморские города. — Саинфу (Янфэнь). — Кинсай (Ханчжоу). — Фуги (Фуэзянь). — Зайтон (Цюаньчжоу).

Великий хан дал Марко Поло поручение и отправил его гонцом на запад. Оставив Ханбальк, тот шел в нужном направлении четыре месяца. Позже он рассказал в своей книге «все, что он видел, идя туда и назад».

В десяти милях от Ханбалька, направившись на юг, венецианец переправился через величественную реку Пе-хо-нор, которую он назвал Пулисанги¹, по красивому мраморному мосту с двадцатью четырьмя арками, имевшему триста шагов в длину, с которым не сравнился бы ни один мост в мире. Проехав тридцать миль, путешественник вступил в большой и красивый город Жиги (Чжосянь), где обрабатывают сандаловое дерево. Продвигаясь дальше на запад, Марко Поло через десять дней достиг области Таянфу (Тайюань), изобилующий виноградниками и тузовыми деревьями. («Тузовых деревьев по всей стране много; это те деревья, чьи листья едят шелковичные черви»), — сообщает он в своей

¹ Юндинхэ. (Примеч. перев.)

книге, не забывая всякий раз упоминать о производстве шелковых тканей в городах, через которые ему приходилось проезжать.

В семи днях пути отсюда находится красивый город Пианфу, нынешний Пинъяо, где процветает торговля и шелкоткачество. Посетив этот город, Марко Поло прибыл затем на берега знаменитой Желтой реки, которую он назвал Карамурен, или Черной рекой, вероятно, вдохновившись цветом воды, темной — вследствие обилия водорослей; после двухдневного странствия он добрался до города Качанфу, современное положение которого комментаторы не могут строго определить.

Марко Поло, покидая этот город, в котором не увидел ничего достойного внимания, поехал напрямик через живописные места, изобилующие дичью, со множеством дворцов, поместий и садов. Через восемь дней он прибыл в древнюю столицу империи Тан, Чанъань, современный город Сиань, центр провинции Шэньси. Там правил сын императора Мангалай, любимый народом справедливый принц, занимавший великолепный дворец в пригороде, выстроенный посреди парка, зубчатая ограда которого протянулась никак не менее, чем на пять миль.

Из Сиани путешественник отправился в Тибет, пересекая современную провинцию Сычуань, гористую страну, прорезанную широкими долинами, где в изобилии водились львы, медведи, рыси, лани, козули и олени; через восемь дней он оказался на окраине большой равнины. Эта страна была очень плодородной; здесь получали богатые урожаи любых сельскохозяйственных продуктов, но прежде всего — имбиря, который вывозили во все провинции Китая. Почва здесь настолько плодородна, что, по свидетельству французского путешественника М. Е. Симона, гектар угодий продается там сейчас за 30 000 франков, то есть три франка за квадратный метр. В тринадцатом веке эта равнина была покрыта городами и дворцами, и население жило за счет земледелия, скотоводства и охоты, приносившей людям легкую и обильную добычу.

Марко Поло посетил столицу провинции Сычуань, город Синдафу, нынешний Чэнду, население которого сейчас превышает полтора миллиона жителей. В те времена Синдафу насчитывал всего двадцать тысяч жителей, но был разделен на три части, каждая из которых, обнесенная особой стеной, управлялась до захвата города Хубилаем особым князем. Через Синдафу протекает река Цзян, широкая как море и обильная рыбой, воды кото-

рой бороздит невероятное количество лодок. Через пять дней, после того как Марко Поло покинул этот центр торговцев и ремесленников, а потом пересек обширные лесные массивы, он прибыл в провинцию Тибет, которую называет «зело опустевшей, поскольку она была разрушена войной».

Эта гористая страна изрезана долинами. По словам Марко Поло, там водятся в большом количестве львы¹, медведи и другие хищные животные, от которых путешественникам было бы трудно защищаться, если бы не росший в изобилии бамбук. Купцы и путешественники, проезжающие ночью по этой стране, зажигают бамбук. При горении тот сильно трещит, и треск отпугивает зверей. Вот как образуется этот шум: берут совершенно зеленый бамбук и закладывают стволы в костер; через некоторое время после того, как бамбук загорится, стволы начинают скручиваться и раскалываться пополам, притом с таким треском, что по ночам он слышен на десяток миль в округе. «Лошади, как слышат его, с непривычки пугаются сильно, рвут недоуздки и привязи да и убегают. Случается это часто. Непривычным к треску лошадям завязывают глаза и спутывают все четыре ноги, так что, хоть и слышат великий шум, да бежать-то не могут. Вот так-то, как я вам рассказывал, люди берегут и себя, и свой скот ото львов, медведей и других хищников; а их здесь многое множество».

Описанный Марко Поло способ до сих пор еще применяется в тех краях, где растет бамбук, и, вероятно, треск пожираемых огнем побегов можно сравнить с самыми гремучими петардами наших фейерверков.

Согласно сообщению венецианского путешественника, Тибет был очень большой провинцией, отличавшейся особым языком и специфическим населением, поклонявшимся идолам. Кроме того, жители его известны и как опасные грабители. Территорию пересекает могучая река Цзиньшацзян², несущая золотой песок. Там собирают большое количество кораллов, идущих в основном на убранство идолов и на женские украшения. Тибет в то время находился под управлением великого хана.

Покидая Синдафу, Марко Поло отправился на запад. Он пересек царство Гэнду и, возможно, добрался до Лицзянфу, до земель, образующих ныне страну Симон. В этой провинции он по-

¹ По-видимому, Марко Поло пугает льва с тигром, так как в Китае львы не водятся.

² Так называется верхнее течение Янцзы. (Примеч. перев.)

сетил красивое озеро, где выращивают жемчуг, вся продукция которого предназначена только для императора. В этой стране обильные урожаи дают гвоздика, имбирь, корица и другие пряности.

Оставив Гэнду и переправившись через большую реку, вероятно, Иравади, Марко Поло свернул на юго-восток, перебравшись в провинцию Каражан, видимо занимавшую северо-западную часть нынешней Юньнани.

Поло говорит, что жители этой страны употребляют в пищу сырое мясо кур, баранов, буйволов и быков. Это всеобщепотребительная пища всех сословий, только богатые сдабривают ее чесноком и разными пряностями.

Водятся в этой стране («большие ужи и превеликие змеи. Всякий, глядя на них, дивится, и препротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные: иной поистине в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лап нет, а есть только когти, как у сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая огромная, сразу человека может проглотить. Зубы у них большие, и так они велики да крепки, что нет ни человека, ни зверя, который бы их не боялся»). Судя по описанию, речь здесь идет о китайском аллигаторе (крокодиле), но размеры его сильно преувеличены.

От Каражана, направляясь на юг, Поло вступил в провинцию Зердендан, столица которой Ночиан находилась на месте нынешнего города Юнчанфу. «У здешних людей, — говорит путешественник, — зубы золоченые; всякий зуб покрыт золотом, они делают золотые слепки с зубов и надевают их на верхние и нижние зубы». Мужчины здесь живут, «как рыцари»: «ходят на войну да на охоту, а других дел не делают». Все тяжелые работы являются уделом женщин и рабов. У зерденданцев нет ни идолов, ни храмов, они только поклоняются старшему в роде, то есть предку или патриарху. Расчеты между собой они производят с помощью зарубок на кусочке дерева. Врачей у них нет, но есть знахари и колдуны, которые прыгают, танцуют и играют на инструментах около больного, пока тот не умрет или не выздоровеет.

Из провинции золотозубых людей Марко Поло, следуя по большой дороге, служащей торговым трактом между Индией и Индокитаем, проехал область Баошань (в провинции Юньнань) и после пятнадцатидневного путешествия верхом на лошади по ле-

сам, изобилующим слонами, «единорогами» и другими дикими животными, достиг города Мян (Мяньнин). Город Мян, давно уже разрушенный, славился в то время чудом архитектурного искусства — двумя башнями, сложенными из прекрасного камня. Одна была покрыта золотыми листами в палец толщиной, другая — серебряными. Обе башни должны были служить надгробным памятником царю Мяна, но его царство пало и вошло в состав владений великого хана.

Затем Марко Поло спустился до Бангалы (Бенгал), нынешней Бенгалии, которая в то время, в 1290 г., еще не была захвачена ханом Хубилаем. Однако войска хана уже тогда готовились к покорению этой страны, очень плодородной, богатой хлопком, имбирем, сахарным тростником.

Из Бангалы путешественник направился к востоку, в Кангигу (по-видимому, в северном Лаосе) — главный город провинции того же названия. Жители там татуируют свое тело, накалывая иглами на лице, шее, животе, руках и ногах изображения львов, драконов и птиц; человек со сплошной татуировкой на теле считается красивейшим из смертных.

Южнее Кангигу Марко Поло во время предпринятого путешествия не заходил. Отсюда он поднялся к северо-востоку и через пятнадцать дней пути достиг провинции Толоман (на границе нынешних провинций Юньнань и Гуйчжоу). Там он увидел красивых людей со смуглым цветом кожи; это были храбрые воины; жили они на высоких и неприступных горах, а их обычное питание составляли мясо диких животных, молоко, рис и пряности.

Покинув Толоман, Марко Поло следовал двенадцать дней вдоль реки, на берегах которой часто встречались большие города и селения, и прибыл в провинцию Кунгуи, находившуюся в границах владений великого хана; в этой стране Марко Поло был поражен обилием диких зверей, особенно кровожадных львов.

«Львов тут так много, — говорит он, — что никто не отваживается спать ночью не в доме, оттого что львы его съедят. Скажу вам еще, когда кто плывет по реке и на ночь не остановится да заснет не очень далеко от берега, так лев добирается до лодки, схватит человека, убежит да и сожрет его. Беречься от львов тут умеют; а львы тут очень большие и страшные».

На львов в этой стране охотятся с двумя собаками. Пока собаки кусают льва, охотник мечет в него стрелы. «С одним всадником да двумя собаками льву не справиться», — заключает Марко

Поло. Впрочем, комментаторы полагают, что в действительности речь может идти не о львах, а о тиграх, так как в Китае львы не водятся.

Из этой провинции Марко Поло прямо направился в Синдафу, столицу провинции Сычуань, откуда он выехал в Тибет, а дальше, проделав уже знакомый путь, он возвратился к Хубилай-хану, успешно завершив свою миссию в Индокитай. Вполне возможно, что тогда же император дал венецианцу другое поручение в юго-восточный Китай, «самую богатую и самую торгующую часть этой обширной империи, — говорит г-н Потье в своем прекрасном труде о венецианском путешественнике, — и именно ту, о которой в Европе начиная с шестнадцатого века получали больше всего сведений».

В соответствии с маршрутом, показанным на карте г-на Потье, Марко Поло из Ханбалька отправился на юг, в город ремесленников Чанли, вероятно — в современный Дэчжоу, а еще через шесть дней он оказался в Кондинфу, современной Цзинани, столице провинции Шаньдун, где родился Конфуций. Тогда это был большой город, самый славный в округе, часто посещаемый торговцами шелком, а чудесные пригородные сады давали жителям огромные количества превосходных фруктов. В трех днях пути от Кондинфу находится город Линьцин, расположенный у начала Великого канала Юн-но, место встречи бесчисленных судов, везущих товары во все провинции Китая и Манзи. Еще через восемь дней он проехал Лиги, который, кажется, соответствует современному Цзинину, потом — торговый город Сюйчжоу в провинции Цзянсу, далее — город Чинги и, наконец, добрался до Карамурена, той самой Желтой реки, которую он уже пересекал в ее верхнем течении, когда ехал в Индокитай. Теперь Марко Поло находился всего в одном лье от устья этой великой китайской артерии¹. Переправившись через реку, путешественник оказался в провинции Манзи, территории, известной как империя Сун.

Прежде всего, он посетил большую часть Манзи (Центральный и Южный Китай), которой, до того как ее покорил хан Хубилай, управлял миролюбивый китайский государь Фактур, избегавший жестоких войн и кровопролитий. Марко Поло приводит легенды о доброте и справедливости этого царя, побежденного монголами.

«Расскажу вам об его добрых делах. Ежегодно кормил он двадцать тысяч малых детей; делалось это вот как. В здешнем

¹ Речь идет о старом русле Хуанхэ. (Примеч. перев.)

царстве бедные женщины бросают детей, только что они родятся, потому что кормить их нечем, а царь приказывал их брать и записывать — под каким знаком, под какую планетою ребенок родился, — а потом приказывал их воспитывать в разных местах, в разных странах, кормилиц у него было много. У кого из богатых детей не было, шел тот к царю и просил у него детей столько, сколько желал и какие ему нравились. Когда дети приходили в возраст, царь их женил и давал им на пропитание. И воспитывал он в год двадцать тысяч мужчин и женщин.

Делал царь и вот еще что. Случалось ему, проезжая по дороге, завидеть домишко между двух высоких и красивых домов; тотчас же спрашивал он, почему домишко такой невзрачный; отвечали ему, что это домик бедного человека, и не может тот построить другого; приказывал тут же царь, чтобы перестроили домишко таким же красивым и высоким, как и те два, что рядом с ним.

Более тысячи юношей и девиц прислуживали этому царю. Правил он по справедливости и никому зла не делал. Дома купцов и на ночь не запирались, и ничего не пропадало. Ночью без всякой опаски, все равно что днем, можно было ходить».

В провинции Манзи Марко Поло посетил город Коигангуи, нынешний Хуайан, расположенный на берегах реки Хуанхэ. Жители этого города занимаются добыванием соли из соляных озер. Затем, продвигаясь все дальше к югу, путешественник посетил один за другим несколько торговых городов: Паншин (Баоин), Каиу (Гаою), Тигуи (Тайчжоу) и, наконец, Янгуи (Янчжоу).

В городе Янгуи Марко Поло на протяжении трех лет был губернатором. («Народ тут торговый и промышленный, — говорит он, — работают сбрую для конных воинов. Скажу вам по правде, много воинов в этом городе и кругом».)^{*} Однако Марко Поло и в этот период не оставался долго на одном месте. Продолжая ездить по стране, он внимательно изучал приморские и внутренние города.

Прежде всего путешественник побывал в городе Нангхине (Аньцин), который не следует смешивать с нынешним Нанкином. Он расположен в чрезвычайно плодородной провинции. («Богатых купцов тут изрядно; платят они большую подать, и великому хану от них большой доход» .)

Потом Марко Поло описывает в своей книге город Саинфу (Янфэнь), лежащий в северной части провинции Хэбэй. Это был последний город области Манзи, сопротивлявшийся Хубилаю уже

после того, как вся область была покорена. Великий хан осаждал Саинфу в течение трех лет и овладел им благодаря содействию трех венецианцев Поло, состоявших у него на службе. («Говорили тут два брата и сын, господин Марко: „Великий государь, есть у вас мастера, пусть сделают они такие снаряды, что большие камни бросают, не выдержит этот город; станут машины бросать камни, тут он и сдастся”».)¹ Были построены метательные машины — баллисты, разгромившие поселение градом камней, из которых многие достигали трехсот фунтов.

Из всех городов Южного Китая наибольшее впечатление на Марко Поло произвел «величественный» Кинсай (Ханчжоу). Он имеет шесть лье¹ в окружности, расположен на судоходной реке Цяньтанцзян, образующей бесчисленные рукава и разветвления. По словам венецианца, «двенадцать тысяч каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить, и под сводами иных — суда поменьше. Неудивительно, что мостов тут много: город весь в воде, и кругом вода; нужно тут много мостов, чтобы всюду пройти».

В Кинсае — десятки тысяч ремесленников, снабжающих своими изделиями разные города и области Китая. Много здесь богатых купцов, которые («собственными руками ничего не делают, живут в таком довольстве и так чисто, словно цари»).

Во дворце бывшего властителя Манзи помещается резиденция наместника императора, который правит от имени своего властелина ста сорока городами. Есть там также дворец правителя Манзи, окруженный красивыми садами, озерами, фонтанами; в нем насчитывается свыше тысячи комнат. Великий хан получает с этого города и со всей провинции огромные доходы, которые можно было бы исчислить в миллионах теперешних франков, включающие в себя прибыли от торговли основными продуктами края: солью, сахаром, пряностями и шелком.

В одном дне пути на юг от Кинсая, проехав по очаровательной местности, Марко Поло посетил Танпиги (Шаосин), Вуги (Хучжоу), Генги, Чаншан (Янчжоу — по определению г-на Шартона, Сучжоу — по определению г-на Потье) и Кути, последний город провинции Кинсай, потом он переехал в царство Фути со столицей того же названия; сейчас это — Фучжоу, главный город провинции Фуцзянь. По замечанию путешественника, жители этого царства известны своей жестокостью в войнах; они никогда

¹ Лье — устаревшая французская мера длины, равная 4,5 км.

не щадят врагов, пьют кровь и едят их плоть. Проехав через Цзенлифу и Унген, Марко Поло попал в столицу Фути, а возможно, и в город Гуанчжоу, который европейцы называют Кантон, очень крупный центр торговли жемчугом и драгоценными камнями, и, наконец, добрался до порта Зайтон, весьма вероятно, что этим именем он называет китайский город Цюаньчжоу, самый дальний город, посещенный им в этом путешествии по юго-востоку Китая.

IV

Япония. — Отъезд троих Поло с дочерью Хубилай-хана и с персидскими посланниками. — Зайтон. — Ява. — Суматра. — Цейлон. — Коромандельский берег. — Малабарский берег. — Оманский залив. — Остров Скотра (Сокотра). — Мадагаскар. — Занзибар и африканский берег. — Абиссиния. — Аденский залив. — Ормуз. — Возвращение в Венецию. — Празднества в доме Поло. — Марко Поло — пленник генуэзцев. — Смерть Марко Поло.

Марко Поло, благополучно завершив свое путешествие, снова возвратился ко двору хана Хубилая, продолжая после этого выполнять разные его поручения, пользуясь своим знанием монгольского, турецкого, маньчжурского и китайского языков. Он принял участие в экспедиции на Индийские острова и впоследствии составил отчет о плавании по этим, тогда еще малоизвестным, морям.

В книге Марко Поло мы находим различные подробности об островах Чипангу (Японии), но нельзя сказать с уверенностью, побывал ли он сам в этой стране. Япония славилась в то время своими богатствами, и около 1264 г., за несколько лет до прибытия Марко Поло к монгольскому двору, хан Хубилай пытался ее покорить. Его флот благополучно достиг Японии и уже завладел было одной крепостью, защитники которой были все перебиты, как вдруг налетела страшная буря и рассеяла монгольские корабли. Многие из них затонули, а уцелевшие вернулись ни с чем. Рассказывая об этой экспедиции, Марко Поло сообщает попутно то, что ему было известно об обычаях и нравах японцев.

В продолжение семнадцати лет, не считая времени, потраченного на путешествие из Европы в Китай, Марко Поло, его отец Никколо и дядя Маттео оставались на службе у великого хана. Они стосковались по родине и хотели вернуться в Европу, но Хубилай не соглашался их отпустить. Венецианцы оказали ему мно-

го ценных услуг, и он предлагал им всевозможные дары и почести, чтобы удержать при своем дворе. Тем не менее венецианцы продолжали настаивать на своем, рискуя вызвать гнев великого хана. Неожиданно им помогла счастливая случайность.

Монгольский хан Архун, царствовавший в Персии, прислал к великому хану послов, которым поручено было просить для Архуна в жены дочь Хубилая. Отец невесты дал на это согласие и решил отправить свою дочь с большой свитой и богатым приданным. Но страны, лежавшие на пути из Китая в Персию, были охвачены восстанием против монгольского владычества и ехать по ним было небезопасно. Через некоторое время караван вынужден был повернуть обратно.

Узнав, что венецианцы — искусные мореплаватели, послы персидского хана стали просить Хубилая доверить им «принцессу», т. к. хотели, чтобы венецианцы доставили ее в Персию кружным путем — по морю, что было не так опасно.

Хубилай-хан после долгих колебаний уступил этой просьбе и приказал снарядить флот из четырнадцати четырехмачтовых кораблей и снабдить экипаж запасами на два года. На некоторых судах помещалось до двухсот пятидесяти человек. Маттео, Никколо и Марко Поло возглавили экспедицию, которая находилась в пути более трех лет. Марко Поло посетил многие страны, в то время почти неизвестные, и подробно рассказал в своей книге обо всем, что ему довелось увидеть или услышать.

В 1291 г. монгольский флот покинул порт Зайтон (Цюаньчжоу), где Марко Поло был уже однажды во время своего путешествия по Южному Китаю. Отсюда он направился к обширной стране Чيانба (Чамба, одна из областей нынешнего Вьетнама), подчинявшейся великому хану и поставлявшей ему ежегодно в виде дани определенное количество слонов.

Венецианский путешественник уже бывал в этой провинции, видимо в 1280 г., выполняя очередное задание императора. В то время Чيانба была данницей великого хана и выплачивала ежегодный налог в виде определенного количества слонов. Когда Марко Поло путешествовал по этой земле до ее завоевания, у правящего монарха было не менее трехсот двадцати шести детей, сто пятьдесят из которых были в состоянии взяться за оружие.

Далее ханский флот направился к острову Ява, который Хубилай «никак не мог захватить, оттого что путь сюда далек да и плавание опасно». Здесь произрастали в изобилии перец, мускат-

ный орех, гвоздика и другие пряности, служившие жителям главным источником обогащения.

После стоянки на островах Сендур и Кондор (у берегов Камбоджи) Марко Поло достиг острова Суматры, который он называет Малой Явой. «Остров этот простирается так далеко на юг, что Полярная звезда совсем невидима», — говорит он. Для жителей южной части Суматры это реальность. Земля здесь удивительно плодородна, «богатств и всяких пряностей тут много», водятся на острове дикие слоны и носороги, которых Марко Поло называет единорогами, и «маленькие обезьяны с человеческим лицом».

Непогода задержала флот на целых пять месяцев, и путешественник, воспользовавшись случаем, посетил главные провинции острова. Особенно его поразили саговые деревья: «Кора у них тонкая, а внутри одна мука; из нее делают вкусное тесто». Интересны описания камфарных и сандаловых деревьев, кокосовых пальм и сахарного тростника. Но наряду с правдоподобными сведениями Марко Поло передает явные легенды, доверчиво принимая их за истину. Так, например, он описывает «хвостатых людей», живущих в горах, и людей с песьими головами.

Когда наконец ветры позволили кораблям покинуть Малую Яву, флот направился к юго-западу и вскоре достиг Цейлона. Этот остров, говорит Поло, был некогда гораздо больше, но северный ветер дует здесь с такой силой, что море затопило часть суши. На Цейлоне, по словам Марко Поло, добывают самые дорогие и самые красивые рубины, сапфиры, топазы, аметисты, гранаты, опалы, агаты и сардониксы. («Самый красивый в свете рубин у здешнего царя, — сообщает путешественник, — такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной в человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить. Великий хан, скажу вам по правде, прислал к этому царю своих гонцов с предложением купить тот рубин: коль царь пожелает его отдать, так великий хан прикажет ему уплатить то, что стоит большой город. Царь отвечал, что не отдаст камень ни за что на свете, рубин тот дедовский, и ни за какую цену в свете его не уступит».)

В шестидесяти милях к востоку от Цейлона мореплаватели встретили обширную область Маабар (Коромандельский берег полуострова Индостан), которую не следует смешивать с Малаба-

баром, лежащим на западном берегу того же полуострова. Маабар славится ловлей жемчуга. Там, сообщает Поло, есть чародеи, которые заколдовывают морских чудищ, чтобы не вредили они людям, ныряющим в воду за жемчугом, и за это колдуны получают свою долю от улова. Путешественник сообщает также интересные подробности о нравах индийцев, о похоронах индийских царей, в честь которых «все князья, что были его верными друзьями», бросаются в огонь, о распространенном обычае самоубийств «из любви к таким-то идолам», о жертвоприношении вдов, которых после смерти мужей ждет костер, об омовениях два раза в день, предписанных религией, о способностях туземцев к физиономическому анализу, об их вере в астрологов и прорицателей.

Побывав на Коромандельском берегу, Марко Поло поднялся на север, до царства Муфтили, современной столицей которого стал город Масулипатам, главный город княжества Голконда. Этим городом мудро правит царица, которая вдовствует в продолжение сорока лет, пожелав остаться верной памяти умершего супруга. В этой стране разрабатывают богатые алмазные копи, расположенные в горах, к несчастью, изобилующих змеями.

Далее Марко Поло описывает царство Мосул (Телингана), где находились богатейшие алмазные россыпи, передавая при этом любопытную легенду об их добыче с помощью орлов. В горные расщелины и глубокие пропасти, куда человеку не дают проникнуть ядовитые змеи, бросают куски сырого мяса, к которым прилипают драгоценные камни. «В этих горах водится множество белых орлов, что ловят змей; завидит орел мясо в глубокой долине, спускается туда, схватит его и потащит в другое место; а люди между тем пристально смотрят, куда орел полетел, и как только он усядется и станет клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орел боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов. Добывают алмазы и другим способом: орел с мясом клюет и алмазы, а потом ночью, когда вернется к себе, вместе с пометом выбрасывает те алмазы, что клевал; люди ходят туда, подбирают орлиный помет и много алмазов находят в нем».

Путешествие Марко Поло по Индии продолжалось вдоль Коромандельского побережья. Он подробно рассказывает о жизни брахманов, которые, по его словам, очень долговечны «и все оттого, что воздержанны и едят мало». Некоторые отшельники-

кунгуи (йоги) доживают до полутораста и до двухсот лет. Ведут они жизнь суровую и строгую, «всякой твари боятся они учинить что-либо грешное; скорее умрут, а не сделают того, что за грех почитают... Спят они на земле: ничего нет ни под ними, ни над ними; и просто удивительно, как они не умирают, а еще долго живут». Поклоняются брахманы и йоги быку, который считается у них священным животным.

От этого побережья флот вернулся к Цейлону, куда Хубилайхан в 1284 г. отправил посольство, чтобы оно доставило ему пресловутые мощи Адама и среди прочего — два коренных зуба, потому что, если верить сарацинской традиции, могила нашего праотца была расположена на крутой горе, самой высокой на острове. Потеряв из виду Цейлон, Марко Поло отправился в Кэл, порт, исчезнувший с современных карт, который посещали все суда, которые в те времена шли из Киса, Ормуза, Адена, от берегов Аравии. Оттуда, обогнув мыс Коморин, крайнюю точку полуострова Индостан, мореплаватели прошли в виду Куалума, современного Кулама, который в XIII в. был очень важным торговым городом. Именно там скапливалось сандаловое дерево и индиго, и торговцы из стран Восхода и Заката в большом количестве прибывали туда. Малабарское побережье отличалось высокими урожаями риса; в этих краях обитали и дикие звери, такие как леопард, которого Марко Поло называет «черным львом», различные виды попугаев и павлины, несравнимо более красивые, чем их европейские собратья.

Покинув Куалум и продвинувшись вдоль Малабарского берега к северу, флот подошел к побережью царства Эли, получившего свое название от горы, расположенной на границе Канары и Малабара; там собирают перец, имбирь, шафран и другие пряности. Севернее этого царства располагается страна, которую венецианский путешественник назвал Мелибаром; собственно говоря, она занимает северную часть Малабарского побережья. Торговые корабли Манзи часто посещают здешние края, загружаясь отличными пряностями, дорогими тканями и другим ценным товаром; однако купцы нередко подвергаются нападениям пиратов. Концентрируются морские разбойники главным образом у полуострова Гохурат, нынешнего Гуджарата, к которому как раз и направилась флотилия, посетив предварительно Танат, страну, где собирают ладан, и Канбаот, современный Камбей, важный центр торговли кожами. Пройдя Суменат, город на полуострове, насе-

ленном идолопоклонниками, жестокими и кровожадными, мореплаватели прибыли в Кесмакоран, вероятно, современный Кедж, столицу страны Макран, расположенной по берегу моря к востоку от устья Инда, последний индийский город, который посетил Марко Поло, откуда он, вместо того чтобы направиться в Персию, где его ожидала татарская принцесса, устремился на запад, через обширное Оманское море.

Желание увидеть новые страны было настолько сильно у Марко Поло, что он уклонился на пятьсот миль в сторону, к берегам Аравии; он остановился близ островов Мужского и Женского, названных так потому, что на первом острове жили одни мужчины, а на втором женщины, и только в марте, апреле и мае мужчины имели право посещать Женский остров. От этих островов флотилия Поло направилась к острову Скотра (Сокотра), лежащему у входа в Аденский залив. О жителях этого острова венецианец отзывается как об искусных колдунах, способных силою своих чар повелевать бурями и ураганами. Спустившись затем на тысячу миль к югу, он направил свой флот к берегам Мадагаскара¹.

По мнению путешественника, Мадагаскар — один из самых больших и красивых островов во всем мире. Жители здесь занимаются торговлей и промышленяют слоновой костью. «Едят тут только одно мясо — верблюжье;² кто не видел, тот и не поверит, сколько верблюдов убивается ежедневно; народ здешний говорит, что верблюжье мясо лучше и здоровее всякого другого, поэтому и ест его круглый год». Купцы, прибывшие сюда с берегов Индии, употребляют на переезд по морю всего двадцать дней, но обратный путь отнимает у них не менее трех месяцев, так как течение в Мозамбикском проливе относит их корабли к югу. Тем не менее индийские купцы охотно посещают этот остров, сбывая здесь с большой выгодой золотые и шелковые ткани и получая взамен сандаловое дерево и амбру³.

¹ В этой главе Марко Поло рассказывает о посещении им берегов Абиссинии, островов Занзибара и Мадагаскара. В его рассказе об этих странах много неверных сведений; поэтому ученые считают, что Марко Поло эти страны не посещал. И все же он был первым европейцем, сообщившим о существовании острова Мадагаскар (по-видимому, эти сведения он получил от арабов, которым Мадагаскар был хорошо известен).

² Верблюдов на Мадагаскаре в то время не могло быть.

³ Амбра — воскообразное, серого цвета пахучее вещество; встречается у берегов Индийского и Тихого океанов; представляет собой окаменевшие выделения кашалота. Прежде употреблялась в медицине, ныне — исключительно в парфюмерии, в качестве закрепителя духов.

Путешественник описывает также животный мир Мадагаскара. Здесь водятся леопарды, медведи, львы, олени, антилопы, лани и великое множество «всякой дичины и скота»¹. Но что особенно поразило Марко Поло — так это легендарная птица гриф (или иначе — птица Рук), о которой говорится в сказках «Тысяча и одна ночь» и в различных народных преданиях. Вот как описывает путешественник легендарную птицу: («И во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают; у нас рассказывают, что гриф наполовину птица, а наполовину лев; и это неправда. Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, но только, говорят, чрезвычайно большой... Схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им».)

Можно предположить, что поводом для возникновения этой легенды явилось реальное существование теперь уже окончательно вымершей гигантской страусоподобной птицы «эпиорнис максимум», яйца которой находят иногда еще на Мадагаскаре.

Поднимаясь от Мадагаскара к северо-западу, Марко Поло приплыл к острову Занзибар, а затем и к африканскому берегу. Обитатели этих мест, по его словам, «толсты и жирны так, что кажутся великанами; очень они сильны; поднимает один, что четверем только стащить, да и неудивительно: ест он за пятерых; они совсем черны, ходят нагишом, покрывают только срамоту». У африканцев большой рот, вздернутый нос, толстые губы, крупные глаза. Питаются они рисом, мясом, молоком, финиками и употребляют вино из риса с пряностями. «Народ здешний воинствен; в битвах дерутся отлично, храбры и смерти не боятся. Лошадей у них нет, дерутся они на верблюдах и на слонах. На слонов ставят теремцы и прикрывают их хорошенько; взбираются туда от шестнадцати до двадцати человек с пиками, мечами и камнями; дерутся на слонах стойко. Из оружия у них только кожаные щиты, пики да мечи, а дерутся крепко. Слонов, когда ведут их на битву, много поят вином; напьется слон и станет горделив и смел, а это и нужно в битве».

Во времена Марко Поло страны, известные под общим названием Индия, разделялись на три части: Великая Индия (полуостров Индостан и все земли, лежащие между Гангом и Индом), Малая Индия (земли по ту сторону Ганга, от восточных бе-

¹ Эти животные характерны для Африки, но не для Мадагаскара.

регов Индостана до Кохинхины) и, наконец, Средняя Индия (Абиссиния и аравийские берега, до Персидского залива).

Покинув Занзибар, Марко Поло направился в Среднюю Индию — посетил прежде всего Абасию, или Абиссинию, очень богатую страну, где выращивают много хлопка и выделывают из него хорошие ткани; затем флот достиг порта Зейла, почти у входа в Баб-эль-Мандебский пролив, и далее, следуя вдоль берегов Аденского залива, последовательно останавливался в Адене, Калату (Кальхат), Дуфаре (Зафар) и, наконец, Курмозе (Ормуз). В этот последний город Марко Поло уже однажды заезжал, когда держал путь из Венеции ко двору монгольского хана.

В Ормузе и закончилось плавание Марко Поло. Монгольская принцесса наконец добралась до границы Персии. Ко времени ее прибытия хан Архун успел уже умереть, и в Персидском царстве начались междоусобные войны. Венецианец отдал привезенную им принцессу под покровительство сына Архуна Гассана, который в это время вел борьбу со своим дядей, братом Архуна, пытавшимся захватить освободившийся престол. В 1295 г. соперник Гассана был задушен, и Гассан стал персидским ханом. Как сложилась дальнейшая судьба монгольской принцессы, неизвестно, но она, прежде чем расстаться с Марко, Никколо и Маттео Поло, оставила им знаки своего высокого покровительства.

Видимо, во время пребывания в Персии Марко Поло собрал любопытные документы о Великой стране тюрков; это — всего лишь фрагменты, не имеющие продолжения, приводимые венецианцем в конце своей книги и названные им подлинной историей монгольских ханов в Персии. Но его познавательные странствия кончились. Простившись с татарской принцессой, трое европейцев, снабженные хорошим эскортом и освобожденные от всех расходов, отправились сухопутной дорогой на свою родину. Путь их лежал на Трапезунд, Константинополь и Негропонт (Халкида), где они сели на корабль и отплыли в Венецию.

В 1295 г., после двадцатичетырехлетнего отсутствия, Марко Поло вернулся в родной город. Три путешественника, опаленные знойными лучами солнца, в грубых татарских одеждах, с монгольскими манерами, почти забывшие родную речь, не были узнаны даже самыми близкими родственниками. К тому же в Венеции давно уже ходили слухи о их смерти, и все считали троих Поло погибшими в Монголии. Путешественники отправились в квартал Иоанна Златоуста, где находился их дом, но он оказался

занятым многочисленными представителями семейства Поло, которые встретили прибывших незнакомцев с большим недоверием и долго не соглашались пускать на порог.

Спустя несколько дней путешественники устроили пир, на который были приглашены все их родственники и знатные граждане Венеции. Когда приглашенные собрались в приемном зале, трое Поло вышли к ним в великолепных атласных одеждах, а затем, во время пиршества, предстали перед собравшимися в платье из малинового бархата и роздали гостям по куску дамасского шелка. Наконец, они приказали слугам принести ту самую грубую татарскую одежду, в которой они прибыли в Венецию. На глазах у всех они распоролы швы, оторвали подкладку, и из рубища стали сыпаться на стол рубины, сапфиры, изумруды, бриллианты и другие драгоценные камни. Под лохмотьями скрывались несметные богатства.

Скоро Марко Поло стал именитым гражданином Венеции и был избран в члены магистрата. Охотно рассказывая о своих приключениях на Востоке, он особенно часто упоминал о «миллионах» великого хана, который управлял «миллионами» подданных. Поэтому сограждане, не очень-то доверявшие его рассказам, прозвали Марко Поло «господином Миллионом».

В 1298 г. между республиками Венецией и Генуей разгорелась междоусобная война. Генуэзский флот под начальством Лампи Дориа стал угрожать Венеции. Венецианцы спешно снарядили свой флот под начальством адмирала Андреа Дандоло, который поручил Марко Поло командовать галерой.

В морском сражении 7 сентября 1298 г. венецианцы были разбиты генуэзцами, и Марко Поло, тяжело раненный, попал в плен. Победители, зная о путешествиях Поло, отнесли к нему с уважением. Знатные генуэзцы охотно принимали пленника в своих домах, желая послушать удивительные истории. Они не уставали слушать знаменитого путешественника, но, в конце концов, тому надоело рассказывать. Чтобы дать возможность всем желающим познакомиться с его приключениями в стране великого хана, Марко Поло в 1298 г. продиктовал свой рассказ пизанцу Рустичано, с которым встретился в генуэзской тюрьме, где его держали в качестве заложника.

Около 1299 г. Марко Поло был отпущен на свободу, вернулся в Венецию и там женился. После этого его следы теряются. Из сохранившегося духовного завещания, помеченного 9 января

1323 г., известно только, что он оставил трех дочерей; биографы полагают, что Марко Поло умер около того же времени, семидесяти лет от роду.

Такова жизнь знаменитого путешественника, записки которого оказали громадное влияние на развитие географических знаний. До середины XVIII в. книгой Марко Поло, которая долгое время распространялась под заглавием «Книга чудес мира», пользовались для установления торговых путей в Индию, в Китай и в Центральную Азию. Но еще большую роль книге Марко Поло суждено было сыграть в истории открытия Нового Света, так как его рассказы о чудесных странах Востока, изобилующих сокровищами, побудили европейцев предпринять поиски морского пути в Индию и к берегам Китая.

Глава пятая

ИБН БАТТУТА (1304 — 1377)

Ибн Баттута. — Нил, Газа, Тир, Тивериада, Баальбек-Небек, Дамаск, Мешхед, Басра, Багдад, Тебриз, Медина, Мекка, Йемен. — Абиссиния. — Берберийская земля. — Ормуз. — Сирия. — Анатолия. — Малая Азия. — Астрахань. — Константинополь. — Туркестан. — Герат. — Инд. — Дели. — Малабарский берег. — Мальдивские острова. — Цейлон. — Коромандельский берег. — Бенгалия. — Суматра. — Китай. — Африка. — Нигер. — Тимбукту.

Примерно через четверть века после возвращения Марко Поло на родину с 1313 по 1330 г. один францисканский монах пересек всю Азию, от Черного моря до восточных окраин Китая, проехав через Трабзон, гору Арарат, Вавилон и остров Ява. Но отчет о путешествии настолько запутан, а легковерие странника настолько очевидно, что его рассказам не стоит придавать какого-либо значения. Было также путешествие сказочного Джона Мандевиля, о котором Кули говорит, что тот опубликовал «работу, настолько заполненную ложью, что другой подобной не существует ни на одном из известных языков».

Достоинным последователем Марко Поло был арабский путешественник Ибн Баттута, который для исследования Египта, Аравии, Анатолии, Татарии, Индии, Китая, Бенгалии и Судана сделал так же много, как и венецианец для значительной части Центральной Азии. Этот предприимчивый и смелый путешественник должен занять место в ряду самых выдающихся исследователей.

Ибн Баттута (полное его имя Абу-Абдаллах-Мухаммед ибн Абдаллах аль-Лавати ат-Танджи) родился в 1304 г. в городе Танжере в Северной Африке. Получив богословское образование, Ибн Баттута в 1324 г. решил совершить паломничество в священный город арабов Мекку, но отправился туда не прямым путем. Из Танжера он отбыл в Египет, побывал в Александрии и Каире, поднялся вверх по Нилу до границ Нубии, а затем, вернувшись в Египет, переправился в Малую Азию. Посетив Газу, могилы Авраама, Исаака, Иакова, город Тир, тогда очень сильно укрепленный и неприступный с трех сторон, Тиверию, от которой остались только развалины, причем прославленные ее купальни были также разрушены полностью, Ибн Баттута был привлечен красотами Ливанских гор, где все тогдашние отшельники назначали друг другу свидания, разумно избрав эти чудесные края, одни из пре-

краснейших на земле, местом окончания своих бранных дней. Побывав в Баальбеке, путешественник подошел к Дамаску, но тогда, в 1345 г., в городе свирепствовала чума. Ужасная болезнь уносила за день до «двадцати четырех тысяч» человек, если верить словам очевидца, и Дамаск, без сомнения, по-настоящему опустел бы без вмешательства небес, по словам Ибн Баттуты, уступившим мольбам народа, собравшегося в ту самую высокочтимую мечеть, в которой можно видеть драгоценный камень, хранящий отпечаток ступни Моисея.

Из Дамаска Ибн Баттута поспешил в Мешхед, где посетил гробницу арабского пророка Али. В Мешхеде собираются толпы больных и увечных, которым достаточно провести у гробницы одну ночь, чтобы исцелиться от своих недугов. Баттута, по видимому, нисколько не сомневается в возможности этого чуда, носящего на Востоке название «ночь выздоровления».

После Мешхеда неутомимый и любознательный паломник отправился в Басру, затем в королевство Исфахан и в провинцию Шираз. Из Шираза он поехал в Багдад, Тебриз, оттуда — в Медину и, наконец, прибыл в Мекку, где оставался три года.

Во времена Ибн Баттуты, в эпоху расцвета владычества ислама, в Мекку стекались богомольцы с разных концов земли. С караваном паломников Ибн Баттута посетил все города Йемена. Добравшись до Адена, он отплыл в Зейлу, один из портов Абиссинии, и ступил на африканский берег. В стране берберийцев¹ путешественник познакомился с нравами и обычаями «этих грязных и отвратительных племен», питающихся только рыбой и верблюжьим мясом. Однако в городе Макдасбу Ибн Баттута встретил некоторую роскошь, мы бы даже сказали — комфорт, о котором он сохранил доброе воспоминание. Жители города были очень тучными: каждый из них «ел столько же, сколько целый монастырь», и очень ценил лакомства — такие, например, как подорожник, кипяченный в молоке, засахаренный лимон, стручки свежего перца и зеленый имбирь.

Несколько познакомившись со страной берберов, причем в основном с прибрежными районами, Ибн Баттута переплыл

¹ Берберы — группа народов, составляющая коренное население Западной и Северной Африки (Марокко, Алжира и Туниса). Кроме того, они населяли оазисы Сахары и Триполитании. Берберы являются потомками древнего населения Северной Африки — ливийцев. После арабского завоевания (VII в.) значительная часть берберских племен переняла арабские обычаи, культуру, религию (ислам), язык. Теперь берберами называют лишь те группы населения, которые сохранили свои берберские языки.

Красное море и, следуя вдоль Аравийского берега, прибыл в город Зафар, лежащий на берегу Индийского океана. Здесь он встретил великолепную растительность: бетель¹, кокосовые пальмы и другие деревья образовывали роскошные леса. Продвигаясь все дальше и дальше, любознательный путешественник попал в Ормуз, объехал несколько персидских провинций, и в 1332 г. мы вторично застаем его в Мекке, куда он вернулся после трехлетних странствий.

Но это был только временный перерыв в путешествиях Ибн Баттуты. Вскоре он опять покинул Аравию. Пустившись исследовать малоизвестные страны Верхнего Египта, он направился к Каиру, оттуда — в Сирию, в Иерусалим, Триполи, Анатолию, где единоверцы оказали ему радушный прием.

Арабский путешественник рассказывает также и о Малой Азии. В Эрзуруме ему показали метеорит весом в 620 фунтов.

Переплыв Черное море, Ибн Баттута совершил путешествие по Крыму и добрался до города Болгар, лежавшего на берегах Камы, недалеко от Волги — на такой высокой широте, замечает путешественник, что стало очень заметно неравенство дня и ночи. Затем Ибн Баттута спустился к устью Волги и прибыл в Астрахань, где находилась зимняя резиденция татарского хана. В это время одна из жен хана собиралась навестить своего отца, константинопольского императора. Ибн Баттута не преминул воспользоваться оказией, чтобы посетить европейскую Турцию. Он добился разрешения присоединиться к свите. Жена хана отправилась в путь в сопровождении пяти тысяч человек. Прием, оказанный им в Константинополе, был великолепен: колокола гремели с такой неистовой силой, что, казалось, «даже горизонт колеблется от этого звона».

Ибн Баттуте была дана возможность подробно ознакомиться с городом, и он оставался в нем тридцать шесть дней.

Без сомнения, в эпоху, когда передвижения между различными странами были трудными и опасными, Ибн Баттута показал себя отважным исследователем. Он проехал через Египет, Ара-

¹ Бетель — небольшой вьющийся кустарник из семейства перечных. Родина его — тропическая Азия. Пряные и острые на вкус, листья бетеля вместе с кусочками семян арековой пальмы и с небольшим количеством извести используются для жевания. Оказывает возбуждающее действие на нервную систему. При жевании бетеля происходит выделение слюны, которая, как и полость рта, окрашивается в кроваво-красный цвет. Зубы при жевании бетеля становятся черными.

вию, азиатскую Турцию, кавказские провинции. После стольких трудов он получил право на отдых. Его слава была велика, и этим удовлетворился бы менее амбициозный ум. Ибн Баттута был, бесспорно, самым знаменитым путешественником XIV в.; но ненасытная страсть все еще влекла его в странствия, и круг его исследований должен был значительно разрастись.

Из Константинополя он возвратился в Астрахань. Отсюда, через бесплодные пустыни Туркестана, Ибн Баттута направился в Хорезм, а затем в Бухару, полуразрушенную после нашествия Чингисхана. Некоторое время спустя мы встречаем его в Самарканде, произведшем на него весьма благоприятное впечатление, а потом в Балхе, куда он мог попасть, только преодолев Хоросанскую пустыню. Город Балх был опустошен и разрушен, так как через него прошли полчища варваров, а потому Ибн Баттута не мог там задерживаться. Задумав вернуться на запад, на границу Афганистана, он должен был пробраться через гористую страну Хузистан. Мучительные трудности не остановили отважного араба. Не только терпение, но и удача помогли ему добраться до города Герата. Это был самый дальний пункт, достигнутый путешественником на западе. Отсюда он решил повернуть к востоку и продвигаться до крайних пределов Азии у берегов Тихого океана. Если бы ему это удалось, он превзошел бы своими исследованиями самого Марко Поло.

Следуя вдоль границы Афганистана, он достиг берегов Инда и отправился вниз по течению до устья реки. Побывав в городе Лахоре, путешественник направился в Дели. Это был большой и прекрасный город, жители которого почти все разбежались, напуганные жестокостями тамошнего властителя Мухаммеда.

Но иногда на этого тирана находили минуты великодушия. Арабский путешественник прибыл к нему в одну из таких счастливых минут и был принят весьма благосклонно. Тиран осыпал его милостями и назначил судьей в Дели, предоставив земли и денежные доходы, связанные с этой должностью. Вскоре, однако, тиран заподозрил Ибн Баттуту в заговоре. Чтобы избежать гнева императора, тот вынужден был оставить свою должность и сделался факиром. Но Мухаммед неожиданно сменил гнев на милость и назначил Ибн Баттуту посланником в Китай.

Итак, судьба еще раз улыбнулась мужественному путешественнику. Теперь он мог добраться до отдаленнейших стран при очень удобных и сравнительно безопасных условиях. В со-

провожении двух тысяч всадников он повез подарки китайскому императору. Ибн Баттута никак не рассчитывал на встречу с повстанцами. Между тем индийцы напали на его конвой, а самого Ибн Баттуту дочиста ограбили и взяли в плен. Связанного по рукам и ногам, его увезли в неизвестном направлении. Однако он не потерял присутствия духа и, воспользовавшись первой возможностью, совершил смелый побег. Арабский путешественник скитался в течение семи дней, пока не встретил наконец одного негра, который привез его в Дели, ко двору императора.

Мухаммед, узнав о злоключениях Ибн Баттуты, снарядил новую экспедицию, которая на сей раз благополучно миновала мятежные области и достигла Малабарского берега. Через некоторое время Ибн Баттута вступил в Каликут. Здесь он оставался три месяца в ожидании благоприятного ветра. Этой невольной остановкой путешественник воспользовался для изучения морской торговли китайцев, посещавших город. Он с восхищением говорит о китайских джонках, о «плавучих садах», в которых китайцы выращивают имбирь и овощи и т. п.

Наконец задул попутный ветер. Для переезда Ибн Баттута выбрал маленькую, но уютно обустроенную джонку, на которой он приказал разместить свои богатства и свой багаж. Он также нанял 13 джонок и нагрузил на них подарки для китайского императора. Но разыгравшаяся ночью буря разбила все суда, и дары пошла на дно. По счастливой случайности сам Ибн Баттута находился в ту ночь на берегу, желая присутствовать на утреннем богослужении в мечети. Из всех богатств уцелел только один коврик, на котором он молился. После этой, второй, катастрофы Ибн Баттута уже больше не рискнул предстать пред властителем Дели.

Восстановить против себя и менее требовательного правителя поводов было достаточно.

Ибн Баттута покорился судьбе; он оставил службу при дворе императора и преимущества, связанные с его положением посланника, и отплыл на Мальдивские острова, которыми тогда правила женщина. Архипелаг этот был известен торговлей пальмовым волокном. Там арабский теолог вновь был облечен полномочиями судьи; он взял себе трех жен, но вскоре вынужден был бежать, поскольку навлек на себя гнев завистливого визиря. Он надеялся добраться до Коромандельского берега, но ветры отнесли его судно к острову Цейлон.

Здесь Ибн Баттута был принят с большим почетом и получил от султана разрешение подняться на священную гору Серендид, или Адамов пик. Ему хотелось увидеть на вершине горы чудесный отпечаток человеческой ноги, который, как утверждали индийцы, был оставлен на камне «стопю Будды» при его вознесении на небо. В своем сочинении Ибн Баттута говорит, что этот след имеет одиннадцать пядей в длину. Путешественник принимает на веру и другие легенды. Он сообщает, например, что значительную часть населения острова составляют большие бородатые обезьяны, которые подчиняются своему королю — павиану, увенчанному короной из древесных листьев.

С Цейлона Ибн Баттута все же добрался до Коромандельского берега, хоть и испытал в пути жестокие бури. Миновав южную оконечность полуострова Индостан, он достиг другой стороны берега, откуда опять пустился в море. На этот раз путешественника ожидало новое испытание: на его судно напали пираты. Дочиста ограбленный, в жалких лохмотьях, изнуренный от голода и лишений, он кое-как добрался до Каликута. Но никакое несчастье не могло сломить этого человека! Он принадлежал к числу тех великих путешественников, которые в испытаниях черпают лишь новую энергию. Благодаря помощи нескольких кушцов из Дели он опять снарядился в дальний путь и отплыл к Мальдивским островам, откуда попал в Бенгалию, где его восхитили естественные богатства страны, и затем переправился на Суматру. Принятый с почетом местным королем, он воспользовался его щедротами, которые помогли собрать необходимые средства для поездки в Китай.

Джонка понесла арабского путешественника по «Тихому морю», и через семьдесят один день он достиг гавани «Каилук», столицы какой-то таинственной страны, где жители, «красивые и мужественные люди, выдвывают превосходное оружие». Из Каилука Ибн Баттута проехал несколько китайских провинций и прежде всего посетил великолепный город Зейтун, по-видимому, нынешний Цюаньчжоу, расположенный чуть севернее Нанкина.

Ибн Баттута побывал во многих городах этой обширной империи, изучая обычаи китайцев, промышленность и торговлю. Правда, до Великой стены на севере Китая он так и не добрался, хотя упоминает о ней в своем сочинении, называя эту стену «препятствием Гога и Магога»¹. Переходя из одного места в дру-

¹ Гог и Магог — мифический народ, который Александр Македонский якобы запер железными воротами в горном ущелье Кавказа или Тянь-Шаня.

гое, арабский исследователь посетил, между прочим, провинцию Шэньси, включавшую в себя шесть укрепленных городов, и прожил там довольно долгое время. Случай дал ему возможность присутствовать на похоронах одного хана, который был погребен вместе с четырьмя рабами, шестью фаворитами и четырьмя лошадьми. Затем Ибн Баттута вернулся в Зейтун, но вспыхнувшее там восстание заставило его покинуть этот город. Он отплыл обратно на Суматру, откуда после остановок в Каликуте и Ормузе возвратился в 1348 г. в Мекку, объехав также Персию и Сирию.

В следующем году Ибн Баттута вернулся после двадцатипятилетних странствий в свой родной город Танжер, но не мог долго усидеть на одном месте. Через некоторое время его снова потянуло в дальние страны.

На этот раз Ибн Баттута отправился в Испанию, затем вернулся в Марокко, проник в глубь Судана; объехав области, орошаемые Нигером, он перебрался через великую пустыню Сахару и, наконец, вступил в город Тимбукту, совершив новое большое путешествие, которого было бы достаточно, чтобы прославить менее честолюбивого странника. Это было его последнее путешествие. В 1353 г., спустя двадцать девять лет после того, как Ибн Баттута в первый раз покинул Танжер, он возвратился в Марокко и поселился в Фесе, где встретил человека, которому продиктовал свою увлекательную книгу, известную под названием «Подарок любознательным».

Арабский путешественник прославился как самый отважный исследователь XIV в., и потомство совершенно справедливо ставит имя Ибн Баттуты рядом с именем знаменитого венецианца Марко Поло.

Христианские проповедники утверждали, что в день Страшного суда ожидается их нашествие на Европу. На поиски Гога и Магога в раннее средневековье снаряжались экспедиции, а на картах и в географических описаниях они упоминались вплоть до XVII столетия.

Глава шестая

ЖАН ДЕ БЕТАНКУР (1339 — 1425)

Нормандский рыцарь. — Его мечты о завоеваниях. — Что было известно о Канарских островах. — Кадис. — Канарский архипелаг. — Жан де Бетанкур возвращается в Испанию. — Свидание Бетанкура с кастильским королем Генрихом III. — Гадифер исследует Канарский архипелаг. — Возвращение Жана де Бетанкура и его ссора с Гадифером. — Крещение канарцев. — Французские колонисты на Канарских островах. — Попытки завоевать остров Гран-Канария. — Учреждение канарской епархии.

В 1339 г. в графстве Э, в Нормандии¹, родился Жан де Бетанкур, барон Сен-Мартен Легайяр. Проявив себя как отважный воин и искусный мореплаватель, он мечтал снарядить большую морскую экспедицию и совершить какое-либо открытие.

Благоприятный случай не заставил себя ждать.

В Атлантическом океане, у берегов Африки, лежит группа Канарских островов, носивших некогда название «Счастливых». Если верить преданию, в древности эти острова исследовал Юба, нумидийский царь². В средние века их посещали арабы, генуэзцы, португальцы, испанцы и баски. Наконец, в 1393 г. испанский дворянин Альмонастер высадился на Лансароте, одном из Канарских островов, и привез оттуда нескольких пленников, а также образцы местной флоры и фауны, свидетельствовавшие об изумительном плодородии этого архипелага.

Мысль о завоевании Канарских островов показалась Жану де Бетанкуру весьма соблазнительной, и он стал готовиться к экспедиции. Покинув свой замок, барон отправился в Ла-Рошель на берегу Атлантического океана, где встретился с рыцарем Гадифером де ла Саль, таким же искателем приключений. Жан де Бетанкур поделился с ним своими замыслами, и тот предложил попытать счастье вместе. Бетанкур ответил согласием.

Вскоре Бетанкур приобрел хорошие корабли, нанял матросов, собрал войско и закупил припасы. Вместе с Гадифером он вышел из гавани Ла-Рошель и благополучно прибыл в испанский порт Ла-Корунья. Затем флотилия снова направилась на юг, вдоль португальского берега, и, войдя в испанскую гавань Кадис, надолго там задержалась. Длительная стоянка была вызвана распрей

¹ Нормандия — историческая провинция на северо-западе Франции.

² Юба — имеется в виду Юба II, царь древней страны Нумидии, находившейся в Северной Африке, на территории современного Алжира.

Бетанкура с генуэзскими купцами, обвинившими его в похищении у них корабля. Бетанкур вынужден был отправиться в Севилью, к королю Энрико III, который снял с него обвинение. Вернувшись в Кадис, он нашел часть своего экипажа в смятении. Многие матросы, напуганные опасностью предстоящего путешествия, не желали продолжать плавание. Бетанкур, оставив у себя на службе только смелых людей, снялся с якоря и вышел в открытое море.

Через восемь дней после отплытия из Кадиса флотилия достигла одного из островов Канарской группы, которому Бетанкур присвоил название «Грасьоса». Вскоре показался еще один остров — Лансароте, длиной в 44 и шириной в 16 километров. Здесь Бетанкур нашел прекрасные пастбища и плодородную почву, орошаемую многочисленными родниками. Жители острова Лансароте, рослые и хорошо сложенные люди, ходили почти без всякой одежды.

Жан де Бетанкур попытался захватить в плен нескольких туземцев. Но местности он не знал, и подобная операция представлялась трудной. Тогда он приказал стать на якорь под прикрытием одного из островков, расположенных чуть севернее, и, устроив что-то вроде военного совета, спросил у рыцарей, какие действия, по их мнению, следует предпринять. Собравшиеся приняли решение — любой ценой, хитростью или подкупом, захватить аборигенов. Судьба благоприятствовала храброму шевалье. С ним установил связь царек острова, Гуадарфия, который присягнул в верности, но как друг, а не как подданный. Жан де Бетанкур построил «замок», точнее — форт, на открытой местности в юго-западной части острова; там он оставил несколько человек под командованием очень дисциплинированного Бертэна де Берневаля, а с остальными отправился завоевывать остров Эрбанию, то есть Фуэртевентуру.

Гадифер посоветовал высадиться ночью, что и было сделано; потом он встал во главе небольшого отряда и целых восемь дней рыскал по острову, но не мог отыскать хотя бы одного туземца: все аборигены укрылись в горах. Вследствие нехватки продовольствия Гадифер вынужден был вернуться, а потом занял островок Лобос, расположенный между Лансароте и Фуэртевентурой. Но там против Гадифера взбунтовался его кормчий, и рыцарь не без труда вернулся к барону, в укрепленный форт.

Оставив Гадифера на острове Лансароте, Жан де Бетанкур решил возвратиться в Испанию, чтобы запастись провизией и на-

брать новую команду, так как на своих людей полагаться он больше не мог.

Вспомним, что Жан де Бетанкур назначил комендантом форта на Лансароте Бертэна де Берневалья, личного врага Гадифера. Едва нормандский рыцарь высадился на острове, как Берневаль попытался подкупить его спутников, и некоторых из них, в частности гасконцев, ему удалось возмутить против губернатора. А тот, нисколько не подозревая о действиях Берневалья, занимался охотой на морских волков возле Лобоса в обществе своего друга Ремона де Леведена и многих других. Упомянутый де Леведен был отправлен на Лансароте за провизией, но Берневалья, уже покинувшего вместе с заговорщиками остров, там не нашел — тот уже отправился в порт острова Грасьоса, где один владелец нао¹, обманутый его обещаниями, отдал в распоряжение мятежников свой корабль.

Тогда изменник Берневаль вернулся на Лансароте и довершил злое дело, заключив фиктивный союз с царьком острова и канарцами. Властелин и не подумал, что офицер сеньора Бетанкура, которому он доверял во всем, может обмануть, и остался вместе с двадцатью четырьмя своими подданными в лагере Берневалья. Когда туземцы заснули, рыцарь приказал связать их и доставить на Грасьосу. Повелитель, увидев измену, разорвал путы и освободил троих из своих людей; им удалось бежать, а его несчастные соотечественники остались в плену и были выданы Берневалем испанским морским разбойникам, которые продали их в рабство на чужбину.

За этим позорным поступком Берневалья последовало много других. Так, по его приказу был захвачен корабль, посланный Гадифером на остров Лансароте за продовольствием. Ремон вознамерился вступить в бой с изменниками, но силы его были слишком малы. Никакие уговоры не могли предотвратить разграбление продовольственного склада бандой Берневалья и лично главарем; они захватили либо уничтожили инструменты и оружие, собранные в форту Жаном де Бетанкуром. Мятежники не пощадили и губернатора, и Берневаль воскликнул: «Я очень хочу, чтобы Гадифер де ла Саль знал, если бы он был так же молод, как я, то я убил бы его в поединке; но поскольку это не так, я избавляю его от этого. Если мне захочется, я утоплю его в море, и он пойдет на корм акулам!»

¹ На о — крупный морской корабль. (*Примеч. перев.*)

Тем временем Гадифер и десять его спутников, оставшись на Лобосе без пищи и без воды, были на краю гибели. К счастью, два капеллана из форта Лансароте, отправившиеся на остров Грасьосу, сумели тронуть хозяина нао, возмущенного изменой Берневала. Судовладелец представил им одного из своих компаньонов по имени Хименес, который отправлялся на Лансароте. На хрупкой лодчонке, которую нагрузили продуктами, вместе с четырьмя моряками, оставшимися верными Гадиферу, Хименес решил добраться до Лобоса, расположенного на расстоянии всего четырех лье, но это был «самый ужасный переход в данном районе моря».

А Гадифер и его люди испытывали ужасные муки жажды и голода. Хименес прибыл вовремя, не дав обреченным умереть, и спас их. Узнав об измене коменданта форта, Гадифер сел в лодку, чтобы отправиться на Лансароте. Он был возмущен поведением Берневала по отношению к бедным канарцам, которым сеньор Бетанкур и он сам обещали покровительство. Никогда бы он не подумал, что их бывший сподвижник решится на такое, — ведь его считали одним из самых преданных в отряде.

Что же в это время делал Берневаль? Изменив своему командиру, он предал и компаньонов, которые помогли ему совершить преступление; он приказал высадить на берег двенадцать человек, а сам отправился в Испанию, вознамерившись встретиться там с Бетанкуром, чтобы рассказать ему свою версию событий и объяснить свое поведение. Он был заинтересован в том, чтобы избавиться от ненужных свидетелей, и бросил их. Несчастные, думая вымолить прощение у губернатора, исповедовались капеллану, который утвердил мятежников в их намерениях. Но бедняги, опасаясь мести Гадифера, захватили в припадке отчаяния судно и попытались добраться до земли мавров. Десять из находившихся на борту утонули, а двое других попали в руки язычников и были обращены в рабов.

В Севилье Жан де Бетанкур встретил некоего Франсиско Калве, только что прибывшего с Канарских островов и готового вернуться туда с продовольствием для губернатора. Но барон де Бетанкур не захотел решать этот вопрос до встречи с королем.

Тем временем в Испании появился Берневаль вместе с главарями заговора и несколькими туземцами, которых он привез с целью продать в рабство. Предатель надеялся обратить измену себе на пользу, застав врасплох чистосердечного Бетанкура, но не

обратил внимания на прибывшего вместе с ним человека по имени Кортилья, шпиона Гадифера. Этот храбрый солдат раскрыл коварство Берневала; по его заявлению мошенники были заключены в кадисскую тюрьму. Нормандский рыцарь не мог покинуть Севилью, с минуты на минуту ожидая королевской аудиенции, и он отдал приказ, чтобы с островитянами обходились уважительно. Но пока шли переговоры, корабль увез канарцев в один из арагонских портов, где они были проданы в рабство.

Тем временем Жана де Бетанкура представили королю Кастилии; доложив о результатах своей экспедиции, рыцарь сказал: «Ваше величество, я приехал просить у вас помощи или, если вам будет угодно, отстранения от данного вами поручения — завоевать для христианской веры острова, называемые Канарскими; а поскольку вы являетесь королем и повелителем всех окрестных земель и самым близким к островам христианским монархом, я пришел просить вашей милости и принять от меня в дар эти земли».

Расчет оказался правильным. Кастильский король не только согласился принять щедрый дар, но и назначил Жана де Бетанкура правителем Канарских островов, определив в его пользу пятую часть дохода со всех товаров, которые будут поступать с этих островов в Испанию. Кроме того, Энрико III подарил ему двадцать тысяч мараведи¹ и предоставил право чеканить на Канарских островах собственную монету. Энрико III отдал также в распоряжение Бетанкура хорошо оснащенный корабль с большим грузом провизии, оружия и всевозможных припасов.

В это время на острове Лансароте происходили трагические события. Взбунтовался царек Гуадарфия, возмущенный действиями изменника Берневала по отношению к нему, и несколько со товарищей Гадифера были убиты канарцами. Гадифер решился потребовать наказания виновных, когда один из родственников монарха, Аче, предложил ему схватить властелина и сместить с трона в свою пользу. Аче был обычным мошенником: только что изменив своему повелителю, он вознамерился предать нормандцев и изгнать их с архипелага. Гадифер, не подозревая дурных намерений и желая отомстить за смерть своих, принял предложения Аче, и некоторое время спустя, накануне дня святой Екатерины, властелина застали врасплох, отвели в форт и заковали в кандалы.

Через несколько дней Аче, только что провозглашенный повелителем острова, атаковал спутников Гадифера и смертельно ра-

¹ М а р а в е д и — мелкая испанская монета

нил многих из них. Но в следующую же ночь Гуадарфиа смог бежать и в свою очередь захватил Аче, немедленно приказав забросать его камнями и сжечь.

Губернатор, выведенный из себя жестокими действиями, повторявшимися ежедневно, принял решение об истреблении всех туземцев мужского пола, сохранив только женщин и детей, которых он намеревался окрестить. Но в это время пришел снаряженный Жаном де Бетанкуром корабль, и другие заботы отвлекли Гадифера. Корабль кроме продовольствия и восьмидесяти солдат доставил также и письмо Бетанкура, в котором сообщалось, что Канарские острова отданы им в дар кастильскому королю. Гадифера это вовсе не обрадовало. Но он сумел скрыть свою досаду, и вновь прибывшим был оказан хороший прием.

Как только закончилась разгрузка корабля, Гадифер отправился на нем исследовать соседние острова архипелага.

Гадифер благополучно прибыл на остров Фуэртевентура. Через несколько дней после высадки он вместе с тридцатью пятью солдатами отправился во внутренние районы острова; но вскоре большая часть отряда покинула его, остались только тринадцать человек, включая двух лучников. Гадифер продолжил свой путь. Перейдя вброд довольно крупную речку, он попал в очаровательную ложбину, затеняемую восемью сотнями пальм. Отдохнув и восстановив силы, отряд продвигался далее вдоль берега речки.

Неожиданно появились пятьдесят туземцев и окружили маленький отряд, угрожая уничтожить пришельцев. Ни Гадифер, ни его спутники не потеряли самообладания: им удалось обратить врагов в бегство, и к вечеру они смогли вернуться к кораблю, прихватив с собой четырех пленниц.

На следующий день Гадифер покинул Фуэртевентуру и бросил якорь у острова Гран-Канария, в большом порту между Телдесом и Аргонесом. Пятьсот туземцев вышли навстречу, но враждебности не проявляли; на железные крючки мореплаватели выменяли туземные продукты: фиги, драцену, клейкое вещество, извлекаемое из драконьего дерева, отличающееся очень приятным ароматом. Однако канарцы держались настороженно; они еще помнили людей капитана Лопеса, за двадцать лет до того вторгшегося на остров, и даже не позволили Гадиферу ступить на землю.

Тогда Гадифер направился к острову Гомера, на котором виднелись многочисленные огни. На рассвете некоторые из спутников Гадифера попытались было высадиться на берег, но неustra-

шимые туземцы набросились на европейцев и вынудили их поспешно отчалить.

Затем Гадифер решил попытать счастья на острове Ферро (Иерро). Здесь высадка не встретила никаких препятствий, и европейцы прожили на этом острове двадцать два дня.

Остров Ферро был великолепен. Тысячи сосен вздымались к небу свои мощные стволы. Глубокие прозрачные ручьи щедро орошали почву. В лесу встречались в изобилии кабаны, козы и овцы.

Покинув Ферро, экспедиция отправилась на остров Лас-Пальмас (остров Пальм) и пристала к гавани, лежащей недалеко от большой реки. Этот остров также был покрыт сосновым лесом и драконовыми деревьями. Здесь Гадифер встретил туземцев — красивых, рослых и сильных людей, с правильными чертами лица и белой кожей.

Европейцы оставались на острове несколько дней. Затем, запасшись водой, отряд объехал остальные острова архипелага и вернулся в свою крепость на Лансароте. За те три месяца, что Гадифер отсутствовал, оставшаяся часть экспедиции вступала в постоянные стычки с островитянами и захватила многих из них в плен. Доведенные до отчаяния канарцы стали сдаваться в руки европейцев и соглашались принять крещение, лишь бы избавиться от жестоких преследований. Ободренный подобным исходом дела, Гадифер направил в Испанию к Бетанкуру посланца с отчетом о последних событиях на Канарских островах.

Но не успел еще губернаторский посланец добраться до Кадиса, как Жан де Бетанкур самолично прибыл на остров Лансароте. Губернатор и все европейцы оказали ему торжественный прием, так же как и крещеные канарцы. Через несколько дней царек Гуадарфия самолично пришел сдать на милость нормандского рыцаря и двадцатого февраля 1404 г. был крещен вместе со всей своей свитой. По желанию островитян капелланы Бетанкура даже составили упрощенный свод основ христианского вероучения.

Жан де Бетанкур был человеком честолюбивым. Не довольствуясь покорением Канарских островов, он стал уже мечтать о завоевании африканских земель. Между тем предстояло еще приложить немало усилий, чтобы упрочить господство на Канарских островах, властителем которых он являлся пока только номинально. Поэтому Бетанкур решил прежде всего осмотреть острова, исследованные Гадифером.

Но перед отъездом между ним и Гадифером состоялся разго-

вор, который стоит передать. Гадифер, расхваливая свои заслуги, попросил у барона в качестве компенсации за службу передачи ему во владение островов Фуэртевентура, Тенерифе и Гомера.

— Сударь, — возразил ему барон, — острова и земли, которые вы просите, еще не завоеваны. Мои намерения не в том, чтобы лишать вас награды за ваши труды, потому что вы имеете полное право получить достойную компенсацию. Но я прошу вас прежде завершить наше дело.

— Хорошо сказано, — возразил Гадифер, — но кое с чем я просто не могу согласиться — с тем, что вы подарили эти острова королю Кастилии, а себя выставили полным хозяином здесь.

— Поясню вам, — ответил Жан де Бетанкур, — что я действительно преподнес эти острова королю; верно и то, что я себя здесь считаю сеньором, потому что так соизволил решить кастильский король. Но вы, если наберетесь терпения до конца кампании, получите от меня столько, сколько пожелаете.

— Я больше не останусь в этой стране, — объявил Гадифер. — Мне надо возвращаться во Францию. Я больше не хочу здесь оставаться.

На этом рыцари расстались; но мало-помалу Гадифер остыл и согласился сопровождать Жана де Бетанкура при исследовании Канарского архипелага.

Запасшись продовольствием и оружием, экспедиция отправилась к острову Фуэртевентура, где оставалась в течение трех месяцев. За это время барон захватил в плен много туземцев и отправил их на Лансароте.

Не стоит удивляться подобному образу действий — он был вполне естественным в ту эпоху, все мореплаватели поступали так. Прежде всего необходимо было обезопасить отряд от нападений туземцев, людей высокого роста, крепкого сложения, глубоко уверенных к тому же в своей правоте. Цитадель, которую называли Ришрок, построили на склоне высокой горы; развалины замка до сих пор видны посреди деревушки.

Гадифер, хотя и не забыл своих претензий и не скрывал досады, часто прорывавшейся в бранных словах, принял командование отрядом, выделенным бароном на завоевание острова Гран-Канария.

Европейцы выступили 25 июля 1404 г., но экспедиция не дала никаких результатов. Прежде всего мореплаватели были измучены бурей и встречными ветрами. Наконец, когда они добрались

до порта Телдес, уже наступала ночь, дул сильный ветер, отряд не решился высадиться на берег в этом месте и продвинулся вперед, до маленькой деревушки Архинегги, в виду которой встал на одиннадцать часов на якорь. Тогда туземцы, подстрекаемые своим царьком Артами, устроили ловушки, чуть не ставшие роковыми для людей Гадифера. Произошла перестрелка, пролилась кровь, и кастильцы, не имея достаточных сил, отступили, они проторчали двое суток в Талдесе, а оттуда вернулись на Лансароте.

Гадифер, весьма раздосадованный неудачей, обрушил гнев на окружающих. Зависть к начальнику росла у него с каждым днем, и он дошел до дерзких обвинений, повторяя, что барон мало что делал сам и что дела продвинулись бы не так далеко, если бы и другие не приложили усилий. Упреки дошли до барона и очень разгневали его. Он, в свою очередь, предъявил претензии к завистнику, что привело к взаимным оскорблениям. Гадифер настаивал на отъезде из страны, в которой чем дольше он пребывал, тем меньше выигрывал. Правда, именно Жан де Бетанкур стал готовиться к отплытию в Испанию; он пригласил Гадифера сопровождать его с целью «устранить их несогласия». Гадифер принял предложение; но соперники отказались плыть на одном корабле — каждый из них возвращался на материк на своем судне. В Севилью они прибыли порознь. Король Кастилии, как и следовало ожидать, нашел действия барона де Бетанкура правильными и выразил свое порицание Гадиферу, после чего тот вернулся во Францию, чтобы никогда больше не приезжать на Канарские острова.

Барон де Бетанкур почти сразу же подал в отставку, т. к. не мог находиться при королевском дворе, поскольку управление новообретенной колонией требовало его постоянного присутствия. Перед отъездом барона жители Севильи, очень полюбившие его, сделали путешественнику много подарков и — что очень важно — снабдили экспедицию оружием, съестными припасами, золотом и серебром.

Жан де Бетанкур прибыл на остров Фуэртевентура, где был с радостью встречен компаньонами. Покидая остров, Гадифер оставил вместо себя своего внебрачного сына Аннибала, с которым барон обошелся приветливо.

Первые дни устройства барона де Бетанкура на острове были отмечены многочисленными стычками с канарцами, которым удалось даже разрушить крепость Ришрок, сжечь часовню и разграбить продовольствие. Барон без промедления пустился за ни-

ми и в конце концов остался победителем. Он вызвал с Лансароте большой отряд своих людей и приказал немедленно восстановить цитадель.

Тем временем стычки вспыхнули с новой силой, и много канарцев погибло, в том числе некий гигант ростом в девять футов, которого Жан де Бетанкур пытался захватить в плен. Барон не мог доверять ни бастарду Гадифера, ни его людям. А бастард этот унаследовал от отца зависть к барону, но последний, нуждаясь в помощи, скрывал свое недоверие. По счастливому стечению обстоятельств, люди барона значительно превосходили числом тех, кто остался верным Гадиферу. Между тем упреки Аннибала настолько возросли, что барон послал к нему одного из своих лейтенантов, Жана ле Куртуа, чтобы тот напомнил молодому человеку его клятву и потребовал сохранять ей верность.

Жан ле Куртуа встретил довольно плохой прием; он не поделил с бастардом и его людьми нескольких пленников-канарцев, которых сторонники Гадифера незаконно удерживали и не хотели отдавать. Аннибал в конце концов вынужден был подчиниться, но Жан ле Куртуа, вернувшись к барону, рассказал тому про заносчивость бастарда и попытался настроить своего командира против смутьяна. «Нет, сударь, — ответил ему справедливый Бетанкур, — я не хочу, чтобы ему причинили зло — ни ему, ни его людям. Нельзя вершить все, на что имеешь право; необходимо постоянно сдерживать себя и беречь свою честь в ущерб прибыли». Прекрасные слова, над которыми, к сожалению, не всегда задумываются.

Тем временем, несмотря на внутренние разногласия, завоеватели продолжали преследовать туземцев; хорошо вооруженные чужестранцы одерживали верх во всех сражениях. Тогда правители ФуэртеVENTУРЫ послали одного канарца парламентарем к барону де Бетанкуру, прося о перемирии. Они прибавили, что ими овладело желание стать христианами. Обрадованный этим известием, барон ответил, что вождям островитян будет оказан торжественный прием, и те предстали перед ним.

После этого царек Максората, правивший в северо-западной части острова, прибыл со свитой в количестве двадцати двух человек, и все они были крещены 18 января 1405 г. Три дня спустя святое крещение получили еще двадцать два туземца. 25 января правитель полуострова Андия, в юго-восточной части ФуэртеVENTУРЫ, явился во главе двадцати шести своих подданных; всех их

тоже окрестили. Через короткое время католическая церковь приняла в свои объятия всех жителей Фуэртевентуры.

Осчастливленный этим успехом, барон де Бетанкур собрался на свою родину. Командование и управление островами он вверил в руки своего нового заместителя Жана ле Куртуа, а сам в последний день января, провожаемый слезами и благословениями своих сотоварищей, отправился на материк, прихватив с собой канарцев, которых он хотел показать во Франции: троих мужчин и одну женщину. «Господь храни его в пути туда и обратно», — заканчивается эта часть рассказа о его деяниях.

Через двадцать один день барон де Бетанкур достиг берегов Нормандии и прибыл в свой родной замок Гренвиль. Не собирая здесь долго засиживаться, он рассчитывал увлечь за собой на Канарские острова несколько десятков соотечественников. Приглашал он главным образом разных мастеров и ремесленников, обещая наделить их землей. Для перевозки эмигрантов Бетанкур снарядил два корабля. Некоторые переселенцы отправились на Канарские острова вместе со своими семьями. Наконец барон вышел в море и через четыре месяца, после того как покинул архипелаг, высадился на Лансароте.

Нормандского сеньора встретили звуки труб, горнов, тамбуринов, арф, буцин и других инструментов. «Но в этой мелодии не расслышали Божьего грома». Канарцы встретили возвращение губернатора песнями, танцами и выкриками: «Вот прибыл наш король!» Жан ле Куртуа поспешил предстать перед своим командиром, который спросил его, как идут дела. «Сударь, дела идут все лучше и лучше», — ответил лейтенант.

Спутники барона расположились вместе с ним в форту на острове Лансароте. Страна им, кажется, очень понравилась. Они объедались финиками и другими фруктами, «и ничто не причиняло им вреда».

Пробыв некоторое время на Лансароте, Жан де Бетанкур отправился со своими новыми спутниками нанести визит на Фуэртевентуру. Там его ждал не менее радостный прием, особенно со стороны канарцев и их предводителей. Последние отобедали вместе с бароном в крепости Ришрок, которую Жан ле Куртуа успел восстановить.

Тогда барон де Бетанкур объявил о своем намерении завоевать остров Гран-Канария, как прежде он уже покорил Лансароте и Фуэртевентуру. Он надеялся, что его племянник Масьо, приве-

женный из Франции, унаследует должность губернатора, и эта страна не останется без Бетанкуров. Барон поделился своими планами с Жаном ле Куртуа, которому очень понравилась подобная идея; потом ле Куртуа добавил: «Сударь, если Богу будет угодно, то, когда вы будете возвращаться во Францию, я поеду с вами. Я оказался плохим супругом: вот уже пять лет, как я не видел своей жены, и она, правду сказать, не очень огорчалась». 6 октября 1405 г. три корабля с вооруженными людьми отчалили от Лансароте. Но ветер отнес корабли к африканскому берегу, и мореплаватели пристали к мысу Бохадор.

Осматривая местность, Жан де Бетанкур успел захватить нескольких туземцев и три тысячи верблюдов. Часть верблюдов он приказал погрузить на корабли, чтобы переправить их в Канарию, после чего флотилия отплыла от мыса Бохадор, который, таким образом, Бетанкур посетил за тридцать лет до португальских мореплавателей.

Во время перехода флотилии от африканского берега к Канарским островам снова поднялся сильный ветер, и корабли потеряли друг друга из виду. Одно судно пригнало к острову Фуэртевентура, другое — к острову Лас-Пальмас, но вскоре все три корабля соединились у берегов Гран-Канарии.

Этот остров, гористый на юге и низменный на севере, был покрыт роскошной растительностью. Пихты, драконовые, оливковые, фиговые и финиковые деревья образовывали густые леса. В большом количестве здесь водились овцы, козы и дикие собаки. Земля, удобная для возделывания, приносила ежегодно два урожая зерновых, не требуя никаких удобрений. Ее жители стали великим народом, и все провозгласили себя дворянами.

Когда Жан де Бетанкур руководил высадкой, он подумывал о завоевании страны. К несчастью, его нормандские воины очень возгордились тем, что ступили на африканскую землю, и бахвалились, что всего двадцатью солдатами завоюют весь остров Гран-Канария с его десятью тысячами жителей. Барон де Бетанкур, видя такую самоуверенность, посоветовал быть благоразумными, но его никто не слушал. Это обошлось очень дорого. В результате, имея преимущество в начале разгоревшейся стычки с канарцами, нормандцы были рассеяны, и тогда туземцы неожиданно напали на них, убив двадцать два человека, в том числе лейтенанта Жана ле Куртуа и Аннибала, бастарда Гадифера.

Видя враждебное отношение аборигенов, барон де Бетанкур покинул страну и отправился завоевывать остров Пальм. Жители Лас-Пальмас отличались ловкостью в метании камней; они редко промахивались. В столкновениях, таким образом, жертвы были значительными с обеих сторон, однако потери канарцев все-таки были больше, нормандцев же погибло около ста человек.

После шести недель бесконечных стычек барон покинул Лас-Пальмас и провел три месяца на Ферро, большом острове семи лье в длину и пяти в ширину, имевшем в плане форму подковы. Поверхность острова была возвышенной и гладкой, хотя в ряде мест ее затеняли протяженные рощи сосен и лавровых деревьев. Испарения, удерживаемые высокими горами, увлажняли почву и делали ее пригодной для возделывания зерновых культур и винограда. На острове в изобилии водилась дичь; по равнинам бродили дикие свиньи, козы, овцы рядом с крупными ящерицами, размерами напоминавшими американских игуан. Что же до туземных жителей, как мужчин, так и женщин, то они были очень красивы, сильны, веселы, здоровы, ловки, пропорционально сложены и очень склонны к бракам. В целом остров Ферро был одним из самых «приятных» в архипелаге.

Завоевав острова Ферро и Лас-Пальмас, барон де Бетанкур вернулся на Фуэртевентуру. Этот остров насчитывал семнадцать лье в длину и восемь в ширину; были на нем и равнины и горы. Однако поверхность его была менее изрезанной, чем на других островах. В великолепных рощах бежали широкие пресноводные ручьи; молочай, с едким молочным соком, давали сильный яд. Кроме того, в изобилии росли финиковые пальмы, оливковые и мастиковые деревья, а также некое растение-краситель, культивирование которого должно было стать необыкновенно прибыльным. Побережье Фуэртевентуры не давало хорошего убежища для крупных кораблей, но мелкие могли там себя чувствовать в безопасности.

Именно на этом острове барон де Бетанкур начал раздавать земли колонистам и делал это так справедливо, что каждый был доволен своим наделом. Те, кого он привел с собой, его сотоварищи, были на девять лет освобождены от арендной платы.

Столь набожному человеку, каким был барон де Бетанкур, не могли быть безразличны вопросы религии и церковной администрации. Поэтому он принял решение обратиться в Рим, дабы получить в эту страну епископа, который «привел бы в порядок церковные дела и восславил католическую веру».

Оставив губернатором своего племянника Масьо, Бетанкур распорядился, чтобы ему дважды в год присылали известия в Нормандию о положении дел на Канарских островах и чтобы на доходы с островов Лансароте и Фуэртевентура были выстроены две церкви.

Своему племяннику Масьо барон сказал следующее: «Кроме того, я даю вам полномочия и власть, чтобы вы во всех делах, которые сочтете выгодными и честными, приказывали и поручали исполнить, руководствуясь прежде всего моей честью и моей пользой. Следуйте как можно ближе французским и нормандским обычаям; я имею в виду правосудие и прочие дела, которые вы соизволите вершить. А еще прошу вас, и даже возлагаю обязанность — изо всех сил заботиться о мире и взаимном согласии; любите друг друга как братья, особенно вы, дворяне, не завидуйте один другому. Каждому из вас я указываю ваше дело: страна обширна, поэтому успокаивайте один другого и поддерживайте друг друга. Не знаю, что еще сказать вам, кроме самого главного: соблюдайте между собой мир, и все пойдет хорошо».

Три месяца барон де Бетанкур оставался на Фуэртевентуре и на других островах архипелага. Он ездил верхом на муле, встречался с туземцами, уже начинавшими говорить по-нормандски. Его сопровождали Масьо и другие дворяне. Барон указывал свите, на что направить добрые дела, какие меры принять. Наконец, достаточно хорошо исследовав завоеванный им архипелаг, он провозгласил, что отправится в Рим 15 декабря следующего года.

Вернувшись на Лансароте, барон де Бетанкур оставался там вплоть до своего отъезда. Всем прибывшим с ним дворянам, своим помощникам и трем туземным правителям он приказал собраться у него за два дня до отплытия, чтобы нормандец мог высказать им свою волю и поручить их Промыслу Божьему.

Все прибывшие на совещание были торжественно приняты в крепости Лансароте. После праздничного обеда барон де Бетанкур уселся на возвышении и повторил свои наставления о необходимости подчинения каждого его племяннику Масьо, изымания каждого пятого денье¹ в пользу последнего, исполнения христианского долга и любви к Богу. Потом он отозвал тех, кто должен был сопровождать его в Рим, и распорядился об отплытии.

¹ Денье — старая французская медная монета. (Примеч. перев.)

Едва корабль барона поднял якорь, как со всех сторон послышались горестные восклицания. И европейцы и канарцы оплакивали «этого порядочного сеньора», которого они уже не рассчитывали увидеть. Многие зашли в воду по самую грудь и пытались остановить увозивший его корабль. Но уже был поднят парус. Господин де Бетанкур отплыл. «Да хранит его своей милостью Бог ото всякого зла и ото всех преград!»

Через семь дней нормандский барон прибыл в Севилью. Далее он направился к королевскому двору в Вальядолид, где был принят с большой милостью. Де Бетанкур рассказал королю историю своих завоеваний и добился от него рекомендательных писем к папе, надеясь получить разрешение на основание епископства на Канарских островах. Король тепло принял его и осыпал подарками, вручив и желанные письма, после чего барон вместе со своей блестящей свитой отбыл в Рим.

В Вечном городе он оставался три недели. Ему позволили поцеловать туфлю папы Иннокентия VII, который поздравил нормандца с покорением всех этих канарцев для католической веры, похвалил его за смелость, которую он доказал тем, что отправился так далеко от своей родной Франции. Потом были составлены буллы¹, которые испрашивал барон де Бетанкур, а епископом Канарских островов был назначен Альбер де Мезон. На этом барон расстался с папой, получив также благословение и его святейшества.

Новый прелат немедленно простился с бароном и отправился в свою епархию. Он проследовал через Испанию, где передал королю письма от Жана де Бетанкура. Потом направился на Фуэртевентуру и добрался туда без всяких затруднений. Его с большим уважением принял мессир² Масьо, произведенный в рыцари. Альбер де Мезон немедленно занялся устройством епархии, управляя милостиво и снисходительно, часто молясь то на одном острове, то на другом и включая в церковный канон специальную молитву за Жана де Бетанкура. Масьо был всеми любим, но главным образом — туземцами. Правда, это благоденствие длилось не более пяти лет; позднее Масьо, одурманенный неограниченной властью, пошел по пути репрессий и был изгнан из страны.

¹ Булла — металлическая печать (а потом и капсула, содержащая эту печать), скреплявшая государственный акт; потом так стали называть и сам документ, обычно это название употребляли по отношению к церковным документам, подписанным римским папой. (*Примеч. перев.*)

² Господин (устар. фр.).

Между тем барон де Бетанкур, в свою очередь, покинул Рим. Он посетил Флоренцию, Париж и прибыл в родовое владение Бетанкур, куда съехалось множество дворян лично взглянуть на короля Канарских островов. Не стоит и спрашивать, во что ему это обошлось; если в первое возвращение барона его посетило множество землевладельцев-феодалов, то на этот раз гостей было еще больше.

Барон де Бетанкур, «уже в годах», поселился в Гренвиле вместе с женой, еще молодой и красивой дамой. Он частенько получал известия со своих любимых островов, от своего племянника Масьо, и надеялся вернуться в свое канарское королевство; но Бог не дал ему этой радости.

В один из дней 1425 г. барон, пребывавший в своем замке, заболел, и все поняли, что он скоро умрет. Он составил завещание, соборовался и, как заканчивается рассказ о нем, «ушел из этого мира в другой. Да простит ему Бог его прегрешения. Погребен он в Гренвиль-ле-Тентюрьер, в городской церкви, перед ее главным алтарем...»

Глава седьмая

ХРИСТОФОР КОЛУМБ (1436 — 1506)

I

Открытие португальцами острова Мадейры, островов Зеленого Мыса, Азорских островов, Гвинеи и Конго. — Мыс Доброй Надежды. — Бартоламеу Диаш. — Успехи географии и торговли в средние века. — Общераспространенное заблуждение о расстоянии между Европой и Азией. — Молодые годы Христофора Колумба. — Его первые путешествия. — Зарождение у Колумба мысли об открытии западного морского пути в Индию и Китай. — Пребывание Колумба в монастыре Рабида. — Аудиенция у Фердинанда и Изабеллы. — Договор от 17 апреля 1492 г. — Братья Пинсон. — Три каравеллы Колумба. — Отплытие из Палоса 3 августа 1492 г.

1492 г. — знаменитая веха в географической летописи. Это достопамятный год открытия Америки.

Старый Свет должен был позаботиться о нравственном и политическом воспитании Нового Света. Но оказался ли Старый Свет со свойственными ему ограниченными понятиями, полуварварскими стремлениями и религиозным фанатизмом на высоте своей исторической задачи? Пусть факты говорят сами за себя.

Расскажем вкратце о том, что произошло с того времени, как Жан де Бетанкур колонизовал Канарские острова, то есть с 1405 по 1492 г.

Научные и географические познания арабов, изгнанных в конце XV в. из Испании, оказали заметное влияние на развитие науки на всем Пиренейском полуострове. Во всех приморских городах, особенно в португальских, не прекращались разговоры об африканском берегу и заморских странах, полных богатств и всяких чудес. «Тысячи историй разжигали любопытство, жадность и честолюбие, — говорит Жюль Мишле, — всех влекло в те таинственные страны, где природа не поскупилась на создание необыкновенных чудовищ и щедро усеяла золотом поверхность земли».

Португальский инфант¹ Энрики, известный в истории под именем Генриха Мореплавателя (1394 — 1460), с увлечением занимался астрономией и географией; он организовал несколько морских экспедиций в Африку и немало способствовал расцвету колониального могущества Португалии. Рассказы об

¹ И н ф а н т — испанский (и португальский) титул королевского сына, наследного принца.

этих экспедициях воспламенили воображение Христофора Колумба.

(В 1415 г. двадцатилетний Энрики принимал участие в завоевании арабской крепости Сеута на марокканском берегу. Вернувшись из Сеуты, он поселился в Сагрише, у мыса Сан-Висенти, расположенного на юго-западе Португалии. Отсюда его взорам открывался необъятный океан. Инфант Энрики устроил в своем замке обсерваторию и учредил мореходную школу. Здесь португальские моряки занимались составлением новых карт и учились пользоваться компасом. Инфант окружил себя учеными, собиравшими для него сведения о морском пути в Индию и о возможности плавания вокруг Африки.)

Хотя сам Энрики не участвовал ни в одной экспедиции, но своим поощрением мореплавателей и покровительством исследователям он вполне заслужил имя Мореплавателя, под которым вошел в историю.

Мыс Нон на западном берегу Африки издавна считался роковым рубежом для всех путешественников. Само название мыса — «Нон», по-латыни «нет» — говорит о его дурной славе. В 1419 г. этот мыс обогнули два португальца — Жуан Гонсалу Сарку и Триштан Тейшейра, посланные Генрихом Мореплавателем к берегам Западной Африки. Унесенные ветром далеко в открытое море, их суда были отброшены к острову, названному ими Порту-Санту. Вернувшись сюда через год, мореплаватели заметили на юго-восточном горизонте черную точку. Португальцы направились к ней и увидели поросший лесом остров, который и назвали Мадейра, то есть «Лесистый».

После этого открытия прошло еще пятнадцать лет, прежде чем португальцам удалось обогнуть мыс Бохадор, охраняемый, как тогда говорили, яростными морскими течениями и свирепыми ветрами. В 1434 г. капитан Жил Эаниш, человек смелый и честолюбивый, только после третьей попытки прошел мимо страшного мыса, лежащего в двухстах километрах южнее Канарских островов.

Ободренные этим примером, Антан Гонсалвиш в 1441 г. и Нунью Триштан в 1444 г. продвинулись еще дальше к югу. Первый привез с собой немного золотого песка с берегов Рио-де-Оро, а второй достиг устья реки Сенегал и захватил десять негров, которых доставил в Лиссабон и продал в рабство по очень высокой цене. Так было положено начало торговле негра-

ми — торговле, опустошавшей Африканский материк и покрывавшей человечество позором в течение четырех столетий...

В 1444 г. Када Мошту обогнул Зеленый Мыс и исследовал часть побережья к югу от него. Через два года португальцы продвинулись дальше своих предшественников в открытый океан и открыли Азорский архипелаг.

Всякий страх исчез. Роковой рубеж, по ту сторону которого, как полагали раньше, «воздух жжет, словно огонь», был оставлен позади. Экспедиция следовала за экспедицией, и каждая прибавляла что-нибудь новое к тому, что уже было известно. Африканский берег представлялся бесконечным. Но чем дальше продвигались на юг, тем, казалось, дальше отодвигался желанный мыс, крайняя южная точка континента, которую стоило только обогнуть, чтобы достигнуть вожделенной Индии!

Продвижение португальцев вдоль западного берега Африки продолжалось и после смерти Генриха Мореплавателя. Португальский король Жуан II присоединил к своему титулу звание властителя Гвинеи. Еще не успели мореплаватели, открывшие Конго, освоиться с новым небом и с новыми звездами, как Диогу Кан в 1484 — 1487 гг. обследовал западный берег Африки от экватора до тропика Козерога, чуть было не лишив Бартоломеу Диаша чести открытия южной оконечности континента. Во время третьего плавания Диогу Кану удалось достигнуть пункта, расположенного на 21°50' южной широты. Это был мыс Кросс, на котором, следуя обычаю, начальник экспедиции воздвиг «падран» — каменный столб с португальским гербом. На обратном пути путешественник посетил властителя Конго в его столице и привез с собой в Лиссабон посланника королевства Конго Касугу с многочисленной свитой из африканцев, которые прибыли в Европу, чтобы принять крещение и обучиться догматам веры; еим предстояло распространять после возвращения в Конго.

Вскоре после возвращения Диогу Кана в августе 1487 г. три каравеллы¹ под командой Бартоломеу Диаша пустились вниз

¹ Каравелла — морское однопалубное трехмачтовое судно, появившееся в XII в. Это были небольшие суда (150 — 300 тонн водоизмещением) с острыми обводами корпуса и с так называемыми косыми парусами. Они могли идти против ветра под более острым углом, чем все другие суда того времени, оснащенные тяжелыми прямоугольными (латинскими) парусами. Каравеллы отличались высокими мореходными качествами: они были легки, маневренны и быстроходны (при попутном ветре делали до 12 узлов, то есть до 22 километров в час). Вышли из употребления в конце XVII в.

по реке Тежу (Тахо) в открытое море. Опытный моряк Жуан Инфанти командовал вторым кораблем. Капитаном третьего, грузового, судна был назначен Педру Диаш, брат Бартоломеу.

О первой части этого достопамятного путешествия не сохранилось никаких подробностей. Нам известно только из книги Жуана Барруша¹, крупнейшего португальского историка XVI в., к которому приходится обращаться за всеми сведениями о португальских морских экспедициях, что Бартоломеу Диаш направился к устью Конго и затем следовал до 29-й параллели, вдоль незнакомых берегов. В гавани, которая была названа им Ангра-душ-Волташ, Диаш оставил грузовое судно — меньшую из своих каравелл — под охраной девяти матросов. Переждав в этой гавани дурную погоду, он направился отсюда дальше к югу. Тринадцать дней Диаш был вынужден бороться со страшным штормом. Чем дальше он продвигался к югу, тем сильнее понижалась температура. Моряки уже не верили в свое спасение.

Когда буря улеглась, Диаш направил свои корабли к востоку, надеясь достигнуть берега. Не видя в течение нескольких дней земли, он решил повернуть к северу. Наконец на горизонте показались высокие горы, и 3 февраля 1488 г. португальцы пристали к берегу, не подозревая о том, что во время бури обогнули мыс, названный затем мысом Доброй Надежды. Берега бухты представляли собой зеленые луга, на которых пасся рогатый скот. Увидев приближающиеся корабли, пастухи убежали в горы. Эта бухта была названа Баия-душ-Вакейруш (Пастушеская бухта).

Запасшись в Пастушеской бухте пресной водой, экспедиция Диаша направилась снова на восток и достигла бухты Сан-Браш (теперь Моссел), а оттуда, идя вдоль берега, достигла залива Алгоа и небольшого острова, который Диаш назвал островом Креста, так как на нем португальцы воздвигли большой каменный крест. Диаш хотел идти дальше, но его спутники, утомленные трудностями пути и изнуренные голодом, запротестовали и заявили, что дальше они не пойдут. «К тому же, — говорили матросы, — раз земля тянется теперь к востоку, значит, мы прошли какой-то большой мыс, а потому лучше всего повернуть обратно и отыскать его».

Диаш собрал совет, и все подали голос за возвращение. Он вынужден был уступить, но с условием, чтобы еще трое суток

¹ Барруш Жуан — крупнейший португальский историк XVI в. (1496 — 1570), автор многотомного исторического труда «Декады об Азии».

продолжать плыть вперед и удостовериться, не повернет ли берег к северу. За такой короткий срок корабли Диаша не успели обогнуть всей южной оконечности Африки и дошли только до устья большой реки, которая была названа в честь капитана второй каравеллы Риу-ди-Инфанти. Оказавшись в преддверии Индийского океана, жестоко разочарованный Диаш вынужден был пуститься в обратный путь.

Когда корабли проходили мимо падрана, установленного на острове Креста в заливе Алгоа, Диаш, по словам Жуана Барруша, «испытывал такое чувство горечи, такую скорбь, словно расставался с любимым сыном, обреченным на вечное изгнание; он вспомнил, с какой опасностью и для себя, и для всех своих подчиненных он прошел столь долгий путь лишь затем, чтобы поставить этот каменный столб, а самого главного Бог ему не дал совершить».

Наконец корабли подошли к тому «великому и знаменитому мысу, скрывавшемуся сотни лет», которому Диаш и его спутники присвоили название Торментозу («Бурный») в память об опасностях и трудностях, пережитых ими в то время, когда они впервые гибли.

Но Жуан II смотрел на вещи иначе и переименовал мыс Бурный в мыс Доброй Надежды. Для него дорога в Индию была теперь открыта, и его серьезные планы расширения торговли и усиления могущества Португалии были близки к осуществлению.

24 августа 1488 г. Бартоломеу Диаш прибыл в Ангра-душ-Волташ. Из оставленных там девяти матросов шестеро умерли; седьмой скончался от неожиданного потрясения, увидев своих соотечественников. После короткой остановки у форта Сан-Жоржи-да-Мина («Рудник св. Георгия»), где Диаш принял на борт золото, полученное губернатором колонии от туземцев, экспедиция в декабре того же, 1488 г. прибыла к португальскому берегу.

Как это ни странно, Диаш не только не получил никакой награды за свое замечательное плавание, увенчавшееся большим успехом, но по непонятной причине попал даже в опалу. Ему уже не поручалось командование ни одной экспедицией. И только десять лет спустя, когда Васко да Гама отправился по его следам открывать морской путь в Индию, Диашу было разрешено сопровождать своего более счастливого товарища в качестве простого подчиненного до форта Сан-Жоржи-да-Мина на Золотом берегу. Диашу не оставалось ничего другого, как внимать толкам

о чудесном открытии Васко да Гамы и обдумывать на досуге, какое громадное влияние окажет это событие на дальнейшую судьбу его родины.

Позднее Бартоломеу Диаш принимал участие в качестве обыкновенного капитана в экспедиции Педру Алвариша Кабрала, открывшего Бразилию. Но и здесь ему не суждено было испытать радость от созерцания берегов, к которым он сам указал дорогу. Едва португальская флотилия покинула американский берег и направилась к мысу Доброй Надежды, как на океане поднялась страшная буря. Четыре корабля затонули, в том числе руководимый капитаном Диашем. Отважный мореплаватель погиб со своим судном в волнах Атлантического океана 24 марта 1500 г.

Великий португальский поэт Луиш ди Камонс, автор поэмы «Лузиады» (1572), намекая на этот трагический конец Бартоломеу Диаша, вложил в уста духа Адамастора, охраняющего мыс Бурный, следующее мрачное пророчество: «Я дам страшный урок первому флоту, который будет проходить мимо этих утесов, и жестоко отомщу тому, кто первый дерзнет потревожить меня в моем неприступном убежище».

В действительности только в 1497 г., то есть через пять лет после открытия Америки, Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки. Можно утверждать, что если бы Колумб не опередил Васко да Гаму, то открытие Нового Света задержалось бы на длительное время.

И в самом деле, мореплаватели этой эпохи были весьма осторожны. Не зная протяженности морей, они не рисковали пускаться в открытый океан и предпочитали держаться в виду африканского берега. Если бы мыс Бурный удалось обогнуть раньше, то мореплаватели привыкли бы ходить в Индию по этому пути и никто из них не подумал бы добираться до «Страны пряностей», то есть до Азии, через Атлантический океан. Кому бы тогда могло прийти в голову искать дорогу на восток, направляясь к западу?

Только в силу необходимости могла возникнуть подобная мысль. «Главной задачей морских путешествий португальцев в XV веке, — говорит Кули, — было изыскание пути в Индию через океан». Виднейшие ученые того времени не доходили до предположений о существовании нового континента, исходя из требований равновесия для земного шара. Мы скажем еще больше. Отдельные части этого Американского континента были уже открыты.

Известно, например, что итальянский мореплаватель Джон Кабот (Кабото), находившийся вместе со своим сыном Себастьяном на английской службе, в 1497 г. высадился на полуострове Лабрадор почти в то же время, когда Колумб и Веспуччи открыли Южную Америку. Скандинавские викинги еще несколькими столетиями раньше причаливали к этим неизвестным берегам. Гренландские переселенцы исследовали землю, которую они называли Винланд, то есть «Виноградная страна» (ученые отождествляют ее с Новой Англией). И тем не менее существование Нового Света представлялось в те времена такой несообразностью, что и Гренландия, и Винланд, и Лабрадор считались не более как продолжением Европейского континента.

Итак, мореплаватели XV в. стремились только установить более легкое морское сообщение с берегами Азии. Действительно, сухопутная дорога в Индию, Китай и Японию, в страны, известные по чудесным рассказам Марко Поло, была длинна и опасна, так как проходила через Малую Азию, Персию и Монголию. Кроме того, сухопутные дороги не могли способствовать процветанию торговли; перевозка по ним была сопряжена с большими трудностями и обходилась очень дорого. Назрела необходимость найти более удобное средство сообщения. И тогда народы всех стран, расположенных вдоль берегов европейских морей, начиная с Англии и кончая Испанией, видя перед собою свободные воды Атлантического океана, неизбежно должны были задаться вопросом: а не могут ли эти океанские воды привести к берегам Азии?

Так как шарообразность Земли была уже доказана, то такое предположение имело все основания. Если отправиться через Атлантический океан на запад, то в конце концов корабль достигнет берегов Восточной Азии и Индии. Путь через океан не может не быть свободным!

И в самом деле, кто бы мог подумать о существовании преграды между Европой и Азией — препятствия протяженностью в три тысячи двести пятьдесят лье? Кто мог предполагать о существовании Америки?

К тому же следует заметить, что ученые средних веков считали, будто берега Азии удалены от Европы не более чем на две тысячи лье. Аристотелю¹ земной шар казался намного меньше его

¹ Аристотель — древнегреческий ученый, живший в IV в. до н. э. Аристотель впервые дал физические доказательства шарообразности Земли. Его

действительных размеров. «Каково расстояние от крайних берегов Испании до Индии? — спрашивал Сенека¹ и так на это отвечал: — Несколько дней пути при благоприятном ветре». Страбон придерживался такого же мнения. Итак, путь между Европой и Азией не считался длинным. Более того, промежуточные между Европой и Азией порты, например, на Азорских и Антильских островах, о существовании которых в XV в. догадывались, должны были облегчить океанские плавания.

Можно утверждать, что господствовавшее заблуждение о расстоянии между Европой и Азией имело и свою положительную сторону: оно побуждало мореплавателей того времени пускаться в неизведанные просторы Атлантического океана. Если бы было известно, что в действительности Европу от Азии отделяют пять тысяч лье, то вряд ли кто-нибудь отважился бы пуститься в западные моря.

Заметим, что некоторые факты подтверждали или, вернее, казались подтверждением точки зрения последователей Аристотеля и Страбона относительно близости к Европе восточных берегов Азии. Так, например, один португальский лоцман, отплыв в море на четыреста пятьдесят лье от мыса Сан-Висенти, лежащего на юго-западе Португалии, нашел в воде кусок дерева, украшенный древней резьбой. Около Мадейры рыболовы вылавливали время от времени то доски со следами орнамента, то длинные палки, напоминавшие с виду индийский бамбук. Жители Азорских островов не раз выгаскивали на берег громадные сосны незнакомой породы, а однажды нашли два человеческих трупа — «с широкими лицами, не похожие на христиан», — говорит португальский летописец.

Подобные случаи также поддерживали господствовавшее заблуждение. В XV в. еще не знали о существовании Гольфстрима, приносящего иногда к европейским берегам то, что попадало в его течение. Найденным предметам приписывали азиатское происхождение. Все это приводило к ошибочному выводу, что Азия недалеко от Европы и что сообщение между этими противоположными сторонами огромного Евразийского континента не вызовет больших трудностей.

сочинение «Метеорология» явилось одной из первых книг по физической географии.

¹ Сенека Луций Анней (родился между 6 и 3 гг. до н. э. — умер в 65 г. н. э.) — римский философ, писатель и политический деятель.

Следовательно, ни один географ того времени не мог даже подозревать о существовании Нового Света. Примем это за исходное положение. При отыскании пути на запад не было и речи о расширении географических знаний. Во главе этого движения стояли купцы с их торговыми интересами, и они-то главным образом и стремились проложить путь через Атлантический океан. Вопрос шел исключительно о торговле с Востоком и отыскании кратчайшего для нее пути.

Заметим, что компас, изобретенный, по общему мнению, около 1302 г. неким Флавио Джойа д'Амальфи¹, давал возможность морякам плавать вдали от берегов, нередко теряя их из виду. Кроме того, немецкий космограф Мартин Бехайм² и два ученых доктора, служивших у Генриха Мореплавателя, нашли способ ориентироваться по высоте солнца и применили астрольбию для нужд мореплавания.

Когда эти навигационные приборы вошли в обиход, вопрос о торговом пути на Запад стал особенно волновать испанских, португальских и итальянских купцов, заразивших своим энтузиазмом ученых. Не было конца дискуссиям, спорам и практическим предложениям. Со всех сторон сыпались факты, системы, доктрины. Наступило время для проявления силы разума, которому предстояло разобраться во всем этом и установить истину. Так и случилось. Все разрозненные, отрывочные мысли и данные были соединены в стройное целое одним гениальным человеком, обладавшим редкой настойчивостью и смелостью.

¹ Имеются сведения, что китайцы за две тысячи лет до нашей эры применяли магнит для ориентирования в однообразных пустынях Центральной Азии. Первые упоминания о компасе в Европе относятся к XII в. Он представлял собой тогда железную намагниченную стрелку, укрепленную на пробке, которая плавала в сосуде с водой. На качающемся судне этот прибор был почти неприменим. Как предполагают, в начале XIV в. итальянец Флавио Джойа из города Амальфи усовершенствовал магнитный компас. Магнитную стрелку он надел на вертикальную шпильку так, чтобы она могла свободно вращаться.

² Бехайм Мартин (1459 — 1506) — немецкий географ, родом из Нюрнберга. С 1481 г. жил в Лиссабоне, где в качестве космографа принимал участие в «комиссии математиков», созданной для разработки астрономических основ мореходного искусства. В 1484 г. принимал участие в экспедиции Диогу Кана вдоль западных берегов Африки, во время которого было открыто устье реки Конго. После путешествия долгое время жил на Азорских островах. Около 1492 г. он посетил Нюрнберг и изготовил там большой глобус, дающий представление о географических воззрениях, господствовавших в начале эпохи великих географических открытий (глобус Бехайма был сделан раньше, чем Колумб отправился в свое первое путешествие). Это старейший из глобусов, сохранившихся до наших дней.

Этим человеком был Христофор Колумб (по-испански — Кристобаль Колон), родившийся, вероятно, в 1436 г. близ Генуи. Мы говорим «вероятно» потому, что деревни Когорео и Нерви спорят с городами Савоной и Генуей из-за чести считаться его родиной¹. Что же касается года рождения Колумба, то здесь тоже нет единого мнения. Разные исследователи определяют время его рождения между 1430 и 1445 гг. 1436 г. представляется нам наиболее вероятным².

Христофор Колумб родился в небогатой семье генуэзского шерстяника Доменико Колумба или, по-итальянски, Коломбо. Христофор был старшим из трех сыновей Доменико. Биографы утверждают, хотя в точности это не известно, что он был отправлен отцом в университет в город Павию для обучения грамматике, латинскому языку, географии, астрономии и навигации.

В четырнадцать лет Христофор Колумб бросил школу и ступил на палубу корабля, причем надо сказать, что с этой поры и вплоть до 1487 г. о жизни его почти ничего не известно. Приведем мнение г-на Гумбольдта, сожалеющего о том, «что эти сомнения касаются Колумба, если вспомнить, как кропотливо сберегли хронисты сведения о жизни собачки Бечерильо или слона Абулабабата, посланного Харуном ар-Рашидом Карлу Великому».

Надежнее всего обратиться к документам, оставленным самим Колумбом, а из них следует, что юный путешественник посетил Левант³, западное Средиземноморье, европейский север, несколько раз Англию, Португалию, побережье Гвинеи, относящиеся к Африканскому континенту острова, и в возрасте сорока лет «проплыл всюду, где плавали до него».

Христофор Колумб стал хорошим моряком. Его репутация устоялась, и благодаря этому он был назначен капитаном генуэзской галеры во время войны этой республики с Венецией. Ново-

¹ Не менее двадцати городов различных стран Европы в разное время претендовали на честь быть родиной Колумба. В настоящее время документально доказано, что Колумб родился и вырос в северо-западной Италии — в Генуэзской области.

² Невозможно определить хотя бы с приблизительной точностью, в каком именно году родился Христофор Колумб. В иностранных справочниках даты рождения Колумба составляют серию из двадцати лет: от 1436 до 1456 г. К середине XX в. как будто окончательно было установлено, что Христофор Колумб родился 29 октября 1451 г. Но даже установленному по официальным документам году рождения Колумба противоречат иногда высказывания как самого Колумба, так и лично знавших его людей.

³ Здесь: восточное побережье Средиземного моря.

ХРИСТОФОР
КОЛУМБ

испеченный командир совершил поход на берберийское побережье под знаменем короля Рене Анжуйского, и, наконец, в 1477 г. он пустился исследовать покрытую льдом землю Исландии.

Удачно завершив это плавание, Христофор Колумб вернулся в Лиссабон, где и поселился. Там он женился на дочери итальянского дворянина Бартоломео Муньиша Перестрелло, моряка, как и он сам, и столь же увлеченного развитием географических идей. Его жена, донья Фелипа, не принесла ему состояния; у него тоже ничего не было; следовательно, для того, чтобы жить, ему надо было работать. Будущий открыватель Нового Света принялся изготавливать книжки-картинки, глобусы, географические карты, навигационные схемы, не оставляя научной и литературной работы, — и так продолжалось до 1484 г. Весьма даже вероятно, что в это время Колумб и выучился всему тому, что значительно превысило уровень знаний тогдашних мореплавателей.

Не в это ли самое время «великая идея» впервые поселилась в его голове? Такое можно предположить. Христофор Колумб прилежно следил за дискуссией о морских путях на запад и о легкости судоходного сообщения между Европой и Азией по западному маршруту. Его письма показывают, что он исповедовал мнение Аристотеля о сравнительно коротком расстоянии, разделяющем крайние точки Старого Света. Он часто писал самым выдающимся умам своего времени: тому самому Мартину Бехайму, о котором мы уже говорили, знаменитому флорентийскому астроному Тосканелли¹, мнения которых, безусловно, повлияли на убеждения Колумба.

В то время согласно портрету, составленному биографом мореплавателя Уошингтоном Ирвингом, Христофор Колумб представлялся человеком высокого роста, сильным, с благородной осанкой. У него было продолговатое лицо, орлиный нос, выступающие челюсти, светлые глаза с пронзительным взором, свежий

¹ Тосканелли Паоло (1397 — 1482) — итальянский космограф и астроном, убежденный сторонник возродившегося учения о шарообразности Земли. Ему приписывают идею более короткого западного пути в Индию взамен восточного пути вокруг Африки. Предполагают, что в 1474 г. он изложил свои идеи в письме к советнику португальского короля Фернанду Мартиншу, приложив соответствующую карту. Колумб пишет, что Тосканелли якобы прислал ему копию письма к Мартиншу и приложенную к нему карту. Некоторые исследователи и биографы Колумба подвергают сомнению факт его переписки с Тосканелли и выдвигают мысль о полной независимости предприятий Колумба от проектов Тосканелли.

цвет кожи, усыпанной редкими веснушками. Он был глубоко верующим христианином, наполняющим искренней религиозностью предписания католицизма.

Задумав открыть западный путь в Индию, Колумб, как рассказывают его биографы-современники, вступил в переписку с известными учеными.

По преданию, Паоло Тосканелли поддержал идею Колумба и прислал ему копию своего письма к лиссабонскому вельможе Мартиншу, который обращался к Тосканелли за советом по поручению португальского короля Афонсу V.

Если приведенное письмо Тосканелли действительно дошло до Колумба, оно могло только усилить его энтузиазм и побудить к активным действиям. Однако письмо Тосканелли само по себе не привело ни к какому результату, так как Афонсу V был занят войной с Испанией и оставил без ответа предложение итальянского ученого. В то время возможности Португалии были очень ограничены. Война с маврами в Марокко и многочисленные африканские экспедиции истощили ее и без того скудную казну.

Преемник Афонсу, Жуан II, создал «Совет математиков» для рассмотрения проектов заморских экспедиций. Новый португальский король заинтересовался планом Колумба, предложившего снарядить три каравеллы, которые должны были, следуя западным путем, достичь «великого острова Сипанго (или „Чипангу”)¹ и царства великого хана». Но «Совет математиков» почему-то отклонил предложение генуэзского морехода, а король Жуан II, воспользовавшись проектами Тосканелли и Колумба, снарядил без участия последнего экспедицию в Китай через Атлантический океан. По-видимому, люди, на которых было возложено это предприятие, не обладали достаточным опытом. Уже через несколько дней поднявшийся в море шторм заставил португальских моряков вернуться в Лиссабон.

Христофор Колумб, оскорбленный вероломством португальского короля, решил покинуть его страну. Одновременно на Колумба обрушилось и другое несчастье: в конце 1484 г. умерла его жена, и он остался один с малолетним сыном Диего. Полагают, что Колумб сперва направился в Геную, а затем в Венецию, где его предложение о поисках нового пути через океан было встречено очень холодно.

¹ «Сипанго», или «Чипангу» — так называли в то время Японию.

В 1485 г. мы находим Колумба в Испании. В это время он не обладал никакими средствами и вынужден был совершать длинные путешествия пешком, неся на руках своего маленького сына.

Теперь уже история следит за ним шаг за шагом, больше не теряя его из виду и сохраняя для потомства все подробности этой героической жизни.

Добравшись до Андалузии, Христофор Колумб попытался найти приют в окрестностях города Палоса, где его внимание привлек старинный францисканский монастырь Св. Марии де Рабида. Голодный, утомленный, Колумб попросил у монастырского привратника разрешения остановиться на ночлег.

Настоятель монастыря Хуан Перес де Марчена дал приют пришельцу, стал расспрашивать его. Пораженный благородством его языка, добрый святой отец был еще больше восхищен дерзостью его идей, потому что Христофор Колумб познакомил его со своими проектами. На несколько месяцев странствующий моряк нашел убежище в монастыре госпитальеров. Ученые монахи заинтересовались им и его планами. Они изучали его проект, консультировались с известными мореплавателями, и, надо отметить, они первыми поверили в гений Христофора Колумба. Хуан Перес сделал еще больше: он предложил моряку взяться за воспитание его сына и дал Колумбу проникновенное рекомендательное письмо к исповеднику кастильской королевы.

Христофору Колумбу пришлось еще долго ждать и терпеть лишения. Он поселился в Кордове, куда должен был переехать королевский двор, а чтобы добыть денег на жизнь, ему пришлось вспомнить ремесло рисовальщика лубочных картинок. Можно ли найти в биографиях великих людей жизнь более суровую, чем тогдашнее существование великого мореплавателя? Может ли судьба наносить более тяжелые удары? Но этот гениальный неукротимый, неутомимый, нестигающийся под ударами судьбы человек не отчаивался. В нем горел священный огонь, он все время работал, посещая влиятельных людей, пропагандируя и отстаивая свои идеи, непрестанно, с самой героической энергией сражаясь с трудностями. В конце концов он добился протекции кардинала-архиепископа Толедо Педро Гонсалеса де Мендосы и благодаря этому получил аудиенцию у испанской королевской четы.

Христофору Колумбу казалось, что цель его теперь близка. Фердинанд и Изабелла отнеслись благосклонно к его проекту и поручили высказать свое мнение специальной комиссии из уче-

ных, прелатов и монахов, собравшихся *ad hoc*¹ в доминиканском монастыре в городе Саламанке.

Но радость Колумба была преждевременна. Вся комиссия восстала против его проекта. Да и как было не восстать? Идеи мореплавателя близко соприкасались с религиозными вопросами, к которым в XV в. относились особенно ревностно. Хотя шарообразность Земли была уже доказана, но отцы церкви все еще не желали признавать этого открытия. Сама идея кругосветного путешествия рассматривалась ими как нечто противоречащее текстам Священного писания.

«Кроме того, — рассуждали богословы и ученые-схоласты, — если бы даже и удалось как-нибудь спуститься в другое полушарие, то как подняться оттуда обратно?»

Это был для того времени весьма веский довод. Итак, Христофора Колумба едва не обвинили в ереси — в самом тяжелом и непростительном по законам XV в. преступлении. Правда, он сумел кое-как снять возведенное на него комиссией обвинение, но окончательное решение по его проекту было отложено на неопределенное время.

Прошло несколько лет. Измученный унижительными хлопотами и неудачами, отчаявшись добиться чего-либо в Испании, Христофор Колумб послал своего брата Бартоломе к английскому королю Генриху VII с предложением своего плана, но, кажется, король не удостоил его никаким ответом.

Тогда Колумб еще более настойчиво стал убеждать Фердинанда. Но тот в это время увяз в войне с маврами, и только в 1492 г., после того как мавры были изгнаны из Испании, был готов снова выслушать генуэзца.

На этот раз дело окончательно созрело. Король согласился рискнуть. Однако, как это присуще гордым натурам, Христофор Колумб захотел продиктовать свои условия. С тем, кто вознамерился обогатить Испанию, стали торговаться! Возмущенный Колумб ушел и, без сомнения, навсегда бы покинул эту неблагодарную страну, но Изабелла, тронутая упоминаниями о неверных азиатах, которых мореплаватель собирался обратить в католическую веру, приказала вернуть знаменитого навигатора и приняла все его просьбы.

Итак, только через восемнадцать лет после зарождения великой идеи и спустя семь лет после прибытия в монастырь Рабида,

¹ Специально для этой цели (*лат.*).

18 апреля 1492 г. Колумб подписал в военном городке Санта-Фе договор с королем и королевой Испании.

По торжественному договору «дон Кристобаль Колон» назначался главным адмиралом всех островов и материков, которые ему удастся «открыть или приобрести». Этот титул «со всеми привилегиями и прерогативами» должен был переходить его наследникам — из рода в род, на вечные времена. Христофор Колумб удерживал за собой звание вице-короля и губернатора всех новых владений, которые он завоеует в богатой Азии. Десятая часть жемчуга, драгоценных камней, золота, серебра, пряностей и всяких других вещей и товаров, «купленных, обмененных, найденных или приобретенных» во вновь открытых странах, должна была поступать в собственность Колумба, а девять десятых всей добычи — в собственность короля и королевы.

Все мытарства были окончены, и Христофор Колумб мог теперь приступить к исполнению своих замыслов. Но, повторяем, он вовсе и не замышлял открывать Новый Свет, о существовании которого даже не догадывался. Ему хотелось лишь «попасть на Восток через Запад, проехать западным путем в землю, где растут пряности». Можно утверждать, что Колумб до конца дней своих был уверен, будто он достиг берегов Азии, и даже не подозревал того, что на самом деле открыл Америку. Однако это несколько не умаляет его славы и величия его подвига.

Таким образом, открытие Нового Света оказалось делом случая. Но отвага, с которой гений пренебрег опасностями неизвестного пути; бесстрашное плавание вдали от берегов, которых боязливо держались все его предшественники; уверенное продвижение по океану на хрупких суденышках, готовых стать добычей первой бури; отважное стремление вперед по безграничным просторам новых морей — все это обеспечивает Колумбу бессмертную славу.

Христофор Колумб стал готовиться к отплытию. В его распоряжение были предоставлены два корабля. Вступив в соглашение с богатыми судовладельцами Палоса — тремя братьями Пинсон, он получил от них необходимые средства для снаряжения третьего судна.

Три каравеллы готовили к плаванью в порту Палос. Они назывались «Гальега», «Нинья» и «Пинта». На «Гальеге» должен был выйти в море Колумб, и он освятил корабль именем «Санта-Мария». «Пинтой» командовал Мартин-Алонсо Пинсон, а

«Ниньей» — Франсиско-Мартин и Винсенте-Яньес Пинсоны, два брата. Экипажи набрать было трудно, матросы пугались рискованного начинания. Но в конце концов удалось наберечь сто двадцать человек.

Рано утром 3 августа 1492 г. каравеллы Колумба снялись с якоря и, оставив позади отмель Сальтес, лежащую в виду города Уэльва в Андалузии, пустились в неведомую даль по волнам Атлантического океана.

II

Первое путешествие Колумба на запад. — Гран-Канария. — Остров Гомера. — Отклонение магнитной стрелки. — Бунт на кораблях Колумба. — «Земля! Земля!» — Сан-Сальвадор (Гуанаани). — Взятие острова во владение. — Санта-Мария-де-Консепсьон (Рам). — Фернандина (Лонг-Айленд). — Изабелла (Крукед-Айленд). — Остров Хуана (Куба). — Описание острова. — Эспаньола (Гаити). — Остров Тортуга. — Касик в гостях у Колумба. — «Санта-Мария» терпит крушение. — Остров Монте-Кристи. — Форт Навидад. — Возвращение. — Четырехдневная буря. — Прибытие в Испанию. — Прием, оказанный Колумбу.

Выйдя в океан, адмирал — так называют Колумба во всех старинных источниках — направил свою флотилию на юго-запад, к Канарским островам, откуда он собирался повернуть прямо на запад. На четвертый день плавания случилось несчастье: на каравелле «Пинта» сломался руль. По-видимому, это было сделано умышленно матросами, чтобы возвратиться обратно в Палос. Но Колумб приказал пристать к острову Гран-Канария и заняться ремонтом поврежденного корабля. Только на девятнадцатый день после отплытия (2 сентября) флотилия, покинув Гран-Канарию, прибыла на остров Гомера, где Колумб запасся водой, дровами и съестными припасами.

Несмотря на то, что адмиралу стало известно о намерении португальской эскадры напасть на него в открытом море, чтобы помешать экспедиции, 6 сентября флотилия покинула Канарский архипелаг. Приказав поднять все паруса, Колумб искусно избежал встречи с противником и, взяв курс на запад, вскоре потерял из виду остров Иерро (Ферро), последний из Канарских островов.

Колумб старался, как только мог, ободрить матросов, рисуя перед ними заманчивые картины сказочно-прекрасных стран, обещая им земли и богатства, — все, что могло воспламенить воображение его спутников, жаждущих обогащения. Чтобы не вол-

новать матросов дальностью пройденного расстояния, Колумб решил показывать в корабельном журнале заниженные данные о пройденном пути; верные расстояния он заносил в свой личный дневник.

«Адмирал принял решение, — сказано в дневнике первого путешествия¹, — отсчитывать доли пути меньшие, чем проходили в действительности, в том случае, если бы плавание оказалось длительным, чтобы людьми не овладели страх и растерянность». (Запись от 9 сентября.)

Тринадцатого сентября вечером, когда флотилия находилась почти в двухстах милях к западу от острова Иерро, адмирал заметил, что магнитная стрелка компаса, вместо того чтобы показывать на север, отклонилась на северо-запад.

Четырнадцатого сентября матросы с каравеллы «Нинья» увидели водяную трясогузку и какую-то неизвестную тропическую птицу. Так как пернатые не залетают далеко в море, появление их предвещало близость земли. Температура была очень мягкая, погода великолепная. Восточный ветер все время гнал корабли в нужном направлении. Но именно это постоянство восточных ветров и пугало матросов, считавших, что корабли никогда не смогут вернуться обратно в Испанию.

На тридцать пятый день плавания, 16 сентября, на поверхности океана стали попадаться пучки водорослей, а в следующие дни около кораблей появилось множество птиц. Но земля все еще не показывалась, хотя каждый день наблюдались признаки ее близости. В настроении экипажа отмечалась неустойчивость: от надежды люди легко переходили к отчаянию, отчаяние быстро сменялось надеждой.

Приведем несколько выдержек из путевого дневника Колумба.

«Понедельник, 17 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад и прошел за день и ночь более 50 лиг². Отмечено, однако, было всего лишь 47. Помогало течение. Видели часто траву, и ее было очень много. Это была та трава, что растет на скалах, и приносилась она с запада. Моряки рассудили, что находятся вблизи земли... После того как рассвело, в тот же понедельник, увидели еще больше травы, и оказалась она речной. Среди трав нашли живого рака, которого адмирал сохранил. Ад-

¹ Дневниковые записи Колумба добавлены переводчиком.

² Колумб при оценке расстояний, пройденных в пути, вел счет по морским лигам. Одна испанская морская лига равнялась примерно 5,5 км.

мирал отмечает, что все это были верные признаки земли и что корабли находятся от нее не далее чем в 80 лигах. Обнаружено было, что со времени отплытия от Канарских островов еще не было столь мало соленой воды в море и столь тихой погоды. Все повеселели, и каждый корабль ускорял ход насколько возможно, чтобы первым увидеть землю. Видели много дельфинов, а люди с „Ниньи” одного убили».

Адмирал отмечает при этом, что все это — признаки западной стороны. «Уповаю на Всевышнего, от коего зависит все, и надеюсь, что очень скоро даст он нам узреть землю».

«Вторник, 18 сентября. Шли день и ночь, пройдя более 55 лиг, но показали только 48. Море все эти дни было очень спокойное, совсем как река в Севилье. Мартин Алонсо на «Пинте», корабле весьма быстроходном, пошел вперед, не дожидаясь остальных каравелл. Он сообщил со своей каравеллы адмиралу, что видел множество птиц, летящих к западу, почему и надеялся этой же ночью увидеть землю; по этой причине он шел так быстро...

Среда, 19 сентября. Поплыли своим путем и, так как погода была тихая, за день и ночь прошли 25 лиг, записали же 22. В этот день, в 10 часов, на корабль залетел глупыш, вечером видели еще одного. Птицы же эти обычно не удаляются более чем на 20 лиг от земли. Порой шел дождь, но ветра не было — верный признак земли.

Воскресенье, 23 сентября. Плыли к северо-западу, порой отклоняясь на четверть к северу, а иногда своим путем, то есть на запад. Прошли 22 лиги. Видели голубя, глупыша, еще одну речную птицу и белых птиц. Травы попадалось много, и в ней найдены были раки. Так как море было теплое и гладкое, люди стали роптать, говоря, что море тут странное и никогда не подуют ветры, которые помогли бы им возвратиться в Испанию.

Вторник, 25 сентября. ...На заходе солнца Мартин Алонсо Пинсон показался на корме своего корабля и с радостным видом вызвал адмирала, поздравляя его, ибо увидел он землю... До ночи все были убеждены, что земля лежит где-то поблизости. Адмирал приказал всем кораблям отклониться от обычного пути на запад и идти всем кораблям к юго-западу, в том направлении, где показалась земля...

Среда, 26 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад до полудня, затем шел на юго-запад до тех пор, пока не убедился, что то, что вчера все принимали за землю, было небом...

Суббота, 29 сентября. Плыли своим путем на запад. Прошли 24 лиги, людям же насчитали 21 лигу. Погода была мягкая и приятная, именно такая, о которой говорят, что не хватает только соловьиного пения, море же было гладкое, как река. Трижды появились глупыши и один раз вилохвостка. Видели много травы...»

Можно себе представить, с какой жадностью матросы и офицеры каравелл всматривались в западный горизонт, где должна была показаться суша! Каждый был заинтересован в том, чтобы первым заметить неизвестную землю, так как король Фердинанд обещал первому, кто ее увидит, выдать в награду шелковый камзол и десять тысяч мараведи¹ годовой ренты.

Последние дни сентября принесли оживление присутствием буревестников, фрегатов, альбатросов — крупных птиц, часто летающих парами; это показывало, что моряки не сбились с пути. Со своей стороны, и Христофор Колумб был твердо убежден, что земля не может находиться далеко.

Первого октября адмирал объявил своим спутникам, что они прошли к западу пятьсот восемьдесят четыре лиги, считая от острова Иерро. В действительности расстояние, пройденное каравеллами, превышало семьсот лиг, и Христофор Колумб хорошо об этом знал, но он продолжал скрывать правду.

Седьмого октября экипаж флотилии был взволнован выстрелом бомбарды², раздавшимся с «Ниньи», которая шла впереди. Этот условный сигнал должен был, по распоряжению Колумба, оповестить флотилию, как только будет замечена земля. Братьям Пинсон, находившимся на борту «Ниньи», показалось, что они видят землю. Однако вскоре обнаружилось, что это была очередная ошибка. Так как Пинсоны утверждали, что видели попугаев, летящих к юго-западу, адмирал согласился слегка изменить направление. Это отклонение от курса было сделано очень кстати: если бы флотилия продолжала идти прямо на запад, она могла бы наскочить на острые рифы Багамских островов и потерпеть крушение.

Корабли плыли по новому направлению три дня, но земля, так долго и страстно ожидаемая земля, упорно не показывалась! Каждый вечер солнце скрывалось все за той же равнодушной ли-

¹ М а р а в е д и — в конце XV в. — мелкая испанская монета, 1/34 часть серебряного реала.

² Б о м б а р д а — старинная пушка, стрелявшая каменными ядрами.

нией океана. Экипаж то и дело становился жертвой оптического обмана. Матросы роптали, выражая недовольство Колумбом, «этим генуэзцем», который завлек их на край света.

Некоторые историки, рассказывающие о плавании Колумба, несколько преувеличивают, повествуя о жестоких сценах, разыгравшихся на адмиральской каравелле. Если верить им, жизни адмирала угрожали бунты на «Санта-Марии». Кроме того, они указывают, что в результате различных препирательств в качестве своего рода сделки адмиралу дали всего три дня, по истечении которых, если не появится земля, флот должен был отправиться в обратный путь в Европу. Можно утверждать, что подобные истории — только лишь сказки, выдуманные романистами тех времен. Ничто в дневниках самого Колумба не может подтвердить их. Но сообщить об этих версиях стоит, потому что нельзя упустить ничего из сведений, относящихся к генуэзскому мореплавателю, а чуточка выдумки не повредит такой великой личности, как Христофор Колумб.

Как бы там ни было, на бортах каравелл были недовольные — это факт, но экипажи, поставленные на место словами адмирала, его энергичным взглядом в неизвестное, не отказывались повиноваться.

На счастье Колумба, 11 октября матросы с каравеллы «Пинта» выловили в море свежееотломленную ветку и небольшую палку, обработанную руками человека. Почти в то же время люди с корабля «Нинья» заметили ветку шиповника, усеянную свежими ягодами. Все воодушевились и обрадовались, видя эти признаки близости земли.

Наступившая ночь покрыла море мраком. «Пинта», самый быстроеходный корабль из всей флотилии, держалась впереди адмирала. Христофор Колумб ни на минуту не покидал капитанского мостика. Он до боли в глазах всматривался в горизонт. В ночном тумане ему чудились вдали какие-то огни: они то мерцали, то потухали, то вспыхивали вновь.

Вдруг с «Пинты» раздался голос матроса Родриго де Триана:
— Земля! Земля!

Что должно было произойти в этот момент в душе Колумба? Испытывал ли хоть один человек, с тех пор как появился род людской, эмоции, сравнимые с чувствами великого мореплавателя в тот момент? Может быть, даже стоит утверждать, что глаза, первыми увидевшие новый континент, принадлежали адмиралу?

Но это ведь не важно: слава Колумба состоит в том, что он вышел в море, а не в том, что он куда-то прибыл.

Около двух часов ночи выяснилось, что берег и в самом деле близок. Каравеллы были от него на расстоянии двух часов хода. Все моряки запели взволнованными голосами «Salve Regina»¹.

При первых лучах восходившего солнца в двух лигах под ветром увидели маленький островок. Он входил в группу Багамских островов. Колумб назвал его Сан-Сальвадор. Чуть позже, опустившись на колени, генуэзец начал декламировать гимн святого Амвросия и святого Августина: «Te Deum laudamus, te Dominum confitemur»².

Вскоре на берегу появилось несколько голых людей, пристально рассматривавших корабли. Христофор Колумб сел в шлюпку вместе с обоими капитанами, королевским инспектором Родригом Санчесом де Сеговия, нотариусом флотилии Родриго де Эсковеда и другими должностными лицами. Адмирал сошел на берег в алой одежде поверх лат, с развернутым королевским знаменем. Оба капитана несли знамена с зеленым крестом, вокруг которого переплетались буквы «F» и «I» — инициалы Фердинанда и Изабеллы. Именем короля Леона и королевы Кастилии адмирал торжественно вступил во владение островом Сан-Сальвадор.

Во время этой церемонии туземцы окружили Колумба и его спутников. Вот как описывает сам Колумб в своем дневнике сцену первого знакомства с жителями:

«Поскольку они держали себя дружелюбно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратиться к ним в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев, и хлопковую пряжу в мотках, и дротики, и много других вещей и обменивали все это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погремушки. С большой охотой отдавали они все, чем владели.

Но мне показалось, что эти люди бедные [и нуждаются] во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже,

¹ «Здравствуй, Царица (Небесная)» — начальные слова одного из католических церковных гимнов на латинском языке.

² «Тебя, Господи, хвалим» (*лат.*) — начальные слова другого католического гимна.

хотя я видел только одну из них, да и та была еще девочкой. И все люди, которых я видел, были еще молоды, никто из них не имел более 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз, на брови, и только небольшая часть волос, и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад. Некоторые разрисовывают себя черной краской (а кожа у них такого цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы), другие — красной краской, иные — тем, что попадает под руку; и одни из них разрисовывают лицо, другие же все тело, а есть и такие, у которых разрисованы только глаза или нос. Они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа. Некоторые дротики имеют на конце рыбы зубы, у других же наконечники из иного материала.

Они все без исключения рослые и хорошо сложенные люди. Черты лица у них правильные, выражение приветливое. У многих я видел рубцы на теле; объясняясь знаками, я спросил их, отчего у них эти рубцы, и они таким же образом растолковали мне, что сюда приходили люди с других, лежащих рядом островов, и хотели эти люди захватить их всех, они же оборонялись. И я думаю, и иные думают, что сюда те люди пришли с материковой земли, чтобы захватить всех живущих здесь в плен.

Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами — я заметил, что они очень быстро научились повторять то, что им говорилось; и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований».

На следующее утро, 13 октября, туземцы толпою окружили каравеллы. Они приплыли на своих больших челноках, выдолбленных из цельного ствола дерева и вмещавших до сорока пяти человек. Аборигены ловко управляли этими лодками с помощью весла, похожего на широкую лопату, и передвигались с большой быстротой. Многие островитяне были украшены золотыми пластинками и золотыми кольцами, продетыми через отверстие в носу. Казалось, они были взволнованы прибытием чужеземцев, корабли которых свалились к ним точно с неба. Они подходили к испанцам, дотрагивались с большим удивлением до их одежды, принимая ее за какое-то непонятное для них природное оперение.

Особенно их привлекло алое платье Колумба. По-видимому, они приняли его вначале за какого-то попугая высшей породы. Впрочем, вскоре туземцы сообразили, что этот человек — самый главный среди всех прибывших чужеземцев.

На рассвете следующего дня Колумб с несколькими спутниками отправился осматривать остров Сан-Сальвадор. Остров оказался большим и ровным, покрытым густым зеленым лесом и свежими лугами, а посередине находилось прекрасное озеро. Разноцветные голосистые попугаи с шумом перелетали с дерева на дерево. Эти птицы составляли на острове единственную разновидность пернатых.

Так как испанцы видели у многих дикарей золотые украшения, они заключили, что на Сан-Сальвадоре имеются золотоносные руды. Колумб стал расспрашивать одного из туземцев, откуда они берут эти вещи, и туземец знаками объяснил, что, обогнув остров и плывя к югу, он попадет в страну, где золото встречается в изобилии.

На следующее утро Колумб приказал сняться с якоря и плыть в указанном туземцем направлении, в богатую золотом страну, которая, по его мнению, была не чем иным, как островом Сипанго (Япония).

Это заблуждение Колумба как нельзя лучше характеризует географические знания того времени. Великий мореплаватель несколько не сомневался, что открытые им земли принадлежат Азиатскому континенту. Сипанго, или Чипагу, — как мы знаем, — название Японии в «Книге Марко Поло». Ошибку Колумба разделяли с ним все его спутники. Даже после четырехкратного путешествия на острова, лежащие по ту сторону Атлантического океана, Колумб не подозревал, что открыл новую часть света.

Экипаж каравелл да и сам адмирал были вполне уверены, что в ночь на 12 октября 1492 г. они достигли берегов Японии, либо Китая, либо Индии. Этим объясняется, почему Америка долгое время носила название Западной Индии и почему коренное население этого материка до сих пор известно в Южной и Северной Америке под общим именем «индейцев».

Итак, Христофор Колумб решил достигнуть богатых берегов Японии. Но сначала он направился вдоль берегов Сан-Сальвадора, чтобы исследовать его западную сторону. Встретившиеся на берегу туземцы радушно предлагали адмиралу воду и кассаву — хлеб, приготовляемый из мучнистых корней юкки. Ко-

лумб несколько раз высаживался в разных местах берега и, надо сознаться, забыв про всякую гуманность, приказал захватить нескольких индейцев, которых он намеревался отвезти в Испанию. Итак, этих несчастных уже начали отрывать от родины; скоро не замедлят и продавать их! Наконец каравеллы, потеряв из виду Сан-Сальвадор, отважились выйти в открытый океан.

Судьба благоприятствовала Христофору Колумбу, приведя его в сердце одного из самых прекрасных архипелагов в мире. Все те новые земли, которые он вскоре откроет, представляли собой как бы ларец с драгоценностями, из которого можно было черпать полными пригоршнями.

Пятнадцатого октября, при заходе солнца, флотилия бросила якорь у западной оконечности острова, которому было присвоено название Санта-Мария-де-Концепсьон (теперь Рам). И здесь жители оказали испанцам самый радушный прием и охотно дарили им все, чего бы они ни просили. Отсюда Колумб направился дальше и пристал к третьему острову, названному им в честь испанского короля Фернандиной (нынешний Лонг-Айленд). Туземцы по-прежнему проявляли дружелюбие, а Колумб продолжал их одаривать стеклянными бусами и медными погремушками, угощать хлебом и патокой, желая, чтобы среди дикарей распространилась о чужеземцах добрая слава.

Жители Фернандины показали Колумбу более цивилизованными, чем их соседи. Некоторые из туземцев были в накидках из хлопковой ткани, многие носили набедренные повязки. В каждом доме, построенном в виде шатра, были высокие и хорошие очаги. Испанцы «обратили внимание, что внутри эти дома старательно подметены и чисты, а ложе и подстилки, на которых индейцы спят, похожи на сети и сплетены из хлопковой пряжи»¹.

Западный берег острова, образующий полукруг, мог служить великолепной естественной гаванью для множества кораблей.

Однако на острове Фернандина испанцы не обнаружили тех богатств, которых они так жадно искали. Никаких золотых рудников здесь не оказалось. Туземцы, взятые на борт, говорили о каком-то острове Самоат, где жители якобы добывают много золота.

¹ Сети из хлопковой пряжи, на которых спали индейцы, назывались у них «гамаками». «Гамак» — одно из немногих слов коренного населения Багамских островов, сохранившихся до наших дней. Через несколько десятилетий после открытия Америки из коренного населения не только Багамских островов, но и всех других островов Вест-Индии не осталось в живых ни одного человека. Все были полностью истреблены испанцами.

Колумб поплыл в указанном направлении, и в ночь на 19 октября флотилия пристала к большому острову. Это и был Самоат, который Колумб в честь испанской королевы переименовал в остров Изабеллу (на современных картах он известен как Крукед-Айленд).

По рассказам туземцев, взятых с острова Сан-Сальвадор, на этой земле должен был находиться могущественный властитель, который якобы «управляет всеми ближними островами». Колумб тщетно ждал этого короля несколько дней.

Остров Изабелла также порадовал Колумба своими чистыми озерами и великолепными лесами.

Всю ночь провели в дрейфе, а на следующий день, 17 октября, каравеллы были окружены крупными пирогами. Отношения с туземцами установились великолепные. Дикари мирно выменивали фрукты и маленькие клубочки за стеклянные бусы, бубны, иголки, которые больше всего привлекали аборигенов, и за патоку, к которой они обнаружили очень большую тягу.

Испанцы не уставали восхищаться новыми породами деревьев, зелень которых была удивительна для европейского глаза. Под густыми кронами летали бесчисленными стаями попугаи, а в высокой траве юрко скользили крупные ящерицы, без сомнения — игуаны. Жители острова, которые сначала разбежались при виде испанцев, вскоре освоились и бойко заторговали местными плодами.

Мысль о достижении Японии ни на минуту не покидала Колумба. Так как туземцы говорили о существовании на западе большого острова, который они называли Куба, то адмирал предположил, что этот остров составляет часть королевства Сипанго, и твердо решил дойти до города Кинсяя, или Ханчжоуфу, бывшей столицы Китая.

При первом попутном ветре флот Колумба снялся с якоря и снова поплыл на запад. В четверг, 25 октября, суда прошли мимо группы из семи или восьми островов, вытянутых по одной линии с севера на юг, а в воскресенье Колумб увидел берега острова Куба. Корабли бросили якорь возле устья большой реки, которой испанцы присвоили название Сан-Сальвадор. После короткого отдыха возобновилось плавание на запад и корабли вошли в порт, расположенный в устье большой реки, разросшийся впоследствии в гавань Нуэвитас-дель-Принсипе.

Колумб был поражен обширностью и красотой этого острова. На берегах росли бесчисленные пальмы с такими большими

листьями, что достаточно было одного из них, чтобы покрыть хижину туземца.

Аборигены при приближении испанцев разбежались. В покинутых хижинах испанцы нашли домашнюю утварь и изображения местных божков — «женские фигурки и головки наподобие масок, очень хорошо выделанные», а также рыболовные сети и костяные крючки. Колумб приказал ничего не трогать, чтобы не возбудить негодования туземцев. Через несколько дней ему удалось завязать отношения с жителями Кубы с помощью индейцев, привезенных с Сан-Сальвадора.

Колумб не сомневался, что теперь он достиг искомого материка Азии и находится всего в нескольких десятках миль от Кинся. Он так был в этом уверен, что стал снаряжать посольство к великому хану. В качестве посла он назначил дворянина Родриго де Хереса, которого должен был сопровождать испанский еврей Луис де Торрес, владевший еврейским, арабским и халдейским¹ языками. Мореплавателю выбрал двух индейцев — одного из числа пленных, взятых на острове Гуанакани (Сан-Сальвадор), а другого — с острова Куба. Посланникам было дано шесть дней для исполнения миссии. Снабженные всякими побрякушками и пестрыми тряпками, они отправились во внутренние области мнимого материка с приказанием сообщить владельцу страны, что Колумб прислан королем и королевой Испании для установления дружеских отношений между их державами и привез с собой королевское послание и подарки, которые вручит монарху при личной встрече.

Оставшись ждать возвращения посольства, Колумб занялся исследованием побережья Кубы. Жители понемногу привыкли к белым людям и охотно принимали от них сувениры. Когда адмирал показал им золото и жемчуг, они дали ему понять, что в местности, которая называется «Бохио», и золото и жемчуг имеются в изобилии: местные жители носят золотые украшения в ушах, на ногах, на шее и имеют также жемчужные ожерелья. Кроме того, туземцы сообщили, что еще дальше есть страна, где живут якобы одноглазые люди и люди с собачьими мордами, которые едят человеческое мясо.

Шестого ноября, после четырехдневного отсутствия, возвратились посланники Колумба. Она рассказали, что, пройдя двена-

¹ Язык семитского племени халдеев, которые в древности жили в Вавилонии

дцать лиг, встретили селение, состоящее из пятидесяти домов, точно таких, как и хижины на берегу. В селении было не менее тысячи жителей. Туземцы приняли испанцев с большим почетом и, считая их, по-видимому, какими-то сверхъестественными существами, целовали им руки и ноги.

Особенно испанцы были удивлены обычаем местных жителей зажигать какие-то листья, свернутые в трубочку, и вдыхать от них дым. (Таким образом испанцы впервые столкнулись с употреблением табака, а затем переняли этот обычай, и курение табака распространилось по всей Европе.)

Туземцы добывали огонь быстрым трением друг о друга двух кусков дерева. В жилищах, построенных в форме палаток, оказалось большое количество хлопка, а возле одной палатки — целая гора, в которой было не менее 500 арроб¹. Что же касается китайского хана, то послы нигде его не встретили, и все расспросы о нем оказались совершенно бесплодными.

Заблуждение Колумба и привело его к ошибке, которая повлияла на весь ход сделанных им открытий. Думая, что находится на берегу Азии, Колумб, естественно, считал Кубу частью континента. Потому ему и не пришло в голову объехать обширный остров. Вместо этого он решил вернуться на восток. Если бы Колумб продолжал придерживаться первоначального направления, то он непременно пристал бы либо к Флориде в Северной Америке, либо к берегам Мексики. И тогда вместо невежественных полудиких туземцев он встретил бы ацтеков, жителей великого королевства Монтесумы, нашел бы прекрасные города, организованную армию, огромные богатства, и роль Эрнандо Кортеса, без сомнения, принадлежала бы ему. Но этому не суждено было случиться. Упорствуя в своем заблуждении, Колумб, снявшись с якоря 12 ноября 1492 г., повернул к востоку.

Встречный ветер заставлял Колумба лавировать вдоль берегов Кубы. Вскоре он заметил новый архипелаг, поросший строевым лесом и окаймленный горными вершинами, сверкавшими словно кристаллы на солнце. На многочисленных островах по ночам блестели огоньки рыбаков. Неоднократно испанцы высаживались на различных островах и водружали на их берегах кресты в знак взятия этих земель во владение.

Туземцы часто говорили адмиралу об острове Бабек, где было очень много золота. Адмирал решил отправиться туда.

¹ Арр о б а — 11,5 килограмма

Между тем капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон на своем ходком корабле обогнал флотилию и 21 ноября, на рассвете, во все скрылся из виду. Этот поступок Пинсона сильно встревожил Колумба. В его дневнике мы находим следующие слова: «Он доставил мне также много иных забот и хлопот».

Продолжая исследовать близлежащие острова и берега Кубы, Колумб давал испанские названия встречавшимся по пути землям, бухтам, рекам и горным вершинам. Однако он нигде не нашел людоедов, несмотря на то что некоторые хижины туземцев были украшены черепами, что приводило в восхищение индейцев, находившихся на корабле адмирала.

После бегства «Пинты» Колумб медленно продвигался в восточном направлении, пока не достиг восточной оконечности Кубы. Противный ветер заставил его отклониться от намеченного курса на остров Банеке. Вместо этого 5 декабря ему довелось открыть большой остров, который туземцы называли «Бохйо». Это был соседний с Кубой остров Гаити.

Вечером каравелла «Нинья» по распоряжению адмирала вошла в бухту, которая была названа бухтой Марии (теперь бухта Св. Николая на северо-западе Гаити).

На следующий день каравеллы прошли мимо множества мысов и мимо одного островка, названного Колумбом островом Тортуга (Черепаша). При виде кораблей индейцы обращались в бегство на своих быстроходных пирогах. Остров, вдоль которого продвигались испанцы, оказался гористым, благодаря чему и был впоследствии назван Гаити (Возвышенный). Пение птиц, напоминавшее трели испанских соловьев, горы, похожие на испанские сьерры, живописные долины, дубовые роци — все это вызывало у Колумба воспоминания о видах Кастилии, почему он и назвал этот остров Эспаньолой¹. Жители Эспаньолы оказались до того боязливými и недоверчивыми, что с ними никак не удавалось установить контакт: при малейшей попытке испанцев приблизиться к ним они быстро убегали в лес. Тем не менее нескольким матросам все же удалось захватить одну молодую женщину, которую они и привели на корабль. Колумб дал ей кольца, бусы и одежду, после чего приказал отпустить ее на берег.

Когда на другой день отряд из девяти хорошо вооруженных матросов углубился на четыре с половиной лиги в глубь острова, где находилось большое селение, туземцы оказали испанским

¹ Эспаньола — по-испански значит «Маленькая Испания».

матросам хороший прием, наперебой угощали их и приносили разные подарки, ничего не требуя взамен.

На этом острове испанцы повсюду встречали хорошо возделанные хлопковые поля, заросли алоэ, мастиковые и плодовые деревья.

Пятнадцатого декабря Колумб отправился дальше к острову Тортуга. Протекавшая там судоходная река так понравилась Колумбу, что он назвал долину, в которой она протекает, — Райской. На другой день, крейсируя посреди залива, Колумб заметил в море одного индейца на утлом челне, удивительно устойчивом даже при свирепствовавшем в то время ветре. Взятый на борт вместе с челноком, индеец получил обычные в таких случаях подарки, а затем был высажен возле его селения, расположенного у самого моря. Индеец показал своим братьям полученные подарки и «сообщил, что испанцы — хорошие люди».

После этого на берег вышли все жители селения вместе с вождем, красивым двадцатилетним юношей, которому по приказанию Колумба были оказаны почести, как настоящему королю.

Туземный вождь был так же наг, как и его подданные, мужчины и женщины, относившиеся к нему с большим уважением, но без всяких признаков подострастия.

(«Один из индейцев, бывший с адмиралом, заговорил с королем и сказал ему, что пришельцы явились с неба, они ищут золото и намерены идти на остров Банеке. И на это король ответил, что все слышанное им ему нравится и что на острове Банеке действительно есть много золота... Отсюда до Банеке лишь два дня пути, добавил он и заявил, что, если пришельцы нуждаются в чем-нибудь имеющемся на его земле, он охотно даст им все необходимое».)

На следующий день другой вождь, которого индейцы называли «кастиком»¹, явился к Колумбу на корабль в сопровождении многочисленной свиты и присутствовал на торжественном обеде по случаю церковного праздника — дня св. Марии. Каравеллы были украшены флагами. После нескольких залпов из бомбард касика пригласили к столу адмирала. Отведывая кастильские кушанья и напитки, он отсылал блюда и кубки своим людям. У касика было доброе лицо, и держался он, по словам Колумба, с поразительным достоинством. По окончании обеда он предложил адмиралу несколько тоненьких пластинок золота, получив от него

¹ В языке индейцев карибов слово «кастик» обозначало «вождь племени».

взамен янтарные четки, красные башмаки и флакон с благовонной водой. Кроме того, Колумб подарил касику кастильскую монету с изображением Фердинанда и Изабеллы, стараясь при этом внушить туземцам, что «нет на всем свете более великих государей». Когда касик пожелал сойти на берег, Колумб распорядился произвести в его честь новый залп из бомбард.

Утром 18 декабря, водрузив на берегу большой крест, испанцы покинули эту гостеприимную страну. Выйдя из залива, образованного островами Тортуга и Эспаньола, Колумб открыл еще несколько островов, и всюду местные жители принимали испанцев за посланников неба и просили их остаться жить среди них. На одном острове касик по имени Гуаканагари прислал Колумбу в подарок пояс, на котором вместо пряжки было изображение животного с большими ушами, носом и языком, сделанное из кованистого золота.

Колумб и его спутники щедро раздавали туземцам бубенчики, латунные кольца, стеклянные бусы и пестрые лоскутки.

Жилища туземцев были здесь очень красивы и хорошо построены. Красная, черная и белая краски, которыми покрывали свои тела индейцы, предохраняли их, по мнению Колумба, от палящих лучей солнца. Когда Колумб расспрашивал островитян о стране, богатой золотом, они указывали на восток, именуя эту страну «Сябао», и Колумб полагал, что они говорят о Сипанго, то есть о Японии.

Двадцать пятого декабря, в первый день Рождества, произошло несчастье с адмиральским судном. Младший матрос, подменивший на короткое время опытного рулевого, не заметил, как корабль, увлекаемый течением, очутился возле отмели. В полночь «Санта-Мария» наскочила на скалу и получила пробоину в корме. Колумб, разбуженный толчком, выбежал на палубу. Он принял меры для спасения судна, но лоцман и несколько матросов с перепугу бросились в шлюпку и стали грести к «Нинье», которая лавировала в полулиге. Между тем начинался отлив, и «Санта-Мария» все глубже врезалась в мель. Пришлось срубить мачты, чтобы облегчить корабль, а когда вода залила трюм, оставшийся экипаж должен был перейти на другое судно.

Касик Гуаканагари, узнав о несчастье белых людей, заплакал от огорчения и послал на помощь Колумбу всех жителей своего селения с пирогами для разгрузки корабля. Благодаря его

участию все корабельное имущество было спасено и заботливо перевезено на берег. Всю ночь у склада дежурили вооруженные индейцы, а наутро Гуаканагари отправился на борт «Ниньи», чтобы утешить адмирала, и предложил ему все свои богатства.

В то же самое время он предложил завтрак из хлеба, козьего мяса, рыбы, корнеплодов и фруктов. Колумб, взволнованный таким проявлением дружбы, решил основать на острове поселение. Итак, он постарался привлечь индейцев подарками и лаской; потом, вознамерившись показать им свое могущество, Колумб приказал выстрелить из аркебузы и из мушкетона, что очень испугало бедных людей.

Двадцать шестого декабря испанцы принялись за строительство крепости в этой части острова. Адмирал собирался оставить там несколько человек с запасами хлеба, вина, зерна на целый год и дать им шлюпку с «Санта-Марии». Работы продвигались весьма успешно.

Колумб, ободренный дружбой и преданностью индейцев, решил основать здесь небольшой форт и оставить в нем некоторых своих спутников, так как все матросы с «Санта-Марии» не могли бы поместиться на «Нинье».

Желая укрепить в индейцах веру в могущество белых, Колумб приказал выстрелить в дерево из бомбарды. Грохот выстрела и особенно расщепленный ствол произвели на туземцев огромное впечатление.

В то же время стало известно о судьбе «Пинты», отделившейся от флотилии 21 ноября. Местные жители сообщили, что видели большой корабль на восточном конце острова. Однако лодка, посланная Гуаканагари, вернулась, не найдя «Пинты». Именно тогда Колумб, не желая продолжать исследования в тех условиях, в которых он оказался, оставшись всего с одним кораблем после потери «Санта-Марии», которую уже нельзя было поднять, решил возвратиться в Испанию и начал подготовку к отплытию.

Третьего января 1493 г., закончив приготовления к отъезду, Колумб отправился в обратный путь. Форт уже возвышался над берегом, и на его стенах были установлены бомбарды, снятые с каравеллы «Санта-Мария». Крепость получила название Навидад (Рождество) в память о кораблекрушении 25 декабря. Теперь Колумб считал, что это несчастье имело и свою положительную сторону, ибо, не будь его, он не узнал бы, что на Эспаньоле имеется золото.

Колумб оставил в форту Навидад тридцать девять добровольцев, назначив своими заместителями Диего де Арану, Перо Гумьереса и Родриго Эсковеду. «Среди прочих людей, что остались на острове, были корабельный плотник, конопатчик, хороший пушкарь, знающий толк в фортификации, бондарь, портной, лекарь». Оставшиеся в Навидаде испанцы были обеспечены припасами на целый год.

Поручив гарнизону форта во что бы то ни стало отыскать золотые россыпи и выбрать место, подходящее для постройки города, Колумб, простившись с касиком и с первыми поселенцами, 3 января снялся с якоря и отчалил от гавани на каравелле «Нинья».

На другой день Колумб открыл небольшую бухту, рядом с которой находилась высокая гора. Это место, удобное для стоянки, он назвал Монте-Кристи (гора Христа). 6 января один из матросов увидел с верхушки мачты каравеллу «Пинга». Капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон вскоре поравнялся с «Ниньей» и, явившись к Колумбу, стал оправдывать перед ним свое поведение; он утверждал, что его отлучка была вынужденной. На самом деле Пинсон, как и предполагал Колумб, решил первым достигнуть легендарного острова Банеке и захватить золотые россыпи. Адмирал не возражал против подобных объяснений капитана Пинсона, убедившись, что «Пинга» всего лишь крейсировала вдоль берегов Эспаньолы, не приблизившись ни к какому другому острову.

Седьмого января пришлось сделать остановку, чтобы закрыть течь на каравелле «Нинья». Воспользовавшись стоянкой, Колумб решил исследовать широкую реку, протекавшую в одном лье от Монте-Кристи. В ней были найдены золотые песчинки, и адмирал назвал ее «Золотой рекой». Колумбу хотелось продолжить исследование побережья Эспаньолы и прилегающих островов, но матросы, подстрекаемые братьями Пинсон, открыто высказывали свое недовольство и требовали скорейшего возвращения в Испанию.

Девятого января корабли снова снялись с якоря, продолжая следовать вдоль восточных берегов Эспаньолы. Но затем флотилия, задержанная безветрием, бросила якорь в удобной бухте, и здесь произошла стычка испанцев с туземцами, не проявившими на сей раз добрых намерений. 13 января испанские матросы пустили в ход оружие. Потеряв несколько человек, туземцы обрати-

лись в бегство. Так впервые европейцами была пролита кровь беззащитных индейцев.

На следующий день Христофор Колумб задержал на борту четырех молодых туземцев и, несмотря на их протест, дал приказ об отпльгтии. Экипажи каравелл, озлобленные и измученные, доставляли ему серьезные огорчения, на что горько сетует в своем дневнике этот стоявший над всеми человеческими слабостями человек, которого не могли сломить удары судьбы.

Наконец 16 января скрылся из виду последний мыс Эспаньолы, и обе каравеллы направились на восток. Подгоняемые попутным ветром, они, выйдя в открытый океан, быстро продвигались в нужном направлении. День тянулся за днем без всяких происшествий. Но 12 февраля, когда Колумб уже надеялся вскоре увидеть берега Испании, поднялась сильная буря и море начало так волноваться, что, по словам адмирала, не будь «Нинья» столь прочной и хорошо приспособленной для плавания, он серьезно опасался бы за ее судьбу.

Буря не прекращалась в течение четырех суток, ежеминутно угрожая кораблям гибелью. Испуганные моряки давали обеты отправиться босиком замаливать свои грехи в самые отдаленные монастыри, а буря между тем не унималась. Каравеллы бросало из стороны в сторону. Ветер угнал «Пинту» далеко на север, и она снова скрылась из виду. Оставшись на маленькой «Нинье», Колумб поторопился написать на пергаменте отчет о своих открытиях с просьбой к нашедшему доставить его королю Фердинанду и королеве Изабелле. «Этот пергамент он обернул провощенной тканью, как следует перевязал, приказал принести большой деревянный бочонок и вложил в него сверток — так, чтобы ни одна живая душа не знала, что содержится в нем, и все думали, что адмирал выполняет какой-то обет, а затем велел бросить бочонок в море».

Пятнадцатого февраля поутру буря стала стихать. К вечеру на горизонте была замечена земля, которая оказалась одним из островов Азорской группы. Радость Колумба и его спутников, снова увидевших землю Старого Света, была беспредельной, но прошло еще три дня, прежде чем им удалось пристать к острову Санта-Мария, самому южному в Азорском архипелаге.

На другой день экипаж «Ниньи» решил отслужить благодарственный молебен, и Колумб отпустил на берег половину всех матросов. Но едва только испанцы дошли до часовни, как их за-

хватили в плен португальские солдаты, посланные губернатором острова. Когда попытка захватить также и Колумба с его каравеллой не увенчалась успехом, губернатор после настойчивых требований Колумба через пять дней освободил его матросов, и 24 февраля «Нинья» снова пустилась в море.

На пути от Азорских островов каравеллу снова застигла буря, и только 4 марта измученные мореплаватели увидели перед собой какую-то землю. Оказалось, что ветер пригнал «Нинью» к португальским берегам, к устью Тежу (Тахо), близ Лиссабона. Португальцы очень хорошо приняли адмирала. Король даже удостоил его аудиенции. Но Колумб спешил в Испанию. Как только погода позволила, «Нинья» вышла в море.

В полдень 15 марта каравелла «Нинья» вошла в гавань Палоса, пробив в плавании семь месяцев и двенадцать дней. Через несколько часов в Палос прибыла и вторая каравелла — «Пинта», отнесенная ветром к берегам северной Испании. Капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон в пути тяжело заболел и через несколько дней после возвращения на родину умер.

Все жители Палоса вышли на набережную приветствовать Колумба, которого считали уже погибшим. Узнав, что королевский двор находится в Барселоне, Колумб отправился туда, захватив с собой шестерых индейцев, привезенных из Эспаньолы. Путь Колумба из Палоса в Барселону превратился в настоящее триумфальное шествие. При дворе ему был оказан великолепный прием. Колумб рассказал Фердинанду и Изабелле о своем путешествии и сделанных открытиях, показал индейцев, а также образцы привезенного золота, невиданные заморские растения и перья диких птиц.

В тот же день Колумбу было присвоено дворянское звание и дарован герб с изображением феодального замка, группы островов, пяти якорей и увенчанного короной льва. На гербе были начертаны следующие слова:

Для Кастильи и Леона
Новый мир открыл Колумб.

Имя генуэзского мореплавателя прогремело по всей Европе; индейцы, привезенные им, были крещены в присутствии королевского двора, и гениальный человек, столь долго бывший бедным и неизвестным, поднялся на самую высокую ступеньку славы.

III

Второе путешествие Колумба. — Остров Иерро. — Остров Доминика. — Остров Мария-Галанте (Мафи-Галант). — Гваделупе. — Встреча с каннибалами. — Острова Монтсеррат, Санта-Мария ла-Редонда, Сан-Мартин и Санта-Крус. — Архипелаг Одиннадцать тысяч дев (Виргинские острова). — Остров Сан-Хуан-Баутиста (Пуэрто-Рико). — Эспаньола. — Гибель первых поселенцев. — Основание города Изабеллы. — Форт Св. Фомы. — Ямайка. — Берега Кубы. — Возвращение в Изабеллу. — Восстания на Эспаньоле. — Отъезд Колумба в Испанию.

Рассказы о приключениях генуэзского мореплавателя взбудоражили всю Европу. Воображению рисовались золотые россыпи и сказочно богатые земли по ту сторону океана. В сердцах закипали страсти, порождаемые корыстолюбием и алчностью. Колумб, сам одержимый жаждой обогащения и желанием продолжить свои открытия, снова стал собираться в далекое плавание.

В распоряжение Колумба была предоставлена флотилия, состоявшая из трех карак и четырнадцати каравелл. Кроме экипажа и должностных лиц, с Колумбом отправлялись за океан сотни идальго — безземельных дворян, оставшихся не у дел после падения Гренады, и десятки священников и монахов — для обращения индейцев в христианскую веру. Всего в экспедиции участвовало свыше тысячи двухсот человек.

Колумб взял с собой все необходимое для организации испанской колонии на Эспаньоле. На корабли были погружены скот, семена хлебных злаков и овощей, разные сорта виноградной лозы, всевозможные орудия, вооружение, боевые припасы и т. п. Из десяти привезенных в Европу индейцев пятеро возвращались на родину. Они уже успели настолько освоить испанский язык, что могли служить переводчиками.

Христофор Колумб был назначен генерал-капитаном эскадры и получил неограниченные полномочия.

Двадцать пятого сентября 1493 г. семнадцать кораблей подняли паруса и вышли из гавани Кадиса, провожаемые приветственными криками многолюдной толпы. 1 октября показались Канарские острова. На острове Гомера запаслись водой, дровами и свежей провизией для всей флотилии. Здесь же были приняты на борт огромные собаки, специально дрессированные для охоты на людей. 6 октября скрылся из виду самый западный среди Канарских островов — Иерро, и после двадцатидневного плавания при благоприятном ветре и хорошей погоде Христофор Колумб опять увидел новые земли.

Третьего ноября, в воскресенье, при восходе солнца, кормчий флагманского судна «Санта-Мария-Галанте» радостно закричал:

— Добрые вести! Земля!

Это был остров с пышной тропической растительностью. Адмирал, посчитавший его необитаемым, прошел мимо него и прилегающих небольших островков и скоро увидел на горизонте другой большой остров. Первому острову он дал название Доминика (то есть Воскресенье), второму — Мария-Галанте (теперь Мари-Галант). Эти названия сохранились до наших дней. Затем был открыт третий большой остров.

И, говорит в своем рассказе о втором путешествии Пьер Мартир, современник Колумба, «когда они подошли ближе, то узнали, что это был знаменитый Остров каннибалов, или карибов, о котором они столько слышали во время первого путешествия».

Испанцы увидели на берегу поселок из тридцати круглых деревянных хижин, покрытых пальмовыми листьями. Внутри хижин висели плетеные постели, которые индейцы Эспаньолы называли гамаками. При приближении чужеземцев дикари убежали в лес, бросив несколько пленников, предназначенных для очередного людоедского пиршества. Матросы нашли в жилищах обглоданные человеческие кости, отрубленные руки, ноги и головы. По-видимому, местные жители и были теми самыми карибами, о которых с ужасом говорили туземцы Эспаньолы.

Этот остров, который адмирал приказал исследовать и на котором были изучены основные реки, получил название Гваделупе по причине своей схожести с одним из уголков Эстремадуры. Матросы привезли нескольких женщин, их вскоре отпустили на берег, хорошо обойдясь с ними на адмиральском судне. Христофор Колумб надеялся, что его хорошее обхождение с островитянками заставит индейцев подняться на борт. Но его надежда была тщетной.

Восьмого ноября Колумб отдал приказ плыть дальше и направился со всей своей эскадрой на северо-запад, к острову Эспаньола, где он оставил тридцать девять человек в форте Навидад. Поднявшись к северу, Колумб открыл большой остров, которому туземцы, спасенные от зубов карибов и получившие приют на борту каравеллы, дали название Маданино. Туземцы утверждали, что местное население состоит из одних только женщин, а так как в книге Марко Поло говорилось об одной азиатской стране, где проживают исключительно женщины, то у Христофора Ко-

лумба были все основания верить, что он плывет вдоль азиатского побережья. Адмирал страстно желал осмотреть остров, но противный ветер помешал подойти к берегу.

В двух лигах от этого места увидели другой остров, окруженный высокими горами, который был назван Монсеррат;¹ на следующий день был открыт еще один — Санта-Мария-де-ла-Редонда², а через день — два других — Сан-Мартин³ и Санта-Крус.

Эскадра стала на якорь перед Санта-Крусом, чтобы набрать воды. Там разыгралась очень жестокая сцена, и Пьер Мартир рассказывает о ней так, что стоит привести его слова, потому что они очень красноречивы. «Адмирал, — пишет он, — отдал распоряжение, чтобы тридцать человек с его корабля сошли на берег и осмотрели остров; и эти люди высадились, обнаружили на пляже четырех собак и столько же молодых мужчин и женщин, подойдя к ним и протянув руки, как бы умоляя о помощи и прося защиты от жестокой расы. Каннибалы, увидев это, побежали, точно так же, как и на Гваделупе, и скрылись в лесу. И наши люди в течение двух дней оставались на острове.

А в это время те, кто находились на судне, увидели, как издалека подплывает каноэ, в котором сидят восемь мужчин и столько же женщин; наши люди подали им знак; но те, приближаясь, стали — как мужчины, так и женщины — весьма легкомысленно и весьма жестоко осыпать наших своими стрелами, прежде чем наши сумели прикрыться щитами; в итоге один испанец был убит стрелой женщины, и еще одна ее же стрела попала в другого испанца.

Стрелы у этих дикарей были отравленными; они были пропитаны ядом; в числе дикарей была женщина, которой все другие подчинялись и кланялись. Это, как можно догадаться, была королева, и ее сопровождал сын, здоровый юноша со львиным лицом и злым взглядом.

Наши посчитали, что лучше схватиться врукопашную, чем дожидаться еще большего зла, сражаясь на таком большом расстоянии, и они приблизились к их суденьшку, заставив натиском своей шляпки их отступить, причем из-за высокой скорости шляпки она врезалась в каноэ тех людей.

¹ Остров назван в честь известной горы в Каталонии, к северо-западу от Барселоны, и монастыря, расположенного на ней; сейчас название острова пишется в английской транскрипции: Монтсеррат. (*Примеч. перев.*)

² Сейчас остров называется просто Редонда. (*Примеч. перев.*)

³ Сейчас остров называется Сен-Мартен. (*Примеч. перев.*)

Но индейцы, очень хорошие мореплаватели, двигаясь ни быстрее, ни медленнее, не переставали осыпать наших стрелами, причем сражались как мужчины, так и женщины, и не прекращали стрельбу до тех пор, пока не достигли скалы, прикрытой водой, на которую они высадились, и стали сражаться еще яростнее. Тем не менее дикари в конце концов были захвачены в плен, один из них был убит, а сын королевы получил два ранения; и они были доставлены на адмиральское судно, где проявили не меньше свирепости и жестокости, чем ливийские львы, когда оказываются в сетке. Люди эти выглядели так, что никто не мог посмотреть на них, без того чтобы сердце его и все нутро не содрогнулись от ужаса, такими мерзкими, грозными и страшными были их взгляды».

Как видим, стычки между индейцами и европейцами становились серьезными.

Дальше к северу взорам испанцев открылись «бесчисленные и веселые» островки, названные Колумбом архипелагом «Одиннадцати тысяч дев». С тех пор эти острова именуются Виргинскими (по-испански «дева» — «вирхен»)¹. Потом вдали открылся большой остров, который индейцы, взятые на Гваделупе, называли Борикен. Земля была здесь тщательно возделана, всюду виднелись обработанные поля. Но хижины на берегу оказались пустыми — испуганные жители разбежались. Флотилия, не задерживаясь на этом острове, названном Колумбом Сан-Хуан-Баутиста (позднее он был переименован в Пуэрто-Рико), прошла вдоль его северного берега.

В пятницу 22 ноября Колумб наконец увидел Эспаньолу. Когда дошли до бухты Монте-Кристи, несколько матросов были посланы на берег за пресной водой, и здесь они нашли два разложившихся трупа. У одного из мертвецов были остатки густой бороды. Колумба охватили тревожные предчувствия.

Вечером 27 ноября флотилия бросила якорь в бухте Навидад. Адмирал приказал выстрелить из двух бомбард, чтобы оповестить гарнизон форта о своем прибытии. Но ответного выстрела не последовало, сигнальные огни не зажглись и никаких признаков форта на берегу не было видно. Колумб с нетерпением ждал рассвета, чтобы узнать о судьбе своих матросов, которые вынуждены были жить почти целый год среди индейцев.

¹ По католической легенде, «одиннадцать тысяч дев» совершили паломничество в Рим и на обратном пути были перебиты гуннами (*Примеч. перев.*)

Около полуночи к флотилии подплыли на пироге несколько индейцев. Один из них настойчиво повторял: «Адмирал, адмирал». Туземцев проводили на флагманский корабль, и Колумб узнал среди них родственника касика Гуаканагари, который привез в подарок от вождя две золотые маски. На вопросы Колумба об испанцах, оставшихся на острове, индейцы давали сбивчивые и неясные ответы. Можно было только понять, что многие европейцы умерли от болезней, другие стали жертвами взаимных раздоров, остальные ушли в глубь острова на поиски золота и увели с собой много женщин. Родственник касика сообщил также, что недавно на Гуаканагари напал касик соседней области по имени Каонабо: сжег селение и ранил Гуаканагари в бою.

Как ни печальны были эти известия, но хоть какая-то информация немного успокоила Колумба. Он не сомневался, что оставшиеся в живых матросы поспешат вернуться, как только узнают о его прибытии, и расскажут всю правду о случившемся. Но наутро Колумба ждало еще большее огорчение. От форта Навидад остались одни развалины со следами пожарища. Кое-где виднелись обломки разбитых сундуков и клочки одежды европейцев, а неподалеку от крепости было найдено одиннадцать зарытых в землю тел, оказавшихся трупами испанцев.

О том, что произошло за время его отсутствия в форту Навидад, Колумб узнал через несколько дней от касика Гуаканагари, которого нашел больным в одном из отдаленных селений. («Гуаканагари сообщил, — пишет Бартоломе Лас Касас, — что христиане погибли потому, что, как только адмирал покинул их, они стали ссориться между собой. У них возникли нелады, и эти люди принялись отнимать жен у их мужей, и каждый из них отправлялся добывать золото сам и только для себя. Группа бискайцев соединилась против всех остальных христиан, а затем все они рассеялись по стране и там за свои провинности и дурные поступки были убиты».)

Колумб поверил Гуаканагари, хотя подозревал, что в истреблении испанцев принимали участие также и индейцы его племени. Но, не желая до поры до времени портить с ними отношения, он пригласил касика в свой лагерь и снова устроил празднество в его честь. Касика привели в изумление лошади, которых он никогда прежде не видел, а искусство верховой езды вызвало его неподдельный восторг. Несмотря на то, что многие спутники Колумба настоятельно советовали задержать Гуаканагари, чтобы с

его помощью найти виновных, Колумб не последовал этому совету и приказал касика отпустить. По-видимому, тот почувствовал что-то недоброе, так как на следующий день куда-то исчез и не показывался на глаза. С тех пор отношения между индейцами и испанцами стали заметно ухудшаться.

Гибель гарнизона форта Навидад не изменила решения Колумба основать на Эспаньоле колонию. Туземцы постоянно говорили о богатой золотом области Сибao, которую Колумб все еще продолжал считать страной Сипанго. На поиски золота был снаряжен большой отряд во главе с Алонсо де Охедой, кастильским дворянином. Экспедиция Охеды увенчалась успехом. Ему удалось открыть несколько ручьев с золотоносным песком и найти самородок золота в девять унций весом.

При виде этих богатств адмирал пришел к убеждению, что остров Эспаньола и есть знаменитый Офир, о котором говорилось в Книге Царств¹. Он занялся поисками места, где можно было бы построить город, и в десяти лигах к востоку от Монте-Кристи, в устье реки, образующей удобную гавань, он заложил Изабеллу. В день святой Елифании тринадцать священников отслужили мессу в церкви, где присутствовала огромная толпа туземцев.

Тогда Колумб подумал о посылке новостей из колонии испанским королю и королеве. Двенадцать кораблей, нагруженных собранным на острове золотом и плодами местной земли, готовились вернуться в Европу под командованием капитана Торреса. Эта флотилия вышла в море 2 февраля 1494 г., а спустя некоторое время Колумб отослал еще одно судно из пяти оставшихся у него, командовать которым он назначил очень располагавшего к себе лейтенанта Бернардо де Писе.

После того как порядок в колонии Изабелла был установлен, адмирал оставил там своего брата, дона Диего, в качестве губернатора, а сам отправился вместе с пятью сотнями человек осматривать рудники Сибao. Страна, которую пересекал этот маленький отряд, отличалась дивным плодородием; плоды там созревали за тринадцать дней; зерно, посеянное в феврале, уже в апреле давало великолепные колосья, и каждый год собирали два превосходных урожая хлебов. Экспедиция шла через горы и долины; часто путь сквозь девственные заросли приходилось пролагать

¹ Сказочно богатая страна Офир упоминается не только в Третьей Книге Царств, но и в других книгах Библии. (Примеч. перев.)

кайлом, но в конце концов испанцы добрались до Сибео. Там, на косогоре возле большой реки, адмирал приказал построить из камня и дерева форт; он окружил крепость глубоким рвом и назвал ее в честь святого Фомы, чтобы посмеяться над некоторыми своими офицерами, которые не верили в золотые рудники¹. А им не подобало сомневаться, потому что туземцы со всех сторон тащили самородки и маленькие крупицы золота, с готовностью обменивая их на бусы и — в особенности — на погремушки, серебряный звон которых побуждал их к танцу. Но эта местность была не только краем золота, здесь в изобилии имелись пряности и благовония, а деревья, из которых их получали, образовывали настоящие леса. Испанцы могли только поздравить себя с завоеванием такого изобильного острова.

Оставив в форте Св. Фомы пятьдесят шесть человек под начальством Педро де Маргарита, Христофор Колумб 21 марта отправился обратно в Изабеллу. В пути ему пришлось задержаться на несколько дней из-за разлива горных рек. В Изабеллу он прибыл 29 марта и нашел здесь страшные беспорядки: в колонии не было муки, так как солдаты и матросы не успели построить мельницу; увеличилось количество больных и умерших; изнуренные от голода люди не могли справиться со своей работой; а надменные идалго, полагавшие, что, как только они придут в новые земли, богатства сами свалятся им на голову, гнушались всякой работой и бездельничали с утра до ночи. Точно так же вели себя и священники, считавшие, что духовный сан освобождает их от простого труда.

Перед тем как начать новое путешествие, Колумб, «желая, по словам Лас Касаса, навести порядок в управлении Эспаньолой и в делах, касающихся индейцев, чтобы покорить их», учредил совет из пяти человек под председательством своего брата Диего. Членами совета были назначены три рыцаря и главный миссионер колонии священник Буйль.

Двадцать четвертого апреля Колумб, покинув Изабеллу, вышел в море на трех кораблях и поплыл на запад. Пройдя остров Тортугу, он пересек пролив между Кубой и Эспаньолой и 3 мая увидел берег острова Ямайки, который «показался ему самой прекрасной и благодатной землей из всех, что до сих пор были открыты».

¹ Намек на евангельское сказание об апостоле Фоме, который не захотел верить рассказам других учеников Христа о воскресении Учителя, пожелав убедиться в этом лично. (*Примеч. перев.*)

Островитяне встретили Колумба очень недружелюбно и пытались помешать высадке испанцев. Тогда адмирал приказал открыть огонь. После того как пять или шесть индейцев были ранены или разорваны спущенными на берег псами, сопротивление прекратилось. Остров Ямайка был назван Колумбом Сантьяго. Дальнейшему продвижению вдоль западного берега Ямайки мешал встречный ветер, заставивший испанцев возвратиться к Кубе. Они поплыли вдоль южного берега Кубы. Во время этого опасного плавания по мелководью и через узкие протоки было открыто свыше семисот мелких островов. Один архипелаг, в котором оказалось свыше ста шестидесяти островов, Колумб назвал Хардинес-де-ла-Рейна (Сады королевы).

В мае впередсмотрящие заметили множество покрытых травой островов, плодородных и заселенных. Приблизившись к земле, Колумб проник в устье реки, воды которой были такими горячими, что никто не мог окунуть в них руку, хотя это — очевидное преувеличение, не подтвержденное последующими исследователями. Туземцы побережья при рыбной ловле использовали некую рыбу, называемую ими «ремора», «которая исполняла ту же роль, что и собака при охотнике. Рыбы же эти величиной с угря, и пасть у них очень широкая с множеством присосков, как у каракатиц; они очень дерзкие, как наши хорьки. Когда их бросают в воду, они сразу же присасываются к любой рыбе, а затем уже не отпускают ее, и можно оторвать этих рыб от своей жертвы, только вытащив их из воды, а будучи в воде, они выпускают добычу только мертвые. Рыба эта такая легкая, и ее, как только она присосется, тянут за бечевку, привязанную к ее хвосту, и вытаскивают на поверхность, отбирая здесь добычу».

Обследование побережья продолжалось. Адмирал посетил ряд мест, где в изобилии водились утки, цапли и безгласные собачки, которых туземцы ели, словно козлят; этими зверьками были либо щелезубы, либо крысы. Между тем фарватер становился все уже, и кораблям приходилось все труднее, но адмирал не хотел удаляться от этого побережья, потому что предполагал исследовать его. Однажды ему показалось, что на одной косе он заметил мужчин, одетых в белое, приняв их за монахов ордена Санта-Мария-де-ла-Мерсед, и Колумб послал нескольких матросов переговорить с ними. На деле все было обычным обманом зрения: «монахи» оказались крупными тропическими цаплями, которые на большом удалении несколько напоминали человеческие фигуры.

В первых числах июня испанцы вынуждены были сделать остановку в бухте одного лесистого островка, чтобы починить корабли, подводные части которых сильно поистерлись о мели. Здесь Колумб узнал от одного индейца, что «Куба — земля, со всех сторон окруженная морем». Продолжая затем трудное плавание вдоль берегов Кубы, 7 июля он приказал высадиться на берег, где в присутствии одного престарелого касика, повелителя этой области, была отслушена месса. После окончания службы касик обратился к Колумбу с назидательной речью, которую тут же перевели ему толмачи.

«Ты явился, — сказал касик, — облеченный большой властью, в эти земли, никогда раньше тобой не виданные, и с твоим приходом повергнуты были все селения и жители этих стран в великий страх. Знай же, что сообразно тому, как мы верим, есть в иной жизни два места, куда устремляются души, покинувшие тело: одно дурное и пребывающее во мраке, предназначенное для тех, кто причиняет зло и терзает род людской; другое — радостное и светлое, куда следуют души людей, уважающих в этой жизни мир и покой. И поэтому, если ты чувствуешь, что приближаешься к смерти и желаешь получить в той жизни награду, не должен ты причинять ни зла, ни ущерба тем, кто тебе не причиняет того же самого».

Какой бы философ, древний или нового времени, лучше и выразительнее сказал! Вся гуманная сторона христианства сосредоточена в этих великолепных словах, сорвавшихся с уст дикаря! Колумб и касик расстались, восхищенные друг другом, и самым удивленным из них был, возможно, не старый туземец. Все это племя, впрочем, казалось живущим по великолепным рецептам, указанным ему вождем. Земля у этих туземцев была общей — подобно солнцу, воздуху и воде. Мое и твое — эта причина всяких раздоров — были им вовсе не известны, так как они привыкли довольствоваться малым. «Они живут, как в золотом веке, — сообщали со слов Колумба испанские летописцы, — они не окружают своих владений и жилищ рвами, не строят заборов; сады у них открыты для всех; в их стране нет ни законов, ни книг, ни судей, ни истории, ни письменности; справедливые от природы, они считают дурным и несправедливым того, кто притесняет или обижает других».

Покидая землю Кубы, Христофор Колумб направился на Ямайку. Он исследовал все южное побережье этого острова вплоть до его восточной оконечности. В его намерения входило нападение на острова индейцев-карибов в целях уничтожения этого злого отродья. Но вследствие ночных бдений и других тягот

путешествия адмирал заболел, и это вынудило его отказаться от своих планов. Ему пришлось вернуться на Изабеллу, где отдых и благоприятный климат, а также заботы брата и его семьи способствовали его выздоровлению.

К тому же дела колонии настойчиво требовали его присутствия. Жестокости коменданта форта Святого Фомы вызвали возмущение индейцев. Дон Диего, брат Христофора Колумба, сделал внушение испанскому офицеру, но тот проигнорировал его упреки. Во время отсутствия Колумба этот комендант вернулся в Изабеллу, сел на один из кораблей, привезших на Эспаньолу дона Бартоломе, второго брата адмирала, и направился в Испанию.

Тем временем выздоровевший Колумб не мог оставить без внимания факт неподчинения его представителям и решил наказать вождя, взбунтовавшегося против коменданта форта. Он выслал девять вооруженных солдат для ареста опасного касика по имени Каонабо. Начальник отряда Охеда, проявив — как и не раз впоследствии — отвагу, захватил предводителя в гущу его соплеменников и доставил его в Изабеллу. Колумб приказал отправить индейского вождя в Европу, но судно потерпело крушение, и о касике больше ничего не слышали.

Вскоре в Санто-Доминго с четырьмя каравеллами прибыл Антонио де Торрес с приветственным посланием королевской четы. Фердинанд был очень доволен успехами адмирала и устанавливал ежемесячное почтовое сообщение между Испанией и островом Эспаньола.

А похищение Каонабо вызвало тем временем общее восстание индейцев. Они намеревались отомстить за вождя, которому испанцы нанесли оскорбление и незаслуженно депортировали. Один лишь касик Гуаканагари, несмотря на участие в истреблении первых колонистов, остался верен испанцам. Христофор Колумб вместе с доном Бартоломе и союзником-касиком выступил против бунтовщиков. Вскоре он встретился с их войском, численность которого он с большим преувеличением оценивает в сто тысяч человек. Как бы там ни было, но это войско было отброшено скромным отрядом в составе двухсот пехотинцев, двадцати пяти собак и такого же количества всадников. Победа, видимо, восстановила авторитет адмирала. Победенные были обложены данью. Индейцы, жившие по соседству с рудниками, должны были каждые три месяца уплачивать небольшую мерку золота, а другие, жившие подальше, — двадцать пять фунтов хлопка.

Возмущение индейцев было только подавлено, но не уничтожено. Вскоре по призыву Анакаоны, жены Каонабо, туземцы восстали во второй раз; им удалось привлечь на свою сторону касика Гуаканагари, до тех пор верного Колумбу. Опустошив маисовые поля и плантации, индейцы скрылись в горах. Испанцы оказались обреченными на голод и стали преследовать туземцев со страшной жестокостью. В результате карательных экспедиций уже в 1496 г. треть туземного населения погибла от голода, болезней и от рук европейцев. Несчастные индейцы дорого заплатили за свое знакомство с испанскими завоевателями.

Между тем судьба перестала благоприятствовать Колумбу. В то время как его власть становилась все более неустойчивой на Эспаньоле, авторитет мореплавателя падал и в Испании. Многие недоброжелатели и завистники старались внушить Фердинанду и Изабелле, что Колумб будто бы хочет захватить в собственное владение все новые земли и сделаться независимым королем. Офицеры, которых он посылал с донесениями в Испанию, обвиняли его в жестокости и несправедливости. Фердинанд под влиянием противоречивых толков о поведении Колумба отправил в Эспаньолу королевского комиссара Хуана Агуадо с поручением расследовать положение дел.

Облеченный доверием комиссар был с самого начала на стороне врагов Колумба и отправился на Эспаньолу с предвзятым мнением. Хуан Агуадо, прибыв туда во время отсутствия Христофора Колумба, отнесся крайне высокомерно к его брату Диэго, губернатору города Изабелла. Собрав довольно неполную информацию, Хуан Агуадо намеревался уже вернуться в Испанию, когда ужасным ураганом были потоплены в порту корабли, доставившие его в Новый Свет. На Эспаньоле осталось только две каравеллы. Христофор Колумб, вернувшийся в центр колонии, действуя со всем благородством души, чему не слишком-то удивились, предоставил один из этих кораблей в распоряжение королевского комиссара при условии, что сам сядет на другой и отправится оправдываться перед королем. В это время поступило известие об открытии на Эспаньоле новых золотых россыпей. Колумб, не колеблясь, отложил свой отъезд. Золото, привезенное из Эспаньолы в Испанию, могло послужить ему лучшим оправданием в глазах кастильского двора. При этом Колумб не забывал и о личной выгоде. Несмотря на то, что слухи о богатстве нового рудника оказались преувеличенными, Колумбу все же удалось

пополнить золотой запас королевской казны. Перед отъездом он распорядился построить два новых форта для защиты золотоискателей от нападения индейцев и 10 марта 1496 г. покинул Изабеллу. После трехмесячного плавания 12 июня обе каравеллы Колумба вошли в гавань Кадиса.

Второе возвращение великого мореплавателя прошло без какого-либо триумфа. При дворе его встретили довольно сдержанно. В Колумбе разочаровались не только король и королева, но и многие из его спутников. Обещанные им богатства не давались в руки. Золотые рудники на Эспаньоле поглощали средств гораздо больше, чем приносили дохода. Освоить новые земли оказалось значительно труднее, чем открыть. Но Колумб обладал такой силой убеждения, такой верой в свою правоту, что сумел вернуть расположение Фердинанда и Изабеллы.

Король и королева внимательно выслушали его яркий рассказ о взятых во владение новых островах, об открытии Ямайки, о последнем путешествии вдоль берега Кубы и новых месторождениях золота на Эспаньоле.

Мало-помалу Колумбу удалось разбить все доводы своих противников и рассеять сомнения королевской четы относительно целесообразности снаряжения новой экспедиции.

Во время очередного жаркого спора с оппонентами, отрицавшими значение его открытий, Колумб попросил каждого из присутствующих попробовать поставить яйцо острым концом. Когда эта попытка никому не удалась, он разбил острый конец и поставил яйцо на стол.

— Никто из вас не догадался так поступить, а я сумел! — ответил Колумб своим противникам.

IV

Третье путешествие Колумба. — Мадейра. — Острова Зеленого Мыса. — Остров Три니다д. — Побережье Венесуэлы. — Дельта Ориноко. — Залив Пария. — Остров Маргарита. — Возвращение на Эспаньолу. — Основание города Санто-Доминго. — Волнения в колонии. — Жалобы на Колумба в Испании. — Прибытие на Эспаньолу командора Бобадильи. — Арест Колумба и его двух братьев. — Колумб в цепях. — Свидание Колумба с Фердинандом и Изабеллой.

С большим трудом Колумбу удалось добыть средства для снаряжения третьей экспедиции. Война Испании с Францией из-за итальянских земель надолго отвлекла внимание Фердинанда и

Изабеллы от забот, связанных с финансированием этого предприятия. Только с наступлением весны 1497 г. Фердинанд, несмотря на противодействие влиятельного епископа Хуана де Фонсеки, впоследствии председателя Совета по делам Индии, предоставил в распоряжение Колумба шесть карак. Вместе с «адмиралом моря-океана» (таков был его официальный титул) в новые земли отправились сорок кавалеристов, сто пехотинцев, шестьдесят матросов, двадцать рудокопов, пятьдесят хлебопашцев, двадцать ремесленников, тридцать женщин, несколько врачей и даже музыкантов. Кроме того, адмирал добился, чтобы все наказания, выносимые судами королевства, заменялись ссылкой на острова. Тем самым он опередил англичан в столь разумной идее — заселить новые колонии преступниками, которых должен реабилитировать труд.

Тридцатого мая 1498 г. Христофор Колумб пустился в океан из порта Санлукар-де-Баррамеда (в устье Гвадалквивира), чувствуя себя физически разбитым от всех пережитых неприятностей и сильно страдая от ревматизма.

Помимо всего прочего, Колумб еще до своего отъезда узнал, что в открытом море, у мыса Сан-Висенти, его поджидает французская эскадра, намереваясь воспрепятствовать его плаванию. Чтобы избежать встречи с корсарами, Колумб сделал крюк и направился к острову Мадейра, где и остановился на несколько дней. Пополнив запасы дров, воды и продовольствия, он пошел затем к Канарским островам и возле острова Иерро разделил свою флотилию. Три корабля под начальством Педро де Арану, Алонсо Санчеса де Карвахала и Хуана Антонио Колумба, одного из родственников адмирала, были направлены с подробными инструкциями и припасами на остров Эспаньола; сам Колумб с одной каракой и двумя каравеллами повернул к югу, намереваясь сначала пересечь экватор, а потом уже следовать на запад — «к берегам Индии».

Двадцать седьмого июня маленькая флотилия прибыла к островам Саль и Боавишта, составляющим часть архипелага Зеленого Мыса. Боавишта, «бесплоднейший из бесплодных островов», использовался португальцами как место для поселения прокаженных. На главном острове архипелага — Сантьягу — Колумб запасся продовольствием и рогатым скотом. 4 июля были снова подняты паруса и взят курс на юго-запад. Через некоторое время корабли попали в полосу изнурительного зноя.

В полдень 31 июля, когда на судах оставалось только по одному бочонку воды, матрос по имени Алонсо Перес увидел на горизонте вершины трех гор. Это был остров, расположенный у северо-восточных берегов Южной Америки. Колумб дал ему название Тринидад (Троица), сохранившееся до наших дней.

На другой день, 1 августа, Колумб нашел удобную бухту и поставил корабли на якорь. Остров был покрыт прекрасными пальмовыми лесами. Матросы, посланные на берег за водой, увидели в глубине острова хижины и возделанные поля, но самих жителей не встретили.

На следующее утро к кораблям подошла большая лодка с двадцатью четырьмя молодыми туземцами, вооруженными луками, стрелами и деревянными щитами. Эти индейцы были прекрасно сложены, и кожа у них была белее, чем у жителей Эспаньолы. На них были яркие тюрбаны и набедренные повязки из хорошо выделанной хлопчатой материи. Испанцы попытались было привлечь индейцев на борт, соблазняя их зеркальцами и другими блестящими предметами, но тринидадские воины не поддались на соблазн. Тогда Колумб велел вынести тамбурин и устроить пляски. Эффект получился самый неожиданный. Индейцы приняли грохот тамбурина и пляски матросов за изъявление враждебных чувств. Прикрываясь щитами, они осыпали корабль градом стрел и направились быстрым ходом к другой каравелле.

К югу от Тринидада виднелась земля, которую Колумб назвал островом Грасия (Благодати). Но в действительности это был американский берег, а именно та часть Венесуэлы, которая примыкает к дельте Ориноко. Таким образом, Колумб, сам того не подозревая, увидел берег нового материка.

Прежде чем повернуть к северу, флотилия вынуждена была войти в пролив, отделяющий Тринидад от этого мнимого острова. В проливе, получившем название Бока-де-ла-Сьерпе (Змеиная пасть), оказалось такое бурное и стремительное течение от притока пресной воды, что испанцы пришли в ужас.

В своем письме к Фердинанду и Изабелле Колумб сообщает, что ему пришлось увидеть и пережить в этом опасном море: «Поздно ночью, находясь на палубе, я услышал ужасный рокот, доносившийся с юга. Продолжая наблюдать, я увидел, как с запада на восток море поднимается наподобие холма высотой с корабль и все более и более приближается ко мне. Поверху же, по

направлению к кораблю, с шумом и рокотом шла волна с такой же буйной стремительностью и яростью, с какой шли в проливе другие течения, и я был весь охвачен страхом, опасаясь, как бы она не опрокинула корабль, когда обрушится на него. Но она прошла мимо и достигла входа в пролив, где долго удерживалось волнение».

Между тем, несмотря на трудности плавания, адмирал, пересекая это море, вода которого становилась все преснее по мере продвижения к северу, узнавал различные мысы: один на востоке, на острове Тринидад, мыс Пенья-Бланка, другой на западе, на выдающемся в море высоком выступе Пария — мыс Лапа; он отметил многочисленные порты, среди них — Обезьяний порт, расположенный в дельте Ориноко. Колумб высадился на сушу чуть западнее мыса Кумана и был хорошо принят многочисленной толпой туземцев. К западу, за мысом Алькатрас, местность была великолепной, а туземцы заявляли, что там находят много золота и жемчуга.

Колумб хотел на некоторое время остановиться у этой части побережья, но он не видел никакого пристанища для своих кораблей. К тому же его здоровье серьезно ухудшилось, вид у него был больной, ему предписывали отдых, причем мореплаватель торопился — как ради себя самого, так и ради усталых экипажей — добраться до Изабеллы. И он продолжал продвигаться вдоль венесуэльского берега и, насколько мог, поддерживать хорошие отношения с туземцами. У этих индейцев было великолепное телосложение и приятные лица; обстановка их жилищ свидетельствовала об определенном вкусе; в домах их были фасады, за которыми находилась кое-какая мебель, довольно искусно выточенная. Шеи туземцев были украшены золотыми пластинками. Что же до местности, то она была великолепной: ручьи, горы и огромные леса напоминали о земле обетованной. И вот адмирал окрестил этот гармоничный край именем Грасия, а в ходе долгой дискуссии пытался доказать, что именно здесь когда-то была колыбель рода человеческого, земной рай, в котором так долго жили Адам и Ева. Чтобы хоть как-то объяснить это заблуждение великого мореплавателя, не надо забывать, что он считал себя находящимся на берегах Азии. Это очаровательное место было названо Колумбом Сады.

Тринадцатого августа, пройдя не без труда и не без опасностей против течения по проливу, Христофор Колумб вышел из залива

Пария через узкий коридор, который он назвал Пастью Дракона; это название сохранилось до наших дней. Оказавшись в открытом океане, испанцы открыли остров Тобаго, расположенный к северо-востоку от Тринидада, а позже — еще более северный остров Консепсьон, нынешнюю Гренаду. Потом адмирал направился на юго-запад и вернулся к побережью континента; он прошел вдоль берега сорок лиг, обследовав 15 августа густо заселенный остров Маргарита и расположенный ближе к континентальному побережью остров Кубагуа. В этом месте туземцы устраивали ловлю раковин-жемчужниц, занимаясь добычей ценного продукта. Колумб выслал к берегу шлюпку и совершил очень выгодный обмен, получив за фаянсовые черепки и погремушки много фунтов жемчуга, причем некоторые жемчужины были приличной величины и отличались великолепным блеском.

Добравшись до этих мест, адмирал остановился. Велико было искушение исследовать эту страну, но и экипажи судов, и их командиры были истощены. Поэтому был взят курс на Санто-Доминго, куда Христофора Колумба звали самые серьезные дела.

Перед своим отъездом адмирал уполномочил своего брата заложить новый город. С этой целью дон Бартоломе объехал различные уголки острова. Найдя в пятидесяти лигах от Изабеллы великолепный порт в устье красивой реки, он проложил там первые улицы города, который позднее вырастет в Санто-Доминго. Именно в этом месте дон Бартоломе устроил свою резиденцию, тогда как дон Диего остался губернатором Изабеллы.

Двадцатого августа 1498 г. показался наконец южный берег Эспаньолы. Минувя Изабеллу, корабли направились в Санто-Доминго.

Как только с берега были замечены корабли, Бартоломе вышел на каравелле в море встретить своего брата и сообщил ему о мятеже среди колонистов. (Главный судья Эспаньолы Франсиско Рольдан, рассчитывая на то, что Колумб окончательно впал в немилость и больше уже не вернется на остров, поднял восстание против его братьев, опираясь на недовольных и не признающих никакой власти идалго.)

При этих обстоятельствах адмирал прибыл в Санто-Доминго. Он признал правильными действия братьев, которые к тому же управляли весьма разумно, и призвал мятежников сдаться. Позже, 18 октября, он отправил пять кораблей в Испанию, на одном из которых находился офицер, посланный доложить королю о

новых открытиях и о положении в колонии, благосостояние которой поставлено под сомнение зачинщиками беспорядков.

В это время дела Христофора Колумба в Европе приняли дурной оборот. После его отъезда не прекращались ложные обвинения против его братьев и самого адмирала. Несколько бунтовщиков, изгнанных из колонии, изобличали династию «этих хапут Колумбов», вызывая зависть тщеславного и неблагодарного короля. Сама королева, до тех пор верная покровительница генуэзского моряка, была выведена из себя, когда увидела триста присланных на судах индейцев, оторванных от родной страны и находившихся на положении рабов. Однако Изабелла не знала, что злодеяние было совершено без ведома Колумба и в его отсутствие. Адмирала посчитали тем не менее ответственным за подобное обхождение с туземцами, и двор, чтобы поближе познакомиться с методами адмиральского правления, послал на Эспаньолу командора ордена Калатравы Франсиско Бобадилью, назначенного королевским ревизором и генерал-губернатором. В сущности, он призван был заменить Колумба. Наделенный неограниченной властью, Бобадилья вместе с двумя каравеллами отбыл из Испании в конце июня 1500 г. 23 августа колонисты заметили две каравеллы, искавшие проход в гавань Санто-Доминго.

Не застав в городе Колумба и его брата Бартоломе, Бобадилья потребовал к себе Диего Колумба и приказал ему сложить с себя власть.

Христофор Колумб, уведомленный о прибытии командора, поспешил вернуться в Санто-Доминго и согласился признать Бобадилью только представителем правосудия, но не губернатором колонии.

Тогда Бобадилья вручил адмиралу письмо короля и королевы следующего содержания:

«Дон Кристобаль Колон, наш адмирал моря-океана! Мы приказали нашему командору дону Франсиско Бобадилье объявить вам нашу волю. Повелеваем подчиниться ему и исполнять все, что он скажет от нашего имени.

Я, Король. Я, Королева».

Звание вице-короля, присвоенное Колумбу по торжественному договору с королем и королевой, не было даже упомянуто в этом письме. Но против опального адмирала поднялись и так назы-

ваемые его друзья. Все те, кто своей карьерой был обязан ему, обратились против Колумба; они нападали на него, обвиняли в стремлении добиться независимости. Что за нелепые обвинения! Как подобная мысль могла прийти иностранцу, генуэзцу, одинокому посреди испанской колонии!

Бобадилья решил, что этим случаем надо воспользоваться. Дон Диего уже сидел в тюрьме; вскоре губернатор приказал заковать в кандалы дону Бартоломе и самого Христофора Колумба. Обвиненный в государственной измене, адмирал был препровожден на один из кораблей, вместе со своими братьями, и каравелла под командованием Альфонсо де Бильехо повезла их в Испанию. Капитан корабля был добродушным человеком. Ему стало стыдно, и он хотел снять с Колумба кандалы, но тот отказался. Христофор Колумб, завоеватель Нового Света, решил в цепях ступить на землю Испании — королевства, которое он обогатил!

Действуя подобным образом, адмирал оказался прав, потому что общественное мнение всколыхнулось, когда недавнего героя увидели в столь жалком положении, скованного подобно злодею, принимаемого за преступника. Признание гения пробилось сквозь неприязнь, так несправедливо разжигавшуюся. Волна гнева поднялась против Бобадильи. Под воздействием общественного мнения король с королевой сурово осудили поведение командора; они направили Христофору Колумбу ласковое письмо, приглашая его ко двору.

Это была еще одна удача Колумба. Он предстал перед Фердинандом и Изабеллой не как обвиняемый, а как обвинитель; потом, когда воспоминания о недостойном обращении с ним стеснили его грудь, несчастный великий человек разрыдался, зарыдали и все окружавшие его. Он гордо рассказывал о своей жизни. Он, кого обвиняли в честолюбии, в том, что он обогатился при управлении колониями, показал себя таким, каким он был на самом деле — почти лишенным средств! Да! Тот, кто отправился открывать мир, не имел даже крова над головой!

Изабелла, добрая и сочувствующая, плакала вместе со старым моряком и в течение некоторого времени не могла ничего ему ответить, потому что слезы душили ее. Наконец ласковые слова сорвались с ее губ; она заверила Колумба в своем покровительстве; она обещала отомстить его врагам; она извинилась за неудачный выбор контролера и поклялась примерно наказать Бобадилью. Тем не менее она попросила адмирала подождать неко-

торое время, пока он не будет восстановлен в губернаторстве, с тем чтобы дать возможность всем предубежденным обратиться к чувству чести и справедливости.

Христофор Колумб был успокоен милостивыми словами королевы; он казался довольным приемом и согласился с необходимостью отстрочки, которую попросила Изабелла. Все, чего он хотел, так это еще раз послужить своей стране, своему новому суверену, и смутно намекнул, что еще многое попытается совершить на пути открытий. В самом деле, его третье путешествие, несмотря на непродолжительность, не было бесплодным, и географическая карта обогатилась новыми именами: Тринидад, залив Пария, побережье Кумана, острова Тобаго, Гренада, Маргарита и Кубагуа.

V

Четвертое путешествие Колумба. — Острова Мартиника, Доминика, Санта-Крус, Пуэрто-Рико. — Прибытие на Эспаньолу и запрещение высадки. — Ямайка. — Малые Каймань. — Остров Сосен (Пинос). — Остров Гуанаха. — Американский берег от мыса Гондурас до Дарьенского залива. — Золотые прииски в стране Верагуа. — Возмущение индейцев. — Пуэрто-Бельо. — Крушение у берегов Ямайки. — Нужда. — Восстание экипажа. — Лунное затмение. — Прибытие Колумба на Эспаньолу. — Возвращение в Испанию. — Смерть и погребение Колумба.

Мало-помалу «адмиралу моря-океана» удалось вернуть расположение кастильского двора. Фердинанд поневоле должен был отказаться от своего предвзятого мнения о Колумбе как увлекающемся энтузиасте.

Правда, официальный титул вице-короля Колумбу так и не был возвращен, но это объясняется не столько его личными взаимоотношениями с Фердинандом и Изабеллой, сколько интересами кастильской короны, превратившей, несмотря на договор с Колумбом, всю торговлю колонии в королевскую монополию.

Между тем остров Эспаньола начал выполнять обещания Колумба, который требовал трех лет, для того чтобы увеличить на шестьдесят миллионов доходы короны. Золото добывали в большом количестве на наиболее разработанных рудниках. Один из рабов на берегах реки Айна откопал золотой самородок стоимостью в три тысячи шестьсот экю¹. Уже можно было предполагать, какие неисчислимые богатства скрывают новые колонии.

¹ Э к ю — старинная французская золотая монета; в 1475 — 1683 гг. экю весил 3,3 г почти чистого золота. (Примеч. перев.)

Христофору Колумбу исполнилось шестьдесят шесть лет. Ему не терпелось отправиться в четвертое путешествие. Он твердо надеялся достигнуть Индии через «Западный океан» — более безопасным и более коротким путем, нежели Васко да Гама, обогнувший мыс Доброй Надежды. Колумб был убежден, что открытые им земли составляют часть Азиатского материка и завоеванные острова отделены только проливом от Молуккских островов, откуда уже легко будет добраться до настоящей Индии и создать конкуренцию португальской торговле. Таким образом, развенчанный вице-король вновь превратился в отважного адмирала. На этот раз Колумб задумал осуществить кругосветное плавание. Несмотря на то, что многие кастильские вельможи возражали против этого плана, считая его нереальным, Фердинанд и Изабелла рассудили, что риск для них не столь уж велик, а приобретут они многое, если Колумбу удастся его предприятие.

Было решено снарядить флотилию из четырех кораблей: «Сантьяго де Палос», «Гальего», «Бискайно» и капитанской каравеллы. Суда были небольшие, водоизмещением в пятьдесят — семьдесят тонн. По существу, это были корабли каботажного плавания.

Девятого мая 1502 г. Христофор Колумб вышел из Кадиса, имея на борту всех четырех кораблей около ста пятидесяти человек экипажа. Вместе с ним отправлялись в далекий путь его брат Бартоломео и тринадцатилетний Эрнандо, сын от второго брака¹.

Двадцатого мая корабли Колумба остановились в гавани Гран-Канария, а 15 июня достигли Мартиники, одного из Наветренных островов. Затем Колумб заходил на острова Доминика, Санта-Крус, Борикен (Пуэрто-Рико) и, наконец, 29 июня, после благополучного плавания, достиг острова Эспаньола.

Колумб не собирался приставать к этому острову, откуда его с позором изгнали, но нужно было починить одну из каравелл. Тем не менее губернатор Овандо, следуя королевскому приказу, не разрешил Колумбу войти в гавань. Как раз в это время заканчивалась погрузка флотилии, с которой должны были отправить в Испанию большую партию золота. Во главе судов Овандо поставил смещенного с должности Бобадилью. Вместе с ним на родину возвращался и Рольдан со своими друзьями и сообщниками.

¹ Эрнандо Колумб стал впоследствии известным ученым-космографом. Ему приписывается авторство «Истории жизни и дел адмирала Христофора Колумба»

Колумб, с прозорливостью опытного моряка, почувствовал приближение бури и послал на берег шлюпку, чтобы предупредить Овандо о грозящей опасности. Но так как Колумбу не доверяли, его совет не был принят во внимание, и вся флотилия из двадцати одного корабля снялась с якоря. Не успели еще суда достигнуть восточной оконечности острова, как налетел страшный ураган и потопил почти всю флотилию с людьми и ценностями. Когда Колумб узнал о гибели своих злейших врагов Бобадильи и Рольдана, он сказал, что их постигла «кара Господня».

Что довелось пережить самому адмиралу вместе с экипажем во время этой бури, видно из его послания королю и королеве: «Буря была ужасная, и в ту ночь она разметала все мои корабли. Люди дошли до крайности, потеряв всякую надежду на спасение, и ждали гибели. На каждом из судов думали, что все другие корабли погибли. Разве на моем месте любой смертный, будь он даже Иовом¹, не впал бы в отчаяние, видя, что в час, когда дело шло о моем спасении и о спасении моего сына, брата, друзей, запрещено мне было приближаться к земле, к гаваням, которые я Промыслом Божиим приобрел для Испании в кровавом поту!»

Когда буря утихла, корабли снова соединились у западной оконечности Эспаньолы. После починки судов Колумб направился дальше на запад и в середине июля достиг Ямайки. Отсюда течение отбросило маленькую флотилию к архипелагу Сады Королевы, но затем, из-за встречного течения, корабли почти не продвигались вперед. За неделю удалось покрыть не более семидесяти лье. Потом корабли были отброшены к Кубе, и это привело к открытию группы небольших необитаемых островов Малые Кайманы и острова Сосен (Пинос).

Отсюда Христофор Колумб снова повернул на юго-запад и очутился среди морей, воды которых не бороздил еще ни один европейский корабль. Судьба еще раз привела Колумба к берегу Американского материка. 30 июля испанцы открыли небольшой остров Гуанаха, лежащий против северного берега Гондураса. 14 августа показалась новая неизвестная земля, и Колумб пристал к мысу Гондурас, продолжением которого является Панамский перешеек, соединяющий оба континента.

¹ И о в — библейский праведник, главное действующее лицо носящей его имя библейской книги (Книга Иова), который с Божьего позволения был ввергнут в несчастья, болезни и нищету, но сохранил свою веру и получил справедливое воздаяние.

Таким образом, Колумб, не ведая того, уже во второй раз приставал к американскому берегу. В продолжение четырех долгих месяцев он шел вдоль него к юго-востоку, борясь с противными ветрами и течениями, непрерывно нанося на карту очертания побережья. Каждую ночь он бросал якоря, чтобы не удаляться от берега.

Следуя этим неизвестным путем, он надеялся найти пролив, ведущий в Индийские моря.

Плавание проходило в исключительно трудных условиях. Колумб встречен был здесь такими ветрами, что ему, старейшему моряку из всего экипажа, никогда не приходилось испытывать ничего подобного. В письме королю и королеве он так описывает опасное плавание:

«В течение восьмидесяти восьми дней не прекращалась ужасная буря — такой силы, что от зора были скрыты и солнце и звезды. Корабли дали течь, паруса изодрались, такелаж и якоря были потеряны, погибли лодки, канаты и много снаряжения. Люди поражены были недугами и удручены, многие обратились к религии, и не оставалось никого, кто не дал бы какого-либо обета или не обязался совершить паломничество. Часто люди исповедовались друг другу в грехах. Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие. Многие из тех, кто казался сильным духом, впали в уныние, и так было в продолжение всего этого времени. Болезнь сына, который находился со мной, терзала мою душу, и тем горше было мне сознавать, что в нежном тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть в течение столь долгого времени большие невзгоды. Но Бог дал ему такую силу: мой сын в одиночку разжигал смелость и пробуждал терпение моряков в ходе их тяжелых работ; наконец, в нем угадывался мореплаватель, который может состариться в реве бурь — вещь удивительная, в которую трудно поверить, — и который примешает немного радости к удручающим меня горестям. Я был болен и не раз уже видел приближение своего последнего момента... Наконец, в довершение моего несчастья, двадцать лет службы, тягот и опасностей не принесли мне никакой выгоды, потому что сегодня я оказался в Испании без крова, и только гостиница дает мне пристанище, когда я захочу отдохнуть или вкусить самую простую трапезу; а еще часто я оказываюсь не в состоянии заплатить за проживание и харчи...»

...Не указывают ли эти несколько строчек, какие жестокие скорби омрачали душу Колумба? Как посреди стольких опасностей и беспокойств мог он сохранить необходимую для руководителя экспедиции энергию?

Двенадцатого сентября флотилия достигла мыса, за которым берег круто поворачивал к югу. Ветер внезапно стих, появилось сопутствующее течение. Этот мыс был назван Колумбом Грасьяс-а-диос (Слава Богу). От мыса Грасьяс-а-диос корабли продолжали идти вдоль берега, который в различных местах получил следующие названия: Берег Москитов (Москитос), Коста-Рика (Богатый берег), Верагуа (в современной Панаме). 25 сентября Колумб бросил якорь между маленьким островом Уэрта и континентом (на границе нынешних республик Никарагуа и Коста-Рика). Здесь адмирал задержался на три недели, занимаясь починкой своих кораблей.

Христофор Колумб полагал, что он находится недалеко от устья Ганга; индейцы, встреченные в этих местах, говорили ему о стране Сигуаре, окруженной морем и изобилующей золотом. Они также утверждали, что там находится множество золотых рудников, самый значительный из которых расположен в двадцати пяти лье к югу от этих мест. Адмирал вновь пустился в море на поиски этой страны, следуя вдоль лесистых берегов Верагуа.

Следующая бухта, в которую флотилия вошла 26 ноября, была названа испанцами Ретрете. Сейчас в этом месте находится гавань Экскрибанос (гавань Писцов). Суда, изъеденные червями-древоточцами, имели жалкий вид и требовали ремонта. После нескольких дней стоянки в бухте Колумб снова вышел в море, но вскоре его захватила очередная буря.

«Девять дней, — пишет он, — я был словно потерянный, утратив надежду на то, что мне удастся выжить. Никому никогда еще не приходилось видеть такое море — бурное, грозное, вздымающееся, покрытое пеной. Ветер не позволял ни идти вперед, ни пристать к какому-нибудь выступу суши. Здесь, в море цвета крови, кипевшем, словно в котле на большом огне, я задержался на некоторое время. Никогда я еще не видел столь грозного неба. День и ночь пылало оно, как горн, и молнии извергали пламя с такой силой, что я не раз удивлялся, как могли при этом уцелеть мачты и паруса. Молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что все думали: вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса непрерывно извергали воду, и казалось, что это не

дождь, а истинный потоп. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений».

За время этого долгого и мучительного плавания адмирал прошел более трехсот пятидесяти морских лиг. Силы моряков были на исходе. Пришлось ему вернуться по уже известному пути к реке Верагуа; но, не найдя надежного убежища для своих судов, он отправился неподалеку, к устью реки Вифлеем, нынешней Йербы, где он и отдал якорь в день Богоявления Господня¹ в 1503 г. от Рождества Христова. На следующий день шторм возобновился, а 24 января при неожиданном подъеме уровня воды в реке корабельные канаты лопнули, и суда едва удалось спасти.

Тем временем адмирал, не забывая основной своей миссии на новых землях, установил прочные связи с туземцами. Касик Вифлеема оказался покладистым и рассказал про местность в пяти лье от берега, где должны быть очень богатые месторождения золота. 6 февраля в глубь страны отправился отряд из семидесяти человек под начальством Бартоломео Колумба. С помощью туземных проводников действительно удалось обнаружить такие богатые россыпи, что испанцы за несколько часов набили карманы золотыми самородками. Здешние месторождения были действительно несравненно богаты; они казались неисчерпаемыми, и ради них Колумб позабыл Кубу с Санто-Доминго. Его письмо к королю Фердинанду передает энтузиазм путешественника, и можно удивиться, обнаружив вышедшую из-под пера этого великого человека фразу, в которой нет ничего философского или христианского: «Золото! Золото! Превосходная вещь! Это же золото порождает богатство! Это же из-за него все делается в мире, и его власти часто оказывается достаточно, чтобы отослать душу в рай!»

Воодушевленный результатом разведки, Колумб решил построить на берегу небольшой форт и оставить там гарнизон во главе с Бартоломео.

Испанцы вели себя так бесцеремонно и с таким усердием нагружали золотом свои корабли, что миролюбивые индейцы в конце концов возмутились и во главе с местным касиком Кибианом неожиданно напали на непрошенных гостей. Произошла серьезная схватка. На этот раз индейцы были не только отбиты, но Кибриан вместе со своей многочисленной семьей попал в плен. Несмотря на бдительный надзор, Кибриану вскоре удалось бежать, а

¹ 6 января по григорианскому календарю. (Примеч. перев.)

его родичи, для которых жизнь в неволе была горше смерти, повесились в корабельном трюме, служившем им тюрьмой.

В апреле, собравшись с новыми силами, индейцы спустились с гор и, вторично напав на испанцев, истребили значительную часть гарнизона этого слабоукрепленного форта. Оставшиеся в живых испанские солдаты вынуждены были вместе с командиром форта вернуться на корабли.

Тем временем здоровье Колумба становилось день ото дня хуже. Слабые ветры не давали возможности покинуть место стоянки. Он приходил в отчаяние. Однажды, измученный усталостью, он упал и заснул. Во сне он услышал сочувственный голос, который продиктовал ему те слова, которые мы воспроизведем буквально, потому что они пропитаны какой-то иступленной религиозностью, дополняющей индивидуальность старого мореплавателя. Вот что сказал ему этот голос.

«О безумный! Почему ты так медлителен в служении своему Богу, вселенскому Богу? Что сделал он большего для Моисея и для своего слуги Давида? С самого твоего рождения не проявлял ли он к тебе самую нежную заботу? А когда он увидел тебя в возрасте овладения его замыслов твоим существом, не позволил ли он твоему имени во славе прогреметь над землей? Не дал ли он тебе Индию, самую богатую часть света? Не позволил ли он воздать тебе почести за это открытие сообразно твоей собственной воле? Кто же, как не он, дал тебе средства для выполнения твоих планов? Оковы защищали выход в Океан; они были сделаны из цепей, которые нельзя было разорвать. Он дал тебе ключи. Твоя власть была признана в отдаленных землях, а славу тебе провозглашали все христиане. Оказался ли Бог более благосклонным к народу Израиля, когда выводил его из Египта? Покровительствовал ли он более эффективно Давиду, когда из пастуха сделал его царем Иудей? Обернись к нему и признай свою ошибку, потому что его милость бесконечна. Твоя старость больше не будет препятствием для великих дел, ожидающих тебя: он держит в своих руках самое блестящее наследство. Разве не было Аврааму сто лет, а Сарра разве не вышла давно из юного возраста, когда у них родился Исаак? Ты беспрестанно взываешь к помощи. Ответь мне: кто столь часто подвергал тебя опасностям? Бог это был или мир? Преимущества, которые предоставляет Бог, его обещания — Бог никогда не нарушает их перед своими слугами. Это вовсе не он после оказанной ему услуги утверждает, что действовали не по

его намерениям, и не он дает новую интерпретацию ранее отданным приказам; это не он изнуряет себя, для того чтобы показать в выгодном свете самоуправные действия. Его суждения не имеют скрытого смысла; все обещанное он исполняет с лихвой. И он всегда делает так. Я сказал тебе обо всем, что Творец сделал для тебя; в этот момент он покажет тебе цену опасностей и тягот, которым ты подвергался, будучи на службе у других, покажет и воздаяние за них». И я, хотя и изнемогший от страданий, я услышал весь этот монолог; но я не мог найти в себе достаточно сил для ответа на столь верные обещания; я удовлетворился тем, что оплакал свои ошибки. А тот голос закончил следующими словами: «Надейся и верь; твои труды будут высечены на мраморе, и это будет справедливо».

Как только здоровье Христофора Колумба улучшилось, он стал задумываться над тем, как бы покинуть этот берег. Адмирал хотел было основать поселение, но экипажи были не столь многочисленными, чтобы он рискнул часть матросов оставить на берегу. Днища четырех каравелл были повреждены моллюсками. Один из кораблей он вынужден был оставить в Вифлееме, выйдя в море в пасхальный день.

Едва Колумб успел отплыть на тридцать миль в восточном направлении, как в одном из кораблей открылась течь. Пришлось пристать к берегу (возле нынешнего Пуэрто-Бельо) и бросить там еще одну каравеллу, так как починить ее было уже невозможно. Теперь флотилия Колумба состояла всего из двух каравелл без шлюпок и почти без провизии. Снова пройдя мимо Ретрете, Колумб еще раз проник в Дарьенский залив. Это был самый крайний восточный пункт, достигнутый им в районе Панамского перешейка. Теперь адмирал переменял курс и направился на север, к Эспаньоле, где рассчитывал получить помощь. Через десять дней он находился уже в виду архипелага Малые Кайманы; но здесь он не мог справиться с ветрами, которые отнесли суда не на северо-запад, к островам, ранее названным им Сады Королевы, разбросанным у южных берегов Кубы. Облюбовав один из островов, Колумб решил уже бросить якоря, как разразился сильный шторм, так потрепавший корабли, что они стали окончательно непригодными для плавания.

«По прошествии шести дней, — рассказывает Колумб, — когда погода улучшилась, я снова пустился в путь, потеряв все снасти, на кораблях, изъеденных червями и похожих на пчелиные соты,

и с людьми, утратившими мужество и павшими духом. Я прошел путь дальше того места, куда доходил раньше, когда буря заставила меня повернуть назад, и на том же острове нашел довольно надежную гавань. Спустя восемь дней я вновь пустился в путь и в конце июня прибыл на Ямайку, причем ветры все время были встречные, а суда находились в еще худшем состоянии. Тремя насосами, горшками и котелками нельзя было даже с помощью всех людей справиться с водой, которая просачивалась внутрь корабля, устранить же зло, причиненное червями, не было никакой возможности».

Колумб направился было на своих разбитых кораблях к Эспаньоле, но вскоре вынужден был вернуться на северный берег Ямайки в поисках надежной гавани. 24 июня 1503 г. он связал вместе и посадил на мель обе свои каравеллы в гавани, получившей затем название Убежище дона Кристобала. Трюмы наполнились водой, а палубы были превращены в крытые соломой дома. Теперь Колумбу оставалось только ждать, когда какой-нибудь испанский корабль случайно пройдет мимо Ямайки. Между тем съестные припасы были на исходе, матросы, выдержавшие столько испытаний, вышли из повиновения, а адмирал лежал тяжело больной, страдая от ревматизма и общего упадка сил.

Чтобы установить связь с внешним миром, Колумб призвал к себе надежного офицера Диего Мендеса и поручил ему отправиться на Эспаньолу в туземной пироге с письмом к королю и королеве, в котором адмирал излагал обстоятельства своего четвертого плавания и просил оказать ему помощь. Но так как для короля и королевы было далеко, Колумб в другом письме обратился с просьбой к наместнику Овандо выручить его из беды, прислав за ним два корабля за его, Колумба, счет. Мендес прекрасно сознавал всю рискованность попытки преодолеть в пироге бурный пролив шириной в двести километров, но ради спасения товарищей согласился пойти на то опасное дело и пустился в океан на двух больших пирогах с десятью индейцами-гребцами; его сопровождали отважный офицер Бартоломео Фиески и несколько матросов.

Вскоре нужда потерпевших кораблекрушение — а их можно назвать так — стала невыносимой, и вспыхнул мятеж. Сотоварищи адмирала, ослепленные страданиями, вообразили, что их командир не осмеливается вернуться в тот порт острова Эспаньолы,

куда губернатор Овандо однажды запретил ему заходить. Они верили, что такое наказание касается не только адмирала, но и их самих, и говорили между собой, что губернатор, изгоняя флотилию из портов колонии, должен был действовать только по королевскому приказу. Эти абсурдные умозаключения возбудили и так уже злобно настроенные умы, и вот 2 января 1504 г. капитан одной из каравелл и королевский контролер, братья по фамилии Поррас, встали во главе недовольных. Они требовали возвращения в Испанию и кинулись к каюте адмирала с криком: «Кастилия! Кастилия!»

Колумб был болен и лежал в постели. Его брат Бартоломео и сын Эрнандо просили пощадить больного. При виде престарелого, немощного Колумба бунтовщики умерили свою ярость, но стали требовать, чтобы он принял меры к возвращению в Испанию. Колумб просил их дождаться прибытия с Эспаньолы Мендеса и Фиески, но братья Поррас заявили, что они с матросами желают покинуть остров немедленно и будут действовать на свой страх и риск.

Опустошив лагерь и взяв десять пирог, которые Колумб выменял у индейцев, мятежники поплыли вдоль берега к восточной оконечности острова, разграбили там одно селение, насильно захватили несколько десятков индейцев и, заставив их грести, отправились на Эспаньолу. Когда в открытом море поднялся шторм, испанцы, чтобы облегчить пироги, выбросили за борт пленников. После этого варварского поступка матросы сами взялись за весла, но их отбросило ветром обратно к берегам Ямайки. Мятежники разбрелись по всему острову, грабя индейцев и творя всякие бесчинства.

Что касается Колумба, то его положение было отчаянным. Оставшиеся ему верными люди почти все были больны. Запасы иссякли, надвигался голод. Чтобы не возбуждать против себя индейцев, люди Колумба старались не причинять им никакого зла. Но скоро островитянам надоело кормить чужеземцев; испанские безделушки, которые они получали в обмен на продукты, перестали их привлекать. Только какой-нибудь необыкновенный случай мог заставить индейцев снова слушать испанцев и доставлять им припасы. И такой случай представился.

Из астрономических таблиц Колумб узнал, что 29 февраля 1504 г. произойдет лунное затмение. Накануне этого дня он пригласил к себе всех касиков острова. Им было объявлено через пе-

реводчика, что бог белых людей в наказание за то, что касики не хотят больше снабжать их провизией, решил отнять у жителей острова луну. Встревоженные туземцы стали ждать наступления рокового часа, и этот час в точности совпал с предсказанием адмирала. Когда черная тень упала на лунный диск, касики бросились к ногам Колумба, моля его упросить бога белых людей отвести страшное бедствие. Колумб как бы нехотя согласился и, удалившись на некоторое время в свою палатку, чтобы «поговорить с богом», объявил наконец, что бог решил сменить гнев на милость, если индейцы дадут обещание помогать его слушателям. Касики поклялись выполнить это требование, и тогда луна вышла из-за покрывавшей ее тени и, к величайшей радости туземцев, вновь засияла во всем своем блеске. С тех пор Колумбу и его товарищам уже не приходилось опасаться голода.

Между тем Мендес и Фиески, преодолев в пути немало трудностей и опасностей, благополучно прибыли через четыре дня на Эспаньолу и тотчас же сообщили губернатору об ужасном положении Колумба и его экипажа. Овандо под разными предлогами задерживал обоих офицеров, не пуская их в Санто-Доминго, где они могли бы снарядить корабль и без его помощи. Мало-помалу слухи о беде, постигшей Колумба, распространились по всему острову. Некоторые из влиятельных колонистов стали упрекать Овандо за нежелание оказать помощь адмиралу, которому Испания обязана открытием и завоеванием Эспаньолы. Тогда Овандо милостиво разрешил Мендесу и Фиески заняться снаряжением судна за счет Колумба, а сам поторопился отправить на Ямайку своего приближенного, некоего Диего Эскобара, одного из злейших врагов адмирала, с поручением разузнать все подробности о положении дел на Ямайке.

Легко вообразить, какая радость охватила Колумба и его спутников, когда на горизонте неожиданно показался парус! Но вскоре их постигло горькое разочарование. Эскобар не пожелал вступить в переговоры с адмиралом и даже не высадился на берег. Оставив потерпевшим крушение «в дар» от губернатора боценок вина и ящик солонины, он тотчас же уехал обратно, не взяв ни одного человека на борт своего корабля.

Колумба глубоко оскорбила эта жестокая насмешка, но он старался сохранять спокойствие и уговаривал матросов не отчаиваться, уверяя, что скоро Овандо пришлет за ними другую каравеллу. В то же время Колумб попытался привлечь на свою сторо-

ну братьев Поррас и других мятежников, которые продолжали рыскать по острову, грабя и притесняя туземцев. Колумб предложил восставшим мир, но они ответили на это нападением на его лагерь. Испанцы, оставшиеся верными Колумбу, вынуждены были взяться за оружие. В битве с мятежниками они потеряли только одного человека и захватили в плен обоих братьев Поррас. Испуганные мятежники явились к адмиралу с повинной. Колумб заключил с ними мир, приказав выделить на их долю часть припасов, но не пускать никого из них на корабли.

Наконец, ровно через год после отъезда Мендеса и Фиески, на Ямайку прибыли два корабля. (Один из них был снаряжен Мендесом на средства Колумба, а второй послан Овандо под давлением общественного мнения, которое постепенно склонилось на сторону Колумба благодаря рассказам Мендеса и Фиески о постигших его бедствиях.)

Двадцать четвертого июня 1504 г. Колумб и его спутники — друзья и враги — покинули Ямайку, где они пережили столько душевных и физических страданий, и отправились на остров Эспаньола.

Задержанные ветрами, корабли только в середине августа прибыли в порт Санто-Доминго. Колумб, к своему великому удивлению, был встречен колонистами с большим почетом.

Лицемерный Овандо радушно принял его у себя в доме. Но хорошие отношения продолжались недолго. Скоро Овандо начал придирается к Колумбу и обвинять его в жестоком обращении с восставшими против него людьми, а Колумб, в свою очередь, стал собирать материалы, чтобы доказать злоупотребления Овандо губернаторской властью. В отместку губернатор мешал доверенному Колумба собирать для него доходы, которые он вправе был получать по договору с Фердинандом и Изабеллой. Наконец, когда терпение Колумба истощилось, он нанял два корабля и 12 сентября 1504 г. отплыл в Испанию вместе со своим братом Бартоломео, сыном Эрнандо и преданными людьми из экипажа. Это было последнее плавание Христофора Колумба.

Едва только каравеллы вышли из гавани, как разразился сильный шторм. Флагманский корабль потерял мачту; Колумбу вместе с экипажем пришлось перейти на другой корабль, которым управлял его брат, а поврежденное судно отослать обратно в Санто-Доминго. (Таким образом, Колумб пустился через океан на одном утлом судынешке, рискуя в случае аварии погибнуть в

волнах. Судьба преследовала злосчастливого адмирала до самого конца плавания. В течение нескольких недель в океане бушевала буря, каравелла потеряла большую мачту и часть парусов, а Колумб, прикованный к постели жестоким ревматизмом, не мог даже покинуть свою каюту.)^{*} Только 7 ноября показались берега Испании, и полуразвалившийся корабль «адмирала моря-океана» бросил якорь в андалузском порту Санлукар-де-Баррамеда.

(Четвертое путешествие Колумба привело к новым великим открытиям. Правда, ему не удалось найти западный проход из Атлантического океана в «Южное море» и совершить кругосветное плавание, но на карту мира были нанесены очертания американского побережья от мыса Гондурас до Дарьенского залива и несколько архипелагов в Карибском море.

Больного Колумба перевезли из порта Санлукар в Севилью, где он надеялся восстановить свое здоровье, чтобы начать новые хлопоты перед королевским двором. Но жестокие испытания еще не кончились для Колумба.)^{*} По приезде в Испанию он узнал, что Изабелла, которую он считал своей покровительницей, умерла. (Он писал Фердинанду письма с настоятельными просьбами вернуть принадлежащий ему по договору титул вице-короля заморских владений и доходы, связанные с этим высоким званием, но письма оставались без ответа. Только в сентябре 1505 г. Колумб собрался с силами поехать в Севилью, где тогда находился королевский двор. Фердинанд принял адмирала очень сухо и ничего ему не обещал.) Неблагодарность и вероломство короля так глубоко потрясли Колумба, что он опять слег и больше уже не мог подняться.

Двадцатого мая 1506 г. Христофор Колумб умер в городе Вальядолиде. Кончина великого мореплавателя осталась не замеченной его современниками.

Адмирал умер, но, казалось, он не обрел покоя даже после смерти. Тело Колумба было погребено в Вальядолиде. В 1513 г. его останки были перевезены в Севилью, в картезианский монастырь, а в 1536 г., во исполнение воли покойного, родные Колумба перевезли гроб с его прахом на Эспаньолу и похоронили в соборе Санто-Доминго. В конце XVIII в., когда остров Гаити (Эспаньола) перешел к Франции, испанское правительство распорядилось перенести останки Колумба на остров Куба, в собор города Гаваны¹.

¹ В 1897 г. гроб Колумба был перевезен в Испанию и установлен в Севильском соборе. (*Примеч. перев.*)

Существует предание, что при перевозке останков Колумба в 1795 г. из Санто-Доминго на Кубу настоятель собора, не желая тревожить прах великого адмирала, указал на гроб его брата Диего Колумба, погребенного там же, и этот гроб был перевезен на Кубу. В 1877 г. в соборе Санто-Доминго, рядом с пустым склепом Колумба, был найден еще один склеп со свинцовым саркофагом, надпись на котором гласит, что заключенные в нем останки принадлежат великому мореплавателю Кристобалью Колону, открывшему Новый Свет.

Впрочем, не так уж и важно, где покоятся останки человека, открывшего Новый Свет. Имя Колумба, его слава и величие его подвига признаны везде и всюду.

Глава восьмая

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ И СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

I

Ковильян и Пайва. – Васко да Гама. – Подготовка экспедиции. – Мыс Доброй Надежды. – Бухта Сан-Браш (Моссел). – Мозамбик. – Момбаса. – Малинди. – Прибытие в Каликут. – Столкновения с саморинам. – Возвращение в Европу. – Цинга. – Пиратские набеги. – Смерть Паулу да Гамы. – Почести в Лиссабоне.

Португальский король Жуан II, желая как можно скорее открыть путь к «полуденной Индии», послал почти одновременно две экспедиции — морскую и сухопутную. Бартоломеу Диашу, как мы уже знаем, в 1488 г. удалось обогнуть мыс Доброй Надежды и доказать, что морской путь в Индию возможен. Вторая экспедиция, сухопутная, была секретной. Король поручил двум смельчакам проникнуть в Индию более легкой, короткой и безопасной дорогой — через Суэцкий перешеек, Красное море и Индийский океан.

Такое поручение можно было возложить на людей не только надежных, отважных, предприимчивых, но и хорошо знакомых с трудностями путешествия по этим странам, знающих восточные языки или хотя бы арабский. Нужно было найти людей изворотливых и скрытных, способных отклонить всякое подозрение от своих истинных замыслов, конечной целью которых было подробно разведать обстановку, чтобы вырвать впоследствии из рук мусульман, арабов и венецианцев монополию торговли с азиатскими странами.

Некто Педру ди Ковильян, служивший оруженосцем у короля Афонсу во время его войны с Кастилией, позднее дважды ездил в Берберию с дипломатическими поручениями Жуана II. Ковильян владел несколькими восточными языками, хорошо знал жизнь и культуру мусульман. Остановив на Ковильяне свой выбор, Жуан II дал ему в спутники дворянина, которого звали Афонсу ди Пайва. Снабженные подробными картами, оба путешественника 7 мая 1487 г. выехали из Лиссабона.

После многих приключений, выдавая себя за торговцев медом, португальцы добрались до Александрии, где едва не умерли от жестокой лихорадки. Прибыв затем в Каир, они завели дружбу с

арабскими купцами из Феса и Тлемсена и отправились с ними в Тор, на побережье Аравийского полуострова. Там они надеялись добыть важные сведения о торговле с Индией. Ковильян решил использовать это счастливое обстоятельство, для того чтобы посетить страну, на которую уже в течение столетия Португалия поглядывала с вождедением, в то время как Пайва собирался углубиться в края, которые тогда объединялись неопределенным понятием Эфиопия, на поиски знаменитого пресвитера Иоанна, правившего, как рассказывали путешественники былых времен, в одной из стран Африки, сказочно богатой и плодородной. Пайва, вне всякого сомнения, погиб в этом авантюрном предприятии, потому что всякий след его в истории теряется.

Что же касается Ковильяна, то ему удалось устроиться на арабское судно, идущее в Индию, и благополучно достичь Малабарского берега. Он высадился в порте Каннанур, узнал там все, что его интересовало о торговле пряностями, а потом поехал в Каликут, главный торговый центр «полуденной Индии», на которую Португалия уже в течение целого столетия бросала алчные взоры. Из Каликута Ковильян отправился к северу на маленьком судне, заходившем во все портовые города, пока не достиг важнейшего торгового порта на острове Гоа.

От проницательных взоров португальского лазутчика не укрылась ни одна подробность. Он выяснил, какие продукты вывозятся с Малабарского берега и какие товары поставляют сюда арабские, гемузские и венецианские купцы, которых он встречал почти в каждом индийском городе. Ковильян успешно выполнил свою миссию, пользуясь дружественным приемом индийцев, не подозревавших, что этот любознательный чужеземец будет способствовать разорению и порабощению их страны.

В Гоа португалец снова сел на торговое судно и поплыл на запад. Он побывал в Ормузе, в восточноафриканском порту Софала, известном своей торговлей золотом, которое добывалось туземцами во внутренних областях материка; посетил Зейлу, оживленный торговый город на побережье Сомали; наконец, проделав обратный путь через Красное море, вернулся в Каир, весьма довольный результатами своего продолжительного путешествия.

В Каире Ковильян должен был дожидаться своего спутника. Условенный срок давно уже истек, а Пайва все не возвращался. Прошло несколько месяцев. Ковильян собрался уже было отпра-

виться на родину, когда неожиданно к нему явились два незнакомца, оказавшиеся учеными евреями, посланными Жуаном II с дальнейшими инструкциями и новым запасом денег для Ковильяна и Пайвы. Король не разрешал им возвращаться в Португалию до тех пор, пока они не выполнят до конца порученного им дела. После этого Ковильяну ничего другого не оставалось, как написать для короля подробный отчет о своем путешествии и отправиться дальше, взяв на себя выполнение задачи, которая не удалась Пайве.

Путь его лежал в Эфиопию (Абиссинию), где, по слухам, находилась страна священника Иоанна. Жители Эфиопии действительно исповедовали христианскую религию, но по своему образу жизни, обычаям и нравам не имели ничего общего с европейскими христианами. Абиссинский негус (император) Александр принял письма Жуана II «с большим удовольствием и радостью», но не отпустил Ковильяна на родину. После смерти Александра в 1494 г. новый негус приблизил португальца ко двору и назначил правителем области. Потеряв надежду увидеть своих близких, Ковильян обзавелся новой семьей и окончательно обосновался в Эфиопии, где и умер глубоким стариком.

Когда в 1520 г. к негусу прибыло португальское посольство, Ковильян оказал своим соотечественникам ценные услуги не только в качестве проводника, переводчика и советника. Он подробнейшим образом рассказал члену посольства, монаху Франсишку Алваришу, обо всем, что ему довелось увидеть и узнать во время своих скитаний по Африке и Индии.

Господин Фернанду Диниш пишет: «Получив ценные сведения о возможности обогнуть Африку морским путем, что указывало дорогу в Индию, собрав данные о торговле этих стран, больше всего поддержанные фактами и наиболее обширные, составив описание золотых рудников Софалы, которые призваны были возбудить португальскую алчность, Ковильян внес самый большой вклад в ускорение отправки экспедиции Гамы».

Васко¹ да Гама принадлежал к старинному дворянскому роду. Один из его предков, Алвару Анниш да Гама, отличился при короле Афонсу III в освободительной войне с маврами. Отец мореплавателя Иштеван да Гама был главным управителем и судьей городов Синиша и Сильвиша. От его брака с доньей Изабел Содре, дочерью Жуана ди Ризенди, поставщика сантаренской

¹ Васко — традиционное написание имени; в соответствии с правилами португальского языка стоило бы писать Вашку. (Примеч. ред.)

крепости, родилось много детей, и в частности Васко, который первым достиг Индии, обогнув мыс Доброй Надежды, и Паулу, сопровождавший брата в этой памятной экспедиции. Известно, что Васко да Гама увидел белый свет в Синише, но точная дата его рождения не известна. Обычно считают, что он родился в 1469 г., но тогда он был слишком молодым (ему было только двадцать восемь лет), чтобы ему доверили руководство такой важной экспедицией, а кроме того, лет двадцать назад в испанских архивах обнаружили пропуск, выданный в 1478 г. для проезда в Танжер двум путешественникам, поименованным как Васко да Гама и Лемуш. Маловероятно, чтобы подобный документ был выписан девятилетнему ребенку, что позволяет отодвинуть во времени дату рождения знаменитого путешественника.

Кажется, что Васко да Гама в добрый час выбрал карьеру моряка, в чем порядком преуспел его отец. Первый историк Индии Лопиш ди Кастаньеда любил напоминать, что молодой Гама отличился на африканских морях.

Известно к тому же, что Гама получил право арестовывать в португальских портах все французские корабли, которые бросят там якорь, в отместку за пленение в мирное время французскими корсарами богатого португальского галиона, возвращавшегося из Мины.

Подобная миссия могла быть доверена только активному капитану, энергичному и прославившемуся своими успехами. Это дает нам доказательство, что доблесть и умение да Гама очень ценились королем.

Примерно в это время он женился на донье Катарине ди Атайди, одной из самых видных дам королевского двора, которая родила ему много детей, в том числе Иштевана да Гама, ставшего губернатором Индии, и дона Криштована, который заслуживает быть причисленным к самым знаменитым искателям приключений в XVI в. — как считает Легоше — благодаря военным действиям в Абиссинии с Ахмедом Герадом.

Случайно уцелел старинный документ, благодаря которому можно с полной уверенностью сказать, что в субботу 8 июля 1497 г. армада Васко да Гамы снялась с якоря в предместье Лисабона — Риштеллу.

Экспедиция была тщательно подготовлена. Насколько это было возможно, старались продумать каждую мелочь и предусмотреть любую случайность, какая только могла встретиться в пути.

Эскадра состояла из четырех кораблей средней величины, примерно в сто — сто двадцать тонн водоизмещением. Солидно построенные, все они были снабжены тройным запасом парусов и такелажа; все бочки, предназначенные для воды, масла или вина, были укреплены железными обручами; в обилии была погружена провизия всякого рода, мука, вино, овощи, лекарства, артиллерийские ядра; наконец, экипаж составили лучшие матросы, самые опытные капитаны, самые умелые лоцманы.

На флагманском корабле «Сан-Габриэл» развевался флаг «капитана-командира» эскадры. Вторым кораблем «Сан-Рафаэл» командовал его брат, Паулу да Гама. Командиром третьего судна — каравеллы «Берриу», названной так по имени одного моряка, у которого она была куплена, — назначили испытанного офицера Николау Коэлью, и, наконец, Гонсалу Нуньши, один из приближенных Васко да Гамы, вел грузовое судно.

Среди экипажа было несколько моряков, принимавших участие в экспедиции Бартоломеу Диаша, в том числе лучший португальский лоцман Перу ди Аленкер. Весь экипаж армады, включая и десятерых преступников, взятых для исполнения самых опасных поручений, состоял приблизительно из ста шестидесяти — ста семидесяти человек.

Наступило 8 июля. При первых лучах солнца Васко да Гама в сопровождении своих офицеров среди громадного стечения народа приблизился к кораблям. Вокруг него образовалась свита из монахов и священников, которые читали молитвы и отпускали грехи уходящим в далекое опасное плавание. По ветру реяли флаги, солдаты трубили в трубы, вопли и причитания людей, провожавших своих близких, смешивались с восторженными криками зрителей. Поднятые паруса с альми крестами, раздуваемые попутным ветром, рвались в открытое море, увлекая в сказочно богатую Индию надежды Васко да Гама и его спутников...

На первом этапе экспедиции, до крепости Сан-Жоржи-да-Мина на Гвинейском берегу, откуда португальцы вывозили золото и рабов, флотилию сопровождал корабль, которым командовал Бартоломеу Диаш, назначенный правителем этой крепости.

Плавание началось спокойно, при попутном ветре. Уже через неделю корабли оказались в виду Канарских островов. В ночь на 17 июля возле бухты Рио-де-Оро (Золотая река) спустился густой туман, и корабли разлучились друг с другом. Предвидя такую возможность, Гама заблаговременно приказал держать курс на

острова Зеленого Мыса. Здесь, у острова Сантьягу, корабли снова собрались вместе. Возобновив запасы мяса, воды и дров, 3 августа флотилия двинулась дальше на юго-восток, и утром 4 ноября тоскливым взорам мореплавателей открылся берег Африки. Однако прошло еще три дня, прежде чем удалось найти удобную бухту.

Там португальцы впервые увидели бушменов, которых приняли за низкорослых негров. Матросы захватили и доставили на корабль одного насмерть перепуганного туземца. Переводчики так и не поняли его «бормотанья», и Гама, после того как туземец был хорошо накормлен и немного успокоился, пришлось объясняться с ним жестами. Перед дикарем разложили образцы пряностей, жемчуг, золото, серебро, но он, впервые увидев эти драгоценные предметы, не проявил к ним никакого интереса.

Позже выяснилось, что эти «низкорослые негры», прикрывавшие наготу древесной корой, очень ловко владели своим примитивным оружием — деревянными дротиками с наконечниками, закаленными на огне. Когда один матрос, некий Фернан Вилозу, случайно чем-то обидел дикарей, те погнались за ним и завязали настоящее сражение с его защитниками, среди которых оказался и сам Васко да Гама; во время этой битвы он был ранен стрелой в ногу. Из-за опрометчивости Вилозу португальцы были вынуждены поскорее сняться с якоря. Описанный случай послужил затем Луишу ди Камознсу материалом для одного из лучших мест в его знаменитой поэме «Лузиады».

Покинув остров Святой Елены, бывший лоцман Диаша Перу ди Аленкер заявил, что, как он полагает, до мыса осталось не более тридцати морских лиг; но командир экспедиции усомнился в этом, взял курс в открытое море, и 18 ноября флот оказался в виду мыса Доброй Надежды.

Двадцать второго ноября флотилия благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и через три дня остановилась в бухте, которую путешественники называли Сан-Браш (теперь Моссел).

Это была та самая Гавань пастухов, где у Бартоломеу Диаша десять лет тому назад произошло столкновение с туземцами. Надо было держаться настороже. Но местные бушмены оказались доверчивыми и незлобивыми. Они с восторгом принимали подарки — погремушки и бубенчики, пригоняя взамен коров и овец. Желая закрепить дружбу с белыми людьми, бушмены стали в круг и начали плясать под аккомпанемент флейт. Музыка и танцы дикарей произвели на португальцев большое впечатление.

«Тогда они начали играть на четырех или пяти флейтах, — пишет в своем дневнике один из спутников Васко да Гамы, имя которого осталось неизвестным. — Некоторые издавали высокие звуки, другие — низкие, создавая таким образом гармонию, изумительную для негров, от которых нельзя было ожидать ничего подобного. И они продолжали танцевать на свой лад, а капитан-командир приказал трубачам играть, и мы танцевали на наших кораблях. Капитан-командир сам присоединился к нашим танцам и очень нас развеселил».

Что можно сказать об этом маленьком торжестве и кошачьем концерте, который устраивали друг для друга и португальцы и негры? Вы ожидали увидеть Гаму, сурового Гаму, каким его показывают нам портреты, посвящающего негров в чары паваны?¹ К сожалению, добрые отношения длились недолго; пришлось устроить несколько враждебных демонстраций, разрядив корабельные пушки.

Во время стоянки в бухте Сан-Браш португальцам удалось все же добыть съестные припасы и внимательно осмотреть корабли, поврежденные бурей. Грузовое судно ~~пришло~~ в полную негодность. Васко да Гама приказал сжечь его, предварительно перегрузив все имущество на другие корабли.

Перед отплытием португальцы воздвигли падран и установили на берегу большой крест, сделанный из запасной мачты. Но едва только флотилия огошла на некоторое расстояние, как бушмены уничтожили эти сооружения на глазах португальцев.

Шестнадцатого декабря Васко да Гама увидел последний падран, поставленный Бартоломеу Диашем на берегу Рио-Инфанте, в том месте, где теперь находится Порт-Элизабет. Здесь флотилии пришлось выдержать борьбу со встречным течением, сильно замедлявшим плавание.

День Рождества (25 декабря) отпраздновали в море, в виду незнакомого берега, названного Натал, что по-португальски означает Рождество. Люди испытывали большие лишения. Пресной воды оставалось так мало, что пищу готовили только на морской воде. Несколько дней продолжались поиски удобной бухты. 10 января 1498 г. корабли бросили якорь возле устья небольшой речки. Туземцы — высокие стройные негры племени банту — оказали португальцам хороший прием. Аборигены были вооружены большими луками и длинными копьями с железными наконечни-

¹ П а в а н а — старинный испанский медленный танец. (Примеч. перев.)

ками. Переводчик Афонсу, живший долгое время в Африке, сумел легко договориться с туземцами, и они охотно снабдили португальцев всеми необходимыми припасами. В благодарность за это Васко да Гама подарил местному вождю куртку и красные шаровары и присвоил его стране название Терра-да-Боа-Женти (Страна Добрых Людей).

Спустя несколько дней, на следующей стоянке, португальцы встретили двух негритянских вождей, которые пренебрегли их жалкими подарками. Один из негров был в чалме с вышитой шелком каймой, другой — в тюрбане из зеленого атласа. Вожди дали понять чужеземцам, прибывшим из далекой страны, что не раз уже видели такие большие корабли. Отсюда Васко да Гама сделал правильное заключение, что его флотилия приближается к Индии, к вожделенной «полуденной Индии»! Поэтому река, впадающая в океан в том месте, где произошла эта знаменательная встреча, была названа Рио-да-Бонш-Синьяинш (река Добрых Признаков).

Обогнув южноафриканский берег, корабли вошли в Мозамбикский пролив (между Африкой и Мадагаскаром) и 2 марта пристали к порту Мозамбик (у северной оконечности пролива). Португальцы увидели утопавший в зелени город и порт со множеством больших и малых судов. Васко да Гама узнал через переводчика, владевшего арабским языком, что на этих берегах можно встретить много поселений и городов, основанных арабскими работниками и купцами, ведущими торговлю с Индией. Золото, серебро, ткани и пряности, жемчуг и рубины составляли главный предмет торга. Таким образом, португальская флотилия попала в области, находившиеся под мавританским влиянием. Арабы контролировали все торговые пути и доставляли восточные товары в Александрию, Каир, Оран и другие города, а оттуда генуэзские и венецианские суда переправляли эти товары в страны Европы. Арабы были хозяевами Индийского океана, и португальцы, прежде чем завоевать Индию, должны были сломить могущество арабов.

Местный шейх, полагая, что имеет дело с мусульманами, нанес визит португальцам, которые встретили его весьма учтиво и подарили ему несколько нитей коралла и красный колпак. Важный холеный шейх из вежливости принял скромный дар, но при повторном визите, когда португальцы стали его снова одаривать такими же безделушками, с презрением отвернулся. Вскоре шейх узнал, что чужеземцы — христиане, злейшие враги магометан, и,

пристыженный тем, что поддался на обман, решил устроить избиение «неверных». Однако он действовал недостаточно осторожно: матросы, отпущенные на берег, сразу же почувствовали ненависть местных жителей. Когда дело стало доходить до открытých столкновений, Васко да Гама отвел флотилию к небольшому острову (Сан-Жоржи) и, прежде чем окончательно покинуть Мозамбик, приказал своим людям доставить во что бы то ни стало одного или двух лощманов, так как нанятые с помощью шейха лощманы-арабы сбежали с полученным вперед жалованьем. Португальцы захватили в окрестной деревушке двух лощманов, но затем подверглись нападению, когда высадились на берег за водой. В ответ на этот враждебный выпад Васко да Гама стал обстреливать город из бомбард, вынудив шейха запросить мира. Тем не менее через несколько дней начались новые стычки, и португальцам лишь с большим трудом удалось запастись питьевой водой. На прощанье Паулу да Гама захватил два туземных баркаса, разделив богатый груз между своими офицерами и матросами, а Васко да Гама приказал еще раз обстрелять из бомбард негостеприимный берег.

Только 29 марта подул благоприятный ветер, и корабли снова пустились в путь. Но арабский лощман притворился, будто не понимает, чего хотят от него чужеземцы. Тогда Васко да Гама, чтобы положить конец упрямству мавра, приказал «как следует» его высечь. Остров, мимо которого португальцы проплывали во время экзекуции, получил название Илья-ду-Асотаду (Остров высеченного).

Седьмого апреля флотилия подошла к Момбасе, портовому городу, в котором, по уверению высеченного лощмана, была колония христианских купцов.

Корабли стали на якорь в открытом море, не рискуя войти в гавань, несмотря на восторженный прием, который был оказан здесь португальцам. Их настойчиво зазывали в город, но Васко да Гама, подозревая предательство, не решился нанести визит местному шейху. Ночью к флагманскому кораблю приблизилась завра (мавританский баркас) с сотней вооруженных людей. Они попытались было перелезть через борт, но Гама разрешил подняться только несколькими. Удалились арабы столь же неожиданно, как и прибыли.

Шейх Момбасы, по-видимому, уже извещенный о том, что произошло в Мозамбике, боялся открыто напасть на португаль-

цев. Прикидываясь другом, он присылал щедрые подарки, в том числе апельсины, благодаря которым многие матросы избавились от цинги, обещал нагрузить корабли пряностями, как только они войдут в порт, уговаривал португальцев открыть у него в городе торговую факторию.

Главкомандующий, ни в чем не сомневаясь, сразу же послал двух человек объявить о том, что в гавань он войдет на следующее утро. Уже поднимали якоря, когда на адмиральском судне вдруг отказались от подъема, и якорь снова ушел на дно. В прелестном поэтическом видении Камознс утверждает, что португальцев от входа в гавань в последний момент удержали Нереиды¹, руководимые покровительницей португальцев богиней Венерой. В этот момент все мавры, находившиеся на бортах португальских кораблей, разом покинули их, тогда как прибывшие из Мозамбика лоцманы бросились в море.

Чтобы узнать истинные намерения шейха, Васко да Гама приказал подвергнуть пытке двух захваченных арабов. Ночью мавры не один раз пытались вскарабкаться на борт и обрубить якорные канаты, чтобы корабли снесло на мель, но всякий раз их приступ бывал раскрыт. В таких условиях стоянка в Момбасе не могла быть продолжительной. Тем не менее она была достаточной для того, чтобы все заболевшие цингой излечились.

В ожидании попутного ветра португальцам пришлось еще два дня стоять у Момбасы. Лишь 13 апреля флотилия двинулась дальше, захватив в нескольких лигах от места стоянки небольшое арабское судно с богатым грузом золота и серебра. На другой день корабли бросили якорь в Малинди, одном из самых богатых арабских городов. С моря он казался особенно красивым. Сверкавшие в солнечных лучах позолоченные минареты и ослепительной белизны мечети отчетливо выделялись на фоне синего неба.

Здесь Васко да Гама посчастливилось. Шейх Малинди, соперник правителя Момбасы, был заинтересован в том, чтобы приобрести новых союзников и покровителей. Слухи о силе и жестокости португальцев успели уже дойти до Малинди, и местный шейх сделал все возможное, чтобы расположить к себе чужеземцев, заявивших о своем прибытии выстрелами из бомбард. На шейха и на жителей города это произвело тем большее впечатление, что арабы не имели огнестрельного оружия. С другой сторо-

¹ Нереиды — дочери Нереея, морского божества древних греков. (Примеч. перев.)

ны, и Васко да Гама на этот раз несколько изменил свою тактику и занял выжидательную позицию.

Чтобы рассеять подозрения командира эскадры, шейх предложил ему встретиться в лодках в открытом море. Так как шейх был глубоким стариком, он послал вместо себя своего сына в сопровождении небольшой свиты. Все требования Васко да Гамы были быстро удовлетворены. Он получил большой запас воды, топлива, продовольствия и свежих фруктов. Но самой ценной услугой, которую шейх оказал португальцам, была присылка на флагманский корабль необыкновенно искусного лоцмана, явившегося к капитану-командиру со своими навигационными картами и приборами. (Настоящее имя этого лоцмана было Ахмед ибн Маджид, но португальцы звали его Малемо Кана, произнося на свой лад его арабский титул Муаллим Канаган — в приблизительном переводе — мастер и учитель кораблевождения.) Ахмед ибн Маджид оставил несколько сохранившихся до наших дней руководств по кораблевождению в Индийском океане.

Двадцать четвертого апреля португальская флотилия покинула гавань Малинди и, взяв курс на северо-восток, направилась к берегам Индии. Переход через Индийский океан, с попутным муссоном, продолжался двадцать три дня. Португальцев преследовал такой нестерпимый зной, что питьевая вода быстро испортилась и люди стали болеть. Участились смертные случаи.

Девятнадцатого мая корабли приблизились к берегу, и на следующий день флотилия Васко да Гамы бросила якорь у Каликута, богатейшего города Малабарского побережья.

Все были охвачены радостью. Наконец-то они прибыли в эту дивную, вожделенную страну! Наконец-то, после стольких трудов, опасностей и лишений, они достигли Индии!

Едва якорь коснулся дна, как от берега отделились четыре лодки и стали быстро приближаться к кораблям. Сидевшие в лодках люди знаками пригласили матросов посетить город. Но Гама, удвоивший осторожность после событий в Мозамбике и Момбасе, приказал всем оставаться на местах и послал на берег в качестве разведчика Жуана Нуниша, знавшего арабский язык. Это был один из преступников, находившихся в составе экипажа. Ему было поручено обойти город под видом покупателя и постараться выяснить настроение жителей.

Окруженный толпой любопытных, засыпаемый вопросами, на которые он не мог ответить, Нуниш приказал привести мавра по

имени Мосайда, говорившего по-испански, которому кратко изложил перипетии экспедиции. Мосайда сопровождал его на корабле: едва поставив ногу на палубу, он произнес: «Успеха вам, успеха! Много рубинов и изумрудов!» С этого момента Мосайда стал переводчиком экспедиции.

Так как верховный правитель Каликута «самудрин раджа», или, как говорили португальцы, «саморин», находился в прибрежном городе Поннани, в двадцати восьми милях от столицы, то Гама направил к нему двух человек вместе с Мосайдой с сообщением, что посол португальского короля прибыл в Каликут и хотел бы вручить саморину королевское послание. Саморин тотчас же вызвал лоцмана, поручив ему отвести португальские корабли в более удобную бухту — Пандарани, севернее Каликута, и ответил, что на другой день самолично прибудет в свой дворец.

В самом деле, он поручил своему интенданту, или катуалу, пригласить Гама сойти на берег и провести переговоры. Несмотря на мольбы своего брата Паулу, объяснившего, каким опасностям подвергается Васко и что может случиться с экспедицией после его смерти, адмирал отправился на берег, где его ждала огромная толпа.

Мысль, что они находятся среди христианского населения, так глубоко засела в умы всех членов экспедиции, что да Гама, встретив на пути пагоду, зашел туда помолиться. Однако один из его спутников, Жуан ди Са, которого безобразие настенных росписей склонило к меньшей доверчивости, сказал вслух, опускаясь на колени: «Если это дьявол, то я могу только помолиться истинному Богу!» Это восклицание привело адмирала в хорошее настроение.

На берегу португальцев встретила огромная толпа любопытных. На всем пути ко двору саморина гостей сопровождала пышная свита из военных, придворных, чиновников, слуг, а также музыкантов, ни на минуту не прекращавших своей оглушительной игры.

Только вечером португальцев, одуревших от зноя и шума, изнемогавших под бременем своих доспехов, ввели в покои саморина, который принял их в зале, пышно убранном тканями и коврами и наполненном пряными ароматами благовоний. Сам властитель Каликута возлежал на зеленом бархате, жуя бетель. Руки его были украшены массивными золотыми браслетами и кольцами с огромными алмазами, шея была обвита жемчужным ожерельем и золотой цепью, в ушах висели грузные серьги.

Португальцам подали чаши для мытья рук и угостили плодами хлебного дерева и бананами. Затем саморин попросил Васко да Гаму изложить цели своего путешествия и содержание письма португальского короля. Васко да Гама, видя среди советников саморина мавров, сказал, что хотел бы с ним поговорить без свидетелей. Властитель охотно согласился и перешел с Гамой и некоторыми из своих приближенных в соседнее помещение.

Есть поговорки, которые не меняют своего значения с изменением географической широты, и на следующее утро в Каликуте оправдалось такое вот выражение: «Дни сменяют друг друга, и ни один не похож на другой».

Однако хорошее впечатление, произведенное на саморина внушительной речью Васко да Гамы, и ни с чем не сравнимые выгоды, которые сулил предложенный им торговый договор, предстали в совершенно ином свете, когда на следующий день на корабль за подарками для каликутского властителя явились два арабских сановника. Перед ними выставили двенадцать кусков полосатой ткани, четыре красных капюшона, шесть шляп, четыре нитки кораллов, шесть тазиков для омовения рук, ящик сахара, две бочки оливкового масла и два бочонка меда.

Сановники, с удивлением оглядев эти подарки, заявили с усмешкой, что самый бедный арабский купец мог бы явиться с более ценными дарами и что саморин никогда не примет таких безделиц. Если у португальцев нет ничего лучшего, то пусть они поднесут ему чистое золото. Васко да Гама, обиженный отказом сановников принять подарки, снова отправился к саморину. После долгого ожидания его впустили во дворец, разрешив взять с собой только двух человек.

Саморин с презрением в голосе упрекнул португальца, что тому нечего предложить, в то время как он объявил себя подданным богатого и могущественного короля. Гама отвечал уверенным тоном и предъявил письма короля Мануэла, составленные в льстивых выражениях и содержавшие формальное обещание прислать товары в Каликут. Властитель, которому такая перспектива была весьма благоприятна, с интересом заговорил о важности португальских товаров и ресурсах далекой страны, а потом позволил Гаме высадиться и начать продажу своих товаров.

Резкий поворот в настроении саморина сразу же приободрил арабских купцов, которые чувствовали себя в Каликуте полными хозяевами. Они не могли примириться с мыслью, что португаль-

цы будут оказывать влияние на ход торговли, и решили ни перед чем не останавливаться, лишь бы навсегда избавиться от этих опасных соперников.

Когда Васко да Гама добрался на следующий день со своими спутниками до якорной стоянки в Пандарани, он не нашел на берегу ни одной лодки и вынужден был заночевать в караван-сараяе. Утром Гама потребовал, чтобы его переправили на корабли, но приставленный к нему советник саморина заявил, что лодки будут даны только в том случае, если португальские суда подойдут поближе к берегу. Гама наотрез отказался выполнить это требование, и тогда караван-сарай сразу же превратился в тюрьму: сановник велел запереть все двери и поставил вокруг дома часовых. Португальцев сторожили «больше ста человек, все вооруженные мечами, двусторонними боевыми топорами, щитами, луками и стрелами». При этом сановник уверял, что португальцы вовсе не арестованы, а просто взяты под охрану, дабы уберечь их от ярости мусульман.

Были посланы шлюпки с вооруженными людьми, чтобы заставить корабли врасплох, но португальцы, тайно предупрежденные своим адмиралом о том, что случилось, были настороже, и силу против них применить открыто не осмелились.

Тем временем Гама, все еще пленник, стал угрожать катуалу гневом саморина, который, как думал португалец, не мог подобным образом нарушить законы гостеприимства; но, увидев, что угрозы его не приносят результата, подарил министру несколько кусков ткани, что мгновенно изменило обстановку. «Если бы португальцы, — сказал министр, — сдержали свое обещание, данное властелину, и выгрузили свои товары, то адмирал давно бы смог вернуться к себе на судно». Гама немедленно отдал приказ о начале выгрузки, он учредил торговую факторию, руководить которой доверил Диогу Диашу, брату первооткрывателя мыса Доброй Надежды, а после этого смог перебраться на корабль.

Узнав, что мусульмане препятствуют продаже товаров, давая за них слишком низкую цену, Гама послал к саморину Диаша с жалобой на вероломство мавров и плохое к нему отношение. В то же время он объявил о переводе фактории в Каликут, где надеялся удачнее продать товары.

Жалобу приняли благосклонно, и хорошие отношения сохранились до 10 августа 1498 г., несмотря на происки мавров. В тот самый день Диаш пришел предупредить саморина о скором от-

пальтии да Гамы и напомнить властителю об его обещании отправить посольство в Португалию, а также попросить образчики каждого из местных изделий, за которые будет оплачено первыми же товарами, которые продадут после отпльгтия флота, потому что служащие фактории рассчитывали остаться в Каликуте во все время отсутствия Гамы.

Диогу Диашу пришлось дожидаться аудиенции четыре дня. Саморин принял его очень холодно и не только отказался выполнить обе просьбы Васко да Гамы, но потребовал, чтобы тот немедленно выплатил ему шестьсот шерафинов в качестве таможенной пошлины. Вслед за тем саморин приказал захватить португальские товары и задержать Диогу Диаша вместе с его помощниками.

На следующее утро по городу с барабанным боем ходили глашатаи и объявляли во всеуслышание, что саморин уличил португальцев в шпионаже и потому строго-настрого запрещает всем жителям Каликута вступать с ними в какие бы то ни было отношения. Васко да Гама, узнав о враждебных действиях саморина, решил выждать некоторое время, чтобы неожиданно нанести ему ответный удар.

Через несколько дней в нарушение приказа властителя, а может быть, и в шпионских целях на португальские корабли опять стали прибывать с берега посетители — торговцы со своими товарами, ремесленники с различными изделиями и просто любопытные. Всех их хорошо принимали и кормили. Но когда среди посетителей оказалось несколько именитых горожан, Васко да Гама велел их задержать и сообщил саморину, что отпустит заложников только в обмен на пленных португальцев.

К установленному адмиралом сроку ответ властелина не пришел, и да Гама приказал поднять паруса и бросить якорь в четырех лигах¹ от Каликута. После новой безуспешной атаки индусов два комиссионера вернулись на борт, а часть захваченных Гамой заложников была возвращена. Диаш привез необычное письмо от саморина к португальскому королю, написанное на пальмовом листе. Мы воспроизводим его во всем его странном лаконизме, столь отличном от обычной помпезности восточного стиля: «Васко да Гама, твой придворный прибыл в мою страну, чему я очень рад. Земля моя богата гвоздикой, имбирем, корицей, пер-

¹ Речь идет о морской лиге, которая в XV — XVI вв. в Испании и Португалии равнялась 5,5 км. (*Примеч. перев.*)

цем и драгоценными камнями. В обмен я хочу получать от тебя золото, серебро, кораллы и красную ткань».

Двадцать седьмого августа к кораблю приблизились лодки с пленными португальцами, но Гама отослал только половину заложников, заявив сидевшим в лодке индийцам, что остальные шесть человек будут отпущены после того, как саморин прикажет вернуть португальские товары.

На рассвете следующего дня к флагманскому кораблю торопливо приплыла маленькая лодка. В ней оказался насмерть перепуганный тунисский мавр Мосайда: в эту ночь было конфисковано все его имущество, а его самого объявили шпионом португальского короля. Мосайде с трудом удалось ускользнуть от преследования, и теперь он умолял капитана-командира предоставить ему убежище. Васко да Гама согласился взять его в Португалию. Впоследствии Мосайда обосновался в Лиссабоне и принял христианскую веру.

К вечеру индийцы доставили на лодках часть португальских товаров, чтобы обменять их на заложников. Но Васко да Гама, решив отомстить саморину, ответил, что он дарит эти товары каликутскому властителю, а заложников увозит с собой в Португалию.

Тридцатого августа флотилия тронулась в обратный путь. Но не прошло и двух-трех часов, как полное безветрие задержало корабли у каликутского берега. Вскоре они были окружены несколькими десятками лодок с вооруженными людьми. Выстрелы из бомбард не испугали индийцев. Однако бой не состоялся. Внезапно задул сильный ветер и началась гроза. Португальские корабли понеслись на всех парусах в открытое море, оставив преследователей позади. Адмирал продолжал держать курс вдоль побережья Декана и позволил нескольким матросам высадиться на берег, чтобы набрать фруктов и корицы, когда вдруг заметил восемь кораблей, направлявшихся, по всей видимости, в его сторону. Гама вызвал моряков на борт и поспешил навстречу индусам, которым не оставалось ничего другого, кроме как пуститься в бегство, бросив на милость португальцев лодку, нагруженную кокосовыми орехами и съестным.

Спустя четыре дня появились еще два корабля. Васко да Гама дал им войти в залив. Один укрылся у высокого берега, а другой приблизился к стоянке португальцев. Стоявший на корме нарядно одетый человек лет сорока, со светлой кожей, издали закричал на венецианском наречии, что имеет сообщить командиру нечто

важное. Незнакомец, по его словам, был христианином по рождению, с молодых лет попавшим в Индию, и находился на службе у могущественного правителя Гоа, от которого и привез португальцам письмо с предложением мира и дружбы. Пока этот общительный человек вежливо беседовал в каюте с Васко да Гамой, причем «говорил так много и о стольких вещах, что иногда противоречил сам себе», португальцы захватили его корабль. Затем по приказанию Васко да Гамы подозрительный незнакомец был подвергнут жестоким пыткам, после чего под угрозой смерти помог португальцам захватить второе индийское судно и в конце концов признался, что целью его визита было заманить португальские корабли в Гоа, где они были бы использованы в войнах с соседними государствами. Васко да Гама оставил этого лазутчика у себя, и впоследствии, вторично крещенный, под новым именем Гашпара да Гамы, он был взят переводчиком в экспедицию Кабрала, отличился на португальской службе и даже будто бы стал фаворитом короля Мануэла.

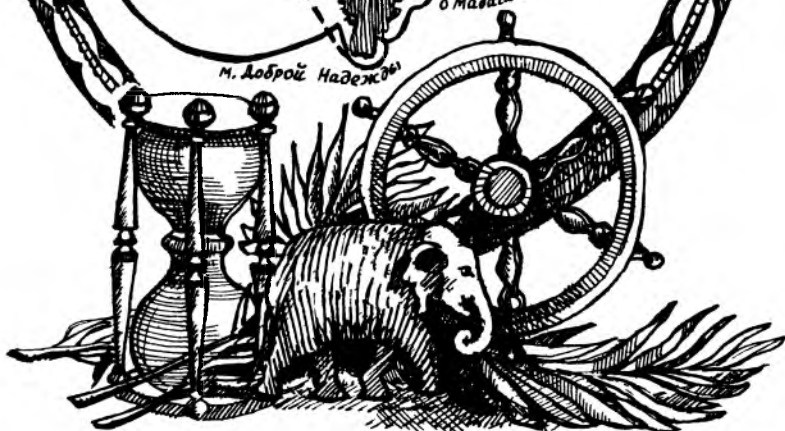
Плавание было исключительно тяжелым. Переход до африканского берега занял три месяца. Ветра почти не было. Одолевал мучительный зной. Вода протухла, пища почти вся испортилась, людей валила цинга. Ежедневно море поглощало новых мертвецов. На каждом корабле оставалось по семь-восемь здоровых человек, которые не в состоянии были справиться со всей работой. «Я заверяю всех, — пишет анонимный автор „Рутейру”¹, — что, если бы подобное положение продолжалось еще две недели, не осталось бы людей для управления кораблями. Мы дошли до такого состояния, что исчезли все узы дисциплины. Мы молили святых покровителей наших судов. Капитаны посоветались и решили, если позволит ветер, вернуться обратно в Индию».

Второго февраля 1499 г. был замечен африканский берег. Флотилия прошла мимо большого города. Это был Могадишо, на берегу Сомали. Не решаясь пристать к этому незнакомому городу, Васко да Гама приказал «для острастки» обстрелять его из бомбард. Наконец показались знакомые гостеприимные берега Малинди. Здесь флотилия бросила якорь.

Португальцы, как и в первый раз, были радушно встречены местным властителем, который немедленно снабдил их продовольствием и фруктами. Васко да Гама и капитаны кораблей получили от шейха щедрые дары. Сверх того, Гама «выпросил би-

¹ «Рутейру» — дневник путешествия (порт)

МОРСКОЙ ПУТЬ В ИНДИЮ

вень слона для короля [Португалии], его господина, и попросил, чтобы на земле был поставлен столб [падран] в знак дружбы». Шейх не только удовлетворил эту просьбу, но послал еще на корабль молодого араба, чтобы Гама взял его себе в слуги.

Пять чудесных дней, проведенных португальцами в Малинди, отчасти восстановили их силы, и они снова подняли паруса. 13 февраля была сделана остановка немного далее Момбасы. Численность экипажа настолько сократилась, что уже не было возможности управлять тремя кораблями. Поэтому Васко да Гама приказал сжечь «Сан-Рафаэл», наиболее поврежденный из всех судов.

Двадцать восьмого февраля прошли мимо острова Занзибар и 1 марта сделали новую остановку около острова Сан-Жоржи, близ Мозамбика. Здесь Васко да Гама приказал установить падран. Дальше шли с попутным ветром мимо знакомых берегов. 20 марта флотилия благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и вышла в Атлантический океан.

Своим постоянством благоприятный ветер, казалось, торопил возвращение путешественников. Через двадцать семь дней они достигли острова Сантьягу (архипелаг Зеленого Мыса). Здесь Николау Козью отделился от флотилии и поспешил в Лиссабон, чтобы поскорее передать королю Мануэлу радостную весть об открытии Индии. 10 июля 1499 г. «Берриу» вошел в лиссабонскую гавань.

В это время на руках Васко да Гамы медленно умирал его брат Паулу, не вынесший всех тягот пути. Желая довести его живым до родины, Васко да Гама передал командование флагманским кораблем «Сан-Габриэл» Жуану да Са, а сам нанял на Сантьягу быстроходную каравеллу. Паулу с каждым днем становилось все хуже и хуже. Васко да Гаме пришлось высадиться в порту Ангра на острове Терсейра (Азорские острова) и отдать брата на попечение францисканцев. Но все старания вернуть его к жизни были тщетными. На следующий день Паулу да Гама умер.

Похоронив любимого брата, Васко да Гама поспешил в Лиссабон, где его ждала триумфальная встреча. 18 сентября состоялся торжественный въезд в португальскую столицу уцелевших участников экспедиции. Из четырех кораблей возвратились два, а из экипажа вернулось меньше половины.

Но что значили для Мануэла I эти потери по сравнению с годами, которые сулило ему открытие Индии! Как только он

узнал об успехе экспедиции Васко да Гамы, к своему титулу «король Португалии и Algarvi по сю сторону и за морем, в Африке» он прибавил слова: «владелец Гвинеи и завоеваний, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

II

Педру Алвариш Кабрал. – Открытие Бразилии. – Буря. – Диогу Диаш на острове Мадагаскар. – Берег Африки. – События в Каликуте. – Кочин и Каннанур. – Возвращение Кабрала. – Жуан да Нова. – Остров Святой Елены. – Вторая экспедиция Васко да Гамы. – Зверства португальцев в Индии. – Осада Кочина. – Начало деятельности Афонсу д'Албукерки. – Триштан да Кунья. – Франсишку д'Алмейда, первый вице-король Индии. – Открытие Цейлона. – Морские бои. – Осада Ормуза. – Взятие Гоа. – Назначение Албукерки вице-королем. – Осада и взятие Малакки. – Острова пряностей. – Вторая экспедиция в Ормуз. – Смерть д'Албукерки. – Судьба португальского владычества в Индии.

Девятого марта 1500 г. флот из тринадцати судов под общим командованием Педру Алвариша Кабрала покинул устье Тежу; в числе волонтеров на борту находился Луиш де Камознс, который должен был описать в героическом эпосе «Лузиады» отвагу и авантюрный дух своих соотечественников. О Кабрале известно мало достоверного, и остается полностью неизвестным, почему ему доверили командование столь важной экспедицией.

Кабрал принадлежал к одному из самых знаменитых родов Португалии, а его отец Фернанду Кабрал, владелец Журарада-Бейры, был комендантом крепости Белмонти. Что же до Педру Алвариша, то он был женат на Изабел да Каштру, первой даме инфанты доньи Марии, дочери Жуана III. Может быть, Кабрал получил известность, сделав какое-нибудь важное морское открытие? Не стоит об этом и думать, потому что в этом случае историки сохранили бы нам рассказ о таком подвиге. И тем не менее очень трудно предположить, что одна только благосклонность короля дала ему право на командование экспедицией, в которой участвовали такие люди, как Бартоломеу Диаш, Николау Коэлью, сотоварищ Васко да Гама, Саншу да Товар. Почему эта миссия не была доверена Гаме, уже шесть месяцев как вернувшемуся из Индии, что казалось бы вполне естественным, когда речь идет о человеке, знающем как пройденные побережья, так и нравы их обитателей? Возможно, он еще не отдохнул от трудов? Боль после потери брата, почти в виду португальского

берега, настолько сильно овладела им, что он решил воздержаться от нового путешествия? А может быть, скорее всего, король Мануэл, ревновавший к славе Гамы, не хотел предоставлять ему случая еще больше возвеличить свое имя? Столько вопросов, что история, возможно, никогда и не ответит на них.

Любое желание кажется легче выполнимым, когда в него страстно веришь. Король Мануэл вообразил, что саморин не воспротивится основанию в своих владениях португальских факторий и контор, и Кабрал, снабженный подарками, великолепии которых должно было заставить каликутского властителя забыть о жалких подношениях Гамы, был уполномочен добиться от саморина запрещения арабам всякой торговли в Каликуте. Впрочем, самым убедительным аргументом Кабрала было хорошее вооружение его эскадры. По пути новый капитан-командир должен был остановиться в Малинди и преподнести дружелюбно настроенному шейху богатые подарки. Король Мануэл не забыл и о своих миссионерских задачах. С экспедицией Кабрала отправились в Индию восемь монахов-францисканцев, чтобы обращать язычников в христианскую веру.

После тринадцатидневного плавания флотилия миновала острова Зеленого Мыса, и тут было замечено исчезновение одного корабля. Суда легли в дрейф, но ожидание оказалось тщетным: пропавший корабль не вернулся. Куда делось это судно, так и не удалось выяснить. Затем остальные двенадцать судов возобновили плавание, направившись, по примеру Васко да Гамы, в открытое море, а не вдоль побережья Африки от мыса к мысу, как это делали раньше португальские капитаны.

Таким путем Кабрал надеялся избежать штилей, задерживавших предыдущие экспедиции в Гвинейском заливе. Может быть, адмирал, который, как и все его соотечественники, был осведомлен об открытиях Христофора Колумба, хранил даже в глубине души надежду, зайдя подальше на запад, добраться до какой-либо земли, ускользнувшей от великого мореплавателя?

Желая подойти к мысу Доброй Надежды более безопасным путем, Кабрал забрался так далеко на юго-запад, что оказался во власти экваториального течения, вынесшего его к берегам неизвестной земли. 22 апреля 1500 г. матросы увидели на горизонте высокую гору; вскоре показался обширный берег, поросший прекрасной тропической растительностью. Это была восточная часть Южной Америки. Но португальцы приняли эту землю за остров

и назвали ее сначала Вера-Круш (Истинный Крест), а несколько позже — Санга-Круш (Святой Крест).

Двадцать восьмого апреля, после рекогносцировки побережья, проведенной Козью, португальские моряки пристали к Американскому континенту, отметив мягкость климата, а также богатство растительности, оставляющее далеко позади все то, что они видели у берегов Африки или Малабара.

Наутро Кабрал послал на берег Николау Козью, встретившего здесь почти совершенно голых темнокожих людей с длинными гладкими волосами. Туземцы не проявили никакого испуга и ни малейших признаков враждебности. Тогда Кабрал разрешил высадиться всему экипажу. Португальский монах Энрики отслужил первую обедню на берегу Нового Света, и, пока португальцы молились, вокруг них собралась большая толпа индейцев, с любопытством разглядывавших белых людей.

Хижины дикарей построены были на сваях и покрыты большими пальмовыми листьями. В очагах постоянно тлел огонь для защиты от сырости и moskitов. Туземцы не знали ни золота, ни серебра, но, когда им показали медные вещи, они пришли в неопиcуемый восторг и тотчас же принесли свои изделия из этого металла — наконечники для стрел и украшения. Больше всего португальцев поразил обычай туземцев прорезывать нос, уши и губы и вставлять в образовавшиеся отверстия косточки и палочки. Потому бразильские индейцы и были названы б о т о к у д а м и (от португальского botoque — затычка).

Первого мая Кабрал торжественно присоединил эту страну к португальским владениям. На береговом холме был поставлен большой крест с надписью. Чтобы закрепить за Португалией новые земли, Кабрал направил один из своих кораблей с радостным известием в Лиссабон; наскоро соорудив небольшой форт и назвав его Порту-Сигуру (Безопасная гавань), он оставил в качестве первых португальских колонистов двух преступников, поручив им собрать как можно больше сведений об этой стране.

Позже, когда на земле Святого Креста было найдено ценное красильное дерево, которое под названием бразильского дерева прежде вывозилось из Индии, новую страну стали именовать Бразилией.

Второго мая одиннадцать кораблей Кабрала взяли курс к мысу Доброй Надежды. Экипаж, ободренный счастливым началом путешествия, верил в легкий и быстрый успех предприя-

тия. Но внезапно появившаяся комета с длинным огненным хвостом, наводившая ужас на эти простодушные и невежественные умы, была принята за дурное предзнаменование. И должно же было так случиться, что примета на сей раз получила подтверждение!

Двадцать четвертого мая поднялась страшная буря — явление обычное для Южной Атлантики. Волны, словно высокие горы, обрушивались на корабли, грохотал гром, ветер обрывал снасти, дождь лил не переставая. Сквозь густые тучи, как будто навсегда похоронившие солнце, изредка прорывался слабый луч, и то лишь для того, чтобы осветить на мгновение эту мрачную картину. Море казалось черным и мутным, большие мертвенно-белые пятна оставались на поверхности воды, словно на мраморе, от опрокидывающихся пенистых гребней, а ночью фосфоресцирующие огни зигзагами прорезали водную равнину, отмечая светлым следом кильватерные струи кораблей.

Двадцать два дня не утихала буря. Корабли разметало в разные стороны. Матросы, напуганные, выбившиеся из сил, истратившие запас своих молитв и обетов, лишь по привычке подчинялись командам офицеров. С первого дня шторма они принесли в жертву свои жизни и ежеминутно готовились погрузиться в пучину. Когда наконец показался свет и разъяренные стихии стали умиротворяться, экипаж каждого уцелевшего корабля, полагая, что только он один пощажен этой страшной бурей, тревожно всматривался в даль. Три корабля поспешили навстречу друг другу. Но радость скоро была уничтожена печальной действительностью: не хватало восьми судов.

Четыре корабля вместе со всеми людьми были потоплены гигантским смерчем. Одним из этих кораблей командовал Бартоломеу Диаш, открывший мыс Доброй Надежды. По словам Камоэнса, смертоносные волны охраняли здесь восточную империю от народов Запада, которые уже столько веков зарились на ее удивительные богатства...

Под аккомпанемент бурь обогнули мыс и приблизились к берегам Африки. 20 июля марсовые заметили побережье Мозамбика. На этот раз мавры произвели куда более благоприятное впечатление, чем во времена Гамы, и дали португальцам лоцманов, которые провели корабли до Килоа — острова, знаменитого торговлей намывным золотом, которую островитяне вели с Софалой. Там Кабрал соединился с двумя своими кораблями, которых за-

нес в местную гавань ураган, и, расстроив быстрым отплытием заговор, имевший целью всеобщую резню европейцев, добрался до Мелинды.

Тринадцатого сентября 1500 г. флотилия бросила якорь у Каликута. Благодаря хорошему вооружению флотилии, которое было продемонстрировано по прибытии приветственным залпом из всех орудий, и богатым подаркам, приглянувшимся саморину, каликутский правитель заверил португальцев в своих дружеских чувствах и согласился на все требования Кабрала: послал ему на борт заложников, выдал охранную грамоту для ведения торговли и предоставил право конфисковать арабские корабли, которые посмели бы нарушить эту привилегию.

Арабские купцы заняли выжидательную позицию, исподволь подстрекая население против португальцев, которые стали хозяйничать в Каликуте, как у себя дома. Португальские миссионеры грубо навязывали индийцам новую веру, моряки и солдаты грабили арабские суда и обращались с местными жителями как с побежденными. Наконец терпение арабов иссякло.

Ночью 16 декабря в условленный час огромная толпа окружила португальскую факторию, которой управлял видный королевский чиновник Айриш Коррейя. Персонал фактории состоял из восьмидесяти человек. Нападение было настолько неожиданным, что спаслось только тридцать португальцев. Айриш Коррейя был убит одним из первых.

Потом флот направился к югу, на поиски другого города, с которым можно было бы установить торговые отношения. Плывая вдоль Малабарского берега, Кабрал вскоре достиг Кочина. Правитель этого города был в подчинении у каликутского саморина. Надеясь с помощью португальцев получить независимость, он охотно заключил с ними союз и продал им по дешевке много пряностей, мускуса, фарфора и шелка.

Хотя корабли были уже полностью нагружены, но Кабрал решил посетить еще Каннанур, где также заключил торговый союз с раджей, дополнительно нагрузив корабли корицей. 16 января 1501 г. флотилия португальцев тронулась в обратный путь.

Возле Мозамбика одно из судов село на мель и дало течь. Правда, все припасы и снаряжение удалось спасти, но корабль пришел в полную негодность и был сожжен. Во время стоянки в Мозамбике один из кораблей был послан Кабралом в Софалу за золотом. И здесь португальцам посчастливилось: доверчивые ту-

земцы охотно отдавали им тяжелые слитки золота за стеклянные бусы и медные погремушки.

У мыса Доброй Надежды Кабралу пришлось выдержать еще одну сильную бурю. Только 31 июля 1501 г. флотилия, сократившаяся более чем наполовину, поднялась по Тежу в Лиссабон.

Принято считать, что ему был оказан прием в соответствии с достигнутыми успехами экспедиции. Современные историки молчат о подробностях жизни мореплавателя после возвращения из похода, однако недавние поиски позволили обнаружить его могилу в Сангарене, а удачные находки г-на Ф. Диниша показали, что он, как и Васко да Гама, в награду за свою славную службу королю получил почетную приставку к своей фамилии — «дон».

Незадолго до возвращения Кабрала в Лиссабон король Мануэл послал в Индию небольшую флотилию из четырех кораблей под командой Жуана да Нова. Эта экспедиция благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и открыла между Мозамбиком и Килвой незнакомый остров, названный именем флотоводца (остров Жуан-да-Нова). Прибыв в Малинди, португальцы узнали о недавних событиях в Каликуте. Не желая ставить под угрозу репутацию португальского оружия, Жуан да Нова направился прямо к Кочину и затем к Каннануру, где нагрузил свои корабли перцем, имбирем, корицей и другими пряностями. Перед отплытием в Европу Жуан да Нова получил сведения, что со стороны Каликута приближается большой неприятельский флот. Несмотря на численное превосходство вражеских судов, Жуан да Нова решил принять бой с арабами и индийцами. Благодаря маневренным преимуществам португальских кораблей и наличию артиллерии Жуан да Нова одержал полную победу: несколько кораблей были потоплены, часть индийских судов была захвачена, а остальные обратились в бегство. Может быть, ему стоило воспользоваться паникой, охватившей все побережье, и временным истощением ресурсов мавров, для того чтобы нанести решающий удар, овладев Каликутом?

Мы слишком далеки от этих событий, мы знаем слишком мало подробностей и не можем беспристрастно оценить причины, побудившие да Нова немедленно вернуться в Европу.

На обратном пути в Португалию Жуан да Нова открыл в Атлантическом океане небольшой остров, названный им островом Святой Елены.

Согласно легенде, португальский матрос Фернан Лопиш, участник первой экспедиции Васко да Гамы, влюбился в Калику-

те в индианку и решил жениться на ней. Для этого ему пришлось перейти в мусульманскую веру. Когда появился да Нова, то Лопиш, уставший то ли от женщин, то ли от магометанства, запросился на родину и вновь принял свою исконную религию. Чтобы искупить свои грехи, он захотел остаться в одиночестве на острове Святой Елены. Жуан да Нова снабдил отшельника припасами, дал ему некоторые орудия, семена овощей и хлебных злаков. Фернан Лопиш, оставленный на необитаемом острове, так усердно работал, что через четыре года в состоянии был снабжать пшеницей и овощами португальские корабли, пристававшие к острову Святой Елены во время длинного перехода из Европы до мыса Доброй Надежды.

Экспедиции Васко да Гамы, Педру Алвариша Кабрала и Жуана да Нова показали, что португальцам нельзя было рассчитывать на бесперебойную торговлю с народами Малабарского берега, пока индийские раджи оставались в своих странах полновластными государями. Необходимо было их подчинить португальской короне. Поэтому португальцы решили построить в разных частях Индии постоянные военные укрепления и опорные пункты, чтобы в конце концов покорить эту богатую страну и держать ее в страхе и повиновении.

Король Мануэл приказал послать в Индию новую экспедицию с большим отрядом хорошо вооруженных солдат. После некоторых колебаний командование четвертой индийской армадой король передал в сильные руки дона Васко да Гамы, адмирала индийских морей.

Экспедиция состояла на этот раз из двадцати судов. Флотилию решено было разделить на три части. Под непосредственное начальство самого Васко да Гамы было отдано десять судов. Висенти Судре, дядя адмирала, получил пять кораблей. Он должен был крейсировать в Индийском океане и всячески препятствовать арабской морской торговле. Третьей группой, тоже из пяти судов, командовал Иштеван да Гама, племянник адмирала. Эти корабли должны были остаться в индийских водах и охранять фактории.

Церемонии, предшествовавшие отплытию из Лиссабона, носили особенно торжественный и важный характер. Король Мануэл вместе со всем своим двором, сопровождаемый огромной толпой, отправился в кафедральный собор испрашивать благословения Неба на эту экспедицию, одновременно и военную и религиозную.

и сам архиепископ благословил передаваемый Гаме штандарт. Первой заботой адмирала было оказаться в Софале и Мозамбике, двух городах, на которые он имел основания жаловаться во время своего первого путешествия. Желая основать порты, пригодные для отдыха и снабжения продовольствием, он расположил там фактории и заложил фундаменты крепостей. Он получил также от шейха Килоа значительную дань; после всего этого он вышел к берегам Индостана.

Третьего октября 1502 г. Васко да Гама прибыл в Каннанур. Местный раджа устроил ему торжественную встречу и подарил двух слонов. Нагрузив корабли пряностями и договорившись с раджей о постройке в Каннануре большой фактории, адмирал отправился в Каликут, где он намеревался рассчитаться с саморином за его нелояльность, а также за убийство португальцев, застигнутых врасплох в своей фактории.

Несмотря на то, что саморин предложил на этот раз португальцам богатый выкуп в возмещение понесенных ими убытков и сообщил, что все зачинщики нападения на факторию Кабрала обнаружены и арестованы, Васко да Гама немедленно захватил суда, стоявшие в гавани Каликута, и, подогнав свои корабли ближе к берегу, весь день и всю ночь обстреливал беззащитный город. Затем адмирал приказал повесить на реях тридцать восемь захваченных индийцев; с наступлением ночи у повешенных были отрублены руки, ноги и головы и переправлены на берег с издевательским письмом, в котором адмирал советовал саморину приготовить из всего этого его любимое кушанье «кэрри»¹. Но и этого Васко да Гаме показалось недостаточно. Он велел выбросить в море туловища мертвецов, чтобы прилив принес их к стенам Каликута. Жители города всю ночь ходили с факелами по берегу, собирая обрубки тел своих близких. До кораблей доносились жалобные крики и погребальные песнопения.

Через два дня Васко да Гама еще раз обстрелял Каликут, потом выбросил на берег новую партию пленных — еще живых, обливающихся кровью людей, с отрубленными руками, носами и ушами — и, удовлетворенный зверской расправой, отправился в Кочин за пряностями. Для блокады каликутского побережья было оставлено семь кораблей под командованием Висенти Судре.

¹ Кэрри (карри) — блюдо, приправленное одноименным соусом, приготовленным из куркумового корня, чеснока и разных пряностей. (Примеч. ред.)

Каликут превратился в груды дымящихся развалин. Под обломками зданий разлагались сотни трупов. Саморин, пылая жаждой мести, бежал со своими приближенными...

Триумпара, правитель города, сообщил адмиралу, что саморин настойчиво уговаривал его, воспользовавшись доверием португальцев, неожиданно освободиться от них, и Васко да Гама, желая отплатить за такую прямоту и лояльность, проявленные его союзником, оставил ему при отплытии с дорогими товарами в Лиссабон несколько кораблей, которые позволили бы в безопасности дожидаться прибытия новой эскадры.

Единственный инцидент, отметивший обратный путь Гамы в Европу, куда он прибыл 20 декабря 1503 г., сводится к разгрому нового малабарского флота.

И еще один раз выдающиеся услуги, оказанные этим великим человеком своей родине, остались непризнанными или, скорее, не были оценены по достоинству. Он, заложивший основы португальской колониальной империи в Индии, должен был дожидаться ходатайств герцога Браганского, чтобы получить титул графа Видигейра, и двадцать один год оставался не у дел. Это слишком обычный пример неблагодарности, которую никогда не грех клеймить.

Как только флотилия Васко да Гамы покинула индийские воды, саморин Каликута, подстрекаемый арабскими купцами, снова собрался с силами и повел свое войско на Кочин, чтобы отомстить непокорному радже и уничтожить засевших в городе португальцев.

Саморин обещал даровать прощение кочинскому радже при условии выдачи всех «неверных», но раджа, зная вероломство каликутского властителя, предпочел опереться на своих новых союзников и отказался выполнить это требование. Однако раджа жестоко просчитался. В критическую минуту Висенти Судре, убоявшись пятидесятитысячного войска саморина, повел свою флотилию в Аденский залив (у входа в Красное море) в расчете на то, что возвращающиеся из Мекки корабли с богомольцами дадут ему богатую добычу.

После короткой осады Кочин был взят приступом, а раджа с остатками своей разбитой армии и немногими уцелевшими португальцами переправился на один из островков в океане.

Когда он был доведен до крайности, саморин послал к нему эмиссара, обещавшего от имени своего господина забвение и

прощение, если раджа согласится выдать португальца. Но Триумпара, который был равнодушен к чувству верности, ответил, «что саморин мог бы воспользоваться плодами своей победы; что он сознает, каким опасностям он подвергается, но никто не сможет вынудить его стать предателем и клятвопреступником». Нельзя было дать более благородный ответ на трусость Судре и оставление союзника без помощи.

А тот прибыл в Баб-эль-Мандебский пролив, где в ужасной буре погиб вместе со своим братом, судно которого было разбито о рифы, а оставшиеся в живых, увидев в этом несчастье Божье наказание, отправились под парусами в обратный путь в Кочин. Задержанные ветром у Лаккадивских островов, они были настигнуты новой португальской эскадрой под командованием Франсишку д'Албукерки. Она покинула Лиссабон почти одновременно с кораблями двоюродного брата Франсишку, самого значительного полководца того времени Афонсу, вышедшего в ранге главнокомандующего флотом из Белена в начале апреля 1503 г.

Прибытие Франсишку д'Албукерки восстановило положение португальцев, столь серьезно осложнившееся вследствие преступной ошибки Судре, и одновременно спасло их единственного и верного союзника Триумпару. При одном виде португальской эскадры осаждавшие разбежались, даже не сделав попытки сопротивляться, и европейцы, поддержанные войсками кочинского раджи, опустошили Малабарский берег. После всех этих событий Триумпара позволил союзникам построить вторую крепость на подвластной ему территории, а также разрешил увеличить число и размеры их торговых факторий. Именно в этот момент прибыл Афонсу д'Албукерки, человек, который заложил основы португальского могущества в Индии. Диаш, Кабрал, Гама готовили дороги, тогда как Албукерки, будучи великим военачальником с широким кругозором, сумел определить, где находятся главные города, которыми надо овладеть, чтобы установить португальское господство окончательно и бесповоротно. Таким образом, все, что имеет отношение к судьбе этого гения-колониалиста, чрезвычайно интересно, и мы добавим несколько слов о его семье, о воспитании и первых подвигах.

Афонсу д'Албукерки родился в 1453 г., в шести лье от Лиссабона, в Альяндре. Со стороны отца, Гонсалу да Албукерки, владельца Вильяверди, он происходил от короля Динижа, хотя линия эта и вела начало от внебрачной связи; по матери он принад-

лежал к роду известных путешественников Минезиш. Воспитанный при дворе короля Афонсу V, он получил там достаточно обширное для тех времен образование. В числе прочего он изучал произведения великих античных писателей, что можно увидеть по изысканности и тонкости его стиля, а также математические науки, в которых он знал все, чего достигли к тому времени ученые. Пробыв много лет в Африке, в городе Арзиле, подпавшем под власть Афонсу V, он возвратился в Португалию и был назначен великим конюшим Жуана II, все заботы которого были направлены на то, чтобы распространить за моря имя и могущество Португалии. Очевидно, постоянное общение с королем, обусловленное высоким придворным званием, побудило Албукерки заняться изучением географических наук, и он стал задумываться над тем, как бы присоединить к своей отчизне Индийскую империю. Он принял участие в экспедиции, направленной на помощь неаполитанскому королю, оборонявшемуся от турок, а в 1489 г. ему было поручено снабжать припасами и защищать португальскую крепость Грасьоза.

Ему достаточно было немного времени, чтобы правильно понять и оценить сложившуюся в Индии обстановку. По его мнению, португальцы смогут укрепиться на Востоке и вести успешную торговлю только в том случае, если будут опираться на завоеванные территории.

Афонсу д'Албукерки начал свою деятельность в Индии, располагая незначительными силами. Он принял участие в усмирении непокорных вассалов кочинского раджи и на двух кораблях прошел с боями вдоль Малабарского берега. После этого Албукерки с богатой добычей вернулся в июле 1504 г. в Лиссабон, спеша добиться более значительных средств и согласия короля на проведение в жизнь нового стратегического плана.

Дальнейший шаг к укреплению португальского могущества в Индии был сделан в 1505 г., когда король Мануэл, по совету Васко да Гамы, учредил должность вице-короля Индии с трехгодичным сроком полномочий.

Первым вице-королем был назначен Триштан да Кунья. Незадолго до отплытия его постигла временная слепота, и вместо него должность вице-короля получил испытанный воин дон Франсиску д'Алмейда. В марте 1505 г. он отплыл из Португалии с флотилией из двадцати двух кораблей. Кроме экипажа на кораблях было полторы тысячи солдат.

Прежде всего Алмейда «навел порядок» в Килве: изгнав старого шейха, он посадил на его место своего ставленника и основал форт. Встретив сопротивление в Момбасе, Алмейда разграбил и сжег этот город, а затем построил новые крепости в Мозамбике, Софале и на острове Анджидив, везде оставляя сильные гарнизоны и по одному-два корабля. В Кочине Алмейда короновал привезенной из Португалии короной молодого раджу, унаследовавшего престол недавно умершего старого раджи, который служил португальцам верой и правдой.

Потом, отправившись заложить в Софале крепость, которая должна была держать в острастке всех мусульман этого побережья, Алмейда и его сын носились по индийским морям, уничтожая малабарские флотилии, захватывая купеческие суда, нанося неприятелю непоправимый вред, перекрывая его старинные торговые пути.

В 1508 г. египетский султан, опираясь на помощь своих союзников — Венеции и Турции, — построил большой флот и внезапно напал у Чаула на португальские корабли. На этот раз португальцы потерпели сокрушительное поражение, причем среди убитых оказался единственный сын вице-короля Индии, дон Лоренсу д'Алмейда. Личное горе удвоило энергию и мужество вице-короля. 2 февраля 1509 г. он подошел к Диу и, не задумываясь, двинул свою эскадру против соединенного флота египетского султана, каликутского саморина и еще некоторых государств Малабарского побережья. Несмотря на то что вражеский флот состоял из двухсот кораблей, Алмейда выиграл сражение. Его выручило превосходство в артиллерии и богатый опыт ведения морского боя. Разграбив и предав огню большую часть кораблей противника, Алмейда тем самым обеспечил до поры до времени господство Португалии в индийских морях.

Пока происходили описанные события, Афонсу д'Албужерки тоже не бездействовал. 6 марта 1506 г. он вторично отправился на Малабарское побережье с эскадрой из шестнадцати кораблей, которой командовал выздоровевший Триштан да Кунья.

После стоянки у островов Зеленого Мыса и мыса Аугусту в Бразилии флотилию Триштана да Куньи отнесло ветром далеко на юг, где под $37^{\circ}08'$ южной широты и $14^{\circ}21'$ западной долготы были открыты три необитаемых острова, которые и поныне носят имя командира этой эскадры (острова Тристан-да-Кунья). Внезапно налетевшая буря не только помешала произвести высадку на

вновь открытые острова, но и рассеяла корабли; соединиться им удалось только в Мозамбике. Двигаясь затем вдоль восточного берега Африки, Триштан да Кунья исследовал берег острова Мадагаскар.

Перезимовав в Мозамбике, командир эскадры остановился в Малинди, где высадил трех человек, поручив им проникнуть через внутренние области материка в Абиссинию. Потом он бросил якорь у Бравы, которую один из его лейтенантов, Котинью, не мог заставить сдать. Тогда португальцы осадили этот героически сопротивлявшийся город, и тот, вследствие превосходства противника в вооружении, в конце концов принужден был сдать. Население было безжалостно уничтожено, а город предан огню. После неудачной попытки овладеть городом Могадишо Триштан да Кунья повернул свое оружие против арабской крепости на острове Сокотра у входа в Аденский залив и овладел крепостью. Весь гарнизон был безжалостно перебит. Случайно уцелел лишь один старый слепой солдат, спрятавшийся в колодезь. Когда его потом спросили, как он сумел туда спуститься, он ответил: «Слепые видят только ту дорогу, которая ведет к свободе».

В Сокотре да Кунья и Албукерки создали новые укрепления и оставили гарнизон, который должен был обеспечить господство португальцев в Аденском заливе и контролировать выход в Красное море через Баб-эль-Мандебский пролив. Тем самым прерывался важнейший торговый путь между Венецией и Индией.

В Сокотре Триштан да Кунья и Албукерки расстались. Первый направился в Кочин, чтобы взять там груз пряностей, а второй, мечтая поскорее осуществить свой замысел, повел корабли к Ормузу, богатому городу на берегу Персидского залива.

В поисках Ормуза Албукерки последовательно останавливался у разных городов на берегу Аравийского моря, предавая их огню и мечу. Так были уничтожены три цветущих города — Кольят, Курьят и Маскат. В Маскате Албукерки приказал истребить все население, а немногим пощаженным отрезать носы и уши.

Успех со взятием Маската, как бы значителен он ни был сам по себе, не удовлетворил аппетита португальца. Албукерки уже строил более грандиозные планы, выполнение которых серьезно осложнялось смутой среди подчиненных капитанов, а в особенности Жуана да Новы, который хотел покинуть своего командира, и тот вынужден был арестовать строителя прямо на находящемся под его командой судне. Управившись с этими попытками

неповиновения и мятежа, адмирал захватил после довольно ожесточенного приступа Орфакате.

К Ормузу португальцы продвигались наугад, так как не знали его географического положения. Было, однако, известно, что Ормуз служил перевалочным пунктом почти для всех товаров, направлявшихся из Азии в Европу. Богатство, могущество и многолюдность этого персидского города, красота его зданий славились на всем Востоке. Существовала даже поговорка: «Если мир — перстень, то Ормуз — его драгоценный камень».

Албукерки стремился завоевать Ормуз не только ради его несметных богатств, но прежде всего из-за господствующего положения этого города над Персидским заливом, который служил второй торговой дорогой между Востоком и Западом. Захватить Ормуз значило окончательно отрезать для Венеции и Египта морской путь в Индию. Не говоря ничего о своих планах капитанам флотилии, которые не рискнули бы напасть на Ормуз небольшими силами, Албукерки вошел в Оманский залив, и вскоре огромный город, построенный на скалистом острове, предстал перед португальцами во всем своем великолепии. Гавань Ормуза была переполнена многочисленными судами, причем многие из них были снабжены орудиями. Судя по всему, Ормуз располагал большим и хорошо подготовленным гарнизоном.

Капитаны кораблей попытались было отговорить Албукерки нападать на этот укрепленный город и советовали ему не рисковать славой португальского оружия. Но Албукерки ответил, что действительно «дело очень серьезное, но отступать ему поздно и теперь ему нужна решительность, а не добрые советы».

Как только якорь коснулся дна, Албукерки послал ормузскому шаху ультиматум, требуя, чтобы город признал верховную власть португальского короля и подчинился его наместнику, если не желает подвергнуться участи Маската.

Шах Сейф-эд-Дин, царствовавший тогда в Ормузе, не достиг еще совершеннолетия, и от его имени правил первый министр Ходжа-Атар, искусный и хитрый дипломат.

Не отвергая окончательно требований Албукерки, Ходжа-Атар просил его подождать несколько дней, решив таким образом выиграть время и собраться с силами. Но Албукерки легко разгадал его замысел и по истечении трех дней внезапно напал со своими шестью судами на ормузский флот. Бой продолжался несколько дней, и в конце концов перевес оказался на стороне португальцев.

И на этот раз их выручило превосходство в артиллерии. Когда мавры увидели, что счастье им изменяет, они покинули свои корабли и бросились вплавь к берегу. Преследуя противника, португальцы проникли к город, подожгли его в нескольких местах и устроили жестокую резню.

Убедившись в невозможности дальнейшего сопротивления, Ходжа-Атар поспешил принять все условия Албукерки: ормузский шах признавал себя вассалом Португалии и обязывался выплачивать ежегодно победителям большую дань. Кроме того, португальцы получили право построить в Ормузе крепость и основать факторию.

К несчастью, вскоре дезертиры донесли Ходжа-Атару о разногласиях среди португальцев, и он воспользовался этим, чтобы под различными предлогами уклониться от выполнения статей нового договора. Через несколько дней Жуан да Нова и два других капитана, завидовавшие успеху Албукерки и позабывшие свою честь, дисциплину и патриотизм, покинули своего командира и направились в Индию: сам Албукерки перед лицом такого подлого поступка вынужден был отступить, так как у него не осталось сил даже защищать крепость, которую он собирался построить.

Тогда он вернулся на Сокотру, гарнизон которой нуждался в помощи, попытался было крейсировать перед Ормузом, но, все еще считая себя бессильным что-либо предпринять, удалился на время в Гоа, которого достиг в конце 1508 г.

Жуан да Нова и принявшие его сторону капитаны присоединились у Кочина к эскадре Алмейды. Чтобы оправдать свою измену, они обвинили Албукерки в серьезных злоупотреблениях. Желая устранить соперника, властолюбивый Алмейда поручил своим приближенным заняться сбором улик против командира эскадры. Но в это время из Лиссабона был получен приказ о назначении Албукерки вице-королем. Тем не менее Алмейда отказался передать ему власть и, как только вновь назначенный появился в Кочине, приказал заковать его в кандалы. Трудно сказать, чем бы кончилось это дело, если бы из Португалии не прибыл с чрезвычайными полномочиями маршал Фернан да Котинью, подтвердивший высокое назначение Албукерки и сообщивший, что привез поручение разрушить Каликут и окончательно обезвредить саморина. Поскольку каликутского властителя не было тогда в столице, маршал распорядился немедленно приступить к карательной операции.

Албукерки, зная, что португальцы сильны только на море, старался отговорить Котинью от безумного шага, но уговоры не подействовали, и он вынужден был скрепя сердце подчиниться королевскому приказу.

Португальцы ворвались в Каликут и проникли во дворец саморина. Пока они грабили дворец, радуясь своей легкой победе, их со всех сторон окружили арабы и индийцы, заставившие португальских солдат сражаться в узких проходах. Котинью, увлеченный своей горячностью и отвагой, был убит, и потребовались все умение, все хладнокровие вице-короля, чтобы португальцы смогли погрузиться под огнем неприятеля, что спасло от полного уничтожения войско, посланное Мануэлом.

Оправившись после ранения, новый вице-король приступил к осуществлению своих планов завоевания Индии и прилегающих территорий с выгодными стратегическими позициями. Узнав о том, что город Гоа, столица могущественного царства, стал ареной политической и религиозной борьбы, Албукерки решил овладеть этим богатым торговым центром, расположенным на острове, немного выше Малабарского берега. Из Гоа шли торговые пути в Декан и другие индийские государства. Это было самое удобное место для основания колонии. В январе 1510 г. Албукерки остановился возле Гоа с флотилией из двадцати трех кораблей. Город сдался почти без всякого сопротивления. Вице-король сделал его своей столицей, крепостью и центром торговли Португальской империи с Индией.

Постепенно, с течением времени эти богатые края становились все больше известны европейцам. Многочисленная информация была собрана всеми теми, кто на своих дерзких судах бороздил эти залитые солнечным светом моря, и уже не было тайной, где расположен центр производства тех самых пряностей, на поиски которого пускались в такую даль, преодолевая многие опасности. Через много лет Алмейда основал первые португальские фактории на Цейлоне, древней Тапробане. Зондские острова и полуостров Малакка возбуждали теперь зависть короля Мануэла, уже получившего прозвище Счастливейший. Чтобы их обследовать, король направил флотилию, потому что Албукерки был достаточно занят в Индии, где ему надо было держать в страхе раджей и мусульман — мавров, как тогда говорили, — всегда готовых сбросить чужеземное ярмо. Эта экспедиция под началом Диогу Лопиша Секейры сначала, в соответствии с традиционной политикой мав-

ров, была дружески принята в Малакке. Потом, когда недоверчивость Лопиша Секейры была усыплена неоднократно повторяющимися уверениями в дружбе, против португальцев поднялось все население, и Секейра вынужден был бежать обратно на корабли, оставив в руках малайцев человек тридцать своих товарищей.

Эти события произошли вскоре после того, как новость о взятии Гоа достигла Малакки. Бендарра, или министр правосудия, который исполнял вместо своего юного племянника королевские полномочия, опасаясь мести португальцев за его измену, решил их успокоить. Он лично навестил пленников, извинился перед ними, поклявшись, что все свершившееся произошло без его ведома и против его воли, а сам он не желает ничего другого, кроме как видеть португальцев торгующими в Малакке; впрочем, он немедленно даст приказ отыскать и наказать главарей заговора.

Естественно, пленники не поверили ни одному его лживому заявлению, но, пользуясь относительной свободой, которая отныне им была дарована, они сумели передать в руки Албукерки ценные сведения о расположении города и его вооруженных силах.

Командующему с большим трудом удалось собрать флот из девятнадцати боевых единиц, на которых разместились тысяча четыреста человек, из которых только восемьсот были португальцами. Надо ли было, как того требовал король Мануэл, направить этот флот к Адену, ключу Красного моря, хозяином которого Албукерки намеревался быть, если только собирался противостоять приходу новой эскадры, которую египетский султан собирался послать в Индию? Португалец колебался, но разворот муссона положил конец его нерешительности. В самом деле, Адена при господствовавших ветрах стало невозможно достигнуть, но те же самые ветры помогали добраться до Малакки.

Город этот находился в то время в самом расцвете и насчитывал никак не меньше сотни тысяч жителей. Хотя большинство домов были деревянными и перекрыты крышами из пальмовых листьев, но там были тем не менее и значительные постройки, мечети и каменные башни, с которых открывалась панорама на целое лье в длину. В местном порту встречались Индия, Китай и малайские княжества Зондских островов, многочисленные корабли прибывали с Малабарского берега, из Персидского залива, с Красного моря и даже с африканского побережья; в городе шел обмен товарами всякого рода и любого происхождения.

Когда в эти воды пришел португальский флот, раджа Малакки понял, что надо создать видимость сатисфакции, пожертвовав министром, вызвавшим гнев иностранцев, а стало быть, и их пришествие. Посланец раджи пришел объявить вице-королю о смерти бандарры и узнать о намерениях португальцев.

Албукерки потребовал выдачи пленников, оставшихся в руках раджи; но тот, желая выиграть время и дожидаться смены муссона — смены направления, которая вынудила бы португальцев убраться к Малабарскому берегу, не добившись цели, или же остаться надолго в Малакке, где раджа надеялся быстро с ними покончить, — находил тысячи предлогов для отсрочки, а тем временем выдвинул на огневую позицию восемь тысяч пушек, как говорится в сообщениях того времени, и собрал двадцать тысяч войска.

Потеряв терпение, Албукерки приказал поджечь несколько домов и малайские корабли, но только начали выполнять этот приказ, как пленники были возвращены; потом он запросил тридцать тысяч крузату компенсации за ущерб, нанесенный флотилии Лопиша Секейры, и наконец потребовал разрешения на постройку крепости внутри городской черты, которая служила бы одновременно торговой факторией. Последнее требование не могло быть удовлетворено, о чем португалец хорошо знал. Тогда он решился штурмовать город. Для приступа был выбран день святого Иакова¹. Несмотря на ожесточенное сопротивление, длившееся девять часов, применение чрезвычайных средств, таких как боевые слоны, отравленные колья и стрелы, искусно замаскированные западни и баррикады, город был взят — квартал за кварталом, дом за домом — после поистине героической битвы.

Вице-король собрал в Малакке громадную добычу для казны, не считая тех богатств, которые были награблены португальскими солдатами. Лично для себя Албукерки удержал только шесть бронзовых львов, которые должны были после смерти вице-короля украсить его гробницу в память об этой исторической победе.

Порт, дававший выход в Океанию и на Дальний Восток, стал огненной открыт для европейцев. Множество народов, прежде никому не известных, вступили в сношения с пришельцами из Европы. Станные обычаи, сказочная история стольких наций оказались в одночасье открытыми изумленному Западу. Начиналась новая эра, и такие важные последствия явились результатом без-

¹ 25 июля по григорианскому календарю. (Примеч. перев.)

умной храбрости и неукротимой отваги одной лишь нации, родина которой едва видна на карте мира!

Благодаря религиозной терпимости, пример которой показывал Албукерки, терпимости, так разительно отличавшейся от жестокого фанатизма испанцев, благодаря умелым мерам, на которые отважился вице-король, процветание Малакки устояло перед жестоким ударом. Спустя всего несколько месяцев не осталось никаких следов перенесенных ею испытаний, кроме португальского флага, гордо реявшего над огромным городом, ставшим центром и авангардом колониальной империи маленького народа, которого мужество и предприимчивость сделали великим.

Это новое завоевание, каким бы значительным оно ни было, не заставило Албукерки позабыть свои планы. Если он по видимости и отказывался от них, так это потому только, что до сих пор обстоятельства не казались ему благоприятными. С присущими португальцу решимостью и упорством он не оставлял надежды продолжить походы, взгляды его от южной оконечности основанной им империи обращались на север. Албукерки все еще привлекал Ормуз, тот самый Ормуз, который в самом начале карьеры его вынудили оставить зависть и измены подчиненных.

Между тем слух о завоевании Малакки распространился по всему Малабарскому побережью и достиг Ормуза. Жестокость Албукерки и удача, сопутствовавшая всем его предприятиям, внушили такой страх ормузскому шаху, что, не дожидаясь нового разгрома, он сам послал вице-королю часть дани, наложенной на Ормуз еще в 1506 г. Не придавая никакого значения этим лицемерным изъявлениям дружеских чувств, Албукерки все-таки принял послов ормузского шаха, решив при первой же возможности заняться окончательным покорением этого города.

В 1513 или 1514 г. — точная дата не зафиксирована, — когда завоевание Малакки и спокойствие в других его владениях позволили высвободить флот и солдат, Албукерки взял курс на Персидский залив.

Хотя серия дворцовых переворотов изменила ормузское правительство и власть тогда была в руках узурпатора по имени Раис-Нордим, или Нурэддин, Албукерки сразу же по прибытии потребовал немедленной передачи португальцам некогда начатой ими крепости. Приказав подремонтировать ее и докончить строительство, он выступил на стороне претендента Раис-Намеда в ходе ссоры, разделившей надвое город Ормуз и отдавшей бы его в ру-

ки персов, потом овладел городом и передал управление тому, кто заранее принял его условия и показался ему лицом, дающим самые серьезные гарантии покорности и преданности. Впрочем, отныне уже не трудно было в этом убедиться, потому что в новой крепости Албукерки оставил гарнизон, способный подавить любую попытку Раис-Нордима восстать или пресечь все мысли о ней. С ормузской экспедицией связано известное происшествие, но пусть нас не упрекают за то, что мы о нем сообщим.

Когда персидский шах потребовал от Нурэддина дань, которую правители Ормуза обычно ему платили, Албукерки приказал доставить с кораблей некоторое количество пушечных ядер, пуль и бомб; указав на них посланцам шаха, он сказал, что такой вот монетой португальский король привык платить дань. Кажется, что персидские послы больше не повторяли своих требований.

Албукерки обычным для себя мудрым образом действий умел не обижать жителей города, быстро вернувшихся по домам. Далекий от того, чтобы душить их поборами, как это вскоре стали делать его последователи, он поставил честную администрацию, которой удалось заставить любить и уважать имя португальца.

Одновременно с наведением порядка в Ормузе Албукерки доверил нескольким лейтенантам исследовательскую миссию в таинственных землях, доступ к которым открыло завоевание Малакки. Он назначил командующими небольшой эскадры с экипажем в две сотни человек Антониу и Франшишку д'Абреу; они обошли весь Зондский архипелаг: Суматру, Яву, Симбаву, Алор и другие острова; потом, почти доплыв до Австралии, они поднялись к северу, совершив путешествие длиной более чем в пять тысяч лиг по опасным архипелагам, в морях, усеянных скалами и коралловыми рифами, по странам, населенным народами, часто проявлявшими враждебность, добравшись до островов Буру и Амбон, составной части Молуккского архипелага. Загрузив свои корабли гвоздикой, мускатным орехом, сандаловым деревом и жемчугом, они в 1512 г. отплыли в Малакку. На этот раз португальцы достигли настоящего царства пряностей; оставалось только обосноваться там, окончательно завладеть им, что можно было ожидать в недалеком будущем.

Часто говорят: «Тарпейская скала находится возле Капитолия»;¹ Афону д'Албукерки должен был об этом знать по опыту,

¹ Тарпейская скала находится в Риме; во времена античной республики с нее сбрасывали осужденных на смерть. На Капитолийском холме в Древнем Риме находился храм, посвященный главным богам города-государства. (*Примеч. перев.*)

и последние его дни были омрачены незаслуженной немилостью, результатом клеветы и лжи, искусно сплетенного заговора, которые, хотя в то время и нанесли вред его репутации в глазах короля Мануэла, но не смогли затмить славу этой великой личности перед потомством. Однажды королю Португалии уже пытались доказать, что овладение Гоа было серьезной ошибкой; нездоровый климат, говорили, за несколько лет уничтожит европейское население. Доверившись опыту и безусловной честности своего помощника, король не соизволил выслушать его врагов, за что Албукерки публично поблагодарил монарха, сказав: «Я должен быть больше признательным королю Мануэлу за то, что он защищал Гоа от португальцев, чем самому себе, бравшему город дважды». Но в 1514 г. Албукерки попросил у короля — как признание своих заслуг — присвоить ему титул герцога Гоа, и именно этот смелый демарш до предела возмутил его противников.

Суариш д'Албергавиа и Диогу Мендиш, которых Албукерки послал в метрополию в качестве пленников, сумели не только освободиться от обвинений, выдвинутых против них, но и убедили короля Мануэла, что вице-король вознамерился создать независимое герцогство со столицей в Гоа, за что они и впали в немилость у Албукерки.

Новость о назначении Албергавиа генерал-капитаном Кочина пришла к Албукерки как раз тогда, когда он выходил из Ормузского пролива, направляясь к Малабарскому берегу. Уже сильно больной, «он воздел руки к небу, — пишет г-н Диниш в своей изумительной истории Португалии, — и произнес такие вот слова: „Вот, я оказался в плохих отношениях с королем из-за человеколюбия, в плохих отношениях с людьми — из-за любви к королю. Старик, обратись к церкви, умри наконец, потому что для твоей чести очень важно, чтобы ты умер, а ты никогда не отказывался сделать то, что важно для твоей чести”».

Потом, по прибытии на рейд Гоа, Афонсу д'Албукерки исповедался, приказал обрядить себя в одежду ордена Святого Яго, командиром котором он являлся, и «в воскресенье 16 декабря 1515 г., за час до рассвета, отдал свою душу Богу. Так завершились его труды, так и не принеся ему когда-либо в жизни удовлетворения».

Албукерки был погребен с большой помпой. Солдаты, бывшие его верными товарищами в дивных приключениях и свидетелями его мучительных терзаний, со слезами на глазах оспаривали друг

у друга честь нести бранные останки до последнего жилища, выбранного им самим. Разделявшие их горе индусы даже отказывались верить, что он умер, и полагали, что великий военачальник отправился командовать небесным войском.

Относительно недавняя находка письма Мануэла доказывает, что если король и был на короткое время обманут лживыми рапортами врагов Албукерки, то не замедлил отдать ему должное. К сожалению, это восстанавливающее справедливость письмо никогда не попадало в руки второго вице-короля Индии; оно бы смягчило горечь его последних минут, тогда как без него он умирал с горьким чувством, встретив немилость своего государя, во славу и ради могущества которого он отдал свою жизнь.

Вместе с тем, говорит Мишле, у победителей исчезли и справедливость и человечность. Долгое время спустя индийцы приходили на могилу великого Албукерки просить у него защиты от притеснений его преемников.

Среди многочисленных причин, довольно быстро приведших к упадку и дроблению той огромной колониальной империи, которую Албукерки подарил своей родине и которая, даже после своего крушения, оставила в Индии неизгладимую память, надо вслед за Мишле назвать удаленность и распыленность торговых факторий, нехватку сил у португальцев, не сопоставимых с огромностью завоеванных пространств, склонность к разбою и вымогательство колониальной администрации, но сверх всего — необузданную национальную гордость, препятствовавшую смешению победителей и побежденных.

Этот распад был тем не менее остановлен двумя героями — некогда обладавшим несметным богатством Жуаном да Каштру, обедневшим к концу жизни настолько, что во время своей последней болезни не мог даже купить себе курицу, и Атаиди; они еще раз дали развращенным народам пример истинно мужских добродетелей и самого неподкупного правления. Но после них произошел крах; огромная империя попала в руки испанцев и голландцев, которые не сумели сохранить ее в целости. Все течет, все изменяется. Не пора ли повторить — с испанским акцентом, но в применении к империям: «Жизнь — это только сон?»

Конец первой части

Часть
вторая

Глава первая

КОНКИСТАДОРЫ¹ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

I

Алонсо де Охеда. — Хуан де Ла-Коса. — Америго Веспуччи. — Его подлинные и мнимые путешествия. Происхождение слова «Америка». — Педро Алонсо Нуньо. — Висенте Пинсон. — Диего Лепе. — Родриго де Бастидас. — Хуан Диас де Солис. — Диего да Окампо. — Первые испанские поселения в Центральной Америке. — Понсе де Леон и открытие Флориды. — Виско Нуньес де Бальбоа и открытие Тихого океана. — Хуан де Грихальва и открытие Мексики.

Письма Колумба и рассказы его спутников об изобилии золота и жемчуга во вновь открытых странах воспламенили воображение алчных купцов, разорившихся дворян и всяких искателей приключений.

Десятого апреля 1495 г. испанское правительство в нарушение договора с Колумбом разрешило всем кастильским подданным переселяться в новые земли с обязательством вносить в королевскую казну две трети добытого золота. Нашлось немало охотников воспользоваться этой привилегией. Несмотря на энергичные протесты Колумба, его давний недруг архиепископ Бургосский Фонсека, ведавший всеми делами «Индий», охотно оказывал содействие прежним спутникам великого мореплавателя в организации заокеанских экспедиций.

Едва только Колумб, отправляясь в свое третье путешествие, покинул гавань Санлукар-де-Баррамеда, как почти одновременно были снаряжены четыре экспедиции на средства богатых судовладельцев; среди них главную роль играли братья Пинсон, спутники Колумба по его первому плаванию, и малоизвестный тогда флорентийский купец Америго Веспуччи, живший в Испании.

Первую из четырех экспедиций возглавил Алонсо де Охеда. Вместе с ним отправились на поиски новых земель Хуан де Ла-

¹ Конкистадоры — испанские завоеватели, захватившие в конце XV и в XVI в. огромные территории в Южной и Центральной Америке. Отряды конкистадоров состояли из разорившихся дворян, наемных солдат, авантюристов и уголовных преступников, отправлявшихся в Америку за золотом и драгоценностями. Конкистадоры установили в завоеванных территориях жестокий колониальный режим насилий и грабежа, истребили значительную часть индейцев. Уделом остальных стало рабство, принудительный труд и различные формы крепостной зависимости.

Коса, в качестве первого лоцмана, и Америго Веспуччи, обязанности которого точно не установлены. Предполагают, что он был взят на корабль в качестве штурмана или астронома.

Прежде чем рассказать историю экспедиции, остановимся несколько подробнее на деятельности этих трех лиц, из которых последнему принадлежит видное место в летописи открытия Нового Света хотя бы потому, что его именем был назван вновь открытый материк.

Алонсо Охеда¹, родившийся около 1465 г. в городе Куэнка, воспитывался в доме герцога Медины и в ранней молодости принимал участие в войне против мавров. Это был человек необыкновенно настойчивый, решительный и жестокий. Когда Колумб подыскивал спутников для своего второго путешествия, молодой идалго¹, мечтавший о славе и наживе, без колебаний записался офицером в состав экипажа. Колумб сразу же обратил внимание на хладнокровие и находчивость Охеды, который затем открыл на Эспаньоле золотые россыпи и оказал адмиралу много ценных услуг. Но позже Охеда примкнул к бунтовщикам и проявил себя как самый непримиримый враг Колумба. Может быть, именно по этой причине Охеда после возвращения в Испанию встретил поддержку и покровительство архиепископа Фонсеки. Последний не только помог Охеде снарядить экспедицию, но, как полагают исследователи, даже снабдил его копиями составленных Колумбом карт.

Хуан де Ла-Коса, первый лоцман Охеды, был родом из бискайского города Сантонья. (По словам испанского историка Лас-Касаса², Хуан де Ла-Коса был «лучшим из кормчих, когда-либо живших на свете».) Свой огромный опыт он приобрел в неоднократных плаваниях к берегам Африки и в двух экспедициях

¹ Идалго — мелкое и среднее рыцарство в средневековой Испании. В XVI в. идалгия играла большую роль в завоевании вновь открытых земель в Америке.

² Лас-Касас Бартоломе де (1474 — 1566) — испанский священник, биограф Колумба. В 1502 — 1515 гг. жил в Америке; участвовал в завоевательных походах испанцев. Горячо вступаясь за индейцев, варварски истреблявшихся колонизаторами, Лас-Касас, однако, не возражал против использования их труда в рудниках и на плантациях. С 1527 г. Лас-Касас приступил к составлению всеобщей «Истории Индий» (его труд был опубликован лишь в 1875 г., в 5-ти томах). В этой книге Лас-Касас показал, что открытия и завоевания испанцев в Америке представляли собой непрерывную серию истребительных войн. Труды Лас-Касаса являются ценным источником по истории колонизации и географических открытий в Америке.

Колумба. Ла-Коса был также замечательным картографом. Сохранились составленные им приблизительно в 1500 г. интереснейшие карты, на которые нанесены все земли Африки, открытые к тому времени португальцами, и все открытия Колумба и его последователей за океаном.

Кроме Хуана де Ла-Косы к Охеде присоединились еще несколько моряков, вернувшихся вместе с ним из Эспаньолы. Среди них был и второй лоцман Бартоломе Рольдан, участник плавания Колумба к заливу Пария.

Что касается Америго Веспуччи, то, по-видимому, Охеда был обязан ему прежде всего финансовой стороной предприятия. Веспуччи отправился за океан, чтобы «помогать открывать», как гласит итальянский текст его письма к знатному флорентийцу Содерини.

Америго Веспуччи родился 9 марта 1451 г. во Флоренции в знатной и зажиточной семье¹. В молодости он получил домашнее образование — изучал математику, физику и астрологию, занялся коммерческой деятельностью, как тогда говорили. Его познания истории и литературы были довольно обширны, но сумбурны, если судить по его письмам.

Около 1492 г. Веспуччи прибыл из Флоренции в Испанию.

Живя в Севилье, флорентиец познакомился со своим соотечественником, владельцем торгового дома Хуаното Беральди, принимавшим деятельное участие в снаряжении второй экспедиции Колумба (известно, что Веспуччи был не только знаком, но и дружен с Колумбом). Когда Хуаното Беральди в 1495 г. умер, его наследники пригласили Америго Веспуччи управлять делами своего торгового дома.

Наскучило ли флорентийцу положение, которое он считал слишком низким для себя, или его охватила лихорадка открытий и мечты о быстрой наживе в новых странах? Как бы то ни было, но он присоединился к экспедиции Охеды, что подтверждается свидетельством последнего в знаменитом процессе наследников Колумба с королевским казначейством.

Флотилия Охеды в составе четырех каравелл вышла в море 20 мая 1499 г. и, держась юго-западного направления, достигла через двадцать семь дней Американского материка, но не возле

¹ В XX в. найдена запись о крещении Америго Веспуччи 18 марта 1454 г., следовательно, он родился за несколько дней до этого — в 1454, а не 1451 г. (*Примеч. ред.*)

устья Ориноко, а несколько ниже, у берегов нынешней Нидерландской Гвианы.

Поднимаясь вдоль берега и заходя в устья рек, Охеда «дарил» туземцам стеклянные бусы и погремушки, получая взамен жемчуг и золото. Так он достиг опасных проливов Бокадела-Сьерпе (Змеиная пасть) и Бокас-дель-Драгон (Драконова пасть), через которые Ла-Коса благополучно провел флотилию, пользуясь картами Колумба. Отсюда берег уходил далеко на запад. Через несколько дней Охеда открыл остров Кюрасао, назвав его Островом гигантов, так как здешние туземцы были людьми необыкновенно рослыми. Войдя в тихий, глубокий залив Маракайбо, испанцы увидели туземное селение на высоких сваях. Это зрелище так поразило мореплавателей, что они назвали вновь открытую землю Венесуэлой (Маленькой Венецией). Это название удержалось за страной, прилегающей к Карибскому берегу Южной Америки, от устья Ориноко до залива Маракайбо.

Так как припасы уже подходили к концу, Охеде пришлось отказаться от дальнейшего исследования этого побережья, и он взял курс на Эспаньолу. Колумб, узнав о прибытии этого беспокойного, мстительного человека, не сомневался в том, что Охеда внесет с собой в колонию новый элемент раздора, и решил дать ему отпор. И действительно, высадившись на остров, Охеда тотчас же присоединился к недовольным и поднял на Эспаньоле очередной мятеж, но после нескольких неудачных для него столкновений вынужден был покинуть Эспаньолу. На обратном пути он остановился у Багамских островов, где занялся охотой на туземцев.

Спутник Охеды Америго Веспуччи прибыл в Испанию на своей каравелле четырьмя месяцами раньше — 18 октября 1499 г. Самая южная широта, которой достиг Охеда в этом путешествии, — четыре градуса к северу от экватора, а экспедиция в собственном смысле этого слова длилась не больше трех с половиной месяцев.

О других путешествиях Веспуччи сохранились неясные и противоречивые сведения. Сам он утверждает в своих письмах, что якобы совершил четыре путешествия — в 1497, 1499, 1501 и 1502 — 1503 гг. Однако есть все основания предполагать, что первое и четвертое путешествия относятся к области легенд¹.

¹ Авторы новейших исследований документально доказали, что Америго Веспуччи в 1497 — 1498 гг. не совершал плавания к берегам Америки. Это так

Сообщение о первом путешествии Веспуччи содержится в его письме к Содерини, написанном в 1504 г. Здесь говорится о встречах и столкновениях с туземцами мексиканского побережья. Если бы это плавание действительно состоялось, то первым европейцем, достигшим на Западе материка, следовало бы считать не Колумба, а Веспуччи. Но никаких документальных источников, говорящих в пользу этой экспедиции, не сохранилось, а географические описания Веспуччи настолько расплывчаты, что не поддаются отождествлению с какими-либо пунктами на американском побережье.

Такой авторитетный ученый, как Александр Гумбольдт¹, считает первое плавание Веспуччи мнимым. Материал для описания этого первого, фиктивного, путешествия, по-видимому, был почерпнут из впечатлений исторически доказанного плавания Веспуччи с экспедицией Охеды в 1499 г.

«Если бы даже Веспуччи на самом деле совершил открытие части материка, — писал Вольтер, — то все равно слава должна принадлежать не ему; она, бесспорно, принадлежит тому, кто обладал гением и мужеством предпринять первое путешествие, то есть Колумбу. Славы, как говорит Ньютон, заслуживает только инициатор».

Действительно, трудно допустить, чтобы в 1497 г. — скажем мы вместе с г-ном Коудином — могла состояться экспедиция, участники которой будто бы открыли восемьсот пятьдесят лье нового берега, не оставив об этом никаких следов не только в трудах великих историков, но и в судебных документах по иску

называемое первое плавание Веспуччи является фиктивным. В течение трех столетий почти все историки полагали, что Америго Веспуччи намеренно приписал себе «славу Колумба» — первое посещение, то есть открытие Америки в 1497 г., за год до открытия этого материка Колумбом во время его третьей экспедиции. Теперь можно считать доказанным, что этот обман произошел по вине издателей, опубликовавших письма Америго Веспуччи без его ведома и согласия, причем принадлежность этих писем Веспуччи также вызывает сомнение. Подробнее об Америго Веспуччи см. в замечательной повести австрийского писателя Стефана Цвейга «Америго».

¹ Гумбольдт Александр (1769 — 1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и географ. С 1799 по 1804 г. вместе со своим другом Э. Бонпланом он совершил путешествие по Южной и Центральной Америке. Результаты этой экспедиции были столь велики, что Гумбольдту стали приписывать честь вторичного открытия Южной Америки — открытия ее для науки. В 1829 г. он предпринял путешествие по Европейской России и Сибири (до Алтая). Результаты путешествий и выдающиеся научные труды А. Гумбольдта дают право считать его основоположником физической географии как науки.

наследников Колумба! Эти судебные документы содержат богатейший фактический материал, так как обе стороны — испанское правительство и наследники Колумба — собрали многочисленные свидетельские показания о всех заморских экспедициях, открывавших одну за другой разные части американского побережья.

Наконец из подлинных документов, добытых в испанских архивах, можно заключить, что Веспуччи имел полномочия снабдить всем необходимым корабли, предназначенные для третьего путешествия Колумба, и был занят этим делом с середины августа 1497 г. и до самого отъезда Колумба 30 мая 1498 г.

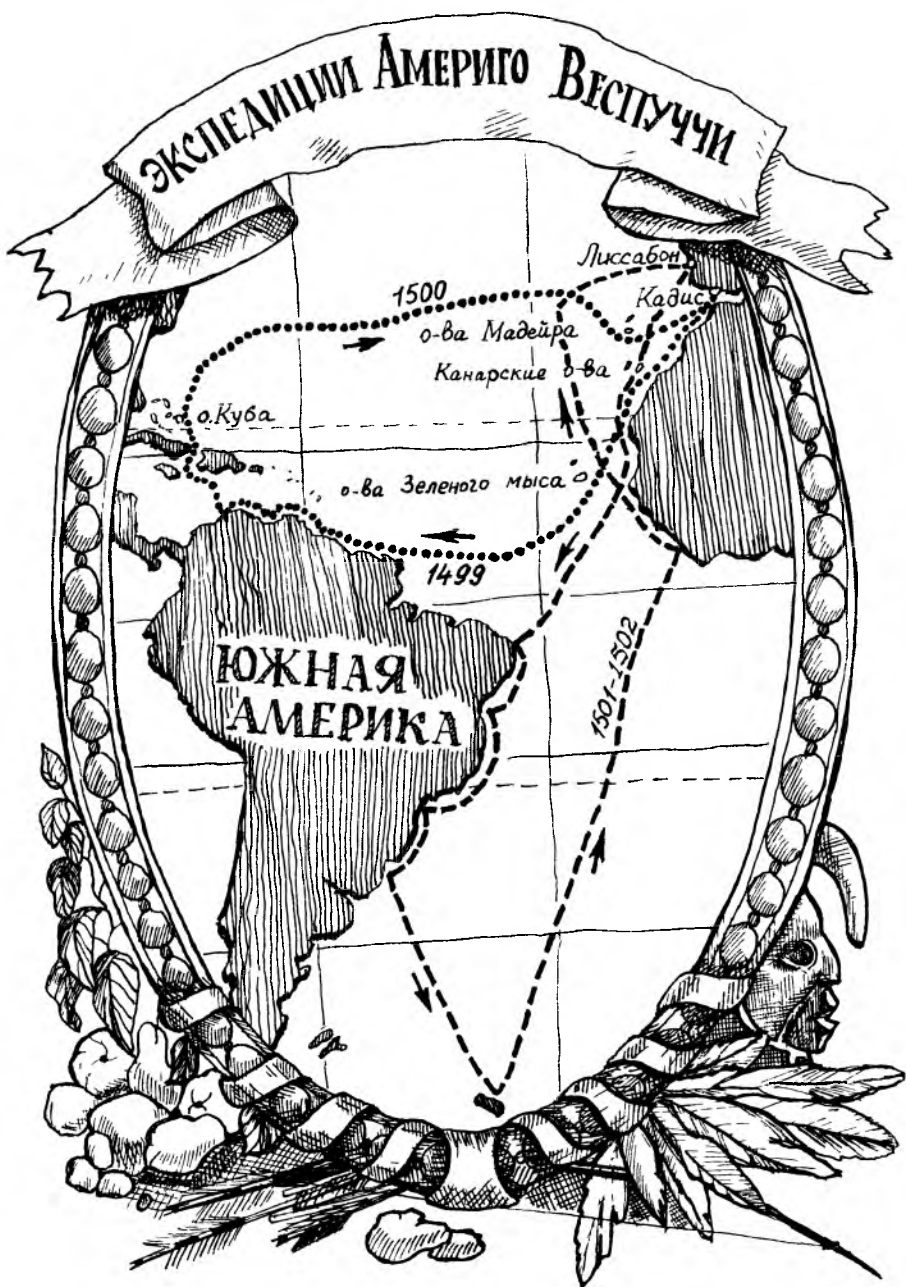
Мы уже говорили о том, что все записки о путешествиях Веспуччи чрезвычайно неопределенны и путанны. Они страдают отсутствием точности и последовательности; указания пунктов следования экспедиций до того сбивчивы, что легко могут быть отнесены к разным местам побережья. Кроме того, записки не содержат никаких сведений ни относительно спутников Веспуччи, ни относительно мест высадки и вообще не дают данных, которыми мог бы воспользоваться историк. Никому не известные географические названия, противоречивые и взаимно исключаящие друг друга даты — вот что представляют собой эти пресловутые письма, постепенно обросшие обширными комментариями. «Словно какой-то злой рок, — говорит А. Гумбольдт, — преследовал эти подлинные документы, чтобы спутать все, что касается флорентийского мореплавателя».

Тщательное сопоставление этих документов с достоверными фактами, известными об экспедиции Охеды, позволило Александру Гумбольдту сделать вывод, о котором мы уже говорили, то есть признать первое плавание «фиктивным дубликатом» второго, действительно состоявшегося.

В противовес этому бразильский историк Варнхаген поставил своей целью доказать, что Америку открыл не Колумб, а Америго Веспуччи. По утверждению Варнхагена, Веспуччи, выйдя из Испании 10 мая 1497 г., месяцем позже проник будто бы в Гондурасский залив, прошел вдоль берегов Юкатана и Мексики, осмотрел устье Миссисипи, обогнул в конце февраля оконечность Флориды, а затем, после тридцатидневной стоянки в заливе Св. Лаврентия, в октябре 1498 г. вернулся в Кадис.

Если бы Веспуччи действительно совершил это изумительное путешествие, то он оставил бы далеко позади всех современных ему мореплавателей. Но нет ничего более бездоказательного, чем

ЭКСПЕДИЦИИ АМЕРИГО ВЕСТПУЧЧИ

утверждения Варнхагена. Точка зрения Гумбольдта, как самая убедительная, до сих пор принимается всеми авторитетными исследователями.

Америго Веспуччи совершил три других путешествия. Первое из них Александр Гумбольдт идентифицирует с экспедицией Яньеса Пинсона, а г-н д'Авезак — с плаванием Диего де Лепе (1499 — 1500). В конце 1500 г. Джулиано Бартоломео ди Джокондо стал, по словам Веспуччи, переводчиком при короле Мануэле и пригласил Америго перейти на португальскую службу. За счет этой державы Веспуччи совершил два новых странствия. В первом из них он уже больше не был, как в предыдущих, начальником и играл на борту роль человека, навигационные познания которого могут в определенных условиях стать полезными. Пройденное за время третьего путешествия американское побережье тянется от мыса Св. Августина до 52⁰ южной широты.

Четвертая экспедиция Веспуччи ознаменовалась крушением флагманского корабля близ острова Фернанду-ди-Норонья, что помешало остальным кораблям продолжать путь по намеченному курсу — за мыс Доброй Надежды к полуострову Малакка — и заставило их остановиться в заливе Всех Святых (залив Баия-Бланка) в Бразилии. Это неудачное путешествие было, по видимому, совершено с капитаном Коэлью. Что касается третьей экспедиции, то и вовсе не известно, кто был ее начальником.

Эти разнообразные путешествия не принесли Веспуччи богатства; его положение при португальском дворе было так незавидно, что он воспользовался возможностью снова перейти на службу в Испанию и в 1505 и 1507 гг. дважды плывал на испанских кораблях к Дарьенскому заливу. 22 марта 1508 г. Веспуччи был назначен главным «пилотом» — лоцманом Испании. Получая на этой должности довольно значительное жалование, он дожил свой век если не в богатстве, но и не терпя нужды и скончался в Севилье 22 февраля 1512 г., будучи уверенным, как и Колумб, что плывал вдоль берегов Азии¹.

Америго Веспуччи знаменит главным образом тем, что Новый Свет, вместо того чтобы по справедливости называться Колумбией, называется по его имени Америкой. Но сам флорентийский

¹ Заслуга Америго Веспуччи состоит как раз в том, что он, в противоположность этому утверждению, один из первых понял, что Колумб открыл не Восточную Азию, а новый материк. Этому матерiku Америго Веспуччи дал наименование «Новый Свет».

мореплавателю к этому не причастен. Долгое время, и совершенно понапрасну, его обвиняли в бесстыдном обмане и мошенничестве, утверждая, будто он хотел похитить славу Колумба и присвоить себе честь первого открытия. Колумб и его современники любили и уважали Веспуччи. В документах, оставшихся после первооткрывателя Америки, нет даже и намека на подобные обвинения.

Сохранилось семь печатных документов, приписываемых Веспуччи. Это — письма к Содерини, содержащие краткое описание четырех его путешествий, два отдельных сообщения о третьем и четвертом плаваниях в форме писем к банкиру Медичи и, наконец, еще одно письмо, обращенное к тому же лицу, по поводу открытий португальцев в Индии. Эти документы, напечатанные в виде отдельных брошюр, вскоре были переведены на несколько языков и получили широкое распространение по всей Европе.

В 1507 г. некто Хилакомил, настоящее имя которого — Мартин Вальдземюллер, выпустил в городке Сен-Дье, в Лотарингии, небольшую книгу «Введение в космографию». Восхваляя Америго Веспуччи, Хилакомил впервые употребляет слово «Америка», предлагая присвоить это название новой части света. Идея Хилакомила понравилась географам. В 1509 г. в Страсбурге выходит географический трактат, где новый материк также назван Америкой; в 1502 г. в Базеле печатается одно из сочинений Помпония Мелы¹, содержащее карту Нового Света, озаглавленную «Америка». Число сочинений, употреблявших с этого времени название, предложенное Вальдземюллером, увеличилось с каждым днем.

Несколько лет спустя, получив более достоверные сведения о том, кто в действительности открыл новый материк, и оценив по достоинству плавание Веспуччи, Вальдземюллер вычеркнул из нового издания своего сочинения все, что касалось его путешествий, всюду заменив имя Веспуччи именем Колумба, но слишком поздно! Ошибка была освящена!

Что касается самого Веспуччи, то едва ли можно допустить, что ему была известна ошибка Хилакомила, приведшая к таким

¹ Помпоний Мела (первая половина I в. н. э.) — римский географ, уроженец Пиренейского полуострова; автор первой на латинском языке географии в трех книгах. Не будучи географом-путешественником, Помпоний Мела написал свое сочинение по литературным источникам. Целью его было дать живое описание природы и населения известных в то время местностей земного шара.

неожиданным последствиям. Единодушные отзывы о Веспуччи, как о человеке уважаемом, должны окончательно смыть незаслуженное обвинение, так долго тяготевшее над его именем.

Почти одновременно с экспедицией Охеды, в 1499 г., из Испании отправились в Новый Свет еще три экспедиции. Первая, состоявшая из одной только каравеллы, вышла в июне 1499 г. под начальством Педро Алонсо Ниньо, сопровождавшего Колумба в его первом и третьем плаваниях. Он принял себе в соотарищи севильского купца Кристобала Герру, за счет которого и было, по-видимому, снаряжено судно.

Педро Алонсо Ниньо преследовал только одну цель — разбогатеть. Не сделав никаких новых открытий, он вернулся в Испанию в апреле 1500 г. с таким большим количеством жемчуга, что не замедлил возбудить в своих соотечественниках алчность и желание последовать его примеру.

Следующая экспедиция в Новый Свет отправилась под командой Висенте Яньеса Пинсона, младшего брата Алонсо, капитана «Пинты», который показал себя крайне завистливым к славе Колумба, присвоив себе вот такой двусмысленный девиз:

A Castilla y a Leon
Nuevo Mundo dia Pinzon¹.

Яньес Пинсон, преданность которого адмиралу была столь же велика, как и зависть его брата, авансировал восьмую часть всех расходов на организацию плавания и командовал в 1492 г. «Ниньей».

Он вышел из Испании в ноябре 1499 г. с четырьмя судами, из которых только два возвратились в гавань Палоса в конце сентября 1500 г. Пинсон пристал к материку Нового Света приблизительно у 6° южной широты и, таким образом, открыл берега Бразилии за несколько месяцев до Кабрала. Пройдя затем около 4000 километров к северо-западу до залива Пария, он обнаружил по пути пресноводное море (возле устья Амазонки), а затем открыл остров Тобаго. Этому замечательному плаванью принадлежит заметное место в истории открытия Нового Света.

Одновременно с Пинсоном исследованием этих же берегов занимался в 1500 г. Диего Лепе, в распоряжении которого были только две каравеллы. Экспедиция Лепе сделала ценные наблю-

¹ Кастилии и Леону
Новый Свет дал Пинсон (*исп.*).

дения над направлением береговой линии континента, к юго-западу от его восточного выступа.

Не успел Диего Лепе возвратиться в Испанию, как из Кадиса вышла за океан новая экспедиция. Снарядил ее богатый севильский чиновник Родриго де Бастидас. Он ставил своей целью не столько открытие новых земель, сколько добычу золота и жемчуга, которые надеялся получить у туземцев в обмен на стеклянные бусы и другие ничего не стоящие безделицы.

Начальником экспедиции был все тот же искуснейший испанский лоцман Хуан де Ла-Коса.

Каравеллы Бастидаса проникли в Дарьенский залив и останавливались в разных пунктах Панамского перешейка, в том числе в гавани Ретрете, вторично открытой Колумбом 26 ноября 1502 г.

Таким образом, путешествие, предпринятое дельцом с целью обогащения, благодаря Хуану де Ла-Косе оказалось одним из самых значительных по сделанным открытиям. Но окончилось плавание Бастидаса весьма плачевно. Наместник Эспаньолы Бобадилья, уже известный нам своим бесчестным отношением к Колумбу, велел арестовать обоих путешественников и под предлогом, что они в нарушение закона покупали золото у индейцев, отправил их в Испанию, куда они прибыли, претерпев страшную бурю, уничтожившую часть испанского флота. В Кастилии Бастидас был привлечен к суду. Однако ему удалось не только оправдаться, но и выхлопотать себе ежегодную пенсию в награду за сделанные открытия.

После этой богатой результатами экспедиции путешествия, приносившие новые открытия, совершались все реже и реже. Испанцы старались теперь упрочить свою власть в уже открытых областях, основывая там крепости и поселения.

В 1493 г. Христофор Колумб начал колонизацию Эспаньолы, заложив город Изабеллу. Два года спустя Колумб занялся исследованием страны и покорением несчастных индейцев, охотясь на них с выдрессированными для этой цели свирепыми псами и посылая захваченных туземцев, привыкших к вольной и беззаботной жизни, на постоянную работу в рудники. Бобадилья, а затем Овандо — губернаторы, сменившие Колумба, — обращались с индейцами как с животными. Индейцы были превращены в рабов и распределены между поселенцами вместе с земельными участками.

Жестокое обращение с несчастным народом с каждым днем становилось ужаснее. С помощью весьма неблагоприятного приема

Овандо, завладев «королевой» области Ксарагуа и тремястами ее приближенных, приказал их перебить всех до единого.

«В течение многих лет, — говорит Робертсон, — в Испанию ежегодно вывозилось золота не менее чем на 460 000 песо¹, что составляло по тем временам очень крупную сумму, учитывая большую ценность денег в начале XVI века».

В 1511 г. Диего Веласкес с отрядом в триста человек завоевал Кубу, которая превратилась в арену убийств и грабежей, легших неизгладимым позором на испанцев. Чтобы выведать у индейцев, где находятся золотые россыпи, несчастных жгли на медленном огне, отрубали руки, выкалывали глаза, поливали им раны кипящим маслом или расплавленным свинцом. В результате этого население островов Нового Света быстро уменьшалось, и уже недалек был тот день, когда оно должно было совсем исчезнуть. Стоит только прочесть «Историю Индий» Бартоломе Лас-Касаса — этого неумолимого защитника бесчеловечно преследуемых индейцев, чтобы узнать, каким страшным мучениям они подвергались.

Испанцы взяли в плен на острове Куба касика по имени Гаттия и осудили его на сожжение. Когда непокорного индейца привязали к столбу, францисканский монах попытался обратить его перед смертью в христианскую веру, суля ему все блаженства рая.

— А есть ли испанцы в той стране наслаждений, о которой ты мне говоришь? — спросил Гаттия.

— Да, — ответил монах, — но только те, которые были добрыми и справедливыми.

— Даже лучшие из них, — возразил с негодованием касик, — не могут быть ни справедливыми, ни добрыми. Я не хочу идти туда, где встречу хоть одного человека из этого проклятого племени!

Разве недостаточно одного этого факта, чтобы охарактеризовать ту степень ожесточения, до которой были доведены несчастные туземцы? И такие ужасы повторялись повсюду, куда бы ни ступала нога испанца! Но не будем больше говорить о страшных жестокостях, совершенных людьми, которые считали себя цивилизованными и проповедовали «христианское милосердие» среди народа менее дикого, чем они сами!

Последим теперь за дальнейшим ходом географических открытий испанцев в Центральной и Южной Америке.

¹ Песо — старинная испанская серебряная монета (известная также как испанский пиастр).

В 1504 и 1505 гг. четыре корабля под командой Хуана де Лакосы исследовали Дарьенский залив: то было первое путешествие, в котором Ла-Коса выступил в роли начальника экспедиции. К тому же времени следует отнести и третье путешествие Охеды, — по словам Гумбольдта, путешествие достоверное, но весьма неясное, так как о нем не сохранилось почти никаких сведений.

В 1508 г. Хуан Диас де Солис вместе с Висенте Пинсоном открыли обширную область, известную с тех пор под названием Юкатан. Хотя это путешествие не было ознаменовано ничем особенно примечательным, но о нем все же следует упомянуть, так как оно привело к важнейшим открытиям. По этой же причине мы отметим и путешествие Себастьяна де Окампо, которому было поручено в 1508 г. объехать Кубу и выяснить, является она островом или частью материка. Окампо, установив, что Куба — остров, тем самым окончательно опроверг заблуждение Колумба.

В 1515 — 1516 гг. Хуан Диас де Солис, плывя на юг к экватору, продвинулся до 40° южной широты и, к величайшему своему изумлению, убедился, что материк Нового Света продолжает тянуться на огромное пространство. Он неоднократно высаживался на берег, торжественно вступая во владение вновь открытыми землями, но за недостатком средств и людей нигде не основывал крепостей. Важнейшим результатом этого путешествия была более точная оценка протяженности Южноамериканского материка.

Первый, кому пришла в голову мысль основать колонию на материке, был тот самый Алонсо де Охеда, происхождения которого уже известны читателям. Не имея никаких средств, но обладая большой смелостью и предприимчивым умом, он без труда находил компаньонов, снабжавших его деньгами и припасами для снаряжения заокеанских экспедиций.

Один из компаньонов Охеды, Диего Никуэса, богатый поселенец с Эспаньолы, в 1509 г. снарядил экспедицию к берегам Центральной Америки, чтобы организовать там постоянные поселения. Король Фердинанд, как всегда щедрый на посулы и ничего не стоящие поощрения, присвоил тому и другому почетные титулы, но не дал ни одного мараведи. Никуэса решил основать две колонии и наметил в качестве условной границы между двумя владениями реку Аtrato, впадающую в Дарьенский залив. Восточная область, названная Новой Андалузией — от реки Аtrato до Мара-

кайбо, — досталась Охеде, а западная область, под именем Золотой Кастилии (нынешние Панама и Коста-Рика), — Никуэсе.

На этот раз конкистадоры имели дело с народами не столь простодушными, как жители Антильских островов. Индейцы Центральной Америки твердо решили воспротивиться захвату их страны, пуская в ход неожиданные для испанцев средства сопротивления. Началась ожесточенная борьба. В одной битве семьдесят спутников Охеды, в том числе Хуан де Ла-Коса, были сражены стрелами, смазанными кураре — страшным ядом, который при малейшем ранении приводит к смертельному исходу.

Не лучше обстояло дело и в области, губернатором которой был назначен Никуэса. Несмотря на то что он дважды получал подкрепления с Кубы, большинство его спутников погибли от ран, истощения и болезней. Оставшиеся в живых испанцы основали у Дарьенского залива маленькую колонию Санта-Мария-эль-Антигуа, под начальством Васко Нуньеса де Бальбоа.

Но прежде чем говорить о знаменитом путешествии Бальбоа, мы должны еще упомянуть об открытии испанцами страны, которая образует северную границу дуги, глубоко вдающейся в Американский материк (Мексиканский залив).

В 1502 г. знатный испанский дворянин Хуан Понсе де Леон, спутник Колумба в его второй экспедиции, прибыл вместе с Овандо на Эспаньолу. Он принимал участие в покорении этого острова, а позже (в 1508 г.), завоевав остров Пуэрто-Рико, основал на его северном берегу первое испанское поселение. Услышав от местных индейцев предание о существовании на острове Бимини чудодейственного источника, возвращающего молодость, Понсе де Леон решил во что бы то ни стало найти его. Надо полагать, что он чувствовал потребность в живительной влаге, хотя ему еще не было и пятидесяти лет.

Снарядив за свой счет три каравеллы, Понсе де Леон 1 марта 1513 г. отправился на поиски Бимини в направлении Багамских островов. Плывая от острова к острову в надежде найти «источник вечной молодости», простодушный конкистадор добросовестно исследовал весь архипелаг. Но если поиски Бимини с его волшебным источником и не увенчались успехом, то в целом путешествие Понсе де Леона было далеко не бесполезным, так как ему удалось открыть землю — цветущую и плодородную, названную Флоридой (Цветущей), тем более что открытие совпало с Вербным воскресеньем.

Не довольствуясь достигнутым, Понсе де Леон продолжил свое плавание, высаживаясь во многих местах побережья и отведывая воду из всех встречавшихся ему на пути источников. Но волосы его оставались такими же седыми и морщины не разглаживались. После шести месяцев бесплодных поисков Понсе де Леону наконец надоела эта шутовская роль: оставив на берегу Флориды несколько человек из экипажа, он поручил им продолжать поиски волшебного источника и 5 октября возвратился в Пуэрто-Рико. Понсе де Леону пришлось перенести много насмешек, когда его увидели больным и еще более постаревшим.

Эту экспедицию, комичную по своим мотивам, но очень богатую результатами, можно было бы отнести к числу исторических анекдотов, если бы за нее не ручались такие историки, как Пьетро Мартир, Овьедо, Эррера и Гарсиласо де ла Вега.

А теперь вернемся к Бальбоа.

Васко Нуньес де Бальбоа прибыл в Новый Свет вместе с Бастидасом и поселился на острове Эспаньола. Здесь он получил «репарtimento» — земельный участок с прикрепленными к нему индейцами; однако Бальбоа наделал так много долгов, что искал только способа избавиться от преследования кредиторов. Но капитанам судов, отправлявшихся из Эспаньолы в Европу или на материк Нового Света, было строжайше запрещено принимать на борт несостоятельных должников. Тогда Бальбоа пошел на хитрость. Он сел в пустую бочку и вместе с грузом попал на корабль, державший курс к Дарьенскому заливу; таким образом, начальнику экспедиции, капитану Энсиско, волей-неволей пришлось содействовать побегу отважного искателя приключений.

Испанцы, привыкшие к слабому сопротивлению жителей Антильских островов, на этот раз не смогли покорить суровых обитателей материка. К тому же из-за возникших разногласий они вынуждены были укрыться в крепости Санта-Мария-эль-Антигуа, которую Бальбоа, избранный командиром вместо Энсиско, основал на берегу залива.

Приступив к завоеванию окрестных областей, Бальбоа сумел нагнать на индейцев-карибов страх не только собственной беспощадностью, но и кровожадностью своего свирепого пса Леонсильо, который «один стоил двадцати солдат», но получал между тем лишь одно солдатское жалованье. Впрочем, Бальбоа сумел внушить индейцам и некоторую симпатию своей справедливостью и относительной умеренностью, потому что он никогда не прибе-

гал к чрезмерной жестокости. В течение многих лет Бальбоа по крупицам собирал сведения об Эльдорадо, «Золотой стране», достичь которой сам он не мог, но почитал своим долгом облегчить доступ туда своим последователям.

Таким образом он узнал о существовании в «шести солнцах» (шести днях пути) другого моря, Тихого океана, который омывает берега Перу, страны, где золото находят в огромных количествах. Бальбоа, характер которого был столь же закален, как у Кортеса и Писарро, но не имевший еще возможности реализовать необыкновенные способности, которыми наделила его природа, не ошибся в ценности подобной рода информации и понял, какая слава ждет его за такое открытие.

Он собрал сто девяносто отважных солдат, одних добровольцев, привыкших к случайностям войны, акклиматизировавшихся к нездоровым условиям этой болотистой земли, где человека постоянно подкарауливают лихорадка, дизентерия, болезни печени.

Чтобы добраться до берега неизвестного моря, нужно было пересечь Панамский перешеек, имеющий шестьдесят миль в ширину, но зато изрезанный на всем протяжении цепями высоких гор, у подножия которых образовалась наносная, необыкновенно плодородная почва, поросшая буйной тропической растительностью. Испанцам пришлось прорубаться через непроходимые чащи лиан, папоротников, гигантских деревьев, не пропускавших ни одного луча солнца, преодолевать болота, заполненные тучами moskitov. Девственный лес был населен множеством птиц и животных, покой которых никем никогда не нарушался.

К препятствиям, нагроможденным на пути Бальбоа природой, прибавлялось враждебное отношение туземцев. Не заботясь о риске, которому могла подвергнуть его экспедицию проблематичная верность проводников и помощников-индейцев, Бальбоа выступил в сопровождении доброй тысячи краснокожих носильщиков и своры тех ужасных борзых, которые на Эспаньоле пристрастились к человеческому мясу. Завидев грозный отряд Бальбоа, они убегали в горы или, пользуясь преимуществами хорошо защищенной местности, совершали на испанцев неожиданные нападения. Бальбоа, безотлучно находясь среди своих воинов и разделяя с ними все лишения и опасности, старался поддерживать в них бодрость духа и заставлял их стремиться вперед.

После двадцатидневного перехода, сопровождавшегося непрерывными боями с индейцами, Бальбоа, поднявшись на гребень

горы, увидел наконец необъятное море и спустя четыре дня достиг берега Тихого океана. Войдя по колена в воду, держа обнаженную шпагу в одной руке и кастильское знамя в другой, он торжественно объявил это море владением испанского короля.

Та часть Тихого океана, к востоку от Панамы, где находилась экспедиция Бальбоа, была названа им заливом Сан-Мигель (залив Св. Михаила). Это название удержалось до нашего дня.

Сведения, которые Бальбоа удалось собрать у окрестных касиков, покорившихся его оружию и предоставивших ему жизненные припасы, совпадали с рассказами туземцев на берегу Дарьенского залива.

Бальбоа узнал, что на юге находится обширная страна, «до того богатая золотом, что из него делают даже обиходные орудия»: жители той страны приручают лам и используют их как домашних животных для перевозки тяжестей. Эти интересные сведения, а также большое количество жемчуга, полученного от туземцев, окончательно убедили Бальбоа, что он находится в азиатских странах, описанных Марко Поло, недалеко от империи «Сипанго», сказочные богатства которой не давали покоя алчным авантюристам.

Путешественник пересек Панамский перешеек в нескольких направлениях. Три века спустя А. Гумбольдт с полным основанием мог сказать, что в начале XVI в. эта страна была исследована больше, чем в его время. Но Бальбоа на этом не остановился. Он начал готовиться к новой экспедиции в «Южное море», собираясь построить на берегу залива Сан-Мигель несколько каравелл и отправиться завоевывать государство Перу. Однако его планам не суждено было осуществиться. Присланный в Золотую Кастилию новый наместник Педро Ариас д'Авила, завидовавший удачливому Бальбоа, привлек его к суду по обвинению в государственной измене и настоял на вынесении смертного приговора.

В 1517 г. Бальбоа был обезглавлен, и открытие европейцами Перу задержалось на целые пятнадцать лет из-за преступной зависти человека, имя которого приобрело такую печальную известность, что может быть поставлено рядом с именем Герострата¹.

Если начальными сведениями о Перу мы обязаны Васко Нуньесу де Бальбоа, то другой исследователь, Хуан де Гри-

¹ Герострат — грек из города Эфеса, в 356 г. до н. э. сжег великолепный храм Артемиды Эфесской. Сожжением храма он хотел обессмертить свое имя. Имя Герострата приобрело нарицательный смысл. Этим именем называют честолюбцев, домогающихся славы даже преступной ценой.

хальва, первый добыл не менее важные сведения о Мексиканской империи, господство которой распространялось почти на всю Центральную Америку. Хуан де Грихальва в 1518 г. возглавил флотилию из четырех кораблей, снаряженных Диего Веласкесом, завоевателем Кубы. Посланный Веласкесом исследовать побережье Юкатана, открытое в 1517 г. Франсиско Эрнандесом де Кордовой, Грихальва взял с собой в путешествие опытного лоцмана Антония Аламиноса, одного из участников экспедиции Понсе де Леона к берегам Флориды. Среди экипажа, состоявшего из двухсот сорока человек, находился и Берналь Диас дель Кастильо, очевидец и участник драматической истории завоевания Мексики, к бесхитростным запискам которого нам не раз придется обращаться.

После тридцатидневного плавания Грихальва, поднимаясь вдоль берега Юкатана, обогнул мыс Каточе и углубился в залив Кампече. 10 мая он высадился в большом селении Потончан. Жители селения, изумленные неожиданным появлением кораблей, приняли их за морские чудовища. Индейцы были особенно поражены видом бледнолицых людей, мечущих молнии, но тем не менее защищались так упорно, что пятьдесят семь испанцев было убито и еще больше ранено. Разумеется, враждебный прием заставил Грихальву как можно быстрее сняться с якоря. Продолжая плыть на запад вдоль берега, 17 мая он вошел в устье большой реки, которую индейцы называли Табаско (река Грихальва). Его корабль окружила целая флотилия пирог с вооруженными туземцами, готовыми в любую минуту вступить в бой. Но благодаря осторожности Грихальвы и изъяслениям «дружеских чувств», на которые он не скупился, испанцам на этот раз удалось избежать кровопролитной схватки.

«Далее наш капитан через толмачей рассказал им, — сообщает Берналь Диас, — что мы пришли из далеких стран, что мы подданные великого государя по имени Дон Карлос (Карл V), пусть и они признают его господином, тогда много добра произойдет для них».

В обмен на ничего не стоящие побрякушки испанцы получили от индейцев хлеб из юкки, копал¹, куски золота, отлитые в форме рыб и птиц, хлопчатобумажную одежду местного производства и

¹ К о п а л — твердая, похожая на янтарь, ископаемая смола. Копаловая смола выделяется также некоторыми тропическими деревьями. Употребляется для изготовления лаков.

т. п. Так как индейцы, взятые с мыса Каточе в качестве переводчиков, плохо понимали язык жителей области Табаско, то Грихальва решил сократить время стоянки, и корабли снова пустились в море. Флотилия прошла мимо реки Гуакасуалко; на ее берегу возвышалось несколько снежных вершин. Ближайшая из них была названа Сан-Мартино, по имени солдата, который увидел ее первым. Наконец корабли бросили якорь в устье реки, получившей название Рио-де-лас-Бандерас (Река знамен), ибо собравшиеся на берегу индейцы размахивали белыми флажками, желая установить мирные отношения с чужеземцами.

При высадке Грихальвы на берег туземцы оказали ему самые высокие почести. Перед ним курили копаловую смолу и к его ногам сложили золотые украшения, жемчуг и медные секиры. Объявив эту страну своим владением, испанцы отправились дальше и вскоре достигли Острова жертвоприношений, названного так потому, что на площадке каменной лестницы путешественники обнаружили нечто вроде жертвенника, на котором лежали трупы пяти принесенных в жертву индейцев. У каждого была рассечена грудь, вырвано сердце, отрублены руки и ноги. Затем Грихальва подошел к другому острову, Сан-Хуан в честь имени святого, память которого праздновалась в этот день. К названию Сан-Хуан было еще прибавлено слово «Кулуа», которое часто повторяли индейцы. Сейчас остров называется Сан-Хуан-де-Улуа.

Нагрузив все золото, которое удалось здесь собрать, на корабль капитана Альварадо, Грихальва отправил его на Кубу.

Продолжая плыть до 28 июня вдоль берега, мимо оживленных селений, разбросанных у подножия высоких гор, Грихальва достиг устья реки Пануко, которая была названа испанцами Рио-де-Каноас, так как здесь они были атакованы целой флотилией лодок с вооруженными индейцами и с большим трудом отбили нападение.

Лоцман Аламинос настойчиво советовал Грихальве вернуться назад. Корабли были в жалком состоянии; съестные припасы подошли к концу; солдаты, почти все больные или раненые, не соглашались даже под защиту крепостей остаться среди воинственных племен. К тому же между испанцами начались раздоры.

Найдя удобную стоянку в устье реки Сан-Антонио, Грихальва приказал бросить якоря и заняться починкой флагманского судна, давшего течь. В этом месте Берналь Диас посадил возле туземного храма несколько апельсиновых зернышек. («Принялись

они отлично, и после нашего ухода храмовые „папы” (жрецы), вероятно, ухаживали за чужестранным растением, поливая его и оберегая от муравьев. Рассказываю я это потому, что это были первые апельсиновые насаждения в Новой Испании».)^{*}

Пятнадцатого ноября того же 1518 г., после семимесячного плавания, экспедиция Грихальвы вернулась на Кубу.

Результаты путешествия были очень значительны. Впервые испанцами была исследована протяженная береговая линия полуострова Юкатан, залива Кампече и Мексиканского залива. Теперь испанцы узнали, что Юкатан — полуостров, а не остров, как думали раньше. Кроме того, Грихальве удалось собрать много ценных сведений о могущественной Мексиканской империи. Особенно испанцы были удивлены, встретив в Мексике гораздо более высокую цивилизацию, чем у туземцев Антильских островов. Это обнаруживалось в архитектуре, в способах обработки почвы, в тонкости хлопчатобумажных тканей, в орнаменте золотых украшений, которые носили индейцы. Богатство и процветание Мексики не могли не возбудить жадности у испанских колонистов Кубы. Новые аргонавты ждали только подходящего случая, чтобы устремиться на завоевание нового золотого руна. Но опасная и смелая экспедиция, открывшая в Новом Свете индейскую цивилизацию, не принесла Грихальве ощутимой пользы. Слова поэта «sic vos, non vobis»¹ получили свое подтверждение.

II

Эрнандо Кортес. — Его назначение. — Снаряжение экспедиции и борьба с Веласкесом. — Высадка в Веракрусе. — Мексика, государство ацтеков. — Монтесума. — Провинции Тлашкала и Челула. — Поход в Мехико. — Монтесума — пленник Кортеса. — Поражение Нарваэса. — «Ночь печали». — Битва в долине Отумбы. — Вторая осада и взятие Мехико. — Экспедиция в Гондурас. — Поездка Кортеса в Испанию. — Экспедиция к берегам Калифорнийского залива. — Возвращение Кортеса в Испанию и хлопоты о наместничестве. — Смерть Кортеса.

Наместник Кубы Диего Веласкес, не дожидаясь возвращения Грихальвы, поспешил отправить в Испанию донесение об открытии обширных земель, подкрепленное образцами мексиканских золотых изделий, и просил обширных полномочий для колонизации этой области. Еще не получив ответа из Испании, Веласкес

¹ Так вы, но не вам (*лат.*; в смысле: так вы творите, но не для самих себя; слова из четверостишия римского поэта Вергилия).

начал деятельно готовить экспедицию для покорения открытой территории. Вооружение флотилии должно было соответствовать опасности и важности задуманного предприятия. Но если снаряжение войска представлялось делом относительно нетрудным, то Веласкесу, человеку подозрительному, как его характеризует один испанский историк того времени, было нелегко подобрать начальника для готовящейся экспедиции. В самом деле, этот последний должен объединить в себе качества, практически несовместимые: огромный талант и беззаветную отвагу, без которых нельзя и надеяться на успех, и в то же время — достаточную податливость и умение ничего не делать без приказа высшего начальника, оставив ему, не подвергающемуся никакому риску, всю славу экспедиции в случае ее удачи.

Одни люди, действительно мужественные и предприимчивые, не желая быть пассивным орудием в руках Веласкеса, отказывались от оказанной им чести; другие, более покладистые или более скрытные, не обладали достаточным мужеством и храбростью. Многие предлагали назначить начальником Грихальву, только что вернувшегося из Мексики.

Пока продолжались разговоры и пререкания, два любимца наместника — его секретарь Андрес де Дуэро и правительственный контролер Амадор де Ларес — заключили союз с одним идадьго, Эрнандо Кортесом, обещая сделать его начальником экспедиции, если он согласится разделить с ними добычу, которую привезет из завоеванной страны.

«Они не скупилась, — пишет Берналь Диас, — на вкрадчивые речи: много лестного говорили они при Кортесе, уверяя, что он единственный человек, годный для этого предприятия, что в его лице Веласкес найдет неутомимого и неустрашимого начальника, который, без сомнения, не изменит ему, так как является его крестником. Наконец они убедили губернатора, и Кортес был назначен генерал-капитаном всего предприятия. И так как Андрес де Дуэро состоял при губернаторе секретарем, то поспешил, по желанию Кортеса, пространно изложить на пергаменте хорошими чернилами все его полномочия и представил их ему в виде готового, надлежащим образом скрепленного документа».

Разумеется, если бы Веласкес был более дальновиден, он ни за что не сделал бы этот выбор!

Эрнандо Кортес родился в 1485 г., в провинции Эстремадура, в небогатой дворянской семье. Проучившись некоторое время в

Саламанкском университете, он вернулся в свой родной дом, но тихая и мирная жизнь претила его кипучему характеру. Вскоре Кортес уехал в Америку, надеясь выдвинуться там на службе, причем особенно рассчитывал на покровительство своего родственника Овандо, наместника Эспаньолы.

На Эспаньоле он действительно занимал почетные и выгодные должности, принимая время от времени участие в карательных экспедициях. Здесь он не только познакомился с военной тактикой преследуемых индейцев, но и легко усвоил то беспощадно-жестокое обращение с ними, которым запятнали себя испанцы. В 1511 г. он сопровождал Диего Веласкеса в его экспедиции на Кубу и сумел так отличиться, что, несмотря на разногласия со своим начальником, получил за «усердие» обширные земли, отнятые у индейцев.

За небольшой срок Кортес благодаря своей интенсивной деятельности скопил три тысячи кастельяно¹ — сумму для него довольно значительную. До сих пор ему не приходилось быть главнокомандующим, но его личные качества были высоко ценимы Веласкесом: неутомимая активность, сменившая беспорядочный пыл юных лет, его хорошо известная осмотрительность, безукоризненная честность, как иногда говорили, крайняя быстрота в принятии решений и, наконец, талант привлекать к себе сердца своим радушием. К этому следует добавить величественную осанку, изумительную ловкость в движениях и выносливость, редкую даже среди этих привыкших к лишениям авантюристов.

На призыв Кортеса в короткое время откликнулось триста человек. Со всех сторон к нему стекались деньги и товары. Но этого оказалось недостаточно. Тогда Кортес, отдав все, что у него было, на вооружение флота, заложил свои поместья и занял у знакомых купцов крупные суммы на покупку съестных припасов, оружия и лошадей.

Как только он получил поручение с надлежащими и самыми почтительными свидетельствами признания, Кортес водрузил у дверей своего дома черный бархатный стяг, прошитый золотом; на знамени был изображен красный крест в языках бело-голубого пламени, под которым был вышит девиз, звучавший в переводе с латинского так: «Друзья, последуем за крестом, и если будем искренне верить, то под этим знаком победим». Отныне он сконцентрировал все усилия своего деятельного ума на средствах, не-

¹ Кастельяно — старинная испанская золотая монета. (Примеч. перев.)

обходимых для успеха начинания. Подталкиваемый энтузиазмом, которого у него не предполагали даже те, кто его очень хорошо знал, Кортес не только отдал все свои деньги на вооружение флотилии, но еще и заложил свою собственность, занял у друзей значительные суммы, необходимые ему для покупки кораблей, провизии, боеприпасов и лошадей. За несколько дней три сотни добровольцев поступили к нему на службу, привлеченные молвой, прельщенные риском и возможной выгодой предприятия.

Одураченный Веласкес скрыл до поры до времени свой гнев, но тотчас принял меры, чтобы задержать Кортеса. А генерал-капитан не терял времени даром. Остановившись в одной из ближайших гаваней, он пополнил запасы провизии и принял на борт многих спутников Грихальвы, среди которых были такие испытанные мореходы, как лоцман Антоний Аламинос, Педро Альварадо и его братья, Кристоаль де Оли, Алонсо д'Авила, Гонсало Сандобаль, Берналь Диас дель Кастильо, автор уже известной нам драгоценной хроники, и другие.

Затем Кортес направился к порту Тринидад, на южном берегу Кубы, продолжая и там пополнять припасы. В это время тринидадский алькальд получил письма от Веласкеса с приказом задержать Кортеса и лишить его начальства над флотом. Но сделать это было нелегко, так как у предводителя экспедиции было много приверженцев. Алькальд даже и не пыгался привести в исполнение приказ наместника.

Желая набрать на корабли побольше добровольцев, Кортес продолжал вербовку в Гаване среди экипажей кораблей, стоявших на рейде. Когда Веласкес узнал об этом, он сделал еще одну попытку задержать Кортеса, послав соответствующий приказ вице-губернатору Гаваны. Но это был бы слишком серьезный для безопасности города акт, и губернатор Бердуго от него отказался. Чтобы привлечь новых сторонников, Кортес направился в Гавану, а его лейтенант Альварадо достиг порта по суше; там были закончены последние приготовления. Несмотря на неудачу первой попытки, Веласкес отправил еще один приказ арестовать Кортеса, но для губернатора Педро Барба была очевидна невозможность выполнить это распоряжение. Кортес, окруженный солдатами, которые, по словам Берналя Диаса, отдали бы за него жизнь, свободно вышел из Гаваны.

Наконец вербовка добровольцев закончилась, все необходимое снаряжение было погружено, и 18 февраля 1519 г. Кортес пустил-

ся в море с флотилией из одиннадцати кораблей, причем самый большой из них имел не более ста тонн водоизмещения. Кортеса сопровождали сто десять матросов, около пятисот солдат, двести индейцев и несколько женщин для хозяйственных работ.

Артиллерия состояла из десяти больших и четырех малых фальконетов¹, а кавалерия — всего из шестнадцати всадников. С этими почти ничтожными силами, собранными тем не менее с величайшим трудом, Кортес отправился в поход против могущественного властителя, государство которого было обширнее всех испанских владений, вместе взятых. Это предприятие было сопряжено с такими невероятными трудностями и лишениями, что если бы Кортес предвидел только половину из них, то его решимость, без сомнения, поколебалась бы. Но, как сказал один древний поэт, «судьба улыбается тем, кто смело идет ей навстречу»...

Выдержав в океане страшную бурю, флотилия пристала к острову Косумель (у северо-восточного берега Юкатана). Жители острова, индейцы майя, то ли запуганные испанцами, то ли слабо верившие в своих богов, без сопротивления согласились обратиться в христианскую веру. Здесь на корабль Кортеса неожиданно явился один испанец по имени Херонимо де Агиляр, находившийся восемь лет в плену у индейцев. Этот человек хорошо говорил на языке майя; он оказал Кортесу большие услуги в качестве переводчика.

Обогнув мыс Каточе, Кортес, по примеру Грихальвы, углубился в залив Кампече, затем прошел мимо Чампотона и поднялся вверх по реке Табаско, надеясь, как и его предшественник, добыть у местных индейцев много золота. Но настроение туземцев резко изменилось, и они сделали попытку оказать сопротивление высадке испанцев. Несмотря на то, что индейцев было в несколько раз больше, чем испанцев, и сражались они храбро, испанцы одержали легкую победу. Пушечные залпы и набег кавалеристов, которых местные жители принимали за сверхъестественные существа, привели индейцев в полное смятение.

(«Никогда еще индейцы не видели лошадей, — говорит Берналь Диас, — и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное».)

В сражении погибли сотни индейцев, между тем как потери завоевателей ограничились двумя убитыми и несколькими ранеными.

¹ Фальконет — старинное малокалиберное орудие, стрелявшее свинцовыми ядрами.

Вскоре Кортес заключил с индейцами мир и получил от них дань съестными припасами, хлопчатобумажными тканями и небольшим количеством золота. Кроме того, индейцы дали Кортесу двадцать молодых невольниц, среди которых была знаменитая красавица Марина, прославленная всеми испанскими летописцами за то, что она перешла на сторону испанцев и оказала адмиралу много ценных услуг при завоевании Мексики. Малиналь — таково было настоящее имя подруги Кортеса — была родом из племени ацтеков и находилась несколько лет в плену у индейцев Табаско.

(«Кортес всюду брал ее с собой в качестве удивительной переводчицы, — пишет Берналь Диас, — и была она нам верным товарищем во всех войнах и походах, настоящим Божьим подарком в нашем тяжелом деле; многое удалось нам совершить только при ее помощи. Понятно, что она имела громадное влияние, самое громадное во всей Новой Испании, и с индейцами могла делать что хотела».)

От Табаско корабли отправились на запад в поисках удобной гавани, которая была найдена у того самого острова Сан-Хуан-де-Улуа, где остановился Грихальва. Едва флотилия бросила якорь, как к адмиральскому кораблю безбоязненно приблизилась лодка с туземцами. С помощью Марины Кортес узнал, что эта страна входит в состав большого государства, во главе которого стоит могущественный властитель по имени Монтесума; живет он в своей столице Теночтитлане, или Мехико. Кортес сообщил индейцам о своих мирных намерениях, вручил им подарки и высадился на берег материка — в жаркой и нездоровой местности, где вскоре был заложен город-крепость Веракрус (Истинный Крест).

Уже на следующий день к адмиралу явился с большой свитой «губернатор» близлежащей провинции по имени Теутиле, посланный Монтесумой. Зная, какое беспокойство внушало верховному властителю появление испанцев, Теутиле был очень встревожен, когда Кортес изъявил желание тотчас же отправиться к нему для переговоров. Желая задобрить воинственных чужеземцев, Теутиле приказал положить к ногам испанца богатые дары: красивые ткани, плащи из перьев и золотые украшения, которые возбудили жадность у европейцев. Чтобы дать «туземцам» представление о своем могуществе, Кортес приказал выстрелить из пушек. Грохот орудийного залпа привел индейцев в ужас.

Но прежде чем перейти к рассказу о покорении Мексики Кортесом и его сражениях с ацтеками, следует сообщить некоторые

подробности о самой империи Монтесумы, которая, несмотря на ее кажущееся могущество, уже таила в себе зародыши разложения и упадка. Этим и объясняется тот удивительный факт, что небольшая горстка авантюристов сумела завоевать обширную страну.

Та часть Американского материка, которая была подвластна Монтесуме, носила название Анауак и простиралась от 14° до 20° северной широты. Почти посреди этой империи расстилается живописная Мексиканская долина с необыкновенно плодородной почвой и прекрасными озерами, лежащая на высоте 7500 футов над уровнем моря. (Несмотря на то, что эта часть Мексики находится в тропическом поясе, Мексиканская долина отличается умеренным климатом. Здесь не бывает ни палящего зноя, ни нестерпимого холода. Круглый год здесь царит благодатная весна.)

До нас дошло очень мало подлинных документов о народе, населявшем Мексиканскую долину в древние времена. Мексиканские летописи были сожжены невежественными конкистадорами и монахами-фанатиками, с ожесточением уничтожавшими все, что могло напоминать о традициях побежденного народа.

В начале VII в. на плоскогорье Анауак поселилось племя толтеков. Это был смысленный народ, занимавшийся земледелием и ремеслами. Толтеки искусно обрабатывали металлы; они возводили большие здания, развалины которых и теперь еще встречаются в Мексике.

После четырехвекового владычества толтеки исчезли из этой страны так же таинственно, как и появились в ней. Спустя столетие на их место пришло с северо-запада дикое племя чичимеков, которое вскоре, в свою очередь, было вытеснено другими, более цивилизованными народами. Самыми значительными среди этих народов были ацтеки. После многих десятилетий непрерывных войн и переселений ацтеки остановились в Мексиканской долине, где в 1325 г. основали на островах горного озера свою столицу Теночтитлан. Цивилизация ацтеков, сначала ограничивавшаяся пределами Мексиканской долины, успела за одно столетие распространить свое влияние на запад до Атлантического океана и на восток — до Тихого.

В короткое время ацтеки стали самым цивилизованным народом из всех племен Нового Света. В Мексике существовало право собственности, процветала торговля, развивались ремесла, было установлено денежное обращение. Хорошо налаженная админи-

стративная система и целая сеть курьерских постов, вполне отвечавших своему назначению, позволяли быстро передавать любые распоряжения из одного конца империи в другой. Красивые города, величественные дворцы, многочисленные храмы, крепости, мосты, акведуки, хорошие дороги — все это свидетельствовало о сравнительно высокой культуре ацтеков, вступавшей, однако, в резкое противоречие с их жестокими религиозными обрядами.

Нет ничего более варварского и более кровавого, чем их политеистская религия. Жрецы формировали корпорацию очень значительную и пользовавшуюся большим влиянием, причем даже в чисто политических делах. Кроме церемоний, сходных с христианскими, такими, как крещение или исповедь, их религия состояла из самых абсурдных и самых кровавых суеверий. Таковыми были человеческие жертвоприношения, воспринятые в первые десятилетия XIV в. и вначале довольно редкие, но вскоре принявшие столь массовый характер, что число убитых достигало двадцати тысяч в год, причем в большинстве своем принесенные в жертву принадлежали к побежденным народам. В особых обстоятельствах указанное число значительно возрастало. Например, в 1486 г. при освящении храма бога Уитцилопочтли за один-единственный день погибли семьдесят тысяч пленников.

Древняя Мексика имела монархический образ правления; власть государя или, вернее сказать, верховного вождя, вначале довольно ограниченная, усиливалась вместе с завоеваниями и вскоре приняла деспотический характер. Верховный вождь, он же одновременно верховный жрец, всегда выбирался из одного и того же рода, и его возведение на престол сопровождалось огромным количеством человеческих жертвоприношений.

Могущественный Монтесума принадлежал к жреческой касте, и при нем особенно окрепла и усилилась верховная власть вождя. Ведя с молодых лет завоевательные войны, он значительно расширил свои владения и поработил соседние племена; эти племена охотно переходили затем на сторону испанцев, полагая, что господство этих новых завоевателей будет менее тягостным и менее жестоким, чем владычество ацтеков.

Если бы Монтесума со своими силами напал на испанцев, когда последние находились в жаркой и нездоровой местности Веракрус, то, без сомнения, Кортес не выдержал бы натиска и был бы разбит, несмотря на превосходство своего оружия и дисциплини-

рованность солдат. Испанцы погибли бы или были бы вынуждены погрузиться на свои корабли. Судьбы Нового Света могли перемениться полностью. Но тех качеств, какими в избытке обладал Кортес, как раз и недоставало Монтесуме: он никогда не отличался способностью принимать быстрые и твердые решения.

Не осмелившись вступить в открытую борьбу с Кортесом, Монтесума отправил к нему послов с подарками и велел сообщить чужеземцам, что он просит их вернуться восвояси.

Чтобы оградить свои корабли от нападения индейцев, Кортес заложил на побережье крепость Веракрус, вокруг которой должен был затем вырасти целый город.

(«Избрали мы управителей города, алькальдов и резидентов, на рынке водрузили позорный столб, а за городом построили виселицу. Так было положено начало новому городу», — пишет Берналь Диас.)

Кортес предоставил городским властям широкие полномочия и заранее заручился от них грамотой, официально назначавшей его именем короля губернатором и верховным судьей новой колонии. Это высокое звание не только освобождало Кортеса от ответственности перед Веласкесом, но и давало ему право на получение двух пятых всей добычи. Кроме того, Кортес выделил лучший корабль и послал двух своих приближенных — Пуэртокарреро и Монтехо — в Испанию с поручением доставить королю Карлу V письмо и образцы мексиканского золота. Этим Кортес хотел обеспечить себе благосклонность испанского двора.

Касик племени тотонаков пожаловался Кортесу на притеснения, чинимые ацтеками. Кортес заключил с этими индейцами союз и уговорил их отказаться платить дань Монтесуме. Мексиканские чиновники, прибывшие в это время за сбором дани, по приказанию Кортеса были обезоружены и взяты в плен.

Таким образом испанцам посчастливилось найти союзников в первые же дни высадки на мексиканское побережье. Действия Кортеса связывало постоянное брожение в его собственном лагере. Сторонники Веласкеса организовали против Кортеса заговор и стремились захватить корабли, чтобы вернуться на Кубу. Видя, что предстоит непрерывная борьба с малодушными и заговорщиками, Кортес пошел на отчаянное средство. Он приказал вытащить на берег все суда и снять с них канаты, якоря и железные части под тем предлогом, что корабли пришли в полную ветхость и не могут больше служить. Тем самым путь к отступлению был

отрезан, и все участники экспедиции были поставлены перед необходимостью победить или умереть.

Не опасаясь более неповиновения или недостатка дисциплины в своей армии, Кортес 16 августа 1519 г. оставил город Семпоалу и выступил в поход к столице Мексики — Теночтитлану. Армия завоевателя состояла из четырехсот пехотинцев и пятнадцати всадников. На вооружении было семь маленьких пушек (фальконетов), которые тащили индейцы. Кроме того, Кортес взял с собой тысячу триста индейских воинов из союзного племени тотонаков и тысячу носильщиков.

Уже на второй день Кортес достиг границы маленькой области Тлашкала, вольнолюбивое население которой, ненавидя всякую зависимость, не хотело платить дань Монтесуме. Кортес надеялся, что его обещание немедленно освободить индейцев от мексиканского ига поможет ему склонить тлашкаланцев на свою сторону и превратить их в союзников. Он отправил послов испросить разрешение у тлашкаланского касика пройти через его страну, чтобы достигнуть Мексики. Но послы были задержаны, и тлашкаланцы выслали навстречу испанцам сильное войско. Тем не менее Кортес двинулся внутрь страны. В течение четырнадцати дней ему пришлось выдерживать непрерывные нападения тлашкаланских войск, общая численность которых достигала тридцати тысяч человек. Тлашкаланские индейцы обнаружили такую храбрость и стойкость, что привели в удивление испанцев, до сих пор не видевших ничего подобного в Новом Свете.

Однако вооружение у тлашкаланцев было первобытным. Индейцы располагали только деревянными копьями, мечами и стрелами с костяными наконечниками. К тому же и тактика у них была самая примитивная. Как могли они выстоять с таким вооружением против порохострельных орудий, металлических сабель и мечей? Когда тлашкаланцы увидели, что после всех сражений, стоивших жизни их самым храбрым воинам, у испанцев не было убитых, они приписали чужеземцам сверхъестественную силу. Оказала свое действие и необычная тактика Кортеса: пойманных лазутчиков он отсылал с отрубленными руками, но индейцев, захваченных в плен, не только не убивал, как это делали ацтеки после каждого сражения, а отпускал целыми и невредимыми, да еще с подарками.

Тогда тлашкаланцы признали себя вассалами Испании и поклялись следовать за Кортесом во всех его походах. Испанский

предводитель, со своей стороны, должен был защищать их от врагов. Впрочем, самое время было заключить мир. Многие испанцы были больны или ранены, остальные — истощены тяготами экспедиции. Вступление в Тлашкалу, где они были приняты, как существа сверхъестественные, позволило испанцам позабыть свои страдания.

Между тем к Кортесу прибыли новые посланцы Монтесумы с подарками и с новым требованием воздержаться от похода на Теночтитлан, «так как путь этот далек, горист и безводен». Монтесума понадеялся было, что чужеземцы погибнут от мечей тлашкаланцев, а теперь ему приходилось опасаться за судьбу своего государства.

После двадцатидневного отдыха в этом городе Кортес повел на Мехико всю армию, пополнившуюся шестью тысячами тлашкаланских воинов. По дороге он посетил Чолулу, священный город ацтеков, где находился храм одного из мексиканских богов — Кецалькоатля. Сюда из разных мест Мексики стекались паломники на поклонение этому божеству.

Монтесума был очень рад этому обстоятельству, потому ли, что он надеялся, что боги сами отомстят испанцам за оскорбление святынь, или потому, что рассчитывал на бунт и резню, которые могли быть легко вызваны с его помощью в этом многолюдном городе.

Тлашкаланцы своевременно предупредили Кортеса, чтобы он не особенно доверял выражениям дружбы и преданности жителей Чолулы. Не желая сворачивать с прямого пути и обнаруживать малейший страх, отважный завоеватель быстро занял несколько кварталов и расположился лагерем почти в самом центре города. Кортес принял меры предосторожности, а Монтесума тем временем готовил ему западню.

Тлашкаланцы разведали, что женщины и дети удалены из города; Марина, в свою очередь, узнала от одной местной жительницы, что у Чолулы сосредоточился большой отряд. Вскоре стало известно и о других приготовлениях противника: улицы были перегорожены рвами и земляными насыпями; на крышах и балконах были навалены груды камней.

Тогда Кортес предупредил нападение врагов решительными действиями: он велел захватить в плен всех жрецов Чолулы и приказал своим солдатам устроить в городе поголовную резню. Страшное избиение чолуланцев не прекращалось на протяжении

двух дней и ночей. С помощью своих союзников из Тлашкалы, которые находились во вражде с Чолулой, испанцы перебили и заживо сожгли не менее шести тысяч человек, разрушили храмы, наполовину сровняли с землей и разграбили цветущий город. Этот устрашающий пример не мог не подействовать на Монтесуму и его подданных.

После падения Чолулы подвластные Монтесуме племена встречали Кортеса как освободителя. Не было ни одного касика, который не жаловался бы на деспотизм ацтеков, и это позволяло Кортесу надеяться, что ему не особенно трудно будет завоевать разрозненную империю.

По мере того как испанцы спускались с гор в Мексиканскую долину, перед их изумленными взорами развertyвалась великолепная панорама: голубые озера, окруженные прекрасными городами, отлично возделанные поля, а посреди цветущей долины — величественная столица, построенная на островах, в центре большого озера.

(Изумление испанцев еще больше возросло, когда они попали на главную дорогу в столице: «Всюду возвышались башни и храмы, могучие строения из камня — то на земле, то на воде. Никогда ни о чем подобном не мечтали мы даже во сне», — пишет Берналь Диас.)^{*}

Ожидая всяких сюрпризов со стороны нерешительного Монтесумы, который до последней минуты не знал, как ему встретить чужеземцев, — как врагов или как друзей, — Кортес направился к плотине, ведшей через озеро в Теночтитлан. Он был уже на расстоянии одной мили от города, когда его встретили знатные ацтеки в богатых одеждах. Торжественно приветствуя Кортеса, они возвестили его о приближении государя.

Вскоре показался и сам Монтесума в украшенном золотом и перьями паланкине, который несли его сановники. По мере продвижения процессии ацтеки, собравшиеся огромными толпами вдоль дороги, падали ниц и зажимали глаза, как бы выражая этим, что они недостойны даже лицезреть монарха.

(«При нашем приближении, — рассказывает Диас, — он поднялся, и сейчас же склонились спины, и самые высшие касики схватили его под руки и как бы снесли на землю, а над ним возвышался балдахин, ослепительно сверкавший золотом и драгоценными камнями, от которого нельзя было оторвать глаз. Одевание великого монарха было столь богатым, что даже мягкие

полусапожки усыпаны были камнями и жемчугом, а подошва, говорят, была из чистого золота».)

Первое свидание было вполне дружественным. Монтесума лично проводил гостей в отведенное для них помещение. Это был обширный дворец, обнесенный каменной стеной и защищенный высокими башнями. Кортес не замедлил, однако, занять оборонительную позицию: он приказал поставить часовых и выставить у ворот пушки.

При вторичном свидании Кортесу и его солдатам были поднесены великолепные подарки. Суеверный Монтесума рассказал чужеземцам, что, по преданию, родоначальники ацтеков пришли в эту страну под предводительством белого бородатого человека. Основав эту державу, властитель, которого ацтеки считали богом и называли Кецалькоатлем, отплыл за океан, предсказав, что наступит время, когда с востока явятся его, Кецалькоатля, потомки и преобразуют в стране законы. И вот, если теперь Монтесума принимает испанцев как дорогих гостей, то только потому, что видит в них потомков своего древнего бога и праотца. Он просил испанцев считать себя хозяевами его государства.

(На следующий день Кортес с несколькими офицерами и с Мариной нанес ответный визит Монтесуме и, изложив основные положения христианского вероучения, стал настойчиво уговаривать мексиканского монарха «обратиться в истинную веру». Но Монтесума ответил, что боги его страны всегда были милостивы к нему и у него нет никаких оснований менять свою веру на новую.)

Следующие дни были потрачены на осмотр города, который показался испанцам самым крупным, самым оживленным и самым красивым из тех, что они до сих пор видели в Америке. Своеобразие его состояло в многочисленных дамбах, соединявших город с сушей; кое-где в насыпях были оставлены проходы для сновавших по озеру лодок. Через эти проходы были переброшены мосты, которые — в случае необходимости — можно было легко разрушить. С восточной стороны дамб не было, и сообщение с берегом можно было поддерживать только при помощи каноз.

Такое расположение города сильно беспокоило Кортеса, так как он понимал, что ацтеки легко могли атаковать испанцев. Чтобы предотвратить какое-либо восстание, Кортес решил сделать Монтесуму своим заложником. Повод к этому вскоре предста-

вился. Один индейский касик, вассал Монтесумы, напал на испанцев, оставленных Кортесом в городе Семпоала. Этот касик перебил весь небольшой гарнизон во главе с командиром Эскаланте и приказал носить головы убитых испанцев из города в город, чтобы доказать, что чужеземцы могут быть побеждены и что они — не боги, а простые смертные.

Кортес не преминул воспользоваться этим трагическим событием, чтобы обвинить императора в измене. Он заявил Монтесуме, что если тот и оказал ему и его солдатам хороший прием, то только лишь затем, чтобы найти подходящий случай расправиться с ними так же, как его подданные расправились с Эскаланте, а подобное двуличие недостойно монарха и не оправдывает доверия, с каким отнеслись к нему белые люди. Впрочем, если его, Кортеса, подозрения неосновательны, то император имеет прекрасный случай сурово наказать ослушников, осмелившихся поднять руку на испанцев. Наконец, чтобы исключить возможность дальнейших нападений, которые могут окончательно нарушить дружеские отношения, установившиеся между испанцами и ацтеками, и чтобы последние убедились, что их император не питает к испанцам никаких дурных чувств, Монтесуме не остается ничего другого, как поселиться вместе со своими гостями в отведенном для них дворце.

Разумеется, Монтесума не хотел соглашаться на это требование, но в конце концов ему пришлось уступить наглости и угрозам. Опасаясь за свою жизнь, он волей-неволей должен был перейти во дворец к Кортесу. Чтобы оправдать перед своими подданными такое странное решение, Монтесума должен был несколько раз повторить, что он охотно и совершенно добровольно передает себя в руки испанцев, что побуждает его к этому чувство гостеприимства. Монтесуме стоило большого труда успокоить своих подданных, которые готовы были в любую минуту наброситься на чужеземца.

Когда этот смелый дипломатический ход сверх всякого ожидания блестяще удался Кортесу, он настолько приободрился, что решил примерно наказать убившего испанцев касика и других виновников восстания. Все они были схвачены и переданы на суд и расправу испанцам, одновременно выступившим в роли судей, истцов и палачей.

Судебное разбирательство было коротким. Кортес и его приближенные осудили виновных к сожжению на костре перед

дворцом императора, причем в качестве топлива для костра Кортес потребовал у Монтесумы запас деревянных копий, стрел и дротиков, хранившихся в арсенале. Так Кортесу удалось уничтожить значительную часть оружия ацтеков.

Но и этого было мало: чтобы еще больше устроить ацтеков, он подвел Монтесуму к пылающим кострам, на которых корчились в предсмертных муках семнадцать участников восстания, и приказал надеть императору на руки железные цепи в виде наказания за соучастие в преступлении, которое было совершено якобы по его приказанию. Гордый Монтесума чувствовал себя настолько униженным и был так потрясен этим страшным зрелищем, что нисколько не сопротивлялся позорной церемонии и поблагодарил Кортеса за доброту, когда тот собственноручно снял с него после казни оковы.

(«Казнь военачальников, — повествует Берналь Диас, — произвела свое полное действие. Молва об этой неслыханной расправе быстро распространилась по всей Новой Испании. Прибрежные племена вновь покорились нам и покорно исполняли все приказы из Веракруса...

Стар я теперь, а события того времени живой стеной теснятся вокруг меня! Да и где это было слыхано, чтобы 400 воинов, в 1400 часах от родины, сперва уничтожили свои корабли — единственное средство их спасения; затем двинулись бы в громадную укрепленную столицу врага, хорошо зная, что именно там он им готовит верную смерть; затем пленили бы местного властителя, выхватив его из собственного дворца, охраняемого тысячами людей; затем публично казнили бы его генералов, а самого его продержали бы в цепях! Великое это чудо!»)

В течение шести месяцев «конкистадор» вершил всеми делами от имени императора, роль которого была сведена до положения короля-тунеядца; Кортес менял не нравившихся ему губернаторов, требовал уплаты налогов, входил во все детали управления, посылая в различные провинции империи испанцев, которые должны были собирать сведения о производимых там товарах и с особым тщанием наблюдать работу шахт и рудников, изучая способы добычи золота.

Кортес продолжал действовать не теряя времени. Якобы затем, чтобы угодить Монтесуме, выразившему пожелание увидеть европейские корабли, он распорядился доставить из крепости Веракрус имевшиеся там снасти и железные части судов и приказал

построить в Теночтитлане две каравеллы, с помощью которых он хотел держать под контролем сообщение между разными частями города.

Постепенно Кортес настолько упрочил свою власть и так запугал нерешительного императора, что пошел еще дальше в своих требованиях, предложив Монтесуме признать себя вассалом и данником испанского короля. Вождь ацтеков вынужден был принести присягу в верности, которая повлекла за собой новые, еще более богатые дары и значительную контрибуцию, собранную, впрочем, без особого труда. Все золото и серебро, которое Кортес обнаружил в тайной кладовой Монтесумы, не считая всевозможных подарков и дани, он приказал переплавить в слитки, сохранив в целости только некоторые изделия самой тонкой работы.

Надо заметить, что хотя общее количество переплавленного золота составило сумму, превысившую 600 000 песо, что было по тем временам большим богатством, Кортеса это никак не удовлетворило. Несмотря на то, что испанцы пустили в ход всю свою силу, заставив Монтесуму исчерпать свои сокровищницы, добыча показалась завоевателям почти ничтожной; во всяком случае, она не имела ничего общего с тем представлением о сказочных сокровищах Мексики, какое заранее составил себе Кортес.

Когда отложили пятую часть королю, две пятых — Кортесу и вычли сумму, потраченную на снаряжение флотилии, то на долю каждого солдата досталось не более ста песо. Испытать столько трудов, подвергнуться таким страшным опасностям, вынести столько лишений — и все это ради несчастных ста песо!

Дележ производился строго по рангам. Каждый офицер стремился урвать для себя как можно больше, да и сам Кортес, по видимому, выделил себе чересчур щедрую долю, так как куча золота заметно уменьшилась еще до того, как приступили к дележу.

(«Когда же, после стольких надувательств, — рассказывает Берналь Диас, — очередь дошла до нас, остальных солдат, по расчету — один пай на человека, но этот пай был столь мизерен, что многие его даже не брали, и тогда, конечно, их доля тоже шла в карман Кортесу!..

Разумеется, тогда мы должны были молчать, ибо кому же было жаловаться на обман и у кого требовать справедливости! К тому же Кортес не жалел ни ласковых слов, ни обещаний и наиболее опасным крикунам ловко умел затыкать рот сотней-другой».)

Все еще не отказываясь от намерения обратить Монтесуму в христианскую веру, Кортес старался убедить его в преимуществах своей религии. Но если Монтесума был уступчив во всем, что касалось политики, то он решительно не желал отречься от своих богов. Когда Кортес захотел опрокинуть мексиканских идолов, как это он уже сделал однажды на острове Косумель и в Семпале, население отнеслось к поруганию святынь с такой нескрываемой враждебностью, что Кортес, опасаясь мятежа, вынужден был оставить свои планы. Но повод был уже дан. Ацтеки, принявшие почти безропотно унижительное пленение верховного вождя, решили отомстить испанцам за своих оскорбленных богов и стали готовиться к общему восстанию против ненавистных завоевателей.

В то время как дела испанцев в Мексике резко ухудшились, Кортес получил сообщение, что около гавани Веракрус крейсируют какие-то корабли. Сначала Кортес обрадовался, решив, что это флотилия, посланная ему на помощь королем Карлом V в ответ на письмо, отправленное 26 июля 1519 г. из Веракруса вместе с золотом на корабле Монтехо и Пуэртокарреро. Но радость оказалась преждевременной. Флотилия была снаряжена не королем, а Диего Веласкесом, успевшим выхлопотать себе у архиепископа Фонсеки, председателя Индийского совета, разрешение выслать против Кортеса карательную экспедицию, которой было поручено низложить его, захватить в плен и доставить на Кубу, где он должен был предстать перед уголовным судом.

Флотилией командовал генерал Панфило де Нарваэс. На восемнадцати судах находилось около полутора тысяч человек, среди них — восемьдесят кавалеристов, девяносто арбалетчиков, семьдесят мушкетеров. На вооружении было около двадцати фальконетов с большим запасом ядер и пороха.

Нарваэс беспрепятственно высадился возле форта Сан-Хуан-де-Улуа и отправил нарочных к Сандовалу, командиру гарнизона Веракруса, с требованием передать ему город. Сандоваль задержал посланцев Нарваэса и отправил их под конвоем в Теночтитлан. Кортес обласкал пленников и тотчас же освободил их, а затем без труда выведал от них, как велики силы и каковы намерения Нарваэса. Положение было критическим, так как Нарваэс уже высадился на берег и через несколько дней мог войти в Теночтитлан. Кроме того, на его стороне было явное превосходство сил и вооружения.

Оценив обстановку и взвесив все «за» и «против», Кортес, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, предпочел принять сражение. Лучше было пойти на риск, чем пожертвовать без сопротивления всеми своими завоеваниями из-за самодурства Веласкеса.

Чтобы оттянуть время и попытаться, кроме того, внести смуту в ряды противника, Кортес послал к Нарваэсу своего капеллана Ольмедо, но принят тот был очень дурно, и все его мирные предложения были с презрением отвергнуты. Гораздо больший успех имел Ольмедо среди солдат. Он раздавал им золотые цепочки, кольца и другие ценные подарки, что сразу же расположило их в пользу Кортеса и его баснословных, по словам Ольмедо, богатств. Узнав об этом, Нарваэс пришел в ярость, но дело уже было сделано: расчет оказался безошибочным, и популярность Кортеса возросла.

Тогда Нарваэс начал действовать. Назначив цену за голову Кортеса и его главных сообщников, он двинулся в наступление. Но Кортес был не таков, чтобы вступать в сражение при неблагоприятных условиях. Он все время уклонялся от встречи с противником, утомлял его, засыпал в лагерь Нарваэса лазутчиков, которые следили за каждым его шагом, и, наконец, когда Нарваэс укрылся со своим войском в Семпоале, Кортес совершил неожиданное ночное нападение. После короткой схватки Нарваэс был тяжело ранен — удар копьём пришелся ему в левый глаз — и попал в плен, а его солдаты тотчас же перешли на сторону Кортеса, который потерял в эту ночь только двух человек.

Победитель хорошо обошелся с побежденными, оставив им право выбора: вернуться ли на Кубу или разделить его собственную судьбу. Вторая перспектива, поддержанная подарками и обещаниями, показалась настолько соблазнительной для вновь прибывших, что Кортес оказался во главе тысячного отряда солдат буквально на следующий день, после того как он чуть было не попал в плен Нарваэса. Столь резкому повороту судьбы заметно способствовала дипломатическая ловкость Кортеса, который поспешил выступить в Мехико.

Войска, оставленные там под начальством Альварадо для охраны сокровищ и пленного императора, находились в самом отчаянном положении. Воспользовавшись отсутствием Кортеса, ацтеки восстали и напали на испанский гарнизон. Многие солдаты были убиты, другие ранены, а оставшиеся в живых подвергались непрерывной осаде.

Следует, впрочем, сказать, что это давно уже назревшее восстание, которое Кортес старался предотвратить, было вызвано преступным поведением Альварадо. («Во время религиозного праздника ацтеков он „устроил” — по словам Бернала Диаса, — кровавую баню, желая овладеть богатыми украшениями, какие нацепили на себя мексиканцы по случаю священного танца».)

Кортес поспешил в Теночтитлан во главе своего отряда, усиленного двумя тысячами тлашкаланцев. 24 июня 1520 г. он во второй раз прибыл в этот город, причем до того, как ацтеки приступили к разрушению мостов и плотин, соединявших столицу с твердой землей. Несмотря на усиление гарнизона, положение осажденных испанцев не улучшилось. Ежедневно им приходилось отражать атаки и делать вылазки, чтобы очищать дороги на подступах ко дворцу.

Теперь Кортес понял, какую он совершил ошибку, расположившись в городе, где ежеминутно ему грозило нападение и откуда было трудно выбраться. Он попросил Монтесуму воздействовать на восставших, чтобы заключить перемирие или хотя бы выговорить срок для отхода испанцев из столицы. Несчастный император поднялся на дворцовую стену и стал убеждать своих подданных сложить оружие. В ответ на это в толпе ацтеков раздался ропот и угрозы. Когда их вождь призвал затем восставших помириться с испанцами, негодование ацтеков возросло до крайних пределов, и, прежде чем солдаты Кортеса успели прикрыть Монтесуму своими щитами, он был ранен несколькими стрелами и опрокинут навзничь ударом камня в голову.

Устрашенные преступлением, которое они только что совершили, ацтеки разбежались, и площадь перед дворцом опустела. Император же, поняв слишком поздно, какую отвратительную роль он выполнял, очутившись в руках Кортеса, сорвал со своих ран повязки, отказался от всякой пищи и умер, проклиная испанцев.

После смерти Монтесумы нечего было и думать о примирении с ацтеками. Нужно было во что бы то ни стало вырваться за этого города, где испанцам грозила продолжительная осада и голодная смерть. Кортес это прекрасно понимал и отдал приказ втайне готовиться к отступлению.

С каждым днем атаки ацтеков становились все более яростными, и Кортесу самому приходилось с мечом в руке сражаться рядом со своими солдатами. Испанский историк Антонио де Со-

лис рассказывает даже, что при одном нападении на квартал, в котором засели испанцы, двое молодых ацтеков, узнав Кортеса по его зычному голосу, решили пожертвовать собой, чтобы уничтожить виновника бедствий их страны.

Приблизившись к нему с видом побежденных, собирающихся просить пощады, они схватили Кортеса и стали пробиваться сквозь ряды войск, надеясь отделить его от испанцев. Но благодаря своей силе и исключительной ловкости Кортес сумел освободиться из объятий этих храбрецов, и оба ацтека пали жертвой своей благородной попытки спасти родину.

Вопрос об отступлении был уже решен, и оставалось только выбрать день или ночь. Днем было бы легче противостоять неприятелю, наблюдать за его маневрами, восстанавливать разрушенные мосты. Вместе с тем было известно, что индейцы очень редко решаются нападать после захода солнца, и в этом Кортес не мог не усмотреть для себя большого преимущества. Но принять окончательное решение его побудило предсказание одного солдата, занимавшегося астрологией, который уверял своих товарищей, что отступление будет успешным только в том случае, если оно произойдет ночью.

Дождавшись безлунной ночи, испанское войско вышло из крепости. Кроме испанских солдат под начальством Кортеса находились отряды туземцев — союзников из Тлашкалы, Семпоалы и Чолулы, — общей численностью, после всех понесенных ими потерь, до семи тысяч человек. Гонсало де Сандоваль командовал авангардом, Кортес находился в центре с обозами, пушками и пленными, среди которых были сын и две дочери Монтесумы и некоторые другие знатные ацтеки; Педро де Альварado и Веласкес де Леон вели арьергард с главными силами пехоты. Отступающие взяли с собой переносный мост, чтобы переправляться через каналы и разрушенные плотины.

(Испанцы бесшумно шли по темным, безлюдным улицам мексиканской столицы, погруженной, казалось, в глубокий сон.)^{*} Но едва они достигли внешней плотины и стали наводить переправу, как со всех сторон были атакованы плотными рядами неприятельских войск; в то же время по обеим сторонам разрушенной плотины сгрудилось бесчисленное количество лодок с ацтеками, осыпавшими испанцев градом камней и стрел. Ошеломленные, растерянные завоеватели и их союзники-индейцы не знали, с какой стороны защищаться.

Представьте себе такую картину. Наскоро переброшенный деревянный мост погружается в воду под тяжестью орудий и людей. Скученные на узкой плотине, не имея возможности пустить в ход огнестрельное оружие, лишенные поддержки кавалерии, которой не хватает места, смешанные с ацтеками, теснящими их грудь к груди, окруженные со всех сторон, испанцы и их союзники начинают уступать численному превосходству ацтеков, все время получающих свежие подкрепления. Начальники и солдаты, пехотинцы и всадники, испанцы и тлашкаланцы — все смешивается в одну кучу: каждый защищает только самого себя, не заботясь о дисциплине и об общем спасении.

Казалось бы, все погибло. Но Кортесу с сотней солдат удается перебраться через пробитую плотину по груде заваливших ее трупов. Кортес устанавливает солдат в боевом порядке и врезается вместе с ними в самую гущу сечи. Среди ацтеков начинается смятение. (Этим пользуются испанцы: оставшиеся в живых преодолевают плотину; но через несколько минут новые силы мексиканцев прибывают на место боя, и резня продолжается с еще большим ожесточением.) Только на рассвете уцелевшим испанцам удается добраться до берега и соединиться в Тлакупе, селении неподалеку от Теночтитлана.

Так закончилась эта «ночь печали» — «noche triste», как назвали ее испанцы.

Со слезами на глазах Кортес сделал смотр своим силам. Потери были огромны. Погибло около пятисот испанцев и четыре тысячи индейцев-союзников. Были убиты почти все лошади. Большая часть добычи, золото, все пушки, все припасы и провизия, все бумаги Кортеса и его дневник, который он тщательно вел со дня отплытия с Кубы, — все это осталось на дне озера. Пленники и заложники погибли или бежали. В числе убитых оказались самые лучшие офицеры и солдаты, а из уцелевших ни один офицер и ни один солдат не избежал ранения.

Не останавливаясь в Тлакупе, испанцы направились наудачу по направлению к Тлашкале, не зная, что их там ждет. Преследуемые по пятам ацтеками, они вынуждены были снова принять сражение: оно произошло в долине Отумбы, причем вражеская армия насчитывала, как утверждают кастильские историки, до двухсот тысяч человек. С несколькими всадниками Кортесу удалось опрокинуть все, что было на его пути, и прорваться в центр неприятельского войска, где находились самые знатные ацтеки,

которых легко было отличить по одежде, украшенной золотистыми перьями. Кортес стремительным ударом копья поверг на землю главного мексиканского военачальника Сидако, а молодой испанский идалго по имени Хуан де Саламанка добил его мечом и передал Кортесу предводительский жезл убитого. Видя гибель своего генерала, ацтеки, охваченные паническим страхом, бросились врассыпную с поля боя.

«Никогда еще испанцы не подвергались большей опасности, и без звезды Кортеса, — говорит американский историк Прескотт, — ни один не пережил бы этого дня, чтобы поведать потомкам о кровопролитной битве в долине Отумбы».

Добыча, захваченная испанцами, была значительна и отчасти могла вознаградить их за потери, понесенные при отступлении из Теночтитлана. Она была тем богаче, что в неприятельскую армию влились со своими отрядами знатные воины. Заранее уверенные в победе, они вырядились в свое лучшее платье и надели на себя самые лучшие драгоценности.

Через несколько дней испанцы вступили на глашкаланскую землю.

«Я хочу обратить внимание на тот факт, — говорит Берналь Диас, — что, когда мы пришли в Мехико на помощь Альварадо, нас было всего до тысячи трехсот человек; сюда входило девяносто семь всадников, восемьдесят арбалетчиков и столько же мушкетеров, глашкаланцев было с нами больше двух тысяч человек, и было у нас много пушек. Наше вторичное вступление в Мехико произошло в Иванов день 1520 г., а наше отступление — 10 июля. Памятное сражение у Отумбы последовало 14 числа того же месяца. Теперь же я должен приступить к горькому повествованию о великих наших потерях как в Мехико, при переходе через плотины и мосты, так и в других сражениях — у Отумбы и по дорогам. Я утверждаю, что за пять дней мы потеряли восемьсот семьдесят человек, включая в это число и семьдесят два солдата, убитых вместе с пятью кастильскими женщинами в селении Тустепека; в то же время мы потеряли тысячу двести глашкаланцев; наконец, в дороге убит был Хуан де Алькантара с тремя товарищами, везшими причитающуюся им долю золота в Веракрус. Да, коль хорошенько вдуматься, мало нам было радости от этого золота! Если из войска Нарваэса пало больше людей, чем из войска Кортеса, то это потому, что первые пустились в путь, нагруженные золотом, что мешало им плавать и выбираться из траншей».

Вся армия Кортеса состояла теперь из четырехсот сорока человек, в том числе — двадцати всадников, двенадцати арбалетчиков и семи мушкетеров без единого заряда; все они были раненные, хромые или с изуродованными руками. Это значит, что у Кортеса осталось теперь столько войска, сколько было при первом вступлении в Мехико, с той только разницей, что вступили испанцы в мексиканскую столицу победителями, а вышли из нее побежденными.

Войдя в Тлашкалу, Кортес предупредил своих людей, и в особенности людей Нарваэса, чтобы они ни в чем не притесняли индейцев, так как дело шло об общем спасении, и не восстанавливали бы против себя этих единственных покуда еще верных союзников. К счастью, сомнения относительно преданности тлашкаланцев не оправдались. Они встретили испанцев самым сердечным образом и ждали только случая отомстить ацтекам за своих убитых братьев. В Тлашкале Кортес узнал о гибели еще двух отрядов, но эта потеря, несмотря на всю ее значительность, его не обескуражила. В его распоряжении были испытанные воины и проверенные в суровых испытаниях союзники. К тому же и крепость Веракрус осталась нетронутой; можно было еще раз попытаться счастья.

Но прежде чем вступить в новое сражение и возобновить осаду Теночтитлана, надо было собрать вспомогательные войска и сделать все приготовления. Кортес не медлил. Он снарядил четыре корабля на Эспаньолу, чтобы на вербовать волонтеров и закупить лошадей, порох и снаряды; в то же время он распорядился заготовить в тлашкаланских горах лес и построить тринадцать бригадин, которые он намеревался перенести в разобранном виде на озеро Тескоко, чтобы использовать их при осаде и штурме Теночтитлана.

Подавив попытки к восстанию, которое готовы были поднять солдаты, перешедшие к нему от Нарваэса, Кортес снова выступил в поход и с помощью тлашкаланцев совершил нападение на жителей Тепеаки и других окрестных городов. Целью этих нападений было ободрить солдат легкими победами и приучить союзников к совместным боевым действиям.

Тем временем Кортес получил неожиданное подкрепление. В Веракрус прибыли два корабля с солдатами и боеприпасами, посланные Нарваэсу наместником Кубы Веласкесом, ничего не подозревавшим о последних событиях в Мексике. Солдаты присо-

единились к Кортесу, и все припасы поступили в его распоряжение. Вскоре пришел еще один корабль с несколькими десятками испанцев, посланных на подмогу Нарваэсу губернатором Ямайки. И эти люди так же легко согласились служить под флагом Кортеса.

Теперь, даже когда он отделался от многих бунтовщиков, доставшихся ему от Нарваэса, его армия состояла из пятисот пятидесяти пехотинцев (среди них было восемьдесят мушкетеров) и сорока всадников.

И вот с этим-то небольшим войском, усиленным, правда, несколькими тысячами глашкаланцев, Кортес отважился 28 декабря 1520 г. снова пойти на Теночтитлан — через шесть месяцев после того, как был вынужден его покинуть.

Мы воздержимся от подробного описания второго похода Кортеса, поскольку местом действия были те самые области, а нас в данном случае больше интересует история географических открытий, чем история завоевания Мексики. Скажем только, что после смерти Монтесумы верховным вождем ацтеков был избран его брат Куитлауок. Предвидя новое наступление испанцев, он деятельно готовился к войне, но в ту минуту, когда его организаторские и военные способности были ацтекам нужнее всего, он умер, сраженный оспой — этим первым подарком, который испанцы преподнесли Новому Свету. Вместо него правителем был избран Куаутемок, племянник Монтесумы, человек храбрый и даровитый.

Едва Кортес вступил на мексиканскую территорию, как сразу же завязалось сражение. Вскоре испанцы овладели городом Тескоко, который соединялся каналом с центральным озером, и заняли таким образом удобную стратегическую позицию на подступах к Теночтитлану.

(Тем временем один из солдат Нарваэса по имени Антонио Вильяфана составил заговор на жизнь Кортеса и его главных офицеров. Но кто-то из заговорщиков в последнюю минуту испугался и выдал всех сообщников. Главный зачинщик был схвачен и казнен.)

Сама судьба, казалось, благоприятствовала Кортесу. В Веракрус прибыло новое подкрепление, большая часть городов, подвластных Куаутемоку, довольно быстро подчинилась испанцам.

Осада Теночтитлана началась в мае 1521 г. и продолжалась с переменным успехом вплоть до того дня, когда были спущены на

воду бригантины. Ацтеки не побоялись атаковать их на своих маленьких лодках. Четыре или пять тысяч каноэ — по два человека в каждом — запрудили озеро и двинулись на вооруженные пушками испанские суда. Но ацтеки не в силах были противостоять огнестрельному оружию и вынуждены были отступить.

Однако эти успехи, так же как и другие победы Кортеса, не имели решающего значения и осада Теночтитлана затягивалась. Как-то раз один из офицеров, которому поручено было охранять плотину, самовольно покинул пост и отправился с солдатами к месту битвы. Ацтеки, незамедлительно воспользовавшись оплошностью противника, напали на испанцев с таким ожесточением, что многих убили на месте и захватили шестьдесят два солдата, причем Кортес, опасно раненный в бедро, едва сам не попал в плен. В ту же ночь испанские пленники были принесены в жертву богам в большом храме, иллиюминированном по случаю триумфа. Завоеватели могли наблюдать с занимаемой ими позиции последние минуты своих несчастных соотечественников.

Серьезное поражение испанцев надолго затянуло осаду. Методически разрушая Теночтитлан, Кортес брал его квартал за кварталом. Куаутемок, видя беспечность дальнейшей борьбы в черте города, решил покинуть Теночтитлан, чтобы организовать сопротивление за его пределами. Но лодка, на которой его везли, была перехвачена испанскими солдатами, и Куаутемок попал в плен. В плену он выказал гораздо больше характера и величия, чем его дядя Монтесума. (Когда Куаутемока привели к Кортесу, он сказал: «Сопrotивлялся я тебе по обязанности, как государь этой страны. Теперь это кончилось; я побежден, я твой пленник; прощу, возьми кинжал, вон тот, у твоего пояса, и убей меня».)^{*} С той минуты, как Куаутемок попал в плен, всякое сопротивление прекратилось, и Кортес мог занять наполовину разрушенную столицу.

Вот в каком она была виде.

(«Весь квартал, в котором засел Куаутемок, — пишет Берналь Диас, — был переполнен мертвецами, которые лежали повсюду — и в домах, и в каналах, и у самого озера; порой их было так много, что они лежали друг на друге, точно поленницы дров. Много тел лежало и в других частях города, и на самом рынке нужно было пробираться сквозь и через них... Куаутемок обратился к Кортесу с просьбой разрешить оставшимся жителям и защитникам города выйти ввиду невыносимого смрада и ужасающего голода. И вот по всем дамбам в течение трех суток потянулись ве-

реницы мужчин, женщин и детей, жалких до слез, живых скелетов, еле волочащих ноги, неслыханно грязных и оборванных, распространивших страшную вонь.

Когда исход прекратился, Кортес послал людей разведать, что творится в городе. Всюду, как сказано, лежали трупы, а среди них больные и слабые, не имевшие сил уйти вместе с другими. Земля повсеместно на улицах, площадях, дворах была взрыта и вскопана, ибо жители непрерывно искали корешки для утоления голода; по этой же причине снята была кора со всех деревьев в городе. Вода повсюду была солоноватая, горькая. Словом, нужда господствовала ужасающая, и все же никто не покусился на мясо мексиканца: врагов они ели, своих же никогда. Воистину был ли еще другой народ в мире, который претерпел столько бед и ужасов».)

Итак, после героического сопротивления, стоившего ацтекам, по одним источникам, ста двадцати тысяч, а по другим — двухсот сорока тысяч человек, — после осады, продолжавшейся не менее шестидесяти пяти дней, Теночтитлан пал. И вместе со столицей пала вся империя, сраженная не столько ударами испанцев, сколько застарелой ненавистью, возмущением покоренных народов и завистью соседних провинций, которым вскоре пришлось пожалеть о том роковом для них часе, когда они согласились выступить против ацтеков в союзе с испанцами.

Вслед за опьянением успехами среди испанцев началось недовольство и брожение. Громадные богатства, на которые они рассчитывали, или не существовали вовсе, или были брошены ацтеками на дно озера.

Не зная, чем успокоить недовольных, Кортес решил подвергнуть пытке Куаутемока и его первого министра, чтобы выведать у них, где спрятаны сокровища ацтеков. Некоторые историки рассказывают, что в то время, как испанцы мешали огонь под решеткой жаровни, на которой были распростерты обе жертвы, министр повернул голову к своему повелителю, как бы спрашивая у него разрешения заговорить и признанием положить конец пытке, — но Куаутемок помог товарищу по несчастью победить минуту слабости одной фразой: «А разве я предаюсь удовольствиям или сижу в ванне?» — ответ, который позднее был поэтически перефразирован: «А разве я возлежу на розах?»

Историки испанских завоеваний подробно останавливаются на покорении Мексики, но нам достаточно будет только упомянуть об остальных экспедициях Кортеса, которому удалось проникнуть

еще и в другие области Центральной Америки. Кроме того, мы не можем закончить рассказ об этом знаменитом конкистадоре, сыгравшем такую важную роль в истории Нового Света, не сообщив некоторых фактов о последних годах его жизни.

После падения столицы ацтеков рухнула, как мы уже знаем, и вся Мексиканская империя; если и встречались еще кое-где очаги сопротивления, как, например, в провинциях Оаксака и Пануко, то это были слабые, разрозненные, плохо организованные восстания. Карательные отряды испанцев сравнительно легко умирляли сопротивлявшихся, устрашая их массовыми казнями. В то же время народы отдаленных частей империи присылали гонцов, чтобы убедиться, насколько справедливы слухи о взятии Теночтитлана и правда ли, что этот огромный город лежит в развалинах. («Когда же всякие сомнения на этот счет исчезли, — пишет Берналь Диас, — местные касики перепугались и слали послов за послами с изъявлением покорности и богатыми подарками. Брали они с собой и своих сыновей и показывали им поверженный Теночтитлан, как в древности смотрели разрушенную Трою».)

(Теперь главной задачей Кортеса было добиться признания его заслуг испанским королем. До сих пор на него смотрели в Испании как на беглого непокорного авантюриста, и, хотя перед ним трепетала вся Мексика, сам он находился под страхом ареста и казни. Чтобы заслужить себе прощение, Кортес отправлял в Испанию корабль за кораблем с мексиканскими дарами. Рассказы о его подвигах вызывали в Испании величайшее удивление, но архиепископ Фонсека, покровительствовавший Веласкесу, настаивал на привлечении покорителя ацтеков к суду. В Мексику был послан королевский комиссар с приказом арестовать Кортеса и доставить его в кандалах в Испанию. Но, удостоверившись, какую огромную страну завоевал Кортес и какой неограниченной властью он там пользуется, королевский комиссар поспешил набить карманы золотом и отправиться восвояси.

Когда Карл V убедился, что Кортес вовсе и не помышляет выходить из-под его власти, он решил официально закрепить за Испанией новые территории, завоеванные отважным конкистадором. Декретом от 15 декабря 1522 г. король назначил Кортеса наместником, главнокомандующим и верховным судьей Новой Испании — так была названа Кортесом Мексика.)

Однако интриги против Кортеса со стороны его многочисленных врагов и завистников на этом не прекратились. Ему постоян-

но приходилось быть начеку, предотвращать всевозможные заговоры и смуты, которые то и дело возникали не только среди побежденных, но и в лагере самих завоевателей. «Мне было легче бороться с ацтеками, чем с моими соотечественниками», — говорил Кортес.

После взятия Теночтитлана он приступил, не теряя времени, к организации колониальной системы и к утверждению своей власти в мексиканской столице, которую по его приказанию очистили от развалин и снова начали заселять. Он привлекал сюда на жительство индейцев, которых до поры до времени оставлял под властью местных касиков. Но вскоре Кортес обратил всех мексиканских индейцев в рабство, за исключением тлашкаланцев, за которыми были сохранены определенные привилегии. При этом Кортес придерживался принятой во всех испанских колониях системы «репартимьенто»: испанцы получили земельные наделы вместе с прикрепленными к ним рабами-индейцами. Миссионеры-францисканцы уже через двадцать лет обратили в христианство все население Мексики.

Укрепив свое господство в Мексике, Кортес посылал отряды испанцев в отдаленные области этой обширной страны, чтобы покорять туземцев и основывать новые колонии. Отряды доходили до берегов Тихого океана, и испанцы торжественно вступали во владение этими водами, водружая в разных местах побережья большие кресты. Вместе с тем во многих провинциях были построены крепости и форты.

В 1523 г. Кортес отправил одного из своих любимцев Кристобаля Олиду во главе большой экспедиции (шесть кораблей и триста семьдесят человек экипажа) на завоевание Гондураса, (страны, по слухам, настолько богатой золотом и серебром, что «индейцы тамошних мест при рыбной ловле употребляют грузила из чистого золота».)^{*} Другой целью этой экспедиции было отыскание пролива, соединяющего Атлантический океан с Тихим. Долгое время от Олиды не было никаких известий, а потом стали доходить слухи, что он вошел в соглашение с Веласкесом и отдался от Кортеса. (Чтобы наказать изменника, Кортес направил к берегам Гондураса новый отряд во главе с Франсиско Лас Касасом, который попал со своими людьми в плен к Олиде, а потом сумел найти случай его убить. После этого Лас Касас основал город Трухильо, а Кортес, не получая и от этой экспедиции никаких известий, «стал сильно беспокоиться и, не очень надеясь

на море, решил самолично отправиться сухим путем в Гондурас на выручку своим».) Кортес выступил в поход в октябре 1524 г. с отрядом из ста тридцати конных и ста двадцати пеших воинов, не считая пехотинцев-рекрутов, недавно прибывших из Испании, и трех тысяч индейцев. Чтобы в его отсутствие не возникло никаких волнений, он взял с собой Куаутемока и касика провинции Тескоко.

Поход оказался невероятно трудным и мучительным. Путь лежал через мексиканские земли и Юкатан. Приходилось идти по болотистой и топкой местности, продирались через густые тропические леса, наводили переправы через бурные реки, страдать от голода, зноя и москитов.

Отряд приближался уже к провинции Акулан, когда был обнаружен заговор, во главе которого, как показалось Кортесу, стоял Куаутемок. Заговорщики поставили своей целью перебить всех испанцев, а потом вернуться в Мехико и поднять всеобщее восстание. Хотя главарей найти не удалось, но Кортес тотчас же арестовал Куаутемока и находившихся при нем в отряде знатных ацтеков. Напрасно Куаутемок уверял его в своей непричастности к заговору: Кортес приказал повесить на глазах у всего отряда низложенного государя и его предполагаемых сообщников. «Казнь Куаутемока, — говорит Берналь Диас, — была, несомненно, великой несправедливостью, и почти все мы, испанцы, были такого мнения».

(Мы не будем останавливаться на всех лишениях и страданиях, которые испытали участники этой экспедиции. Только к началу мая 1525 г. Кортес со своим сильно поредевшим отрядом достиг берега Гондурасского залива. Узнав о благоприятно сложившейся для него после убийства Олиды обстановке в Гондурасе, он поспешил обратно в Мексику.)

В то же самое время он доверил Альварадо командование тремя сотнями пехотинцев, шестью сотнями кавалеристов и четырьмя пушками, а также вспомогательным индейским отрядом. Альварадо отправился на юг Мексики для завоевания Гватемалы. Он завоевал провинции Сакатулан, Теуантепек, Соконуско, Утлатлан, заложил город Гватемала-ла-Бьеха, а во время последующего своего путешествия в Европу был наименован Карлом V губернатором всех покоренных им земель.

Не прошло и трех лет после первого похода Кортеса, как под властью кастильской короны оказалась территория, прости-

рающаяся более чем на четыреста лье вдоль берегов Атлантического океана и более чем на пятьсот — вдоль Тихого; и всю эту огромную территорию, за малым исключением, отличало совершенное спокойствие.

Вернувшись в Мехико после бесполезной экспедиции в Гондурас, которая стоила испанцам почти столько же времени и почти столько же мучений, как и завоевание Мексики, Кортес через несколько дней получил от своего временного заместителя уведомление с приглашением отправиться в Испанию, чтобы очиститься от обвинений. Он не торопился подчиниться этому приказу, надеясь, что это распоряжение будет отозвано. Но неутомимые клеветники, озлобленные враги, как в Испании, так и в Мексике, так надели на Кортеса, что тот почувствовал себя обязанным поехать и представить свои оправдания, изложить свои жалобы и открыто потребовать одобрения своего поведения.

Итак, Кортес уехал в сопровождении своего друга Сандовалья, де Тапия и нескольких ацтекских вождей, в числе которых находился сын Монтесумы. Он высадился в Палосе в мае 1528 г., в том самом месте, куда ступил за тридцать пять лет до него Христофор Колумб, и был принят с таким же энтузиазмом и таким же ликованием, как и открыватель Америки. Он встретил здесь Франсиско Писарро, будущего завоевателя Перу, который прибыл из Нового Света, чтобы просить поддержки у испанского правительства. Из Палоса Кортес отправился в Толедо, где находился в то время королевский двор.

Известие о возвращении знаменитого конкистадора всколыхнуло всю Испанию и сразу же расположило в его пользу общественное мнение. Все возведенные на него обвинения в возмущении против королевской власти и в стремлении к независимости были мгновенно опрокинуты его внезапным появлением. Путь Кортеса из Палоса в Толедо превратился в настоящее триумфальное шествие. Все хотели видеть человека, совершившего столько подвигов. «Дома и улицы больших городов, — говорит Прескотт, — были переполнены зрителями, нетерпеливо ожидавшими проезда героя, который своими единоличными усилиями покорил для отечества целую империю и, окруженный великолепием и славой, казался не вассалом, а неограниченным монархом».

Карл V, конечно, понимал, что сама мысль о возможности наказания человека, прибавившего к его короне лучшую жемчужи-

ну, вызвала бы всеобщее негодование. Кортес получил несколько аудиенций и был награжден высшими знаками отличия. Король не отказался принять завоеванную им империю и великолепные подарки. Со своей стороны, Карл V полагал, что сделал для Кортеса все, пожаловав ему вместе с богатыми угодьями в Мексике титул маркиза дель Валье-Оахака и патент на чин «генерал-капитана Новой Испании и Южного моря». Но несмотря на все домогательства Кортеса, король так и не пожелал восстановить его в правах наместника. Вскоре Кортес женился на племяннице кастильского сановника герцога де Бехара. Суетная светская жизнь, так мало отвечавшая деятельной натуре и привычкам конкистадора, довольно быстро приелась ему, и в 1530 г. он снова отправился в Мексику.

(Здесь Кортесу пришлось столкнуться с так называемой «Аудиенсией» — судебно-административной коллегией, посланной королем в Новую Испанию во главе с Нуньо Гусманом. «Аудиенсия» вместе со своим начальником самым беззастенчивым образом грабила и разоряла страну. «Вообще произвол все рос да рос, — пишет Берналь Диас. — Между прочим, клеймение рабов достигло небывалых размеров, так что провинция Пануко совершенно обезлюдела».

Больше всех бесчинствовал сам Нуньо Гусман. «Он предпринял поход в провинцию Халиско¹, где нахватал уйму золота, действуя гадкой хитростью и небывалым насилием».

Бесконечные ссоры и распри с королевским наместником и «Аудиенсией» так надоели «маркизу дель Валье-Оахака», что он уехал в свои обширные поместья и начал там заниматься земледелием. Он впервые ввел в Мексике сахарный тростник, шелковицу, коноплю и лен и стал заниматься разведением мериносовых овец.)

Но мирная жизнь, лишенная приключений, была чужда предприимчивому духу Кортеса. В 1532 и в 1533 гг. конкистадор снарядил одну за другой две экспедиции, которые отправились к северо-западу вдоль берегов «Южного моря» (Тихого океана). Одному из кораблей удалось достигнуть южной оконечности полуострова Калифорния, но пролив из Тихого океана в Атлантический, который так упорно искал Кортес, и на этот раз не был найден.

¹ Провинцией Халиско испанцы называли местности, лежащие у Калифорнийского залива.

Таков был печальный результат походов Кортеса, не принесший ни одного дуката¹, тогда как потрачено на них было не меньше трехсот тысяч золотых кастильяно.

(Так как вернувшиеся из экспедиции испанцы «восхваляли богатства новооткрытой земли», Кортес в 1536 г. сам отправился в Багряное море (Калифорнийский залив), но, кроме ужасающей жары, ничего там не нашел и вернулся разочарованный. Тем не менее в 1539 г. он послал туда еще одну экспедицию под начальством Франсиско Ульоа, который проник в глубину Калифорнийского залива, а затем, продолжив плавание вдоль западного берега полуострова, поднялся до двадцать девятого градуса северной широты. Отсюда Ульоа послал на одном из своих кораблей донесение Кортесу, а сам отправился дальше к северу и сгинул без следа.)

Все эти экспедиции стоили Кортесу огромных затрат (он снаряжал их на свои средства), но не принесли ни одного дуката. Однако для истории географических открытий они оказались безусловно ценными. Испанцы исследовали побережье Тихого океана от Панамского залива до реки Колорадо; прошли вокруг Калифорнии и выяснили, что этот воображаемый остров в действительности является полуостровом, а Багряное море — вовсе не море, а залив, глубоко врезающийся в континент.

Снаряжая экспедиции, Кортес должен был преодолевать сопротивление нового вице-короля Мексики Антонио Мендосы, которому Карл V дал это назначение, не посчитавшись с претензиями «маркиза дель Валье-Оахака», полагавшего, что этот пост по праву должен принадлежать ему. Измученный беспрестанными придирками, оскорбленный игнорированием его наместнических прав, Кортес вновь отправился в Испанию искать справедливости у монарха. Но этот его приезд не походил на первый. Счастье окончательно отвернулось от постаревшего, утомленного конкистадора. Ему нечего уже было ждать от правительства, и он это скоро понял. Однажды, пробившись через толпу, окружавшую королевский выезд, он вскочил на подножку кареты Карла V. Сделав вид, что не узнает его, король спросил у своих сановников, кто этот человек. «Тот самый, — ответил гордо Кортес, — кто подарил вам больше владений, чем ваши предки оставили вам городов».

¹ Дукат — золотая монета некоторых западноевропейских стран. Вес венецианского дуката составлял 3,5 г почти чистого золота.

Интерес испанцев к Мексике начал остывать. Она не принесла сказочных богатств, обманув возлагавшиеся на нее надежды. Все внимание королевского двора было обращено теперь к перуанским сокровищам. Перу затмило Мексику. (Вот почему незаурядная личность Кортеса утратила ореол, которым еще недавно окружало его общественное мнение Испании.) Правда, Кортеса с почетом приняли в Совете по делам Индий, выслушали его претензии и обещали вынести справедливое решение, но разбор дела все откладывался и затягивался до бесконечности.

В 1541 г. Кортес принимал участие в качестве добровольца в алжирском походе Карла V. Страшная буря уничтожила почти весь испанский флот. Погиб и корабль Кортеса. Сам он со своими оруженосцами и слугами с трудом спасся, но потерял три огромных изумруда, стоившие, по его словам, целого царства. Карл V решил прервать злополучный поход, но Кортес был иного мнения. Он сказал королю, что берется с оставшимися немногими силами атаковать и взять Алжир, если ему будет передано командование. Однако его предложение не было принято.

Вернувшись в Испанию, Кортес возобновил свои хлопоты, но так же безуспешно. Все эти неудачи окончательно подорвали его здоровье, и силы его стали угасать. Последние годы своей жизни он провел в Испании, больной и забытый, и 10 ноября 1547 г. умер в Кастильехо-де-ла-Куэста (под Севильей).

«Это был странствующий рыцарь, — говорит о нем Прескотт. — Из всей плеяды испанских конкистадоров XVI в., прославившихся на поприще открытий и завоеваний, не было ни одного человека, так глубоко проникнутого романтикой авантурных предприятий, как Эрнандо Кортес. Борьба воодушевляла его, и он любил приступать ко всякому делу с труднейшей стороны...»

Страсть к романтическому могла бы принизить завоевателя Мексики до уровня обычного авантюриста; но Кортес был, без сомнения, проницательным политиком и великим военачальником, если можно так называть человека, совершавшего великие поступки с помощью одного лишь таланта. В истории нет другого такого примера, чтобы столь крупное начинание было доведено до удачного конца при столь недостаточных средствах. Можно даже утверждать, что Кортес покорил Мексику на свои собственные деньги.

Его влияние на умы солдат было естественным результатом их веры в его способности, но это можно приписать равным образом

и его простой манере общения, что делало Кортеса в высшей степени подходящим для командования шайкой авантюристов. Когда конкистадору удалось достичь самых высоких должностей, он стал вести себя высокомерно, но его ветераны по меньшей мере продолжали оставаться с ним в очень близких отношениях.

Заканчивая характеристику этого конкистадора, повторим слова простодушного историка завоевания Мексики Берналя Диаса: «Кортес предпочитал свое имя всем титулам, на которые мог претендовать, и в этом отношении он был прав, потому что имя Кортеса значит для испанцев не меньше, чем для римлян имя Цезаря или имя Ганнибала для карфагенян».

Старый хронист заканчивает штрихом, хорошо отражающим религиозное сознание XVI в.: «Видимо, компенсацию он должен был получить в лучшем мире, и я в это полностью верю; ибо это был порядочный человек, очень искренний в своем благоговении перед Пресвятой Девой, святым апостолом Петром и перед всеми святыми».

III

Союз трех завоевателей. – Франсиско Писарро и его братья. – Диего де Альмагро. – Открытие Перу испанцами. – Страна, население, инки. – Завоевание Перу. – Пленение Атагуальпы, его выкуп и смерть. – Поход на Кито и соперничество конкистадоров. – Осада Куско и борьба Альмагро с братьями Писарро. – Педро де Вальдивия и завоевание Чили. – Экспедиция Гонсало Писарро. – Франсиско де Орельяна и открытие Амазонки. – Умерщвление Франсиско Писарро. – Восстание Гонсало Писарро и его казнь.

Едва собранные Бальбоа сведения о богатстве расположенных к югу от Панамы стран стали известны испанцам, как были организованы многочисленные экспедиции, дабы покорить эти края. Но все они кончались неудачно — то ли оттого, что их руководители оказывались не на высоте своих задач, то ли вследствие недостаточности средств. К тому же надо признать, что земли, исследованные этими первыми авантюристами (пионерами, как скажали бы в наши дни), никоим образом не соответствовали тому, чего ждала от этих территорий жадность испанцев.

Испанцы, пыгавшиеся проникнуть в глубь материка, сталкивались с огромными трудностями. Высокие горы, непроходимые болота, густые тропические леса создавали для завоевателей серьезные препятствия, к которым прибавлялось еще упорное сопро-

тивление воинственных туземцев. Вследствие этого продвижение испанцев к югу на некоторое время приостановилось. Если и вспоминали теперь о чудесных рассказах Бальбоа, то разве только ради шуток.

Между тем в Панаме жил один испанец, которому суждено было доказать, насколько достоверны все эти слухи о баснословных богатствах стран, омываемых Тихим океаном. Это был Франсиско Писарро, предприимчивый искатель приключений, сопровождавший Васко Нуньеса де Бальбоа в его плавании по Южному морю.

(Решив во что бы то ни стало добраться до «золотого царства», Писарро мог рассчитывать только на свою личную храбрость и неукротимую энергию, так как не располагал никакими средствами.) Поэтому он вынужден был заключить союз с двумя другими авантюристами, которые согласились снарядить экспедицию на свои деньги. Одного из них звали Диего де Альмагро, другого — Эрнандо де Луке. Скажем несколько слов об этих трех компаньонах.

Франсиско Писарро родился в испанской провинции Эстремадура, близ города Трухильо. Год его рождения точно не установлен, известно только, что он родился не ранее 1471-го и не позже 1478 г. Будущий завоеватель был незаконным сыном идальго, некоего Гонсало Писарро, который научил своего сына пасти свиней, но не позаботился обучить грамоте. Профессия свинопаса вскоре надоела юному Писарро, и, когда из стада пропала одна свинья, он больше не вернулся в отчий дом, где постоянно сносил побои за самую ничтожную провинность.

Писарро поступил в солдаты, провел несколько лет в сражениях с итальянцами, а в 1510 г. отправился искать счастья на Эспаньолу. Здесь он «отличился» в битвах с индейцами, потом перебрался на Кубу, вошел в доверие к Охеде и сопровождал его в экспедиции к Дарьенскому заливу. Позже перешел на службу к Бальбоа, а после казни последнего — к наместнику «Золотой Кастилии» Педро Ариасу д'Авиле, которому оказал много ценных услуг.

Если Писарро был незаконным сыном идальго, то Диего де Альмагро — просто подкидышем. Существует легенда, что в 1475 г. его нашли младенцем в деревне Альмагро, от которой он и получил свое имя. Диего вырос среди солдат, еще совсем молодым отправился в Америку и ради золота готов был пойти на самые рискованные предприятия.

Что касается Эрнандо де Луке, то он принадлежал к духовному сословию и был сначала школьным учителем в городе Дарьене, а затем священником в Панаме. Де Луке решил рискнуть своим состоянием ради будущих богатств.

Самому молодому из этих авантюристов было пятьдесят лет. Испанский историк Гарсиласо де ла Вега рассказывает, что, когда в Панаме узнали о проекте Писарро, он и его компаньоны сделались предметом всеобщих насмешек. Особенно потешались над Эрнандо де Луке, которого стали называть «Hernando el Loco», то есть Эрнандо Безумный.

Участники предприятия быстро договорились между собой и разделили обязанности. Луке согласился предоставить большую часть денежных средств для снаряжения кораблей и выплаты жалованья солдатам; Альмагро, поставив на карту все свои сбережения, руководил подготовкой экспедиции; Писарро, владевший только шпагой, платил другой монетой. Именно он принял на себя командование первой экспедицией, которую мы опишем более подробно, потому что здесь ярко проявляются упорство и непобедимое упрямство конкистадора.

(Четвертым, неофициальным, компаньоном стал панамский наместник Педро Ариас д'Авила, которому предложили четвертую долю будущей добычи за одно лишь обещание не чинить препятствий инициаторам экспедиции.

С трудом снарядив один корабль, в ноябре 1524 г. Франсиско Писарро вышел из панамского порта на поиски «Золотого царства». С ним было сто четырнадцать солдат и матросов. Оставив позади Пуэрто-де-Пинас — последний пункт, до которого в то время доходили испанцы, Писарро достиг устья реки Биру (отсюда и происходит название Перу, обширной страны, простирающейся на тысячу двести миль вдоль побережья Тихого океана).

Писарро, поднявшись вверх по течению, хотел было высадиться на берег, но везде встречал только топкие берега и непроходимые девственные леса. Покинув эту негостеприимную местность, он поплыл дальше вдоль берега моря.

Плавание оказалось чрезвычайно тяжелым. Испанцев преследовали тропические ливни и непрерывные бури. Лихорадка и нестерпимый зной подтачивали силы людей. Вскоре подошли к концу съестные припасы, и среди экипажа поднялся ропот. Но Писарро продолжал упрямо продвигаться вперед, пока люди ре-

шитительно не запротестовали. Тогда он отправил в Панаму за припасами своего ближайшего помощника Монтенегро, а сам с отрядом из пятидесяти человек высадился на берег. В этом месте, названном Пуэрто-де-ла-Амбре (Голодная гавань), многие испанцы погибли от голода и в стычках с индейцами. Когда наконец появился долгожданный корабль Монтенегро, Писарро был уже не в состоянии двигаться дальше и предпочел вернуться в селение Чикама, близ Панамы, чтобы собраться с новыми силами, прежде чем приступить к завоеванию «Золотого царства».)

Между тем Диего де Альмагро, снарядив второй корабль, вышел из Панамы с семьюдесятью испанцами по следам своего компаньона, оставлявшего по пути условные знаки. (Не застав его в Пуэрто-де-ла-Амбре, Альмагро двинулся дальше, пока не достиг устья реки Сан-Хуан в 4° северной широты (в нынешней Колумбии). Каждая высадка испанцев на берег сопровождалась ожесточенными стычками с индейцами. В одном сражении Альмагро лишился глаза. Разгромив и предав огню несколько селений, он решил повернуть обратно и, плывя вдоль берега, достиг Чикамы, где и нашел Франсиско Писарро с остатками его отряда.)

Соединив свои силы, оба конкистадора стали обдумывать план новой экспедиции в Перу. Людей у них было мало, припасы иссякли, средства истощились. Конкистадорам не оставалось ничего другого, как вернуться в Панаму и просить о содействии жадного и упрямого д'Авилу. (Встретив с его стороны решительный отказ, Писарро и Альмагро снова прибегли к помощи священника Луке; последнему удалось заинтересовать богатых купцов и чиновников и добыть необходимые средства. И тогда три компаньона заключили беспримерный в истории договор, согласно которому каждому причиталась третья часть будущей добычи, причем ни один из них не имел понятия не только о величине и могуществе, но даже о местоположении «Золотого царства», которое они собирались завоевать.

Примечательно, что под договором мог расписаться один только Эрнандо де Луке. Неграмотные же Писарро и Альмагро вывели вместо подписей кресты, а их имена проставили рядом два панамских жителя.

Заключив договор, Писарро и Альмагро не без труда набрали отряд из ста шестидесяти человек и, закупив все необходимое, отправились на своих двух кораблях во второе плавание. Конкистадоры достигли без помех устья реки Сан-Хуан и поплыли

вверх по течению. Они разорили несколько туземных деревень и захватили богатую добычу.

Однако индейцы здесь были более цивилизованными, чем в других, уже завоеванных испанцами областях. С малыми силами нечего было и думать о покорении этой густонаселенной страны. Необходимо было получить подкрепление. Эта задача была возложена на Альмагро, который тотчас же отправился обратно в Панаму с захваченным у индейцев золотом, чтобы заняться вербовкой добровольцев. Другой корабль Писарро отправил под командой опытного кормчего Бартоломе Руиса к югу на разведку, а сам остался со своим отрядом в захваченной индейской деревне с намерением исследовать близлежащие местности.

Бартоломе Руис успешно выполнил свою задачу: избегая столкновений с индейцами, он продвинулся далеко на юг, почти до экватора. Перед изумленными испанцами открывались цветущие, цивилизованные области, хорошо возделанные поля, богатые селения.

Руис встретил в море парусный корабль, который оказался перуанской «бальзой» — большим плотом с навесом, двумя мачтами и парусами. На бальзе находились мужчины и женщины в ярких одеждах из тонкой ткани. От них испанцы узнали о существовании государства инков, о роскошных дворцах, храмах и сокровищах города Куско и о близлежащем городе Тумбесе. Обрадованный кормчий, захватив с собой нескольких перуанцев, чтобы использовать их впоследствии в качестве переводчиков, отправился в обратный путь и присоединился к отряду Писарро.

Тем временем Альмагро на вербовал в Панаме еще восемьдесят добровольцев из числа вновь прибывших испанских колонистов и также присоединился с ними к Писарро. Экспедиция, теперь уже в полном составе, двинулась дальше на юг, вдоль узкой береговой полосы, окаймляющей горную цепь. Вскоре экспедиция достигла границы страны перуанских индейцев — инков. Однако начать завоевание этого обширного государства с такими ничтожными силами Писарро все еще не решался, так как несколько столкновений с перуанцами кончились не в его пользу. Выбрав для стоянки небольшой остров Гальо, он остался на месте со своим отрядом, еще раз отправив Альмагро в Панаму за подкреплением.)

Однако Педро де лас Риос, новый наместник, присланный в «Золотую Кастилию» после смерти д'Авилы, запретил Альмагро

вербовать добровольцев для этого «безрассудного предприятия» и отправлять их «на верную погибель». Он не только не помог Альмагро, но направил к острову Гальо корабль за Писарро и его спутниками. Такой исход предприятия отнюдь не улыбался Альмагро и Луке. Они уже понесли большие затраты и не намерены были отказываться от своих надежд, особенно после того, как Бартоломе Руису удалось захватить нескольких перуанцев. О богатстве этой страны можно было судить по их золотым и серебряным украшениям.

Оба компаньона поспешили послать своего доверенного к Писарро, предложив ему настаивать на продолжении экспедиции и отказаться от повиновения наместнику, тот, разумеется, внял этим советам. Но напрасно он расточал соблазнительные обещания своим измученным, изголодавшимся спутникам. Когда прибыл корабль, посланный наместником, все они, за исключением двадцати человек, покинули незадачливого конкистадора.

И вот с этими бесстрашными людьми, среди которых находились кормчий Бартоломе Руис и будущий историк завоевания Перу — Франсиско Ксерес, Писарро поселился вдали от берега на необитаемом острове, названном им Горгоной. Испанцы провели там семь долгих месяцев, терпеливо дожидаясь обещанной помощи от Альмагро и Луке. Жили они впроголодь, питаясь рыбой, моллюсками и съедобными кореньями.

Наконец, под влиянием настойчивых просьб Альмагро и единодушного протеста испанских колонистов, требовавших оказать помощь людям, все преступление которых состояло в упорном преследовании поставленной цели, Педро де лас Риос согласился отправить на остров Горгону небольшое судно с приказом привезти в Панаму Писарро и его спутников. Чтобы Писарро не использовал в своих интересах это судно, на его борту не было ни одного солдата и никакого военного снаряжения.

Когда корабль прибыл на Горгону и капитан огласил приказ наместника, все тринадцать авантюристов, забыв о своих лишениях, стали уговаривать приехавших за ними матросов отправиться к берегам Перу за богатой добычей. Уговоры подействовали. Писарро завладел кораблем и, вместо того чтобы вернуться в Панаму, направился с двумя десятками испанцев в южном направлении, вдоль берега нынешнего Эквадора, пока не пересек залива Гуаякиль и не достиг затем перуанского города Тумбеса, расположенного под 3^о южной широты. Там испанцы увидели ве

ликолепный храм и дворец, принадлежащий инкам, правителям страны.

Страна была густо заселена и земля хорошо обработана; но что особенно восхитило испанцев и заставило их думать, что они наконец открыли то самое «Золотое царство», о котором ходило столько разноречивых слухов, — так это изобилие золота и серебра. Драгоценные металлы шли здесь не только на изготовление украшений и предметов роскоши, но и на выделку всевозможных сосудов и домашней утвари.

Посланные внутрь страны Педро де Кандиа и Алонсо де Молина привезли сведения, от которых все участники экспедиции пришли в восторг. Перуанцы радушно встретили белых людей, охотно показали им свои просторные каменные дома и угостили вином из золотых и серебряных кубков. Особенно поразили испанцев «маленькие верблюды» — ламы. Писарро приказал достать для него несколько золотых сосудов и две-три пары лам. Затем он завлек к себе на корабль двух туземцев, чтобы выучить их испанскому языку и при следующем посещении страны воспользоваться ими в качестве переводчиков. После этого конкистадор отправился дальше на юг, встречая повсюду такое же гостеприимство и доверчивое отношение жителей, как и в Тумбесе. Вместе с тем он все более и более убеждался в невозможности покорить эту могущественную страну теми слабыми силами, которыми он располагал. Достигнув 8^о южной широты, где позднее был основан город Трухильо, Писарро вынужден был повернуть обратно и после восемнадцатимесячного плавания прибыл со своими спутниками в Панаму, где их считали давно погибшими.

Прошло свыше трех лет с тех пор, как Писарро предпринял первую попытку проникнуть в Перу. Неудачные экспедиции вконец разорили его компаньонов Луке и Альмагро. Писарро ничего не оставалось, как еще раз обратиться за помощью к наместнику. Но Педро де лас Риос был по-прежнему непреклонен и запретил вербовать в Панаме добровольцев. Горя желанием приступить к завоеванию вновь открытой страны, Писарро решил добиться аудиенции у самого Карла V. Он занял необходимую для поездки сумму и в 1528 г. отправился в Испанию, надеясь заинтересовать короля перуанскими золотыми изделиями, шерстяными тканями и не виданными в Европе ламами.

Нелегко ему было добиться аудиенции у Карла V. Расписав королю в самых соблазнительных красках страну, которую пред-

стояло завоевать. Писарро после долгих хлопот получил от него в качестве поощрения за свои труды звание наместника, военачальника, должность главного судьи, дворянский герб и пожизненную пенсию. Кроме того, он выговорил также награды и титулы для обоих своих компаньонов и для всех остальных участников экспедиции.

В ведение Писарро переходила обширная территория с точно не обозначенными границами, названная Новой Кастилией и примыкавшая к Панамскому наместничеству. Это высокое назначение ровно ничего не стоило Карлу V, так как Писарро сам же и должен был завоевать свое право называться наместником, а жалование ему разрешено было отчислять из «доходов страны», то есть из будущей добычи. Несмотря на то, что Писарро не получил никакой значительной субсидии, он принял на себя обязательство нанять за полгода двести пятьдесят человек и снабдить корабли оружием и припасами.

Фактически помощь испанского правительства выразилась только в милостивом разрешении конкистадору предпринять на свой страх и риск завоевание Перу и приобщить завоеванную страну к испанским владениям.

Закончив переговоры в правительственных учреждениях, Писарро отправился первым делом в свой родной город Трухильо (в области Эстремадура). Здесь он завербовал в состав экспедиции четырех родственников: трех сводных братьев по отцу — Эрнандо, Гонсало и Хуана — и брата по матери Франсиско де Алькантара, человека, ничем себя впоследствии не проявившего. Потом Писарро объехал всю Эстремадуру, стараясь набрать добровольцев, которые, однако, не шли толпами на его зов, несмотря на щедрые посулы будущих наград и титулов.

Наконец в начале 1530 г. Писарро вернулся в Панаму, где сразу же столкнулся с новыми неожиданными осложнениями и трудностями. Диего де Альмагро видел в нем теперь не союзника, а соперника. Если Эрнандо де Луке королевским указом назначался епископом Новой Кастилии, то для Альмагро, честолюбие и способности которого были хорошо известны, Писарро выхлоптал только дворянское звание, денежную награду — жалкие пятьсот дукатов — и начальство над еще не существующей крепостью в Тумбесе. Альмагро, потративший в более ранних путешествиях все, что он имел, остался недовольным той незначительной долей, которую ему предложили, и отказался принять участие в новой

экспедиции, пожелав организовать таковую за свой счет. Нужна была вся ловкость Писарро, поддержанная обещанием уступить компаньону должность *adelantado*¹, чтобы успокоить Альмагро и заставить его согласиться возобновить прежний союз.

Однако средства Писарро, Альмагро и Луке были так ограничены, что они снарядили только три небольших корабля и нантербовали всего лишь сто восемьдесят солдат, правда, среди них было тридцать шесть всадников. В январе 1531 г. Писарро в сопровождении четырех сводных братьев отправился в свое последнее плавание к берегам Перу, в то время как Альмагро остался в Панаме, чтобы исподволь подготовить вместе с Луке вспомогательную экспедицию.

На тринадцатый день маленькая флотилия, отнесенная ураганом на сто миль ниже ранее намеченного места, пристала к берегу в бухте Сан-Матео. Высадившись с конными и пешими людьми, Писарро продвигался отсюда к югу, а корабль следовал за ним вдоль побережья.

Путь оказался неимоверно трудным. Страна, в этих местах почти безлюдная, была покрыта горами и изрезана стремительными потоками. Переправу через горные реки удавалось наводить лишь у самого устья, где течение было менее бурным.

(Наконец Писарро дошел со своим отрядом до небольшого города в провинции Куско. Перуанцы, слышавшие от жителей Тумбеса о доброте и вежливости белых людей, встретили их с распростертыми объятиями. Писарро, не преминув воспользоваться доверчивостью перуанцев, разграбил город, захватил большую добычу и отправил в Панаму два корабля с богатым грузом золота, серебра и драгоценных камней. Теперь у него были все основания надеяться, что соблазнительная приманка заставит многих испанских авантюристов присоединиться к его отряду.)

Потом завоеватель отправился еще дальше к югу и высадился в Портовехо. Здесь вскоре к нему присоединились новые добровольцы — Себастьян Белалькасар и Хуан Фернандес, прибывшие из Панамы с двенадцатью кавалеристами и тридцатью пехотинцами.

Паника среди индейцев, произведенная в Мексике лошадьми и грохотом огнестрельного оружия, повторилась с не меньшим эффектом и в Перу, и это помогло Писарро беспрепятственно достигнуть острова Пуна в заливе Гуаякиль, где конкистадор решил

¹ Губернатор пограничной провинции (*исп.*).

дождаться прибытия новых подкреплений. Но островитяне, более воинственные, чем их соотечественники на материке, в течение полугода мужественно отражали все атаки испанцев. Несмотря на то, что Писарро, получив из Никарагуа подкрепление, приказал захватить и обезглавить касика Тоналу и еще шестнадцать местных вождей, ему все же не удалось сломить сопротивление перуанцев, и он вынужден был вернуться на материк.

Но и здесь его ждало большое разочарование. Когда в мае 1532 г. испанцы вошли в Тумбес, они увидели вместо богатого, процветающего города груды дымящихся развалин. Оказалось, что жители, уstraшенные жестокостью завоевателей, ушли в горы и разрушили свой город, лишь бы он не достался ненавистным чужеземцам. Вскоре испанцев стали валить тяжелые болезни: тропическая лихорадка, дизентерия, нарывы, покрывавшие все тело. Туземцы держали завоевателей под страхом неожиданных нападений. Недовольные испанские солдаты готовы были взбунтоваться.

Чтобы предотвратить крушение всех своих планов, Писарро решил переменить тактику. Он понял, что для успеха дела необходимо во что бы то ни стало вернуть доверие перуанцев. Поэтому он приказал своим людям прекратить военные действия и всячески старался внушить местным жителям, что пришел в их страну с мирными целями и все столкновения, которые происходили до сих пор, были вызваны только печальными недоразумениями. Мир с перуанцами на некоторое время был восстановлен. Писарро собрался с новыми силами и в сентябре 1532 г. выступил со своим отрядом в поход внутрь страны.) Из Тумбеса он двинулся вниз по течению реки Пьюра и открыл близ ее впадения в океан лучшую на этом побережье гавань Пайту. Затем он основал у устья реки Кило крепость Сан-Мигель, чтобы корабли, прибывающие из Панамы, находили удобную стоянку. Здесь к Писарро явились посланцы от низложенного перуанского властителя Гуаскара с просьбой помочь ему справиться со своим братом Атагуальпой и наказать похитителя престола.

В то время когда испанцы предприняли завоевание Центральной Америки, государство Перу простиралось на полторы тысячи миль вдоль побережья Тихого океана и далеко вдавалось внутрь материка, за высокою цепь Анд. В древности население этой страны состояло из диких племен, не знавших никакой цивилизации и находившихся в состоянии вечной междоусобной войны.

Проходили века, все оставалось в том же положении, и ничто не предвещало наступления новой эры, пока, как гласит легенда, на берегу озера Титикака перед изумленными индейцами не появились мужчина и женщина, объявившие себя детьми солнца. Люди эти были красивы и величественны; звали их Манко Капак и Мама Оэльо. Инки приписывали им основание своей цивилизации. Как рассказывает легенда, эти мифические родоначальники объединили множество кочующих племен и еще за двенадцать веков до прихода испанцев заложили столицу государства Куско. Манко Капак обучил мужчин земледелию и ремеслу, а Мама Оэльо научила женщин прядению и ткачеству. Положив начало общественной жизни перуанцев, божественная чета оставила своим подданным религию, законы и государственное устройство. Перед тем как покинуть землю и вернуться в небесные чертоги, родоначальники установили в Перу владычество своих потомков. Так, по преданию, была основана династия инков (инка — значит правитель, господин).

Государство инков, занимавшее сперва лишь окрестности Куско, быстро расширяло свои границы и растянулось на тридцать градусов — от островов Жемчужных до тропика Козерога. Правители Перу пользовались такой же неограниченной властью, как азиатские деспоты. «Кажется, в мире не было такой страны, — говорит испанский историк Сарате, — где подданные были бы так послушны и покорны. Инка был одновременно и вождем племени, и верховным жрецом. Прямой потомок Манко Капака и Мама Оэльо, он считался божеством — живым воплощением Солнца. Достаточно было инке вручить человеку, на которого распространялась его милость, одну только нить из своей диадемы, чтобы человек, ошарашенный этим символом власти, видел вокруг себя изъявления всеобщего уважения и покорности. Вельможе было бы легко без всякой помощи солдат истребить население целой провинции. Верховная власть инки внушала такой благоговейный трепет, что нить из его диадемы могла стоять жизни тысячам людей, готовых встретить смерть без всякого сопротивления».

Впрочем, древние летописцы единодушно утверждают, что инки старались не злоупотреблять своей властью и заботились о благе подданных. Во всей династии из двенадцати наследовавших друг другу верховных вождей не было ни одного, который оставил бы о себе дурную память. Можно ли еще где-нибудь в мире

найти страну, летописи которой передавали бы аналогичные факты? Не достойно ли сожаления, что испанцы внесли в эту страну войну со всеми ее ужасами, свои болезни, свои пороки и свои предрассудки, горделиво называя все это цивилизацией? И не следует ли пожалеть о том, что некогда счастливый и богатый народ дошел до такого униженного состояния, что в памяти его бедных обездоленных потомков не осталось даже воспоминаний о своем былом величии, которые помогли бы им переносить нынешнюю горькую участь!

Перуанцы сохраняли свои предания с помощью странной системы узелков, которые завязывались на разноцветных шнурках. Такой способ фиксирования событий заменял отсутствовавшую письменность. Особые колонны и обелиски, установленные на площадях и возле храмов, помогали определять равноденствие и солнцестояние, к которым приурочивались сельскохозяйственные работы и религиозные праздники. Календарный год состоял из трехсот шестидесяти пяти дней и делился на двенадцать месяцев. Города были украшены величественными зданиями и статуями, выполненными с изумительным искусством. Перуанцы были самым просвещенным и цивилизованным народом из всех народов Нового Света.

Инка Гуайна Капак (при сыне которого Атагуальпе испанцы завоевали это обширное государство) значительно расширил свои владения и проложил дорогу через всю страну, от Кито до Куско. Если учесть, что строителям дороги пришлось срывать горы и засыпать пропасти, то легко вообразить, каковы были масштабы этого строительства! Распоряжения властителя передавались по всей стране гонцами, сменявшими друг друга через каждые два километра.

Выезд инки из дворца обставлялся с необыкновенной пышностью. Достаточно сказать, что трон монарха, сделанный из чистого золота, устанавливался на золотых носилках, к которым имели право прикасаться только знатнейшие особы империи.

В то время когда испанцы высадились на перуанском берегу, власть принадлежала двенадцатому инке Гуайна Капаку, женатому, вопреки древнему закону империи, на дочери покоренного монарха страны Кито. Гуайна Капак имел от нее любимого сына Атагуальпу и завещал ему после своей смерти власть над этой страной. Старший его сын Гуаскар, происходивший от матери, в жилах которой текла кровь инков, считался законным наследни-

ком престола и царствовал в Куско. Этот раздел власти, противный обычаю, установленному в Перу с незапамятных времен, вызвал в Куско такое недовольство, что Гуаскар, ободренный своими подданными, решил восстать против брата, не желавшего признать за ним верховного господства. Атагуальпа привлек своей щедростью большую часть воинов, сопровождавших его отца в походе на Кито; когда обе армии встретились, счастье улыбнулось узурпатору, и Гуаскар был низложен.

Не странно ли, что в Перу, так же как и в Мексике, испанцам благоприятствовали совершенно исключительные обстоятельства! В Мексике народы, покоренные ацтеками, подвергались таким притеснениям, что встретили испанцев как освободителей; в Перу междоусобная борьба двух братьев разъединила силы индейцев и помешала им дружно выступить против завоевателей, которых они легко могли бы смести с лица земли.

Писарро, принимая послов Гуаскара, пришедших просить у него помощи против Атагуальпы, которого они называли бунтовщиком и похитителем престола, сразу же смекнул, какую выгоду можно будет извлечь из этой междоусобной войны. Он понял, что если примет сторону одного из двух братьев, то быстро справится с обоими. Узнав от послов, где находится со своей армией Атагуальпа, Писарро смело двинулся в глубь страны во главе шестидесяти двух всадников и ста двадцати пехотинцев. Из всего отряда только двадцать человек были вооружены аркебузами и мушкетами. Большую часть запаса огнестрельного оружия Писарро оставил гарнизону крепости Сан-Мигель, рассчитывая, в случае неудачи похода, найти там убежище и дожидаться высадки вспомогательных войск.

Писарро направился к маленькому городу Кахамарка, лежавшему в горной местности, в десяти дневных переходах от берега. По пути испанцам пришлось пересечь безводную пустыню, покрытую жгучими песками и тянувшуюся на целых двадцать миль, до провинции Мотупе. В этой пустыне солдаты так изнемогали от зноя и жажды, что перуанцам ничего не стоило бы уничтожить всю экспедицию одним ударом. Но, к счастью для Писарро, Атагуальпа еще ничего не знал о его походе.

(Через несколько дней испанцы достигли подножия Анд. Прекрасная тенистая дорога круто поднималась в горы и скрывалась в диких ущельях. На каждом шагу Писарро могла подстергать засада. Но перуанцы проявили беспечность, и завоеватели благо-

получно достигли цветущей долины Кахамарки. Только тогда в лагере Атагуальпы узнали о появлении белых людей.

Скоро от инки прибыл гонец, и Писарро не замедлил заявить ему о своих дружеских чувствах и преданности. Он сообщил индейскому посланцу, что готов следовать воле монарха, признать его своим господином и уважать жизнь и имущество его подданных.) Прибыв в Кахамарку, Писарро благоразумно разместил свое войско в храме и во дворце инки, застраховав себя таким образом от внезапного нападения. Затем он отправил одного из своих братьев и офицера Эрнандо де Сото в сопровождении двадцати солдат в лагерь Атагуальпы, находившийся всего лишь в трех-четыре километра от города.

Послы были приняты перуанцами с большими почестями. Испанцев поразило обилие золотых и серебряных украшений и невиданная роскошь, окружавшая властителя. Атагуальпа согласился посетить лагерь Писарро и велел известить начальника белых людей, что явится к нему на следующий день и лично поздравит его с прибытием в Перу. Восторженные рассказы послов об удивительных богатствах Атагуальпы только утвердили Писарро в намерении изменнически завладеть инкой и его сокровищами.

Многие испанские авторы, в особенности Сарате, преднамеренно извращают факты, чтобы они не казались такими гнусными, и пытаются обвинить в измене Атагуальпу. Но в настоящее время собрано так много документов, что мы не можем вместе с Робертсоном и Прескоттом не признать чудовищного вероломства Писарро. Конкистадору было очень выгодно завладеть инкой и распоряжаться им, как своим орудием, подобно тому, как поступил Кортес с Монтесумой. Писарро не преминул воспользоваться простодушием и честностью Атагуальпы, поверившего его дружеским заверениям и ничуть не подозревавшего, что этот новоявленный «друг» собирается заманить его в западню и готовит ему гибель. Полное отсутствие совести в вероломной душе завоевателя, расчетливая хитрость, гнусное предательство — все это покрывает память Писарро вечным неизгладимым позором!

Писарро разделил свою кавалерию на три маленьких эскадрона, соединил всю пехоту в один отряд, укрыл стрелков по обочинам дороги, по которой должен был проехать инка, и оставил при себе около двадцати самых надежных и решительных воинов.

Атагуальпа, желая дать испанцам представление о своей силе и могуществе, приближался со всей своей армией. Он возлежал

на носилках, украшенных драгоценными камнями, разноцветными перьями, золотыми и серебряными пластинками. Его окружали шуты и танцоры, певцы и музыканты, а позади тянулась длинная процессия носилок с его приближенными. Свиту Атагуальпы замыкали солдаты и дворцовая челядь.

Как только инка приблизился к испанскому лагерю, навстречу вышел с переводчиком священник Висенте де Вальверде, получивший впоследствии за свое усердие звание епископа. Подойдя к перуанскому властителю с распятием в одной руке и с молитвенником в другой, отец Вальверде произнес длинную речь.

Он начал с сотворения мира, изложил сказание о потопе и грехопадении, поведал монарху историю Иисуса Христа, растолковал догматы христианской веры, сообщил о могуществе римского папы и о том, что папа Александр отдал во владение испанскому королю все страны Нового Света и, наконец, предложил Атагуальпе перейти в христианскую веру и подчиниться испанскому королю как своему законному повелителю. Если инка немедленно подчинится, заявил Вальверде, то испанский король возьмет Перу под свое покровительство и позволит инке продолжать царствовать. Отказ от повиновения чужеземцам повлечет за собой опустошительную войну и страшную месть.

Вот уж действительно необыкновенная встреча и по меньшей мере странная речь, тем более что красноречие священника было потрачено впустую! Да и вряд ли он мог надеяться убедить Атагуальпу в правоте христианских догматов. Ведь переводчик, плохо владевший испанским языком, не в состоянии был передать даже приблизительно смысл его проповеди! Но все-таки самое главное Атагуальпа понял: наглые требования, предъявляемые ему чужеземцами. Особенно его возмутили угрозы и все то, что касалось его власти. Ответ Атагуальпы был преисполнен негодования.

Инка заявил, что он хозяин в своей стране и не понимает, как могут ею распоряжаться без его согласия; он вовсе не намерен отречься от веры своих отцов и принять другую, не знакомую ему религию, о которой он услышал здесь впервые; что касается всего остального, то он ничего не понял; во всяком случае, все это для него чрезвычайно ново и он хотел бы услышать, откуда Вальверде узнал все эти истории.

— Из этой книги, — ответил священник, протянув ему Евангелие.

Атагуальпа взял книгу, с любопытством перевернул несколько страниц и, приложив к уху, сказал:

— Она ничего мне не говорит! — С этими словами он бросил ее на землю.

Это послужило сигналом к битве, вернее, к резне. Аркебузы и мушкеты были пущены в дело, всадники ринулись вперед, пехотинцы с мечами в руках набросились на ошеломленных перуанцев. Началось всеобщее смятение. Индейцы стали разбегаться во все стороны, даже и не пытаясь защищаться. Несмотря на то, что телохранители Атагуальпы сгрудились вокруг носилок, заслонив их своими телами, Писарро прорвался вперед, рассеял испуганную свиту и, схватив инку за длинные волосы, сбросил его с носилок.

Только ночь положила конец побоищу. Четыре тысячи перуанцев полегли на месте, еще больше было ранено и три тысячи взяты в плен. То, что произошло, не может быть названо сражением. Это была хладнокровная, заранее задуманная резня. Подтверждается это также тем фактом, что испанцы не понесли никаких потерь. Из всех нападающих был ранен только один человек — сам Писарро, да и то своим же солдатом, который неловко замахнулся мечом.

Добыча, собранная с убитых и в резиденции инки, превзошла самые смелые ожидания испанцев. Количеству собранных богатств соответствовал, конечно, и восторг завоевателей.

Сначала Атагуальпа переносил свое пленение довольно спокойно, тем более что Писарро, по крайней мере на словах, делал все возможное, чтобы облегчить его участь. Вскоре, заметив необузданную алчность своих тюремщиков, инка предложил за себя выкуп: он обещал наполнить комнату длиной около шести и шириной в четыре метра золотыми вазами и всевозможными изделиями из золота до такой высоты, какую достанет его рука. Писарро сразу же согласился. Тогда пленный инка разослал по всем провинциям гонцов с необходимыми распоряжениями, которые были незамедлительно и безоговорочно приняты к исполнению.

(Гуаскар, узнав, что испанцы обещали после получения выкупа вернуть Атагуальпе свободу, прислал сообщить Писарро, что если он покончит с Атагуальпой, то получит вдвое больше золота, чем мог предложить ему незаконный правитель Перу. Но Атагуальпа сумел предотвратить свидание Писарро с Гуаскаром. Инка подослал тайно своих приверженцев к брату, и те утопили его в реке Андамарке.

В то время как перуанцы собирали золото для выкупа своего монарха, Писарро, воспользовавшись тем, что войско Атагуальпы

было уже расформировано, послал Эрнандо де Сото с пятью испанцами в город Куско, чтобы они «помогли» доверенным лицам инки собирать золото, а своего брата Эрнандо направил во главе небольшого отряда в город Пачакамак, где находились две святыни перуанцев — храм Солнца и храм Создателя вселенной. Эрнандо Писарро не только разграбил оба храма, но и привез с собой в Кахамарку перуанского военачальника Чалькучиму, заявив ему, что его якобы желает видеть Атагуальпа. Тридцатитысячное войско Чалькучимы, оставшись без командира, быстро распалось. Таким образом, испанцам удалось одержать еще одну крупную победу.

Между тем Альмагро с большим трудом снарядил в Панаме вспомогательную экспедицию. В феврале 1533 г. он привел в Кахамарку сто пятьдесят пехотинцев и пятьдесят всадников. Но прибыл он слишком поздно, и помощь его была уже не нужна. Тем не менее по условиям договора он имел право на третью часть добычи. Писарро уговорил его взять меньшую долю и решил начать дележ, не дожидаясь, пока комната наполнится золотом до отметки на стене. Почти все художественные изделия были переплавлены в слитки. Общая стоимость золота, за вычетом пятой части в пользу испанского короля, составила 1 326 539 песо. Такого огромного выкупа не платил до того времени ни один монарх.)

Этот результат резни и грабежа был торжественно разделен между участниками экспедиции в день святого Якова, покровителя Испании, после благодарственной мессы. Какое отвратительное смешение благочестия и подлости, столь обычное в те времена диких суеверий и безудержной алчности!

На долю каждого всадника досталось по 8 тысяч песо, а пехотинцы получили по 4 тысячи песо золотом. Этим можно было заткнуть рты самым требовательным, учитывая, что поход был не долгим и не утомительным! Многие авантюристы, желая насладиться своим неожиданным богатством, стали проситься домой. Писарро охотно отпускал всех желающих, так как понимал, что слух о быстром их обогащении не замедлит привлечь к нему новых добровольцев. Своего брата Эрнандо он послал в Испанию с известием о триумфе и с королевской долей добычи. Вместе с Эрнандо отправились на родину шестьдесят испанцев. Все они уехали, тяжело нагруженные золотом и нисколько не обремененные укорами совести.

Как только Атагуальпа внес последнюю часть выкупа, он потребовал, чтобы его немедленно освободили. Но Писарро не намерен был выполнять свое обещание. Он хотел использовать власть и влияние Атагуальпы в стране, чтобы овладеть всеми богатствами Перу. Кроме того, Писарро подозревал, что инка отдал тайный приказ по всем провинциям собрать войска. Обманутый инка теперь уже не скрывал своего презрения к вероломному завоевателю, не более просвещенному, чем последний из его солдат. Отношения между испанцами и индейцами становились все более напряженными. Солдаты считали, что виноват во всем Атагуальпа, да и Писарро стал склоняться к мысли, что лучше от него избавиться. Чтобы придать очередному преступлению видимость законности, против инки был затеян судебный процесс.

Трудно найти что-либо более гнусное, чем этот суд, в котором Писарро и Альмагро были одновременно и судьями и обвинителями. Из статей обвинения одни были настолько смехотворны, а другие до того нелепы, что не знаешь, чему более удивляться: наглости или криводушию Писарро, подвергшего допросу властителя могущественного государства.

(Атагуальпа был признан виновным в незаконном захвате престола, в убийстве своего брата Гуаскара, в растрате золота страны, что нанесло ущерб испанской короне, в идолопоклонстве, в многоженстве, в попытке поднять восстание против законных властителей Перу — испанцев и т. д.)^{*} За все эти преступления «суд» приговорил его к публичному сожжению на костре. Но так как Атагуальпа в конце концов согласился принять крещение, чтобы только отвязаться в последние часы своей жизни от назойливого Вальверде, то новообращенного, в виде особой милости, не сожгли, а задушили тетивой от лука. Казнь Атагуальпы была повторением печальной истории властителя ацтеков Куаутемока. Эти два злодеяния резко выделяются даже среди бесчисленных зверств испанцев в Америке, где завоеватели не останавливались ни перед какими позорными преступлениями!

Правда, в разношерстном сборище авантюристов нашлось все же несколько человек, сохранивших чувство чести и собственного достоинства. Они пытались было выступить в защиту справедливости, но их слабые голоса были заглушены корыстолюбивыми речами Писарро и его сообщников.

Тогда губернатор пожаловал верховную власть сыну Атагуальпы по имени Пабло-Инка. Но война между братьями и со-

бытия, происшедшие после прихода испанцев, заметно ослабили привязанность перуанцев к своим императорам, а молодой человек, который вскоре должен был бесславно погибнуть, уже не имел больше такого авторитета, каким пользовался Манко Капак, сын Гуаскара, признанный народом Куско. К тому же некоторые из сановников вскоре попытались выделить отдельные «царства» из Перуанской империи: так поступил, например, Руминаги, правитель Кито, приказавший убить брата и детей Атагуальпы и объявивший себя независимым.

Испанцы умело воспользовались внутренними раздорами в стране. Писарро стремительно двинулся на Куско, решив, что теперь у него достаточно сил, чтобы покорить столицу Перу. В гавани Сан-Мигель высаживались толпы авантюристов, соблазненных рассказами о перуанских сокровищах, и спешили присоединиться к Писарро. Под его начальством собралось уже пятьсот человек, не считая значительного отряда, оставшегося в крепости Сан-Мигель во главе с Белалькасаром.

Во время похода на Куско происходили стычки с большими отрядами перуанцев, но все они кончились для них тяжелыми потерями и самыми ничтожными для завоевателей. 15 ноября 1533 г. испанцы вступили в город и немедленно овладели им. Но здесь их ждало разочарование: золота и драгоценных камней удалось собрать гораздо меньше, чем предполагалось, хотя добыча и превысила сумму выкупа Атагуальпы. Но испанцам показалось этого мало то ли потому, что они уже «освоились» со сказочными богатствами страны, то ли оттого, что теперь стало больше желающих принять участие в дележе.

Между тем Белалькасар, которому наскучило бездействие, воспользовался подкреплением, прибывшим из Никарагуа и Панамы, и отправился в Кито, где, по словам перуанцев, Атагуальпа оставил большую часть своих богатств. С отрядом из восьмидесяти всадников и ста двадцати пехотинцев он разбил войско Руминаги, преградившее ему путь, и благодаря своему мужеству и ловкости вступил победителем в Кито. Но ему пришлось испытать еще большее разочарование: сокровищ Атагуальпы в Кито вовсе не оказалось. (По-видимому, они были предусмотрительно вывезены и спрятаны жрецами.

Не успел Белалькасар укрепиться в завоеванном городе, как на сцену неожиданно выступило новое действующее лицо.) На перуанском побережье высадился с крупными силами сподвижник

Кортеса, губернатор Гватемалы Педро де Альварадо. Прикинувшись, будто он не знает, что провинция Кито подлежит ведению Писарро, новый претендент на завоевание Перу организовал экспедицию из пятисот человек, в числе которых было более двухсот всадников. Альварадо рассчитывал первым дойти до Кито, а потом уже отстаивать права фактического владельца. Высадившись в Портовьехо, он решил добраться до Кито без проводников, но выбрал по неведению самый худший и труднейший путь через Анды. После страшных страданий от жажды и голода, не говоря уже о горячем пепле извергающегося вулкана Чимборасо и о глубоких снегах на горных перевалах, экспедиция Альварадо, потеряв пятую часть своих участников и половину лошадей, достигла наконец долины Кито. Оставшиеся в живых были так измучены, что потеряли всякую боеспособность.

(Как только Писарро узнал о высадке Альварадо, он немедленно послал на спорную территорию своего компаньона Диего де Альмагро, поручив ему предварительно зайти в Сан-Мигель за подкреплением. Не застав в крепости Белалькасара, раздосадованный Альмагро отправился в поход на Кито с теми незначительными силами, которые были в его распоряжении.

Это трагикомическое состязание трех претендентов, из которых каждый хотел опередить и перехитрить своих соперников, как нельзя лучше характеризует бесчестные нравы испанских конкистадоров.

Можно себе представить удивление и беспокойство, охватившие спутников Альварадо, когда вместо ожидаемых индейцев они увидели перед собой отряд испанских солдат под начальством Альмагро! Оба отряда изготовились к бою. Но подоспевший в это время на помощь к Альмагро Белалькасар сообщил ему, что в Кито не оказалось никаких сокровищ. Альмагро понял, что сражаться, по сути дела, не из-за чего. Вступив в переговоры с Альварадо, он заключил с ним мировую сделку. Губернатор Гватемалы согласился за сто тысяч песо отказаться от своих притязаний и уступить Писарро весь свой флот и все военное снаряжение. После этого Альмагро вошел со своим отрядом в Кито и отправил к Писарро гонцов с донесением о новой блистательной победе.)

Пока в Перу происходили эти события, Эрнандо Писарро прибыл в Испанию с богатым грузом награбленных сокровищ, которые обеспечили ему при дворе превосходный прием. Эрнандо до-

бился для своего брата Франсиско расширения наместнических прав и привилегий, ему также был присвоен титул маркиза. Отныне Франсиско Писарро — маркиз де Альтавильяс — приобщался к придворной знати. Эрнандо Писарро получил рыцарское звание. Что касается Альмагро, то он был утвержден в должности «аделантадо» — губернатора; его владения простирались на двести испанских миль (больше тысячи километров) без обозначения границ подвластной ему территории, что открывало широкий простор для всевозможных недоразумений и произвольных толкований.

Когда Альмагро узнал, что ему вверено самостоятельное губернаторство, он решил, что Куско находится на его территории, и предпринял завоевание этой страны. Но его намерению воспротивились Хуан и Гонсало Писарро. Соперники готовы уже были разрешить спор оружием, когда в перуанскую столицу прибыл Франсиско Писарро, «великий маркиз», как его часто называют испанские историки.

Альмагро никогда не мог простить своему компаньону ни его лукавства, выказанного в переговорах с Карлом V, ни той развязности, с какой он присвоил себе в ущерб союзникам большую часть власти и управления. Но так как намерения Альмагро встретили серьезное сопротивление, а сила была не на его стороне, то он до поры до времени скрыл свое неудовольствие и досаду и притворился, будто очень обрадован примирением.

«Товарищество было восстановлено, — говорит Сарате, — на том условии, что дон Диего де Альмагро отправился открывать новые страны на юге, и если найдет что-нибудь стоящее, то для него будет испрошено наместничество у его величества короля; если же Альмагро ничего не найдет, тогда дон Франсиско разделит с ним свои владения. Договор был заключен в торжественной обстановке, и оба поклялись на Святых Дарах, что в дальнейшем ни тот, ни другой ничего не будут предпринимать друг против друга». Современники утверждают, что Альмагро поклялся не посягать ни на страну Куско, ни на соседние страны, простирающиеся на сто тридцать лье к северу от ее границ, если даже король дарует ему наместничество. Обратившись к Святým Дарам, он якобы произнес следующие слова: «Господи, если я преступлю данную мною клятву, то порази и накажи тело и душу мою».

После того как был заключен этот торжественный договор, выполненный, впрочем, с такой же «верностью», как и первый,

Альмагро занялся приготовлениями к походу. Благодаря большой щедрости и энергии ему удалось увлечь за собой пятьсот шестьдесят человек. Среди них были и кавалеристы.

Осенью 1535 г. он выступил с этим войском по направлению к Чили. Путь оказался чрезвычайно трудным. Особенно тяжело дался переход через Анды. Солдаты гибли от холода, болезней и истощения. Не раз приходилось выдерживать битвы с воинственными племенами, которых еще не коснулась никакая цивилизация. Туземцы нападали на испанцев с такой яростью, что ничего подобного завоеватели не видали ни в Перу, (ни в какой-либо другой завоеванной стране. Альмагро дошел до 30° южной широты, но ни золота, ни сокровищ в этом краю не оказалось. Тем не менее он упорно продолжал продвигаться к югу, пока измученные солдаты не отказались наотрез продолжать этот бесполезный поход. Альмагро пришлось повернуть обратно.)

Писарро, заключив с ним в 1535 г. договор, отправился в соседние приморские провинции, надеясь без всякого сопротивления туземцев установить там новые порядки. (Для неграмотного человека, никогда не изучавшего правоповедения, его уставы о сборе податей, об учреждении судопроизводства, о «репартименте» (распределение земельных участков и прикрепленных к ним индейцев среди испанских колонистов), о работе индейцев в рудниках были составлены умно и толково. Если вся деятельность этого конкистадора, его алчность и вероломство заслуживают самого сурового осуждения, то справедливость требует сказать, что он понимал значение своей роли как основателя большой империи.) Он долго раздумывал, какой город выбрать в качестве столицы испанских владений. В пользу Куско говорило то, что здесь находилась резиденция инков; но этот город, расположенный более чем в четырехстах милях от берега моря, находился далеко от Кито, которому Писарро придавал первостепенное значение. Как раз в это время его внимание было привлечено красотой и плодородием обширной долины, орошаемой течением реки Римак. Здесь, в девяти километрах от моря, он и основал в 1536 г. столицу своей державы. Вскоре был выстроен великолепный губернаторский двор и роскошные особняки для главных офицеров. «Город королей», или Лима¹, как позже была названа столица Перу, стал быстро разрастаться и превратился в большой административный и торговый центр.

¹ Название Л и м а произошло от искаженного испанцами названия реки Римак

Пока Писарро, занятый всеми этими заботами, находился вдали от Куско, небольшие военные отряды углублялись в самые отдаленные провинции, чтобы уничтожить последние очаги сопротивления. В Куско был оставлен совсем незначительный гарнизон. Этим обстоятельством поспешил воспользоваться инка Манко, которому запрещено было выезжать из города. Номинальный властитель Перу решил свергнуть иго чужеземцев и стать полноправным монархом. (Он сплотил вокруг себя влиятельных жрецов и разработал с ними план всеобщего восстания.) Несмотря на то, что Манко находился под неусыпным надзором, он сумел обмануть бдительность испанцев и организовал заговор, не возбудив никакого подозрения. Однажды он попросил разрешения присутствовать на большом религиозном празднике в нескольких километрах от Куско, где должны были собраться все знатнейшие лица империи. Появление инки послужило сигналом к восстанию.

Перуанцы взялись за оружие на всем пространстве от Кито до Чили и вскоре уничтожили несколько испанских отрядов. Братья Писарро со ста семьдесятю испанцами были осаждены в Куско. Осада Куско, начавшаяся в феврале 1536 г., продолжалась одиннадцать месяцев. (На стороне осаждающих был огромный численный перевес. Против испанцев было обращено захваченное у них же оружие. В городе непрерывно пылали пожары. Среди осажденных начался голод. Отряды, которые Франсиско Писарро четыре раза посылал на помощь братьям, истреблялись перуанцами в узких ущелья Анд. Осажденные испанцы мужественно сражались и несли большие потери. В числе погибших оказался и один из братьев Писарро — Хуан.

Перуанцы были уже близки к тому, чтобы взять город штурмом, когда у стен Куско неожиданно появился со своим отрядом Диего де Альмагро.) На обратном пути в Перу ему пришлось пересечь гористую песчаную пустыню Атакаму, где его солдаты перенесли не меньше страданий от зноя и жажды, чем в Андах от снега и холода. Достигнув перуанской территории, он узнал о восстании, разбил наголову войска Манко и снял осаду с Куско.

Сославшись на то, что этот город не подведомствен Писарро, Альмагро ввел в него своих солдат. Перевес в силах был на его стороне, и братьям Писарро пришлось сложить оружие. 8 апреля 1537 г. Альмагро взял под арест Эрнандо и Гонсало Писарро и объявил себя законным губернатором перуанской столицы.

В то же самое время значительный отряд перуанцев осаждал новую столицу — Лиму, где находился Франсиско Писарро. Все свои корабли он отправил за подкреплениями в Панаму и послал гонцов в недавно построенную крепость Трухильо, где во главе большого гарнизона находился Алонсо де Альварадо. Писарро приказал ему немедленно отправиться в Куско на выручку Эрнандо и Гонсало. Приблизившись к городу, Альварадо с удивлением узнал, что осада с Куско снята и он снова находится в руках испанцев. Не успел Альварадо опомниться, как Альмагро устроил засаду и взял в плен весь его отряд.

Теперь силы Альмагро удвоились, так как к нему охотно присоединились почти все солдаты Альварадо. После этого Альмагро оставалось только двинуться на Лиму, чтобы раз и навсегда покончить с Франсиско Писарро и объединить под своей властью оба губернаторства. На это и намекали ему некоторые офицеры, в особенности Оргоньос, побуждавший его немедленно уничтожить обоих братьев Писарро, а затем ополчиться на бывшего компаньона и союзника. Но кого Юпитер захочет погубить, — сказал римский поэт, — у того он отнимет разум. Альмагро, который во всех других случаях никогда не чувствовал угрызений совести, на этот раз проявил нерешительность, а вернее всего, испугался далеко идущих последствий своего бунта против «великого маркиза». Так или иначе, вместо того чтобы выступить в поход, он остался в Куско.

Если взглянуть на это дело с точки зрения интересов Альмагро, то следует признать, что он совершил роковую ошибку, в которой ему пришлось горько раскаяться. Но если принять во внимание интересы испанской короны, то начатый им раздор и междоусобная война, затеянная на глазах у неприятеля, уже сами по себе составляли тяжкое преступление. И Альмагро это настолько хорошо понимал, что решил ради собственной безопасности занять выжидательную позицию.

Между тем положение Писарро было не из легких. Ему оставалось только надеяться на время и случай. Силы его были скудны, так как подкрепления из Панамы заставляли себя ждать.

Тем временем Гонсало Писарро и Альварадо удалось подкупить стражу и бежать. Уже столько раз обманутый Альмагро согласился все же принять приверженца Писарро — Эспиносу, старавшегося убедить его, что ссора между двумя противниками не только пагубна для всей страны, но, без сомнения, вызовет гнев короля и смещение их обоих с постов.

Наконец соперники согласились последовать решению третьего суда. В роли судьи выступил монах Бобадилья. Он потребовал прежде всего немедленного освобождения Эрнандо Писарро, передачи Куско в распоряжение маркиза и посылки в Испанию нескольких офицеров от обеих сторон с полномочиями добиться у короля окончательного решения о разграничении прав соискателей.

Но едва только последний из его братьев получил свободу, как Писарро, отбросив всякую мысль о мире или перемирии, объявил, что только оружие решит, кто из них — он или Альмагро — будет хозяином Перу. В короткое время он собрал семьсот человек, начальство над которыми поручил двум своим братьям. Прямым путем можно было попасть в Куско только через горы. Чтобы облегчить себе переход, они отправились по берегу моря к отрогам Анд, откуда дорога вела прямо к столице.

Альмагро следовало бы защищать горные проходы, но под его началом было только пятьсот человек и главные надежды он возлагал на кавалерию, которая не могла бы действовать в узких ущельях. Поэтому ему пришлось дожидаться неприятеля в долине Куско. 26 апреля 1538 г. произошла решающая битва. Оба отряда сражались с одинаковым ожесточением, но победу решили две роты мушкетеров, которые прислал на помощь Писарро испанский король, узнавший о восстании перуанцев. В этом сражении, известном под названием «битва при Лас-Салинас», пало с той и другой стороны сто сорок испанцев. Оргоньос и несколько приближенных офицеров Альмагро были убиты уже после сражения. Братья Писарро снова вошли в Куско и тотчас же захватили престарелого, больного Альмагро.

Индейцы, следившие из своих горных убежищ за междуусобным сражением, решили было напасть на победителей, но в последнюю минуту дрогнули и обратились в бегство. «Ничто, наверное, так не доказывает, как этот факт, — говорит Робертсон, — суеверного ужаса, который внушали испанцы коренным жителям Америки. У свидетелей сокрушительного поражения одной из сторон не хватило мужества наброситься на другую, ослабленную и утомленную самой победой; они не осмелились напасть на своих угнетателей, когда, казалось, сама судьба предоставляла благоприятный случай отомстить завоевателям».

В ту эпоху победа, не сопровождавшаяся грабежом, не считалась полной. И город Куско был предан разграблению. Но его бо-

гатств оказалось недостаточно, чтобы насытить алчность офицеров и солдат Писарро. Все они были такого высокого мнения о своих достоинствах и заслугах, что каждый требовал для себя большей доли. Эрнандо Писарро, разделив между своими людьми часть добычи, отправил их вместе с присоединившимися солдатами Альмагро завоевывать новые земли. Что касается последнего, то Писарро, убежденный в том, что причина смуты кроется в Альмагро, решил от него отделаться. Он приказал организовать против соперника процесс, который, как это легко было предвидеть, закончился смертным приговором. Узнав об этом, Альмагро после нескольких мгновений вполне естественного замешательства, во время которых он оценил и свой возраст, и свое обращение с Эрнандо и Гонсало Писарро, когда они попали к нему в плен, снова обрел хладнокровие и ожидал смерти с истинно солдатским мужеством.

(Восьмого июня 1538 г. Альмагро задушили в тюрьме, а затем публично обезглавили его труп.

Чтобы загладить дурное впечатление от казни Альмагро, Франсиско Писарро решил послать в Испанию Эрнандо с отчетом. Но для этого требовалось много золота. Только оно могло произвести соответствующее воздействие на испанский двор и вернуть Писарро расположение короля.

Началась новая полоса грабежей, реквизиций и насилий над перуанцами. Внушительное количество золота и сокровищ удалось собрать только к началу 1540 г.)

Эрнандо Писарро без дальнейших отсрочек отправился на родину, но встретил там сильное предубеждение против себя и своих братьев со стороны не только короля и придворных, но и всего общественного мнения. Друзья Альмагро, имевшие связи в придворных кругах, выставили поступки Писарро и его братьев в таком неприглядном свете — а сделать это было совсем не трудно, — что даже золото не возымело своего обычного действия. Эрнандо Писарро с большим трудом удалось добиться свидания с королем.

Выслушав только заинтересованные стороны, Карл V не мог решить, кто же в конце концов больше виноват. Ему было ясно одно: эти междоусобные войны наносят ущерб интересам Испании. Поэтому король решил послать в Перу комиссара, предоставив ему широкие полномочия. Комиссар должен был ознакомиться на месте со всеми обстоятельствами и установить наиболее подходящую, по его мнению, форму правления. Это важное поручение было возложено на Вако де Кастро, с успехом выпол-

нившего свою задачу. Предложив ему отнестись с уважением к Франсиско Писарро, король в то же время приказал арестовать его брата. Эрнандо Писарро провел в тюрьме двадцать лет и вышел оттуда восьмидесятилетним старцем.

Между тем «великий маркиз», не дожидаясь решения короля, делил в Перу завоеванные земли. Себе и своим приближенным он брал наиболее плодородные и удобно расположенные области, оставляя спутникам Альмагро, или чилийцам, как их называли, самые скудные и отдаленные участки. (Такой пристрастный раздел, конечно, не мог не вызвать раздражения среди бывших солдат Альмагро.)¹

Одному из своих офицеров, по имени Педро де Вальдивия, Писарро поручил завершить предприятие, начатое Альмагро, то есть покорение Чили. Вальдивия выступил 28 января 1540 г. по приморской дороге со ста пятьюдесятью солдатами и двумя священниками. Сравнительно благополучно пересек он безводную пустыню Атакаму и добрался до центральной части Чили — плодородных долин Кокимбо. Местные жители сначала встретили испанцев дружелюбно, но, когда после сбора урожая пришельцы начали грабить население, воинственные индейцы арауканы выступили против них с оружием в руках. (Они храбро сражались не только с солдатами Вальдивии, но и с его преемниками. Непрерывные войны испанцев с арауканами не прекращались в течение целого столетия.)

Двенадцатого февраля 1541 г. Вальдивия заложил новый город Сант-Яго (город святого Якова). Вальдивия провел восемь лет в Чили, руководя завоеванием страны и организацией колониальной администрации. Менее алчный, чем другие «конкистадоры», его современники, он увлекался минеральными богатствами только лишь для того, чтобы обеспечить процветание своей колонии, в которой ему прежде всего удалось оказать содействие развитию сельского хозяйства. «Самая прекрасная шахта, которую я обнаружил, — хлебная да виноградная, а еще — кормовая. Что же касается шахт, то мы ведь не живем от их содержимого. И как же часто делает хорошую мину тот, кто ведет нечестную игру»¹.

В то время как Вальдивия отправлялся в Чили, Гонсало Писарро переходил через Анды во главе трехсот сорока испанцев и четырех тысяч перуанцев, поставив своей целью найти на востоке страну, в

¹ В подлиннике игра слов, основанная на двойном значении слова «mine»: 1 — шахта, рудник; 2 — выражение лица, мина. (*Примеч. переа*)

которой, по словам индейцев, в изобилии было корицы и пряностей. С большим трудом удалось преодолеть горные хребты и бурные потоки. Много людей погибло в горах от холода. Отряд медленно продвигался в глубь материка. На обширных равнинах, покрытых болотами и непроходимыми лесами, испанцы были застигнуты проливными дождями, не прекращавшимися в продолжение двух месяцев. Трудности похода усугублялись недостатком пищи и враждебным отношением туземцев. Испанцы часто страдали от голода в стране, где не было ни быков, ни лошадей, где самыми крупными четвероногими были тапиры и ламы, причем последние встречались лишь изредка на склонах Анд. Но несмотря на все лишения, Гонсало Писарро достиг долины реки Напо, входящей в систему Амазонки, и затем вошел до реки Мараньон (Амазонка). Здесь испанцы разбили лагерь и построили бригантину. Пятьсот солдат под начальством офицера по имени Франсиско де Орельяна пустились на этой бригантине вниз по течению, чтобы добыть продовольствие для экспедиции. Они добрались до устья Амазонки, проплыв таким образом около двух тысяч миль.

Возможно, Орельяна захотел отделиться от своего начальника, а может быть, его люди не смогли справиться с быстрым течением, как бы то ни было, это было поистине удивительное плавание, продолжавшееся 172 дня, — через незнакомые области, без компаса, без проводника, без запасов провизии, с непокорным экипажем, среди враждебного населения! Добравшись каким-то чудом на своей наспех сколоченной бригантине до Атлантического океана, Орельяна затем ухитрился достичь острова Кубагуа (у побережья Венесуэлы), откуда отправился в Испанию, чтобы предложить дерзкий план завоевания и колонизации берегов великой реки. Если бы поговорка «добро тому врать, кто за морем бывал» не была давным-давно известна, Орельяна выдумал бы ее.

Орельяна охотно рассказывал соотечественникам всевозможные истории об удивительных богатствах и чудесах тех стран, через которые ему довелось проехать; золота здесь было будто бы столько, что местные жители устилали им кровли домов и храмов. В глазах испанцев все это служило подтверждением распространенной легенды об Эльдорадо («стране позолоченного человека»), где золота «полным-полно». В XVI в. на поиски фантастического Эльдорадо снаряжались одна за другой экспедиции, исследовавшие всю северную часть Южной Америки. Орельяна

1530

Панама

Ф. ПИСАРРО
АЛЬМАГРО

о Пуча
Тумбес

КИТО

1541

ЮЖНАЯ
АМЕРИКА

Лима

КУСКО

Потоси

АЛЬВАРАДО
Г. ПИСАРРО,
ОРЕЛЬЯН

1571

1536

МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ
Ф. ПИСАРРО, АЛЬМАГРО, АЛЬВАРАДО,
Г. ПИСАРРО И ОРЕЛЬЯНЫ

рассказывал также о существовании на берегах великой реки «республики женщин воительниц». Это сообщение, напомилавшее древнегреческий миф, дало повод назвать реку, которую открыл Орельяна, рекой амазонок. Если отбросить из рассказов о путешествии все нелепое и вымышленное, что особенно привлекало современников, то нужно признать, что Орельяна совершил одну из самых замечательных экспедиций эпохи великих открытий, изобиловавшей грандиозными предприятиями. Франсиско де Орельяна впервые сообщил европейцам о существовании обширной страны, простирающейся от Анд до Атлантического океана.

Но вернемся к Гонсало Писарро. Можно себе представить его изумление и беспокойство, когда, дойдя со своим отрядом до места, где Напо впадает в Мараньон, он не нашел Орельяна, который должен был его здесь ожидать. Полагая, что с его помощником случилось какое-то несчастье, Гонсало велел построить каноэ и отправил несколько человек на разведку вниз по реке в надежде, что они встретят Орельяна. Только через два месяца Писарро, продвигаясь на восток, встретил полуживого офицера из отряда Орельяна и узнал от него, что тот якобы умышленно нарушил приказ начальника, путившись в плавание по неизвестной реке.

(Продвигаться дальше было уже невозможно. Измученные, истощенные люди валились с ног от голода и болезней. Так и не найдя легендарную страну пряностей, Гонсало Писарро решил вернуться в Перу.) Обратный путь экспедиции был усеян сотнями трупов. Испанцы съели всех лошадей и собак, сжевали кожаные ремни и упряжь, питались кореньями. Когда остатки экспедиции выбрались из джунглей на открытое плоскогорье, в живых осталось только восемьдесят человек. Четыре тысячи индейцев и двести десять испанцев погибли в этом страшном походе, продолжавшемся не менее двух лет.

В то время как Гонсало Писарро с трудом продирался через экваториальные джунгли, прежние сторонники Альмагро, которые никогда по-настоящему не присоединялись к Писарро, сплотились вокруг сына своего бывшего командира и составили заговор с целью убийства маркиза.

О заговоре стало известно друзьям Франсиско, но напрасно они старались предостеречь «великого маркиза». (Он был так упоен своей властью и могуществом, что не желал считаться ни с какими советами. «Пока меч правосудия находится в моих руках, — говорил он, — никто не осмелится посягнуть на мою жизнь».)

В воскресенье 26 июня 1541 г., когда Писарро наслаждался по-слеобеденным отдыхом, во дворец к нему ворвались девятнадцать заговорщиков с обнаженными шпагами в руках. (С криками: «Смерть тирану! Смерть подлецу!» — они перебили пажей и адъютантов, пытавшихся преградить им путь, и ринулись во внутренние покои дворца. Услышав крики, все приближенные Писарро выпрыгнули из окон, за исключением его сводного брата по матери, Франсиско де Алькантары, двух дворян и двух пажей, которые остались защищать наместника. Покончив с ними, нападающие проникли в зал, где находился в это время Писарро. Намотав плащ на левую руку и обнажив шпагу, старец бросился на заговорщиков. Четверых он положил на месте и нескольких ранил. Но силы были неравные. Не прошло и минуты, как Писарро был сражен своими убийцами.)

«Так, — говорит Сарате, — они достигли цели, довершив свое дело ударом меча по его горлу. Будучи уже не в силах вымолвить слово, маркиз сделал изображение креста на полу, поцеловал его и испустил дух». Негры оттащили его тело в церковь, куда помолиться о душе усопшего пришел лишь Хуан Барбасан, его бывший слуга. Этот верный прислужник тайно исполнил все погребальные обряды, потому что заговорщики ограбили дом Писарро и не оставили денег даже на восковую свечку.

Таков конец Франсиско Писарро. Он был убит в столице обширной империи, приобретением которой Испания была обязана исключительно его храбрости и настойчивости, но оставил эту империю опустошенной, разоренной, разграбленной, обгаренной потоками крови.

Писарро часто сравнивают с Кортесом. Нужно сказать, что он был так же честолобив, отважен, настойчив и обладал не меньшими военными способностями. Но к недостаткам Кортеса — жестокости и корыстолюбию, доведенным у Писарро до крайности, присоединялись чудовищное вероломство и двоедушие. Неизменная суровость, грубость, алчность, лукавство — все эти отличительные стороны характера Писарро могут внушить к его личности только отвращение. Если Кортес встретил в Мексике храбрых и решительных противников, поставивших на его пути к власти почти непреодолимые преграды, то завоевание Перу далось Писарро куда легче: со стороны мягких и боязливых перуанцев он не встретил решительного сопротивления. Но из двух завоеваний — Мексики и Перу — больше выгод принесло Испании

то, которое было легче добыто. Вот почему завоевание Перу ценилось в Испании дороже.

(После смерти Писарро наместником был провозглашен Диего де Альмагро-младший. Это послужило сигналом к возобновлению междоусобной войны, которая не прекращалась до приезда нового наместника, назначенного королем.

В 1541 г. в Перу прибыл наконец королевский комиссар Вако де Кастро. Собрав большой отряд из приверженцев Писарро, он направился с ними в Куско, где укрывался Диего де Альмагро, не признававший власти королевского представителя. Альмагро был схвачен и казнен вместе с сорока приверженцами. После этого Вако де Кастро занялся подавлением нового восстания перуанцев и твердо управлял завоеванной страной до приезда в 1543 г. Бласко Нуньеса, получившего титул вице-короля Новой Кастилии.)

Не будем излагать историю раздоров и борьбы между вице-королем и Гонсало Писарро, который воспользовался всеобщим недовольством испанских колонистов новым законом о «репартимьенто». Согласно этому закону, рабство индейцев отменялось и все они объявлялись «свободными вассалами его величества»¹. Став во главе восстания, Гонсало Писарро сместил вице-короля и захватил власть в Перу. После многих перипетий победа перешла на сторону нового королевского комиссара Педро де ла Гаско, и в 1548 г. Гонсало Писарро был казнен.

Тело этого последнего конкистадора из «династии» Писарро было отправлено в Куско и погребено в одежде. «Никто не захотел, — говорит Гарсиласо де ла Вега, — пожертвовать мертвецу саван».

Так закончил свои дни юридический убийца Альмагро. Не дает ли это повод лишний раз повторить слова Священного Писания: «Взявшийся за меч от меча и погибнет»?

¹ В 1542 г. Карл V утвердил так называемые «новые законы», согласно которым индейцев надлежало изъять у конкистадоров и передать в непосредственное ведение короны. Весть о «новых законах» вызвала смуту за океаном, которая едва не привела к отпадению только что завоеванной колонии в Перу от Испании. Поэтому Карл V вынужден был пойти на уступки и отменить большую часть своих «новых законов».

Законы об отмене рабства в Америке диктовались не гуманными соображениями защиты прав индейцев, а прежде всего стремлением испанских королей ограничить могущество конкистадоров и обеспечить себе преимущественное право на эксплуатацию труда индейцев. Кроме того, рабский труд экономически оказался невыгодным и был заменен различными формами крепостной зависимости. Работа закрепощенных индейцев была столь же тяжела, как и труд рабов. Бегство крепостных индейцев от своих владельцев каралось смертной казнью.

Глава вторая

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Фернан Магеллан. — Его участие в португальских военных экспедициях. — Переезд в Испанию. — План кругосветного путешествия. — Приготовления к экспедиции. — Антонио Пигафетта. — Ла-Плата. — Патагонцы. — Подавление мятежа. — Зимовка в бухте Сан Хулиан. — Магелланов пролив. — Тихий океан. — Разбойничьи острова. — Филиппинские острова. — Смерть Магеллана. — Борнео. — Молуккские острова. — Судьба корабля «Тринидад». — Плавание «Виктории». — Мыс Доброй Надежды. — Острова Зеленого Мыса. — Завершение кругосветного плавания.

(Колумб, открыв Багамские и Антильские острова, был убежден, что достиг восточных берегов Азии. Открыв затем восточный берег Центральной Америки, он внушил себе, что находится в десяти днях пути от Ганга. Но в начале XVI в. восторжествовало другое мнение. Считалось, что земли, открытые Колумбом и его последователями в западной части Атлантики, представляют собой обширные острова, лежащие между Европой и Азией, причем расстояние от этих островов до Азии казалось совершенно ничтожным по сравнению с уже пройденной частью Атлантического океана.

Испанские мореплаватели полагали, что от Верагуа (Панамы) до Молуккских островов путь очень короткий: стоит лишь найти пролив, ведущий из Атлантического океана в «Южное море» (Тихий океан), чтобы добраться до «Островов пряностей» — до этих чудесных островов, обладание которыми обогатит Испанию!

Долгое время испанские, португальские и английские мореходы искали этот желанный пролив, следуя в разных направлениях вдоль западных берегов Американского континента. Кортириал и Кабот пыгались найти путь в Индию, Китай и Сипанго (Японию) в северо-западной части Атлантики, у берегов Лабрадора и Ньюфаундленда. Кортес и другие испанские конкистадоры исследовали с этой целью Панамский перешеек, берега Центральной Америки и Калифорнийский залив. Америго Веспуччи собирался достичь Юго-Восточной Азии, обогнув «Землю Святого Креста» (Южноамериканский материк).

Этот подвиг суждено было совершить отважному португальскому мореплавателю Фернану ди Магальяншу, состоявшему на службе в Испании под именем Магеллана. Под этим

именем он и завоевал себе всемирную славу. Магеллан не только нашел искомый проход в «Южное море», но и совершил — если и не он сам, то его уцелевшие спутники — первое в истории кругосветное путешествие.)*

Фернан Магеллан родился около 1480 г. Место его рождения точно не установлено. Сын дворянина, Фернан ди Магальяйнш (Магеллан) родился то ли в Порту, то ли в Лиссабоне, Вилья-Саброзе, Вилья-Фигейре — где точно, неизвестно, равно как осталась неведомой дата этого события, хотя произошло оно в конце XV в. Долгое время считалось, что он происходил из городка Саброза в захолустной, отдаленной от моря провинции Траз-уж-Монтиш, что значит по-португальски «за горами». (Но это предположение опровергнуто последующими изысканиями. О его семье ничего не известно, за исключением того, что это была заурядая дворянская семья.)*

Магеллан провел свою юность подобно многим молодым *gentilhomens de casa e armas*¹ при дворе короля в качестве пажа. Об этом периоде его жизни не сохранилось никаких известий. Но несомненно, что, как и все молодые придворные короля Мануэла, он владел воинским искусством и был знаком с мореходным делом.

Так как в ту эпоху Португалия была охвачена горячкой открытий и завоеваний новых земель, то и Магеллан поступил в ранней молодости на морскую службу; в 1505 г. в качестве простого солдата он отправился в Индию с экспедицией Франшишку д'Алмейды. По дороге в Индию он участвовал в разграблении африканских городов (Килвы-Кивиндже и Момбасы. В 1506 г. Магеллан получил тяжелое ранение в морском бою у Каннанура и после выздоровления был послан под начальством капитана Перейры строить крепость Софалу на африканском берегу. Потом он отличился в знаменитом сражении под Диу, где д'Алмейда 2 — 3 февраля 1509 г. разбил соединенный флот арабов и венецианцев.)

Далее, в том же 1509 г., вместе с Диогу Лопишем да Секейрой, посланным королем Мануэлом на поиски «Островов пряностей», (Магеллан посещает Малакку — главный центр международной торговли пряностями на Востоке. Флотилия Секейры избежала гибели в гавани Малакки и благополучно прибыла в Каннанур

¹ «Дворяне кольчуги и оружия» Дворяне четвертого разряда, привилегии которых ограничивались правом носить оружие

ФЕРНАН МАГЕЛЛАН

только благодаря мужеству и находчивости трех участников экспедиции: капитана Гарсиа де Суса и двух молодых офицеров — Фернана де Магальяйнша (Магеллана) и Франсишку Серрана. После этого Магеллан храбро сражался под знаменем Аффонсу д'Албукерки у стен Гоа и в Малакке и в 1511 г. отправился с экспедицией Антониу д'Абреу к Молуккским островам.

Флотилия д'Абреу дошла до островов Банда, запаслась мускатными орехами и повернула обратно в Малакку. Но один корабль, под командой Франсишку Серрана, ближайшего друга Магеллана, отделился от флотилии и поплыл дальше, к Молуккским островам. Серран обосновался на острове Тернате, вошел в доверие к местному султану и прожил здесь много лет, пока не погиб, отравленный этим же султаном, как предполагают, по наущению португальцев. Из писем Серрана Магеллан почерпнул много сведений об «Островах пряностей». Возможно, что в годы пребывания в Индии у него и зародилась великая идея, которую позднее ему удалось осуществить.)

Вернувшись в Португалию, Магеллан получил, и не без труда, разрешение на работу в королевских архивах. Вскоре он убедился, что Молуккские острова расположены в полушарии, отданном Испании по договору о разделе владений, подписанному в Тордесильясе испанским и португальским королями и одобренному в 1494 г. папой Александром VI.

В силу этого договора, который вызвал столько страстных споров, все страны, расположенные в трехстах шестидесяти милях к западу от меридиана островов Зеленого Мыса, должны были принадлежать Испании, а страны к востоку от указанного меридиана — Португалии.

Магеллан обладал слишком большим запасом энергии, чтобы долго оставаться вне службы. И вот он отправился воевать в Африку, в марокканский город Асамор, где был легко ранен в коленку, но рана затронула нерв. Хромота вынудила Магеллана вернуться в Португалию. Уверенный в превосходстве своих теоретических и практических знаний, в том, что его заслуги ставят его выше придворного сброда, Магеллан должен был почувствовать острее, чем кто-либо, несправедливое обращение с ним короля Мануэла в связи с жалобами жителей Асамора на португальских офицеров. Предубеждения Мануэла скоро сменились настоящей неприязнью. Она проявилась в оскорбительном обвинении Магеллана, который будто бы притворялся страдающим от

последствий незначительной раны, давно затянувшейся, чтобы не отвечать за совершенные проступки. Подобные утверждения были невыносимы для чувства чести гордого, болезненно восприимчивого к несправедливости Магеллана. Не тогда ли он решился на крайнюю меру, которая, впрочем, была адекватна оскорблению? Он заставил засвидетельствовать в специальном документе, что отказывается от прав португальского гражданина, меняет свою национальность и получает в Испании грамоту о натурализации. Провозгласив это так торжественно, как только смог, он заявил, что становится подданным кастильской короны и отныне посвящает ей все свои дела и целую жизнь. Решение, как видим, трудное, но не нашлось никого, кто бы порицал его за это, и даже самые суровые историки его оправдывают, что засвидетельствовали Барруш и Фариа-и-Соза.

В то же самое время еще один сведущий в космографии человек, лицензиат Руй Фалейру, также попавший в немилость у Мануэла, покинул Лиссабон вместе со своим братом Франсишку и одним купцом по имени Кристован ди Ару. Фалейру заключил с Магелланом договор о сотрудничестве ради достижения Молуккских островов новым путем, который не был словесно определен и остался тайной Магеллана. Прибыв в Испанию (1517 г.), союзники подали свой проект Карлу V, который в принципе его одобрил. Теперь предстояло перейти к его осуществлению, что всегда порождает трудности. К счастью, Хуан де Аранда, один из высоких чиновников торговой палаты, проникся горячим энтузиазмом к теориям Магеллана и обещал ему применить все свое влияние для успеха плавания. В самом деле, он увиделся с Фонсейкой, великим канцлером и кардиналом-архиепископом Бургоса. Аранда сумел с такой ловкостью изложить преимущества, вытекающие для Испании из открытия пути в самое сердце продукции пряностей, и огромный урон, наносимый тем самым португальской торговле, что 22 марта 1518 г. был подписан договор. Император принимал на себя все расходы по снаряжению экспедиции при условии, что ему достанется самая большая часть доходов.

Но Магеллану пришлось преодолеть еще немало трудностей, прежде чем он снарядил экспедицию и пустился в море. Осуществлению его замысла всячески препятствовал португальский посол при испанском дворе Алвару да Кошта, который, видя бесполезность своих усилий, пытался даже убить Магеллана, как передает Фариа-и-Соза. Потом Фернан столкнулся с дурным отно-

шением чиновников севильской Casa de contratacion¹, с завистью смотревших на иностранца, получившего командование столь важной экспедицией, и ревновавших к последней почести, которой только что были удостоены Магеллан и Руй Фалейру: они были произведены в командоры ордена Святого Яго. Карл V выразил свое согласие публичным актом, который считался неотменяемым.

Тем не менее была сделана еще одна попытка помешать плаванию Магеллана. 22 октября 1518 г. был организован мятеж, оплаченный португальскими деньгами. Возмущение собравшейся в гавани толпы было явно спровоцировано: адмиральский флаг Магеллана на мачте флагманского судна, пришвартованного к причалу, был объявлен португальским флагом. Однако и эта попытка не удалась, и три новых указа, подписанных королем 30 марта, 6 и 30 апреля 1519 г., определили состав экипажа и офицеров; наконец, последний приказ, изданный в Барселоне 26 июня 1519 г., утвердил Магеллана главным и единственным начальником экспедиции.

Мы не можем сказать определенно, почему произошла такая резкая перемена в судьбе Руй Фалейру. До сих пор мы видели его рядом с Магелланом в качестве самого ревностного приверженца и организатора предстоящего плавания. И вдруг одним росчерком пера он был лишен не только всех своих недавно приобретенных титулов и званий, но и права участвовать в экспедиции. Известно только, что он так тяжело переживал нанесенную ему обиду, что повредился в рассудке, а потом, оправившись от болезни, решил вернуться в Португалию к своей семье, но там был посажен в тюрьму и получил свободу только благодаря заступничеству Карла V.

Наконец сборы были закончены. Присягнув в верности кастильской короне и заставив, в свою очередь, присягнуть офицеров и матросов, Магеллан 20 сентября 1519 г. вышел в далекое плавание из гавани Санлукар-де-Баррамеда.

Но прежде чем начать повествование об этой исторической экспедиции, следует сказать несколько слов о человеке, которому мы обязаны подробными сведениями о Магеллане. Автора сохранившихся до нашего времени записок звали Антонио Пигафетта. (Это был итальянец из Виченцы, принятый в состав экспедиции в качестве «сверхштатного» уже после того, как она бы-

¹ Торговая палата (*исп.*).

да полностью укомплектована. Родился он около 1400 г. и принадлежал к знатному патрицианскому роду.)^{*} С 1518 г. Пигафетта состоял в свите папского нунция (посла) Франческо Кьерикалько, посланного папой Львом X в Барселону к королю Карлосу. Узнав о готовящейся Магелланом экспедиции, Пигафетта явился к нему с рекомендательными письмами и получил разрешение участвовать в плавании. Для экспедиции он оказался настоящей находкой, проявил себя умным и добросовестным наблюдателем, храбрым и верным товарищем.

На всем протяжении кругосветного плавания Пигафетта исправно вел дневник, послуживший затем первоисточником для всех историков, писавших о великих географических открытиях. Правда, не все факты освещены Пигафеттой одинаково подробно. Имеются в его записках досадные пробелы. Тяжело раненный в сражении на острове Себу, он не присутствовал на пиршестве, окончившемся гибелью двадцати моряков флотилии. Но в общем, если не считать отдельных преувеличений в духе того времени, отчет Пигафетты правдив и точен. Большая часть его описаний была проверена впоследствии путешественниками и учеными.

Вернувшись в Испанию 6 сентября 1522 г. на единственном уцелевшем корабле «Виктория», Ломбардец (так называли Пигафетту Магеллан и его спутники) сначала отправился во исполнение обета босым на богомолье в храм Св. Марии Победительницы, а затем явился к Карлу V, находившемуся тогда в Вальядолиде, и торжественно вручил ему свой дневник путешествия. К сожалению, дальнейшая судьба этой драгоценной рукописи неизвестна.

Позже, когда Пигафетта прибыл в Италию, по просьбе папы Климента VII и великого магистра Мальтийского ордена¹ Филиппа Вилье де Лиль Адана он изложил историю кругосветной экспедиции вторично, но на этот раз в конспективной форме. Копии его краткого отчета были посланы затем многим знатым лицам, в том числе Луизе Савойской, матери французского короля Франциска I. Последняя поручила некоему Жаку Антуану Фабру перевести сочинение Пигафетты на французский язык. Благодаря

¹ Мальтийский орден — духовно-рыцарский орден, именовавшийся прежде орденом госпитальеров, или иоаннитов. Был основан в Иерусалиме, в 1118 г. С потерей Палестины рыцари перебрались на остров Родос. В 1530 г. Карл V передал ордену остров Мальта, и с этого времени он стал называться Мальтийским.

этому копии отчета дошли до нас не только на итальянском, но и на французском языке. Две рукописи XVI в. хранятся в Париже, в Национальной библиотеке. Итальянский текст находится в библиотеке Амвросия в Милане.

Пигафетта умер около 1534 г. в Виченце, в доме на Лунной улице, на котором еще в начале XIX в. красовался девиз: «Нет розы без шипов».

Не ограничившись сочинением Пигафетты, мы воспользовались и другими сохранившимися источниками, которые дали возможность проверить и дополнить его описания. Среди этих источников большую ценность представляет письмо Максимилиана Трансильванского (секретаря Карла V).

Флотилия Магеллана состояла из пяти кораблей: «Тринидад» («Троица») водоизмещением в 110 тонн, на котором развевался флаг адмирала; «Сан-Антонио» водоизмещением в 120 тонн, под начальством инспектора флота Хуана де Картахены; «Концепсион» («Зачатие») водоизмещением в 90 тонн, под командой Гаспара де Кесады; «Виктория» («Победа») водоизмещением в 85 тонн, под руководством казначея флота Луиса де Мендосы и «Сант-Яго» водоизмещением в 75 тонн, под начальством «кормчего его высочества» Жуана Серрана.

Четверо из пяти капитанов и почти все кормчие были португальцами: Магеллан, Дуарти Барбоза и Иштебан Гомиш — на «Тринидаде»; Луиш Афонсу де Гоеш и Вашку Галлегу — на «Виктории»; Жуан Лопиш Карвалью и Жуан ди Акуриу — на «Концепсионе»; Жуан Серран и Жуан де Мэфрапиль — на «Сант-Яго» и другие. (Всего в составе экспедиции из 265 человек было 37 португальцев, 30 итальянцев, 19 французов, несколько фламандцев, немцев, сицилийцев, англичан, негров и представителей других национальностей, вплоть до малайца Энрике, раба Магеллана, привезенного им в Европу из Индии. Преобладали, разумеется, испанцы.)

Один из упомянутых офицеров, Иштебан Гомиш, был послан впоследствии Карлом V на поиски Северо-Западного морского пути и прошел в 1524 г. вдоль берегов Северной Америки от Флориды до Род-Айленда, а может быть, и до мыса Код. (Но в истории первого кругосветного плавания он оставил по себе дурную славу: в трудный час Иштебан Гомиш самовольно отделился от флотилии и 6 мая 1521 г. вернулся в Севилью; желая оправдать свое дезертирство, он обвинил Магеллана в тяжелых пре-

ступлениях; эти обвинения были посмертно сняты с Магеллана только после возвращения уцелевших участников экспедиции.)

По тем временам предприятие было организовано превосходно. При подготовке экспедиции были учтены и использованы все средства, которые были тогда в распоряжении мореплавателей. Перед отплытием Магеллан отдал последние распоряжения капитанам и кормчим и сообщил световые сигналы «с той целью, чтобы корабли не отделялись друг от друга во время бурь и в ночную пору».

Утром в понедельник 10 августа 1519 г. флот снялся с якоря в Севилье и спустился по Гвадалквивиру до Санлукар-де-Баррамеды, где и были закончены последние сборы. 20 сентября корабли вышли в открытое море и взяли курс на юго-запад. Спустя шесть дней они были уже у Канарских островов и, пристав к острову Тенерифе, запаслись водой и дровами. Но едва только флот отплыл от этих островов, как между Магелланом и Хуаном де Картахеной начались разногласия.

Последний в качестве одного из командиров претендовал на то, чтобы его поставили в известность о маршруте плавания, в чем Магеллан ему отказал, заявив, что не имеет никакого желания отдавать подчиненным отчет в своих действиях.

Пройдя между островами Зеленого Мыса и Африкой, суда приблизились к побережью Сьерра-Леоне, где противные ветры и штилы задержали флот дней на двадцать.

Тогда и случилось достойное сожаления происшествие. Во время совета, проходившего на борту адмиральского судна, вспыхнула резкая перепалка, и Хуан де Картахена, который с презрением относился к генеральному капитану, ответил ему высокомерно и весьма дерзко. Магеллан посчитал себя вынужденным собственноручно арестовать наглеца и приказать наложить на него колодки — устройство из двух скрепленных между собой досок, в которых было сделано отверстие, куда засовывали ноги наказываемого матроса. Капитаны запротестовали против унижительного наказания высшего офицера и добились от Магеллана согласия подвергнуть Картахену обыкновенному аресту. (Вместо него капитаном «Сан-Антонио» был назначен Гаспар де Кесада.)

Дождь лил не переставая. Безветрие сменилось вихрями и шквалами. Судам пришлось залечь в дрейф. Во время бурь мореплаватели видели огни св. Эльмы, которые были сочтены за доброе предзнаменование. Это явление, которое было непонят-

ным для людей XVI в., — не что иное, как атмосферное электричество, скапливающееся в форме звезды или кисти на верхушках мачт.

От экватора Магеллан повернул к «Земле Святого Креста» (Бразилия), и 13 декабря 1519 г. флот бросил якорь в великолепной гавани Санта-Люсия, известной теперь под именем Рио-де-Жанейро. Впрочем, Магеллан был не первым европейцем, посетившим эту бухту, как долго полагали историки. С 1511 г. ее обозначали как залив Холодного Мыса (Баия-ду-Кабу-Фриу). За четыре года до Магеллана ее посетил Перу Лопиш, с начала XVI в. сюда, кажется, приплывали моряки из Дьеппа, наследовавшие страсть своих предков, норманнов, к авантюрным путешествиям; во время этих странствий они познавали мир и основывали то тут, то там поселения или торговые конторы.

Здесь за стекляшки, ленты, ножницы, бубенчики, рыболовные крючки и прочую мелочь испанская экспедиция приобрела большое количество первосортных продуктов. По свидетельству Пигафетты, на борт были погружены ананасы, сахарный тростник, бананы, куры и мясо «анга» (по-видимому, это тапир).

Сведения, сообщаемые Пигафеттой о нравах бразильских индейцев, настолько интересны, что мы передадим их дословно. «Здешний народ, — пишет он, — не христиане и ничему не поклоняются. Они живут сообразно с велениями природы». Какая необычная фраза в устах итальянца XVI в. — времени, исполненного суеверий! Эти слова могут только подтвердить, что идея божества отнюдь не является врожденной, как уверяют теологи (богословы), а возникает в ходе самой истории.

Но вернемся к запискам Пигафетты.

«Как мужчины, так и женщины, — сообщает он дальше, — ходят нагие. Они живут в продолговатых домах, называемых „бойни“, и спят в хлопчатобумажных сетках „амаке“ (гамаки), привязываемых внутри этих домов концами к толстым брусьям. Под этими сетками на полу разложен очаг. В каждом из „бойни“ помещается по сотне мужчин и женщин с детьми, отчего стоит большой шум. У них есть лодки „каноз“, выдолбленные из одного громадного дерева при помощи каменных топоров. Так как у местных жителей нет железа, то они пользуются камнем так же, как мы пользуемся железом. В подобного рода лодке помещается от 30 до 40 человек... Мужчины и женщины такого же сложения, как и мы. Они едят мясо своих врагов не потому, что оно вкусное,

а таков уж установившийся обычай. Туземцы разрисовывают тело и лицо удивительным способом при помощи огня на всевозможные лады; то же делают и женщины... Одеты они в платья из перьев попугая, у пояса же носят круг из самых больших перьев, — вид прямо-таки уморительный. Почти у всех, за исключением женщин и детей, в нижней губе проткнуты три отверстия, из которых свисают круглые камушки длиною около пальца. Цвет кожи у них не черный, а желтоватый... Своего повелителя они называют касиком».

Мы уже имели случай упомянуть, что плащи из перьев попугаев были в употреблении на берегу Тихого океана у перуанцев; интересно отметить, что перья попугаев служили своеобразной одеждой и бразильцам. Что касается обычая продевать камушки через отверстия в нижней губе, то этому не приходится удивляться. Такой способ носить украшения, кстати, весьма распространенный и среди туземцев тихоокеанских островов, по сути, мало чем отличается от обычая цивилизованных женщин прокалывать уши и вдевать в них серьги.

Бразильские индейцы были добры и доверчивы. Во время мессы, дважды отслуженной на берегу, они, как и европейцы, стояли на коленях и поднимали сложенные руки, повторяя все движения богомольцев. Любопытство и переимчивость этих дикарей произвели на Пигафетту такое сильное впечатление, что он не преминул заметить в своих записках: «Их можно легко обратить в веру Иисуса Христа».

Двадцать шестого декабря, после тринадцатидневной стоянки, флотилия снялась с якоря и продолжала свой путь к югу вдоль берегов Южной Америки. 10 января 1520 г. под 34° 40' южной широты экспедиция достигла устья большой реки, опресняющей на большом пространстве морские воды. Это была Ла-Плата.

При виде испанских кораблей здешние жители пришли в такой ужас, что обратились в бегство, захватив все свои пожитки.

В 1515 г. в стычке с туземцами на берегах Ла-Платы погиб испанский мореплаватель Хуан де Солис. Напавшие на него индейцы были вооружены страшным оружием: два камня, соединенные между собой тонким ремнем, мечутся с далекого расстояния, и ремень, обвиваясь вокруг тела жертвы, будь то человек или животные, лишает его возможности двигаться. Подобный метательный снаряд, называемый болас, и сейчас еще в ходу у аргентинских пастухов — гаучо.

Эстуарий¹ Ла-Платы испанцы приняли за пролив, ведущий в «Южное море». Немного южнее эстуария Ла-Платы, когда-то считавшегося морским проливом, который выходит в Тихий океан, флотилия сделала остановку в порту Дезире. Для экипажей пяти судов там запаслись провизией — мясом пингвинов, являющимся далеко не самой вкусной пищей.

Наконец, достигнув 49°39' южной широты, флотилия 31 марта 1520 г. вошла в удобную бухту, названную гаванью Сан-Хулиан. Здесь Магеллан решил остаться на зимовку.

Однажды, после двухмесячного пребывания на этом безлюдном, суровом берегу, испанцы увидели человека, показавшегося им настоящим гигантом. Заметив, что на него обратили внимание, тот стал петь, а затем пустился в пляс, посыпая себе голову землей. Это был патаговец. Магеллан знаком пригласил его на корабль, и туземец был поражен, когда его подвели к большому металлическому зеркалу. «Когда он увидел в зеркале свое лицо, — пишет Пигафетта, — он был страшно испуган и шархнулся назад, опрокинув при этом на землю четырех наших».

Магеллан дал туземцу несколько погремушек, зеркальце, грешок и отпустил на берег. Хороший прием, оказанный ему большими людьми, ободрил его соплеменников, не замедливших явиться к месту стоянки. На корабль прибыло еще восемнадцать гостей — тринадцать женщин и пять мужчин. Рослые, широколицые, краснокожие, с желтой каймой вокруг глаз и с волосами, выбеленными известью, они были закутаны в шкуры гуанако (разновидность ламы) и обуты в широкие меховые сапоги, что и дало испанцам повод назвать их «патагонцами» (большегоими). Роста они были, однако, не столь уж гигантского, как это показалось нашему простодушному рассказчику, поскольку в действительности рост патагонцев составляет 1,72 — 1,92 метра, что, во всяком случае, превышает средний рост европейцев. Вооружение патагонцев состояло из короткого массивного лука и тростниковых стрел, снабженных острыми наконечниками из кремня.

Желая доставить в Европу несколько туземцев, капитан-генерал пошел на хитрость, которую мы назвали бы сейчас гнусной и отвратительной. Но нельзя забывать, что в XVI в., когда на негров и индейцев смотрели как на животных, такой недостойный образ действий никем не осуждался. Магеллан вручил патагон-

¹ Эстуарий — расширенное, воронкообразное устье реки, обязанное своим происхождением наступлению моря на сушу.

цам так много всяких подарков, что они уже не в силах были захватить заманчивые железные кольца, соединенные толстой цепью. Тогда им посоветовали надеть эти кольца на ноги, что они и сделали, не чувствуя подвоха. Матросы заперли на кандалах замки, и патагонцы очутились в плену. Невозможно описать охватившую их ярость, когда они поняли, что стали жертвой обмана, достойного скорее дикарей, чем цивилизованных европейцев! Затем испанцы попыгались захватить еще двух туземных женщин, но во время погони один из матросов был ранен отравленной стрелой, вызвавшей почти мгновенную смерть. Этот печальный случай заставил испанцев отказаться от своего намерения.

Патагонцы — прекрасные охотники. Больше всего они ценят мясо и шкуры гуанако. (После удачной охоты они наедаются до отвала, потому что охота далеко не всегда бывает успешной и нередко им приходится голодать. Прожорливость патагонцев привела Пигафетту в изумление: «Каждый из захваченных нами великанов съедал по корзине сухарей и залпом выпивал полведра воды».)

Предвидя продолжительность зимовки и не надеясь пополнить съестные припасы в этой суровой стране, Магеллан приказал экономить провизию и установить для людей строгий рацион. Необходимо было дотянуть до весны, не подвергая экипаж большим лишениям, чтобы потом добраться до более богатых дичью мест. Но эта мера усилила недовольство матросов, и несколько офицеров, стоявших на стороне Хуана де Картахены, решили спровоцировать возмущение команды.

«Зима, — говорили подстрекатели, — будет суровой и продолжительной; эта пустынная земля тянется к югу до самого полюса, и нет никакой надежды отыскать пролив, ведущий в „Южное море“; люди не вынесут предстоящих лишений, и эта бесполезная затея обрекает на гибель всех участников экспедиции; пора уже отказаться от безнадежных поисков пролива и, пока не поздно, вернуться в Испанию. Если же Магеллан будет упорствовать, надо заставить его силой подчиниться требованию большинства!»

Магеллан, твердо решив или умереть, или довести предприятие до благополучного конца, собрал на берегу всех офицеров и матросов и обратился к ним с речью.

«Я не могу вернуться и не вернусь! — заявил он. — Сам король определил маршрут нашей экспедиции, и ни под каким предлогом я не соглашусь его изменить. Я поведу корабли дальше на юг,

пока не достигну конца этой земли или не встречу какого-нибудь пролива. Что же касается продовольствия, то людям не на что жаловаться: если рацион их не удовлетворяет, они могут восполнить недостающее охотой или рыбной ловлей. (Ни в хлебе, ни в вине у нас не будет недостатка, если только мы не допустим излишеств. Лучше испытать самые тяжкие лишения, чем с позором вернуться в Испанию. С этим согласятся все, в ком жив еще доблестный дух кастильцев!*)

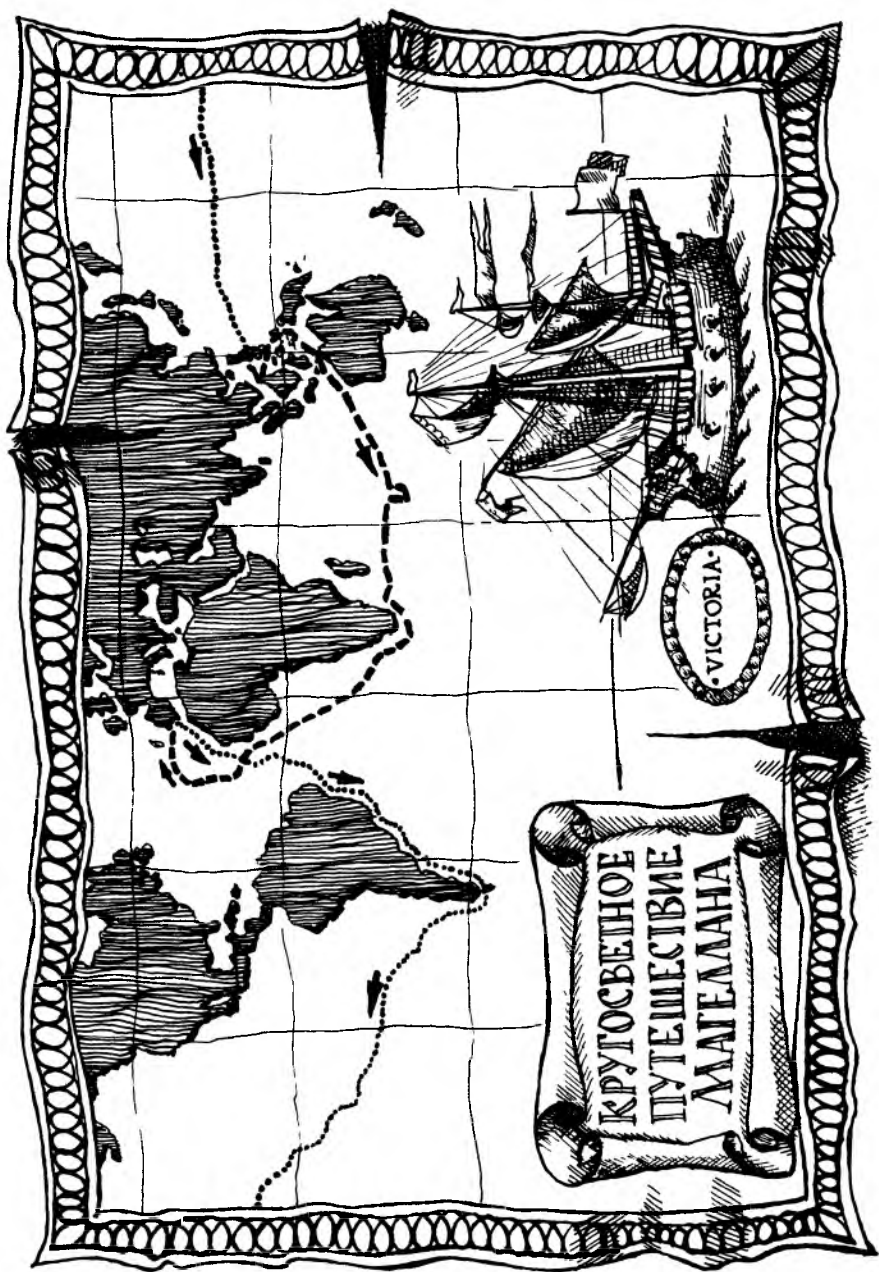
Магеллан надеялся, что его непоколебимое решение, выраженное в столь категорической форме, заставит недовольных замолчать и вернет ему расположение всего экипажа. Но он жестоко ошибся. Некоторые капитаны, и прежде всего арестованный Хуан де Картахена, были заинтересованы в том, чтобы поднять на кораблях мятеж.

Бунтовщики начали с того, что пробудили в испанцах их старелую ненависть к португальцам. «Так как капитан-генерал — выходец из Португалии, то он не может быть искренне предан кастильскому знамени, — говорили зачинщики мятежа. — Тайный умысел Магеллана — вернуться в Португалию, загладив свою вину перед королем Мануэлом. А потому этот португалец и поставил себе целью погубить всю испанскую флотилию! Вместо того чтобы вести корабли к Молуккским островам, он хочет увлечь флотилию в страны вечного льда, в царство снега и холода, чтобы там отделаться от своих спутников-испанцев, а потом захватить корабли и вернуться с ними к себе на родину».

Сторонники Картахены усиленно распространяли среди матросов тревожные слухи, подготавливая тем самым почву для мятежа.

Первого апреля 1520 г., в Вербное воскресенье, Магеллан пригласил к себе на обед всех офицеров флотилии. На флагманский корабль явились двоюродный брат Магеллана Альваро де Мескита, Антонио де Кока и еще два-три офицера. Гаспар де Кесада, капитан «Консепсион», и Луис де Мендоса, капитан «Виктории», демонстративно пренебрегли приглашением.

В ту же ночь Гаспар де Кесада, самовольно освободив заключенного на его корабле Хуана де Картахену, явился с тридцатью вооруженными людьми на корабль «Сан-Антонио» и потребовал выдачи капитана Альваро де Мескита. Когда штурман «Сан-Антонио» Хуан де Эллорьяга попытался выступить на его защиту, Кесадо воскликнул: «Разве мы откажемся от исполнения нашего

VICTORIA

КРУГОСВЕТНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
МАГЕЛЛАНА

долга по милости этого сумасшедшего?» — и нанес штурману четыре удара в руку обнаженным кинжалом.

Альваро де Мескита был арестован, и бунтовщики, овладев кораблем «Сан-Антонио», разделились на две группы и отправились на «Концепсион» и «Викторию». Вскоре Картахена, Кесада и Мендоса овладели почти без всякого сопротивления тремя кораблями — «Сан-Антонио», «Концепсион» и «Викторией».

Несмотря на явный перевес в силах, бунтовщики не осмелились открыто напасть на Магеллана, в распоряжении которого оставались еще два корабля — «Тринидад» и «Сант-Яго», и послали ему условия перемирия.

Магеллан ответил, что он приглашает к себе трех капитанов для переговоров на флагманский корабль. Но мятежники, опасаясь подвоха, наотрез отказались от этой встречи. Тогда Магеллан решил проявить одновременно и силу и хитрость. Он приказал захватить шлюпку, привезшую ему ответ, и, выбрав из своего экипажа шесть самых благонадежных и решительных человек, отправил их под начальством Гонсало Гомеса де Эспиносы на корабль «Виктория». В то время как Мендоса читал с насмешливой улыбкой письмо Магеллана, Эспиноса вонзил бунтовщику кинжал в горло, а стоявший рядом матрос ударил его кортиком по голове. Пока все это происходило в капитанской каюте, к «Виктории» подошла еще одна шлюпка с пятнадцатью вооруженными матросами во главе с Дуарти Барбозой, которому уже без большого труда удалось овладеть «Викторией» и подвести ее к флагманскому кораблю.

Таким образом, замысел противника был нанесен первый удар. Напуганные энергией и решительностью Магеллана, Хуан де Картахена и его товарищи решили тайно отплыть в Испанию. Но корабли Магеллана, выстроившиеся у входа в гавань, отрезали им путь к отступлению. Попытка прорваться под покровом ночи оказалась безуспешной, и вскоре Хуан де Картахена и Гаспар де Кесада были доставлены в кандалах на флагманский корабль.

Ведение суда Магеллан поручил альгуасилу (главному судье) эскадры Гонсало Гомесу де Эспиносе. Судья приговорил к смерти более сорока человек. Тело убитого Мендосы было перевезено на берег и четвертовано. Затем был обезглавлен и четвертован Гаспар де Кесада. В роли палача, ради спасения собственной жизни, согласился выступить приверженец и слуга Кесады, Луис де Молино. Высокое положение Хуана де Картахены, которого сам король назначил инспектором флота, избавило его от казни. Ма-

геллан распорядился высадить его на берег вместе с мятежным капелланом Педро Санчесом де ла Рейна. Изгнанники отправились в глубь страны, и больше их никогда не видели¹. Сорок матросов, приговоренных к казни, получили прощение, так как Магеллану нужно было сохранить экипаж. Решительными мерами ему удалось ликвидировать мятеж, который едва не привел к краху всю экспедицию.

(В бухте Сан-Хулиан оказалось мало пресной воды. Матросов угнетала эта унылая, безжизненная местность. Поэтому в середине мая, несмотря на дурную погоду, Магеллан послал к югу на разведку корабль «Сант-Яго» во главе с капитаном Серраном. Через несколько дней испанцы открыли под 50° южной широты реку Санта-Крус. 22 мая поднялась сильная буря, и корабль разбило о прибрежные скалы. Весь экипаж уцелел, за исключением одного матроса. Потерпевшие крушение с величайшим трудом добрались до бухты Сан-Хулиан, после чего Серран был назначен капитаном на «Концепсион».)

После неудачной попытки Магеллан решил ждать улучшения погоды. Только 24 августа флотилия покинула бухту Сан-Хулиан. Достигнув реки Санта-Крус, корабли простояли здесь около двух месяцев. Испанцы отдохнули, запаслись дровами и пополнили, насколько это было возможно, съестные припасы. С наступлением весны Магеллан повел корабли еще дальше к югу. Следуя вдоль береговой полосы, он тщательно исследовал все излучины в поисках вождеденного пролива.

Двадцать первого октября на 52° южной широты за выступом берега показался глубокий залив, который, как потом выяснилось, вел в пролив, соединяющий Атлантический океан с «Южным морем». Этому мысу и заливу было присвоено название «Одиннадцать тысяч дев» (Кабо-Вирхенес).

Остановившись у входа в бухту, Магеллан отправил вперед два корабля — «Сан-Антонио» и «Концепсион» — выяснить, нет ли в глубине этой бухты пролива. Корабли вернулись только на четвертый день, так и не увидев конца глубокой бухты. Тогда Магеллан решил, что это и есть искомый пролив в «Южное море», и отдал приказ всей флотилии плыть на запад. Корабли осторожно продвигались вперед, прокладывая путь среди лабиринта изви-

¹ Высаженные Магелланом на берег Патагонии два бунтовщика были спасены капитаном Иштебаном Гомишем, который на судне «Сан-Антонио» сбежал в Испанию, отделившись от эскадры в Магеллановом проливе.

листых протоков. Вдоль унылых берегов громоздились снежные горы. Берега казались совсем пустынными, но в ночной темноте на южном берегу пролива неожиданно засветились огни костров, что и дало Магеллану повод назвать эту страну Огненной Землей. Не желая задерживаться, он запретил капитанам приставать к берегу и завязывать отношения с туземцами.

Пигафетта и Мартин Трансильванский дают очень сбивчивые и неясные сведения о гидрографии и топографическом положении пролива. У нас еще будет случай вернуться к нему при описании экспедиции Бугенвиля¹. А потому продолжим наш рассказ.

(В середине ноября дезертировал Иштэбан Гомиш, захватив корабль «Сан-Антонио». Вот как описывает это событие Антонио Пигафетта:

«Вступив в этот пролив, мы нашли два выхода из него — один на юго-восток, другой на юго-запад. Капитан-генерал отправил корабль „Сан-Антонио“ вместе с кораблем „Концепсион“ удостовериться, имеется ли выход на юго-восток в Тихое море. Корабль „Сан-Антонио“ отказался ждать „Концепсион“, намереваясь бежать и вернуться в Испанию, каковое намерение он и осуществил. Кормчим этого корабля был Эстебан Гомес (Иштэбан Гомиш), который ненавидел капитана пуще всего оттого, что, когда эскадра была уже снаряжена, император повелел дать ему несколько каравелл для совершения открытий, но его величество так и не предоставил их ему вследствие появления капитан-генерала. По этой-то причине он и замыслил заговор с некоторыми испанцами, и на следующий день они захватили капитана своего корабля, двоюродного брата капитан-генерала Альваро де Мескита, ранили его и заключили в оковы и в таком виде отвезли в Испанию.»)

После двадцатидвухдневного плавания по проливу, то расширившемуся до четырех и более миль, то сужавшемуся до одной мили, корабли Магеллана преодолели весь пролив, названный впоследствии Магеллановым, и наконец увидели перед собой огромный, безбрежный океан.

Можно себе представить, какая радость охватила мореплавателей, когда после стольких трудов и усилий они наконец достигли желанной цели! Отныне новый морской путь на восток был проложен, и надежды Магеллана сбылись. Однако эпопея на этом не закончилась. Самые большие трудности и трагические события были еще впереди.

¹ См. второй том «Истории великих путешествий» Жюль Верна.

Ничего не могло быть изумительнее плавания по необъятному океану, который Магеллан назвал Тихим, так как в продолжение четырех месяцев ни разу не встретил бури. Однако это плавание сопровождалось неимоверными лишениями. Пигафетта так описывает злключения своих товарищей: («Мы питались сухарями, но то уже были не сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грота-рей¹, чтобы ванты² не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать».)

Началась повальная цинга. Девятнадцать человек умерли, около тридцати надолго выбыли из строя, измученные страшной болезнью. Все считали себя обреченными на смерть. За три месяца и двадцать дней корабли прошли четыре тысячи лиг, но кругом расстилалась все та же беспредельная водная пустыня... За это время лишь однажды мореплаватели натолкнулись на скалистые, бесплодные островки, получившие название Несчастливых островов³, однако их положение указано таким противоречивым способом, что отождествить их на современных картах невозможно.

В среду, 6 марта, под 12^о северной широты и 146^о восточной долготы мореплаватели открыли один за другим три острова, возле которых они пожелали было остановиться, чтобы подкрепить силы и сделать запас провизии, но поднявшиеся на палубу островитяне похитили столько вещей (причем им никак не могли помешать), что пришлось отказаться от этого намерения. Островитянам удалось даже овладеть одной из шлюпок. Выведенный из себя подобной наглостью, Магеллан послал на берег десант из сорока вооруженных солдат, которые сожгли несколько домов и

¹ Грота-рей — самый нижний рей на самой большой мачте судна (грот-мачте) Рей — горизонтальное древко, привешенное за середину к мачте и служащее для привязывания к нему парусов

² Ванты — снасти (тросы, канаты), которыми крепят мачты на корабле.

³ Несчастливыми островами Магеллан назвал открытые им два коралловых острова из группы островов Туамоту Они были необитаемы, и, кроме жесткой, как проволока, травы, на них ничего не росло.

лодок и убили семь туземцев. У жителей островов не было ни вождя, ни царька, ни религии. Они отпускали бороды, прикрывали головы пальмовыми листьями, их волосы свисали до самого пояса. Аборигены отличались смуглой кожей, их тела были смазаны кокосовым маслом — без сомнения, для защиты от солнечного зноя, зубы выкрашены в черный и красный цвет. Каное туземцев имели странную конструкцию — они несли один очень большой парус, сплетенный из циновок, который легко мог опрокинуть суденышко, если бы ему не придали очень хорошую устойчивость с помощью длинного куска дерева, удерживаемого на некотором расстоянии двумя жердями — то, что называют «балансиром». Весьма изобретательные островитяне отличались особой склонностью к воровству, из-за чего европейские мореплаватели дали их стране название островов Ладронес, то есть Разбойничьих.

Продолжая продвигаясь к западу от Разбойничьих островов, Магеллан прошел еще свыше тысячи миль и высадился 16 марта на цветущем острове, известном теперь под названием Самар (Филиппины). Здесь он решил дать отдых измученному экипажу и приказал раскинуть на берегу две палатки для больных. Вскоре явились туземцы, неся с собой бананы, пальмовое вино, кокосовые орехи и рыбу. Испанцы предложили им взамен зеркала, гребешки, погремушки и прочие мелочи.

Путешественники узнали, что самым ценным продуктом местной флоры является кокосовая пальма. Из ее плодов туземцы готовят хлеб, вино, масло, уксус. Волокна идут на изготовление одежды и циновок, древесина служит превосходным строительным материалом.

Войдя вскоре в приятельские отношения с испанцами, аборигены сообщили, что на островах выращивают корицу, перец, мускатный орех, гвоздику, имбирь, кукурузу и даже находят золото. Магеллан дал этому архипелагу имя Святого Лазаря (Сан-Ласаро), которое позднее переименовали на Филиппины — в честь Филиппа Австрийского, сына Карла V.

В Филиппинский архипелаг входит свыше 7000 больших и малых островов, расположенных между $5^{\circ}32'$ — $19^{\circ}38'$ северной широты и $114^{\circ}56'$ — $123^{\circ}43'$ восточной долготы от Парижского меридиана. Важнейшие из этих островов: Лусон, Миндоро, Лейте, Себу, Самар, Панай, Негрос, Бохоль, Палаван, Минданао.

(Гостеприимство туземцев, золото и пряности, оказавшиеся на соседнем острове Сулуан, — все это заставило Магеллана отвлечь-

ся на некоторое время от своей первоначальной цели — достижения Молуккских островов — и заняться исследованием вновь открытого архипелага.) Переходя с острова на остров, 28 марта Магеллан встретил на острове Камигин (к северу от Минданао) туземцев, язык которых сумел понять Энрике из Малакки, его раб. Своим знанием малайского языка он оказал экспедиции неоценимую услугу. Теперь Магеллан окончательно убедился, как близок он был к цели своего путешествия — к «Островам пряностей», которых он достиг, идя из Европы на восток юго-западным путем, через Атлантический океан!

Местный властитель явился на корабль с небольшой свитой. Он преподнес испанцам фарфоровые блюда с рисом, рыбу и фрукты, Магеллан подарил ему камзол из красного сукна и шапку, а прибывшим с раджей туземцам роздал ножи, зеркала и бусы. Потом островитянам показали пушки и мушкеты. Залп из пушек привел гостей в такое смятение, что некоторые из них прыгали за борт. «Затем капитан-генерал, — говорит Пигафетта, — велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был донельзя поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через посредство раба, что вооруженный таким образом человек один может сражаться против ста его же людей. Властитель ответил, что он в этом убедился воочию. Капитан-генерал заявил, что на каждом из его кораблей находится по двести человек, вооруженных подобным образом».

Изумленный раджа вскоре простился с Магелланом, разрешив ему послать на берег двух людей посмотреть, как живут островитяне. Отправлен был Пигафетта в сопровождении одного из матросов. Раджа оказал чужеземцам всевозможные почести и сообщил, что на его острове встречаются золотые самородки величиной с орех и даже с яйцо. Золото попадает в смеси с землей, которую просеивают сквозь решета, чтобы отделить драгоценный металл. Все яства подавали Пигафетте на золотых блюдах. Из золота были сделаны не только блюда и чаши, но даже некоторые предметы домашней утвари. Восхитил Пигафетту и богатый наряд раджи.

«Сообразно существующим здесь обычаям, он был одет наряднее всех других и действительно казался самым красивым среди всех окружавших его людей. Волосы, черного-черного цвета, спускались до плеч. Голова была покрыта шелковой тканью, а

в ушах висели большие золотые серьги. От пояса до колен на нем был хлопчатобумажный покров, расшитый шелком. На боку висел кинжал с довольно длинной золотой рукояткой, в ножнах из инкрустированного дерева. На каждом зубе у него были три золотые крапинки, и казалось, будто зубы его связаны золотом. Он был надушен росным ладаном. Цвет кожи у него был желтый, и он был весь покрыт татуировкой».

В первый день праздника Пасхи весь экипаж был высажен на берег, чтобы отслужить обедню. Из парусов и деревьев было сооружено нечто вроде маленькой церкви. На берег снова прибыл раджа с большой свитой и молча смотрел на богослужение, а потом, видимо устав от бездействия, начал подражать всем движениям испанцев. Магеллан приказал водрузить на холме большой крест, после чего корабли подняли паруса и направились к острову Себу, где, по словам туземцев, была хорошая торговля и можно было получить в изобилии съестные припасы. Раджа сам вызвался сопровождать Магеллана на о. Себу в качестве лоцмана и переводчика.

Когда 7 апреля маленькая флотилия прибыла на остров, капитан тотчас же направил одного из своих офицеров вместе с переводчиком к местному властителю.

На вопрос раджи, что они за люди, посланник Магеллана ответил: «Мы состоим на службе у величайшего короля на земле, и этот король велел нам плыть к Молуккским островам, чтобы завязать торговые отношения, — таковы мотивы, заставившие нас остановиться в этой стране, куда мы прибыли как друзья».

Раджа дружелюбно принял испанского офицера, но сказал ему, что если они имеют намерение торговать на его острове, то должны предварительно уплатить пошлину. Таков уж местный обычай. Не далее как четыре дня тому назад, пошлину уплатила джонка, прибывшая сюда из Сиамы с грузом золота и рабов, что может подтвердить оставшийся здесь по торговым делам мавританский купец.

Офицер возразил на это, что его повелитель слишком великий монарх, чтобы подчиняться подобным требованиям, и добавил, что испанцы явились сюда с мирными намерениями, но, если с ними желают вести войну, тогда они будут разговаривать иначе.

Присутствовавший при разговоре мавританский купец предупредил властителя Себу: «Смотри в оба, государь! Эти люди — те же самые, что завоевали Каликут, Малакку и всю большую

Индию. Если с ними будут обращаться хорошо, они будут так же хорошо обращаться, а если с ними будут обращаться дурно, они будут обращаться еще хуже, подобно тому, как они поступили в Малакке».

После этого свидания и обычного обмена подарками туземцы в изобилии стали снабжать испанцев съестными припасами, и между обеими сторонами установились дружеские отношения. Племянник раджи неоднократно являлся со своей свитой на корабль к Магеллану, который не преминул повторить демонстрацию мощи испанского оружия и поведать туземцам «историю наших праотцов Адама и Евы», историю Иисуса Христа и «многое другое касательно верь». Просветив таким образом островитян, Магеллан предложил им перейти в христианскую веру, не забыв, разумеется, добавить, что «с обращенными будут обходиться лучше, чем с остальными».

Четырнадцатого апреля раджа острова Себу и его свита, раджа острова Камигин, мавританский купец, пятьсот мужчин и столько же женщин приняли крещение. А затем обращение туземцев в христианство пошло еще быстрее. Причиной этого, как рассказывает Пигафетта, послужил следующий случай. Магеллан, узнав, что брат раджи тяжело болен, обещал его исцелить, если он согласится принять христианскую веру и если туземцы сами сожгут своих идолов. (Он прибавил, что «дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит... В торжественной процессии, — пишет Пигафетта, — мы направились от площади к дому больного. Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с Божьей благодатью он вполне оправился. Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Капитан, услышав его речь, вознес горячую благодарность Богу. Он дал больному миндального молока, которое было у нас заготовлено по его распоряжению. Потом он послал ему матрац, две простыни, одеяло из желтой материи и подушку. Пока тот выздоравливал, капитан присылал ему миндальное молоко, розовую воду, розовое масло и сладкие варенья. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить. Капитан велел сжечь в присутствии властителя и всего населения идола, которого несколько старух спрятали в доме больного. Он велел также разрушить множество алтарей на берегу, на

которых съедалось жертвенное мясо. При этом народ кричал: „Кастилия! Кастилия!” — и сам принимал участие в разрушении этих алтарей».)

Рядом с островом Себу находится островок Мактан, жители которого, не желая признавать верховенства раджи Себу, отказались платить ему дань. Узнав об этом, Магеллан решил помочь новому вассалу Испании, а заодно внушить туземцам страх и уважение к испанскому оружию и военному искусству.

Несмотря на то что спутники капитана не советовали связываться в междоусобные распри местных властителей, он решил отправиться на Мактан с карательной экспедицией в сопровождении раджи и туземной знати.

В ночь на 27 апреля у острова Мактан остановилась флотилия. В трех шлюпках находились во главе с Магелланом шестьдесят вооруженных испанцев в нагрудниках и касках. Туземные воины с раджей и его приближенными разместились в тридцати челноках-«балангах».

Скалы и мелководье мешали испанским шлюпкам пристать к берегу. Дождавшись рассвета, Магеллан с отрядом из сорока девяти человек переправился на островок вброд. Как только испанцы отошли от берега, из засады выскочило свыше полутора тысяч туземцев, атаковавших неприятеля с трех сторон — с флангов и с фронта. Мушкетеры и арбалетчики открыли стрельбу, не причиняя, однако, особого вреда туземцам, так как пули и стрелы пробивали только их щиты. Туземные воины, перебегая с места на место, забрасывали противника градом камней, стрел, дротиков и копий. Чтобы уstrate и рассеять вражеское войско, Магеллан приказал поджечь несколько хижин, но это привело туземцев в еще большую ярость. Подавляя испанцев численностью, они старались наносить им удары по ногам и рукам, не защищенным броней.

Битву решил несчастный случай. Раненный в ногу отравленной стрелой, Магеллан приказал медленно отступать. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. За исключением шести или восьми человек, оставшихся возле капитана, все остальные бросились к лодкам. Магеллан и его защитники яростно сражались, постепенно отходя к морю. Они были уже по колено в воде, когда несколько островитян одновременно набросились на Магеллана. Раненный в руку, он уже не в силах был владеть мечом. Сраженный несколькими ударами, он упал в воду, лицом вниз, после чего туземцы без труда его прикончили.

Так 27 апреля 1521 г. погиб великий мореплаватель Магеллан.

«В числе других добродетелей, — говорит Пигафетта, — он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие; безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил».

Надгробный панегирик Пигафетты, может быть, и несколько восторжен, но в целом справедлив. Нужно было обладать исключительной твердостью и непоколебимой энергией, чтобы, невзирая на боязнь и сопротивление спутников, проникнуть в неведомые страны, которые суеверие той эпохи наполняло фантастическими ужасами. Чтобы дойти до оконечности Южноамериканского континента и открыть желанный пролив, по справедливости названный его именем, мореплавателю нужно было обладать самыми обширными сведениями в области морских наук. Ни на миг нельзя было ослабить внимание, чтобы без точных инструментов среди незнакомых морей не подвергнуться многочисленным опасностям. Если даже и погиб один из кораблей в силу стечения обстоятельств, то Магеллан в этом не был повинен.

Скажем же вместе с нашим восторженным рассказчиком: «Слава Магеллана переживет его смерть».

После трагической гибели капитан-генерала начальником экспедиции и капитаном «Тринидада» был избран Дуарти Барбоза, капитаном «Консепсион» — Жуан Серран и капитаном «Виктории» — Луиш Афонсу де Гоеш.

Малаец Энрике, справлявшийся до сих пор со своими обязанностями переводчика, был легко ранен в битве на острове Мактан. Потеряв своего господина, он старался держаться в стороне и не оказывал никаких услуг испанцам, лежа целыми днями на своей циновке. После нескольких резких замечаний Барбозы, заявившего ему, что смерть Магеллана вовсе не освобождает его от рабства, Энрике вдруг исчез. Явившись к властителю острова Себу, он сообщил ему, что испанцы собираются отплыть к Молуккским островам, и посоветовал завлечь их в западню и погубить, чтобы потом завладеть кораблями и товарами.

Первого мая властитель Себу пригласил испанцев на пиршество, обещая передать дорогие подарки для испанского короля. Дуарти Барбоза, Жуан Серран и еще двадцать шесть человек отправились в гости к радже и в самый разгар пиршества подверглись внезапному нападению. Все испанцы, кроме Серрана, были перебиты. Услышав крики, оставшиеся на судах моряки приблизились к берегу и открыли огонь из пушек. Напрасно израненный Серран, которого туземцы вывели на берег, умолял заплатить за себя выкуп. Португалец Жуан Лопиш Карвалью, тотчас же взявший на себя командование, не захотел рисковать и поспешно удался от острова, чтобы туземцы не напали на корабли. Серран был брошен на произвол судьбы и, без сомнения, разделил участь своих несчастных товарищей.

Карвалью между тем направил корабли к соседнему острову Бохоль. Здесь испанцы убедились, что уцелевших ста тринадцати человек недостаточно для управления тремя кораблями. Поэтому было решено сжечь самое ветхое судно «Концепсион», перегрузив предварительно все имущество на «Тринидад» и «Викторию».

Затем испанцы взяли курс на юго-запад. Новая остановка была сделана у Бутуана, составляющего часть острова Минданао. Это было прекрасное место с многочисленными гаванями и реками, богатыми рыбой. К северо-западу от Минданао лежит Лусон, самый крупный остров Филиппинского архипелага. Здесь испанцы провели несколько дней, а потом пристали к острову Палавану, где запаслись всевозможной провизией: свиньями, курами, козами, бананами, кокосовыми орехами, сахарным тростником и рисом.

По выражению Пигафетты, на Палаване они нашли «настоящую обетованную землю». На острове больше всего их удивили петушьи бои. Эти состязания до сих пор являются излюбленным развлечением жителей Филиппинского архипелага.

От Палавана испанцы направились наконец на остров Борнео, центр малайской цивилизации. С этих пор они имеют дело уже не с нищим населением, а с людьми богатыми, которые великолепно принимают пришельцев. Прием испанцев раджей настолько необычен, что необходимо сказать о нем хотя бы несколько слов.

Губернатор прислал за офицерами двух слонов, покрытых шелковыми попонами, и двенадцать носильщиков, которые должны были доставить во дворец раджи подарки от чужеземцев. Все улицы от губернаторского дома до дворца властителя

были полны вооруженными людьми. Гости въехали в дворцовый двор на слонах. Поднявшись по мраморной лестнице, испанцы попали в богато убранный зал, заполненный придворными. Следующий зал, поменьше, оказался обитым золотыми тканями. Там стояло триста телохранителей с обнаженными кинжалами. («В конце малого зала было большое окно, расшитый занавес был отдернут для того, чтобы мы имели возможность лицезреть властителя, который восседал за столом с одним из своих юных сыновей, жуя бетель. Сзади него стояли одни только женщины».)

Затем последовала церемония представления послов радже. («Один из старейшин предупредил нас, — рассказывает Пигафетта, — что нам нельзя прямо заговорить с властителем и что если нам что-либо нужно, мы должны сказать об этом ему (старейшине), а он, в свою очередь, передаст это особе более высокого положения. Последний сообщит это брату правителя, находящемуся в малом зале, а этот последний передаст это при помощи разговорной трубы через отверстие в стене одному из лиц, находящихся в зале вместе с властителем. Он же научил нас, как сделать три поклона властителю при помощи рук, сложенных над головой, подняв раньше одну ногу, а затем и другую и целуя руки, протянутые к нему властителем. Так мы и сделали, ибо такова тут форма царского поклона».)

Столица была построена на сваях, прямо в море; таким образом, когда уровень моря повышается, женщины, продающие съестное, плавают по улицам на лодках. 29 июля более сотни пирог окружили два европейских корабля, а джонки в то же самое время подняли якоря и пошли на сближение с испанцами. Испанцы, испугавшись приступа, решили опередить атакующих и дали залп из корабельных пушек, уничтожив многих туземцев в пирогах. После этого раджа принес испанцам извинения, объяснив, что флот направлялся вовсе не против европейцев, а против язычников, с которыми мусульмане постоянно воевали. На этом острове производят арак — рисовую водку, камфару, корицу, имбирь, апельсины, лимоны, сахарный тростник, дыни, редиску, лук и прочее. Меновую торговлю ведут с использованием меди, ртути, киновари, стекла, шерстяных тканей и полотна, а в особенности — железа и очков, не говоря уже о фарфоре и алмазах, некоторые из которых достигают необыкновенных размеров и исключительной стоимости. Среди животных там встречаются слоны, лошади, буйволы, свиньи, козы и домашние птицы. В об-

ращении находится бронзовая монета, которая называется сапек; отдельные монетки просверливают, чтобы можно было низывать их на нитку.

Покинув Борнео, испанцы занялись поисками пустынного острова, удобного для починки кораблей, которые начали давать течь. За этой работой путешественники провели не менее сорока двух дней. Здесь Пигафетта был поражен необыкновенными деревьями, «листья которых, опадая, оживают и даже двигаются. Они похожи на листья шелковицы, но не такой длины. По обеим сторонам короткого и заостренного черешка у них две ножки. Крови у них нет, но стоит лишь дотронуться до них, как они ускользают. Один из них я хранил девять дней в коробке. Когда же я ее открывал, то лист двигался вокруг коробки. Я полагаю, что эти листья живут одним только воздухом». Это интересное насекомое теперь хорошо изучено и носит название «мухалисток». Буро-серый цвет и своеобразная форма насекомого делают его похожим на засохший лист.

Двадцать седьмого сентября 1521 г. корабли возобновили плавание. Но теперь испанская экспедиция, при жизни Магеллана ставившая перед собой исследовательские и торговые цели, принялась за морские разбои. Испанцы не раз захватывали джонки, с которых требовали в пользу экипажа большой выкуп.

Путешественники прошли архипелаг Сулу, притон малайских пиратов, которые только в самое последнее время подчинились силе испанского оружия, потом — Минданао, уже посещенный однажды, потому что знали: с таким пылом разыскиваемые Молукки находятся где-то по соседству. Наконец, пройдя в виду множества островов, перечисление которых не много нам даст, в среду 6 ноября испанцы открыли этот архипелаг и еще через два дня вошли в гавань на острове Тидоре. Цель путешествия была достигнута. («Мы возблагодарили Бога и в знак радости дали залп из нашей артиллерии, — рассказывает Пигафетта. — Наша радость не должна казаться необыкновенной — ведь мы провели 27 месяцев без двух дней в поисках этих Молуккских островов».)^{*}

На следующий день к испанским судам подъехал на пироге местный раджа. «Он сидел под шелковым зонтом, закрывавшим его со всех сторон. Впереди него находился один из его сыновей с царским скипетром, двое с золотыми сосудами для омовения рук властителя и двое других с двумя ларцами с бетелем». Затем властитель поднялся на корабль, где ему были оказаны всевозмож-

ные почести. Чтобы завоевать его расположение, испанцы накинули ему на плечи бархатный камзол, а сами уселись на полу у его ног.

«Этот властитель — мавр, — пишет Пигафетта, — и ему около 45 лет от роду. Он хорошо сложен, и у него красивое лицо. Во время посещения на нем была рубашка из чрезвычайно тонкой белой материи с рукавами, по краям расшитыми золотом, и покров от пояса до ступней. Вокруг головы у него был повязан шелковый шарф, а на голове гирлянда цветов. Его имя раджа Султан Мансор».

На следующий день во время продолжительного свидания с испанцами Мансор заявил им о своем согласии перейти с подвластными ему островами Тидоре и Тернате под покровительство испанского короля.

Здесь кстати будет сообщить, по-прежнему следуя за Пигафеттой, некоторые любопытные подробности о Молуккском архипелаге. В него входят острова: Хальмахера, Моротай, Бачан, Тернате, Тидоре, Джайлоло и много других, включая также группы Амбоина и Банда.

Некогда архипелаг потрясали частые вулканические извержения. Здесь сосредоточено большое число вулканов, теперь угасших или успокоившихся на долгие годы. Воздух на Молуккских островах до того жгуч, что если бы не частые дожди, освежающие атмосферу, то не было бы никакой возможности дышать.

Местная флора в изобилии представлена ценнейшими породами тропических деревьев. Первое место среди них занимает саговая пальма, из сердцевины которой получают питательный крахмал — саго. Саго, наряду с клубнями иньяма¹, дает хлеб всему населению острова. Из свежесрубленной саговой пальмы извлекают сердцевину и растирают ее на решете. Затем образовавшуюся крахмальную массу режут на кусочки и превращают в небольшие хлебцы, высушиваемые в тени. После сагового дерева самое важное — шелковица (тутовое дерево), затем гвоздичник, мускатник, перечник, коричное, камфорное и другие деревья, дающие пряности, ароматические эфирные масла и тропические плоды. Там встречаются и ценнейшие леса черного, железного и

¹ Иньям, или ямс — растение из семейства диоскорейных, имеющее широкое распространение в тропических и субтропических странах. Клубни его употребляют в пищу, подобно картофелю, хотя некоторые сорта их содержат яд. При варке или запекании яд исчезает.

тикового деревьев, известных своей прочностью и употреблявшихся в древности для самых роскошных построек. Число домашних животных на Молуккском архипелаге было в то время очень ограничено. Из диких животных особенно примечательны бабирусса — громадный кабан с загнутыми клыками; опоссум — род двуутробки, чуть побольше нашей белки; фалангер, из семейства сумчатых (живет в темных густых лесах, питается листьями и плодами); голопят, из семейства грызунов, очень грациозное и безобидное животное с рыжеватой шерстью, ростом не больше крысы, но с виду похожее на обезьянку. Из птиц интересны попугай-какаду и райские птицы, которых почему-то считали безногими и рассказывали о них много всяких басен, зимородки и казуары — большие болотные птицы почти такой же величины, как и страусы.

Однажды испанцы встретили португальского купца по имени Педру Афонсу де Лороза, который прожил в этих местах более десяти лет. Он сообщил путешественникам, что португальский король Мануэл, желая помешать экспедиции Магеллана, послал несколько судов к мысу Доброй Надежды, к устью Ла-Платы, а потом и на Молуккские острова, где португальцы давно уже ведут торговлю втайне от Испании. Однако португальская экспедиция не сумела вовремя прибыть на Молуккские острова и помешать высадке испанцев. Лороза рассказал также о печальной судьбе друга Магеллана Франсишку Серрана, который за восемь месяцев до прибытия испанцев был отравлен властителем Тидоре¹. Предупредив испанцев о грозящей им на Молуккских островах опасности, Лороза посоветовал им поскорее уехать, пока не прибыли португальские корабли. Он согласился перейти на испанскую службу и был принят на «Тринидад» в качестве кормчего.

Между тем испанцы с большой выгодой для себя сбывали товары, выгруженные на берег для обмена на пряности. Почти все товары были захвачены с четырех джонок, разграбленных у Борнео. Для торговли с испанцами прибыли суда с соседних островов — Джайлоло и Бачан. Раджа Мансор, предоставивший испанцам значительный груз гвоздики, пригласил их к себе на большой пир, который, по обычаям страны, устраивался всякий раз, когда на судах или джонках заканчивалась погрузка гвоздики нового

¹ В действительности Франсишку Серран стал жертвой интриг португальцев, которые боялись, что он поможет своему другу Магеллану укрепиться на Молуккских островах.

урожая. Но испанцы, напуганные событиями на Филиппинских островах, послали радже свои приветствия и извинения.

Закончив погрузку, они подняли паруса и вышли в море. Но едва корабли отошли от берега, как на «Тринидаде» открылась сильная течь. Пришлось вернуться к Тидоре. Раджа прислал искусных ныряльщиков, которые старательно обследовали килевую часть «Тринидада», но так и не смогли найти пробоину. Поскольку вода с каждым часом прибывала, испанцы вынуждены были разгрузить весь корабль, чтобы потом заняться ремонтом.

Матросы с «Виктории» не захотели дожидаться своих товарищей с «Тринидада», тем более что поврежденному судну все равно не дойти до Испании. Поэтому решили, что после ремонта «Тринидад» пойдет к Панамскому перешейку, выгрузит там драгоценный груз, а затем матросы перенесут его через перешеек к берегу Атлантического океана, куда за ним прибудет другой корабль. Но этому несчастному судну вместе с его экипажем не суждено было возвратиться в Испанию. «Тринидад», во главе с альгуасилом Гонсало Гомесом де Эспиносой и штурманом Жуаном Карвалью, только 6 апреля 1522 г. покинул остров Тидоре. Корабль был в таком плачевном состоянии, что (после шестимесячных блужданий по Тихому океану, во время которых погибла от голода и болезней большая часть экипажа), вынужден был вернуться к Молуккским островам и пристать к острову Тернате.

Здесь весь его экипаж (семнадцать человек) был немедленно захвачен в плен португальцами. На протесты Эспиносы ему ответили угрозой повесить его на рее, и несчастный альгуасил, переправленный сперва в Кочин, был оттуда перевезен в Лиссабон, где в продолжение семи месяцев томился в тюрьме вместе с теми двумя испанцами, которые только и остались в живых из экипажа «Тринидада». (Лишь в 1527 г. Эспиноса вернулся в Испанию вместе с двумя матросами и священником. Таким образом, из всего экипажа «Тринидада» только этим четверым удалось уцелеть и вырваться из неволи.)

«Виктория» же с богатым грузом покинула Тидоре 21 декабря 1521 г., под начальством Хуана Себастьяна Элькано (Эль Кано), который отправился с экспедицией Магеллана в качестве штурмана на корабле «Концепсион». Экипаж «Виктории» состоял только из пятидесяти трех европейцев и тринадцати туземных матросов-невольников.

Пройдя среди островов Кайоан, Лайгома, Сико, Джофи, Кафи, Лабоан, Толиман, Бачан, Мата и Батутига¹, «Виктория» осталась к западу от последнего острова и, держа курс на запад-юго-запад, остановилась на ночь у острова Сула, или Ксула². В десяти лье от него испанцы бросили якорь у берегов Буру³, Боэро французского мореплавателя Бугенвиля, где они запаслись провизией. В тридцати пяти лье дальше они остановились на Банда⁴, где обнаружили мускатный орех, потом — на Солоре⁵, крупном центре торговли сангаловым деревом. Там они провели пятнадцать дней, ремонтируя свое судно, много вытерпевшее в ходе плавания, и сделали большой запас воска и перца; потом сделали остановку на Тиморе, где смогли добыть продовольствие только после того, как захватили изменническим образом вождя одной деревни, прибывшего вместе с сыном на борт корабля. К острову Тимор, который был в то время крупным торговым центром, за сангаловым деревом и перцем приходили джонки с острова Лусон (Филиппины), с Малакки и Явы.

Одиннадцатого февраля 1522 г. испанцы направились к открытому морю, минуя многочисленные архипелаги. Любопытный Пигафетта сообщает и достоверные и легендарные сведения о близлежащих странах. На острове Ява, говорит он, распространён обычай самосожжения вдовы после смерти мужа. Подобный же обычай, как известно, долгое время существовал и в Индии. На других островах живут люди, «мужчины и женщины, как они сами: одно ухо заменяет им ложе, другим они покрываются во время сна». Волосы у них острижены, ходят они совсем голые, и голос у них пронзительный. К северу есть острова, где водятся большие птицы, «такой величины, что способны перетащить буйвола или слона на дерево». Нам уже приходилось упо-

¹ Идентификация перечисляемых в источниках островов не однозначна; современные комментаторы оригинальных испанских материалов XVI в. приводят различные версии. Наиболее удовлетворительные объяснения: Кайоан — совр. Кайоа близ западного побережья о-ва Хальмахера, Лайгома — Лайгама, Сико — Сикоу, Джофи — Гуморджи, Мата — Луманг, Батутига — Лабуха, южная часть о-ва Бачан. (*Примеч. перев.*)

² Сула — архипелаг, отделяющий Молуккское море от моря Банда; скорее всего речь идет об острове Сулавеси (*Примеч. перев.*)

³ Буру — относительно крупный остров на юго-западе Молуккских островов, отделенный от Сулавеси проливом Питта. (*Примеч. перев.*)

⁴ Банда — архипелаг мелких островков на юге Молукк и на северо-западе моря Банда (*Примеч. перев.*)

⁵ Солор — остров из группы Малых Зондских, расположенный к северу от Тимора. (*Примеч. перев.*)

минать о гигантской птице эпиорнис, кости и огромные яйца которой были найдены в 1850 г. на Мадагаскаре¹. Это показывает, с какой осторожностью нужно причислять к области чистой фантазии множество легенд, которые, несмотря на баснословные преувеличения, иногда имеют под собой реальную почву. Легенда о гигантской птице известна с IX в. у персов и арабов. Птица Рок — один из фантастических персонажей арабских сказок. Неудивительно, что Пигафетта встретил у малайцев подобное же предание.

Недалеко от Сиама, рассказывает он дальше, находится страна Камбодиа (Камбоджа), где растет ревеня. Добывается он довольно странным способом. «Группа в 20 или 25 человек отправляется вместе в джунгли. С наступлением ночи они взбираются на деревья как для того, чтобы уловить запах ревеня, так и из страха перед львами, слонами и другими дикими животными. Ветер доносит до них запах ревеня из тех мест, где он растет. Рано на рассвете они отправляются туда, откуда доносится к ним запах, и приступают к отысканию ревеня. Это — сгнившая древесина одного дерева, которое до того, как сгниет, не издает никакого запаха. Лучшая часть дерева — корень, хотя и сама древесина дает ревеня, который тут называется калама»².

Ну конечно же не у Пигафетты нужно черпать сведения по ботанике! Мы рискуем впасть в большие заблуждения, если примем всерьез всякие рассказы местных жителей, у которых он собирал сведения об островах Индонезии.

Ломбардский путешественник передает нам как непреложную истину не менее фантастические подробности о Китае, допуская серьезные ошибки, которых счастливо избежал его современник Дуарти Барбоза³. Благодаря книге этого последнего мы знаем, что уже в то время на Востоке существовала торговля опиумом.

Выйдя на простор Индийского океана, Элькано взял курс на запад-юго-запад, к мысу Доброй Надежды, стараясь при этом избежать встречи с португальскими кораблями. Он плыл по откры-

¹ См. главу о Марко Поло.

² Пигафетта смешивает ревеня с деревом, которое растет в Сиаме. Зола, получаемая из его сожженной древесины, источает приятный аромат, поэтому она продавалась в то время по очень высокой цене.

³ Барбоза Дуарти — шурин Магеллана и участник его кругосветной экспедиции. До этого плавания, с 1501 по 1516 г., он жил в Индии и написал «Книгу, в коей сообщается о том, что я видел и слышал на Востоке»; она была впервые опубликована в 1813 г в Лиссабоне.

тому морю до 42° южной широты, после чего круто повернул на запад. У самого мыса Доброй Надежды «Виктория» девять недель стояла со спущенными парусами из-за северо-западных ветров и сильных бурь. Нужно было обладать большой настойчивостью, мужеством и страстным желанием довести предприятие до благополучного конца, чтобы выдержать такое испытание. На корабле в нескольких местах открылась течь, плохо просоленное мясо испортилось и, кроме риса и воды, не осталось никаких продуктов. Измученные матросы хотели высадиться у португальского владения Мозамбик.

Наконец 6 мая «Виктории» удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, или мыс Бурный, как он был первоначально назван. Теперь уже можно было надеяться на благополучный исход путешествия. Но мореплавателям предстояло еще претерпеть немало бедствий. За два месяца плавания по Атлантическому океану двадцать человек погибли от голода и цинги. Если бы 9 июля кораблю не удалось пристать к острову Сантьягу в архипелаге Зеленого Мыса, такая же судьба постигла бы и всех остальных участников экспедиции.

Так как острова Зеленого Мыса принадлежали португальцам, то испанские моряки решили действовать осторожно. Умолчав об открытии нового пути к Молуккским островам, они сообщили португальцам, будто возвращаются из Америки. Когда продукты были уже погружены, один из матросов нечаянно проговорился, что «Виктория» — единственный корабль из всей эскадры Магеллана, который возвращается в Европу. Португальцы тотчас же завладели шлюпкой, захватили сошедших на берег испанских матросов и стали готовиться к нападению на «Викторию». Элькано, однако, пристально следил с корабля за всем, что происходило на берегу. Заподозрив недоброе, он тотчас же поднял на «Виктории» паруса, оставив на острове тринадцать матросов.

Максимилиан Трансильванский объясняет иначе этот печальный эпизод на острове Сантьягу. Экипаж был уже до такой степени измучен, что Элькано решил не только запастись на островах Зеленого Мыса продуктами, но и купить несколько невольников, которые помогли бы управлять кораблем. Денег у испанцев не было, и они стали расплачиваться пряностями, что и открыло глаза португальцам. Как бы то ни было, экипаж «Виктории» уменьшился еще на тринадцать человек; люди, задержанные португальцами, вернулись в Испанию значительно позже.

Рассказывая о стоянке у островов Зеленого Мыса, Пигафетта приводит в своем дневнике следующий поразивший его факт: «Мы поручили нашим людям, отправившимся на лодке к берегу, расспросить, какой это был день, и они узнали, что у португальцев был четверг, что нас весьма удивило, так как у нас была среда, и мы никак не могли понять, отчего могла произойти такая ошибка. Я чувствовал себя хорошо все время и делал отметки каждый день без перерывов. Как выяснилось впоследствии, тут не было никакой ошибки, ибо мы шли все время по направлению к западу и вернулись к тому же пункту, куда двигалось и солнце, и таким образом выиграли двадцать четыре часа, в чем никаких сомнений быть не может»¹.

Шестого сентября 1522 г. «Виктория» вошла в гавань Санлукар-де-Баррамеда. Прошло целых три года с тех пор, как из этого же самого порта вышли пять кораблей Магеллана, и только одно судно из всей флотилии вернулось обратно в Испанию. Из двухсот шестидесяти пяти человек, которые 20 сентября 1519 г. вышли в море, только семнадцать человек возвратились на «Викторию». Все они были больны и едва держались на ногах.

Через два дня Элькано бросил якорь в Севилье. Так было завершено первое кругосветное плавание.

Весть о прибытии единственного уцелевшего корабля Магеллана быстро распространилась по всей Испании. Король Карл V пригласил к себе в Вальядолид двух участников экспедиции, чтобы узнать от них подробности этого необычайного плавания. Ко двору отправились Элькано и Антонио Пигафетта. («Покинув Севилью, — пишет последний, — я направился в Вальядолид, где преподнес его священному величеству дону Карлу не золото и не серебро, а предметы, гораздо более ценимые столь могущественным государем. Между прочими предметами я дал ему книгу, собственноручно мною написанную и содержащую описание всего того, что происходило изо дня в день на всем протяжении нашего плавания.»)

¹ Это явление потери одного дня при движении вокруг света по направлению к западу, открытое Пигафеттой, было задолго до него теоретически предсказано арабским географом Абульфедой.

Выигрыш одного дня при кругосветном путешествии по направлению к востоку положен Жюлем Верном в основу сюжета известного романа «Вокруг света в восемьдесят дней». Разнобой в исчислении дней вызвал необходимость установления линии перемены дат, которая представляет собою восточную половину Гринвичского меридиана. Теперь принято за правило: когда идут с востока, то, пересекая эту линию, один день считают дважды, а когда идут с запада, то пропускают один день.

Элькано получил от Карла V пенсию в пятьсот дукатов и герб, изображающий земной шар, со следующей надписью на латинском языке: «Primus circumdedisti me» («Ты первый объехал вокруг меня»).

Богатый груз, привезенный «Викторией», побудил Карла V снарядить к Молуккским островам новую экспедицию (1525 г.). Однако начальником был назначен не Алькано, а Гарсиа де Лоайса. Эта экспедиция окончилась печально: Лоайса умер в пути, после того как корабли миновали Магелланов пролив и вышли в Тихий океан. Флотилию возглавил главный кормчий Элькано, но и он умер спустя шесть дней.

Что касается «Виктории», то она долго сохранялась как реликвия в севильской гавани, пока окончательно не разрушилась от ветхости.

Глава третья

ПОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ПОИСКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА

I

Норманны. — Эйрик Рыжий. — Братья Зено. — Гашпар и Мигел Кортириалы. — Джон Кабот. — Себастьян Кабот. — Хью Уиллоуби. — Ричард Ченслер.

Мы уже говорили об ученом греке Пифее (IV в. до н. э.), который прослыл первым полярным мореплавателем. Открыв к северу от Британии знаменитую землю Ультима Туле (вероятно, Исландию)¹ и холодный океан, где отмели, водоросли и льды делают плавание опасным, где ночи так же светлы, как и сумерки, Пифей открыл вместе с тем дорогу на Север.

Предания о морских плаваниях, совершенных древними путешественниками к Оркнейским островам и к Исландии, сохранились у ирландских монахов, которые сами были отважными мореходами, что подтверждается фактом их поселения на этих пустынных архипелагах. Ирландские монахи иногда служили в качестве кормчих норманнам — норвежским и датским пиратам, наводившим в средние века ужас на всю Европу. Но если сведения о «гиперборейских странах»², дошедшие до нас от древних греков и римлян, весьма туманны и фантастичны, то этого никак не скажешь о дерзких предприятиях «северных» людей — норманнов.

Скандинавские саги — исландские, норвежские и датские сказания — отличаются исторической достоверностью и определенностью. Правдивость описанных в них отдельных фактов и событий подтвердили многочисленные археологические находки в

¹ Незначительное расстояние от острова Великобритания, которое указывает Пифей, и наличие жителей на земле Туле заставляют предполагать, что это не Исландия, а Скандинавский полуостров, так как первыми поселенцами на острове Исландия были христианские монахи, переселившиеся сюда из Ирландии в конце VIII в.

² Борей — в мифологии древних греков — имя бога северного ветра (применялось и к самому ветру). От этого слова происходит название воображаемого народа — гиперборейцы. Античные географы помещали их на Крайнем Севере, поэтому северные страны назывались «гиперборейскими странами»

Америке, Гренландии, Исландии, Норвегии и Дании. Скандинавские саги — ценнейший исторический источник, которому долгое время не придавали большого значения, пока знаменитый датский археолог (первой половины XIX в.) К. К. Рафн не представил в высшей степени убедительные доказательства доколумбовского открытия Америки.

В ту эпоху Норвегия была бедной страной с ограниченной территорией, пригодной для заселения. Сравнительно суровые климатические условия мало благоприятствовали земледелию. Поэтому значительная часть жителей вынуждена была искать счастья вдали от родины. Когда какому-нибудь викингу¹ случилось найти богатый край или поселение, сулящее хорошую добычу, он возвращался домой, собирал дружину и следующей весной отправлялся в поход в сопровождении людей, увлеченных жаждой сражений и страстью к наживе.

Храбрые охотники и рыболовы, норманны с юных лет привыкали к опасным плаваниям среди бесчисленных островов и скал, как бы защищающих континент от ярости океана, привыкали лавировать в излучинах глубоких фиордов, словно вырубленных в скалах каким-то гигантским мечом. Скандинавы пускались на своих дубовых кораблях в далекие плавания, терроризируя внезапными набегами жителей прибрежных стран. Корабли скандинавских викингов, большие и малые, длинные и короткие, чаще всего имели спереди мощный волнорез, поверх которого вздымался высокий нос, загнутый в форме буквы S. Наскальные изображения, встречающиеся в Швеции и Норвегии, дают наглядное представление об этих быстроходных и вместительных судах с прямыми парусами. Известно, например, что корабль конунга² Олафа Трюггвессона имел тридцать две скамьи для гребцов и был рассчитан на девяносто человек экипажа. Корабль конунга Канута вмещал шестьдесят человек. Два корабля конунга Олафа Святого (или Толстого, как его называли при жизни) вмещал до двухсот человек каждый.

«Морские короли», как часто называли норманнских викингов, большую часть жизни проводили на своих кораблях. Скандинавы грабили замки феодалов, сжигали богатые монастыри, опустоша-

¹ В и к и н г и — древнескандинавские морские разбойники и торговцы. Слово «викинг» первоначально означало морской набег на прибрежное поселение («вик»). Позже участников морских набегов скандинавских дружинников стали называть норманнами.

² К о н у н г — скандинавский племенной вождь.

ли берега Франции, спускались по рекам и доходили по Сене до Парижа, проплывали Средиземное море до Константинополя.

Нужно сказать, что пиратство не только не считалось зазорным промыслом в этом варварском или полудивилизованном обществе, но всячески восхвалялось дружинными певцами — скальдами, которые восторженно воспевали удачу и отвагу викингов и сохранили в памяти поколений много подробностей о смелых морских походах норманнских конунгов. Саги и песни скальдов содержат интересные сведения о географических открытиях, сделанных скандинавскими мореходами.

С VIII в. они посещали Оркнейские, Гебридские, Шетландские и Фарерские острова, где еще в VII в. селились поодиночке или небольшими группами ирландские монахи-отшельники.

В 861 г. норвежский пират по имени Наддод, живший на Фарерских островах, был отброшен бурей на северо-запад, к стране, покрытой снегом, которую он назвал Снуланн (Снежная страна). Позднее эта земля была названа Исландией (Ледяная страна). Там норманны еще обнаружили — под именем папы — в кантонах Папейя и Папила ирландских монахов.

В 885 г. конунг Харальд Прекрасноволосый покорил всю Норвегию и провозгласил себя единовластным правителем страны. Значительное число норманнов, не желавших подчиниться Харальду, эмигрировало в Исландию. Эти переселенцы заложили там основы такой же «республики»¹, которая существовала незадолго до того в самой Норвегии. Исландское народовластие существовало до 1262 г., пока Исландия не попала под власть норвежских королей.

Смелые норманны занимались в Исландии не только скотоводством, охотой на морского зверя и рыбной ловлей, но и продолжали исследовать неведомые морские просторы, открывая новые земли и острова.

В 920 г. группа норманнских пиратов во главе с Гунбьерном была отнесена ветром к далекой северной земле; на горизонте виднелись седые вершины гор. В 983 г. эту землю, издали

¹ В Исландии с IX до середины XII в. существовал своеобразный общественный строй, который историки характеризуют как «народовластие» в период перехода от родового строя к государству. Землей владели свободные общинники — «бонды», сами управлявшие своими делами на сходках — «тинггах». Раз в год собирался общенорвежский тинг — «альтинг». После того как Исландия попала под власть норвежских королей, общинно-родовой строй распался, уступив место обычному классовому государству.

замеченную Гунбьерном, открыл норвежец по имени Эйрик Раул («Рыжий»). Изгнанный из Норвегии за убийство и затем из Исландии за «беспокойный нрав», он отправился на поиски нового места для поселения и высадился под 64° северной широты на пустынном гренландском берегу, покрытом вечными льдами. В надежде найти подходящее место для жилья Эйрик и его спутники обогнули мыс Фарвель и остановились на юго-западном берегу Гренландии, где построили большой дом (развалины его были найдены археологом Г. Йоргенсенем недалеко от Юлианехоба). Эту страну Эйрик Рыжий назвал Зеленой землей (Гренланд), так как за мысом Фарвель большие участки суши были покрыты довольно густой растительностью.

Через три года Эйрик Рыжий вернулся в Исландию за своими друзьями, и вскоре в Братталид (так он назвал свой поселок в Гренландии) пришло четырнадцать кораблей с колонистами. Норманнские поселения в Гренландии так быстро разрастались, что в 1121 г. столица страны, Гардар, была превращена в самостоятельную епархию, которая существовала еще в те годы, когда Колумб открыл Антильские острова.

В 986 г. норвежец Бьярни Херьюльфсон, прибывший из Норвегии в Исландию, чтобы погостить у своего отца, узнал, что последний отправился вместе с Эйриком Рыжим в Гренландию. Молодой викинг, не колеблясь, пустился в море на поиски страны, местонахождение которой ему было известно только понаслышке. Течение отбросило его к каким-то неведомым берегам. Одни исследователи принимают их за Новую Шотландию, другие — за Ньюфаундленд, третьи — за побережье штата Мэн. Когда, после многих приключений, Бьярни Херьюльфсон добрался до Гренландии, Эйрик Рыжий стал попрекать его за то, что он недостаточно тщательно исследовал страну, куда был заброшен «по дикой прихоти волн».

Эйрик послал своего сына Лейфа к норвежскому двору, настолько оживленными были в то время сношения метрополии с ее колониями. Король, обращенный в христианство, решил направить в Исландию духовную миссию, призванную сломить культ Одина. Он приставил к Лейфу несколько священников, которые должны были проповедовать основы христианства гренландцам; но молодой авантюрист, едва вернувшись на родину, предоставил святым отцам самим выпутываться из положения, а сам, узнав об открытии Бьярни новых земель, предпринял путе-

шествие за океан и действительно обнаружил обширную пустынную землю, усеянную огромными валунами. Лейф назвал ее Хеллуланн (Каменистая страна). По-видимому, это был северный берег острова Ньюфаундленд, далее за низким, песчаным берегом стеной поднимался темный лес, оживляемый пением бесчисленных птиц. В третий раз он вышел в море. Отсюда Лейф спустился к югу и через несколько дней вошел в бухту, известную под именем Род-Айленд. Мягкий климат, лесистые берега, реки, полные лососей, так понравились Лейфу, что он, назвав эту землю Маркланн (Лесная страна), построил большой бревенчатый дом Лейфсбудир (жилище Лейфа). Затем он послал своих товарищей на юг исследовать близлежащие земли. Моряки вернулись с хорошей вестью: по берегам рек в лесах оказались густые заросли дикого винограда. Лейф присвоил этой земле название Винланн (Страна вин). Нагрузив свои корабли лесом, виноградом и пушниной, норманны летом 1001 г. вернулись в Гренландию.

Со слов Лейфа известно, что самый короткий день в той стране длится девять часов. Отсюда можно заключить, что Лейфсбудир был построен на северо-восточном берегу Америки, под 41°24'10" северной широты.

Экспедиция Лейфа наделала много шума. С тех пор сына Эйрика стали называть Счастливым. Чудесные рассказы об открытых за океаном странах побудили брата Лейфа, Турвальда, отправиться туда с тринадцатью товарищами (1002 г.). Перезимовав в Лейфсбудире, Турвальд исследовал берега к югу, осенью возвратился в Винланн и в следующем, 1004 г. занялся осмотром берегов к северу от Лейфсбудира. На обратном пути норманны впервые встретили эскимосов и без всякого повода безжалостно их перебили. На следующую ночь после убийства норманны внезапно оказались окруженными бесчисленной флотилией эскимосских «каяков», откуда на них сыпались целые тучи стрел. Предводитель экспедиции Турвальд был смертельно ранен и вскоре умер. Товарищи похоронили его на мысе, названном мысом Креста.

В XVIII в. на берегу залива Массачусетс была открыта каменная могила, в которой оказался скелет человека и железная рукоятка меча. Так как индейцам этот металл не был известен, то скелет не мог принадлежать представителю какого-нибудь индейского племени, равно как и европейцу, высадившемуся здесь позже XV в., — о чем говорит характерная форма железной ру-

коятки. Археологи утверждают, что это — погребенье скандинава, и не исключена возможность, что найденный скелет — останки Турвальда, сына Эйрика Рыжего.

Весной 1007 г. гренландские колонисты снарядили еще одну экспедицию за океан, которую возглавил отважный викинг Борфинн Карлсефин. Сто шестьдесят норманнов разместились на трех кораблях, захватив с собой несколько десятков голов скота. На этот раз было решено прочно обосноваться на новых землях. Эмигранты обследовали Хеллулани, Марклани и Винлани, а затем, высадившись на одном из островов, построили хижины и приступили к обработке земли. Надо полагать, что они утратили чувство меры или были непредусмотрительны, потому что зимой у норманнов кончились съестные припасы и в селении начался голод, что заставило пришельцев снова перебраться на материк. В начале 1008 г. они занялись поисками Лейфсбудира и поселились недалеко от становища Лейфа Счастливого. Здесь норманны вступили в сношения с туземцами, вероятно эскимосами, которых они называли «скрелингами»¹. Некоторое время скандинавы торговали с эскимосами, но потом мирные отношения между ними испортились, так как туземцы соглашались отдавать меха только в обмен на железные топоры и секиры. Частые столкновения с местным населением вынудили норманнов вернуться в Гренландию после трехлетнего пребывания в далекой стране, где они не оставили после себя никаких сколько-нибудь заметных следов.

Нет возможности перечислить все норманнские экспедиции, следовавшие одна за другой на огромных пространствах — от Гренландии до Лабрадора и нынешних Соединенных Штатов. (Гем из наших читателей, которые пожелали бы более подробно ознакомиться с плаваниями норманнов, рекомендуем обратиться к специальным работам, посвященным этому вопросу, а также к текстам исландских саг и прежде всего к «Саге об Эйрике Рыжем»².)

В том же, 983 г., когда Эйрик Рыжий высадился в Гренландии, один скандинав по имени Марсон был отброшен бурей к бере-

¹ Происхождение слова «скрелинги» неизвестно. По одним источникам оно означает «бродяги», по другим — «грязные», по третьим — «обрезки людей» (карлики).

² См. тексты и сопроводительные статьи в сборниках «Исландские саги» (М., Гослитиздат, 1956) и «Древнесеверные саги и песни скальдов» (СПб., изд. И. Глазунова, 1903). Во втором сборнике имеется перевод «Саги об Эйрике Рыжем».

гам страны, названной им «Землею белых людей»; она простиралась, по мнению Рафна, от Чесапикского залива до Флориды.

Откуда пошло название «Земля белых людей»? Не обосновались ли там еще раньше какие-нибудь европейцы? Некоторые места в исландских летописях дают основание для таких догадок. Но каких-нибудь указаний, которые позволили бы установить национальную принадлежность этих поселенцев, пока что найти не удалось. Саги еще не раскрыли всех своих тайн. В них еще много неразгаданного и неясного. Но если учесть, что саги и археологические раскопки блестяще подтвердили многие предположения ученых, то можно надеяться, что наши сведения о скандинавских мореплавателях со временем станут более полными.

Другая легенда, включавшая много романтических эпизодов, сохранила все же реальную основу; в ней рассказывается, что некий Бьорн вынужден был покинуть Исландию из-за несчастной любви, он укрылся в странах за Винланном, где в 1027 г. его нашли соотечественники.

Достоверность исландских саг можно подтвердить еще одним примером. В 1051 г., во время очередной заокеанской экспедиции, «скрелинги» убили исландскую женщину. В 1827 г. была раскопана гробница с рунической надписью¹, в которой оказался женский скелет и остатки одежды, хранящиеся ныне в одном из вашигтонских музеев. Это открытие было сделано в том самом месте, которое упоминается в саге, причем сама легенда, повествующая об этом случае, стала известна лишь в 1863 г.

Но не только норманны, обосновавшиеся в Исландии и Гренландии, достигали в начале XI в. берегов Америки. Упомянутая нами «Земля белых людей» в других источниках именуется «Большой Ирландией». Действительно, имеются сведения, правда очень скудные, что, кроме норманнов, ирландцы и галлы также основывали свои поселения на американском побережье. Некоторые историки считают эти указания вполне правдоподобными, несмотря на то что окончательно доказать их достоверность не удается.

А теперь посмотрим, как сложилась судьба норманнских поселений в самой Гренландии.

Колонии, основанные сначала в окрестностях мыса Фарвель, вскоре распространились вдоль западного берега (тогда он был менее суровым, чем теперь) — вплоть до таких северных широт, куда

¹ Рунические надписи — древние скандинавские письмены, высеченные на камнях.

гренландские жители в наше время не заходят. В заливе Диско норманны били тюленей, моржей и китов. Колонисты поддерживали постоянную связь с Исландией и Норвегией. Норманнские поселения продолжали разрастаться до середины XIII в., когда на юго-западном берегу Гренландии насчитывалось около двухсот восьмидесяти поселков — значительно больше, чем в позднейшие времена, после того как Гренландия стала датской колонией.

Каждое из норманнских селений состояло, вероятно, из небольшой группы домов. Остатки их были найдены в разных местах — на всем пространстве от мыса Фарвель до Упернивика. Вместе с тем многочисленные рунические надписи на древнеисландском языке, которые научились теперь легко разбирать, окончательно подтвердили факты, остававшиеся долгое время неизвестными. Но сколько следов исторической деятельности норманнов еще не удалось открыть! Сколько драгоценных свидетельств о храбрости и предприимчивости скандинавских народов погребено навсегда подо льдами!

Помимо всего сказанного известно также, что делались попытки перенести в Америку через Гренландию и христианскую религию. Папа Григорий IV посылал миссионеров «укреплять в вере» новообращенных норманнов и проповедовать Евангелие среди эскимосских и индейских племен, а в гренландском епископстве и «на соседних островах и землях» папские посланцы в XII в. выступили с проповедью крестовых походов. Гренландия до 1418 г. платила папскому престолу десятину и «лепту святого Петра», что составляло для этого года две тысячи шестьсот фунтов моржовых кльков.

Но позже скандинавские колонии в Гренландии зачахли и обезлюдели. Это произошло в силу многих причин. Положение колонистов резко ухудшилось после того, как Исландия отошла к Норвегии и исландские корабли почти перестали посещать гренландские берега. В самой Гренландии заметно посуровел климат. Вследствие климатических изменений образовались колоссальные ледники, которые движутся от центра острова к берегам со скоростью до тридцати метров в год. Кроме того, в 1347 и 1351 гг. значительный урон населению Гренландии нанесла эпидемия черной оспы. И наконец, к полному развалу гренландские поселения норманнов привели опустошительные набеги морских разбойников с Оркнейских и Фарерских островов¹.

¹ Прекращение плаваний в Гренландию и Америку было вызвано еще и тем, что европейцы в то время стремились проникнуть в богатые и культурные во-

Эти острова издавна служили пристанищем для скандинавских пиратов. Со второй половины XIV в. Оркнейские острова стали собственностью потомков Сен-Клера, или Синклера, одного из спутников Вильгельма Завоевателя. Около 1390 г. знатный венецианец Николо Зено на пути в Англию потерпел крушение у Оркнейских островов и поступил на службу к графу Генри Синклеру. Любопытная история путешествий Николо Зено была записана его братом Антонио Зено и включена (но, к сожалению, не в подлинном виде) в знаменитое «Собрание путешествий» Рамузио, венецианского географа XVI в.

Записки Антонио Зено постигла удивительная судьба. Один из его потомков, Николо Зено-младший, родившийся в 1515 г., будучи еще ребенком, порвал эти бумаги, не подозревая, какую они представляют ценность. Впоследствии по некоторым уцелевшим письмам обоих братьев он составил рассказ, включенный в упомянутый сборник Рамузио. Была найдена также, по утверждению автора, старинная, полуистлевшая от ветхости карта, составленная братьями Зено. Николо Зено снял с нее копию, произвольно прибавив свои дополнения, которые должны были пояснить рассказ в его редакции. Сделано это было крайне опрометчиво и с такими грубыми ошибками, что карта братьев Зено оказалась безнадежно испорченной. Только те места на карте, к которым не прикоснулась рука Николо Зено-младшего, показывают, с какой поразительной точностью братья Зено определили местоположение старой гренландской колонии. Тем самым подтверждается, что записки Антонио Зено, которые многие географы считают подложными, действительно существовали, ибо трудно предположить, что Николо Зено-младший был в состоянии так гениально сочинить историю и украсить ее правдоподобными деталями.

В эти времена моря Северной Европы опустошались скандинавскими пиратами. Синклер, признававший в Зено искусного моряка, соединился с ним; вместе они покорили Фрисландию, пи-

сточные страны, а суровые и дикие земли, открытые норманнами за Атлантическим океаном, никого в Европе тогда не интересовали. Кроме того, феодальная раздробленность Европы и бесконечные междоусобные войны также препятствовали организации далеких заокеанских экспедиций. К этому нужно добавить низкий уровень оснащения судов, например отсутствие компаса. Отдельные мореплаватели, ориентируясь по небесным светилам, могли пересекать Атлантический океан, но регулярное сообщение с заморскими странами наладить было невозможно.

ратское гнездо, откуда морские разбойники совершали набеги на весь шотландский север. На портоланах конца XV в. и картах начала XVI этим именем назывался Фарерский архипелаг, что кажется весьма вероятным, потому что Бюаш обнаружил в современных названиях гаваней и островов этого архипелага значительное количество топонимов, приведенных на карте Зено; наконец, и в наше время работают приведенные венецианским мореплавателем детальные сведения о водах, обильных рыбой, и об опасных мелях в районе упомянутого архипелага.

Перезимовав кое-как на острове, Зено в следующем году высадился на восточном побережье Гренландии, под 69° северной широты, в месте, «где находился монастырь ордена Проповедников и церковь, посвященная св. Фоме. Монашеские келии обогревались природным источником горячей воды, которую монахи употребляли также для приготовления пищи и хлеба». Но больше всего поразил Николо Зено прекрасный зимний сад, хорошо укрытый от стужи, в котором в самый лютый мороз зеленели травы, распускались цветы и вызревали фрукты, словно этот сад, отапливавшийся тем же горячим источником, находился не на Крайнем Севере, а в умеренном климате.

В Гренландии Николо Зено, по-видимому, узнал о существовании обширной земли, расположенной к западу от этого острова.

Смелое плавание в страну, климат которой так резко отличался от климата Венеции, оказалось для Николо роковым. Он умер вскоре после своего возвращения на Оркнейские острова.

Старый моряк, вернувшийся вместе с венецианцем, который, как говорят, долгие годы провел в плену на далеком Западе, сообщил Синклеру детали, столь точные и настолько заманчивые о плодородии и протяженности этих краев, что последний решил отправиться на их завоевание вместе с Антонио Зено, присоединившимся к брату. Но туземцы повсюду проявляли такую враждебность и так яростно препятствовали высадке чужеземцев, что Синклеру пришлось после долгого и опасного плавания вернуться в Фрисландию.

Некоторые ученые, например Форстер и Мальтебрен, отождествляют далекие земли, где попытка высадиться Антонио Зено, с Ньюфаундлендом.

Кто может поручиться, что Христофор Колумб, если он, как утверждают его биографы, в молодости посетил Англию и побывал в «Ультима Туле», ничего не слышал о древних путешествиях нор-

маннов и братьев Зено и что полученные им сведения не навели его на мысль о возможности достижения Индии западным путем?

Из приведенных фактов явствует, что Америка не только была известна европейцам задолго до Колумба, но и что делались попытки основать на ее берегах европейские поселения. Однако по разным причинам, и прежде всего потому, что между северными и южными странами Европы были тогда очень слабые связи, португальцы и испанцы имели об открытиях норманнов самые смутные представления. Разумеется, мы знаем сейчас о плаваниях скандинавов неизмеримо больше, чем соотечественники и современники Колумба. Если даже некоторые слухи и дошли до генуэзского мореплавателя, то, вероятно, он воспринял их в сочетании с теми данными, которые были получены им на островах Зеленого Мыса, и с древними легендами о мифическом острове «Антилия»¹ и платоновской Атлантиде². Все эти сведения, собранные из разных источников, по-видимому, и привели его к убеждению, что на Восток можно проникнуть западным путем.

Как бы то ни было, но слава Колумба остается нерушимой. Именно он, а никто иной, открыл Америку. Бури и ветры занесли туда первых норманнов помимо их воли, и, даже основывая потом на американских землях свои недолговечные поселения, они вовсе не помышляли о достижении азиатских стран. Колумб к этому сознательно стремился и безусловно достиг бы своей цели, если бы... путь ему не преградила Америка.

Одновременно с Колумбом и его последователями в Испании, а в некоторых случаях даже немного раньше, поисками новых путей из Европы к берегам Восточной Азии занялись португальские и английские мореплаватели, которым, в свою очередь, удалось дойти до Американского материка, но только северо-западным путем.

После экспедиций норманнов прошло без малого пять столетий, прежде чем европейцами были вторично открыты и исследованы берега Северной Америки!

¹ Легендарные острова Антилия и Бразил были впервые обозначены в Атлантическом океане на карте Тосканелли.

² По древнеегипетскому преданию, сообщенному Платоном, некогда существовал огромный остров в Атлантическом океане, населенный культурным и могучим племенем атлантов, которые воевали с жителями Африки и Европы. Атлантида вследствие страшного землетрясения погрузилась в волны океана. Разные авторы под Атлантидой подразумевали Америку, Канарские острова, острова Эгейского моря и др.

В этой связи следует прежде всего упомянуть о братьях Кортириалах. Сведения, сообщаемые о них биографическими словарями, оставляют желать лучшего. Так как история сохранила о роде Кортириалов, этих смелых мореплавателей, очень скудные данные, то нам поневоле придется довольствоваться малым.

Братья Гашпар и Мигел Кортириалы были сыновьями опытного моряка по имени Жуан Ваш Кортириал, который еще в 1460 г. совершил длительное плавание по северной части Атлантического океана и открыл большую землю, названную им Терра душ Баккальюш, что значит «Тресковая земля», что соответствует, видимо, Ньюфаундленду. Дата открытия фиксируется приблизительно тем фактом, что по своем возвращении они пристали в Терсейре и, найдя капитанскую должность вакантной после смерти Жакома ди Брюжиша, пришли просить этот пост у инфанты доньи Бритиш, вдовы инфанта дона Фернанда. Она им эту должность доверила при условии, что они разделят полномочия между собой; это было подтверждено дарственным актом, подписанным в Эворе 2 апреля 1464 г.

Факт этот, конечно, не может гарантировать подлинность открытия Америки, однако подтверждает, что путешествие Кортириала должно было быть отмечено каким-то чрезвычайным происшествием. В те времена столь важные подарки получали только те, кто оказывал какие-то очень большие услуги монарху.

Поселившись в Терсейре, Ваш Кортириал распорядился построить в 1490 — 1497 г. в городке Ангр прекрасный дворец, где жил вместе с тремя своими детьми. Гашпар, его третий сын, послужив королю Мануэлу в то время, когда тот был еще только герцогом де Бежа, вовремя ощутил тягу к географическим открытиям, пользу занятия которыми показывал пример его отца. В патенте, подписанном королем Мануэлом в Синтре 12 марта 1500 г., Гашпару Кортириалу даровалось владение островами или землями, которые он сможет открыть, и король добавляет ценнейшее сведение, что «в иные времена он уже искал их за свой счет».

По всей вероятности, поиски Гашпара Кортириала были направлены в ту сторону, где его отец открыл некогда Тресковую землю. Снарядив на свой счет два корабля, Кортириал в начале лета 1500 г. покинул Лиссабон и отплыл на северо-запад. После долгого плавания по океану он заметил берег неизвестной земли, покрытый густыми лесами. Это была Канада. Путешественники

увидели там большую реку, на которой был ледоход; они приняли ее сперва за морской рукав и назвали Рио-Невадо (ее отождествляют с рекой Св. Лаврентия).

«Реки здесь так полноводны, — рассказывал Кортириал, — что трудно допустить, чтобы эта страна была островом. К тому же она должна быть покрыта очень толстым слоем снега, чтобы в половодье мог образоваться такой значительный приток воды».

Хижины туземцев были сложены из дерева и покрыты шкурами пушных зверей. Железа жители не знали. Стрелы и копья были с наконечниками из рыбьих костей или камня. Высокие, хорошо сложенные, обитатели этой страны раскрашивали себе лицо и тело разными красками, обвешивались золотыми и медными кольцами и одевались в меха.

Отсюда Кортириал направился к северу и через несколько дней достиг мыса, который был назван Тресковым, ибо «треска встречается здесь в таком изобилии, что затрудняет путь каравеллам». Кортириал исследовал американский берег на протяжении двухсот лье, от 56° до 60° северной широты, всюду давая названия островам, рекам и заливам. Название Лабрадор (Терра-ду-Лаврадор — Земля Пахаря) сохранилось за огромным канадским полуостровом. Часто высаживаясь на берег, Кортириал завязывал отношения с местными индейцами. Жестокие холода и громадные плавучие льдины помешали экспедиции подняться еще дальше на север, и мореплаватель возвратился в Португалию, захватив с собой из Канады пятьдесят семь индейцев. Он также привез несколько белых медведей.

На следующий год, 15 мая 1501 г., Гашпар Кортириал, получив помощь от португальского правительства, снова отправился из Лиссабона за океан с целью расширить свои открытия. На этот раз он взял курс несколько южнее и открыл большую землю, названную им Терра Верди (Зеленая Земля). Две каравеллы из трех благополучно вернулись в Португалию с захваченными для продажи в рабство индейцами, но судно, которым командовал сам Гашпар Кортириал, пропало без вести. Вероятно, он погиб где-нибудь у берегов Канады.

Мигел Кортириал, приближенный португальского короля, получил разрешение отправиться на поиски своего брата Гашпара и продолжить начатое им исследование новых земель. По договору от 15 января 1502 г. он получил в дар половину земель и островов, которые мог бы открыть его брат. Отплыв из

Лиссабона 10 мая того же года с тремя кораблями, Мигел Кортириал благополучно достиг Ньюфаундленда; здесь он разделил свою маленькую флотилию, поручив каждому кораблю в отдельности тщательно исследовать берег, чтобы отыскать следы каравеллы Гашпара. Поиски не дали никаких результатов. По истечении установленного срока два корабля встретились в заранее назначенном месте у берегов Ньюфаундленда, но третий корабль, на котором был сам Мигел Кортириал, не вернулся. Прождав его до 20 августа, спутники Кортириала отплыли в Португалию. Обоих братьев постигла одинаковая участь.

В 1503 г. португальский король отправил две каравеллы с поручением отыскать хоть какие-нибудь следы братьев Кортириал; но все поиски были напрасны, и корабли вернулись в Лиссабон, ничего не найдя.

Узнав об этом, последний из братьев Кортириал, Вашку Аннеш Кортириал, губернатор островов Сан-Жоржи и Терсейра, решил на свой счет снарядить корабли и отправиться на поиски Гашпара и Мигела. Однако король, боясь гибели последнего из трех братьев, воспротивился этому намерению и не отпустил Кортириала за океан.

На картах XVI в. Канада часто именуется «Землей Кортириалов». Это название распространялось и на земли, лежащие южнее современной Канады и занимающие значительную часть Североамериканского континента.

Остановимся теперь на английских открытиях в Северной Америке, связанных с именами Джона и Себастьяна Каботов. Многое из того, что нам известно об этих замечательных путешественниках, является результатом исследований француза Авезака и англичанина Николса, которым удалось обнаружить ценные документы в английских, венецианских и испанских архивах. Несмотря на то, что некоторые утверждения этих ученых отнюдь не являются бесспорными, мы воспользуемся для нашего краткого обзора преимущественно их трудами.

Не найдено записей ни об имени, ни о национальности Джона Кабота, как и о времени его рождения. По мнению господина д'Авезака, Джованни Кабота, Кабото (или Кабот) родился если и не в самой Генуе, то в ближайшем соседстве с ней, может быть, в Кастильоне, в первой четверти XV столетия. Некоторые историки считают его англичанином, и национальное самолюбие, видимо,

подтолкнуло господина Николса принять эту точку зрения; по меньшей мере это можно заключить из выражений, которые он употребляет. В чем нельзя сомневаться, так это в том, что Джон Кабот прибыл в Лондон с целью заняться коммерцией и поселился в Бристоле, в то время втором по значению городе королевства, выбрав местом жительства предместье Катай¹, названное так по причине многочисленных венецианских купцов, обосновавшихся там и ведших торговлю с Дальним Востоком. Именно там родились два последних сына Кабота — Себастьян и Санчо, если вспомнить, что рассказывает старинный летописец Иден: «Себастьян Кабот говорил мне, что он родился в Бристоле, а с четырех лет от роду он уехал с отцом в Венецию и вернулся в Англию только через несколько лет, что дает другим повод полагать, будто он родился в Венеции». В 1476 г. Джон Кабот находился в Венеции и 29 марта получил там свидетельство о натурализации, а это доказывает, что он не был уроженцем этого города и должен был заслужить права горожанина. Господин д'Авезак склонен думать, что он посвятил себя изучению космографии и мореплавания, возможно, сотрудничал со знаменитым флорентийцем Паоло Тосканелли, теоретические концепции которого о распределении суши и океана на земной поверхности он хорошо знал. Одновременно он мог слышать рассказы об островах, расположенных посреди Атлантического океана и нареченных Антилией, Землей Семи Городов или Бразилией. Правда, более достоверным кажется, что как-то по торговым делам он оказался в Леванте, говорят даже, что в Мекке, и там он узнал, из каких стран привозят те или иные пряности — самую доходную тогда для венецианцев отрасль коммерции.

Если же отказаться от всевозможных спекуляций насчет Джона Кабота, то верным окажется только то, что в Бристоле он основал крупный торговый дом.

Сын его Себастьян Кабот, с малых лет приохотившийся к морю, ознакомился со всеми известными тогда отраслями навигации и совершил несколько плаваний по океану, чтобы овладеть на практике тем искусством, которое он познал в теории.

Приехав в Англию, Кабот сразу же стал пытаться осуществить свою идею с помощью бристольских купцов. «Уже в продолжение семи лет, — писал 25 июля 1498 г. испанский посол в своем

¹ В то время полагали, что на востоке Азии находятся два больших государства: на севере — Катайя, а на юге — Хина.

донесении Фердинанду и Изабелле, — бристольтские купцы снаряжают по прихоти этого генуэзца по две, по три и по четыре каравеллы на поиски острова Бразил, или Земли Семи Городов».

В то время по всей Европе распространился слух об открытиях Колумба. «У меня родилось, — говорит Себастьян Кабот в одном письме, сохранившемся благодаря Рамузио, — страстное желание и сердечное влечение самому совершить нечто значительное, и, узнав все, что возможно, о земном шаре, я решил, что быстро достигну Индии, если буду плыть на запад. О своем проекте я сообщил его величеству, и он остался им очень доволен».

Король, к которому обратился Кабот, был тот самый Генрих VII, который несколькими годами раньше отказал Колумбу в какой-либо поддержке. Понятно, что теперь, когда стало известно об открытии за океаном новых земель, он отнесся благосклонно к проекту, представленному Каботами — отцом и сыном. Хотя из приведенного отрывка ясно, что Себастьян Кабот приписывал себе одному всю честь проекта, но главным инициатором предприятия был его отец, о чем свидетельствует патент, выданный Джону Каботу в 1495 г.

Ознакомимся с этим интересным документом (цитируем его в сокращенном виде): «Мы, Генрих... разрешаем нижепоименованным: Джону Каботу, гражданину Венеции, и его сыновьям, Луису, Себастьяну и Санчо, отправиться под нашим флагом с пятью кораблями такого тоннажа и с таким количеством экипажа, какое они сочтут нужным, в плавание за их собственный счет ко всем местам, областям и берегам восточного, западного и северного морей... чтобы искать, открывать и исследовать всяческие острова, страны, области и провинции язычников и неверных, остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились... Мы жалуем им и их потомкам право покорять страны и владеть ими... с условием, что они из всех своих выгод, барышей и доходов будут уплачивать нам пятую часть всего, что достигнется каждым отдельным плаванием, и каждый раз при их входе в бристольтскую гавань (в этой гавани они только и имеют право приставать)... освобождаем их и их наследников от уплаты всяких пошлин на товары, которые они будут привозить из открытых ими стран... Повелеваем всем нашим подданным на суше и на море оказывать покровительство и помощь названному Джону и его сыновьям».

Таков патент, выданный 5 марта 1495 г. Джону Каботу и его сыновьям после их возвращения из первого плавания к Американскому континенту, а отнюдь не до этого, как полагают многие исследователи. Как только весть об открытиях Колумба достигла Англии, — вероятно, в 1493 г., — Джон и Себастьян снарядили на свой счет экспедицию и в начале 1494 г. покинули Бристоль с намерением достигнуть сначала Китая, а затем Индии. В том, что это плавание действительно имело место, сомневаться не приходится, так как в Парижской национальной библиотеке хранится единственный экземпляр карты, гравированной в 1541 г., то есть еще при жизни Себастьяна Кабота; она свидетельствует об этом путешествии и о точном времени открытия канадского острова Кейп-Бретон¹.

Возможно, интригам испанского посла следует приписать то обстоятельство, что следующая экспедиция Джона Кабота очень запоздала, и в течение всего 1496 г. он не мог закончить сборы.

Только в мае 1497 г. Кабот снова отправился в далекий путь. Плывая на запад севернее 50° северной широты, он достиг в конце июня какой-то пустынной земли, которая была названа Терра Прима Виста (Первая увиденная земля). Он поплыл вдоль берега и вскоре, к большому своему разочарованию, заметил, что побережье уходит на север. «Тогда я поплыл вдоль берега в надежде найти какой-нибудь проход, но не нашел его, хотя поднялся до 56°; видя, что берег поворачивает к востоку, я отчаялся открыть этот проход и повернул на другой галс, чтобы исследовать берег по направлению к экватору, все с тем же намерением — найти путь в Индию. Наконец я достиг страны, называемой теперь Флоридой, но, ощутив недостаток в съестных припасах, решил вернуться в Англию».

Этот рассказ был передан Себастьяном Каботом итальянскому поэту Джироламо Фракастору через сорок или пятьдесят лет после самого события. Поэтому немудрено, что Кабот смешал здесь маршруты двух разных экспедиций — 1494 и 1497 гг.

Дадим некоторые пояснения к рассказу. Первые замеченные Каботами земли были, несомненно, мысом Норт, северной оконечностью острова Кейп-Бретон и противлежащим островом

¹ Первое плавание Кабота, относящееся к 1494 г., согласно новейшим источникам, является вымышленным. Исторические свидетельства говорят о том, что раньше 1497 г. он не мог совершить плавание через Атлантический океан.

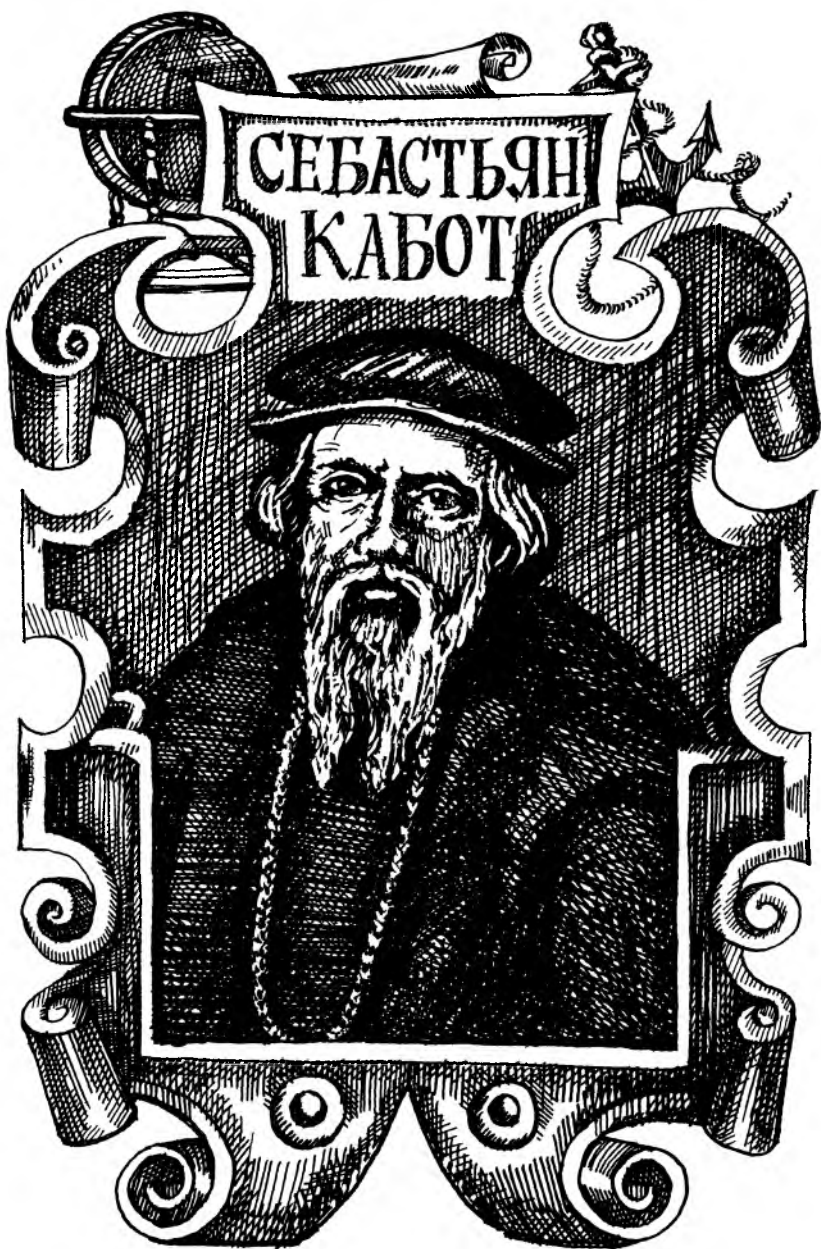
Принца Эдуарда, который долгое время называли островом Сент-Джон (Св. Иоанна). Кабот проник, по всей вероятности, в эстуарий реки Святого Лаврентия, который принял за морской пролив, около того места, где теперь раскинулся Квебек, и затем пошел вдоль северного берега залива Святого Лаврентия, расширяющегося на восток. Приняв далее Ньюфаундленд за архипелаг, он повернул к югу, но, без сомнения, добрался не до Флориды, как он сам утверждает (времени, затраченного на это путешествие, было явно недостаточно, чтобы он мог преодолеть такое расстояние), а до Чесапикского залива. Здесь расположены страны, которые испанцы позднее назвали Землей Эстевана Гомеса¹.

Третьего февраля 1498 г. король Генрих VII подписал в Вестминстере новый патент. Джону Каботу или его представителю разрешалось взять из гаваней Англии шесть кораблей водоизмещением в двести тонн и приобрести по казенной цене необходимое вооружение. Король позволил ему также взять с собой корабельных мастеров, ремесленников и других английских подданных, которые добровольно захотят поехать с ним за океан и поселиться в новооткрытых странах. Джон Кабот снарядил на свой счет два корабля, а три остальных были снаряжены бристольскими купцами.

Однако Джону Каботу не суждено было отправиться еще раз за океан: предполагают, что он скоропостижно скончался незадолго до отплытия. Поэтому начальство над флотилией перешло к его сыну Себастьяну Каботу. Обеспечив экспедицию припасами на целый год, с экипажем в триста человек он отправился в свое новое путешествие весной 1498 г.

Под 45° северной широты Себастьян Кабот встретил землю. Повернув на север, он следовал вдоль берега до 58°, а быть может, даже и выше. Несмотря на июль месяц, температура воздуха в этих областях была так невысока, а плавующих льдин было так много, что дальнейшее продвижение к северу становилось опасным. На этих широтах дни оказались очень длинными, а ночи удивительно светлыми — немаловажная подробность, облегчающая определение достигнутой Каботом широты, поскольку известно, что под шестидесятой параллелью самые длинные дни продолжаются восемнадцать часов.

¹ Эстеван Гомес (Иштебан Гомиш) — португальский моряк, служивший в Испании. О его вероломстве по отношению к Магеллану и самостоятельно предпринятой им экспедиции к берегам Северной Америки см. в главе «Первое кругосветное плавание».

Эти обстоятельства заставили Себастьяна Кабота повернуть на другой галс. Несколько южнее, у берегов Ньюфаундленда, он встретил отмели, кишевшие треской. Еще до Кортириала он назвал эти места Тресковыми островами. Мореплаватели без всяких усилий выловили здесь большое количество трески. Местные жители, покрытые звериными шкурами, были вооружены луками и стрелами, дротиками, копьями и деревянными мечами.

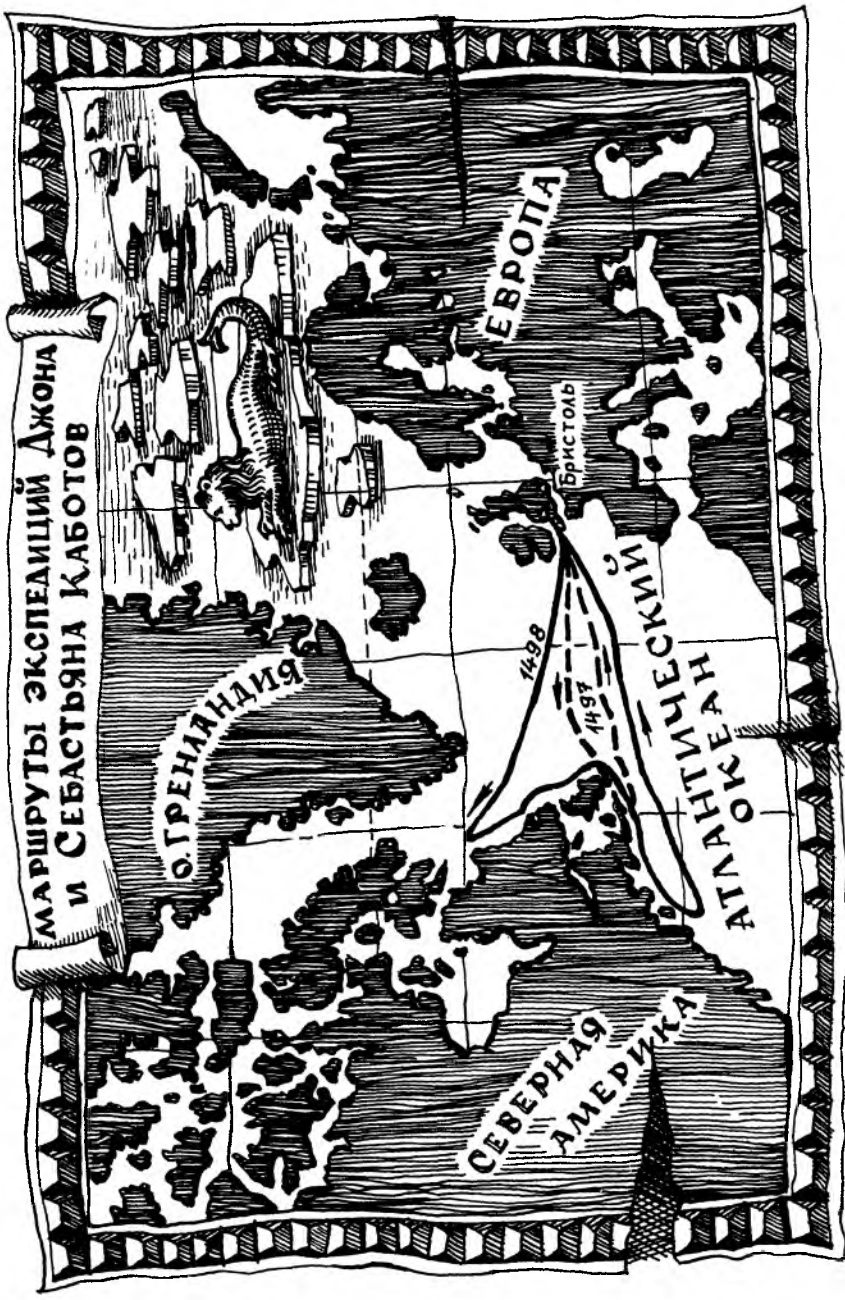
Отсюда Кабот поплыл дальше на юг, вдоль американского берега, до 38° северной широты. Затем из-за недостатка продовольствия он вынужден был повернуть обратно и прибыл в Англию в октябре или в ноябре.

Перед экспедицией Себастьяна Кабота была поставлена тройная цель: открытие на пути к «Катаю» (Китаю) новых земель, установление торговых отношений, колонизация. Об этом говорит как число участвовавших в плавании кораблей, так и состав экипажа. Однако не видно, чтобы Кабот где-нибудь высаживался или предпринимал какие-либо меры для основания поселений или торговых факторий на Лабрадоре, у берегов Гудзонова залива (который он исследовал более подробно позднее, в 1517 г., в царствование Генриха VIII), или на Тресковых островах, известных под общим названием Ньюфаундленд.

Несмотря на большое значение этого плавания, король и бристольские купцы остались недовольны достигнутыми результатами: путь к берегам Восточной Азии не был найден, основать колонию не удалось. Так как экспедиция оказалась убыточной, Себастьян Кабот потерял при дворе доверие и его просьба о снаряжении новой флотилии была отклонена. После этого мы надолго теряем Себастьяна Кабота из виду и до 1517 г. ничего не знаем ни о его путешествиях, ни о других его делах.

Нам известно только, что английский король, вопреки привилегиям, дарованным Каботу, предоставил португальцам и бристольским купцам право торговли в странах, открытых Джоном и Себастьяном Каботами. Такое неблагодарное отношение короля к его заслугам побудило Кабота покинуть Англию и перейти на службу в Испанию.

После смерти Веспуччи Себастьян Кабот был едва ли не самым известным мореплавателем. Чтобы заручиться его согласием на испанскую службу, король Фердинанд обратился 13 сентября 1512 г. с письмом к лорду Уиллоуби, который командовал переведенными в Италию английскими войсками, и

предложил ему заключить договор с венецианским мореплавателем.

Прибыв в Кастилию, Кабот распоряжением короля от 20 октября 1512 г. получил чин капитана с жалованием 5000 мараведи. В качестве резиденции ему была определена Севилья, где он должен был ждать, пока не представится случай использовать его талант и его опыт. Речь шла о назначении его руководителем очень важной экспедиции, но 23 января 1516 г. Фердинанд Католик умер. Кабот сразу же вернулся в Англию, получив, вероятно, отпуск.

Иден сообщает, что на следующий год Кабот вместе с сэром Томасом Пертом был назначен командующим флотом, в задачу которого входило достижение Китая северо-западным путем. 11 июня корабли были в Гудзоновом заливе, на 67°30' широты; свободное ото льдов море простиралось так далеко, что Кабот рассчитывал на удачу предприятия, когда низость его компаньона, трусость и строптивость экипажа, отказавшегося идти дальше, заставили его вернуться в Англию. Война между Францией и Испанией поглощала все людские и денежные ресурсы обеих стран. Кабот, который, казалось бы, избрал своей отчиной науку, а не какое-либо европейское государство, сделал венецианскому послу Контарини несколько предложений относительно своей службы в республиканском флоте, но, когда пришел благоприятный ответ от Совета Десяти, у него были уже другие планы, и новых попыток поступить на венецианскую службу он не предпринимал.

Авраам Ортелий, известный фламандский картограф XVI в., приводит на своей «Карте мира» правильные очертания Гудзонава залива. При этом у северной его оконечности он отмечает пролив, ведущий дальше на север. Откуда такая точность? Кто мог дать этому географу такие сведения, если не Кабот? — говорит Николс.

Возвратясь в Англию, Кабот нашел страну сильно опустошенной чумой. Замерли и коммерческие дела. Вскоре, потому ли, что он опасался стать жертвой свирепствовавшей эпидемии, или потому, что его снова звали в Испанию, Кабот опять перешел на испанскую службу и в 1518 г. был назначен «главным штурманом» Испании. В его обязанности входило экзаменовать всех капитанов и кормчих, отправлявшихся в Америку. Ни одному высшему офицеру не разрешалось отправляться за океан без этого экзамена.

Время тогда не благоприятствовало далеким экспедициям.

В апреле 1524 г. Себастьян Кабот председательствовал на съезде моряков и космографов, собравшихся в Бадахосе, чтобы решить спор, кому должны принадлежать по Тордесильяскому договору Молуккские острова: Испании или Португалии. 31 мая после долгих дебатов съезд вынес решение, что Молуккские острова находятся на 20° западнее линии раздела, то есть на испанской половине земного шара. Это решение, передавшее в руки Испании большую часть торговли пряностями, по-видимому, оказало влияние и на действия испанского совета по делам Индий. Как бы то ни было, но в сентябре того же года Кабот был назначен командиром флотилии из трех кораблей и одной маленькой каравеллы с экипажем в сто пятьдесят человек.

Цель экспедиции была определена следующим образом: плыть маршрутом Магеллана, тщательно исследуя западные берега Америки, пройти через Магелланов пролив в «Южное море», достигнуть с западной стороны Молуккских островов, погрузить пряности и затем вернуться обратно. Отплытие, назначенное на август 1525 г., задержалось из-за интриг португальцев до 5 апреля 1526 г.

Однако некоторые обстоятельства заставляли усомниться в благополучном исходе предприятия. Каботу была предоставлена только номинальная власть, так как севильская торговая компания, снарядившая экспедицию на свои средства, не считалась с авторитетом и стремилась противодействовать всем его планам и распоряжениям. Компания не утвердила назначенного Каботом помощника главного капитана и выбрала другого; все секретные инструкции, с которыми капитаны должны были ознакомиться только в открытом море, стали им известны еще до отплытия. Составлены были эти инструкции крайне неграмотно: в случае смерти главного капитана на его место назначались последовательно, один за другим, одиннадцать человек. Как не усмотреть в таком распоряжении скрытого подстрекательства к убийствам?

Едва только земля скрылась из виду, как на кораблях обнаружилось недовольство. Командующего флотилией обвиняли в том, что он не отвечает своему назначению. Затем распространился слух, будто подошли к концу съестные припасы и надвигается голод. (На пути Кабот потерял во время бури один корабль, а с остальными прибыл в берегам Бразилии. Здесь вспыхнул мятеж, так как многие испанцы не желали примириться с тем, что нахо-

дятся под начальством чужеземца.)^{*} Но Кабота нелегко было взять врасплох и заставить покориться. Чтобы пресечь зло в корне, он схватил трех капитанов и, невзирая на их репутацию и прежние заслуги, приказал посадить в лодку и отправить на берег. Через четыре месяца те были найдены португальской экспедицией, которая, как полагают, имела целью помешать исполнению замысла Кабота.

Тогда венецианский мореплаватель углубился в Ла-Плату, где его предшественник, де Солис, уже вел гидрографические работы. Теперь экспедиция состояла только из двух кораблей. Кабот поднялся по «Серебряной реке» и открыл остров, названный им Франсиско-Габриэль, на котором он построил форт Сан-Сальвадор, доверив командование им Антонио де Грахеде. Стесав на одной из своих каравелл киль, Кабот приказал шлюпкам отбуксировать ее в Парану и у слияния Каркарамы и Терсейру построил новый форт, обеспечив себе тем самым тыл, после чего поплыл против течения в глубь континента. Доплыв до слияния Параны с Парагваем, он выбрал вторую реку, направление которой лучше соответствовало его проекту: проникнуть с запада в район, откуда шло серебро. Тем временем вид местности изменился, как и поведение аборигенов. Прежде, изумленные видом корабля, они сбегались на берег; но здесь, на возделанных берегах Парагвая, они храбро сопротивлялись любой попытке чужеземцев высадиться, а однажды, когда трое испанцев хотели сбить пальмовые плоды, разгорелась настоящая битва, в ходе которой три сотни туземцев были убиты. Однако победа вывела из строя двадцать пять испанцев. Для Кабота это было слишком; он быстро эвакуировал раненых в форт Эспириту-Санто и отступил перед лицом врага сам. Отсюда он послал испанскому королю подробный отчет о сделанных открытиях, сообщил о возмущении капитанов, объяснил причины изменения назначенного курса и просил прислать ему подкрепления и припасы.

Посланные Кабота благополучно добрались до Испании и были приняты королем, который, одоблив действия мореплавателя, приказал ему начать колонизацию открытых стран, отказавшись, однако, предоставить какую-либо помощь. В ожидании ответа Кабот основал на берегу Ла-Платы небольшое поселение, покорила окрестные племена индейцев, построил несколько новых фортов, продолжая в то же время исследовать внутренние области страны. Он достиг Потоси и рек, берущих свое начало в Андах

и питающих бассейн Амазонки. (Здесь подтвердились слухи о богатой стране, лежащей к северо-западу. Таким образом, Кабот и Писарро почти одновременно узнали о существовании Перу.)

Кабот стал готовиться к походу, мечтая проникнуть в Перу, откуда индейцы привозили золото и серебро. Для того чтобы покорить эту страну, ему нужно было иметь в своем распоряжении хотя бы несколько сот человек, прибытия которых он терпеливо дожидался в течение трех лет. Но испанский король не мог прислать ему солдат. Войны в Европе поглощали все средства, кортесы¹ отказывались вотиловать новые налоги, и даже Молуккские острова были заложены Португалии.

Прождав напрасно столько времени, Кабот покинул колонию и в июле 1530 г. вернулся в Испанию, оставив небольшой гарнизон для охраны крепости Эспириту-Санто. После многих злоключений большая часть этого отряда была уничтожена индейцами, а уцелевшие испанцы нашли убежище в Бразилии, в одном из португальских фортов. В пампасах Ла-Платы ныне распространена изумительная порода диких лошадей, ведущих свою родословную от домашних животных, завезенных некогда Каботом, — и это, пожалуй, единственный результат его злополучной экспедиции.

В 1548 г., в начале царствования Эдуарда VI (1547 — 1553 гг.) Себастьян Кабот вернулся в Бристоль, на английскую службу. Каковы были мотивы этих новых перемен? Возможно, Кабот был недоволен тем, что его бросили на произвол судьбы в ходе экспедиции? Или его обидело, как ему отплатили за заслуги? Трудно что-либо сказать. Он получил королевскую пенсию (116 фунтов стерлингов в год, что составляло по тому времени очень значительную сумму) и почетный пост управляющего морскими делами. В круг его обязанностей входило: экзаменовать кормчих, редактировать инструкции, составлять навигационные карты. Сложная и разнообразная деятельность требовала практического опыта и теоретических знаний. Кабот обладал в полной мере и тем и другим. Одновременно он преподавал космографию молодому английскому королю, сумев пробудить в нем интерес к мореплаванию и морским открытиям. Себастьян Кабот занимал высокое, можно сказать, исключительное положение, которым он воспользовался, чтобы привести в исполнение один из своих давнишних замыслов.

В то время Англия почти не вела самостоятельной торговли. Все коммерческие сделки проходили через руки ганзейских куп-

¹ Кортесы — законодательное собрание в Испании.

цов из Антверпена, Гамбурга, Бремена и других городов. Ганзейские торговые компании разными способами добивались понижения ввозных пошлин и в конце концов монополизировали английскую торговлю. Кабот придерживался тех же взглядов, что и бристольские купцы, стремившиеся освободиться от ганзейской монополии. И в самом деле, флот, которым владели англичане, был совершенно достаточен, чтобы обеспечить сбыт мануфактурных товаров и продуктов сельского хозяйства.

Зачем прибегать к помощи иностранцев, когда можно обойтись собственными силами? Почему бы не заняться поисками новых рынков сбыта и новых торговых путей? Если оказалось невозможным проникнуть в Индию и Китай Северо-Западным проходом, то нельзя ли добраться до них Северо-Восточным морским путем и не найдутся ли на этом пути более цивилизованные народы, чем бедные эскимосы с берегов Лабрадора и Ньюфаундленда? Так рассуждали в то время английские купцы.

Кабот собрал наиболее влиятельных лондонских коммерсантов и сообщил им свой проект, который встретил полное одобрение. Английские купцы охотно согласились сделать попытку достигнуть берегов Азии Северо-Восточным путем, то есть следуя из Англии на восток, вдоль северных берегов Скандинавии и Восточной Европы. От слов перешли к делу и основали «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». 14 декабря 1551 г. Себастьян Кабот был избран пожизненным и бессменным президентом этого товарищества.

По настоянию Кабота король издал указ об отмене торговой монополии ганзейских купцов. В Англии была объявлена свободная торговля, и «Общество купцов-предпринимателей» приступило к постройке специальных кораблей, приспособленных для плавания по северным морям. Первое усовершенствование, которым английское мореходство было обязано Каботу, состояло в медной обшивке килевой части корабля — такая обшивка уже существовала в Испании, но в Англии еще не применялась.

Одиннадцатого мая 1553 г. Дептфорд¹ покинула флотилия из трех кораблей: «Добрая Надежда», «Доброе Доверие» и «Эдуард — Благое Предприятие». Экспедицию возглавлял сэр Хью Уиллоуби, знатный дворянин, прославившийся в военных

¹ Д е п т ф о р д — в то время пригород Лондона; в настоящее время входит в состав восточных кварталов города.

походах; главным кормчим был избран Ричард Ченслер, искусный моряк и близкий друг Кабота, капитаном второго корабля — Корнелий Дюрферт и штурманом третьего — Стивен Барроу, безупречный моряк, которому предстояло совершить много плаваний в северных морях и сделаться позднее главным лоцманом Англии.

Преклонные лета Кабота и сложные обязанности не позволили ему самому стать во главе экспедиции; он вынужден был ограничиться лишь советами и консультациями, что не мешало ему вникать во все детали подготовительных работ. Инструкции Кабота, врученные Хью Уиллоуби, сохранились до наших дней и свидетельствуют об уме и предусмотрительности этого замечательного мореплавателя. Он рекомендует, между прочим, лаг¹ как инструмент для измерения скорости хода корабля, настаивает на регулярном ведении судового журнала, советует вести записи о характере, нравах, обычаях и положении тех народов, какие встретятся на пути экспедиции, о природных богатствах разных стран и т. п. Кабот призывает к самому обходительному обращению с туземцами и запрещает «раздражать народы надменностью, насмешками и презрением». Матросам он запрещает сквернословить, пьянствовать и предаваться азартным играм. Предписывается исполнение религиозных обязанностей: молитвы должны совершаться каждое утро и каждый вечер, а раз в день — проводиться чтение Святых Евангелий. Заканчивает он рекомендацией: превыше всего единство и согласие; капитанов он призывает к величию своих замыслов, что принесет им почести; наконец, он обещает соединить свои молитвы с капитанскими и матросскими ради успеха общего дела.

(О том, какие большие надежды «Общество купцов-предпринимателей» возлагало на эту экспедицию, свидетельствует 32-й параграф инструкции Кабота: «Вы не можете не знать, — обращается он ко всем участникам экспедиции, — сколь много лиц, в том числе королевское величество, лорды его досточтимого совета, вся компания, а равно ваши жены, дети, родственники, свойственники, друзья и знакомые, горят желанием узнать, каково ваше положение, условия, в которых вы находитесь, и ваше благополучие и в какой степени вы имеете надежду успешно осу-

¹ Лаг — прибор для определения скорости хода судна, впервые был применен Магелланом во время кругосветного плавания. До этого пройденное судном расстояние капитаны определяли на глаз.

шествовать это замечательное предприятие, которое, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, которую восточная и западная Индии принесли императору (Карлу V) и королям Португалии».)

После многочисленных празднеств, происходивших в Гринвиче в присутствии всего двора и при огромном стечении народа, флотилия наконец подняла паруса и отправилась в далекий путь. Вблизи Лофотенских островов, у берегов Норвегии, эскадра разделилась, с тем чтобы соединиться вновь у мыса Нордкап. Однако два корабля — Уиллоуби и Дюрферта — были унесены бурей далеко на север и пристали, вероятно, к Новой Земле, а затем, теснимые льдами, направились к югу и долго блуждали по Баренцеву морю. 14 сентября они вошли в гавань на Кольском полуострове, образуемую устьем реки Арзины (Варзина) в 75 — 80 километрах к ссеверо-западу от мыса Святой Нос. Некоторое время спустя корабль Дюрферта «Доброе Доверие», отделенный бурей от корабля Уиллоуби, возвратился в Англию; что касается последнего, то русские поморы нашли в следующем году его корабль, затертый льдами, на северном побережье Кольского полуострова. Весь экипаж погиб от холода. Так, по крайней мере, можно судить по судовому журналу, который несчастный Уиллоуби вел до января 1554 г.

Ричард Ченслер, напрасно прождав оба корабля в гавани Варде, как это было условлено, решил, что они его опередили, и, обогнув Нордкап, вступил в обширный залив, открывший вход в Белое море. Затем он высадился в устье Северной Двины, около монастыря Св. Николая, в том самом месте, где вскоре был построен город Архангельск. Жители этих пустынных мест сообщили ему, что они находятся под владычеством русского царя — великого князя, живущего в Москве. Несмотря на громадное расстояние, отделяющее Белое море от Москвы, Ченслер решил тотчас же отправиться в столицу великого князя.

В то время в России царствовал Иван Васильевич, прозванный Грозным. Россия только что свергла монгольское иго, и московские цари соединили под своей державой прежде разрозненные и постоянно враждовавшие между собой удельные княжества. Благодаря этому в руках московского царя сосредоточилась власть над обширной территорией, представлявшей для англичан большой и выгодный рынок. Положение России, страны исключительно континентальной, удаленной ото всех посещаемых морей,

изолированной от остальной Европы, частью которой она еще не стала, настолько нравы и привычки ее жителей были еще азиатскими, сулило Ченслеру успех.

До сих пор царь приобретал европейские товары только через посредство Польши и потому с удовольствием принял предложение англичан установить постоянные и взаимовыгодные торговые связи. Ченслеру был оказан радушный прием и сделаны самые заманчивые предложения. Он получил от царя грамоту на право свободной торговли англичан с Московским государством и, продав с барышом свои товары, нагрузил корабль мехами, китовым и тюленьим жиром, медью и другими ценными вещами и отправился в обратный путь.

Выгоды, которые «Общество купцов-предпринимателей» извлекло из первого путешествия в Россию, побудили англичан снарядить новую экспедицию. Через год Ченслер снова бросил якорь в устье Северной Двины и привез с собой в Москву двух агентов «Общества», которые заключили с царем торговый договор. Затем Ченслер отплыл в Англию с новым грузом русских товаров, взяв на борт посла и его свиту, которых Иван IV отправил в Великобританию.

Флотилия Ченслера была застигнута в пути сильной бурей, и из четырех его кораблей два погибли у берегов Норвегии, а третий, на котором находился сам Ченслер вместе с русским послом, 10 ноября 1556 г. потерпел крушение в бухте Питслиго, у восточного берега Шотландии. Ченслер, менее счастливый, чем русский посол, которому удалось спастись, утонул со своим кораблем. Подарки Ивана Грозного для английской королевы и все товары погибли.

Таково было начало торговли англичан с Россией. После этого английские экспедиции в Белое море следовали одна за другой, и торговые отношения между Москвой и Лондоном с каждым годом расширялись¹.

¹ «Общество купцов-предпринимателей» было переименовано в «Англо-Московскую компанию». Английские торговые конторы были открыты в Холмогорах, Вологде, Ярославле, Новгороде и Москве. Таким образом, экспедиция Ченслера имела важное значение для налаживания торговых связей между Россией и Англией. Но попытки многих западноевропейских историков и географов приписать Ченслеру открытие пути из Европы в Белое море объясняются, по-видимому, их недостаточным знакомством с историей русских полярных путешествий. Русским поморам издревле был знаком путь вокруг Кольского полуострова и Скандинавии в Балтийское море. Исторические известия показывают, что с конца XV в. этим путем неоднократно пользовались послы московских князей, отправлявшиеся в страны Западной Европы.

В заключение скажем еще несколько слов о Себастьяне Каботе, в судьбе которого снова произошла резкая перемена.

Английская королева Мария вышла замуж за Филиппа II, короля Испании. Прибыв с визитом в Англию, испанский король выказал пренебрежение Себастьяну Каботу, покинувшему испанскую службу и развернувшему бурную деятельность в пользу английской торговли, которая обещала еще больше укрепить морское могущество державы-соперницы.

Не прошло и недели после высадки Филиппа II в Англии, как Кабот был лишен и своей высокой должности, и пенсии, дарованной ему Эдуардом VI. На место Кабота был назначен Уортингтон, которого Николс характеризует как человека, не заслуживающего уважения, и ставит под сомнение добросовестность его действий; предполагают, что он имел секретные полномочия воспользоваться теми планами, картами, инструкциями и проектами Кабота, которые могли бы пойти на пользу Испании. Надо заметить, что все эти документы утеряны.

С этого момента история полностью теряет из виду составившего путешественника. Та же тайна, какой окружено его рождение, окутывает год и место его смерти¹. Его замечательные географические открытия, его работы по космографии, его учение об отклонении магнитной стрелки, его мудрость, человечность, почтенность дают ему право на одно из первых мест среди великих мореплавателей мира.

II

Джованни да Верраццано. – Жак Картье и его путешествия в Канаду. – Селение Ошелага. – Курительный табак. – Цинга. – Путешествие Роберваля. – Поиски Северо-Западного прохода. – Мартин Фробишер и его путешествия. – Джон Девис и исследование Баффина залива. – Баренц и Гелмскерк. – Остров Шпицберген. – Зимовка на Новой Земле. – Смерть Баренца. – Возвращение в Европу. – Реликвии, найденные в «Ледяной гавани».

С 1492 до 1524 г. Франция, по крайней мере официально, не принимала участия в колонизационном движении и воздерживалась от заокеанских экспедиций. Однако царствовавший в то время король Франциск I не мог оставаться равнодушным, видя, как возросло могущество соседней Испании благодаря новым от-

¹ Себастьян Кабот родился, по-видимому, между 1472 и 1477 гг., умер около 1557 г.

крытиям и завоеванию Мексики. Потому он и решил снарядить в 1524 г. первую французскую экспедицию в Новый Свет под начальством состоявшего у него на службе флорентийского морехода Джованни да Верраццано. Хотя страны, которые посетил Верраццано, были уже открыты и частично исследованы, все же следует упомянуть о его экспедиции, впервые достигшей берегов Нового Света под французским флагом. Впрочем, экспедиция Верраццано интересна еще и тем, что подготовила другие путешествия — Жака Картье и Самюэля де Шамплена в Канаду, а также неудачные попытки колонизации Флориды Жаном Рибо и Лодонниером.

О Верраццано не сохранилось никаких биографических подробностей. Нам неизвестно, какие причины заставили его покинуть свою родину и служить во Франции, неясно также, почему именно он был избран начальником первой французской экспедиции за океан. Скучные сведения о флорентийском путешественнике дает только итальянский перевод его докладной записки королю Франциску I, помещенный в уже упоминавшемся «Собрании путешествий» Рамузио. Для нашего беглого очерка мы и воспользовались этим итальянским текстом Рамузио и его сокращенным переводом на французский язык, помещенным в книге Лескарбо о «Новой Франции»¹.

Отправившись с четырьмя кораблями «совершать открытия за океаном», Верраццано был застигнут бурей, которая заставила его искать укрытия в Бретани. Оттуда он спустился к берегам Испании и навязал бой нескольким испанским судам. Неизвестно, каков был исход этого набега, но в дальнейшем мы застаем Верраццано 17 января 1524 г. только с одним кораблем «Дофин» при отплытии от маленького необитаемого острова, лежащего по соседству с Мадейрой. Он пустился в океан с экипажем в пятьдесят человек, запасшись продовольствием и снаряжением на восемь месяцев.

После двадцатипятидневного плавания «Дофина» на запад разыгралась страшная буря, едва не погубившая корабль. Спустя еще двадцать пять дней, то есть 8 или 9 марта, Верраццано увидел по 30^ю северной широты неизвестную землю. «Сначала эта страна, — пишет он в докладной записке королю, — показалась нам очень пустынной, но, приблизившись к берегу, мы увидели большие костры. Теперь оставалось только выбрать место для стоянки,

¹ «Новая Франция» — первоначальное название Канады.

чтобы ознакомиться со страной, однако пришлось проплыть еще не меньше пятидесяти лье вдоль берега, круто уходящего к югу, прежде чем было найдено место, удобное для высадки».

Когда французы подошли близко к берегу, навстречу им высыпали толпы туземцев, но как только моряки начали высаживаться, они разбежались. Через некоторое время туземцы осмелели и, окружив французов, с интересом созерцали их белые лица и яркую одежду.

Сами же туземцы были совершенно голы, если не считать узкой набедренной повязки из куньих шкурок, подвешенных на узком пояске из трав, изящно связанных и украшенных хвостами других животных. Некоторые носили венчики из птичьих перьев. «Они чернокожи, — говорится в записке, — и имеют большое сходство с сарацинами¹, волосы у них черные, не очень длинные и связаны позади головы наподобие хвостика. Сложены они пропорционально, среднего роста — чуть повыше нашего, и внешность их почти безупречна, разве только лицо немного широковато; не отличаясь большой силой, они в то же время чрезвычайно ловки и бегают с такой быстротой, что за ними не угонишься».

Вследствие непродолжительного пребывания в этой стране Верраццано не успел собрать никаких подробностей о нравах и образе жизни туземцев. Природа произвела на французов самое приятное впечатление. Песчаный берег был покрыт холмами, указывавшими, по мнению Верраццано, на присутствие минералов, а подальше стояли стеной «такие прекрасные рощи и леса, что ими нельзя было не восхищаться».

В здешних краях, насколько можно было об этом судить, в изобилии водились олени, лани, зайцы, различные птицы и повсюду попадались озера и пруды с родниковой водой.

Эта земля лежит под 34^о широты. Следовательно, она — часть Соединенных Штатов, которая сегодня называется Каролина. Воздух там чистый и целебный, климат умеренный, прибрежные воды лишены рифов, и, хотя там нет портов, она не доставляет неприятностей мореплавателям.

В продолжение всего марта 1524 г. путешественники плыли вдоль берега, казавшегося густонаселенным. Недостаток воды за-

¹ Сарацины — у древних авторов наименование населения западной и южной Аравии (впервые встречается у Птолея). В эпоху средневековья сарацинами, или маврами, стали называть все народы, исповедующие ислам.

ставляя их неоднократно высаживаться, и всюду они встречали туземцев, не проявлявших никаких воинственных намерений и охотно отдававших все, что они имели, за зеркала, бубенчики или ножи.

Однажды Верраццано послал на берег шлюпку с двадцатью пятью матросами. Не успели они еще причалить, как один молодой матрос кинул индейцам несколько безделушек и, потеряв при этом равновесие, упал в воду. Сильной волной его выбросило на берег и, прежде чем французы успели высадиться, индейцы подхватили этого матроса и увели в свое селение. Путешественники не сомневались, что их товарищ будет принесен в жертву. Дальнейшие действия туземцев только подтвердили это мрачное предположение. Индейцы поставили матроса на косогоре, прямо против солнца, раздели донага, удивляясь белизне его кожи; затем они развели большой костер и занялись приготовлением к пиршеству. И сам несчастный матрос, и его товарищи, наблюдавшие с берега за этой сценой, решили, что теперь индейцы убьют и зажарят на костре свою жертву, как это делают все людоеды. Но в действительности ничего подобного не произошло: как только матрос выразил желание вернуться на берег, туземцы, по очереди облобызав его, отпустили беднягу с миром и, поднявшись на холм, молча наблюдали, как он изо всех сил бежал к лодке.

Верраццано продолжал плыть вдоль берега к северу и, пройдя более пятидесяти лье, достиг земли, покрытой густым лесом. Двадцать матросов углубились на несколько километров в лесную чащу, но затем, боясь заблудиться, вернулись обратно. Во время экскурсии французы встретили двух женщин с детьми; одного ребенка лет семи-восьми они хотели отнять у матери, чтобы увезти с собой во Францию, но женщины подняли страшный крик, призывая на помощь своих соплеменников.

В этих местах кожа у дикарей блее, чем у всех индейцев, которых встречали до сих пор; они охотились и ловили птиц силками; вооружение их состояло из лука, сделанного из чрезвычайно твердого дерева, и стрел с наконечниками из рыбьей кости. Туземные пироги, длиною в двадцать футов и шириною в четыре, выжигались огнем из древесных стволов. Повсюду в лесу вокруг деревьев вился дикий виноград, свисавший с ветвей длинными гроздьями. При небольшой обработке из такого винограда могло бы получиться превосходное вино. «Плоды его, похожие на наши, были приятны на вкус, и, кажется, туземцы заботились о своих

виноградниках, так как везде, где они росли, были обрублены ветви соседних деревьев, чтобы они не мешали созреть плодам»¹. Дикая роза, фиалки, лилии и самые разнообразные душистые растения, незнакомые европейцам, устилали землю, наполняя воздух благоуханием.

Пробыв три дня в этой чудесной стране, французы пустились в путь вдоль берега, плывя днем и бросая якорь ночью. В десяти лье от континента они открыли остров треугольной формы, похожий на Родос, и присвоили ему имя матери короля Франциска, Луизы Савойской. Затем, пройдя еще пятнадцать лье, они причалили к другому острову с очень удобной бухтой. На берегу сразу же собралась большая толпа индейцев.

Местный вождь поразил путешественников красотой и величественной осанкой. Его стан был задрапирован оленьей шкурой; голова была обнажена, волосы отброшены назад и связаны в пучок, шею обвивала широкая цепь, украшенная цветными камнями. Это индейское племя было самым замечательным из всех, какие встречались до сих пор французам. «Тамошние женщины очень грациозны, — говорится в записке, опубликованной Рамузио. — Одни из них носили на плечах рысьи шкуры и заплетали волосы в две длинные косы; у других были высокие прически, как у женщин Сирии и Египта. Пожилые и замужние женщины носили в ушах медные серьги. Эта страна лежит на одной параллели с Римом, под 41,6°, но климат в ней гораздо суровее».

Пятого мая Верраццано покинул эту гавань и поплыл дальше к северу. Через несколько дней он достиг мест, где жители были настолько дики, что с ними невозможно было вступить в торговые отношения. Из всех предметов, которые показали им европейцы, они оценили только ножи и рыболовные крючки, а всякие бубенцы и безделушки, которые в других местах больше всего привлекали индейцев, были оставлены ими без внимания. Когда высадились двадцать пять вооруженных матросов на берег и углубились на несколько километров внутрь страны, туземцы встретили их градом стрел и сразу же скрылись в густом лесу.

Проплыв еще пятьдесят лье, Верраццано открыл обширный архипелаг, состоящий из тридцати двух островов, расположенных по соседству с материком; острова, разделенные узкими каналами, напомнили итальянскому путешественнику архипелаги Ад-

¹ В лесах Соединенных Штатов Америки произрастает до 30 сортов дикого винограда.

риатического моря, окаймляющие берега Словении и Далмации. Наконец под 50° северной широты французы достигли земель, открытых некогда норманнами и в начале XVI в. — бретонцами¹. Таким образом, Верраццано исследовал североамериканское побережье на протяжении семисот лье. Подняться севернее он уже не мог, так как подошли к концу съестные припасы. Повернув обратно, Верраццано благополучно прибыл во Францию и в июле 1524 г. высадился в Дьепе.

Некоторые историки уверяют, будто Верраццано попал в плен к дикарям у берегов Лабрадора и был ими съеден. Этот рассказ — очевидная нелепость, так как Верраццано послал из Дьепа отчет Франциску I о своем путешествии, содержание которого мы здесь привели. Кроме того, индейцы этих стран никогда не были людоедами! Мы никак не могли доискаться, на основании каких источников другие авторы выдвигают версию, будто Верраццано попал в руки к испанцам, которые привезли его в Испанию и там повесили². Гораздо честнее признание, что мы ничего не знаем ни о дальнейшей судьбе Верраццано, ни о том, как отнеслись в придворных кругах Франции к его путешествию. Не исключена возможность, что какой-нибудь ученый найдет в архивах новые документы об экспедиции Верраццано, но пока что мы знаем о нем только то, что сообщается в сборнике Рамузио.

Десятью годами позже один мореплаватель из города Сен-Мало³, Жак Картье (1491 — 1557), решил основать колонию в северной части Америки. Планам Жака Картье оказали поддержку адмирал Филипп де Шабо и король Франциск I, не раз говоривший, что ему хотелось бы увидеть ту статью завещания нашего праотца Адама, которая лишает французского короля наследства в Новом Свете в пользу королей Испании и Португалии.

Двадцатого апреля 1534 г. Картье покинул порт Сен-Мало и отправился с двумя кораблями за океан. Корабли были небольшие — в

¹ Французские рыбаки с полуострова Бретань с начала XVI в. ходили к острову Ньюфаундленду по путям Каботов и Кортириалов.

² Джованни да Верраццано был известен испанцам как дерзкий пират Хуан Флорин, перехвативший испанские корабли, шедшие из Мексики с сокровищами Монтекумы. По свидетельству Берналя Диаса, в 1527 г. Хуан Флорин был взят в плен на море и повешен испанцами в Севилье. В те времена важнейшие географические открытия нередко совершались пиратскими экспедициями.

³ Сен-Мало — французский рыбачий порт на северном берегу полуострова Бретань.

шестьдесят тонн водоизмещением, и весь экипаж состоял из шестидесяти одного человека. Плавание проходило так удачно, что уже через двадцать дней Картье достиг залива Бонависта у восточного берега Ньюфаундленда, но льды помешали ему бросить якорь.

Поднявшись к северу, Картье остановился у маленького острова, густо населенного птицами и названного им Птичьим. Здесь французы занялись охотой и заготовили несколько бочек солонины из мяса кайр и тупиков¹. Затем Картье прошел проливом Бель-Иль (Белл-Айл), отделяющим Ньюфаундленд от материка, и нашел удобную бухту в заливе Святого Лаврентия. Вдоль всего побережья встречались прекрасные гавани, но природа здесь оказалась такой суровой, что не было смысла основывать в этих местах колонию. «Если бы земля была так же хороша, как и гавани, — писал путешественник, — она была бы благословением Божиим; на самом же деле она не заслуживает даже самого названия земли, а я высаживался во многих местах».

Продолжая плавание вдоль побережья Лабрадора, Картье был отброшен бурей к западному берегу Ньюфаундленда. Там он исследовал мыс Сент-Джордж, мыс Рей, острова Магдален и остров Принца Эдуарда, где не мог высадиться из-за отсутствия подходящей гавани. На берегах континента он не раз завязывал торговые отношения с туземцами, которые выказывали «большие желания иметь железные орудия и другие металлические изделия. Они пускались перед нами в пляс и поливали себе голову морской водой, набирая ее пригоршнями; отдавали они нам все, что имели». В этих местах французские моряки получили от туземцев много пушнины и звериных шкур.

Далее Жак Картье вошел в эстуарий реки Святого Лаврентия, где встретил туземцев, ни по языку, ни по обычаям не имевших ничего общего с теми, которых он видел раньше. «Эти, — пишет он, — уж действительно достойны названия дикарей. Я не встречал людей более бедных, чем они. Туземцы бреют голову, за исключением маленького места на макушке, где отращивают длинный клочок, похожий на конский хвост, и связывают его кожаным шнурком. У них нет других жилищ, кроме перевернутой лодки, и они растягиваются под ней прямо на голой земле безо всякого покрывала».

В проливе Гаспе, около устья реки Святого Лаврентия, Картье поставил на берегу большой деревянный крест с надписью: «Да будет долгой жизнь короля Франции».

¹ Кайры и тупики — морские птицы.

Картье решил вернуться во Францию. Он уговорил вождя местных индейцев отпустить с ним двух его сыновей, обещая вернуть их живыми и невредимыми в следующий свой приезд. На этом и закончилась первая экспедиция Жака Картье, благополучно высадившегося в Сен-Мало 5 сентября 1534 г.

Весною следующего года Картье снова отправился в Новый Свет. 19 мая 1535 г. он вышел из Сен-Мало на трех кораблях в сопровождении Шарля де ла Помере, Клода де Понбриана и других знатных дворян. С первых дней плавания буря рассеяла флотилию, но все корабли благополучно добрались до Ньюфаундленда и встретились в условленном месте. Снова пристав к Птичьему острову, Картье оттуда проник в залив Святого Лаврентия, открыл остров Антикости и затем опять вошел в устье большой реки Ошелаги (река Святого Лаврентия), ведущей в Канаду.

Прежде чем отправиться по реке Святого Лаврентия, Картье вторично исследовал ее эстуарий, надеясь открыть какой-нибудь проход на север. Не найдя прохода, он возвратился в залив Севен-Айлендс (Семи островов), поднялся вверх по течению и вскоре достиг реки Сагеней, впадающей в Ошелагу. Индейцы сообщили ему, что на берегах Сагеней местные жители добывают красную медь, которую называют «какедазе».

Плывя все выше по реке, Картье 7 сентября достиг острова Орлеан, а неделей позже остановился в устье реки Сен-Шарль возле индейского селения Стадакона (на этом месте расположен теперь город Квебек). Таким образом, Картье первым из европейцев вступил на территорию Канады.

«На следующий день, — сообщает Картье в своем отчете, — властитель Канады по имени Донна-Кона на двенадцати лодках, в сопровождении шестнадцати человек, приблизился к нашим судам. Подойдя к самому меньшему кораблю, он стал совершать какие-то странные телодвижения, что означало церемониальное приветствие и выражение радости. Когда он взошел на наш главный корабль, то увидел двух привезенных из Франции индейцев и вступил с ними в разговор. Они рассказали ему, что видели во Франции и как хорошо с ними там обращались; это сообщение очень обрадовало властителя, и он обратился к капитану (Картье) с просьбой позволить облобызать ему руки, что считалось у них знаком высшего почтения. Страна Стадаконе — или, как мы ее назвали, Сен-Шарль — очень плодородна и изобилует прекрас-

ными деревьями тех же самых пород, что и во Франции. Здесь произрастают вяз, слива, тис, кедр, виноградник, боярышник, дающий плоды величиной в сливу, и другие деревья, а из травянистых растений — конопля, нисколько не уступающая французской».

(Донна-Кона был приветлив до тех пор, пока не узнал, что чужеземцы собираются подняться еще выше по реке, в глубь Канады. «Тогда капитан, — читаем мы в отчете о плавании, — приказал зарядить двенадцать пушек и выстрелить в индейцев. Индейцы были ошеломлены залпом, словно на них упало небо, и подняли такой вой и визг, что можно было подумать, будто сам ад потряхнул на землю свое содержимое».)

После этого Донна-Кона смирился, и французы, оставив свои корабли в устье реки Сен-Шарль, поплыли дальше в барке и двух корабельных шлюпках. Через десять дней они достигли большого индейского селения Ошелага, удаленного от устья реки Святого Лаврентия на двести десять лье. В этой стране Картье, по его словам, встретил «обработанные земли и большие прекрасные поля, засеянные зерновым хлебом, напоминающим по виду бразильское просо, но величиною с горох и даже больше;¹ для них это такой же хлеб, как для нас пшеница. Среди этих полей находится город Ошелага — он расположен у подножия горы, с вершины которой открывается необозримая даль; эту гору мы называли Мон-Рояль (Королевская гора)»². Прием, оказанный Жаку Картье в Ошелаге, был как нельзя более дружественным. («Здесь нас встретило более тысячи человек — мужчин, женщин и детей, которые приняли нас так, как редко принимает отец родного сына. Они всячески выражали свою радость и пустились в пляс, причем мужчины образовали один круг, женщины — другой, а ребятишки в стороне — третий».)

Властитель города, по имени Агуана, был разбит параличом. Решив, что Картье всемогущ, он стал умолять его прикоснуться к его неподвижным ногам. Примеру властителя последовали все хромые, слепые и увечные. Они умоляли Картье прикоснуться к ним, так как были убеждены, что он — бог, явившийся, чтобы их исцелить.

¹ Здесь речь идет о маисе или кукурузе, которую культивировали индейцы. Впоследствии эта культура распространилась по всему миру.

² Позднее это название перешло и на самый город Ошелагу, который стал называться Монреаль.

В отчете о путешествии далее следует такое любопытное место: «Видя их благочестие и веру в могущество Божие, капитан стал им читать Евангелие от св. Иоанна, осеняя крестным знаменем больных и прося в то же время Бога сподобить их уразуметь нашу святую веру и принять крещение. Затем капитан взял Часослов и стал читать о страданиях Христа, да так громко, чтобы слышно было всем присутствующим; весь народ хранил глубокое молчание и совершал те же церемонии, что и мы».

Познакомившись со страной, которую он исследовал на тридцать лье в округности, и собрав некоторые сведения о водопадах и порогах реки Святого Лаврентия, путешественник вернулся вниз по течению до реки Сен-Шарль, где стояли его корабли.

В отчете Картье содержится много любопытных подробностей о нравах и обычаях канадских индейцев и, в частности, о курении табака, которое было распространено по всему Новому Свету, но в Европе еще не успело привиться. «У них есть особая трава, — говорит он, — и они запасаются ею в большом количестве на зиму; здесь она очень ценится, и употребляют ее одни мужчины. Траву эту высушивают на солнце, затем кладут в маленький кожаный мешочек, который носят на шее рядом с деревянным или каменным рожком; в любое время индеец может достать из своего мешочка немного травы, растереть ее в порошок и всыпать в широкий конец упомянутого рожка; затем туда закладывают горящий уголек, а узкий конец рожка берут в рот и вдыхают до тех пор, пока все внутри не наполнится дымом, выходящим затем изо рта и из ноздрей, словно из каменной трубы. Мы попробовали подышать этим дымом, но, когда он попал в рот, нам показалось, что это черный перец, — до того он был жгучим».

Зима стояла долгая и морозная. В декабре среди французов вспыхнула повальная болезнь — цинга, или скорбут. «Означенная болезнь, — пишет Картье, — так распространилась на наших кораблях, что к середине февраля из ста десяти человек экипажа не было и десяти здоровых». Ни молитвы, ни обеты моряков не принесли никакого облегчения. К апрелю французы похоронили двадцать пять человек; из всего остального экипажа только четверо держались на ногах. В это тяжелое время один канадский вождь сообщил Жаку Картье, что он знает средство от болезни: отвар из листьев и сока одного дерева, которое индейцы называли «анедда».

Когда два или три человека, которым уже нечего было терять, испытали на себе благотворное действие этого лекарства,

«произошла такая свалка, что матросы чуть не поубивали друг друга: каждый хотел раньше другого выпить этого отвара... так что самое большое и толстое дерево, какое я когда-либо видел, было использовано за неделю; чудодейственное лекарство так укрепило наши силы, что самые лучшие медики Лувена и Монпелье со всеми своими александрийскими снадобьями и за год не сделали бы того, что сделал за неделю отвар из этого дерева».

Спустя некоторое время стало известно, что Донна-Кона подговаривает индейцев к мятежу. Чтобы предотвратить восстание туземцев, Картье распорядился захватить вождя вместе с его приближенными и держать их на корабле. Позже Донна-Кона и девять его соплеменников были переправлены во Францию, где и умерли.

Шестого мая 1536 г. Картье покинул зимовку, спустился по реке Святого Лаврентия в одноименный залив, прошел мимо острова Кейп-Бретон к острову Ньюфаундленд и, после благополучного перехода через океан, 16 июля высадился в Сен-Мало.

После того как королю был представлен отчет об экспедиции, Франциск I решил вступить во владение новой страной. Картье был назначен главным штурманом и капитан-генералом третьей экспедиции, а знатный дворянин Жан Франсуа де ла Рок де Роберваль получил пышный титул вице-короля Канады, Ошелаги, Сагеня, Ньюфаундленда, Бель-Иля, Лабрадора, Большой бухты и Баккалаоса. (Не Картье, а Робервалью король поручил основать в этих странах колонии под общим названием «Новая Франция».)

Двадцать третьего мая 1541 г. из гавани Сен-Мало вышли пять кораблей Картье, снабженных провизией и припасами на два года.

На этот раз погода не благоприятствовала плаванию. Налетевшей бурей суда были разбросаны в разные стороны, и только через три месяца они смогли собраться в условленном месте, у берегов Ньюфаундленда. Высадившись в конце августа в пятнадцать километрах выше индейского селения Стадакона, Картье приступил к работам: стал расчищать землю, возводить укрепления, строить дома, положив тем самым основание городу Квебеку. Одновременно он продолжал исследовать местность: поднялся до селения Ошелага и сделал попытку преодолеть два первых порога. Между тем надвинулась зима, а Роберваль так и не прибыл с новой партией колонистов. (Дотянув кое-как до весны, Картье решил вернуться во Францию: припасы были на исходе, и от-

ношения с индейцами до того обострились, что с минуты на минуту могло вспыхнуть восстание. На обратном пути в гавани «Святого Креста» на Ньюфаундленде капитан экспедиции встретил Роберваля, везшего на трех кораблях двести колонистов. Но люди Картье были так измучены, что нечего было и думать о возвращении с ними в Квебек. Роберваль отправился туда один, а Картье в октябре 1542 г. высадился в Сен-Мало и остаток своих дней провел в родном городе.)

Что касается новой колонии, то после смерти Роберваля, погибшего во время второго переезда из Франции в Канаду, она хирела и прозябала до 1608 г., то есть до тех пор, пока в Квебек не прибыл Шамплен, о деятельности и об открытиях которого мы расскажем ниже.

(Открытие французами Канады вновь пробудило у англичан интерес к заокеанским землям. В Англии стали появляться ученые труды, отстаивавшие правоту отважных мореходов, содержащие всевозможные подтверждения существования этого пути на Восток. Большое влияние на английских путешественников оказало «Рассуждение сэра Хемфри Гилберта в доказательство существования Северо-Западного прохода в Китайю и Индию». Гилберт доказывал, что английским судам гораздо удобнее было совершать плавания вокруг Америки, поскольку она является, по его мнению, островом, чем пользоваться труднодоступным северо-восточным путем, самую возможность которого он ставил под сомнение. Взгляды Гилберта разделял и такой авторитетный английский географ, как Ричард Уиллз, приведший новые аргументы в пользу отыскания северо-западного пути.)

Одним из самых горячих защитников этой идеи был смелый английский моряк Мартин Фробишер (1535 — 1594), которому после нескольких неудачных попыток заинтересовать богатых судовладельцев удалось наконец найти поддержку у графа Уорвика, приближенного королевы Елизаветы.

Граф Уорвик снарядил для Фробишера на свои средства одно небольшое судно и два баркаса водоизмещением в двадцать или двадцать пять тонн. И с этой-то «флотилией» отважный мореплаватель думал преодолеть полярные льды и пересечь арктические моря в таких высоких широтах, куда со времен норманнов не заплывал ни один европеец!

Выйдя 8 июня 1576 г. из Дептфорда, Фробишер благополучно достиг южной оконечности Гренландии, но затем дорогу ему пре-

градили плавучие льды, заставившие спуститься к Лабрадору. В поисках гавани Фробишер проник в Гудзонов пролив, обошел острова Лоуэр-Савидж и Резольюшен и наконец вышел в залив, который он назвал своим именем (залив Фробишер). Высадившись на Камберлендском берегу (Баффинова земля), Фробишер именем королевы Елизаветы вступил во владение этой страной и завязал торговые отношения с американскими эскимосами. («Похожи они на татар, — писал английский путешественник. — У них длинные черные волосы, широкие лица и плоские носы. Одеваются они в тюленьи шкуры одинакового покроя у мужчин и женщин; кожа у них коричневая, но женщины разрисовывают себе щеки и обводят глаза синими полосами. Лодки их также сделаны из тюленьих кож, а под кожей скрывается деревянный киль». Заметим, что это самое старинное из известных нам описаний эскимосов.)

Так как на Крайнем Севере в августе уже наступала зима и холода становились все суровее, Фробишер поспешил вернуться в Англию и 2 октября бросил якорь в Темзе. Он привез довольно смутные сведения о сделанных им географических открытиях, но был обласкан при дворе, когда показал несколько кусков какого-то черного камня с вкрапленными в него крупными золотом.

Воображение англичан воспламенилось. Многие знатные дворяне и сама королева приняли участие в расходах на снаряжение новой экспедиции. Был построен корабль водоизмещением в двести тонн, рассчитанный на сто человек экипажа, и два грузовых судна для полугодового запаса провианта и вооружения. Экипаж был укомплектован опытными моряками, среди которых находился и автор интересных записок о путешествиях Фробишера — Джордж Бест.

Тридцать первого мая 1577 г. Мартин Фробишер — («главный адмирал всех морей, озер, земель и островов, стран и мест, вновь открываемых, и в особенности в Китае») — отправился во вторую экспедицию.

В начале июля корабли приблизились к Гренландии. Подступающие к берегу горы были покрыты снегом, а берег — вековечным льдом. Погода была отвратительна. Необыкновенно густые туманы, похожие на гороховый суп, как сказали бы сейчас английские матросы, северные бури со снегом и градом, плавучие ледяные острова окружностью в пол-лье, плавающие ледяные горы, погруженные в воду на семьдесят — восемьдесят саженей, — таковы были препятствия, помешавшие Фробишеру ранее 9 ав-

густа проникнуть в пролив, открытый им в предшествующее плавание.

Занимаясь поисками золотой руды, англичане в то же время преследовали эскимосов. «Раненные в стычках, они в отчаянии бросались со скал в море; этого не случилось бы, если бы они с самого начала проявили больше покорности», — пишет один из спутников Фробишера.

«Золотые россыпи» вскоре были найдены. На борт большого корабля моряки погрузили двести тонн черного камня с золотыми блестками и по случаю этого знаменательного события торжественно воздвигли колонну на вершине одинокой горы, названной в честь покровителя Фробишера «город Уорвика».

После этого Фробишер решил исследовать «свой» залив, все еще надеясь, что это сквозной пролив, открывающий путь в «Катайю». Но льды помешали ему углубиться далее чем на тридцать лье. На островке, названном островом Смита, он встретил двух эскимосских женщин и одну из них приказал захватить вместе с ребенком. Невежество путешественников того времени простиралось так далеко, что Фробишер и его спутники вообразили, будто у туземных женщин не обыкновенные ступни, а раздвоенные копыта. Чтобы убедиться, так ли это, они заставили пленницу разуться и с удивлением обнаружили, что у нее человеческие ноги. С наступлением холодов Фробишер отказался от дальнейших поисков Северо-Западного прохода. Желая обеспечить целостность собранных «сокровищ», он поспешил отплыть в Англию.

Вернулся он на родину в конце сентября, выдержав по дороге жестокую бурю, рассеявшую его корабли. Кроме «золотой руды», Фробишер привез из северных стран трех эскимосов — мужчину, женщину и ребенка, которые были представлены королеве. Несмотря на то, что Елизавета «в виде особой милости разрешила им стрелять на Темзе разных птиц и даже лебедей», несчастные эскимосы, так и не освоившись с новой обстановкой, умерли через несколько месяцев.

Вскоре ученые-алхимики исследовали добытую Фробишером руду и заявили, что в ней действительно содержится золото. В Англии, особенно среди высших классов, началась «золотая лихорадка». Сказочно богатые северные страны представлялись вторым Перу, настоящим, а не легендарным Эльдorado!

Королева Елизавета, несмотря на свой практический ум, поддалась всеобщему возбуждению. Она решила основать в новой

стране колонию и воздвигнуть крепость «*Meta incognita*»¹. Королева приказала снарядить три корабля под командой опытных капитанов — Беста, Филпота и Фенгона. Эти три корабля должны были находиться в распоряжении коменданта будущей крепости и продолжать поиски северо-западного пути. К ним были присоединены еще несколько судов, предназначенных для перевозки «золотой руды». Кроме того, во флотилию входили еще корабли, снаряженные некоторыми предприимчивыми дворянами и купцами. Помимо сорока матросов, тридцати горняков и тридцати солдат, в колонию «*Meta incognita*» отправлялись булочники, плотники, каменщики, золотобитчики и другие ремесленники. Главным начальником всей экспедиции был назначен Мартин Фробишер.

Тридцать первого мая 1578 г. пятнадцать кораблей покинули Англию. Через двадцать дней они достигли Гренландии и встретили бесчисленные стада китов. Рассказывают даже, что один из кораблей, подгоняемый ветром, наткнулся на кита, и сила столкновения была настолько велика, что судно сразу остановилось, а кит, издав громкий крик, выскочил из воды и сразу же снова нырнул. Через десять дней эскадра встретила мертвого кита, которого — как поверили моряки — ударила «Саламандра». Приблизившись к заливу Фробишер, путешественники нашли его загроможденным льдами. Один из кораблей с такой силой ударился о ледяную гору, что сразу же затонул на глазах у всей флотилии. Вскоре с юго-востока налетела страшная буря. Как гласит запись Джорджа Беста, «на корабли со всех сторон надвигались плавающие льды. Назад еще кое-как можно было выбраться, но путь вперед был окончательно прегражден. Некоторые из наших кораблей, найдя более безопасное место, взяли на гитовы паруса² и легли в дрейф; другие бросили якорь у ледяного острова. Те же корабли, которым не удалось укрыться от опасности, подверглись натиску налетавших на них со всех сторон ледяных глыб. И тем, кто очутился в таком плачевном положении, ничего не оставалось, как защищать борта кораблей от ярости напавших льдин канатами, тюфяками, баграми, досками и чем попало».

¹ *Meta incognita* — неизвестная цель. Таково было условное, секретное название, данное королевой Елизаветой земле, открытой Фробишером. Юго-восточный полуостров Баффиновой земли до сих пор носит латинское название *Meta Incognita*.

² «Взять на гитовы» — собрать или подобрать паруса гитовами, не убирая их совсем. Гитовы — снасти, которыми убирают паруса.

Шторм разбросал флотилию, и корабль самого Фробишера сильно пострадал от плавающих льдов. Сбившись с пути, флотилия попала в какой-то неизвестный пролив с чрезвычайно быстрым течением.

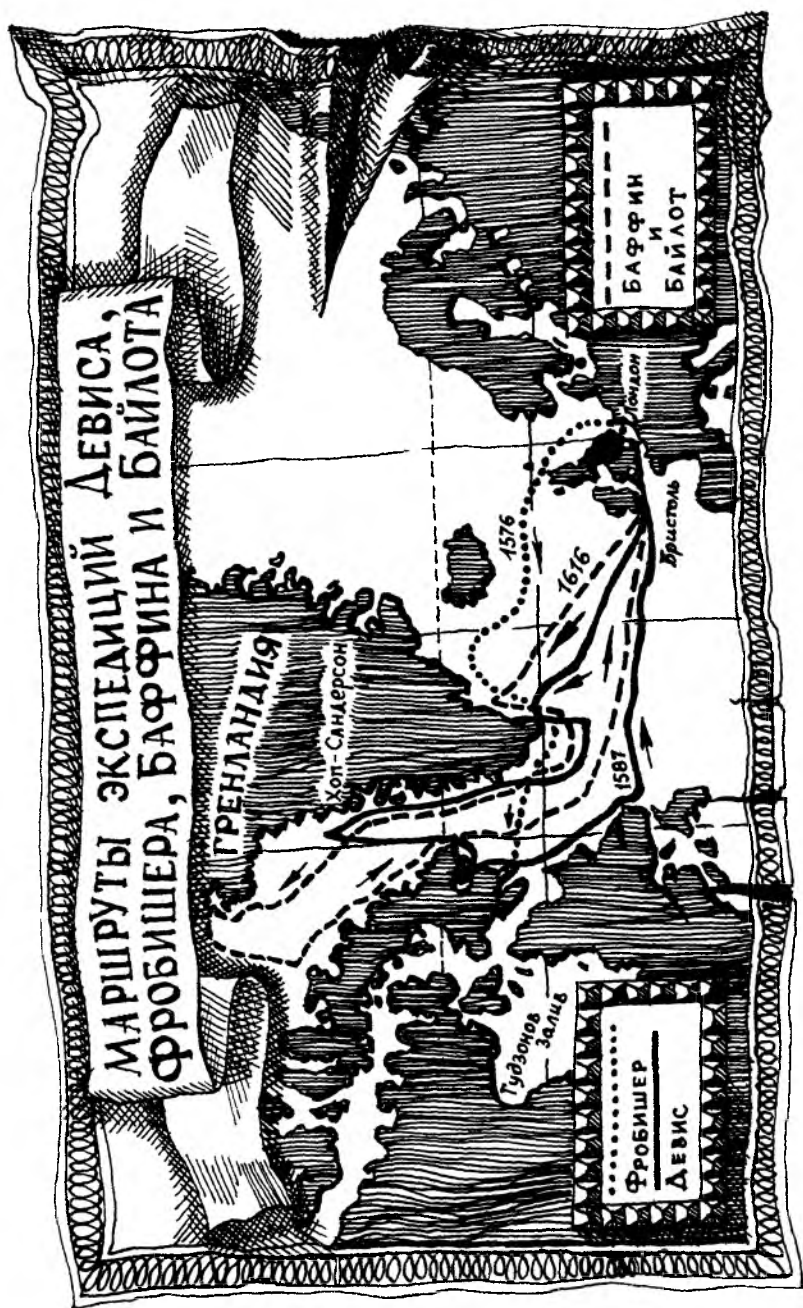
(Фробишер решил, что это и есть тот самый Северо-Западный проход, который ведет в Индию и Китай, но заняться его исследованием он не мог, так как должен был поскорее доставить в Англию как можно больше «золотой руды» Предполагают, что английская эскадра очутилась в проливе, получившем впоследствии название Гудзонова.

В конце концов англичане все же достигли залива Фробишер, но флотилия была в таком жалком состоянии, что большая часть строевого леса, предназначенного для постройки домов, пошла на починку кораблей. Время года было уже позднее, в пути погибли сорок человек, запасы провизии истощились. Поэтому Фробишеру пришлось отказаться от основания колонии и ограничиться только погрузкой «золотой руды», которой он взял на этот раз 1300 тонн. 1 августа флотилия двинулась в обратный путь. Бури и ураганы сопровождали ее вплоть до берегов Англии.)

Таково было последнее северное путешествие, предпринятое Фробишером. В 1585 г. мы встретим его вице-адмиралом у Дрейка; в 1588 г. он отличился в сражениях против Непобедимой Армады; на следующий год он отправился вместе с эскадрой Уолтера Рэйли к испанскому побережью; наконец, в одном десанте во Франции он был так тяжело ранен, что едва смог привести свою эскадру в Портсмут.

Если путешествия Фробишера вызывались исключительно корыстными побуждениями, то в этом нужно винить не столько самого путешественника, сколько его эпоху. Справедливость требует сказать, что среди самых неблагоприятных условий и с самыми незначительными средствами Фробишер проявил много мужества, способностей и настойчивости. За Фробишером нужно признать ту заслугу, что он показал своим соотечественникам пример и сам сделал первые открытия в тех странах, исследование которых прославило впоследствии английских путешественников.

Хотя неудачи Фробишера и заставили отказаться от поисков в полярных странах золотых россыпей, подобных перуанским, но этого еще было недостаточно, чтобы вынудить англичан отка-

заться от поисков Северо-Западного прохода в Китай. Существование пролива признавалось самыми авторитетными мореплавателями, нашедшими немало единомышленников среди лондонских купцов.

При содействии богатых негоциантов в 1585 г. были снаряжены два корабля — «Санлайт» («Солнечный свет») в пятьдесят тонн водоизмещением и «Муллайт» («Лунный свет») в тридцать пять тонн, покинувшие 7 июня Дартмут под начальством «весьма сведущего моряка» Джона Девиса.

Тот открыл вход в пролив, получивший его имя, и должен был пройти мимо огромных полей дрейфующих льдов в густом тумане, но прежде необходимо было успокоить и ободрить экипаж, напуганный подвижками припая и растрескиванием льдин.

Двадцатого июля Девис и его спутники увидели землю, покрытую снежными горами, до того безжизненную, что она была названа Десолейшн-Ленд (Земля запустения). В действительности это был южный берег Гренландии, принятый Девисом, вследствие ошибочного обозначения широт на картах братьев Зено и Фробшера, за неизвестную землю. Отсюда Девис повернул на северо-запад и, обогнув южную оконечность Гренландии, поднялся до широты нынешнего Готхоба по проливу, названному его именем (Девисов пролив). Здесь он бросил якорь в глубоком и удобном для стоянки фиорде, назвав его заливом Гилберта, и выменял у миролюбивых эскимосов множество тюленьих шкур и ценных мехов за стеклянные бусы и медные бубенцы. Вскоре английские корабли были окружены целой флотилией туземных лодок. Прибрежные жители сами предложили англичанам вступить в меновую торговлю. В этом месте Девис обратил внимание на любопытный факт: течение несло вдоль берега много деревьев, причем некоторые из них достигали в длину до двадцати метров.

Шестого августа он бросил якорь возле горы золотого цвета, получившей имя Рэйли, в красивой бухточке, названной Тоттнесс; тогда же он дал двум мысам этой земли Камберленд имена Дайера и Уолсингама. После недолгой стоянки Девис в течение одиннадцати дней плыл по морю, совершенно свободному ото льда, очень широкому, с водою такого же цвета, как в океане. Не подозревая, что он углубляется в залив, ныне известный под названием Камберленд, Девис полагал, что находится в проливе, ведущем в Тихий океан. Внезапно спустившийся густой туман помешал ему убедиться в своем заблуждении, и он повернул обратно,

уверенный, что был близок к открытию Северо-Западного прохода. (30 сентября Девис благополучно высадился в Ярмуте, сообщив в специальном письме министру королевы Уолсингему: «Северо-Западный проход — вещь несомненная, и через него можно пройти в любое время; море в нем судоходно, свободно ото льда, атмосферные условия сносны, а воды глубокие».)

Девис был так убежден в своей правоте, что лондонские купцы без труда согласились помочь ему снарядить новую экспедицию. 7 мая 1586 г. он вышел из Дартмута с теми же кораблями, к которым присоединились еще два судна — «Симейд» («Морская дева») и «Норт Стар» («Северная звезда»).

Двадцать пятого июня Девис достиг южной оконечности Гренландии. Два корабля, «Санлайт» и «Мунлайт», он отправил к северу (вдоль восточного берега Гренландии) на поиски Северо-Западного прохода, а сам с двумя другими кораблями, следуя прошлогодним путем, углубился до 69° в пролив, носящий его имя. Но на этот раз Девисов пролив был еще забит плавучим льдом и ветер был такой резкий, что снасти и паруса покрывались ледяной корой. 17 июля экспедиция встретила ледяное поле таких огромных размеров, что понадобилось тринадцать дней, чтобы его обойти. Наконец, когда море очистилось, Девис под $66^{\circ}19'$ северной широты перебрался на другую сторону пролива, но на западном берегу оказалось столько льда, что приблизиться к исследованному в прошлом году «проливу» (залив Камберленд) не было никакой возможности. Повернув на юг, Девис достиг полуострова Лабрадор. После ожесточенной стычки с эскимосами, стоившей ему трех убитых и трех раненых, путешественник пустился в обратный путь и 19 сентября прибыл в Англию. Хотя поиски и на этот раз не увенчались успехом, Девис все же не терял надежды открыть Северо-Западный проход, в существовании которого ни минуты не сомневался, предвидя, однако, что склонить торговую компанию лондонских купцов на снаряжение третьей экспедиции теперь будет нелегко, он обещал своим покровителям с лихвою окупить все издержки верными барышами от охоты на моржей, тюленей и китов, которые на Севере водятся в изобилии.

Пятнадцатого мая 1587 г. Девис вышел в море с тремя кораблями — «Саншайн», «Элизабет» и «Эллен». На этот раз, следуя вдоль гренландского побережья, он дошел до $72^{\circ}12'$ северной широты, то есть почти до широты Упернивика. Северный ветер за-

ставил его покинуть это побережье, названное Хоп Сандерсон, по имени богатого купца, покровителя Девиса. 19 июля он привел корабли к знакомой ему горе Рэйли и затем вторично проник в залив Камберленд; на этот раз ему удалось пройти залив до конца и с огорчением убедиться, что это не пролив, а глубоко врезавшаяся в сушу бухта. Снова выбравшись в открытое море, Девис стал исследовать берег в южном направлении и достиг залива, получившего название Ламли, хотя в действительности это был уже известный залив Фробишер.

В конце августа корабли оказались у входа в «быстрый пролив», где «вода кружилась и ревела, как будто здесь столкнулись два пролива». Судя по этому описанию, Девис, как Фробишер, едва не был увлечен течением в Гудзонов пролив.

Вскоре путешественники достигли мыса Чидли на лабрадорском берегу и на этом вынуждены были прервать свои исследования: близилась зима, и корабли нуждались в ремонте. Проплыв вдоль берегов Америки до 52° северной широты, Девис пошел обратно в Англию и 15 сентября благополучно вернулся на родину.

Хотя поставленная перед ним задача и не была решена, но его путешествия дали положительные научные результаты, которым, однако, в то время не придавали особого значения. Девис исследовал большую часть Баффинова залива; кроме того, были собраны важные сведения о природе арктических областей и жителях гренландского побережья. С географической точки зрения, эти открытия были очень ценны, хотя, разумеется, они мало удовлетворяли лондонских купцов. Поэтому после плаваний Девиса всякие попытки дальнейших поисков северо-западного пути из Европы в Восточную Азию надолго прекратились.

(Сам Девис, отказавшись от осуществления своего проекта, выработал новый план достижения Индии — обычным путем, мимо мыса Доброй Надежды, не считаясь с запретами испанцев и португальцев. В 1590 г. он отправился в Индию, но у берегов Марокко был настигнут португальской эскадрой и после упорного боя вынужден был вернуться назад. В 1605 г. Девис погиб у берегов Малакки в битве с малайскими пиратами.)

Со второй половины XVI в. видное место в истории мореплавания и географических исследований заняли голландцы. Освободившись от испанского ига, они развернули бурную торговую деятельность, успешно конкурируя с англичанами.

Желая установить торговые отношения с Индией и Китаем, голландские купцы снарядили несколько экспедиций на поиски Северо-Восточного прохода. По существу, они пытались реализовать ту же самую идею, что и Себастьян Кабот, которому Англия была обязана открытием богатого русского рынка. Со свойственным им практицизмом голландцы пристально следили за всеми английскими экспедициями. Они основали торговые конторы в Коле и Архангельске, стремясь в то же время проникнуть в новые места для сбыта своих товаров. Карское море оказалось труднопроходимым, и, по совету известного голландского космографа Питера Планция, амстердамские купцы решили пройти на восток, обогнув с севера Новую Землю.

Крупнейшие по значению путешествия голландцев связаны с именем знаменитого мореплавателя Виллема Баренца (1550 — 1597), уроженца острова Терсхеллинг (северная Голландия). (Баренц или, правильнее, Барентсон, был гражданином Амстердама и уже в молодые годы приобрел репутацию опытного и искусного моряка. В 1594 г. он был назначен капитаном корабля «Меркурий» в экспедиции Яна Линсхотена, целью которой было «проникнуть в северные моря, открыть царства Китая и Хина, лежащие к северу от Норвегии и Московии и по соседству с Татарией».)¹ 6 июня корабли отплыли от острова Тессел¹, затем обогнули Нордкап и 4 июля были уже в нескольких милях от берегов Новой Земли, под 73°25' северной широты. Следуя вдоль западного берега Новой Земли, Баренц 10 июля достиг мыса Нассау и через три дня встретил плотные массы плавучего льда. До 3 августа он безуспешно пытался проложить дорогу через ледяные поля, более восьмидесяти раз меняя курс. Чтобы пройти незначительное расстояние от мыса Нассау до Больших Оранских островов, у северной оконечности Новой Земли, ему пришлось преодолеть в общей сложности до тысячи семисот миль и проявить все навигационное искусство, на какое он только был способен.

Вряд ли до Баренца хоть один мореплаватель выказывал в подобных обстоятельствах столько настойчивости! Добавим еще, что он воспользовался вынужденной крейсеровкой, чтобы с редкой для того времени точностью определить широты целой серии географических пунктов. Наконец экипаж, измученный этой бесплодной борьбой, запросил пощады, и Баренц вынужден был

¹ Гессел — голландский остров (из группы Западно-Фризских островов), лежащий у выхода в Северное море из залива Зейдер-Зе.

вернуться в гавань Тессела. (Другие корабли флотилии обогнули остров Вайгач и проникли в Карское море, где их задержали льды.)

Тем не менее результаты экспедиции были признаны настолько значительными, что уже в следующем году Генеральные Штаты¹ снарядили семь судов, начальство над которыми было вверено богатому дворянину Якобу ван Гемскерку, а Баренц был назначен главным штурманом. После нескольких остановок у берегов Новой Земли и сибирского побережья флотилия встретила у пролива Югорский Шар непреодолимые льды, заставившие ее отказаться от мысли проникнуть в Карское море. 17 сентября корабли вернулись в Голландию.

Эта вторая экспедиция не оправдала возлагавшихся на нее надежд, и нидерландское правительство отказалось субсидировать дальнейшие экспедиции по изысканию Северо-Восточного прохода, хотя и назначило 25 000 гульденов награды тому, кто найдет морской путь в Китай. Более сговорчивыми оказались амстердамские купцы. Они согласились снарядить два корабля, названия и тоннаж которых остались неизвестными. Начальство над ними было вверено Якобу ван Гемскерку и Яну Корнелисзону Рейпу. Баренц же был назначен старшим штурманом на корабль Гемскерка, хотя фактически был инициатором и главой всего предприятия. Геррит Де Фер, описавший в своем «Морском дневнике» все три плавания Баренца, был зачислен в состав экипажа в качестве боцмана.

Десятого мая 1596 г. голландцы отплыли из Амстердама. Они благополучно миновали Шетландские острова и 5 июня неожиданно увидели первые льдины, «чем были немало удивлены, приняв их сначала за белых лебедей». Это произошло к югу от Шпицбергена², в районе острова Медвежьего. Вскоре они подошли к неизвестному острову и 11 июня высадились на его берег. Там путешественники собрали много яиц чаек и убили огромного белого медведя, что и дало повод присвоить этому острову название Медвежьего, удержавшееся до нашего времени.

Продолжая подниматься к северу, 19 июня голландцы заметили сквозь пелену тумана неизвестную землю, покрытую остроко-

¹ Генеральные Штаты — парламент Нидерландской республики.

² Задолго до Баренца остров Медвежий и острова Шпицберген были открыты русскими поморами. Островам Шпицберген русские поморы дали название Груланд или Грумант (по-видимому, они думали, что это Гренландия).

нечными гористыми вершинами. Этот большой остров путешественники приняли за Гренландию, а когда убедились в своей ошибке, назвали его Шпицбергенем. Исследовав значительную часть западного побережья Шпицбергена, они попали в полосу плавающих льдов и вынуждены были снова спуститься к Медвежьему острову.

Здесь между участниками экспедиции возникли разногласия. Ян Корнелисзон Рейп хотел взять курс на север и там искать проход на восток. Баренц и капитан Гемскерк решили плыть прямо на восток, мимо Новой Земли. Корабли расстались, и каждый направился своим путем.

Одиннадцатого июля корабль Баренца достиг мыса Канин Нос, и спустя пять дней голландцы увидели западный берег Новой Земли. Переменив галс, они поднялись к северу и 19 июля добрались до полуострова Адмиралтейства. До 4 августа дальнейший путь преграждали тяжелые льды, но 6 августа кораблю удалось обогнуть мыс Нассау. После многих приключений, о которых мы не будем рассказывать, Баренц достиг Больших Оранских островов. Затем он начал спускаться вдоль восточного берега Новой Земли и, теснимый льдами, 26 августа бросил якорь в обширной бухте. «В этой ледяной гавани, — пишет Геррит Де Фер, — нам пришлось провести всю холодную зиму в большой нужде, в страданиях и тоске».

«30 августа, — читаем мы в том же дневнике, — ледяные глыбы опять стали нагромождаться одна на другую в направлении к кораблю. Дул сильный ветер с северо-запада и шел густой снег. Корабль был совершенно окружен и сжат льдом; все около него стало трещать, и казалось, что он разламывается на сто частей; это было ужасно и видеть и слышать; волосы становились дыбом при столь страшном зрелище. В этот опасный момент, когда льдины, до тех пор крепко сжимавшие корабль с обеих сторон, пробились под него, судно вытолкнуло вверх, как будто железным орудием».

Вскоре корабль стал так трещать, что благоразумие подсказывало как можно скорее выгрузить все припасы, паруса, порох, пули, мушкеты и другие необходимые вещи; затем голландцы разбили на берегу палатку, чтобы укрыться от снега и нападения медведей. Несколько матросов, отойдя на две-три мили от берега, увидели речку с пресной водой и возле нее следы северных оленей.

Постепенно вся бухта наполнилась громадными, громоздившимися друг на друга ледяными глыбами. Голландцы оказались накрепко запертыми в ледяной гавани и стали готовиться к зимовке. «Мы пришли к заключению, что надо защищаться от холода и диких зверей, построить дом и жить в нем с возможными удобствами, а в остальном довериться судьбе». К счастью, путешественники нашли на берегу много выброшенного водой леса, принесенного, без сомнения, течением из Сибири; деревьев было столько, что их хватило не только для постройки жилища, но и на топливо до конца зимы.

Никогда еще до Баренца европейцы не зимовали в таких высоких широтах, среди мрака и холода, на берегу застывшего, неподвижного моря, которое, по неверному выражению Тацита¹, образует «пояс мира» и где «слышен шум восходящего солнца».

Готовясь к зимовке на Новой Земле, голландцы не могли предвидеть тех страшных испытаний, какие ждали их впереди. Впрочем, все семнадцать человек вынесли выпавшие на их долю горести с изумительным терпением и мужеством, без всякого ропота, без малейшей попытки к возмущению. Поведение этих доблестных мореходов, не ведавших, что сулило им будущее, и до последней минуты не терявших надежды на спасение, навсегда останется высшим примером героизма для всех моряков. Благодаря искусству, знаниям и предусмотрительности Виллема Баренца голландцы в конце концов выбрались с Новой Земли, из ледяной могилы, и вновь увидели берега своего отечества!

Зимовщикам постоянно приходилось сталкиваться на Новой Земле с белыми медведями, в одиночку и группами подходившими к самому их жилью. Убивая зверей, они ограничивались только тем, что сдирали с них шкуры, но брезгали употреблять в пищу медвежье мясо, считая его поганым или нездоровым. Это было большой ошибкой. Медвежатина значительно улучшила бы скудный рацион, дала бы возможность отказаться от солонины и уберечься на более длительное время от цинги.

Но не будем опережать события и постараемся следовать за бесхитрым рассказом Геррита Де Фера.

¹ Тацит Корнелий — знаменитый римский историк (точные даты его рождения и смерти неизвестны, приблизительно 55 — 117 гг. н. э.). Из географических работ Тацита наиболее известно сочинение «Германия», очерк жизни и быта германских племен.

«22 сентября умер корабельный плотник и был погребен в расщелине горы, так как из-за сильного мороза земля не поддавалась заступу. Следующие дни были употреблены на переноску леса для постройки дома». Для того чтобы его перекрыть, надо было разобрать носовые и кормовые помещения корабля; дом был готов 2 октября, и вместо квашни в нем поставили глыбу заледевшего снега. Тридцать первого числа поднялся сильный ветер с северо-запада; море полностью раскрылось, не было и следа льдов, и так далеко, куда только хватал взгляд. «Но мы оставались в плену, на льдине, и корабль был на два или три фута приподнят над льдом, и мы не могли подумать ни о чем другом, как только о том, что вода в море промерзла до дна, хотя глубина составляла три с половиной сажени».

(«8 октября. В предшествующую ночь и весь этот день был такой сильный ветер и шел такой снег, что если кто выходил, то ему казалось, что он задыхается; мало того, никто не мог пройти на расстояние длины корабля, хотя бы от этого зависела его жизнь; нельзя было даже минуты пробыть вне корабля или вне дома».)

Двенадцатого октября голландцы перешли в дом, хотя он был еще не совсем достроен. 21 октября большая часть провизии, мебель, припасы и инструменты были перенесены на берег. Дни становились совсем короткими, и солнце только на несколько минут показывалось над горизонтом. Холода усиливались. Дом, построенный по плану Баренца, состоял из одной большой комнаты; посредине был устроен очаг, а над крышей возвышалась широкая дымовая труба. Вдоль стен тянулись нарры, в углу стояла большая бочка, служившая ванной, так как корабельный врач, во избежание заболеваний, предписывал как можно чаще мыться.

Снега в эту зиму выпало столько, что весь дом был завален сугробами, благодаря чему сохранялась довольно высокая температура внутри жилища. Чтобы выйти из дому, всякий раз приходилось прорывать под снегом коридор. По ночам было слышно, как по крыше разгуливали голодные медведи, пытавшиеся найти доступ к людям. Это заставило голландцев придумать необычайный способ охоты; они залезали в дымовую трубу и, сидя словно в сторожке, стреляли без промаха, уловив удобный момент. Вокруг дома и на крыше было поставлено много ловушек для лисиц и песцов. Пушистый мех защищал голландцев от холода, а мясо

этих животных служило пищей. Постоянно веселые и в хорошем настроении, они выносили кое-как скуку полярной ночи и суровые холода.

В декабре начались такие лютые морозы, что дым перестал выходить из трубы, и зимовщики едва не задохнулись в своем помещении. На некоторое время очаг пришлось загасить. Температура в доме резко понизилась. Стены, койки, потолок и все вещи покрылись толстым слоем льда. Стенные часы остановились. Виноградное вино замерзло и перед раздачей его приходилось оттаивать. Каждому выдавалось на день по одному квартарию вина (0,137 литра).

«7 декабря скверная погода продолжалась, свирепствовал северо-восточный шторм, который принес сильнейший холод; мы не знали, что предпринять, чтобы защититься от него. Когда мы совещались, что делать, один из нас предложил пустить в ход каменный уголь, который мы перенесли с корабля в дом, и развести им огонь, так как уголь дает сильный и продолжительный жар. Поэтому вечером мы развели при помощи упомянутых углей прекрасный огонь, давший много тепла, но не убереглись при этом от большой беды. Так как теплота нас сильно подкрепила, то мы стали совещаться, как бы подольше удержать ее. Мы решили закрыть все дверцы в камине, чтобы надолго сохранить тепло; после этого все пошли спать, каждый на свою койку или логово, радуясь теплу. Мы долго разговаривали, но в конце концов у нас появилось сильное головокружение. Сначала один из нас, а затем и все остальные почувствовали сильное недомогание. Поэтому те, что были посильнее, вскочили с коек и прежде всего открыли камин, а потом дверь. Тот, кто отворял дверь, лишился чувств и в обмороке с большим шумом упал на снег. Я, чья койка была ближе всего к двери, услышал это и, видя его лежавшим в обмороке, сейчас же принес уксус и натер ему лицо, от чего он пришел в себя. По открытии двери наше здоровье восстановил тот же самый холод: раньше он был для нас таким ярким врагом, а теперь послужил нашему спасению, ибо иначе мы, без сомнения, погибли бы в беспомощности. Затем, когда мы пришли в себя, капитан дал каждому немного вина для укрепления сердца».

«11 декабря день был также ясный, но непомерно холодный, так что не испытывавший этого с трудом мог бы поверить. Даже сапоги на наших ногах сделались от мороза как рог, так что мы не могли больше носить сапог, а должны были прибегать к широким

и просторным башмакам, верхняя часть которых состояла из овчины; при ходьбе же надо было надевать три или четыре пары носков для согревания ног».

«25 декабря дул северо-западный ветер и погода была скверная. Несмотря на это, песцы бегали по крыше, как нам было слышно. Некоторые считали это дурным предзнаменованием. Возник вопрос: почему это дурное предзнаменование? На это был дан ответ: потому, что они не были брошены в горшок или посажены на вертел, ибо в таком случае это было бы хорошим предзнаменованием». Начало нового, 1597 г. не принесло никакого облегчения. Снежные бури и морозы свирепствовали с такой силой, что зимовщики не могли выходить из дому. (Запасы сильно оскудели, и капитан распорядился уменьшить рацион. Каждый получал теперь по маленькой мерке вина раз в два дня. Некоторые старались сберечь свои крохотные порции на случай еще большей нужды.)

Шестого января зимовщики весело отпраздновали Крещение. Об этом трогательно и простодушно сообщает в своем дневнике Геррит Де Фер: «Мы просили капитана позволить нам в этот день среди стольких бедствий хоть раз повеселиться и поставить сбереженное вино из того, которое нам выдавалось каждые два дня, но которое мы не всегда выпивали.

В этот вечер мы несколько оправились. Мы выставили два фунта муки, которая была предназначена для склеивания бумаги, нажарили на сковороде лепешек с маслом, и, кроме того, каждому достался белый бисквит, который макали в вино. Мы внушали себе, что находимся на родине, у родных и друзей, и веселились не меньше, как если бы угощались дома за прекрасным ужином, — до такой степени нам все казалось вкусным. Мы распределили между собой билетки, на которых были написаны названия должностей, и нашему пушкарю выпал жребий, провозглашавший его властителем Новой Земли, которая простирается в длину на двести миль и расположена между двумя морями».

Начиная с 21 января лисицы и песцы стали появляться реже, но зато зачастили белые медведи; день стал прибавляться, и запертые в своем доме голландцы начали выходить на воздух. (24 января на мгновение показалось солнце. Матросы поспешили сообщить эту радостную весть Виллему Баренцу, но он заявил, что это обман зрения, так как раньше чем через четырнадцать дней солнце на этой широте появиться не может.

Двадцать шестого января после долгой болезни скончался один из матросов и был похоронен в снегу, недалеко от дома.)

Двадцать восьмого января в ясную погоду все вышли из дому — гуляли, бегали, играли в снежки. Но каждое движение давалось с трудом, так как холод, недоедание и цинга подорвали силы и здоровье даже самых крепких людей. Все настолько ослабели, что обычная вязанка дров заносилась в дом в несколько приемов.

Наконец, в первых числах марта, когда бури и метели прекратились, мореплаватели увидели, что море на большом протяжении очистилось ото льда. Но корабль по-прежнему оставался скованным в «Ледяной гавани». Морозы еще держались, и каждое дуновение ветра обжигало ледяным холодом.

Пятнадцатого апреля зимовщики посетили свой корабль и нашли его в довольно хорошем состоянии. (На обратном пути им встретился огромный медведь, не решившийся, однако, напасть на людей. «Затем, проходя по берегу моря, мы увидели, что льдины так высоко взгромоздились одна на другую, что представляли как бы целые города с башнями и бойницами».)

В начале мая матросы стали проявлять нетерпение и торопить Баренца с отплытием, но тот отвечал, что нужно выждать до конца мая, а если и тогда корабль не освободится ото льда, то придется отплыть на лодках. 20 мая голландцы стали собираться в обратный путь, мечтая добраться на лодках до каких-нибудь населенных мест. Можно себе представить, с какой радостью и усердием матросы принялись за работу! Шлюпка была починена, паруса приготовлены, все припасы лежали наготове.

Тринадцатого июня, когда море почти полностью очистилось и появился попутный ветер, Гемскерк сообщил Баренцу, который давно уже болел и не выходил из дому, что он «принял решение воспользоваться представившимся теперь удобным случаем для отъезда и вместе с командой спустить в воду лодки, чтобы покинуть Новую Землю. Тогда Виллем Баренц, предварительно написавший записку, положил ее в мушкетный патрон и повесил в камине. В ней было рассказано, как мы прибыли из Голландии с целью плыть в Китайское царство и что с нами случилось здесь; сказано было и про наши невзгоды, чтобы если кто после нас пристанет сюда, он мог понять, что с нами было и как мы поневоле построили этот дом, в котором и застряли на десять месяцев. Написал он и про то, как нам надо было пускаться в море на двух открытых лодках и предпринять удивительное и опасное плавание».

И вот 13 июня 1597 г. голландцы бросили свой корабль, вмерзший в ледяное ложе, и отдались на волю Божью.

Шестнадцатого июня они благополучно добрались до Больших Оранских островов и среди опасностей, сменявших одна другую, направились к югу вдоль западного берега Новой Земли.

«20 июня при западном ветре погода была довольно сносная. Около того времени, когда солнце было на юго-востоке, Класу Андрикону стало очень худо, и мы убедились, что он не долго протянет. Старший боцман, придя в нашу лодку, поведал, в каком положении находится Клас Андрикон, и сказал, что он проживет недолго. Тогда Виллем Баренц заметил: «Мне кажется, что и я протяну недолго». Мы все же не подозревали, что болезнь Виллема настолько опасна, так как он вел с нами беседы и читал дневник, который я составлял о нашем путешествии, и мы вступали в разные разговоры по поводу этого. Наконец, отложив дневник и обратившись ко мне, он сказал: „Геррит, дай мне напиток“. Только он выпил, как ему сделалось так плохо, что он закатил глаза и неожиданно скончался. У нас даже не было времени вызвать с другой лодки капитана. Таким образом, Виллем умер раньше, чем Клас Андрикон, который скоро за ним последовал. Смерть Виллема Баренца причинила нам немалое горе, ибо он был главный руководитель и незаменимый штурман, на которого мы полагались». Так умер знаменитый голландский путешественник. В кратком и сдержанном панегирике Геррита Де Фера чувствуется, какую любовь, уважение и доверие сумел внушить Виллем Баренц своим несчастным спутникам. Баренц — слава Голландии, столь богатой смелыми и искусными мореплавателями.

Вынужденные непрерывно вычерпывать воду из своих углых лодок, ежеминутно подвергаясь опасности быть раздавленными льдами, страдая от голода и жажды, голландцы достигли наконец мыса Нассау. Чтобы теснящимися льдинами не затерло лодки, голландцы выгнали их на ледяное поле, но при этом потеряли часть своих припасов и чуть было не погибли, так как лед ломался у них под ногами. Но среди всех этих бедствий на их долю выпадали и скромные радости. Как-то раз трое голландцев, добравшихся по ледяному припаю до одного из Южных Крестовых островов в надежде встретить там русских охотников, нашли семьдесят гагачьих яиц, но «не знали, как их донести. Наконец один из них снял брюки и завязал их в нижней части; двое понесли найденные яйца, повесив брюки на копьё; третий взял мушкет.

И лишь после 12-часового отсутствия они вернулись, а мы были уже не в силах придумать, что с ними могло случиться... Из принесенных яиц мы устроили роскошное пиршество и, таким образом, среди наших тягостей и трудностей умели иногда доставить себе веселые минуты».

Начиная с 19 июля море настолько очистилось ото льда, что плавание становилось менее опасным. 28 июля голландцы встретили две русские ладьи, к которым сначала побоялись приблизиться. Но когда путешественники увидели, что русские поморы направляются к ним без оружия и выражают дружеские чувства, они оставили всякий страх, особенно когда узнали в них людей, которых видели в прошлом году в окрестностях Вайгача. Голландцы получили от русских немного съестных припасов и поплыли дальше, стараясь держаться берегов Новой Земли настолько близко, насколько позволял лед. Во время одной высадки на берег путешественники нашли так называемую ложечную траву, листья и семена которой служат и поныне одним из самых сильных противочинготных средств. Голландцы с жадностью стали есть эту траву и почти тотчас же почувствовали облегчение.

Между тем припасы быстро истощались; оставалось лишь немного хлеба и ничтожное количество мяса. Тогда мореплаватели пустились в открытое море, чтобы сократить расстояние, отделяющее их от берегов России, где они рассчитывали встретить русских рыболовов и получить помощь. Надежда их не обманула, хотя им и пришлось еще вытерпеть немало невзгод.

Добравшись до побережья материка (к востоку от устья Печоры), голландцы опять увидели русский корабль и, получив на несколько дней съестных припасов, взяли курс на запад. Новые встречи с русскими поморами спасли их от голодной смерти. В густом тумане обе лодки потеряли друг друга из виду и встретились снова далеко за Каниным Носом, уже по ту сторону Белого моря, у острова Кильдин, где рыболовы сообщили им, что в Коле стоят голландские корабли, готовящиеся к отплытию. Путешественники тотчас же послали туда одного из моряков.

Через три дня посланный вернулся из Колы с письмом от Яна Корнелисона Рейпа. Можно представить, как велико было изумление голландцев при виде его подписи. Только после сличения почерка с письмами Яна Рейпа, сохранившимися у Гемскерка, матросы поверили, что письмо действительно написано его рукой. Несколько дней спустя, 30 сентября, Ян Рейп сам прибыл на бар-

касе за своими бывшими спутниками, снабдил продовольствием и отвез в Колу на свой корабль.

Ян Рейп был поражен, узнав обо всем, что произошло с экспедицией Баренца и Гемскерка. Прибыв в Колу, измученные мореплаватели после нескольких дней отдыха и обильного питания восстановили свои силы и окончательно избавились от цинги. 17 сентября Ян Рейп отплыл из Колы в Голландию и 1 ноября благополучно прибыл в Амстердам.

Спутники Баренца сошли на берег, «одетые в то же платье, которое носили на Новой Земле, в шапках, подбитых песцовыми шкурками, и вошли в дом Питера Гасселера, который был одним из представителей города Амстердама по части снаряжения кораблей Яна Корнелисона и нашего. Очень многие удивлялись нашему возвращению, так как считали нас давно уже погибшими. Слух об этом распространился по городу и дошел даже до дворца принца, где в то время угощали обедами высокопоставленных лиц: канцлера и посла его величества короля Дании, Норвегии, Готов и Вандалов. Поэтому бургомистр и два члена городского совета позвали нас, и тут, в присутствии упомянутого посла и консулов, мы рассказали про наше плавание и про перенесенные опасности; затем те из нас, что были местными жителями, разошлись по домам, а остальные были отведены в назначенные им гостиницы, где пробыли несколько дней, получили плату и наконец отправились к своим».

Вот имена людей, вернувшихся из этого путешествия: Якоб ван Гемскерк, Питер Питерсон Фос, Геррит Де Фер, магистр Ян Фос (цирюльник-врач), Якоб Янсон Стерренбург, Ленарт Гендриксон, Лаурент Виллемсзон, Ян Гиллебрандсон, Якоб Янсон Гоогвут, Питер Корнелисон, Ян ван Бейзен, Якоб Эвертсзон. Имена еще двух участников экспедиции остались неизвестны.

Чтобы закончить рассказ о храбрых мореходах, нам остается еще добавить, что Геррит Де Фер в следующем, 1598 г. напечатал на латинском языке историю плаваний Баренца и что капитан Якоб ван Гемскерк после нескольких путешествий в Индию был назначен в 1607 г. командиром эскадры из двадцати шести судов и дал испанцам большое сражение, из которого голландцы вышли победителями, причем сам Гемскерк был убит в этом бою.

Почти триста лет спустя после смерти Баренца на Новой Земле случайно было открыто место его зимовки. В сентябре 1871 г. в «Ледяную гавань» зашел норвежский промышленник Эллинг

Карлсен и обнаружил дом Баренца. По словам Карлсена, «дом так хорошо сохранился, как будто только вчера был построен». Внутри все было на своих местах и оказалось в таком же точно виде, как при отъезде путешественников. Вокруг дома валялись пустые бочки, груды тюленьих и медвежьих костей. Вся обстановка внутри дома и его внешний вид в точности соответствовали описаниям Геррита Де Фера и рисункам, приложенным к его книге. Вдоль стен тянулись нарты, на стене висели часы, мушкетеры, алебарда. Среди хозяйственной утвари, оружия и различных предметов, упоминаемых капитаном Карлсеном, мы отметим две медные корабельные кастрюли, кубки, ружейные стволы, стамески и напильники, пару сапог, девятнадцать патронов, некоторые из них еще были заполнены порохом, стенные часы, флейту, замки, двадцать шесть оловянных подсвечников, кусочки гравюр и три книги на голландском языке, одна из них — «История Китая» — свидетельствует о цели, которую он преследовал своей экспедицией, а другая — «Руководство к мореплаванию» — показывает, с каким интересом он следил за всем, что относилось к его профессии¹.

Все найденные в «Ледяной гавани» предметы были затем уступлены нидерландскому правительству, передавшему их Морскому музею в Гааге.

По рисунку Геррита Де Фера была выполнена большая модель дома Баренца, но без передней стенки — так чтобы можно было видеть и комнату, и все реликвии, привезенные с Новой Земли. Рядом с часами на стене висит медный циферблат с изображением меридиана — часть астрономического прибора, отмечавшего отклонение магнитной стрелки компаса. Этот прибор, изобретенный Планцием, представляет собой уникальный экземпляр морского инструмента, которому не суждено было войти в употребление. Рядом с различными вещами и остатками голландского флага обращает на себя внимание также флейта, на которой любил играть Баренц.

Нельзя смотреть без волнения на эти драгоценные реликвии!

¹ Одной из наиболее интересных находок, сделанных в «Ледяной гавани», была рукопись, оставленная Баренцем и Гемскерком в отверстии дымовой трубы.

Глава четвертая

ПИРАТСКИЕ И ВОЕННО-МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Френсис Дрейк. — Томас Кавендиш. — Оливер Ван-Ноорт. — Уолтер Рэйли.

(Во второй половине XVI в. кроме заморских экспедиций, снаряжавшихся правительствами для завоевания новых земель или торговыми компаниями с коммерческими целями, в далекие плавания пускались также частные лица — по тогдашней терминологии «авантюристы», — занимавшиеся морским разбоем и контрабандной торговлей, часто с ведома властей и при их тайном покровительстве.

Ожесточенная борьба между Англией и Испанией из-за торгового преобладания на морях закончилась грандиозным столкновением в 1588 г.: английская эскадра нанесла сокрушительное поражение испанской «Непобедимой Армаде». С тех пор непрерывно нарастало морское, торговое и колониальное могущество Англии, а Испания мало-помалу превращалась во второстепенную державу. Но еще задолго до знаменательного сражения английские пираты подрывали силу противника внезапными нападениями на караваны испанских судов, возвращавшихся в метрополию с ценными грузами золота, серебра и всевозможных колониальных товаров, и отчаянно смелыми налетами на испанские гавани и форты, разбросанные вдоль побережья Центральной и Южной Америки. При этом авантюристы или погибали, или неслыханно обогащались, делясь затем своей добычей с вельможами, министрами и с самой королевой Елизаветой, принимавшими негласное участие в снаряжении пиратских экспедиций.

Некоторые английские флибустьеры (пираты) совершали такие замечательные плавания, что память о них сохранилась в истории мореходства и географических открытий.)

Одним из таких «королевских пиратов», способствовавших расширению познаний своих современников о Земле, был знаменитый Френсис Дрейк. Он родился около 1540 г. в графстве Девоншир, в семье бедного деревенского священника. Отец Френсиса, обремененный многодетной семьей, вынужден был избрать для своего сына морскую профессию и определил его юнгой на небольшой корабль, совершавший торговые рейсы из Англии в Голландию.

Трудолюбивый, настойчивый, расчетливый, Френсис Дрейк вскоре приобрел все необходимые для моряка теоретические знания и практические навыки. Хозяин так полюбил молодого матроса, что, умирая, завещал ему свое судно. Выгодно продав его и добавив свои сбережения, Френсис Дрейк купил большой корабль и в качестве торгового капитана предпринял несколько длительных путешествий в Бискайский залив и в Гвинею и потратил все свое состояние, чтобы приобрести груз, который он надеялся продать в Вест-Индии.

Однажды, возвращаясь в Англию из очередного рейса, он подвергся нападению испанцев, которые конфисковали его корабль вместе с товарами. Все протесты Дрейка ни к чему не привели, и тогда он поклялся отомстить испанцам за свое разорение. Как мы увидим дальше, он сумел сдержать эту клятву.

В 1567 г., то есть спустя два года после упомянутого случая, флотилия из шести кораблей с разрешения королевы покинула Плимут и направилась к берегам Мексики. Френсис Дрейк командовал кораблем в 50 тонн. Прежде всего англичане высадились в Африке, у островов Зеленого Мыса, где занялись охотой на негров. Захватив несколько сотен невольников, английские торговцы «живым товаром» продали их испанским колонистам на Антильских островах, после чего совершили лихой набег на порт Рио-де-ла-Ача¹ и завладели городом. Затем, после страшной бури, они появились в порту Сан-Хуан на мексиканском берегу, близ Веракруса. Здесь на них неожиданно напала испанская эскадра, и Френсис Дрейк, с трудом ускользнув от преследования, после долгого и трудного плавания вернулся на родину в январе 1569 г.

После этого поражения Дрейк совершил еще два разведывательных (разведочных) плавания к берегам Южной Америки и в 1572 г. собрал средства для новой экспедиции. Он снарядил два корабля, из которых больший, на семьдесят тонн, был под его управлением, меньшим, двадцатипятитонным, он поручил командовать своему брату Джону. Весь экипаж состоял из семидесяти трех бывалых моряков, на которых можно было положиться.

С июля 1572 до августа 1573 г. Дрейк удачно крейсировал у берегов Дарьенского залива, совершая налеты на города Веракрус и Номбре-де-Диос, и завладел большой добычей. Надо заметить, что подобными аморальными, бесчестными действиями изобило-

¹ Город Рио-де-ла-Ача расположен на колумбийском побережье Карибского моря.

вала вся история XVI в. Но мы не будем останавливаться на диких сценах разбоя и варварства, которые заставили бы покраснеть от стыда кого угодно, но только не Френсиса Дрейка.

После того как этот смелый пират отличился в подавлении ирландского восстания и начал уже приобретать известность, он был представлен королеве Елизавете. Дрейк изложил королеве свой план опустошения западных берегов Южной Америки и вместе с титулом адмирала получил пять кораблей с экипажем из ста шестидесяти отборных матросов.

Пятнадцатого ноября 1577 г. флотилия Дрейка покинула Плимут, взяв курс на юго-запад. Через месяц с небольшим корабль достигли Могадора, портового города в Марокко, на берегу Атлантического океана. Здесь англичане взяли заложников и обменяли их на целый караван всевозможных товаров. Затем у островов Зеленого Мыса Дрейк пополнил запасы продовольствия и после пятидесятидневного плавания по Атлантическому океану благополучно добрался до Бразилии. Потом он спустился вдоль бразильского берега до эстуария Ла-Платы, где сделал короткую остановку, во время которой запасся водой, после чего добрался до Тюленьей бухты в Патагонии, где вел торговлю с дикарями и убил большое число пингвинов и морских волков.

«Некоторые патагонцы, которых мы видели 13 мая несколько ниже Тюленьей бухты, — пишет один из спутников Дрейка, — украшают голову птичьими перьями и разрисовывают лицо разными красками. Каждый туземец был вооружен луком, из которого при выстреле вылетали одновременно две стрелы. Патагонцы отличаются большой ловкостью, очень смышлены в ратном деле. При движении они умеют соблюдать такой строй, что создается впечатление, будто их очень много, тогда как в действительности их гораздо меньше, чем кажется».

Ученые, и среди них Эдуард Шартон, обратили внимание на то, что спутники Дрейка умалчивают о необыкновенно высоком росте патагонцев, вызвавшем удивление Пигафетты. Это объясняется тем, что в Патагонии жили разные племена, и если там в действительности существовали туземцы столь высокого роста, то обитали они на южной оконечности континента, близ Магелланова пролива.

Третьего июня флотилия Дрейка стала на якорь в той самой бухте Сан-Хуан, где некогда Магеллан учинил расправу с бунтовщиками и провел суровую зиму. На берегу бухты еще сохра-

нилась виселица, воздвигнутая в свое время спутниками Магеллана для казни мятежников. В этом историческом месте Дрейк, в свою очередь, решил избавиться от одного из своих офицеров, капитана Даути, не без основания заподозренного в измене. Допрошенные матросы, в конце концов, признались, что Даути добивал их к мятежу и уговаривал отделиться от флотилии. Военный трибунал, созванный Дрейком, подтвердил виновность Даути и присудил его к смертной казни. Приговор был немедленно приведен в исполнение, и голова Даути упала на плаху.

Второго августа флотилия, состоявшая теперь только из трех кораблей, так как два судна пришли в полную негодность и были брошены, вступила в пролив, который со времени Магеллана никем не посещался, кроме неудачной экспедиции Гарсиа де Лоайсы и Элькано.

(«Мы продвигались вперед медленно и с немалыми затруднениями, — продолжает свой рассказ спутник Дрейка. — Пролив очень извилист, приходилось часто менять направление; кроме того, с ледяных вершин окрестных гор дуют сильные и холодные ветры; казалось, будто каждая гора имеет свой особый ветер; то он был нам благоприятен и гнал быстро вперед, то дул с левого борта, то с правого, то относил назад за один час на большее расстояние, чем мы успевали пройти вперед за несколько часов; иногда эти ветры смешивались и одновременно падали на море с такой силой, что возникали смерчи, которые низвергались ливнями. Кроме того, море там так глубоко, что не было возможности бросить якорь, хотя бы дело шло о жизни или смерти».)

При выходе из Магелланова пролива флотилия была застигнута сильной бурей, уничтожившей еще один корабль, а через несколько дней ветер утнал другое судно; таким образом, адмирал остался с одним-единственным кораблем. Но если одного этого корабля ему было достаточно, чтобы нанести испанцам чувствительный урон, то можно себе представить, каких бы бед он натворил, если бы ему удалось сохранить всю свою флотилию!

(Во время сильного шторма корабль Дрейка утнало к югу от Огненной Земли до $57^{\circ}30'$ южной широты, где ему удалось стать на якорь среди островов и переждать непогоду. Следовательно, Дрейк был первым европейцем, достигшим мыса Горн и пролива, названного впоследствии его именем (пролив Дрейка). Когда буря улеглась, Дрейк начал свое изумительное плавание по Тихому океану.

Двадцать пятого ноября англичане подошли к Чилоэ. На этом плодородном острове, густо заселенном индейцами арауканами, бежавшими с материка от жестокости испанцев, Дрейк решил дать отдых измученному экипажу. Сначала индейцы выказали гостеприимство, но на следующий день внезапно напали на англичан. В бою были убиты два моряка, многие ранены, в том числе и сам Дрейк, которому с трудом удалось добраться до корабля. Больше всего адмирал был огорчен тем, что ему пришлось покинуть Чилоэ, не наказав индейцев за вероломство. Но Дрейк сам допустил оплошность, заговорив с ними на испанском языке. Приняв англичан за своих учителей-испанцев, они не замедлили обрушить на них свой гнев.)

Высадившись затем в гавани Вальпараисо, Дрейк захватил испанский корабль, груженный винами и слитками золота на сумму 37 000 дукатов. Затем он разграбил город, покинутый испуганными жителями. Отсюда Дрейк поплыл дальше на север. В Кокимбо он встретил сильное сопротивление, заставившее его отступить. В Арике, расположенной на нынешней границе Перу и Чили, он нашел две небольшие барки, груженные слитками серебра, и, по выражению современника, «взял на себя заботу об этом грузе». Кое-какая добыча досталась Дрейку и в порту Лимы, но что его особенно обрадовало, — это известие о том, что две недели тому назад в Панаму отправился галион «Кага-Фуэго» с богатым грузом золота и серебра. Дрейк пустился его преследовать, по пути захватил испанский барк с восьмьюдесятью фунтами золота, что составило 14 080 французских экю, и без труда настиг на широте мыса Сан-Франциско «Кага-Фуэго», на котором он тоже нашел восемьдесят фунтов золота. Смеясь, Дрейк проговорил испанскому мореходу: «Капитан, ваш корабль больше не должен называться „Кага-Фуэго” — извергающий огонь. Его стоило бы назвать „Кага-Плата” — извергающий деньги. Это нашему кораблю пристало зваться „Кага-Фуэго”».

После того как Дрейк совершил еще несколько более или менее удачных набегов у берегов Перу, ему стало известно, что испанцы готовят против него карательную экспедицию. Не дожидаясь встречи с противником, он почел за благо вернуться в Англию. Перед ним были открыты три дороги: негостеприимный Магелланов пролив, обычный путь через Тихий океан и мимо мыса Доброй Надежды и третий, неизведанный путь: вдоль берегов Америки, через Ледовитое море. Дрейк предпочел выбрать

этот третий путь в надежде найти Северо-Западный проход из Тихого в Атлантический океан.

Дрейк направился на север вдоль американского побережья, пока не достиг таких высоких широт, где в июне земля была еще в снегу и снасти покрывались ледяной коростой. Так и не найдя пролива, он повернул на юг и высадился под 38° северной широты у берегов нынешней Калифорнии (залив Сан-Франциско).

«Когда мы высадились на берег, дикари с большим изумлением смотрели на нас и, очевидно, принимая нас за богов, оказывали нам всякие почести. Все время, пока мы там были, туземцы дарили нам султаны из разноцветных перьев и траву, которую они называли *petun* (табак), индейцы регулярно ее употребляют. Прежде чем вручить свои дары, они останавливались поодаль, произносили какие-то длинные заклинания и, положив на землю лук и стрелы, приближались к нам с подарками. А женщины тем временем, словно в отчаянии, с жалобным воем раздирали ногтями кожу на лице, так что кровь струилась по их телу; в исступлении бросались они на землю, не разбирая куда, разбивались о камни, царапались о колючий кустарник, повторяя это по десять, по пятнадцать раз, до полного истощения сил. Вскоре мы узнали, что они совершали таким образом в нашу честь обряд жертвоприношения».

Детали, которые Дрейк сообщает о калифорнийских индейцах, чуть ли не единственны в своем роде, потому что в иных случаях он совсем не упоминает о нравах и обычаях жителей посещенных им стран. Отметим по этому поводу привычку к длинным речениям, которую путешественник постарался подчеркнуть и которую мы встречаем у канадских индейцев, как это констатировал сорока годами раньше Картье.

Торжественно вступив от имени королевы во владение этой страной и назвав ее «Новым Альбионом», Дрейк повел свой корабль к экватору, с намерением достигнуть Молуккских островов и возвратиться в Англию мимо мыса Доброй Надежды¹. Так как эта часть путешествия проходила по уже известным местам и сообщаемые спутниками Дрейка наблюдения не многочисленны и не новы, мы не будем утомлять читателей излишними подробностями.

¹ Дрейк избрал это новое для английских мореплавателей направление, чтобы избежать засады испанских кораблей, которые подстерегали его в Магеллановом проливе.

Шестьдесят восемь дней англичане не видели ничего, кроме неба и моря, и только 30 сентября 1579 г., под 8° северной широты, достигли Разбойничьих (Марианских) островов, обитатели которых поразили их своим необычным видом. «Уши у этих людей оттянуты книзу тяжелыми украшениями, ногти у некоторых отращены на целый дюйм; зубы черны как смоля — они достигают этого при помощи какой-то травы, которую жуют и имеют постоянно при себе».

Пройдя мимо Филиппинских островов, 14 ноября Дрейк высадился на острове Тернате (Молуккские острова) и на следующий день встретился с местным властителем. Он приблизился к кораблю с флотилией из четырех лодок, в которых сидели его приближенные, одетые в парадное платье. После обмена приветствиями и подарками англичане получили рис, сахарный тростник, кокосовые орехи и саговую муку.

На следующий день отпущенные на берег матросы были приглашены во дворец и присутствовали на праздничном приеме. «Впереди властителя несли зонт, богато вышитый золотом. Одет он был по обычаю страны, но очень пышно. С плеч до земли спускался длинный плащ из золотой парчи. Голова его была покрыта красивым тюрбаном, украшенным драгоценными камнями; шею обвивала прекрасная золотая цепь с массивными застежками; пальцы были унизаны перстнями с необыкновенно большими камнями, а обут он был в сафьяновые башмаки».

Нагрузив корабль пряностями, Дрейк возобновил путешествие, но 9 января 1580 г. возле острова Целебес (Сулавеси) наскочил на подводную скалу. Ради спасения жизни пришлось бросить за борт восемь пушек и часть съестных припасов. Через месяц измученные путешественники достигли небольшого острова, который туземцы называли Баратива. (Дрейк занялся здесь починкой корабля и закупил по дешевке новую партию пряностей.

Пребывание на этом острове оставило у англичан самые приятные воспоминания: «Остров плодороден и богат золотом, серебром, медью, оловом, серой и т. д. Население умеет не только добывать металлы, но и обрабатывать их, придавая поделкам искусную форму. Здесь растет мускатный орех, имбирь, перец, лимон, кокос — всего этого такое изобилие, что вполне оправдывалась старая поговорка: за бурей идет тишина, за войной — мир, за голодом — урожай.)^{*} За все наше путешествие мы нигде, за исключением Тернате, так не питались и нигде так не отдыхали, как здесь».

Затем следует описание стоянки на острове Ява. Англичане были радушно встречены главным раджей и его четырьмя заместителями. (Яванцы принесли в обмен на товары столько всякой снеди, что ею можно было набить весь трюм.) «Народ здесь все рослый и воинственный; у них мечи, кинжалы и щиты собственной искусной работы, собственной закалки».

Вскоре Дрейк узнал от местных жителей, что неподалеку стоит большой флот. Опасаясь встречи с испанцами, он немедленно снялся с якоря и в первых числах июня благополучно обогнул мыс Доброй Надежды. 3 ноября 1580 г. Дрейк высадился в Плимуте, закончив свое кругосветное плавание, длившееся почти три года.

Прием, оказанный ему в Англии, сначала был весьма сдержанным. Его нападения на испанские корабли и города в Америке в то время, когда обе нации официально находились в состоянии мира, нельзя было расценить иначе, как пиратские набеги. Многие англичане по справедливости считали Дрейка морским разбойником, попирающим человеческие права. Но королева, по видимому, судила иначе, хотя и не решалась в течение пяти месяцев открыто выразить Дрейку свое благоволение. Затем, когда отношения с Испанией ухудшились, она послала за адмиралом и милостиво выслушала его подробный рассказ о проделанном путешествии. Она приказала перевести его легендарный корабль из Плимута в устье Темзы — в Девтфорд, взойшла на палубу и в торжественной обстановке возвела Дрейка в звание рыцаря.

На этом и закончилась роль Дрейка как замечательного мореплавателя и открывателя новых земель, а описание его жизни как воина и неумолимого врага испанцев не входит в нашу задачу. Осыпанный почестями и облеченный высокими полномочиями, Дрейк умер в море 28 апреля 1596 г., во время очередного похода против испанцев.

Френсис Дрейк знаменит тем, что совершил второе после Магеллана кругосветное плавание и впервые обогнул Огненную Землю, открыв группу островов у мыса Горн, на месте предполагавшегося материка¹. Кроме того, он поднялся вдоль берега Северной Америки до 43^о северной широты, выше, чем это удавалось его предшественникам — испанцам. Во время своего путешествия Дрейк открыл также несколько островов и архипелагов.

¹ В то время географы предполагали, что Огненная Земля является северным выступом неведомого «Южного материка», расположенного в высоких широтах Южного полушария.

Но если Дрейку приписывается мало открытий, то объясняется это тем, что английский пират не стремился по многим причинам указывать свой маршрут в судовом журнале и часто избегал точных обозначений. Поэтому мы не можем перечислить все открытые им земли и острова. Дрейк положил начало морским набегам англичан, причинившим столько вреда испанцам. Эти набеги так обогатили его, что поощрили заняться тем же промыслом многих его современников.

Из мореплавателей, следовавших примеру Дрейка, самым знаменитым и самым удачливым был, бесспорно, Томас Кавендиш. Поступив еще в юности на службу в английский военный флот, Кавендиш бурно провел молодые годы и быстро растратил свое небольшое наследство. Потому он и решил возместить потери за счет испанцев. В 1585 г. Кавендиш ушел со службы и отправился в Америку за добычей. В Англию он вернулся богачом и, поощренный легкой фортуной разбойника морских дорог, решил приобрести на этом поприще славу и приумножить состояние. И тогда он купил три корабля в двадцать, сорок и шестьдесят тонн водоизмещением, подобрал экипаж из ста двадцати бывалых матросов и солдат и 22 июля 1586 г. снова пустился в море. Кавендиш миновал Канарские острова и добрался до Сьерра-Леоне, португальской колонии в Западной Африке. Разграбив город, он поплыл дальше, пересек Атлантический океан и достиг гавани Пуэрто-Десеадо¹, где бросил якорь 27 ноября. Здесь оказалось бесчисленное множество морских собак², очень крупных и таких сильных, что четыре человека с трудом одолевали одного зверя. Здесь же обитала масса бескрылых птиц, питающихся рыбой. Это были пингвины. Считая себя в этой удобной гавани в полной безопасности, Кавендиш выгачил свои суда на берег для починки. Но вскоре англичане не поладили с патагонцами, «людьми гигантского роста, у которых ступни достигают восемнадцати дюймов». Патагонцы тяжело ранили двух матросов стрелами, снабженными каменными наконечниками.

Седьмого января 1587 г. Кавендиш вступил в Магелланов пролив и в самой узкой его части встретил и принял на борт двадцать три испанца (среди них были две женщины) — уцелевших обитателей колонии Вилья-Фелипе, основанной за три года до то-

¹ Пуэрто-Десеадо — гавань в Патагонии у 48° южной широты.

² Морская собака — речь идет о разновидности ластоногих.

го испанским капитаном Педро Сармьенто¹. В этом селении, построенном испанцами с одной только целью — воспрепятствовать проходу иностранных судов через пролив, были возведены четыре форта и одна церковь. К тому времени город уже представлял собой жалкое зрелище. От фортов и церкви остались одни развалины. Жители поселка, лишённые возможности заниматься обработкой земли, так как на них непрерывно нападали огнеземельцы, быстро вымирали от голода и болезней. Многие погибли на пути к испанским селениям в Чили. От всей колонии только и уцелела эта жалкая горстка людей. Забрав на свои суда несчастных колонистов, Кавендиш изменил название Вилья-Фелипе на Голодный порт (Пуэрто-Амбре). Так именуется и поныне это печальное место.

Двадцать первого января Кавендиш посетил другую бухту, названную им в честь английской королевы — Элизабет (бухта Елизаветы). В этом месте протекала быстрая река, по берегам которой обитали дикари, по уверению путешественников — людоеды. Они часто нападали на испанских колонистов и тщетно пытались завлечь матросов Кавендиша внутрь страны.

Двадцать четвертого февраля при выходе из пролива в «Южный океан» маленькая эскадра была рассеяна страшной бурей. Флагманский корабль, потеряв всех своих спутников, дал сильную течь и едва удерживался на волнах. Только 15 марта Кавендиш соединился со своими судами у того самого острова Чилоэ, на котором Дрейк подвергся нападению арауканов. Не дали они высадиться и Кавендишу. Несмотря на то, что остров Чилоэ и другие прилегающие острова давно уже привлекали испанцев, они так и не смогли покорить вольнолюбивых островитян, отважно защищавших свою свободу. После неудачной попытки высадиться на острове Чилоэ Кавендишу пришлось добираться до острова Санта-Мария, где покоренные индейцы, приняв англичан за испанцев, в изобилии снабдили их маисом, курами, бататами², свиньями и другими припасами.

Тридцатого марта Кавендиш бросил якорь в бухте Кинтеро под 32°50' южной широты и во главе отряда из тридцати стрелков двинулся в глубь страны. Быки, коровы, одичавшие лошади, зайцы и

¹ Педро Сармьенто составил также первую сравнительно точную карту Магелланова пролива.

² Бататы — растение семейства вьюнковых, мучнистые клубни которого (сладкий картофель) употребляются в пищу и идут на изготовление крахмала и спирта; разводится в тропических странах.

во множестве куропатки — таких животных встретили десятка три мушкетеров, продвигаясь внутрь континента. Атакованный испанцами, отряд вынужден был вернуться назад, потеряв при этом десять человек. Затем, продолжая плыть вдоль побережья, Кавендиш грабил и сжигал испанские города и селения. Так он разорил Писко, Кальяо, Пайту и опустошил остров Пуну, где ему удалось захватить одной только золотой монеты на сумму 645 000 ливров¹.

Потопив после этого свой флагманский корабль, окончательно вышедший из строя, Кавендиш продолжал свое прибыльное крейсерство на двух судах. У берегов Новой Испании он сжег неприятельский корабль в сто двадцать тонн, разграбил и поджег несколько портовых городов и после шестичасового боя завладел огромным галионом в семьсот восемь тонн, груженный дорогими тканями и ста двадцатью двумя тысячами песо золота. Наконец, довольный одержанными победами, английский пират решил найти для своей добычи надежное убежище. Он прошел мимо Разбойничьих (Марианских) островов, миновал Филиппины, Яву, благополучно обогнул мыс Доброй Надежды и 9 сентября 1588 г. прибыл в Плимут после двухлетнего путешествия, сопровождавшегося бесконечными набегами и сражениями.

Но недаром говорит пословица: «Что легко наживается, легко и проживается». Уже через два года Кавендиш умудрился спустить все свои награбленные богатства и не без труда сколотил сумму, необходимую для снаряжения третьей экспедиции, которой суждено было стать последней.

Шестого августа 1591 г. он пустился в океан с флотилией из пяти кораблей. У берегов Патагонии буря рассеяла суда, которым снова удалось соединиться только у Пуэрто-Десеадо. Застигнутый затем страшным ураганом в Магеллановом проливе, покинутый тремя дезертировавшими судами, Кавендиш вынужден был с полпути повернуть в Англию. Но на этот раз беда следовала за бедой. Голод, холод и всякого рода лишения сильно уменьшили численность экипажа. Всем попыткам англичан пристать к бразильскому берегу решительно противились португальцы. Так и носился корабль Кавендиша по волнам океана, пока сам он и большая часть его команды не умерли с голоду. Таков был конец этого знаменитого пирата, совершившего третье в мире кругосветное плавание.

¹ Л и в р — французская денежно-счетная единица, существовавшая с начала IX в. до 1795 г.

...Прошел год после возвращения спутников Баренца с Новой Земли. 2 июля 1598 г. четыре голландских корабля с экипажем из двухсот сорока восьми человек покинули Амстердам. Командиром этой флотилии был назначен Оливер Ван-Ноорт, опытный моряк лет тридцати — тридцати двух, уже зарекомендовавший себя далекими путешествиями. Помощником у него, вице-адмиралом, был Якоб Клаас д'Ульпенда, а штурманом — некий Майлз, по происхождению англичанин, очень искусный моряк. Экспедиция Ван-Ноорта, снаряженная амстердамскими купцами с помощью Генеральных Штатов, была одновременно и торговой и пиратской.

Прежде голландцы довольствовались тем, что скупали пряности и разные восточные товары в Португалии и затем перепродавали их в других европейских странах; теперь же голландцы решили приобрести некоторые из Островов пряностей в свое владение или, по крайней мере, установить прямые торговые связи с Индией. Задачей Ван-Ноорта было не только проложить для своих соотечественников путь, открытый Магелланом, но и причинить по дороге как можно больше неприятностей испанцам и португальцам. В то время Филипп II, от ига которого Нидерланды избавились в результате освободительной войны, присоединил Португалию к своей империи и запретил всякие торговые отношения с «нидерландскими мятежниками». Поэтому Голландии, не желавшей подорвать свое торговое могущество и вновь подпасть под владычество Испании, оставался только один выход — проторить дорогу к Островам пряностей. Наименее посещаемой неприятельскими судами была дорога через Магелланов пролив; пройти этим путем и предписывалось Ван-Ноорту.

Начало путешествия не предвещало ничего хорошего. На острове Принсипе в Гвинейском заливе португальцы, дружелюбно встретившие голландских путешественников, затем совершили на них вероломное нападение и убили нескольких человек. В числе убитых был брат адмирала Корнелис Ван-Ноорт, искусный штурман Майлз и еще несколько офицеров. Пылая жаждой мести, Ван-Ноорт высадил на остров сто двадцать человек; но португальцы воздвигли там надежные укрепления, и после жаркой схватки, в которой голландцы потеряли убитыми и ранеными семнадцать человек, Ван-Ноорт должен был сняться с якоря, так и не отомстив за гибель своих спутников.

Достигнув берегов Бразилии, голландцы остановились в бухте Рио-де-Жанейро, и командир высадил нескольких матросов, что-

бы они запаслись водой и закупили у туземцев провизию. Однако португальцы воспротивились высадке. В завязавшемся сражении голландцы потеряли еще одиннадцать человек. Страдая от недостатка продовольствия и пресной воды, они хотели было достигнуть острова Святой Елены, но буря опять пригнала их корабли к берегам Бразилии. Так они долго скитались без штурмана по океану, высаживались на пустынном острове Мартин-Вас и снова подплывали к бразильскому берегу у Риу-Доси, ошибочно полагая при этом, что попали на остров Вознесения. Наконец отчаявшийся Ван-Ноорт решил зазимовать на пустынном острове Санта-Клара, у которого голландские корабли очутились по воле волн.

Эта зимовка сопровождалась всевозможными бедствиями. Прежде всего, адмиральский корабль наскочил на мель, да с такой силой, что только чудом уцелел. На острове Санта-Клара была учинена варварски жестокая расправа с бунтовщиками. Несколько матросов Ван-Ноорт казнил, а одному несчастному, за то, что ранил кормчего, он велел пригвоздить руку к грот-мачте. На этом острове, удаленном от материка всего на одно лье, Ван-Ноорт находился до 21 июня. Перед отплытием он приказал сжечь одно из судов, так как не хватало матросов, чтобы управлять всеми четырьмя кораблями.

Двадцатого октября Ван-Ноорт вошел в бухту Пуэрто-Десеадо, где экипаж занялся охотой на морских львов¹, морских собак и пингвинов. Одних только пингвинов за несколько дней было заготовлено более пяти тысяч. «Генерал отправился на берег, — говорится в отчете о путешествии, сделанном со слов Ван-Ноорта, — с отрядом вооруженных людей, но ничего не нашел, кроме нескольких гробниц, в которых туземцы хоронят своих покойников и прячут их в скалах. Эти гробницы были украшены камнями, окрашенными в красный цвет, и предметами вооружения — дротиками и стрелами». Голландцы видели издали буйволов, оленей и страусов, но на таком расстоянии, что стрелять было бесполезно.

Двадцать третьего ноября флотилия была уже в Магеллановом проливе. Во время одной высадки патагонцы убили трех голландских моряков. Ван-Ноорт отомстил туземцам за смерть своих спутников безжалостным избиением целого племени. Прохождение

¹ Морской лев — общее название нескольких видов животных семейства ушастых тюленей. Длина тела достигает 3,5 метра. У взрослых самцов на шее, груди и лопатках волосы удлинены и образуют подобие львиной гривы. Используются кожа и сало.

ние Магелланова пролива ознаменовалось неожиданной встречей с двумя голландскими кораблями под командой капитана Себольда Верта, которому приписывается открытие Фолклендских островов (они назывались раньше Себольдинскими островами). Здесь же, в Магеллановом проливе, Ван-Ноорт высадил на берег и оставил на произвол судьбы своего помощника, вице-адмирала Клааса, которого давно уже подозревал в мятежных намерениях. Подобные методы обуздания непокорных, практиковавшиеся в XVI — XVII вв. испанскими, английскими и голландскими мореплавателями, были своего рода знаменем времени. То, что ныне считалось бы актом величайшей жестокости, в ту эпоху людям, ни во что не ставившим человеческую жизнь, казалось относительно мягким наказанием. В самом деле, какая казнь может быть более жестокой, чем оставить человека на верную погибель, без оружия и без припасов в дикой и пустынной местности? Высадить его в стране, населенной жестокими каннибалами, которые должны питаться его плотью, — не равносильно ли это осуждению на жестокую казнь?

Двадцатого февраля 1600 г. Ван-Ноорт вышел в Тихий океан, потратив на скитания и борьбу со стихией в Магеллановом проливе девяносто девять дней. В Тихом океане бурей разметало корабли, и голландцы потеряли еще одно судно. Как и их предшественники — англичане, они пристали для отдыха к острову Чилоэ, где арауканы, вопреки своему обыкновению, на этот раз оказали белым людям хороший прием.

Отсюда Ван-Ноорт поплыл вдоль чилийского берега, приобретая у индейцев съестные припасы в обмен на нюрнбергские ножи и топоры, рубашки, шляпы и другие дешевые изделия. Опустошив, спалив и разграбив несколько испанских поселений на берегах Чили и Перу, ограбив и пустив ко дну много испанских кораблей, Ван-Ноорт собрал богатую добычу. Но когда он узнал, что в погоню за ним послана большая эскадра под командованием брата вице-короля дона Луиса де Беласко, то счел за лучшее направиться к Разбойничьим (Марианским) островам, куда и прибыл 16 сентября. «Наши корабли, — сказано в отчете о плавании, — были окружены более чем двумястами лодок; в каждой сидели по три, по четыре или по пять человек и кричали во все горло: „Ньетто, хьетто!“¹ — требуя железа, ибо они уже научились его ценить. Туземцы с Разбойничьих островов чувствуют себя на воде так же хорошо, как на

¹ Железо (*исп.*)

суше, они отлично плавают и ныряют, в чем мы могли удостовериться, бросив в воду несколько кусков железа, которые они достали со дна». Ван-Ноорт убедился также, что Разбойничьи острова недаром были так названы Магелланом. Пока корабли стояли на причале, островитяне похищали все, что попадалось им под руку, выгаскивая даже гвозди из бортов. Один туземец, поднявшись по якорному канату на палубу, забрался в капитанскую каюту и, сорвав со стены меч, бросился с ним в воду.

Четырнадцатого октября Ван-Ноорт миновал Филиппинские острова, где он несколько раз высаживался, не преминув сжечь, разграбить и потопить несколько испанских и португальских кораблей и китайских джонок. Когда он направлялся к Манильской бухте, на него напали два больших испанских корабля. В последовавшем сражении у голландцев было убито пять матросов и двадцать пять ранено; кроме того, они потеряли последнюю яхту, захваченную неприятелем вместе со всем экипажем из двадцати пяти человек. Испанцы же вышли из боя с несравнимо большими потерями: голландцы подожгли и потопили их адмиральский корабль, на котором находилось более двухсот офицеров и матросов. При этом голландцы не только не подобрали с потопленного корабля раненых и здоровых людей, пыгавшихся спастись вплавь, но кололи их копьями, топили баграми и даже разрядили по ним пушку.

После этой кровавой и бесплодной победы Ван-Ноорт остановился для отдыха на острове Борнео (Калимантан), затем взял на Яве богатый груз пряностей и, благополучно обогнув мыс Доброй Надежды, 26 августа высадился в Роттердаме. Из четырех голландских кораблей вернулся один, а из двухсот сорока восьми членов экипажа на берег родной земли сошли только сорок восемь человек. Тем не менее голландские купцы, снарядившие эту экспедицию, остались довольны результатами трехлетнего плаванья Ван-Ноорта; привезенные им пряности и награбленная добыча с лихвой окупили все расходы.

Признавая заслуги Ван-Ноорта как первого голландского мореплавателя, совершившего кругосветное путешествие, мы не можем в то же время не осудить со всей резкостью его варварские действия и невероятную жестокость.

Теперь мы перейдем к рассказу о мореплавателе, обладавшем одновременно и самыми высокими качествами, и равными им по силе недостатками, проявившем себя в разных областях деятель-

ности, достигшем в своем отечестве высших почестей и, в конце концов, обвиненном в государственной измене и сложившем голову на плахе. Речь идет о человеке по имени Уолтер Рэйли (1552 — 1618). Хотя мы и отводим ему несколько страниц в нашей «Истории великих путешествий», но, к сожалению, то, что мы можем сообщить о нем как о путешественнике, не делает ему большой чести.

(Сэр Уолтер Рэйли был для своего времени человеком весьма образованным и разносторонним. Придворный и государственный деятель, философ и поэт, воин и моряк, колонизатор и путешественник, предприниматель и пират, он прожил бурную жизнь, полную приключений и превратностей. Семнадцатилетним юношей он покидает университет, чтобы стать простым солдатом.)^{*} Пять лет он проводит во Франции, принимая участие в религиозных войнах гугенотов против Католической Лиги в самой гуще гасконцев, составлявших ядро армии Генриха Наваррского, где совершенствует свойственную ему привычку хвастать и привирать. В 1577 г. он сражается с испанцами в Нидерландах. Затем он возвращается в Англию и проявляет живой интерес к вопросам, волновавшим трех его единоутробных братьев — Джона, Онфруа и Андриана Гилберта.

В те времена Англия переживала очень тяжелый экономический кризис. Преобразовывалось сельское хозяйство. Повсюду пастбища превращались в пашни, и число сельскохозяйственных рабочих сильно сократилось. Отсюда и всеобщая нищета, что в сочетании с ростом населения не могло не беспокоить. В то же время на смену длительным войнам пришел мир, который должен был длиться во все время царствования Елизаветы, так что очень большое число авантюристов не знало, как удовлетворить свою охоту до сильных ощущений. Таким образом, в это время возникла необходимость в эмиграции, освобождавшей страну от избытка населения и позволявшей всем бедным и умирающим от голода зажить лучшей жизнью в далекой девственной стране, отчего только возросли бы как влияние матери-родины, так и ее процветание. Все лучшие умы тогдашней Англии (Гэкллоит, Томас Харриот, Карлайль, Пеккхэм и братья Гилберт) были затронуты необходимостью такого решения. Однако только последним из названных удалось определить благоприятное для устройства колонии место. Рэйли лишь присоединился к своим братьям, последовал их примеру, но не он задумал, не он начал претворять в

жизнь этот плодотворный проект, а именно: колонизацию американского побережья Атлантики, каковую честь ему очень часто приписывают. Хотя Рэйли при всем своем могуществе, какого он добился при переменчивой и даже ревнивой в своих привязанностях королеве Елизавете, и потратил собственных сорок тысяч фунтов стерлингов на устройство колониальных дел, но тем не менее старался не покидать Англии, потому что жизнь колониста, исполненная терпения и самопожертвования, не могла его привлечь. Он продал свой колониальный патент, не забыв оговорить получение пятой части потенциальных доходов, после того как убедился в бесполезности собственных усилий.

В то же самое время Рэйли вооружал корабли для грабежа испанских владений; затем и сам принял участие в битвах и сражениях, которые спасли Англию от «Непобедимой Армады», потом он защищал права настоятеля монастыря в Крату на португальский престол. В скором времени после возвращения в Англию он впал в немилость своей царственной покровительницы, а после выхода из тюрьмы, находясь в родовом имении в Шерборне, составил проект путешествия в Гвиану. Он нисколько не сомневался, что изумительные результаты этой гигантской экспедиции должны будут привлечь к нему внимание всего мира и вернуть благосклонность королевы. Разве предстоящее открытие и завоевание Эльдорадо, рассуждал Рэйли, этой страны, где, по словам Франсиско де Орельяны, не только храмы покрыты золотом, но из золота сделана даже домашняя утварь, — разве завоевание такой сказочно богатой страны не принесет смельчаку «больше славы, чем Кортесу — открытие Мексики и Писарро — открытие Перу»? И тот, кто завоеует Эльдорадо, будет иметь под своей властью больше городов, народов и богатств, чем испанский король, чем турецкий султан, чем какой бы то ни было монарх в мире!

Мы уже говорили, какие басни распространились во всей Европе после того, как Орельяна вернулся в Испанию из своего удивительного путешествия по Амазонке. Происхождение легенды об Эльдорадо довольно убедительно объяснил Александр Гумбольдт, описав природу, состав почвы и горных пород в бассейне реки Эссекибо (территория современной Гайаны). «Здесь, — говорит ученый, — мы повсюду видим скалы, состоящие из слюдяного шифера и блестящего талька, которые сверкают среди вод, отсвечивающих золотым блеском под лучами тропического солнца». Отсюда, должно быть, и появились все эти пресловутые

«золотые купола», «серебряные обелиски» и прочие «чудеса Эльдорадо», воспламенившие воображение испанцев.

Верил ли Рэйли в существование вымышленного города, на открытие и завоевание которого он употребил столько сил и энергии? Действительно ли он верил или старался ради собственной славы внушить другим эту иллюзию? Трудно ответить что-либо определенное. Нам известно только (повторим слова писателя Филарета Шаля), что «мало кто верил обещаниям Рэйли, и многие опасались, как бы экспедиция, организованная человеком с таким неустойчивым характером и непомерно пылкой фантазией, не привела к самым плачевным последствиям». Между тем казалось, что Рэйли все предусмотрел и провел необходимые исследования. Он не только говорил с непререкаемым апломбом о характере гвианских почв, их плодородии и особенностях местных племен, но и взял на себя труд послать за свой счет корабль под командованием капитана Уиддона, чтобы проложить путь флоту, который Рэйли должен был лично привести на берега Ориноко. Тем не менее он стремился сохранить в тайне сведения, привезенные разведчиком и оказавшиеся неблагоприятными для задуманного предприятия.

Девятого февраля 1595 г. Уолтер Рэйли вышел из Плимута с пятью кораблями и сотней солдат, не считая судовой команды и нескольких десятков будущих поселенцев. После четырехдневной стоянки у Фуэртевентуры, одного из Канарских островов, где экипаж запасся дровами и водой, он достиг острова Тринидад и там соединился с ожидавшим его капитаном Уиддоном, который взялся провести флотилию к устью реки Ориноко. Остров Тринидад находился тогда под управлением дона Антонио де Беррео. Прикидываясь гостеприимным хозяином, он отправил нарочных в Куману и на остров Маргариту, поручив им собрать войско для нападения на англичан. В то же время он запретил индейцам и испанцам под страхом смерти вступать в какие бы то ни было сношения с людьми Рэйли. Однако Рэйли вовремя узнал об этих кознях и решил опередить противника. Под покровом ночи он осторожно высадился со своими солдатами на берег и без боя завладел городом Сан-Хосе, захватив в плен самого губернатора и всех именитых горожан. В то самое время одновременно прибыли капитаны Джордж Гиффорд и Кнайнин, с которыми Рэйли расстался у берегов Испании. Он сразу же взял курс на Ориноко, проник в залив Капури на большой галере и трех корабельных

шлюпках, вместивших добрую сотню солдат и матросов, углубился в запутанный лабиринт островков и проливов, составлявших дельту великой реки, и поднялся вверх по ее течению на сто десять лье. После этого Рэйли отплыл к устью Ориноко и, лавируя среди бесчисленных островков и протоков, поднялся на сто десять лье вверх по течению. Здесь он занялся поисками легендарного Эльдорадо. Но сведения, сообщаемые Рэйли с развязностью гасконца, впервые очутившегося на берегах Темзы, до того фантастичны, что нет никакой возможности отделить крупицу истины от груды лжи.

Некоторые испанцы, видевшие индейский город Маноа, утверждали, что это будто бы и есть Эльдорадо. Рэйли сообщает с их слов, что славный город превосходит своей величиной и богатством все города мира и все, что конкистадорам доводилось до сих пор видеть в Америке. Полагая, что он уже находится на подступах к Эльдорадо, англичанин восторженно описывает местность у берегов Ориноко. «Там не бывает зимы, — говорит он, — почва здоровая и плодородная, полным-полно всевозможной дичи. Птицы разных пород оглашают воздух такими чудесными трелями, что они кажутся настоящей музыкой. Мой капитан, отправленный на поиски рудников, нашел залежи золота и серебра; но так как у него под руками не было ничего, кроме меча, то он не мог отделить драгоценный металл от камня. Один испанец из Каракаса сказал, что этот рудник называется „Madre del oro” (мать золота)».

Далее, чтобы не быть обвиненным в преувеличениях, Рэйли прибавляет: «Могут подумать, будто мною руководила слепая иллюзия и обманчивая мечта. Но это вовсе не так. Если бы я не был убежден, что на земле не существует страны, более богатой золотом, чем Гвиана, то зачем тогда мне было предпринимать такое далекое и опасное путешествие? Уиддон и еще один из моих спутников однажды нашли несколько кусков камня, удивительно похожего на сапфир. Я показал их местным жителям, и они заверили меня, что знают целую гору, состоящую из такого же камня!»

Вслед за тем Рэйли рассказывает, что к нему явился один старый касик, ста десяти лет от роду, и, поведав много разных чудес о могуществе властителей Маноа, отговорил путешественника завоевывать эту страну, так как сил у него для этого было бы недостаточно. Тот же касик сообщил, будто на пути к Маноа есть це-

лая гора из чистого золота, и вызвался ее показать. Путешественник уверяет, что он якобы собственными глазами видел эту золотую гору и хотел уже к ней приблизиться, но — вот досадная случайность! — она оказалась наполовину затопленной наводнением и к ней не было подступа. «Гора имела форму башни и, как мне показалось, была скорее белого, нежели желтого цвета. Низвергающийся с нее поток, вздутый дождями, производил страшный шум. Грохот падающей воды был слышен с далекого расстояния. Вспомнив рассказ тринидадского губернатора Беррео о блестящих алмазах и других драгоценных камнях, рассеянных по всей стране, я усомнился было в их действительной ценности, пока меня самого не поразили их удивительный блеск. После короткого привала на берегу прекрасной реки мы посетили старого касика в его селении и просили, чтобы он провел нас в обход к подножию золотой горы. Но, встретив на пути непреодолимые препятствия, я решил вернуться обратно к устью Куманы (Ориноко), куда окрестные касики принесли много разных подарков».

Мы избавим читателей от фантастических описаний великанов-циклопов — с глазами на плечах, ртом на груди и волосами, растущими посреди спины, великанов, чей рост превышает в три раза рост обыкновенных людей, и прочих чудес. Все эти сказки Рэйли излагает самым серьезным тоном. Его книга «Открытие прекрасной Гвианской империи с приложением рассказа о великом золотом городе Маноа, в году 1595» напоминает не столько рассказ путешественника-очевидца, сколько волшебные сказки из «Тысячи и одной ночи».

Если мы попытаемся отделить правду от вымысла, истину от выдумки, то что же останется тогда на долю историка-географа? Ничего или почти ничего. Вряд ли стоило Уолтеру Рэйли так беззастенчиво рекламировать свою безрезультатную экспедицию, которая поневоле заставляет вспомнить слова баснописца:

Я воспою войну титанов с громовержцем! —
Сулил поэт, прижав ладони к сердцу,
Нагромоздил он много громких слов,
А прок-то в том каков?

(Дальнейшая судьба Уолтера Рэйли была довольно незавидной. После смерти королевы Елизаветы он был обвинен ее преемником, королем Яковом I, в государственной измене и в ожидании смертной казни двенадцать лет провел в заточении в замке

Тауэр. Затем ему удалось соблазнить алчного короля, нуждавшегося в деньгах, проектом новой экспедиции в Гвиану. В 1617 г. Рэйли получил свободу и снова отправился в Америку. И на сей раз, не найдя Эльдorado с его легендарными сокровищами, он попытался компенсировать безрезультатные поиски пиратскими нападениями на испанские корабли, что ухудшило отношения между обеими странами. Этого самоуправства король не простил Рэйли и, когда тот вернулся в Англию, приказал привести в исполнение уже много лет тяготевавший над ним смертный приговор.)

Глава пятая

МИССИОНЕРЫ И ПОСЕЛЕНЦЫ. КУПЦЫ И ТУРИСТЫ

I

XVII в. — Подробное исследование уже открытых стран. — Португальские миссионеры в Абиссинии. — Итальянские миссионеры в Конго. — Французские колонии в Западной Африке и на Мадагаскаре. — Европейские миссионеры в Тибете, Индокитае и в Китайской империи.

XVII в. резко отличается по своему характеру от эпохи великих географических открытий. Путешественникам оставалось главным образом дополнить добытые сведения новыми фактами и подробностями. Столь же сильно отличается XVII в. и от последующего столетия. Научные методы географических исследований еще не были разработаны. Астрономам и мореплавателям предстояло ввести их в употребление в XVIII столетии.

Дневники и записки первооткрывателей оказали в некоторой степени вредное влияние на умы современников, донельзя возбуждив любопытство преувеличенными и зачастую анекдотическими рассказами о новых заокеанских землях. В этом отношении исследователи XVII в. мало чем отличаются от своих предшественников. Сообщая о нравах и обычаях народов, о природных богатствах далеких стран, они почти всегда описывают внешнюю сторону явлений и событий, не задаваясь целью проникнуть в глубь вещей, чтобы постичь самую суть увиденного. Путешественник XVII в., как правило, — поверхностный наблюдатель. Он торопится объехать все страны, открытые столетием раньше, даже не думая серьезно и всесторонне изучить новые континенты и острова.

Сказочные богатства, неожиданно хлынувшие в Европу после открытия Америки и Островов пряностей, не замедлили вызвать экономический кризис.

Торговля да и промышленность трансформируются и меняют географическую привязку. Открыты новые пути, появились новые посредники, зародились новые потребности, возросла роскошь, и желание быстро составить состояние при помощи спекуляций вскружило много голов. Венеция, с точки зрения коммерческой, умирает. Голландцы, по удачному выражению Леруа-

Болье, становятся «общеевропейскими поставщиками и торговыми посредниками». Англичане в то же время кладут начало своей обширной колониальной империи. Вслед за торговцами в новые страны устремляются миссионеры-проповедники. Целыми толпами пробираются они во вновь открытые страны, совмещая проповедь Евангелия с изучением и описанием этих земель. Проповедническое усердие составляет одну из характерных черт XVII в., и мы должны признать, что география и исторические науки многим обязаны этим жертвенным, образованным и скромным людям. Путешественник или завоеватель только проезжает по стране, а миссионер живет в ней иногда по многу лет. Ему, конечно, легче познакомиться с историей и культурой изучаемых народов, и совершенно естественно, что многим миссионерам наука обязана обстоятельными описаниями, на которые опирались позднейшие исследователи.

Особенно большую роль миссионеры играли в изучении Африки, главным образом Абиссинии. Что знали об этом большом треугольной формы континенте в XVII в.? Ничего, кроме его побережий, — так говорят! Это ошибка. С незапамятных времен Астапус и Бахр-эль-Абьяд, два истока Нила, были известны античным географам. Те даже продвинулись до области великих внутриконтинентальных озер, если судить по списку народов и стран, найденному г-ном Марьеттом в Карнаке. В XII в. арабский географ Идриси составил для короля Сицилии Рожера II великолепное описание Африки, в котором подтвердил это предположение. Позднее Кадамосто и Ибн-Баттута пересекают Африку, причем последний доходит до Тимбукту. Марко Поло утверждал, что Африка со всех сторон омывается морем и только узкий Суэцкий перешеек соединяет ее с Азией. Он первый из европейцев сообщил о Мадагаскаре. Наконец, когда португальцы после Васко да Гамы уже постоянно плавали вдоль берегов Африки, некоторые из них проникали в Абиссинию; вскоре между этой страной и Португалией установились дипломатические отношения. Нам уже приходилось упоминать о Перу ди Ковильяне и Франсишку Алварише. Вслед за ними в Абиссинии водворилось несколько португальских миссионеров, среди которых нужно назвать Педру Паиша и Жируме Лобу.

Педру Паиш, занимавшийся проповеднической деятельностью на Малабарском берегу, переправился в Восточную Африку и после разных приключений в 1603 г. проник в Абиссинию.

Он много путешествовал по этой стране и в 1613 г. не только добрался до истоков голубого Нила, но и правильно объяснил причину нильских разливов. Этот факт впоследствии оспаривался шотландским путешественником Брюсом, несмотря на то что его данные во многом согласуются с описанием Паиша. В 1604 г. Паиш, прибывший к царю За Денгелу, проповедовал с таким успехом, что обратил весь царский двор. Вскоре он уже имел такое влияние на абиссинского монарха, что тот написал послание папе и испанскому королю, предлагая им свою дружбу и прося у них людей, способных просветить его народ.

Монарх Жируме Лобу высадился в 1625 г. в Абиссинии вместе с Афонсу Минезишем, который был послан туда в качестве патриарха Эфиопского. Но времена изменились. Абиссинский негус, обращенный Педру Паишем в христианскую религию, был убит; его преемник, также прибегавший к услугам португальских миссионеров, умер. В Абиссинии началось движение, направленное против католиков. Многие миссионеры были изгнаны либо схвачены, заключены в тюрьмы, проданы туркам. Лобу был уполномочен собрать необходимую сумму для выкупа португальских монахов из рабства. С этой целью он отправился из Эфиопии в Бразилию, потом посетил многие города Испании, а также побывал в Риме, представив папе отчет об эфиопской церкви и нравах местных жителей. (Самое интересное в его отчете — описание истока Нила из озера Тан.) Впоследствии Лобу совершил также путешествие в Индию и умер в Лиссабоне в 1678 г.

На берегу Атлантического океана в Конго португальцы пытались ввести христианство сразу же после открытия страны. Сначала туда были посланы монахи-доминиканцы, но так как они не добились никакого успеха и негры упорно продолжали придерживаться своих прежних верований, то папа, с согласия португальского короля, послал в Конго итальянских проповедников-капуцинов. Один из них, Антонио Кавацци, с 1654 по 1668 г. жил в Анголе и проявлял такое непомерное «апостольское усердие», что приобщал негров к христианству репрессивными мерами: сжигал идолов, сурово осуждал племенных вождей за древний обычай многоженства, подвергал мучительным пыткам тех, кто отказывался принять новую веру.

В 1687 г. в Риме были изданы записки Кавацци. Автор сообщает, что влияние португальцев распространилось на двести или на триста миль в глубь страны, где вырос большой город Сан-

Сальвадор, в котором было 50 000 жителей, двенадцать церквей, иезуитская коллегия.

Около 1578 г. португальский путешественник Дуарти Лопиш в своем описании Конго дал много точных сведений, впоследствии использованных миссионерами. На карте, сопровождавшей его рассказ, показано озеро Замбрэ на месте, занимаемом озером Танганьика, а чуть дальше на запад — озеро Акве-Лунда, откуда вытекает река Конго: у экватора показаны два озера: одно — Нильское озеро, а другое, расположенное восточнее, носит название Колюэ; кажется, это водоемы, известные ныне под названиями Альберт и Виктория-Ньянса. Однако эта столь любопытная информация была отвергнута географами XIX в., оставившими огромное белое пятно внутри Африканского континента.

В 1637 г. одна из французских экспедиций поднялась на довольно большое расстояние вверх по Сенегалу. Колония в Западной Африке значительно расширилась благодаря стараниям Андре Брю, которому был присвоен официальный титул «управляющего от имени короля и главного директора французской королевской компании на берегах Сенегала и в других областях Африки».

Хотя Андре Брю мало известен и биографические словари дают о нем весьма лаконичные сведения, тем не менее путешественник занимает одно из первых мест среди исследователей Западной Африки. Не довольствуясь расширением колонии, он исследовал прилегающие к Сенегалу области, в которые проникли после него путешественники только второй половины XIX в., в частности капитан Маж.

Андре Брю расширил французские владения на востоке за пределы слияния рек Сенегала и Фалеме, на севере до Аргена, который мы после оставили, сохранив свои права; а на юге — до островов Бисао. Он исследовал во внутренних районах страны Галам и Бамбук, изобилующий золотом, и собрал первые документальные сведения о пулах, пслах и фулах, о йолоффах и мусульманах, пришельцах с севера, которые попытались подчинить своей религии все черное население страны. Сведения, собранные Брю об истории и переселении африканских народов, чрезвычайно ценны и до сих пор еще дают интересный материал географам и историкам. Брю не только оставил нам рассказ о фактах, которые были известны ему как очевидцу, и описание лично им посе-

щенных мест, но и сообщил любопытные подробности о природных богатствах, флоре и фауне Западной Африки.

К юго-востоку от материка французы в первой половине XVII в. основали несколько факторий на острове Мадагаскар, известном долгое время под именем острова Св. Лаврентия. Воздвигнув на южном берегу форт Дофин, они исследовали прибрежные области и в 1649 г. овладели Маскаренскими островами. Первый комендант этой крепости Флокур обращался с туземцами с такой жестокостью, что вызвал на Мадагаскаре всеобщее восстание, что и послужило причиной его смещения с должности. Путешествия внутрь Мадагаскара были чрезвычайно редки, и только в наше время (в середине XIX в.) французы приступили к серьезному исследованию острова.

Немногие из европейцев, проникшие в течение XVII в. в Индокитай и Тибет, также были миссионерами. (В 1624 г. из Индии в Тибет отправился монах Антонио де Андради; он был первым европейцем, перевалившим через Гималайский хребет. Вступив на территорию Тибета, он добился разрешения на въезд христианских миссионеров в эту страну и впоследствии основал в Цапанганге духовную миссию. Еще раньше иезуит Бенто да Гоэш поехал из Индии в Китай, поставив своей целью выяснить, являются ли «Сина» и «Китай» одной и той же страной или это, — как думали тогда, — два разных государства. Гоэш умер в пути, не дойдя до Китая, но незадолго до смерти ему удалось установить, что «Сина» и «Китай» — одна и та же страна (Китай).

Сочинения этих и некоторых других миссионеров содержали много ценных сведений о странах, которые были так долго скрыты от европейцев.) В той же связи нельзя не упомянуть и о деятельности в Кохинхине и Тонкине португальского миссионера Те й ш е й р ы, который занимался там астрономическими наблюдениями. Результаты его исследований показали со всей очевидностью, насколько ошибочны были определения долгот, данные для этих областей Птолемеем. Проделанная португальцем работа заставила картографов и космографов XVII в. заняться уточнением конфигурации стран Дальнего Востока и вызвала необходимость более точных наблюдений, которые предстояло в дальнейшем провести ученым-специалистам и мореплавателям, хорошо знакомым с астрономическими вычислениями.

Страной, особенно привлекавшей европейских миссионеров, был Китай — обширная, густонаселенная империя, которая с тех

пор как европейцы проникли в Индию, упорно старалась не допускать чужеземцев в свои пределы. Только в конце XVI в. несколько миссионеров наконец получили разрешение на въезд в Небесную империю. Знакомство европейцев с математическими науками и астрономией облегчило им пребывание в этой стране и дало возможность собрать — частью по древним летописям, частью во время самих путешествий — множество сведений, крайне важных для изучения истории, этнографии и географии Китая. Миссионеры в свою очередь впервые познакомили китайцев с европейскими науками и искусствами и распространили на Западе первоначальные и во многом правдоподобные сведения о китайской цивилизации.

II

Голландцы на Островах пряностей. — Якоб Ле-Мер и Виллем Корнелизон Схоттен. — Абель Янзон Тасман и поиски «Южного материка». — Тихоокеанские экспедиции испанцев. — Альваро Менданья де Нейро. — Педро Арнандес де Кирос и Луис Ваз де Торрес. — Путешественники-купцы и путешественники-туристы. — Франсуа Пифар из Лавая. — Пьетро делла Валье. — Жан Батист Тавернье. — Жан де Тевено. — Франсуа Бернье. — Жан Шарден. — Энгельберт Кемпфер.

Голландцы, предприняв в XVI в. несколько заокеанских путешествий, скоро заметили непрочность португальского владычества в Азии. Они поняли, что с надлежащей осмотрительностью и умением можно будет легко и быстро прибрать к рукам всю торговлю Дальнего Востока.

После нескольких разведывательных экспедиций голландцы учредили в 1602 г. знаменитую Ост-Индскую компанию, немало способствовавшую обогащению и процветанию метрополии. Постепенно вытесняя португальцев и разбивая их в сражениях, голландские колонизаторы проводили в захваченных странах куда более гибкую и осторожную политику, нежели их предшественники. Голландцы не стремились возводить в завоеванных областях новые крепости и старались не раздражать местное население, выдавая себя за простых коммерсантов, интересующихся исключительно торговлей. Если они строили новые укрепления, то лишь в местах, где пролегли основные торговые пути. Благодаря такой политике голландцам скоро удалось основать многочисленные фактории по всему побережью между Индией, Китаем, Японией и Океанией. Вся эта огромная прибрежная полоса фактически оказалась в руках голландских купцов.

Единственной оплошностью всемогущей Ост-Индской компании было стремление сосредоточить в своих руках монопольную торговлю пряностями. Это привело к тому, что после изгнания иностранцев, водворившихся на Молуккских или Зондских островах, голландцы установили строгий контроль над торговыми операциями всех кораблей, прибывавших туда за грузом. Ост-Индская компания дошла даже до того, что для вздувания цен на пряности уничтожила на многих островах некоторые виды растений и под страхом смерти запретила вывоз и продажу семян и черенков пряных деревьев. В короткое время голландцы прочно утвердились на Яве, Суматре, Борнео, Целебесе, Амбоине, на Молуккских островах, на мысе Доброй Надежды; они захватили самые лучшие гавани, в которых обычно останавливались корабли, возвращавшиеся в Европу.

Огромные барыши, получаемые Ост-Индской компанией от продажи пряностей, возбуждали зависть не только в других странах, но и в самой Голландии, так как компания с помощью Генеральных Штатов препятствовала всем подданным Соединенных Провинций, не состоявшим у нее на службе, плавать к островам пряностей мимо мыса Доброй Надежды или через Магелланов пролив. Это и обусловило неоднократные попытки найти новый морской путь в Индию.

В 1615 г. один богатый амстердамский купец Якоб Ле-Мер вместе с искусным моряком по имени Виллем Корнелизон Схоутен решили достигнуть Индии новым путем, найдя какой-нибудь проход южнее Магелланова пролива. Ле-Мер взял на себя половину издержек по снаряжению экспедиции, а Схоутен, в сообществе с несколькими купцами из городка Горн (Хорн) на берегу Зейдер-Зе, согласился покрыть другую половину. На собранные деньги Ле-Мер и Схоутен приобрели корабль в 360 тонн, который они назвали «Эндрахт» («Согласие»), и яхту «Горн», на которую погрузились шестьдесят пять солдат с двадцатью девятью пушками. Конечно, такое вооружение было несообразно целям экспедиции. Но Схоутен был опытным мореплавателем, экипаж набирался с большим тщанием, а суда были щедро загружены провиантом и товарами для обмена.

На Схоутена было возложено управление кораблями, а на Ле-Мера — осуществление коммерческих планов экспедиции. Цель путешествия хранилась в тайне. Офицеры и матросы были взяты на службу с условием, что они безоговорочно пойдут всюду, куда им прикажут.

Двадцать пятого июня 1615 г., спустя одиннадцать дней после отплытия из гавани Тессел, когда отступление было уже невозможно и нечего было опасаться чьей-нибудь нескромности, Схоутен и Ле-Мер объявили экипажу о своем намерении искать другой пролив в «Южное море», где, может быть, удастся открыть новые страны и приобрести большие выгоды, а если повезет, то и пойти дальше тем же морем в Восточную Индию. Весь экипаж отнесся к этому сообщению с энтузиазмом.

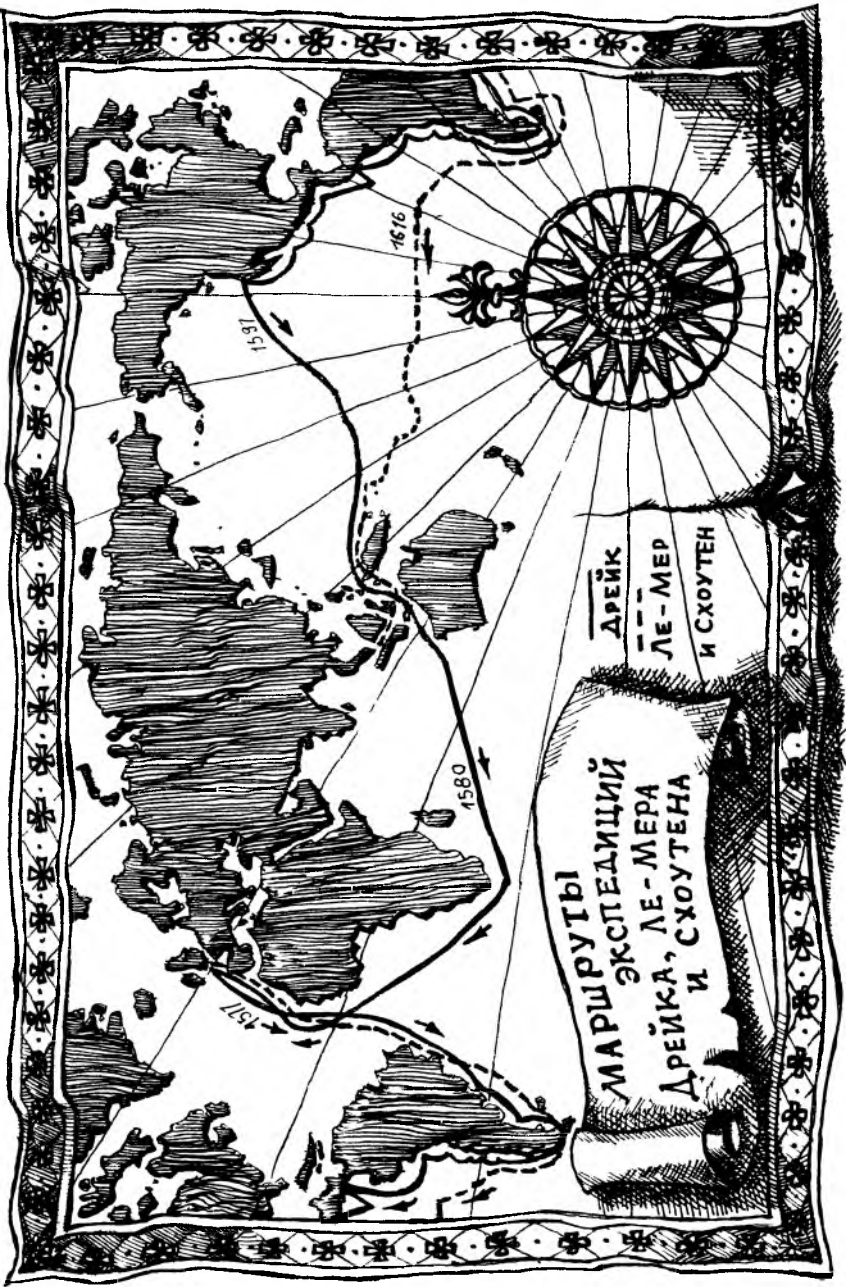
Маршрут, которым обычно следовали в Южную Америку голландские, да и не только голландские, корабли, пролегал сначала вдоль берегов Африки. После пересечения экватора корабли поворачивали на запад. Идя этим же путем, «Эндраخت» и «Горн» благополучно достигли берегов Бразилии, Патагонии и бухты Пуэрто-Десеадо, находящейся в ста лье от Магелланова пролива. В течение нескольких дней буря мешала кораблям войти в бухту, а потом начался такой сильный отлив, что яхта «Горн», очутившись на мели, повалилась набок и рассохлась; ее стали спешно шпаклевать, но во время починки подводной части возник пожар, и яхта сгорела, несмотря на все старания экипажа ее спасти. 13 января 1616 г. Ле-Мер и Схоутен достигли Себольдинских (Фолклендских) островов, открытых Себальдом Вертом, и затем направились вдоль берегов Огненной Земли, держась от них на небольшом расстоянии. Берег уходил на юго-восток и был окаймлен высокими горами, покрытыми снегом.

Двадцать четвертого января в полдень была замечена по правому борту неизвестная земля, а к востоку от нее — другая земля, отделенная от первой глубоким проливом. Расстояние между ними не превышало восьми миль. Когда «Эндраخت» вошел в пролив, там оказалось такое множество китов, что приходилось все время лавировать, чтобы избежать столкновения. Восточная земля была названа голландцами, не подозревающими, что это небольшой остров, Землей Штатов¹ (отсюда испанское название острова — Эстадос), а западная земля (юго-восточная оконечность Огненной Земли) получила имя Морица Нассауского².

Когда «Эндраخت» спустя двадцать четыре часа выходил из

¹ Земля Штатов расположена у восточного побережья Огненной Земли, от которой отделена проливом Ле-Мер. Ныне этот остров принадлежит Аргентине и называется Эстадос.

² Мориц Нассауский — правитель Нидерландской республики. На этот пост был избран после убийства испанцами его отца Вильгельма I Оранского, который был одним из вождей Нидерландской революции.

МАРШРУТЫ
ЭКСПЕДИЦИЙ
ДРЕЙКА, ЛЕ-МЕРА
И СХОУТЕНА

— ДРЕЙК
- - - ЛЕ-МЕР
— И СХОУТЕНА

пролива, названного проливом Ле-Мер, на горизонте открылась группа маленьких островов, известных теперь под названием острова Уолластон. Под 55°59' Ле-Мер обогнул землю, которая заканчивалась острым выступом и была названа в честь родного города мореплавателей мысом Горн. С тех пор так и называется мыс, образующий крайнюю южную оконечность Америки.

Затем Ле-Мер и Схоутен вступили в «Южное море», выполнив таким образом поставленную задачу.

(«Той ночью, — сказано в дневнике путешествия, — мы пошли на юг при сильной волне с юго-запада и очень синей воде; из этого мы с уверенностью сделали вывод, что находимся в Великом Южном море (Тихом океане), и очень этому обрадовались, так как мы открыли новый, до тех пор не известный путь, что в дальнейшем и подтвердилось».)

От мыса Горн Ле-Мер и Схоутен поднялись к островам Хуан-Фернандес, где было решено сделать остановку, чтобы дать оправиться экипажу, больному цингой. Подобно Магеллану, мореплаватели миновали, не заметив, главные острова Полинезии и 10 апреля пристали к «Собачьему острову», где ничего не нашли, кроме небольшого ручейка пресной воды и скудной зелени. Ле-Мер и Схоутен надеялись достигнуть Соломоновых островов, но вместо этого поднялись на север к «Опасным островам» (скалистые островки в архипелаге Туамоту) и открыли остров Ватерланд (атолл Манихи), названный так потому, что на нем оказалось большое озеро; затем голландцы открыли «Остров мух», получивший свое наименование из-за невообразимого множества насекомых, отставших от корабля только через четыре дня, когда поднялся ветер. Далее Ле-Мер и Схоутен прошли мимо островов Тонга (Дружбы) и открыли несколько островов в архипелаге Мореплавателей, или Самоа; некоторые из них долгое время сохраняли за собой названия, присвоенные им голландскими путешественниками. Таковы острова: Кокосовый (Гафахи), Кешпель (Ниуатобутабу), Надежды (Ниуафу), мелкие островки Горн (Хорн) к северо-востоку от архипелага Фиджи и др.

Жители этих островов неуважительно относились к чужой собственности: они приближались на своих пирогах к самому кораблю, бесцеремонно пытаясь вырвать гвозди и сломать железные цепи.

Так как экипаж все еще страдал от цинги, то Ле-Мер и Схоутен были весьма обрадованы, получив в подарок от вождя одного из островов большого борава и много фруктов.

Этот вождь, по имени Лату, не замедлил приплыть на большой парусной пироге в сопровождении флотилии из двадцати пяти лодок. Однако он так и не решился взойти на корабль; зато сын его, оказавшийся более смелым, поднялся на борт и с большим интересом разглядывал все, что ему показывали.

На следующий день число пирог, сновавших возле «Эндрахта», угрожающе возросло. По недружелюбным жестам туземных воинов голландцы поняли, что на них готовится нападение. И действительно, вскоре на палубу посыпался град камней и лодки стали смыкаться вокруг корабля тесным кольцом. Чтобы отразить нападение, голландцы дали залп по пирогам, что повергло туземцев в ужас и заставило обратиться в бегство. Этому острову было присвоено название «Острова предателей».

Восемнадцатого мая Схоутен повернул к северу, где, по его расчетам, должны были находиться Молуккские острова. Он прошел, вероятно, мимо Соломоновых островов и островов Адмиралтейства, а затем направился вдоль северного берега Новой Гвинеи и под 143° достиг залива Гелвинк. Голландцы часто высаживались на берег и давали названия многим местам: Двадцать пять Островов (мелкие вулканические острова), Высокий угол, Высокая гора, Моа — острова, исследованные позднее Тасманом, острова Вулкан и Схоутена. Последний из названных островов ныне называется Мисол. Его не следует смешивать с группой островов Схоутен, лежащих у входа в залив Гелвинк.

Наконец голландцы достигли одного из Молуккских островов — Джайлоло, где с большой радостью встретили своих соотечественников.

Когда экипаж «Эндрахта» оправился от цинги и усталости, Ле-Мер и Схоутен направились к Батавии (Джакарте), куда прибыли 23 октября 1616 г., после шестнадцатимесячного плавания. В Батавии администрация Ост-Индской компании, не поверив, что Ле-Мер и Схоутен открыли новый путь в «Южное море», а следовательно, не нарушили запрета, распорядилась конфисковать «Эндрахт» и задержать офицеров и матросов, которые были отправлены потом под конвоем в Голландию, где должны были предстать перед судом. Несчастный Ле-Мер, ожидавший иной встречи и совсем другой награды за свои труды и открытия, не вынес этого неожиданного потрясения: он заболел и скончался в море, недалеко от Новой Гвинеи. Что касается Схоутена, то он вместе с экипажем «Эндрахта» благополучно вернулся на родину

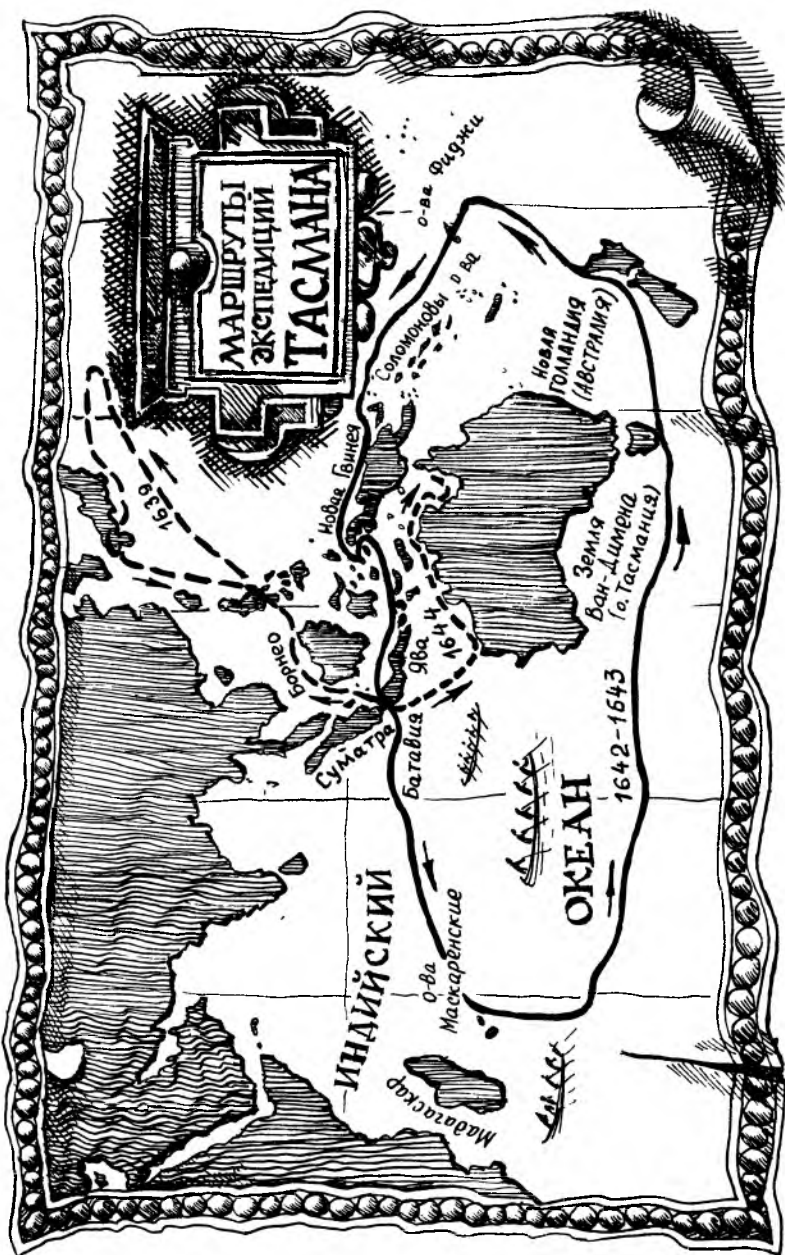
и вскоре был оправдан. Позже он совершил еще несколько путешествий в Индию и погиб в 1625 г., застигнутый бурей у восточного берега Мадагаскара.

Такова была эта замечательная экспедиция, открывшая пролив Ле-Мер и новый путь в Тихий океан, более короткий и менее опасный, чем через Магелланов пролив. Экспедиция была ознаменована также важными географическими открытиями в Океании. Кроме того, голландцы проверили и нанесли на карту много островов, частично открытых еще раньше испанскими и португальскими мореплавателями. Впрочем, относительно разных островов, земель и архипелагов, расположенных в этих водах, нельзя сказать с уверенностью, какому из народов принадлежит честь их первого открытия.

Продолжая повествование о голландских мореплавателях XVII в., мы должны немного отступить от хронологической последовательности открытий и рассказать об экспедициях Абеля Янсзона Тасмана, несмотря на то, что его плаваниям предшествовали походы Менданы и Кироса.

Тасман — один из величайших мореплавателей XVII в. Но каковы были его дебюты, какие обстоятельства привели его к морской службе, каким образом приобрел он незаурядные познания и постиг навигационное искусство, благодаря которым сумел совершить крупнейшие географические открытия, — все это нам совершенно неизвестно. Биография Тасмана начинается для нас с его отплытия из Батавии 2 июня 1639 г. Пройдя Филиппинские острова, он вместе с капитаном Маттисом Квастом посетил по приказу губернатора Нидерландской Ост-Индии Ван-Димена острова Бонин, известные тогда под фантастическим названием Золотых и Серебряных островов. (После недолгой остановки в Японии, в бухте Иеддо (Токио), Тасман вернулся в Батавию.)

Вскоре Ван-Димен поручил ему возглавить экспедицию, имевшую цель изучить Индийский океан за пределами обычных торговых путей и выяснить, является ли Новая Голландия (Австралия) частью «Южного материка» и соединяется ли с нею Новая Гвинея. Тасман отплыл из Батавии с двумя кораблями 14 августа 1642 г.; 5 сентября он достиг острова Маврикия (в группе Маскаренских островов) и затем направился на юго-восток для исследования «Южного материка», о котором ходило в то время множество разноречивых слухов.

Двадцать четвертого ноября Тасман открыл большой остров, который он назвал Вандименовой землей, в честь губернатора Нидерландской Ост-Индии (теперь этот остров называется Тасманией). Высадившись на восточном побережье, он узнал, что эта земля обитаема, хотя самому ему и не пришлось встретить ни одного туземца, так как матросы, вообразившие, что Вандименова земля населена гигантами, отказались сопровождать командира в глубь страны.

Проплыв несколько десятков миль вдоль берега, Тасман повернул к востоку и 13 декабря под $42^{\circ}10'$ южной широты увидел очертания еще одной незнакомой земли (которую назвал Землей Штатов, полагая, что она является продолжением открытой в 1616 г. Ле-Мером и Схоутеном у мыса Горн. На самом деле это был Южный остров Новой Зеландии.)¹

Следуя к северу вдоль береговой полосы, Тасман 18 декабря облюбовал удобную бухту и стал на якорь. Вскоре появились туземцы, не осмелившиеся, однако, подойти к кораблю ближе, чем на расстояние брошенного камня. Голос у них был грубый, рост высокий, кожа светло-желтая; черные как смола волосы были собраны в пучок на макушке. На следующий день маорийцы¹ стали смелее и решились подойти поближе. Видя их мирные намерения, Тасман послал на берег шлюпку, но островитяне вдруг пришли в ярость, напали на голландцев и убили троих матросов. Остальные бросились вплавь и были спасены подоспевшими с корабля лодками. Наказать дикарей голландцам не удалось, так как те уже успели скрыться. Место, где произошло это печальное событие, получило название Бухты убийц (теперь Голден-Бей, то есть Золотая бухта). Убедившись в невозможности завязать отношения с такими дикими племенами, европейцы снялись с якоря и поплыли вдоль берега до северной оконечности острова. Северный мыс, которым заканчивалась Земля Штатов, Тасман назвал мысом Марии Ван-Димен, по-видимому, в честь «дамы сердца», ибо сохранилось предание, будто он, простой моряк, осмелился просить руки дочери губернатора Нидерландской Ост-Индии и в отместку за такую дерзость был послан в далекую экспедицию на двух старых, полуразвалившихся судах Ост-Индской компании.

Выйдя из пролива между Северным и Южным островами Новой Зеландии, Тасман продолжал путь вдоль западного побережья Северного острова, добрался до его оконечности и повернул

¹ Маори (маорийцы) — коренное население Новой Зеландии.

на северо-восток. 21 января 1645 г. он достиг островов Тонга (Дружбы) и присвоил трем островам голландские названия: Миддельбург (Эуа), Амстердам (Тонгатабу) и Роттердам (Намука). Здесь ему удалось раздобыть много свиней, кур и фруктов. 6 февраля голландские корабли добрались до архипелага из двадцати островов, названных островами Принца Вильгельма (острова Лау, или Восточные). Далее, оставив к югу острова Фиджи, Тасман прошел вдоль северного берега Новой Гвинеи до ее западного выступа и посетил все места, исследованные до него Ле-Мером и Схоутеном. 15 июня после почти десятимесячного путешествия он благополучно прибыл в Батавию. Таким образом, Тасман обошел кругом всю Австралию, так и не увидев «Южного материка», который он должен был исследовать. Мореплаватель обогатил карту мира открытием Новой Зеландии, но полагал, что она является частью того же «Южного материка». Кроме того, голландский исследователь встретил на своем пути много мелких островов, точное местоположение которых было нанесено на карту его замечательным штурманом Франсом Вискером.

В 1644 г. Ван-Димен еще раз послал Тасмана в большое плавание, поручив подробнее исследовать открытые земли и окончательно установить, являются ли Вандименова Земля (Тасмания), Земля Штатов (Новая Зеландия) и Новая Гвинея частями полулегендарного «Южного материка». В то время голландцам были известны лишь отдельные участки северного побережья Австралии, которую они называли Новой Голландией. По-видимому, Тасману не удалось выполнить эту обширную программу. Утрата судового журнала экспедиции лишает нас возможности наметить путь ее следования. (Известно только, что Тасман обошел лишь восточные и западные берега залива Карпентария и затем вернулся обратно, не добравшись до пролива, отделяющего материк Австралия от Новой Гвинеи (Торресов пролив). На этом обрывается исследовательская деятельность Абеля Янсзона Тасмана и теряются все нити его дальнейшей жизни. Установлено лишь, что он умер в 1659 г. пятидесяти семи лет от роду.

Плавание Тасмана сыграли выдающуюся роль в истории географического изучения южной части Тихого океана, которое было затем завершено капитаном Куком и другими исследователями.)

После того как д'Албукерки завоевал Малакку, португальцы пришли к заключению, что к югу от Азии должен простираться

большой материк. Эту мысль разделяли и испанцы, и с тех пор одна за другой отправлялись экспедиции в Тихий океан на поиски легендарного «Южного материка», существование которого еще с древних времен представлялось географически необходимым для «уравновешивания» огромных материков Северного полушария. Великая Ява, известная позднее под именами Новой Голландии и Австралии, впервые была замечена, возможно, французами, а вероятнее всего — экспедицией Сааведры (1530 — 1540), и великое множество мореплавателей искало эту землю, в том числе португальцы Серран и Минезиш, испанцы Сааведра, Эрнандо де Грихальва, Алварado, Иньиго Ортис де Ретес, исследовавшие большую часть островов вокруг Новой Гвинеи и сам этот большой остров. Потом пришли Менданья, Торрес и Кирос, о которых мы расскажем чуть позже — вследствие важности и достоверности сделанных ими открытий.

(Вслед за Магелланом, только случайно не встретившим на пути к Филиппинским островам сколько-нибудь значительных архипелагов, плавание по Тихому океану было предпринято родственником Кортеса по имени Альваро Сааведра. Кортес послал его в 1527 г. от западного берега Мексики к Островам пряностей, чтобы через Тихий океан установить прямую связь между Новой Испанией (Мексикой) и берегами Восточной Азии. На обратном пути Сааведра умер, а его спутники вынуждены были вновь вернуться на Молуккские острова и попали в плен к португальцам.

В 1526 г. португалец Жоржи Минезиш открыл небольшой участок северо-западного побережья Новой Гвинеи, но только в 1545 г. испанский капитан Ортис де Гетес исследовал значительную часть северного побережья этого большого острова и присвоил ему название Новой Гвинеи. Тем самым нашел свое подтверждение взгляд древних географов о существовании «Южного материка», поскольку Новую Гвинею и Огненную Землю стали считать частями одного огромного южного континента (Терра Аустралис)¹.

В 1565 г., когда испанцы основали свою первую колонию на Филиппинах, участник многих экспедиций, монах-мореплаватель Андрес де Урданета первым пересек Тихий океан с запада на восток. после чего было установлено постоянное сообщение

¹ Название Австралия происходит от латинского слова *auster* — юг, южная сторона

между испанскими владениями в Америке и у восточного побережья Азии. Этот путь через самые пустынные части океана, от Филиппин к Мексике, долгое время был известен под названием пути Урданеты.

Но самые значительные открытия в тропической Океании связаны с именами мореплавателей Менданья, Кироса и Торреса, о которых мы расскажем более подробно.)

Альваро Менданья де Нейра был племянником вице-короля Перу, дона Педро де Кастро, горячо защищавшего перед правительством метрополии проект экспедиции для открытия новых островов и континента в «Южном океане» («поскольку многие очень опытные в математике мужи вывели заключение, что таковые должны находиться в тех местах».)

В возрасте двадцати одного года Менданья принял начальство над двумя кораблями с экипажем из ста двадцати пяти солдат и матросов. 19 ноября 1567 г. он отплыл из порта Кальяо у Лимы. (Подобно Магеллану не встретив в Тихом океане ни одного значительного острова, Менданья только в январе 1568 г. открыл в Экваториальной Полинезии небольшой коралловый остров из группы Эллис (Лагунные).)

В начале февраля испанцы увидели у 8° южной широты «большую землю» и назвали ее островом Санта-Исабель (Святая Изабелла). Здесь они построили бригантину и обошли на ней большую часть Соломонова архипелага. «Жители этих островов, — пишет один из спутников Менданья, — людоеды; они пожирают своих же соплеменников, попавших в плен на войне или же захваченных хитростью. Один из местных вождей прислал Менданье в качестве лакомого блюда четверть жареного ребенка, но генерал велел тотчас же похоронить его в присутствии туземцев, которые были сильно оскорблены непонятным для них поступком».

Испанцы осмотрели острова Пальмас, Рамос, Галера и Буена-Виста. Жители этого последнего острова, притворно подружившись с испанцами, вскоре обнаружили свои враждебные замыслы. То же повторилось и на других островах архипелага. На обратном пути к Санта-Исабель испанцы отклонились в сторону, что позволило им открыть острова Сан-Хорхе, где они отметили наличие летучих мышей величиной с коршуна. Едва бригантина вошла в порт Санта-Исабель, как якорь был снова поднят, потому что место это оказалось таким нездоровым, что пятеро солдат умерли, а множество других заболели.

Менданья остановился на острове Гуадалканал, и десяток матросов был послан на берег за водой, но на борт вернулся только один негр, остальных убили туземцы, которым очень не понравилось, что испанцы схватили и пыгались увести с собой одного из островитян. Наказание было ужасным. Двадцать туземцев были убиты и много домов было сожжено. Затем Менданья исследовал еще несколько островов Соломонова архипелага, и среди них острова Трех Марий и Сан-Хуан¹. Пока на этом последнем острове чинили и конопатили корабль, завязалась новая стычка с туземцами, стойвшая испанцам еще нескольких человек.

Открыв, кроме перечисленных, острова Сан-Кристоваль, Санта-Каталина и Санта-Анна, Менданья вынужден был пуститься в обратный путь к Перу. Продолжать свое путешествие он был уже не в состоянии, так как численность экипажа из-за стычек с воинственными островитянами сильно уменьшилась, люди страдали от цинги, продукты и боевые припасы подошли к концу. (Обратный путь проходил в невероятно трудных условиях. Жестокие бури преследовали корабли. Голод и цинга валили людей с ног. Не проходило и дня, чтобы не умер кто-нибудь из экипажа. К тому же противные ветры заставили испанцев подняться за северный тропик, почти до Гавайских островов, и сделать большой крюк. Только через полгода Менданья добрался до калифорнийского побережья.)

Рассказ Менданья не возбудил среди испанцев энтузиазма, несмотря на то что он назвал открытые острова Соломоновыми, уверяя, будто это и есть та самая библейская страна Офир, куда царь Соломон посылал корабли за сокровищами для украшения Иерусалимского храма. Но какое значение могли иметь для людей, видевших богатства Перу, самые чудесные рассказы? Мельчайший золотой самородок, крохотная крупица серебра произвели бы на них гораздо большее впечатление. Менданье пришлось дожидаться целых двадцать семь лет, прежде чем ему удалось снарядить к Соломоновым островам новую экспедицию.

На этот раз она была довольно внушительной, так как предполагалось основать колонию на острове Сан-Кристоваль, открытом Менданьей во время первого путешествия. В середине июня 1595 г. перуанские берега покинула флотилия из четырех ко-

¹ Позже почти все Соломоновы острова, долгое время называвшиеся Потерянными островами, были переименованы вторично «открывшими» их английскими и французскими мореплавателями. (*Примеч. перев.*)

раблей. Среди четырехсот будущих колонистов было немало женщин, так как многие испанцы отправлялись на Соломоновы острова со своими семьями. Присоединилась к экспедиции и дочь Изабелла, жена неумолимого Менданьи. Главным штурманом был назначен Педро Эрнандес де Кирос, или правильнее Кирощ, — португальский моряк на испанской службе, прославившийся впоследствии в качестве начальника другой экспедиции.

После месячного плавания, не ознаменованного никакими событиями, испанцы открыли остров, которому дали название Магдалена (Фату-Хива). Не успели корабли стать на якорь, как были окружены десятками каноэ, в которых находились три или четыре сотни туземных воинов. Европейцев поразило их прекрасное телосложение и почти белый цвет кожи. Аборигены наперебой предлагали кокосовые орехи и фрукты, но, когда испанцы пустили несколько человек на корабль, те моментально начали хватать все, что попадалось под руку. Чтобы спугнуть бесцеремонных гостей, Менданья приказал дать холостой выстрел. В последовавшей за тем свалке был ранен один туземец, и это послужило сигналом к нападению. На град камней и копий, посыпавшихся на корабль, испанцы ответили залпами из мушкетов и поспешили поднять якоря.

Неподалеку от Магдалены оказалось еще три острова: Сан-Педро (Монана), Доминика (Хива-Оа) и Санта-Кристина (Атуана), а весь этот архипелаг был назван в честь перуанского вице-короля Островами маркиза Мендосы. С тех пор они называются Маркизскими.

Отношения с туземцами, вначале очень дружественные, вскоре испортились по вине самих же испанцев, которые, часто без всякой нужды, пускали в ход огнестрельное оружие и устраивали избиения беззащитных островитян.

Пятого августа испанцы снова пустились в море и, двигаясь к западу вдоль 10° южной широты, открыли через две недели острова, получившие название Опасных, потом Островов королевы Шарлотты, и остров Солитер (Одинокий), название которого достаточно точно определяет его положение. Вслед за тем флотилия достигла архипелага Санта-Крус (Святой Крест). Менданья долго блуждал по океану в поисках потерянных Соломоновых островов¹. В пути во время грозы и шторма от флотилии отделился один корабль, судьба которого осталась неизвестной.

¹ В XVI в. из-за отсутствия точных инструментов не умели определять долготу места. Допускались ошибки в $10 - 20^{\circ}$.

Так как дальнейшие поиски Соломоновых островов были уже невозможны, Менданья решил основать колонию на островах Санга-Крус. И в этом месте, как только корабли стали на причал, их окружили десятки лодок с сотнями туземцев. У островитян кожа была очень темной или даже совсем черной. «У всех у них вьющиеся волосы белого, красного или какого-нибудь иного цвета, ибо они красят волосы в разные цвета, а зубы только красной краской. Голова у них наполовину выбрита, на теле набедренная повязка, руки и лицо вымазаны черной блестящей краской с разноцветными полосами; шея, руки и ноги обвешаны несколькими рядами украшений из черного дерева, рыбьих зубов, перламутра и жемчуга. Вооружены они луками с отравленными стрелами, снабженными костяными наконечниками, палицами из очень крепкого дерева и длинными копьями о трех зубцах».

Менданья сначала подумал, что видит перед собой жителей тех самых островов, которые он искал, но очень скоро убедился в своей ошибке. Корабли были встречены градом стрел. Это было тем более неожиданно, что Менданья, осознав, что не в состоянии отыскать Соломоновы острова, решил основать колонию именно на этом архипелаге. Кстати, испанцы вскоре перессорились; против командира зрел бунт, однако едва он вспыхнул, как почти сразу же был подавлен, и виновные были казнены. Череда происшествий и тяготы путешествия настолько подточили здоровье руководителя экспедиции, что он умер 17 октября, успев перед кончиной назначить жену своей наследницей на посту командующего. Менданья умер, а вражда с туземцами обострилась; многие испанцы были настолько истощены болезнями и лишениями, что с ними легко справились бы и двадцать отчаянных туземцев. В таких условиях было бы безумием настаивать на основании поселения; все это понимали и 18 ноября подняли якорь. Донья Исабель де Мендоса задумала завоевать Манилу, где можно было набрать колонистов для основания поселения. Она посоветовалась с офицерами, и все они приняли ее проект; больше всего преданности и умения она обнаружила у Кироса, и это вскоре было проверено суровым испытанием. Прежде всего было решено удалиться от берегов Новой Гвинеи, дабы не путаться в многочисленных архипелагах, ее окружающих, и поскорее добраться до Филиппин, чего настоятельно требовало скверное состояние кораблей. Пройдя в виду многочисленных островов, окруженных коралловыми рифами, куда экипажи хотели бы высадиться, но

Кирос постоянно, и весьма предусмотрительно, отказывал в таком разрешении, расставшись с одним из кораблей эскадры, который не смог или не захотел следовать за остальными, достигли Разбойничьих островов, которые вскоре должны были стать Марианскими. Испанцы несколько раз высаживались на берег за съестными припасами, но туземцы, ни во что не ставя ни золото, ни серебро, соглашались брать в обмен только куски железа или железные орудия.

Описание Марианских островов, сделанное Киросом, содержит любопытные сведения о культуре предков, который был распространен среди этих островитян. Приводим дословно отрывок из его отчета:

«Туземцы извлекают кости из тела умершего родственника, потом сжигают мясо и съедают пепел, заливая его пальмовым вином. Ежегодно, в течение целой недели, они оплакивают своих покойников, нанимая для этой цели специальных плакальщиц. Кроме них оплакивать умершего собираются в его доме все соседи; они также, в свой черед, устраивают поминки по своим покойникам. Каждый туземец охотно принимает приглашение соседа на такое празднество, так как присутствующие всегда получают обильное угощение. Во время плача по умершему кто-нибудь из его семьи подробно повествует о жизни и подвигах покойника с первого дня его рождения и до самой смерти, восхваляя его силу, рост, красоту, — словом, все, что может послужить к его вящей славе. Если в рассказе встречается что-нибудь смешное, вся компания принимается безудержно хохотать, а потом, после очередной порции пальмового вина, смех внезапно переходит в горькие рыдания. На этих удивительных пиршествах нередко присутствует до двухсот человек».

Одиннадцатого февраля 1596 г. остатки экспедиции Менданы добрались до Филиппинских островов. На берег ступили измученные, истощенные люди, напоминавшие скорее живые скелеты. Донье Изабелле были оказаны в Маниле торжественные почести. «Правительница» сошла на берег, сопровождаемая пушечной пальбой, и была встречена почетным караулом воинских частей. Остатки экипажа, потерявшего пятьдесят человек со времени отплытия с островов Санта-Крус, были размещены в частных домах и содержались на казенный счет. Овдовевшие женщины вторично вышли замуж или постриглись в монахини. Что касается доньи Изабеллы, которой, по-видимому, так и не удалось найти в Мани-

ле желающих поселиться на островах Санта-Крус, то она была отвезена Киросом в Перу.

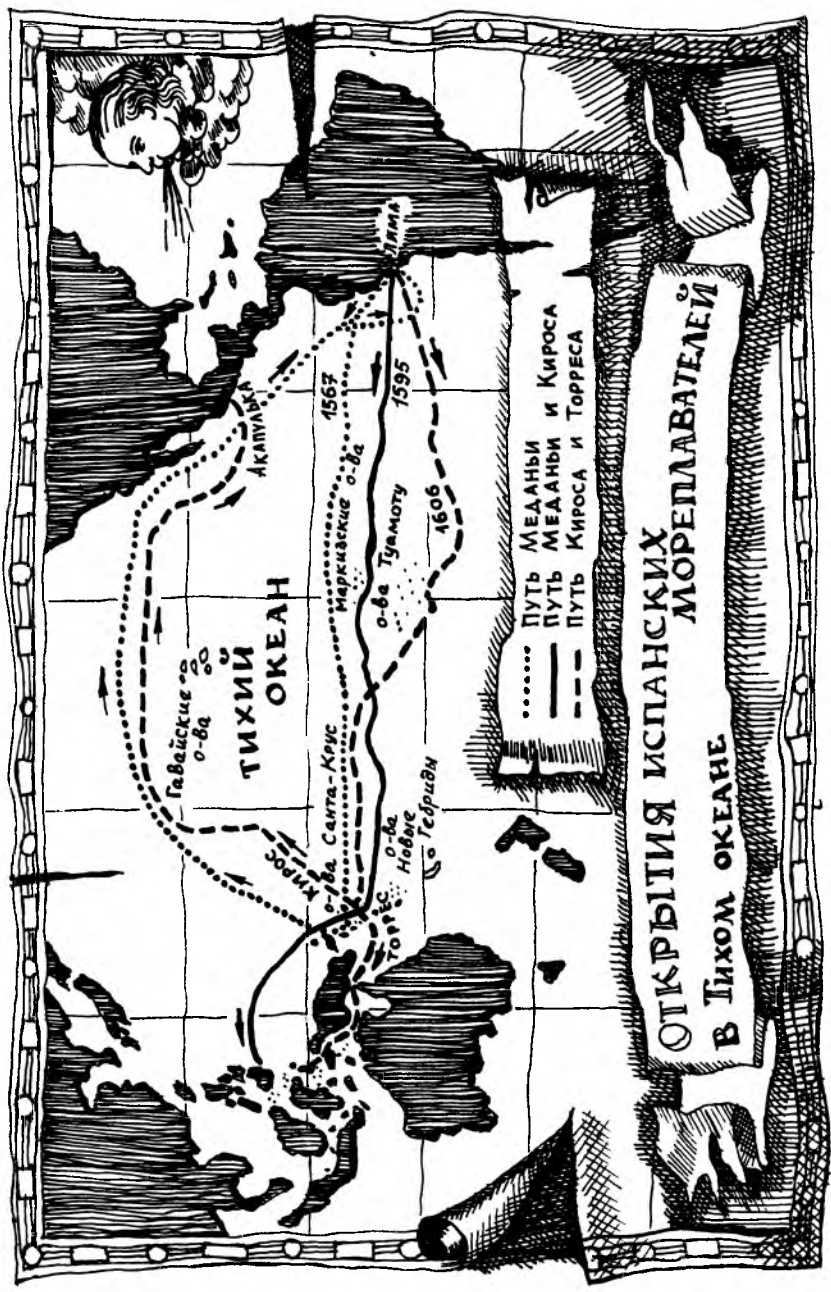
Кирос поспешил представить вице-королю проект нового путешествия, но Луис де Веласко, преемник Мендосы, посоветовал ему обратиться прямо к испанскому королю и в Совет по делам Индий — под тем предлогом, что снаряжение экспедиции в южную часть Тихого океана не входило в компетенцию вице-короля. Кирос отправился сначала в Испанию, а потом в Рим, где встретил благосклонный прием у папы, рекомендовавшего его Филиппу III.

После бесчисленных проволочек Кирос получил наконец в 1605 г. разрешение снарядить в Лиме два корабля для исследования «Южного материка» и продолжения открытий Менданди. С этими двумя кораблями и одним вспомогательным судном Кирос и отплыл из гавани Кальяо 21 декабря 1605 г. (В состав его экипажа входили такие выдающиеся мореплаватели, как Бермудес (его именем названы Бермудские острова) и Луис Ваэс де Торрес.)

На протяжении тысячи лье от Перу Кирос не встретил ни одного клочка суши. Только под 20° южной широты была замечена группа маленьких островов, принадлежащих к так называемым Низменным островам (Туамоту). Пройдя еще дальше на запад, Кирос открыл густонаселенный плодородный остров и назвал его Сагиттария (из группы островов Общества).

С большим трудом высадившись на этот остров, так как доступ к нему был прегражден многочисленными рифами, путешественники встретили стройных, красивых, совершенно голых туземцев, с кожей золотисто-коричневого цвета. Их жилища были разбросаны среди пальм по всему берегу. Туземный вождь носил на голове какое-то подобие венца из гибких разноцветных перьев. Его длинные светлые волосы, ниспадавшие до пояса, вызвали удивление у испанцев, решивших, что «у человека с таким смуглым лицом не могут быть столь светлые волосы, если только он не позаимствовал их у своей жены». Загадка объяснялась просто. Оказалось, что туземцы имели обыкновение посыпать голову известью, которая сжигает и желтит волосы.

Мы не знаем, какой именно из островов Общества Кирос назвал Сагиттарией. Французский географ Флерье предполагает, что это был остров Таити.

ТИХИЙ ОКЕАН

Гавайские о-ва

АКАПИМА

1567

Маркизские о-ва

1595

о-ва Туамоту

1606

Кирос

о-ва Санта-Крус

о-ва Новые

Торрес

о-ва Тедриви

- ПУТЬ МЕЛАНЬИ и КИРОСА
- ПУТЬ МЕДАНЫИ и КИРОСА
- ПУТЬ КИРОСА и ТОРРЕСА

**ОТКРЫТИЯ ИСПАНСКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ
В Тихом океане**

В следующие дни Кирос заметил еще несколько островов и, не высаживаясь, «окрестил» их по календарю, следуя обычаю, преобразовавшему все туземные названия Океании в настоящие святцы. Затем он достиг острова «Красивых Людей», который получил такое название благодаря белизне кожи и красоте туземных женщин, показавшихся испанцам даже более привлекательными и грациозными, чем их соотечественницы из Лимы, красота которых вошла в пословицу.

Остров этот расположен, по словам Кироса, под той же параллелью, что и архипелаг Санта-Крус. Чтобы достичь этих островов, Кирос повернул к юго-западу и 7 апреля открыл под 10° южной широты еще один неизвестный остров, который туземцы называли Таумако, входящий в группу Дафф, лежащую вблизи архипелага Санта-Крус. Местный вождь сообщил европейцам, что если они направятся к югу, то встретят «целых шестьдесят островов, а также большую землю Маниколо».

Кирос последовал этому совету и, открыв по дороге несколько мелких островов, 1 мая 1606 г. стал на якорь у архипелага Новые Гебриды. (Остров, на котором высадились испанцы, был принят их командиром за долгожданный «Южный материк» и получил название «Австралия Духа Святого».) Наибольший из Ново-Гебридских островов и поныне называется Эспириту-Санто (то есть остров Св. Духа).

(Эта местность произвела на Кироса чарующее впечатление и показала ему вполне достойной того, чтобы здесь был заложен город Новый Иерусалим — будущая столица испанских владений в Австралии. Река, протекавшая неподалеку от широкой бухты, где нашли спокойное убежище корабли, была названа Иорданом, и вся эта местность описывается Киросом в восторженных тонах: «Я могу сказать на основании фактов, что нет на свете страны более приятной, здоровой и плодородной; страны более богатой строительным камнем, лесом, с портом у самого моря, и притом орошаемой хорошей, текущей по равнине рекой, с равнинами и холмами, с горными краями и оврагами; страны более пригодной для разведения растений и всего того, что производят Европа и Индия».)

В описании путешествия, однако, умалчивается о том, какие события вскоре последовали на идиллических берегах реки Иордан. Известно только, что восставший экипаж сделал Кироса своим пленником и, не дожидаясь корабля Торреса, посланного на

разведку, направился в Перу, куда и прибыл 3 октября 1606 г., после девятимесячного плавания¹.

Эдуард Шартон, ничего не говоря о возмущении экипажа, обвиняет командира второго корабля Луиса Ваэса де Торреса в том, что он будто бы умышленно покинул своего начальника при отплытии с острова Эспириту-Санто. Между тем из письма самого Торреса к королю Испании мы узнаем, что он, напрасно прождав Кироса пятнадцать дней на острове Эспириту-Санто, 26 июня снялся с якоря, чтобы самостоятельно продолжить исследование открытого «материка».

Убедившись в том, что «Австралия Духа Святого» вовсе не материк, а остров, Торрес повернул на северо-запад и под 11 1/2° южной широты увидел берег «большой земли». Вот как он описывает свое открытие:

«Здесь я уперся в оконечность Новой Гвинеи, побережье которой тянется с востока на запад. Эта земля населена смуглыми и нагими индейцами, носящими на бедренных повязки из листьев. Их вооружение состоит из дротиков, тяжелых палиц и щитов, украшенных красивыми перьями... Вдоль этой большой земли расположено много обитаемых островов. По всему берегу встречаются удобные гавани, широкие реки, плодородные равнины. За этими островами тянутся рифы и отмели, так что сами острова находятся между этими опасными для кораблей местами и твердой землей. Однако посредине все же можно найти узкий проход. Нами взяты во владение все эти гавани именем вашего величества... Пройдя триста лиг вдоль побережья, мы обнаружили, что широта, под которой находились наши корабли, уменьшилась на два с половиной градуса, так что мы очутились на девятом градусе. Дальше двигаться было невозможно из-за многочисленных мелей и сильного течения, что заставило нас отойти от берега и повернуть на юго-запад. Там были большие острова, а на юге виднеяся целый ряд других. Жители этих островов черны как смоль, отличаются большой силой и ходят совсем нагие. Оружием им служат длинные и крепкие копья, стрелы с каменными наконечниками и грубо сработанные палицы».

На основании этого отчета географы пришли к единодушному заключению, что Торрес прошел вдоль побережья настоящей Ав-

¹ По другой версии, Кирос вероломно покинул своих спутников, чтобы скорее попасть в Мексику, а оттуда – в Испанию и закрепить за собой права и привилегии, связанные с открытием «Южного материка». (*Примеч. перев.*)

стралии через пролив, отделяющий австралийский полуостров Йорк от южного берега Новой Гвинеи. Это бурный и опасный пролив в конце XVIII в. был справедливо назван Торресовым проливом.

(Таким образом, Торрес открыл южный берег Новой Гвинеи и северную оконечность Австралийского материка. В 1607 г. он написал подробный отчет о своем плавании, который испанские власти, в надежде на лучшие времена, держали под строгим секретом. В 1762 г., когда англичане во время Семилетней войны заняли Манилу и овладели государственным архивом, отчет Торреса попал в Англию и спустя несколько лет привлек внимание географа Александра Далримпла, который и предал его гласности.)

Нам остается теперь сказать несколько слов о путешественниках XVII в., способствовавших более подробному и точному ознакомлению современников со странами малоизвестными или вовсе не исследованными.

Одним из таких путешественников был купец Франсуа Пирар из Лавала. В 1601 г. он отправился из французского порта Сен-Мало по торговым делам в Индию и потерпел крушение в Индийском океане, у Мальдивских островов. Этот архипелаг состоит не менее чем из двадцати тысяч коралловых островов (атоллов), вытянутых в меридиональном направлении от мыса Коморин (южная оконечность Индостана) до экватора.

Впоследствии Пирар рассказал в своих воспоминаниях, как он спасся при кораблекрушении и провел семь долгих лет на Мальдивских островах, хорошо изучив за это время местный язык, нравы и обычаи жителей. Записки Пирара, полные занимательных подробностей, до сих пор не утратили своего значения, так как путешественники очень редко посещают этот архипелаг из-за его нездорового климата и изолированного положения.

В 1607 г. бенгальский раджа послал на Мальдивские острова несколько кораблей, чтобы захватить пушки, оставшиеся там после гибели португальской эскадры. Несмотря на свободу, которой наслаждался Пирар, обзаведшийся на острове собственным хозяйством, он тосковал по родине и не преминул воспользоваться первой представившейся возможностью покинуть архипелаг. Вместе с ним были три его товарища, так же, как и он, случайно уцелевшие из всего экипажа. Но одиссея Пирара на этом не кончилась. Сначала его перевезли на остров Цейлон, потом переправили в Бенгалию, а оттуда он бежал в Кочин, где был заподозрен

португальцами в шпионаже и заключен в тюрьму. Здесь он заболел и в 1608 г. был перевезен в тюремную больницу в Гоа. (Вырвавшись на свободу, он совершил два путешествия в страны Востока, побывал на Цейлоне, в Малакке, на островах Тернате, Диу, Банда и т. д.) Потом Пирар снова был брошен в тюрьму и только в 1611 году вернулся в свой родной город Лаваль. После стольких передраг путешественник, без сомнения, нуждался в покое, и, судя по тому, что история умалчивает о конце его жизни, можно предположить, что остаток своих дней он провел без всяких приключений.

Если почтенный французский буржуа Франсуа Пирар попал в водоворот чуть было не погубивших его случайностей из-за страсти к быстрому обогащению, то итальянского дворянина Пьетро делла Валле увлекли в не менее яркие приключения обстоятельства романтического характера. Принадлежа к знатному роду, он служил солдатом в папских войсках, а затем преследовал корсаров¹ на море. Когда он вернулся в Рим, сердце его ветреной возлюбленной было уже занято другим, более удачливым соперником. Кавалер делла Валле решил, что только путешествие «к гробу Господню» исцелит его от несчастной любви.

В 1614 г. он выезжает из Венеции, проводит тринадцать месяцев в Константинополе, добирается по морю до Александрии, попадает в Каир, присоединяется там к каравану, который и приводит его, наконец, в Иерусалим. По дороге делла Валле, по-видимому, почувствовал вкус к путешествиям, так как после Иерусалима он посетил последовательно Дамаск, Халеб, Багдад и дошел до развалин Вавилона. Надо полагать, что делла Валле достиг поставленной цели, ибо после возвращения из долгих странствий он влюбился в молодую красавицу и вскоре отпраздновал свадьбу.

Казалось бы, счастливый брак должен был охладить его страсть к путешествиям. Но ничуть не бывало! В 1616 г. он отправляется в Персию, сопровождает шаха в его походе против турок, а затем в течение четырех лет объезжает одну за другой все иранские провинции. В 1621 г., во время очередного путешествия, скончалась его жена, но это печальное событие не могло отклонить делла Валле от намеченного маршрута. Набальзамировав тело своей супруги, он четыре года подряд возил за собой ее гроб, проехав с ним по всем портам западного побережья Ин-

¹ Корсары (от *ит* corsaro — пират) — морские разбойники, грабившие главным образом корабли. Название вошло в употребление в XIV в.

дии, через Персидский залив, Басру, Халеб, Кипр, Мальту и Сицилию, пока в 1626 г. не отдал наконец в Риме погребальные почести безвременно усопшей.

Страны, в которых побывал по своей прихоти этот оригинальный человек, описаны им веселым, легким и непринужденным языком. Пьетро дела Валле — первый из плеяды путешественников-туристов, пускавшихся в странствия главным образом из чистого любопытства. Географическая литература была буквально наводнена потоком записок бесчисленных туристов, из которого ученые могут извлечь лишь крупичицы полезных сведений.

Одним из таких путешественников-любителей был Жан Багист Тавернье. Двадцати двух лет от роду он объехал Францию, Англию, Нидерланды, Германию, Швейцарию, Польшу, Венгрию и Италию. Когда Европа уже не могла дать пищи его любопытству, Тавернье провел целый год в Константинополе, а оттуда отправился в Персию, где скупал ковры, ювелирные изделия и всевозможные безделушки, которые затем с большим барышом перепродавал у себя на родине, во Франции. Это и побудило его заняться торговлей восточными товарами.

В промежутке между 1638 и 1663 г. он совершил еще четыре путешествия, объехав за это время Персию, Монголию, Индию и Зондские острова. Ослепленный огромным состоянием, добытым торговлей, Тавернье начал жить на широкую ногу и скоро оказался на грани краха. Чтобы предотвратить полное разорение, он послал на Восток с большой партией товаров своего племянника, который, однако, не постеснялся присвоить вырученные деньги.

После этого бедняге Тавернье ничего не оставалось, как застесеть за воспоминания о своих путешествиях. Его записки содержат интересные подробности о нравах и обычаях жителей Востока, разнообразные сведения о восточных товарах и торговых путях. Книга Тавернье способствовала ознакомлению европейцев с этими странами и разрушению многих легенд, укоренившихся в умах еще со времен Марко Поло.

Следует заметить, что в годы царствования Людовика XIV все французские путешественники — купцы и туристы — неизменно направлялись именно в страны Востока. Африка почти совсем не посещалась, а Америка если еще и продолжала служить целям исследования, то без всякого содействия со стороны правительства.

Одновременно с Тавернье совершал свои далекие путешествия и знаменитый археолог Жан де Тевено. Сначала изъездив

вдоль и поперек государства Европы, он предпринял затем обширную поездку по странам Восточного Средиземноморья. Его маршрут пролегал через Мальту, Константинополь, Египет, Тунис и Италию. Он привез с собой в 1661 г. коллекцию монет, надгробные надписи и другие памятники древней культуры. В 1664 г. Тевено отправился в Персию и прожил несколько месяцев в Исфахане, затем посетил Басру, а также Турад и другие города Индии. Но силы его уже были подорваны, и он умер в Армении в 1667 г. Сочинения Тевено в свое время пользовались популярностью и способствовали прогрессу географических знаний.

Говоря о французских путешественниках-любителях, мы должны упомянуть еще Франсуа Бернье, который был одновременно известным философом и медиком. Человек веселого нрава и независимых суждений, он был постоянным посетителем кружка литераторов-вольнодумцев, куда входили Лафонтен, Шпель, Сент-Эвремон, госпожа де ла Саблиер — люди, не желавшие примириться с гнетущей чопорностью и невыносимой торжественностью двора Людовика XIV. Страсть к путешествиям заставила Бернье объехать Сирию, Палестину и Египет. В 1658 г. он достиг Индии, где провел около девяти лет, и только в 1667 г. через Персию вернулся во Францию. За годы пребывания в Индии Бернье не только хорошо изучил страну, но и познакомился с географическими представлениями индусов. География обязана ему подробными описаниями Агры, Дели и Кашмира. К югу от Индостана не один сюрприз для исследователей сохранил Цейлон. Роберт Нокс, побывавший в плену у туземцев, провел вследствие этого печального обстоятельства долгое время во внутренних районах острова и собрал первые подлинные сведения об обширных девственных лесах и диких народах Цейлона. Голландцы, побуждаемые коммерческой завистью, чему не одни они подали пример, до сих пор хранят в секрете сведения, добытые ими на острове в те времена, когда они хотели устроить там свою колонию.

Теперь мы должны рассказать о французском негодяе Жане Шардене. Сын богатого парижского ювелира, он решил последовать примеру Тавернье и также заняться торговлей бриллиантами. Больше всего европейских купцов привлекали Персия и Индия — страны, чьи баснословные богатства вошли в поговорку. В то время достигла своего наивысшего могущества империя Великих Моголов. Не только строились новые города, дворцы и мечети, но и процветали искусства и ремесла; среди них

видное место занимало производство ювелирных изделий, которыми особенно славилась страна Востока.

И вот Шарден в 1665 г. устремляется в Персию, а оттуда в Индию. На следующий год он возвращается в Исфахан и, желая вести свои торговые дела без посредников, отдается изучению персидского языка. Затем он входит в доверие к шаху; это дает ему возможность собрать о Персидском государстве и его населении массу интересных сведений, которые на долгие годы сделали его книгу незаменимым справочником для путешественников. Путеводитель Шардена по Персии тем более ценен, что автор пригласил из Константинополя искусного художника по имени Грело, украсившего книгу видами городов, изображениями памятников, костюмов, бытовых сцен, различных церемоний и всего того, что дает наглядное представление о «повседневной жизни целого народа».

В 1670 г. Шарден вернулся во Францию. Возобновившиеся преследования протестантов (а Шарден был гугенотом и не хотел отказываться от своих религиозных убеждений) заставили его покинуть отечество и вновь отправиться на Восток. Свобода совести в те времена в Персии уважалась больше, чем во Франции.

Шарден выбрал для своего второго путешествия другую дорогу. Он проехал через Смирну (Измир) в Константинополь, а оттуда по Черному морю до Крыма. Прибыв затем на Кавказ, он не упустил случая познакомиться с жизнью абхазцев и черкесов. В Мингрелии у него украли часть драгоценностей и товаров, вывезенных из Франции, а сам он только случайно спасся от смерти, чтобы вскоре попасть в руки к туркам, которые взяли с него богатый выкуп, порядочно его пообчистив. После всех этих неприятностей 17 декабря 1672 г. Шарден приехал в Тифлис (Тбилиси). Так как Грузия находилась тогда в вассальной зависимости от персидского шаха, то Шардену легко удалось достигнуть Эривани (Ереван), Тавриза (Тебриз) и, наконец, Исфахана.

После четырехлетнего пребывания в Персии Шарден совершил последнее путешествие в Индию и, составив большое состояние, возвратился в Европу. Из-за его протестантского вероисповедания путь во Францию был для него закрыт, и Шарден поселился в Англии, где и составил полное описание своих путешествий.

Записки Шардена, изданные в 1711 г., были первым трудом, познакомившим европейцев с Персией. Книга настолько богата фактами, что на протяжении всего XVIII в. оставалась главным источником сведений об этой стране. Правда, после Шардена Персию по-

сетил и художник Лебрен, также написавший книгу о своем путешествии. Но ценность этой книги заключается главным образом в рисунках, исполненных изящно и точно, тогда как в самом тексте, по сравнению с Шарденом, мы не находим ничего нового.

В заключение нам остается сообщить о путешествиях вестфальского (немецкого) натуралиста Энгельберта Кемпфера, которого можно считать скорее шведом, чем немцем, благодаря его длительному пребыванию в скандинавских странах. Ради возможности совершить далекое путешествие он отказался от блестящей карьеры и поступил секретарем к шведскому послу, отправлявшемуся в 1683 г. в Москву. Таким образом Кемпферу удалось осмотреть главные города России. Затем он достиг Персии и, проведя довольно много времени в Исфахане, поступил на службу к голландцам в Ост-Индскую компанию.

В течение нескольких лет Кемпфер путешествовал с научными целями по странам Азии. Он объехал всю Аравию, Малабарский берег, Цейлон, Яву, Суматру и Сиам. Потом он прожил свыше двух лет в Японии. В 1693 г. Кемпфер вернулся в Европу и занялся приведением в порядок собранных коллекций и подготовкой к изданию своих записок. Умер он в 1716 г.

Медик по образованию и страстный натуралист, Кемпфер был одним из первых путешественников-исследователей. Он собирал, описывал, зарисовывал все встречавшиеся ему растения, чаще всего совершенно неизвестные в Европе, сообщил много ценных сведений об их лекарственных свойствах и промышленном значении, составил огромный гербарий, хранящийся ныне вместе с его рукописями в Британском музее в Лондоне.

Самым значительным вкладом Кемпфера в географическую науку был его двухтомный труд «История Японии и Сиам», изданный первоначально по-английски в 1727 г. и переведенный в 1729 г. на французский язык. Долгое время эта книга была единственным источником сведений о японцах, несмотря на то что многие факты в ней недостоверны и взяты из вторых рук.

Если путешественники, о которых мы сейчас говорили, и не открыли никаких новых стран, то все же за каждым из них нельзя не признать известной заслуги. Они познакомили соотечественников с далекими странами Востока, о которых долгое время распространялось в Европе много нелепых слухов и басен. Записки путешественников открыли перед европейцами новый мир, казавшийся до этого неведомым.

Глава шестая

МОРСКОЙ РАЗБОЙ.

ПОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ XVII В. И КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

I

Уильям Дампир и его географические открытия

(Знаменитого пирата Уильяма Дампира, совершившего три кругосветных плавания, современники называли «королем морей». Конечно, если бы он был только флибустьером (пиратом), его имя не фигурировало бы на страницах нашей книги, но этот пират был в то же время выдающимся мореплавателем, сделавшим много географических открытий.)

Уильям Дампир родился в 1652 г. в Ист-Токер (графство Сомерсет в Англии). После смерти родителей он был с раннего детства предоставлен самому себе. Не питая с юных лет любви к учению, он предпочитал бегать по лесам и полям и играть со своими сверстниками в разбойников.

При первой возможности Дампир поступил юнгой на торговый корабль. Совершив плавания на остров Ньюфаундленд и в Ост-Индию, он перешел затем служить на военный флот. В одном из сражений Дампир был ранен и вернулся для излечения в Англию. По выходе из военного госпиталя он уехал на Ямайку в качестве управляющего плантацией. Уже через полгода он убедился, что роль плантатора, ему не по душе, и, бросив своих негров, поселился на берегу залива Кампече, где в продолжение трех лет занимался сбором красильного дерева.

Затем Дампир опять появляется в Лондоне. Но законы и официальные установления стесняют свободу этого человека «без предрассудков». Через некоторое время он снова высаживается на Ямайке и заводит дружбу с пиратами, чьи набеги причиняли столько зла испанцам.

Эти авантюристы — французы и англичане — грабили и разоряли испанские колонии не только в Мексиканском заливе, но и по ту сторону Панамского перешейка — на берегах Тихого океана, от Калифорнии до Магелланова пролива. Морские разбойники нагоняли на испанцев такой страх, что казались им ка-

кими-то фантастическими чудовищами, вырвавшимися из бездны ада.

К одной из таких пиратских шаяк, во главе которой стояли Гэррис, Саукинс и Шейс, и присоединился Дампир. В 1680 г. мы встречаем его в Дарьене. Он грабит город Санта-Марию, безуспешно пыгается завладеть Панамой и вместе со своими товарищами на утлых пирогах, украденных у индейцев, нападает на восемь хорошо вооруженных кораблей, стоящих на рейде недалеко от города. Однако дерзкая операция кончилась неудачно: пираты понесли в сражении большие потери и, поделив скудную добычу, разошлись в разные стороны. Одни вернулись в Мексиканский залив, другие, и вместе с ними Дампир, найдя пристанище на одном из островов Хуан-Фернандес, вскоре произвели дерзкое нападение на чилийский порт Арику. Но и на этот раз им не посчастливилось, и шайка окончательно распалась. Дампир с несколькими единомышленниками счел за лучшее отправиться в Виргинию, где надеялся набрать новых добровольцев. Там он встретил известного флибустьера, капитана Джона Кука¹, который как раз в это время снаряжал корабль, чтобы проникнуть в Тихий океан через Магелланов пролив. Дампир принял участие в этой экспедиции. Сначала англичане взяли курс к берегам Западной Африки — к островам Зеленого Мыса и Сьерра-Леоне, то есть поплыли обычным путем, какого придерживались суда, отправлявшиеся в Южную Америку.

Дампир, заносивший в свой дневник все интересные факты, заметил, что под 36⁰ южной широты море побелело, или, вернее, побледнело, и никак не мог понять причины этого явления. Но если бы он мог воспользоваться микроскопом, то без труда разгадал бы эту загадку: цвет моря иногда меняется под влиянием бесчисленного множества микроскопических организмов, кишящих на поверхности воды.

Без всяких приключений флибустьеры миновали Себольдинские (Фолклендские) острова, прошли через пролив Ле-Мер и 6 февраля 1684 г. обогнули мыс Горн. Затем, счастливо избежав бури, обычно застигающей суда при вступлении в Тихий океан, капитан Джон Кук добрался до островов Хуан-Фернандес, надеясь там запастись продовольствием.

Дампир задает себе вопрос: найдут ли они индейца из Никарагуа, оставленного на этих островах в 1680 г. капитаном Шарпом?

¹ Не смешивать с английским мореплавателем XVIII в. капитаном Джеймсом Куком. (*Примеч. перев.*)

«Этот индеец в полном одиночестве прожил на острове более трех лет. Когда английский капитан дал сигнал к отпльгтию, он охотился в лесу за козами и его хватились уже в открытом море. Он остался один на острове, ничего не имея, кроме ружья, ножа и дрови, он ухитрился распилить своим ножом ружейный ствол на несколько кусков и сделать из них наконечники для копья и остроги, рыболовные крючки и гарпун. С помощью этих орудий он добывал себе все, что только можно было найти на острове, то есть коз и рыбу. На расстоянии полумили от берега он построил маленький шалаш и покрыл его козьими шкурами. Одежду ему также заменяла козья шкура, обернутая вокруг поясницы».

Как мы увидим дальше, кроме этого индейца, на островах Хуан-Фернандес оказался еще один невольный отшельник, история которого получила большую известность и навела Даниэля Дефо на мысль написать роман о приключениях Робинзона Крузо на необитаемом острове.

Мы не будем рассказывать о всех экспедициях, в которых принимал участие Дампир. Скажем только, что в 1686 г. он посетил острова Галапагос. Так как эта кампания для английских пиратов была неудачной, то капитан Сван, на корабле которого в то время служил Дампир, отправился в Ост-Индию, где испанцы, не ожидавшие появления флибустьеров, могли быть застигнуты врасплох. Самое меньшее, на что надеялись английские пираты, — это захватить где-нибудь у Манилы испанский галеон. Но в пути у них вышли все припасы. Изголодавшиеся матросы не в шутку угрожали, что если капитан не сможет добыть продовольствие, то поочередно будут съедены все, кто настаивал на этом злосчастном плавании к Филиппинам. После капитана на очереди был Дампир. По этому поводу он шутливо замечает в своих записках: «Когда мы пристали к одному из островов и погрузили продукты, капитан Сван обнял меня и сказал: „Дампир, пожалуй, из вас получилось бы плохое кушанье”. И он был прав, ибо я был настолько же тощ и изнурен, насколько он жирен и дороден».

Плавание сопровождалось всевозможными приключениями. Отдохнув и набравшись сил, англичане принялись за пиратские набеги. Дампир и капитан Сван своими внезапными налетами навели панику на жителей Минданао, Манилы, Молуккских островов и даже южнокитайского побережья.

(Дампир высаживался и на северном берегу Австралии, который поразил его своей бесплодностью и дикостью. «Еще нельзя

сказать, — писал он, — остров это или целый континент; но в одном я уверен: он не соприкасается ни с Азией, ни с Африкой, ни с Америкой».)

На Никобарских островах заболевший Дампир расстался со своими товарищами и в туземном каноэ еле живой добрался до Суматры, где и нашел убежище. Оправившись от болезни, он объехал весь южный берег Азии, побывал в Малакке, Тонкине, Мадрасе и Бенкулене. Здесь он нанялся артиллеристом на английское военное судно и, прослужив пять месяцев, дезертировал и прибыл в Лондон. Рассказы о его удивительных приключениях привлекли к нему внимание в светских кругах, и он был представлен лорду Адмиралтейства, графу Оксфордскому.

Вскоре Дампир получил в командование военный корабль «Робак» и 14 января 1699 г. отправился на нем через Магелланов пролив исследовать «Южный материк» (Австралию) и прилегающие к нему земли. Кроме того, англичанину было поручено высаживаться на неизвестных архипелагах в Тихом океане.

Десятого марта он пересек экватор и направился в Бразилию, но встречные ветры помешали ему достичь берегов Патагонии. Тогда командир изменил намеченный маршрут и пошел к мысу Доброй Надежды, а оттуда, держась юго-восточного направления, к западным берегам Новой Голландии, как называли тогда Австралию. Этот продолжительный переход через Индийский океан завершился 6 августа благополучной высадкой в бухте Морских Собак (близ залива Шарк).

Дампир, попав снова в бесплодную часть Австралии, ничего не нашел, кроме безводной пустыни, лишенной почти всякой растительности. Целый месяц он шел вдоль берега, несколько раз высаживался, но местность была все такой же безотрадной. Во время одной высадки произошла стычка с туземцами. Их молодой предводитель, человек статный и ловкий, поразил англичан необычной внешностью. Вокруг глаз у него были проведены белые круги и белая же полоса шла от лба до кончика носа, грудь и руки также были выкрашены в белый цвет. Черная кожа, курчавые волосы, дикий и свирепый взгляд, высокий рост — таковы, по Дампиру, отличительные признаки австралийской расы.

Английский корабль продолжал плыть к северу до залива, получившего название Робак, пока недостаток воды и продовольствия, мели и северо-западные муссоны не заставили Дампира отказаться от дальнейшего исследования австралийского побере-

жья. Пройдя, таким образом, более трехсот миль, он решил направиться к острову Тимор, чтобы дать отдых измученному экипажу. Но эти моря были почти неизвестны англичанам, а карты, полученные в Адмиралтействе, оказались совершенно неудовлетворительными. Поэтому Дампир долго блуждал по морям, прежде чем ему удалось найти остров Тимор. Прибытие английского корабля в одну из гаваней, известных только голландцам, вызвало среди них замешательство, но, не желая вступать в конфликт с могущественной державой, они все же оказали Дампиру хороший прием.

После недолгой стоянки, снова пустившись в море, он направился к северному берегу Новой Гвинеи и 4 февраля 1700 г. достиг острова Вайгео. Над берегом вились тучи птиц, похожих на обыкновенных голубей, а после захода солнца появились громадные летучие мыши. Больше всего Дампира поразили огромные раковины-гребешки. Плывя отсюда на восток, Дампир достиг сначала острова Короля Вильгельма, а потом островов Схоутена. 24 февраля экипаж стал свидетелем странного зрелища: «...две рыбы, с виду напомилавшие макрель, но только желтовато-зеленоватого цвета, сопровождали судно в течение пяти или шести дней. Встретив морскую змею, они пустились за ней в погоню. Большая змея, держа над водой голову, спасалась от них с поразительной быстротой, в то время как обе преследовательницы все время старались схватить ее за хвост. Но когда змея оборачивалась, одна из рыб останавливалась перед нею, а другая тотчас же пристраивалась сзади. Пока их было видно, они гнались за морским чудовищем, ежеминутно готовым к обороне».

Двадцать пятого февраля Дампир стал на якорь у гористого острова длиной около десяти лье, лежащего северо-восточнее архипелага Адмиралтейства; он дал этому острову имя Сент-Маттиас (Св. Матвея). Немного дальше он открыл остров, который был назван Бурным из-за страшных ветров, помешавших пристать к берегу. Дампир предполагал, что находится у Новой Гвинеи, но в действительности это была Новая Ирландия. Он хотел было высадиться, но не успел еще спустить шлюпку, как корабль окружили десятки пирог с двумя или тремя сотнями гребцов. В то же время большая толпа островитян собралась на берегу. Понимая, что в таких условиях высаживаться рискованно, Дампир приказал отчалить. Но как только был поднят якорь, туземцы стали забрасывать корабль камнями, которые очень ловко метали на большое расстояние с помощью какого-то снаряда вроде пращи. Англичане

назвали это место Бухтой фрондеров¹. Впрочем, достаточно было одного пушечного выстрела, чтобы привести туземцев в оцепенение и положить конец враждебным действиям (но Дампир решил покинуть остров без кровопролития). К юго-западу от Новой Ирландии оказался другой, еще больший остров, который Дампир назвал Новой Британией. Он прошел через пролив Сент-Джорджес-Чаннел, разделяющий оба острова, и после этого открыл еще несколько мелких островов: Вулкана, Короны, Лонг-Рич и другие.

После продолжительной крейсеровки, сопровождавшейся столь важными открытиями, Дампир снова вышел к северному берегу Новой Гвинеи и отсюда направился к западу. Вскоре он добрался до острова Церам (Молуккские острова) и после длительной стоянки отправился в обратный путь. Сперва он достиг Борнео, затем прошел Макаassarский пролив и 23 июня высадился в Батавии, на острове Ява, где оставался до 17 октября.

Уже в Атлантическом океане корабль дал такую сильную течь, что с трудом удалось 23 февраля 1701 г. дойти до острова Вознесения. Прежде чем корабль затонул, с него успели выгрузить все имущество. К счастью, на острове Вознесения оказался не только источник с пресной водой, но и много черепаш, коз и мелкой дичи. С голоду здесь умереть было нельзя, но ожидание проходящего судна могло затянуться на несколько месяцев.

Тем не менее уже 2 апреля к острову Вознесения пристал английский корабль; Дампир со своими спутниками был принят на борт и благополучно вернулся в Англию.

Наш рассказ о Дампире еще не закончен. Мы вновь коснемся его деятельности, когда будем говорить о другом английском мореплавателе, Роджере Вудсе².

II

Генри Гудзон. — Томас Баттон и капитан Гиббонс. — Уильям Баффин и Роберт Байлот. — Французы в Канаде. — Самюэль де Шамплен и Кавелье де Ла Саль — Успехи географических знаний к концу XVII в.

(Если англичане после неудач Кабота, Фробишера и Девиса отказались на некоторое время от попыток найти Северо-

¹ Фрондeры — во Франции XVII в. — сторонники движения, направленно против укрепления королевской власти. Здесь этому слову придан иронический смысл. (*Примеч. перев.*)

² См. во втором томе «Истории великих путешествий».

Западный проход из Атлантического в Тихий океан, то это не значило, что они оставили всякую мысль о морском пути из Европы в Китай и Индию мимо берегов Северной Америки, в обход испанских и португальских владений. Мы знаем, что в конце концов этот пресловутый Северо-Западный проход был открыт, но открыт лишь в недавнее время¹, да и то только затем, чтобы обнаружилась его полная практическая непригодность.

В XVII в. англичане сделали еще несколько попыток найти Северо-Западный проход. После Девиса важнейшие арктические экспедиции связаны с именем Генри Гудзона (ок. 1550 — 1611), одного из самых выдающихся мореплавателей того времени.)

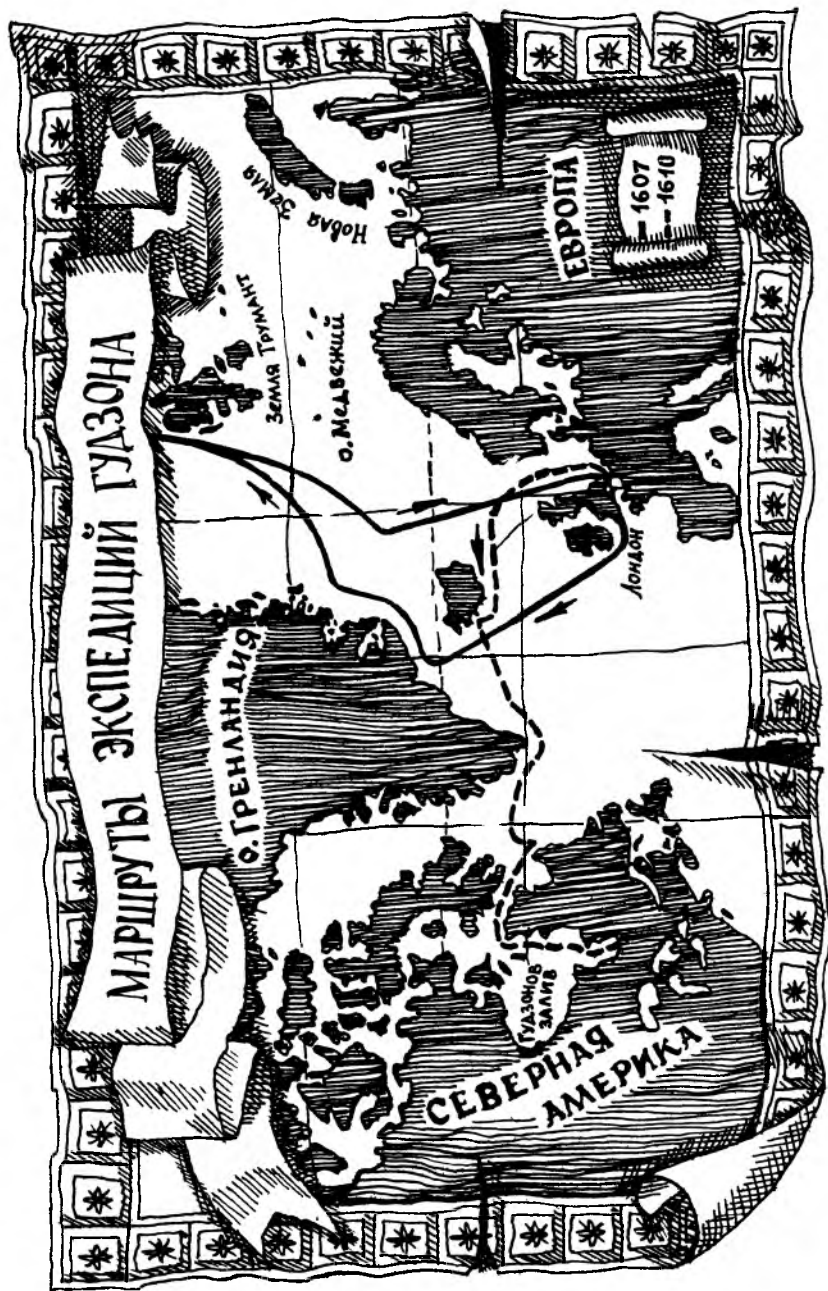
В самом начале XVII в. Гудзон заключил договор с «Московской компанией лондонских купцов», взяв на себя обязательство отыскать Северо-Западный проход. Первого мая 1607 г. он покинул Англию на простом барке² «Добрая Надежда» с командой в двенадцать человек.

Тринадцатого июня он достиг восточного берега Гренландии под 73° северной широты и назвал крайний восточный выступ гренландского побережья «Остановкой с надеждой» (позже это место было названо Землей Гудзона). Погода стояла хорошая, и температура не опускалась ниже десяти градусов. Отсюда Гудзон взял курс на северо-восток. 2 июля температура резко упала, как это часто бывает в северных странах, но море было свободно и, воспользовавшись безветрием, Гудзон продолжал двигаться вперед. 14 июля судно достигло северной части островов Шпицберген, которые были приняты Гудзоном за Новую Землю. Многочисленные следы белых медведей и песцов, масса водяных птиц и ручейки пресной воды, причем один из ручейков оказался совсем теплым, — все убедило мореплавателей, что жизнь в это время года возможна даже и под такими высокими широтами.

Поднявшись еще севернее, до 80°23' северной широты, куда не

¹ Северо-Западный морской проход вокруг берегов Северной Америки был открыт в 1850 г. английскими исследователями, посланными на поиски пропавшей без вести экспедиции Джона Франклина. В этом году английские капитаны Мак-Клур и Мак-Клинтон, двигаясь навстречу друг другу со стороны Берингова пролива и Атлантического океана, встретились у земли Банкса. Пройти насквозь Северо-Западный проход они не могли, но существование этого морского пути ими было доказано. Единственная удачная попытка сквозного плавания по этому морскому проходу была осуществлена в 1903 — 1905 гг. известным норвежским полярным путешественником Амундсеном на маленькой яхте «Иоа».

² Барк — грузовое судно с тремя и более мачтами.

заходил еще ни один мореплаватель, Гудзон встретил непреодолимую стену льда и вынужден был повернуть обратно. По пути в Англию он открыл небольшой остров, по-видимому Ян-Майен, позднее названный так по имени вторично «открывшего» его голландского капитана.

Так как маршрут, проложенный Гудзоном во время первого плавания, не дал положительных результатов, то было решено попытаться достичь берегов Восточной Азии другой дорогой. 21 апреля следующего года он снова отправился в плавание, вторично достиг Шпицбергена, но, остановленный тяжелыми льдами, вынужден был вернуться в Англию, не решив поставленной задачи. «Московская компания английских купцов», снарядившая обе экспедиции, отказалась от дальнейших поисков. Это, без сомнения, и побудило Гудзона перейти на службу к голландцам.

В 1609 г. амстердамская торговая компания вверила Гудзону командование судном «Хальфмун» («Полумесяц»), предоставив ему свободу выбора между северо-западным и северо-восточным путями. По примеру Баренца тот решил искать проход в Китай, следуя на восток через Карское море.

Двадцать пятого марта он покинул гавань на острове Тессел и, обогнув мыс Нордкап, пошел к Шпицбергену, а затем к Новой Земле. Команда состояла из голландцев и англичан, плававших до этого только в Ост-Индию. У берегов Новой Земли матросы взбунтовались, устранившись холода и льдов. Гудзон вынужден был уступить, предложив непокорному экипажу на выбор два пути — либо через Девисов пролив, либо вдоль берегов Виргинии, где, по слухам, должен был находиться проход в «Южное море». Само собой разумеется, матросы предпочли второй вариант. И тогда Гудзон, чтобы издержки амстердамской компании не пошли на ветер, направился к Лофотенским и Фарерским островам; спустившись затем до 44° северной широты, он начал поиски пролива у американского побережья.

Восемнадцатого июня он высадился на материке, чтобы заметить фок-мачту¹, сломанную во время бури, и, воспользовавшись случаем, удачно выменял у местных жителей большую партию пушнины. Но вскоре торговлю пришлось прекратить, так как недисциплинированные матросы своим вымогательством возбудили негодование туземцев. Желая избежать кровопролития, Гудзон поспешил отчалить.

¹ Фок-мачта — передняя мачта на корабле.

Он продолжал плыть вдоль американского берега на юг и в начале августа под 40°30' северной широты открыл большую бухту, которую обследовал в лодке более чем на восемьдесят километров вглубь, а затем между двумя островами обнаружил устье великолепной реки и дал ей свое имя. (Исследователь поднялся вверх по реке до того места, где ныне находится город Олбани, и вернулся разочарованный, не найдя прохода. Позднее, в 1613 г., в устье реки, открытой Гудзоном, был заложен город Новый Амстердам — впоследствии Нью-Йорк.)

Между тем стали подходить к концу съестные припасы, а возобновить их на берегу не было никакой возможности. И тогда команда, в продолжение всей экспедиции навязывавшая капитану свою волю, большинством голосов решила вернуться в Голландию. Несмотря на то, что командир предполагал зимовать на Ньюфаундленде, он так и не смог сломить упрямства матросов. 7 декабря по пути в Голландию Гудзон, неизвестно по какой причине, высадился в Дортмуте, и здесь он и его экипаж были задержаны, а корабль конфискован английскими властями.

В следующем, 1610 г. Гудзон, невзирая на все пережитые невзгоды, опять предложил свои услуги голландской компании; но выставленные ею условия заставили его покинуть Голландию и заключить договор с английской компанией. Последняя предоставила Гудзону пятидесятипятитонный барк «Дискавери» («Открытие»). Впрочем, и английские купцы постарались ограничить свободу действий командира, настояв на том, чтобы он принял в качестве помощника опытного моряка Колберна, которому компания вполне доверяла. Колберн был наделен почти неограниченными полномочиями. Чувствуя себя оскорбленным, Гудзон поспешил избавиться от навязанного ему надсмотрщика, высадив того на берегу Темзы с вежливым письмом, в котором старался оправдать перед компанией свое самоуправство.

В первых числах мая, когда корабль остановился в одном исландском порту, экипаж, сочувствовавший Колберну, взбунтовался, но Гудзону вскоре удалось восстановить свою власть. 1 июня он вышел из Исландии, 15-го достиг южной оконечности Гренландии и еще через несколько дней был уже у пролива Фробишер (приняв, по-видимому, за пролив одну из бухт юго-восточного берега Гренландии). Увидев потом землю, названную Джоном Девисом Дезелейшн (Земля запустения), путешественник поплыл на северо-запад и углубился в пролив, получивший впоследствии его имя.

(Последнюю запись Гудзон сделал в своем дневнике 3 августа:

«После того как наши люди побывали на берегу и записали свои наблюдения, мы поплыли по узкому проходу. Течение действительно шло с севера, и глубина у берега была 30 футов. Мыс у выхода из пролива с южной стороны я назвал Вулстенхолм».

Все, что мы знаем об исходе этого путешествия, основано на рассказах взбунтовавшейся команды.)

К концу сентября корабль прошел вдоль восточной стороны Гудзонова залива до его южного конца, нынешнего залива Джемс, где командир и высадил на берег одного офицера, подстрекавшего матросов к бунту. Но эта мера еще больше возбудила негодование экипажа.

В первых числах ноября, обнаружив, что залив с запада закрыт, Гудзон решил остаться на зимовку и выбрал для этого подходящую бухту. Следует заметить, что поступил он весьма опрометчиво. Продовольствия было взято из Англии всего на полгода и большая часть была уже израсходована. Вместе с тем мало было надежд добыть пропитание на этой скудной земле. С другой стороны, отношения Гудзона с экипажем к тому времени настолько обострились, что он не мог рассчитывать ни на дисциплинированность, ни на добрую волю матросов.

(Однако вопреки ожиданиям англичане провели зиму без особых лишений. Хотя люди и были переведены на крайне скудный рацион, им посчастливилось возместить недостаток пищи удачной охотой на птиц, которые иногда залетали сюда целыми стаями.)

Но как только пришла весна и судно получило возможность отправиться в обратный путь в Англию, Гудзон понял, что его судьба решена. В соответствии с этим он сделал ряд распоряжений, выдал каждому его порцию галет, заплатил жалованье и стал ждать развития событий. Ожидание не было долгим. Заговорщики схватили капитана, его сына, одного волонтера, плотника и пять матросов, посадили их в шлюпку и бросили на волю волн, не дав ни оружия, ни провизии, ни инструментов. Мятежники добрались до Англии, хотя и не все: двое были убиты в стычке с индейцами, один умер от болезни, а еще двое серьезно пострадали от голода. Никакого судебного преследования против них не было начато. Только в 1674 г. компания нашла место на одном из своих судов для сына «пропавшего при поисках Северо-Западного прохода» Генри Гудзона, который оказался без всяких средств к существованию.

(В апреле 1612 г. компания лондонских купцов снарядила новую экспедицию для открытия Северо-Западного прохода. Два корабля под командой Томаса Баттона обошли весь Гудзонов залив, после чего англичане окончательно убедились, что его западные берега закрыты и там нет никакого пролива. Поэтому место на западном берегу залива, где высаживался Баттон, было выразительно названо бухтой Обманутой Надежды. После трудной зимовки, во время которой умерло много людей, Баттон вернулся в Англию и сообщил компании лондонских купцов, что Северо-Западный проход, по его мнению, следует искать к северу от острова Саутгемптон. Положительным результатом этой экспедиции было тщательное исследование западных берегов Гудзонова залива.

Следующую экспедицию в 1614 г. возглавил капитан Гиббонс. Ветром его отнесло к берегам Лабрадора, и самое большое, что он сумел сделать, так это ряд научных наблюдений над морскими приливами и отливами, колебаниями температуры и другими явлениями природы в этих широтах.)

Командовать четвертой экспедицией та же компания лондонских купцов поручила Роберту Байлоту, единственному уцелевшему офицеру из команды Гудзона.

Штурманом был приглашен известнейший из тогдашних моряков Уильям Баффин (1584 — 1622), слава которого совершенно затмила славу Байлота. Баффин был опытным полярным мореходом. В 1612 г. он плавал к западному берегу Гренландии, а в 1613 и 1614 г. — к берегам Шпицбергена.

Шестнадцатого апреля 1615 г. экспедиция Байлота и Баффина вышла из устья Темзы на том же самом пятидесятипятитонном барке «Дискавери», на котором Гудзон совершил свое последнее плавание.

(Шестого мая путешественники прошли мимо мыса Фарвель. 30 мая они были уже у входа в Гудзонов пролив близ острова Резольюшен, а в конце июня достигли острова Солсбери. Отсюда они повернули к северо-западу и занялись поисками прохода к северу от острова Саутгемптон. Заметив, что течение идет к северу, Байлот и Баффин настолько уверовали в существование в этих местах Северо-Западного прохода, что мыс, встретившийся им 13 июля под $62^{\circ}2'$ северной широты и 85° западной долготы, назвали Утешением. Но надежды мореплавателей вскоре сменились разочарованием. Течение сделало резкий поворот и понесло ко-

рабли в противоположном направлении, а вдали все море было покрыто льдами. После этого путешественникам ничего не оставалось, как повернуть назад.)¹ 9 сентября они благополучно вернулись в Англию, не потеряв ни одного человека.

Но уверенность в существовании прохода к берегам Азии была у Баффина и Байлота так велика, что в следующем, 1616 г. они снова отправились на северо-запад; на этот раз они решили, однако, искать проход в направлении Девисова пролива. Выйдя 16 марта из устья Темзы, уже 17 мая капитаны были в Девисовом проливе и к концу мая обогнули мыс Хоп-Сандерсон, этот крайний северный пункт, достигнутый некогда Девисом. Сильный встречный ветер вынудил их 2 июня бросить якорь под 77°44' северной широты среди группы островов, которым они дали название Островов женщин, так как встретили здесь несколько привлекательных эскимосок. Через две недели корабль, чтобы избежать столкновения с плавучими льдами, вошел в небольшую бухту. Эскимосы принесли для обмена много моржовых бивней, рогов мускусного быка¹, что и дало основание назвать это место Роговой бухтой.

Первого июля под 75°40' северной широты открылось чистое, свободное от льда море. Воспользовавшись этим, Байлот повел судно дальше к северу. (На следующий день показался высокий мыс (полуостров Хейс) и через несколько часов — глубокий пролив, которому капитаны присвоили имя Джона Вулстенхолма, знатного покровителя компании Северо-Западного пути (Вулстенхолм-фиорд).)

Наконец, за 78° путешественники достигли входа в пролив, составляющий продолжение Баффинова залива, и дали этому проливу имя Смит в честь председателя той же самой торговой компании, на средства которой снаряжались полярные экспедиции.

Нагромождение льдов помешало Байлоту и Баффину подняться дальше к северу. Обнаружив 8 июля лежащие у входа в пролив Смит острова Кэри, исследователи повернули на юго-запад. Оказавшись на западном берегу Баффинова залива, они открыли также пролив Джонс, остров Коберг и пролив Лан-

¹ Мускусный бык (овцебык) — парнокопытное животное семейства полорогих. Длина тела 2,5 м. Покрыт густой и длинной шерстью темно-бурого цвета. Распространен только в Гренландии и на островах Канадского архипелага. Живет обычно небольшими стадами в 20 — 30 голов. Питается лишайниками, мхами и различными травянистыми растениями.

кастер, который и является входом в Северо-Западный морской пролив. Но именно у входа в этот пролив Байлот и Баффин потеряли последнюю надежду достигнуть поставленной цели и пришли к ошибочному выводу, что в северной части Девисова пролива «нет ни прохода, ни надежды на проход». Среди экипажа распространилась цинга, заставившая положить конец дальнейшим изысканиям. 30 августа Баффин и его спутники вернулись в Англию.

Если эта экспедиция и не увенчалась полным успехом, то все же она дала значительные результаты. Байлот и Баффин нанесли на карту открытые ими моря и земли, лежащие между Гренландией и огромным островом, названным позже Баффиновой землей. Кроме того, они сообщили в своем отчете директору компании, что обследованные ими за Девисовым проливом воды изобилуют рыбой, китами, моржами и тюленями и представляют отличное место для промысла. Однако прошло еще немало времени, прежде чем английские рыбаки и промышленники решились заходить в эти высокие широты.

(Экспедиция Байлота и Баффина привела также и к определенным отрицательным последствиям. Доверяя авторитету Баффина, утверждавшего, что поиски Северо-Западного прохода к северу от Девисова пролива бесполезны, исследователи на протяжении двух следующих столетий оставляли вне поля зрения Баффинов залив, и потому открытие Северо-Западного прохода задержалось до середины XIX в. В XVII столетии были сделаны только три попытки найти заветный путь. В 1619 г. датчанин Йенс Мунк достиг устья реки Черчилль, впадающей в Гудзонов залив у 59° северной широты. За время зимовки он потерял почти всех своих спутников и только с двумя матросами вернулся на лодке в Европу. В 1631 и в 1632 гг. на поиски Северо-Западного прохода отправились один за другим английские мореплаватели Льюк Фокс и Томас Джемс, но их экспедиции в области Гудзонова залива также не увенчались успехом и не дали ничего существенно нового географической науке.)

Перенесемся теперь снова в Канаду и посмотрим, что происходило там после того, как Жак Картье попытался основать в устье реки Святого Лаврентия первую французскую колонию. Правительство не оказывало ей никакой поддержки. Итальянские походы Франциска I, а также внутренние неурядицы и религиоз-

ные распри во Франции отодвинули колонизаторскую деятельность на второй план. Правда, горстка французов, оставшихся в Канаде, получала некоторые подкрепления из Дьешпа и Сен-Мало, но только в тех редких случаях, когда в устье реки Святого Лаврентия заходили рыболовные суда. Это убогое поселение, влачившее самое жалкое существование, почти не пополнялось новыми эмигрантами из Франции.

Так обстояло дело до тех пор, пока в Канаде не появился французский дворянин Самюэль Шамплен (1567 — 1635), ветеран войн Генриха IV, который в течение двух с половиной лет странствовал в Ост-Индии и был привлечен командором де Шастом и сеньором де Понграве для продолжения исследований Жака Картье и выбора самых благоприятных мест для строительства городов и иных жилых центров. Не будем перечислять способы, с помощью которых Шамплен исполнял свою роль колонизатора, или огромные заслуги, которые позволили назвать его отцом Канады. Мы займемся только теми сторонами его деятельности, и не менее блестящими, которые касаются его географических открытий в глубине континента.

Отправившись из Онфлера 15 марта 1603 г., экспедиция поднялась сначала по реке Святого Лаврентия до гавани Тадуссак, в восьмидесяти лье от устья. Французы были дружелюбно встречены местными жителями, которые, по словам путешественника, «не имели ни веры, ни закона и жили, как звери, без Бога и без религии». Оставив здесь свои корабли, Шамплен поднялся на барке до водопада Сен-Луи, где приходилось уже бывать Жаку Картье, и осмотрел окружающую местность. Вернувшись во Францию, Шамплен представил королю отчет о своем путешествии.

Генрих IV решил продолжить предприятие. Эймар де Шаст к тому времени умер, и его привилегии вместе с титулом вице-адмирала и губернатора Аркадии (так называли Новую Шотландию) были переданы другому предпринимателю — де Мону, который и отправил новую экспедицию. На этот раз Шамплен провел в Канаде три года, совмещая колонизаторскую деятельность с географическими исследованиями. Внимательно осматривая берега атлантического побережья, он высаживался на острове Кейп-Бретон, исследовал залив Фанди, откуда спустился дальше на юг, до залива Кейп-Код. В то же время Шамплен предпринимал поездки внутри страны и завязывал отношения с индейцами, ста-

раясь привлечь их на свою сторону. Вместе с восьмьюдесятью моряками он построил в юго-западной Аркадии поселок и остался в нем зимовать. О трудностях этой зимовки можно судить по тому, что половина колонистов вымерла от цинги.

После первой поездки во Францию за поселенцами Шамплен в 1608 г. вернулся в Канаду и восстановил форт — на том месте, где находится город Квебек. Следующий год он посвятил плаванию по реке Святого Лаврентия и географическим исследованиям. Воспользовавшись застарелой враждой между индейскими племенами, Шамплен обещал помочь алгонкинам и гуронам в их борьбе с ирокезами. Поэтому алгонкины охотно согласились проводить его по реке Святого Лаврентия до страны ирокезов. Летом 1609 г. Шамплен поднялся с индейцами на пироге до озера Сент-Питер, а оттуда прошел по реке Ришелье к большому величественному озеру, названному затем его именем. На берегах этого озера разыгралось сражение с ирокезами, из которого французы и дружественные им гуроны вышли победителями.

В 1610 г. Шамплен вместе с алгонкинами и гуронами предпринял новый поход в страну ирокезов и, применив на этот раз артиллерию, наголову разбил противника. При нападении на одно ирокезское селение он пошел на хитрость, напоминая тактический прием ахейцев при взятии Трои¹. Большая фигура деревянного рыцаря была поставлена ночью у самого селения, а наутро, когда возле «рыцаря» собралась толпа изумленных ирокезов, спрятанные в ней мушкетеры открыли огонь и нагнали страх на суеверных индейцев. После этого француз и его союзники легко овладели укрепленным селением.

Во время очередной поездки во Францию Шамплен был назначен губернатором быстро разраставшегося Квебека. В 1611 г. он основал новое поселение — Монреаль, а затем занялся исследованием областей, лежащих к северо-западу. Он поднялся по реке Оттаве, осмотрел озеро Гурон, добрался по суше до озера Онтарио и объехал его на челне. Эти путешествия, сопровождавшиеся непрерывными столкновениями с ирокезами, заняли несколько лет.

Трудно что-нибудь выделить в необыкновенно насыщенной жизни Шамплена. В своих путешествиях, исследованиях он ни

¹ Согласно древнегреческому мифу, ахейцы поставили у стен осажденной Трои огромного деревянного коня. Троянцы втащили его в свой город, а ночью вышедшие из чрева коня ахейские воины открыли ворота города и Троя была взята

когда не забывал об интересах Франции. И если бы колониальная политика Людовика XIV и его наследника была иной, мы бы владели в Америке колонией, которая не уступала бы в процветании Соединенным Штатам. Несмотря на отказ французов, Канада сохранила горячую любовь к своей матери-родине.

(В дальнейшем Шамплэн был занят в основном колонизаторской деятельностью. Все его экспедиции, все его исследования имели одну цель — способствовать процветанию Новой Франции, как называли тогда Канаду. Но еще при жизни Шамплэна началась ожесточенная борьба французов с англичанами за преобладание в Канаде. В XVIII в. Канада стала английской колонией, но французские поселенцы не раз поднимали восстания, стремясь вернуть американские земли своему отечеству.)

После Шамплэна выдающимся исследователем различных областей Северной Америки был Рене Робер Кавелье де Ла Саль (ок. 1640 — 1687). За четыре десятилетия, истекшие после смерти Шамплэна, французские колонии укрепились и заняли обширные территории Канады. Бродившие по лесам охотники ежегодно доставляли вместе с пушниной и новые сведения о внутренней части материка. Способствовали этому и путешествия миссионеров, особенно патера Жака Маркета, обследовавшего Великие озера, течение реки Миссисипи до впадения в нее реки Арканзас и реку Иллинойс. В этой связи следует также упомянуть губернатора Новой Франции, графа Луи Фронтенака и управляющего судебными и полицейскими учреждениями Талона, которые поощряли исследователей и оказывали им содействие.

В конце шестидесятых годов в Канаду приехал без определенной цели молодой человек по имени Кавелье де Ла Саль. «Он родился в Руане, — говорит его биограф Шарльвуа, — в богатой купеческой семье. Несколько лет он воспитывался в школе иезуитов, был человеком образованным и одаренным, честолюбивым и настойчивым. У него не было недостатка ни в решимости, чтобы отважиться на рискованное предприятие, ни в постоянстве, чтобы довести любое дело до конца, ни в твердости духа, чтобы противостоять препятствиям, ни в средствах, чтобы осуществить свои замыслы. Однако он не сумел снискать любовь и приобрести расположение тех людей, в чьих услугах он больше всего нуждался, а достигнув власти, пользовался ею с жестокостью и высокомерием. С таким характером он не мог добиться успеха и действительно его не добился».

В своих записках почтенный Шарльвуа безусловно стучает краски, недооценивая сделанное Ла Салем открытие, которое, может быть, не уступает по своему значению открытию Амазонки, сделанному Франсиско де Орельяной в XVI в., и открытию в XIX в. Генри Мортонем Стенли реки Конго.

Как бы то ни было, приехав в Канаду, Ла Саль начал посещать индейские селения, прилежно изучать туземные наречия, знакомиться с нравами и обычаями местных жителей. В то же время он старался собрать у охотников как можно больше сведений о реках и озерах. Сообщив графу Фронтенаку план своих будущих исследований, он не только заручился его поддержкой, но и был назначен начальником отдаленного форта, построенного при выходе реки Святого Лаврентия из озера Онтарио. Там Ла Саль встретил «лесного разведчика», скупщика пушнины Луи Жолье, который рассказал ему о своем путешествии вместе с патером Маркетом по Великим озерам и большой реке Миссисипи, уходящей далеко на юг.

Ла Саль сразу же оценил выгоду, какую можно было извлечь из такого важного пути, в особенности если, как он предполагал, Миссисипи впадает в Мексиканский залив, и в уме его тотчас же созрел план путешествия от истоков до устья Миссисипи. «В таком случае, — рассуждал Ла Саль, — через Великие озера и приток Миссисипи, Иллинойс, можно будет установить сообщение между рекою Святого Лаврентия и Антильскими островами. Какую неопределимую пользу извлечет Франция из этого открытия!»

Ла Саль поделился с графом Фронтенаком своим грандиозным замыслом исследования Миссисипи и расширения французских владений до Мексиканского залива и, получив от него рекомендательные письма к морскому министру и другим влиятельным лицам, отправился во Францию, чтобы выхлопотать королевский патент на открытия в Новом Свете и монопольную торговлю бизоньими шкурами. Всесильный Кольбер¹ представил Ла Салья королю, который даровал ему дворянство, ввел во владение землями в Новом Свете и назначил губернатором тех стран, которые он откроет в будущем.

Четырнадцатого июля 1678 г. Ла Саль выехал из Ла-Рошели в Канаду. С ним отправились тридцать солдат, рыцарь Анри де

¹ Кольбер Жан Батист (1619 — 1683) — министр Людовика XIV, фактический руководитель внешней и внутренней политики Франции. Стремился к созданию сильного военного и торгового флота, расширению торговли и эксплуатации колоний, приобретенных Францией в Северной Америке.

Тонти, потерявший руку в одном из сражений, и францисканский монах Луи Аннепен, сопровождавший затем Ла Салья во всех путешествиях. Из Франции были захвачены якоря, паруса и снасти для постройки на озере Эри речного судна.

(Пока сооружался корабль, Ла Саль продолжал исследовать окрестные области, изучал быт индейцев и скупал у них меха, устроив большой склад в основанной им крепости на берегу Ниагары. Одновременно скупкой мехов занимался и Анри де Тонти, но только в других районах, а патер Аннепен проповедовал среди индейцев христианскую веру и составил первое из известных нам описаний Ниагарского водопада.)

К середине августа 1679 г. корабль «Грифон» был готов к отплытию. Ла Саль, присоединив к экипажу двух францисканских монахов, отправился из озера Эри к озеру Гурон, а оттуда — к озеру Мичиган. По дороге «Грифон» выдержал страшную бурю, заставившую отложить путешествие по Миссисипи. Пока рыцарь Тонти собирал разбежавшийся экипаж, кредиторы распродали в Квебеке имущество Ла Салья, и теперь вся надежда у него была на меха, сложенные в Ниагарской крепости. Однако «Грифон», отправленный туда за пушниной, на обратном пути бесследно исчез; потонул он или был разграблен индейцами — так и не удалось установить. Но, несмотря на все эти неприятности, Ла Саль все же решил приступить к осуществлению своего плана.

Ограничившись исследованием канадской водной системы, он перешел со своим отрядом линию, отделяющую Великие озера от бассейна Миссисипи, и достиг Иллинойса. Здесь Ла Саль попал в очень трудное положение, так как на своих людей он не мог положиться, а иллинойские индейцы, бывшие до этого союзниками французов, перешли на сторону ирокезов и не скрывали своих враждебных чувств.

Ла Саль должен был во что бы то ни стало вернуть доверие индейцев. Терять ему уже было нечего, и он отважился на отчаянно смелый шаг. С двадцатью солдатами он неожиданно явился в индейский лагерь, в котором было более трех тысяч воинов, и гордо проехал через все селение. Индейцы, пораженные такой храбростью, сразу же изменили свое отношение к Ла Салю и перестали чинить ему препятствия. Тогда Ла Саль, не теряя времени, построил на берегу озера Пеория форт Кревкер (Огорчение), назвав его так в память о пережитых невзгодах. Форт Кревкер должен был служить базой для дальнейших исследований.

Оставив здесь Тонги во главе небольшого гарнизона, Ла Саль, все еще надеясь на возвращение «Грифона», отправился с тремя индейцами и одним французом в форт Катарокуа, отстоящий от Кревкера на пятьсот лье. В то же время он снарядил в путь патера Аннепена, поручив ему подняться по реке Миссисипи и, если удастся, дойти до ее истоков.

«Оба путешественника, — пишет Шарльвуа, — выехали из форта Кревкер 28 февраля 1680 г. и, достигнув Миссисипи, поднялись на пироге вверх по реке до 46° северной широты, пока не были остановлены большим водопадом. Аннепен дал ему имя в честь святого Антония Падуанского (Сент-Антуан). Потом, не знаю каким образом, они попали в руки индейцев из племени сиу, которые долго держали их в плену».

На обратном пути в Катарокуа Ла Саль, открыв новое место, пригодное для сооружения форта, вызвал туда Тонги, который сразу же принялся за работу, тогда как Ла Саль продолжил свой путь.

В конце концов Ла Саль прибыл в Катарокуа, где его ждали печальные вести, такие вести, что человек менее закаленный пришел бы в полное отчаяние. Мало того, что сгинул без следа «Грифон» с грузом пушнины на десять тысяч экю¹, — потерпел крушение корабль, везший Ла Салю из Франции много ценных товаров стоимостью около 22 000 франков.

А враги тем временем распустили слух, будто его давно уже нет в живых. Единственное, что сумел сделать Ла Саль, — опровергнуть сплетни о своей мнимой смерти. Никакие дела его больше здесь не задерживали. С огромными трудностями проделав обратный путь в форт Кревкер, он очень удивился, не найдя там ни одного француза.

А случилось вот что. Люди, оставленные в Кревкере, восстали против Тонги, растащили продукты и разбежались. Тонги, оставшись с пятью солдатами среди илинойских индейцев, возмущенных грабежами французов, вынужден был 11 сентября 1680 г. покинуть форт. Направился он к озеру Мичиган, в селение Макинако.

Ла Саль снова занял полуразрушенный форт Кревкер и, доверив его небольшому гарнизону, пошел на поиски Тонги. Ла Саль

¹ Э к ю — французская золотая монета, вес которой колебался от 3,3 до 7,0 г. С XVII в. название экю прилагается к крупным серебряным монетам. Изъятые из обращения в 1829 г. Здесь речь идет либо о серебряных экю, чеканившихся с 1641 г. и весивших около 26 г, либо о золотых экю с изображением солнечной короны, чеканившихся до 1683 г. и весивших около 3,3 г.

искал его на восточном берегу Мичигана, а Тонти в это время был на западном. Только в мае 1681 г. встретились они в Макинако, там, где теперь стоит Чикаго.

Потеряв свои средства, Ла Саль уже не мог построить другое судно и решил приобрести несколько обыкновенных пирог. В декабре 1681 г. во главе отряда из пятидесяти четырех человек он спустился на санях с привязанными к ним пирогами по Илинойсу и в феврале следующего года добрался до Миссисипи. Когда закончился ледоход, путешественники поплыли вниз по великой реке, делая время от времени остановки для осмотра берегов и притоков. Ла Саль исследовал устье Миссури, устье Огайо, где построил небольшой форт, проник в Арканзас и объявил его владением Франции, углубился в страну, населенную индейцами нацезами, и заключил с ними союз; наконец 9 апреля, пройдя на пироге триста пятьдесят миль, он достиг Мексиканского залива. Замысел, так долго лелеянный Ла Салем, был выполнен! Все открытые им земли он назвал в честь короля Луи (Людовика) XIV Луизианой и торжественно присоединил к владениям Франции.

Возвращение в Канаду отняло у Ла Салья больше года. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что на обратном пути путешественникам приходилось бороться с быстрым течением Миссисипи и страдать от голода. Но несокрушимая энергия и сильная воля Ла Салья превозмогли все трудности.

Между тем в Квебеке его ждали новые неприятности. Вместо отозванного Фронтенака пост губернатора занял Лефевр де ла Барр, который отнесся к Ла Салю с предубеждением и в своем отчете Людовику XIV так оценил его открытие: «Этот путешественник с двумя десятками французских и туземных бродяг действительно достиг Мексиканского залива, выставляя себя монархом и творя всякие бесчинства, прикрывая насилия над народами дарованным ему вашим величеством правом вести монопольную торговлю в тех странах, какие ему удастся открыть».

Чтобы оправдаться перед королем и восстановить свою репутацию, Ла Саль поехал во Францию. Он не только доказал несправедливость возведенных на него де ла Барром обвинений, но и сумел заинтересовать морского министра планом исследования устья Миссисипи со стороны моря. Ла Саль предложил построить там крепость и основать колонию. Король, одобрив это предложение, назначил Ла Салья губернатором Луизианы. Под его власть должна была перейти огромная территория от озера Ми-

чиган до Мексиканского залива, во много раз превосходящая территорию Франции.

В то же время командующий эскадрой, доставившей Ла Салю в Америку, был в зависимости от него и после высадки поставлял Ла Салю все, что он требовал, если только это не наносило ущерб королю. Четыре корабля, в том числе сорокапушечный фрегат под командой г-на де Божс, должны были доставить двести во семьдесят человек, включая экипажи, к устью Миссисипи; эти люди и должны были составить ядро будущих колонистов. Солдат и ремесленников отбирали очень плохо, ни один из них не знал своего дела, но в этом убедились слишком поздно.

Отправившись из Ла-Рошели 24 июля 1684 г., маленькая эскадра была вынуждена почти сразу вернуться в порт, потому что, несмотря на прекрасную погоду, у фрегата отломился бушприт. Это необъяснимое происшествие положило начало разладу между господами де Божс и де Ла Салем.

Первый из них не мог перенести подчинения частному лицу и не простил этого Кавелье. Между тем не было ничего проще, чем отказаться от командования. У другого не было мягкости манер и учтивости, необходимых для возвращения расположения компаньона. Во время путешествия ссора разгорелась еще больше по причине помех г-на де Божс быстроте проведения и секретности экспедиции. Положение Ла Салю значительно осложнилось, после того как он по прибытии в Санто-Доминго тяжело заболел. Однако он выздоровел, и экспедиция снова вышла в море 25 ноября. Месяц спустя она вышла на широту Флориды; но «так как Ла Салю убедили, что в Мексиканском заливе все течения идут на восток, он не сомневался, что устье Миссисипи осталось значительно западнее; эта ошибка стала источником всех его невзгод».

И тогда Ла Саль приказал взять курс на запад; он прошел устье Миссисипи, даже не обратив внимания на явные признаки реки, на которые ему указывали спутники. Когда он заметил свою ошибку и попросил господина де Божс вернуться, тот не соизволил с этим согласиться. Ла Саль, увидев, что никак не сможет воздействовать на упрямый разум своего компаньона, решил высадить людей и выгрузить запас продовольствия в бухте Сен-Бернар. Де Божс противился его начинаниям, включая это последнее распоряжение, что делает мало чести как здравому смыслу, так и его патриотизму. Он не только не захотел выгрузить весь провиант, отговорившись, что часть его находится на

самом дне трюма, а у него просто не было времени переместить груз, но еще и приютил у себя на борту капитана и экипаж флейты¹, грузенной боеприпасами и рабочим инструментом, необходимым при строительстве новых поселений, то есть людей, которые, как все были убеждены, умышленно бросили свое судно на прибрежном мелководье сразу после кораблекрушения. Огромная толпа дикарей воспользовалась обычным в таких случаях замешательством и очистила флейту от всего, что только попало под руку.

Ла Саль, обладавший счастливым талантом никогда не покоряться злой судьбе и находивший в себе силы сообразно обстоятельствам, приказал тем временем возводить укрепления. Чтобы подбодрить своих спутников, он сам не раз брался за тяжелую работу; но стройка продвигалась очень медленно из-за неумения колонистов.

Вскоре Ла Саль, пораженный сходством языка и привычек здешних обитателей и индейцев низовий Миссисипи, убедился, что недалеко ушел от великой реки, и сделал несколько вылазок, намереваясь до нее добраться. Но, хотя он и обнаружил края прекрасные и плодородные, нисколько не приблизился к заданной цели. Всякий раз, возвращаясь в форт, он становился все мрачнее и резче, а это вовсе не способствовало сохранению спокойствия в умах тех, кто был обозлен страданиями и беспечностью своих усилий. Посеяли зерновые, но урожая из-за дождей почти не собрали. А то, что успело взойти, было скоро вытоптано дикарями и зверьем. Охотники, осмелившиеся отойти от лагеря, были убиты индейцами; болезни находили легкую добычу среди этих людей, изнемогающих от тоски, скуки и нищеты. За короткое время число колонистов сократилось до тридцати семи.

Наконец Ла Саль решился предпринять последнюю попытку добраться до Миссисипи, а потом, спустившись по этой реке, прибегнуть к помощи тех племен, с которыми он успел заключить союз. Выступив 12 января 1687 г. вместе с братом, двумя племянниками, двумя миссионерами и двенадцатью колонистами, он приблизился к земле индейцев сени, когда вследствие ссоры одного из его племянников с тремя колонистами те убили молодого человека и его слугу, а потом решили поступить так же с командиром отряда. Ла Саль, обеспокоенный отсутствием своего племянника, отправился его искать, девятнадцатого утром, вместе с

¹ Флейта — военный парусный транспортник (Примеч. перев.)

отцом Анастасом. Увидев его, преступники спрятались в зарослях, и один из них выстрелил в голову Ла Салю из ружья, убив его на месте. Так погиб Робер Кавелье де Ла Саль, «человек со способностями, — как пишет Шарльвуа, — с широтой ума, смелый и твердый духом, который мог бы дойти до больших свершений, если бы вдобавок ко всем своим хорошим качествам он умел еще справляться со своим мрачным и желчным расположением духа, смягчать свою суровость или скорее жестокость своей натуры...» Его испачкали клеветой, но надо бы с тем большим тщанием остерегаться всех этих недоброжелательных слухов, «чтобы не стало общим местом преувеличение ошибок несчастных, приписывание им вины, когда таковой не было, особенно когда они сами толкнули себя к невзгодам и не смогли заставить себя полюбить. И самое печальное для памяти этого знаменитого человека заключается в том, что его жалели слишком немногие и что незначительный успех его предприятий — одного лишь последнего — отметил его наружностью авантюриста — для тех, которые судят по одному лишь внешнему виду. К несчастью, обычно этим отличается наибольшее число людей и, в какой-то степени, народная молва».

Мы мало что можем добавить к этим последним, столь мудрым словам. Ла Саль не сумел заставить людей простить ему его первый успех. Добавим только несколько обстоятельств его второй, неудачной экспедиции. Можно сказать, что он умер жертвой ревности и злой воли кавалера де Божс. Из-за такой вот мелочи мы не смогли основать в Америке достаточно сильную колонию, которая оказалась бы по происшествии известного времени в состоянии бороться против английских поселений.

(В конце XVII в. в устье Миссисипи все же была основана французская колония. Но этот поселок служил главным образом складочным пунктом для торговцев мехами и в конце концов совсем захирел. В 1718 г. в дельте Миссисипи возник город Новый Орлеан, в котором в середине XVIII в. насчитывалось всего лишь несколько сот жителей. Французская колонизация этого края связана была с такими непреодолимыми трудностями, что в 1803 г. Новый Орлеан вместе со всей Луизианой был продан правительству Соединенных Штатов, и, таким образом, Франция окончательно рассталась со своими владениями, которые были приобретены благодаря энергии Ла Салю.)*

Гораздо успешнее продвигалась колонизация Северной Америки англичанами. Когда и как были основаны английские коло-

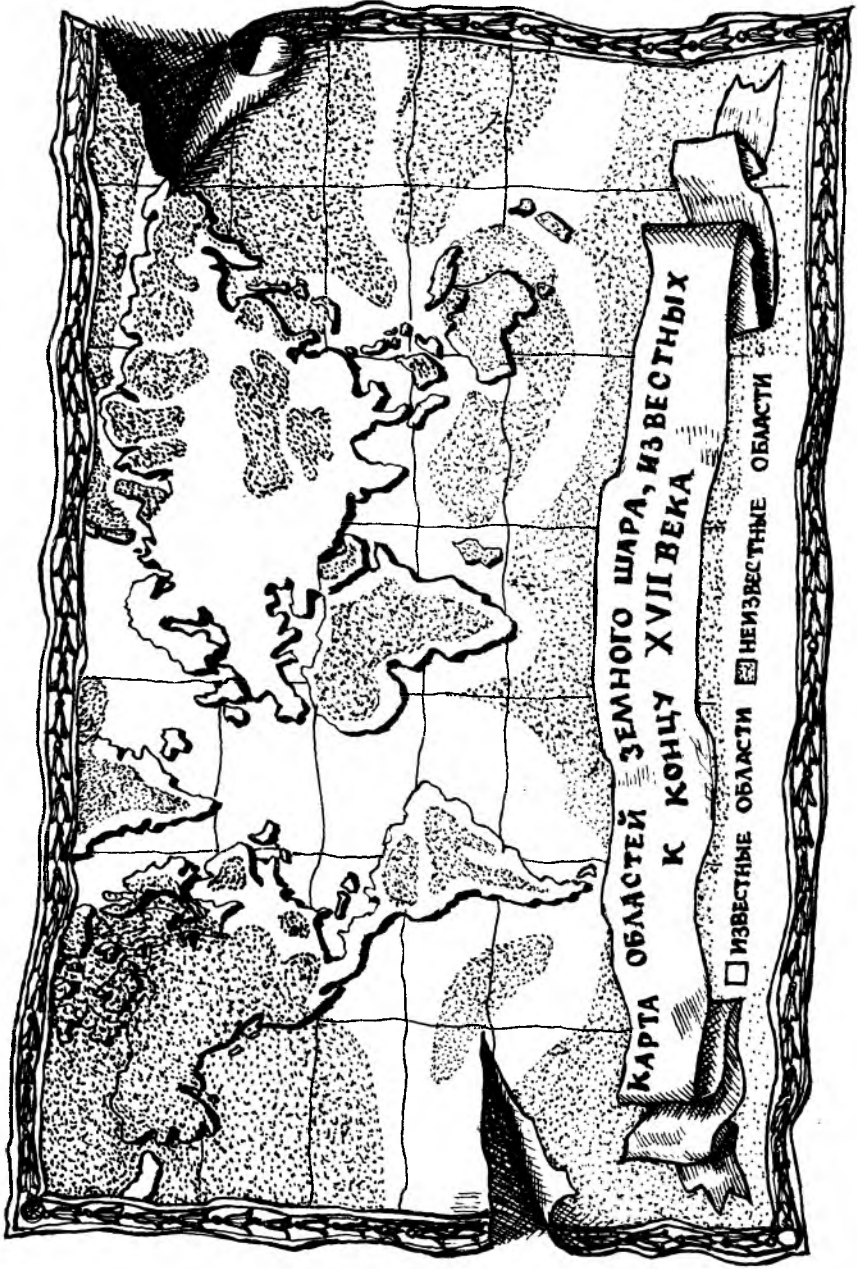
нии, мы уже говорили выше. Притоку английских эмигрантов в Америку немало способствовали религиозные гонения и революционные события 1648 и 1688 гг. Вскоре обширные леса, покрывавшие девственные земли Виргинии, Пенсильвании, Каролины, пали под топором скваттера¹ и почва на большом пространстве была распахана. В то же время охотники и разведчики углублялись в леса и прерии, все дальше и дальше оттесняя индейцев и подготавливая новые места для поселений.

В то время как между французами, англичанами и голландцами шла борьба за Североамериканский материк, испанцы почти без соперников завладели всей Центральной и Южной Америкой, за исключением Бразилии, где укрепились португальцы. Но далекие от того, чтобы добывать свое благосостояние упорным трудом, как это делали английские скваттеры, испанцы заставили работать на себя индейцев, превратив их в настоящих рабов. Вместо того чтобы развивать земледелие и культивировать полевые растения в соответствии с климатическими условиями завоеванных стран, испанцы занимались главным образом поисками и эксплуатацией месторождений благородных металлов. Если страна может подобным образом быстро достичь неимоверного богатства, то этот полностью искусственный режим долго не проживет. С истощением рудников пропадает и богатство, а восстановить его будет нечем. Испанцы дали тому печальное доказательство.

Итак, к концу XVII в. большая часть Нового Света была уже известна европейцам. В Северной Америке Канада, берега Атлантического океана и Мексиканского залива, долина Миссисипи, Калифорния и Мексика были исследованы и колонизованы. Вся центральная часть континента была подчинена, хотя бы номинально, испанцам. В Южной Америке саванны и леса Бразилии, пампасы Аргентины и внутренние области Патагонии скрывались еще от взоров исследователей. Они были открыты и изучены значительно позднее.

В Африке длинная береговая полоса, тянущаяся вдоль Атлантического и Индийского океанов, была тщательно изучена и исследована португальскими мореплавателями, но внутренние области были еще совершенно неизвестны. Лишь в некоторых местах поселенцы и миссионеры делали робкие попытки проникнуть

¹ Скваттер — колонист, по собственному почину занимавший свободный участок земли в Канаде или в США.

КАРТА ОБЛАСТЕЙ ЗЕМНОГО ШАРА, ИЗВЕСТНЫХ
К КОНЦУ XVII ВЕКА

□ ИЗВЕСТНЫЕ ОБЛАСТИ ▣ НЕИЗВЕСТНЫЕ ОБЛАСТИ

в тайну этого обширного материка. Сенегал, Конго, долина Нила и Абиссиния — вот, пожалуй, и все, что было известно в XVII в., да и то не слишком подробно, о внутренних областях Африки.

Хотя многие страны Азии, пройденные путешественниками в средние века, больше не посещались европейцами, все же европейским исследователям удалось изучить Индию, Китай и даже Японию — эту таинственную «страну Сипанго», представлявшую такой лакомый кусок для жадных завоевателей. Но Сибирь и северо-восточный край Азии все еще ускользали от взоров исследователей, и в XVII в. еще не было известно, соединяется ли Америка с Азией или отделена от нее проливом¹.

В Океании не были еще открыты многочисленные архипелаги, острова и уединенные атоллы. В этот период были колонизованы Зондские острова, частично исследованы берега Австралии и Новой Зеландии, и географы начали уже сомневаться в существовании пресловутого «Южного материка», который, по мнению Тасмана, должен был простирается между Огненной Землей и Новой Зеландией.

В конце XVII в. географическая наука переживала период коренного преобразования. Великие открытия в области астрономии немедленно сказывались и на состоянии географии. Фернель² и в особенности Пикар³ своими работами по определению величины земного градуса между Парижем и Амьеном доказали, что Земля не шар, а сфероид, то есть шар, приплюснутый у полюсов и выпуклый у экватора. Это помогло установить одновременно и форму и размеры нашей планеты. Исследования в этой области, продолженные Кассини⁴, были завершены к началу следующего

¹ Это утверждение не соответствует действительности. В XVII столетии простые русские люди открыли и присоединили к владениям России всю Сибирь от Уральских гор до побережья Тихого океана, а казак Семен Дежнев, выйдя из устья реки Колымы в Северный Ледовитый океан, морем обогнул полуостров Чукотку и доказал, что Азия и Северная Америка разделяются морским проливом. Однако это важное открытие не стало в XVII в. достоянием науки, и только в XVIII в., после плавания Беринга, этот вопрос признали решенным.

² Фернель Жан (1497 — 1558) — французский математик, астроном и врач. Произвел в окрестностях Парижа измерение градуса меридиана. Расстояние он измерял числом оборотов колеса кареты, в которой ехал от Парижа к Амьену.

³ Пикар Жан (1620 — 1682) — французский академик, астроном. В 1669 — 1670 гг. по поручению Французской академии наук измерял дугу меридиана между Парижем и Амьеном точными научными методами.

⁴ Кассини, (1625 — 1712) — итальянец по происхождению, астроном, член Парижской академии наук. Был директором Парижской обсерватории. Организовал и провел многочисленные геодезические работы на территории Франции.

века. Астрономические наблюдения над спутниками Юпитера позволили уточнить на географических картах многие координаты¹.

В это же время развивалась и прогрессировала историческая география². Ее расцвету способствовала расшифровка древних надписей, и, таким образом, археологии суждено было стать одним из полезных орудий сравнительной географии.

Словом, XVII в. можно охарактеризовать как эпоху преобразований и прогресса; он ищет и находит средства, которыми воспользуется его наследник — XVIII в. Начинается новая эпоха, накапливаются факты, развиваются знания, а вместе с ними человечеству открывается новый мир.

Конец первого тома

¹ Открытие Галилеем около 1610 г. спутников Юпитера с их сравнительно быстрым вращением вокруг планеты позволило ученому использовать затмения этих спутников для определения долгот. Но фактически это стало возможным лишь к концу XVII столетия, когда Пикар в 1667 г. применил зрительную трубу с сеткой нитей в окуляре для наблюдений небесных тел.

² Историческая география — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая экономическую и политическую географию прошлого. Для географов она важна тем, что облегчает реконструкцию ландшафтов прошлого.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЖЮЛЬ ВЕРН – ИСТОРИК ГЕОГРАФИИ

Всякий, кто даже немного знаком с творчеством Жюль Верна, не говоря уже о преданных поклонниках, согласится, что география занимает исключительное место в его произведениях. Популярный писатель смело вводил в художественный текст разнообразнейшие страноведческие сведения, органически связывая их с сюжетной канвой и ненавязчиво рассказывая читателю (по преимуществу – молодому) об удивительно разнообразном растительном и животном мире Земли, о населяющих далекие страны народах и племенах, об их обычаях и привычках, верованиях и занятиях, сообщая не только современное экономическое положение того или иного государства, того или иного региона, но и давая качественный прогноз его хозяйственного развития, в особенности – различных отраслей добывающей промышленности. Именно обильной географической «начинкой» литературные творения Верна выгодно отличались от романов его конкурентов: Гюстава Эмара, Луи Жаколио или Луи Буссенара. Многие произведения признанного лидера тогдашней приключенческой литературы – «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Завещание чудака», «Паровой дом», «Клодиус Бомбарнак» и некоторые другие – можно рассматривать как своеобразные путеводители, как приглашение предприимчивым людям испытать собственные силы в увлекательных странствиях. И по стопам героев романа «Вокруг света в восемьдесят дней» не раз совершались реальные путешествия, причем эти невыдуманные чудачки соревновались с верновским персонажем, пытаясь обогнать... Филеаса Фогга, то есть, в сущности, отваживались превзойти вымысел.

Но география была нужна популярному романисту не только для занимательного литературного сюжета. Эту науку Ж. Верн полюбил еще в детстве: среди его любимых книг большое место

занимали книги о путешествиях. Да это и не должно удивлять, потому что будущий писатель родился в Нанте, одном из оживленнейших французских морских портов, откуда эlegantные парусники разбегались во все концы света. Позднее, обучаясь юриспруденции в Париже, нантский провинциал заводит знакомства с учеными и путешественниками, посещает популярные лекции и научные диспуты, начинает составлять свою знаменитую картотеку с выписками по различным отраслям знаний. (К концу жизни этот систематизированный свод, видимо, крупнейший из находившихся в распоряжении неспециалиста, насчитывал свыше двадцати тысяч тетрадок.) География в картотеке занимала самое видное место. И конечно, не случайно. Именно в середине XIX века инициативные и честолюбивые люди из разных стран предпринимают решающий штурм последних уцелевших от вторжения европейской цивилизации уголков планеты: внутренних районов Африки и Австралии, Центральной Азии, приполярных областей. Некоторые из них только прокладывали дорогу последующим военным экспедициям. Отчеты о скитаниях и злоключениях как бескорыстных и преданных науке людей, так и чистой воды авантюристов заполняли страницы периодических изданий. Отдельные особенно громкие истории (преимущественно трагического характера, — например, судьба пропавшего британского полярного исследователя Джона Франклина) вызывали шумный отклик в уютном мирке обитателей благоустроенных европейских и североамериканских городов. Естественно, что географией интересовался почти каждый более или менее любознательный человек. У Жюлья, еще в детстве мечтавшего о далеких путешествиях, к тривиальной любознательности примешивался личный мотив: младший брат Поль стал профессиональным моряком. Похоже, именно это обстоятельство решающим образом повлияло на выбор молодым литератором направления своего творчества — приключенческо-географического романа. По собственному признанию Верна, он поставил себе целью описать весь мир в романах задуманной серии «Необыкновенные путешествия». Как ни грандиозна была такая единственная в своем роде задача, творческие планы малоизвестного автора шли еще дальше. Одновременно с многотомным литературным циклом он брался создать сутобо серьезное, фактографическое сочинение — серию книг под общим названием «Всемирная история географических открытий». Именно об этом сообщалось 20 марта 1864 года в первом

выпуске журнала «Магазэн д'эдюкасьон...», том самом, где началась публикация романа «Пять недель на воздушном шаре», первого громкого успеха молодого Верна.

Возможно, вскоре бы Жюль выпустил и том, открывающий историческую серию, но ему помешало неожиданное предложение издателя П.-Ж. Этцеля закончить труд, начатый профессиональным географом Теофилом Лавалле. Речь идет о работе над «Иллюстрированной географией Франции и ее колоний», прерванной смертью ученого.

Разумеется, от Лавалле осталось много материалов, остались черновые наброски, но человек, не имеющий необходимых навыков работы с источниками, плохо разбирающийся в сути полученного задания, чуждый строгому языку науки, скорее всего растерялся бы. А Верн не только согласился с этцелевским предложением, но и сам убеждал издателя в необходимости исполнения работы на самом высоком уровне. Именно писателю принадлежит идея о целесообразности использования данных «самого последнего часа». С этой целью Жюль каждую неделю сверял данные по двум департаментам, причем не раз ему приходилось отпраиваться за дополнительными сведениями то в один, то в другой конец страны. Не случайно летом 1866 года в письме к издателю литератор с гордостью сообщает, что стал настоящим ученым-географом¹.

Задуманный Этцелем географический справочник представлял читателю распределенные по департаментам самые разнообразные сведения по физической и экономической географии. Типовое описание каждого административного подразделения метрополии или ее заморских территорий начиналось с географического положения, потом давалась климатическая характеристика, рассказывалось о почвах, растительности, реках и разведанных полезных ископаемых — одним словом, о естественных ресурсах. Потом следовали материалы о распределении населения, характеризовались промышленность, сельское хозяйство, транспорт. И наконец, перечислялись основные природные или историко-культурные достопримечательности. Таким образом, каждый раздел справочника давал законченное комплексное описание территории, что для середины XIX века было далеко не обязательной нормой страноведческих изданий. Такая целостность изложения позволяет исследователям называть верновскую географию Франции «географическим романом».

¹ Жюль-Верн Жан. Жюль Верн. М., 1978. С. 170.

До конца лета 1866 года в Шантене и Кротуа автор напряженно работает над текстом книги. Существенную помощь ему оказывала Онорина Верн, взявшая на себя тяжелый и неблагодарный труд по переписке текста. «Несчастливая! — признавался писатель Этцелю. — Я заставляю ее переписывать по восемьсот строк в день»¹. В августе 1866 года Жюль сдает 40-й выпуск географического словаря, «чертовски длинного», по его собственным словам, через месяц — 55-й, а всю сотню выпусков осиливает к началу 1867 года. В октябре того же года Этцель выпускает первый том долгожданной книги, а в июне 1868-го — второй².

Выход в свет «Географии Франции» был высоко оценен в научной среде. У писателя, еще не ставшего литературным мэтром, появилась репутация серьезного ученого. Ж. Верн завязал многочисленные знакомства в географических кругах. Для нас сейчас важно упомянуть о двух видных французских географах — новых знакомых тридцатилетнего литератора. Один из них, Эдуар Шартон (1807 — 1890), издавал журнал «Вокруг света», на страницах которого публиковались и отчеты об экспедициях, и обзорные материалы, и статьи по частным географическим вопросам. Здесь систематически появлялись и работы по истории географических открытий. Шартоновский журнал в немалой степени способствовал пробуждению во Франции интереса к географии и географическим исследованиям. Верн был постоянным и внимательнейшим читателем этого популярного издания. Кроме того, «превосходная и полезная» книга Э. Шартона «Старинные и современные путешественники» (1854 — 1857) стала настольной книгой Ж. Верна. Именно из нее он брал вначале документальные свидетельства и фактический материал, о чем без утайки говорит в предисловии к «Открытию Земли». Позднее, когда писатель пригласил к сотрудничеству профессионального географа Габриеля Марсея, обладавшего помимо научной подготовки обширными лингвистическими познаниями, материалы об иностранных путешественниках были тщательно сверены с историческими трудами зарубежных ученых. На страницах верновской «Истории» читатель не раз встретится с авторскими ссылками на предшественников.

Другим знакомцем Жюля из круга парижских ученых стал Вивьен де Сен-Мартен (1802 — 1897), выпускавший в 1863 — 1876

¹ Жюль-Верн Жан. Жюль Верн. М., 1978. С. 170.

² В конце 1876 года было выпущено второе, пересмотренное и дополненное, издание «Географии Франции».

годах географический ежегодник, страницы которого были отданы описанию путешествий в различные уголки планеты и обзорам географической литературы. Такого рода издание оказалось крайне полезным Верну. Кроме того, В. де Сен-Мартен в 1873 году выпустил весьма значительный для своего времени труд — «Историю географических открытий» с подробнейшим атласом. Книга эта активно использовалась писателем как в работе над «Необыкновенными путешествиями», так и в собственных историко-географических изысканиях. (Здесь нелишне будет напомнить, что именно по предложению Сен-Мартена Жюль Верн был избран членом французского Географического общества.)

Не стоит думать, что интерес к истории географических открытий возник во Франции только в середине XIX века. Еще столетием раньше появились многотомные «всеобщие истории путешествий» аббата Прево и Лагарпа. Но эти пропылившиеся фолианты морально устарели, да и не были доступны массовому (особенно — провинциальному) читателю. Перед Верном стояла проблема отбора материала, его перепроверки, обработки, а также поиска общей концепции книги.

И здесь приходится сказать, что молодой автор не был оригинален. Он следовал безраздельно господствовавшей в ту пору в науке европоцентристской концепции, согласно которой «открытие» Земли понималось исключительно как распространение белой расы по планете. А чаще даже еще более узко: как продвижение по земному шару христианской религии (хотя в последнем случае европейская наука в определенной степени признавала достижения античных географов и считалась кое с кем из арабских путешественников).

Например, Ж. Верн ничего не говорит о древнеегипетских путешественниках. Между тем подданные фараонов по меньшей мере с середины III тысячелетия до н. э. освоили речной путь по Нилу от дельты до Первого порога¹. Правда, египтяне преследовали в своих плаваниях сугубо практическую цель: доставку строительного камня, но ведь месторождения этого сырья надо было сначала разведать! В том же III тысячелетии до н. э. нильские судоводители выходят на просторы Средиземного моря, совершая регулярные рейсы к ливанскому побережью, откуда в безлесное египетское царство ввозилась ценная древесина. Кстати, фараонов можно счи-

¹ О транспортировке по Нилу в XVI веке до н. э. целого каменного здания сообщает Геродот, один из источников Верна.

тать родоначальниками поисково-разведочных работ в их современном понимании. Речь здесь идет не только о строительных материалах. Не раз в истории принильского государства его владыки пытались прорыть каналы, чтобы соединить дельту великой африканской реки с побережьем Красного моря. Подобным работам должна была предшествовать географическая рекогносцировка. В результате поисковых экспедиций и происходило подлинное открытие нашей планеты. Но такие исследовательские маршруты, принося огромную практическую пользу, далеко не всегда сопровождаются захватывающими приключениями, да и убедительных материалов о них очень мало. Не потому ли составители всевозможных историй географических открытий почти не упоминали о скромных исследователях былых времен. Ж. Верну тоже было не до них — он прежде всего интересовался «великими» открытиями.

Об одном из таких великих путешествий глубокой древности европейцы узнали уже на следующий год после выхода заключительного тома верновской «Истории»: в 1881 году французский археолог Г. Масперо открыл на стенах заупокойного храма царицы Хатшепсут (XVI в. до н. э.) росписи, рассказывающие о морской экспедиции в далекую страну Пунт (которую современные ученые помещают в различных местах восточноафриканского побережья). Но писатель, отличавшийся титанической работоспособностью по сбору информации о всевозможных новостях науки и техники, почему-то проигнорировал эти сведения.

Впрочем, как показали дальнейшие исследования, экспедиция, отправленная Хатшепсут, была не единственной и не самой ранней. Например, во времена V династии египтяне регулярно ходили за золотом, редкими породами дерева и благовониями в Пунт. Кормчий Хнумхотп (VI династия, конец XXIV — середина XXIII в. до н. э.), как об этом рассказано в надписи на стенах его гробницы, побывал в этой далекой стране свыше десяти раз¹. Плавали древние египтяне и вокруг Аравийского полуострова, к побережью современного Омана.

Совсем мало места уделяет Верн и прославленным финикийским мореходам, первыми среди средиземноморских народов миновавшими Гибралтар и вышедшими на океанские просторы. На рубеже I тысячелетия до н. э. были заложены в Испании города Гадес (современный Кадикс) и Тартесс, торговые колонии финикийцев; чуть позже ближневосточные мореплаватели стали

¹ Снисаренко А. Б. Властители античных морей. М., 1986. С. 17.

осваивать атлантическое побережье Северо-Западной Африки, основав города Тингис и Ликс¹. Финикийцы, осевшие в Испании, доходили на своих кораблях до Гвинейского залива.

Но самым важным достижением финикийских мореходов считается плавание вокруг Африки, совершенное по повелению египетского фараона Нехо II около 600 года до н. э., о чем сохранилось свидетельство Геродота, слышавшего рассказ об этом исключительном плавании из уст египтян. К сожалению, детали столь замечательного плавания не дошли до наших дней. По сравнению с ним плавание карфагенянина Ганнона, упоминаемое Ж. Верном и состоявшееся около 475 года до н. э. (по другим определениям — около 525 года), выглядит куда менее грандиозным. Впрочем, последнее путешествие имело не столько исследовательские, сколько сугубо практические цели: перехватить у испано-финикийских купцов торговлю с Африкой. Точно так же экспедиция Гимилькона, отправленная карфагенянами на полвека раньше к Оловянным островам (так назывался Британский архипелаг), предназначалась для перехвата атлантической торговли у осевших в Испании финикийцев².

Нам гораздо интереснее другое обстоятельство. Римский писатель Руф Фест Авиен сообщал, что Гимилькон достиг в океане района, где «нет никаких течений, чтобы гнать корабль; ленивая поверхность таких вод лежит неподвижно... среди пучин растет много водорослей». Трудно удержаться от сравнения этой акватории с Саргассовым морем, что, впрочем, и сделал еще в середине XIX века выдающийся представитель географической науки Карл Риттер.

Несомненно, Ганнону в истории (в том числе и верновской) повезло больше других только потому, что было сделано подробное описание его плавания. «Перипл Ганнона» в IV веке до н. э. перевели на греческий язык. Эта греческая запись плавания карфагенского моряка дошла до наших дней, хотя и в неполном виде.

«Обиженными» Ж. Верном оказались не только древние землепроходцы.

Плохое знакомство европейских историков с арабскими источниками фактически поставило вне науки открытия блестящих мусульманских географов, многие из которых провели долгие годы в странствиях как по миру ислама, так и за его пределами. Верн упоминает только Ибн-Баттуту, да еще Сулеймана из Басры, лич-

¹ Ц и р к и н Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976. С. 56 — 57.

² Там же. С. 56 и 59.

ность далеко не самую выдающуюся. Странное дело! Еще в начале XVIII века появился французский перевод «Тысячи и одной ночи», где видное место занимает чудеснейшее сказание о Синдбаде-Мореходе. Но даже этот факт не натолкнул писателя с недюжинной фантазией на размышления об истинной роли арабов в освоении водных путей планеты. Арабские навигаторы изучили не только Персидский залив, Красное и Аравийское моря — они плавали далеко на юг вдоль восточного побережья Африки, избородили всю северную часть Индийского океана, совершая на парусниках смелые рейсы в Индию и Малакку, в индонезийские и филиппинские моря. У Ж. Верна мы не раз сталкиваемся с упоминанием об арабских мореходах, но... только между прочим, в рассказах о деяниях завоевателей-европейцев. А ведь арабы составили подробную лоцию освоенных акваторий Индийского океана; выявленные ими закономерности в режиме ветров и океанических течений активно использовались европейскими мореплавателями. Достаточно упомянуть Ахмеда ибн Маджида, лоцмана Васко да Гамы, проводшего португальскую экспедицию кратчайшим и наиболее безопасным путем от берегов Африки к побережью Индостана¹.

Еще значительнее роль арабских путешественников в освоении Африки. Они преодолели пески и каменистые россыпи Сахары, прошли саванны Сахеля за добрую тысячу лет до европейцев. Более того, отдельные, отрывочные сведения о дальних странах были собраны, классифицированы и распределены в сводных трудах и справочниках. В сущности, все европейцы, путешествовавшие по внутренним областям севера и северо-востока Черного континента в XVIII — XIX веках, шли по стопам арабов. Африка южнее Сахары также была объектом постоянного внимания мусульманских правителей и купцов. При дворах исламских владык и в университетских центрах тщательно собирались самые различные сведения о природных богатствах Экваториальной Африки, о населяющих ее народах и племенах, их нравах и обычаях, хозяйстве и торговле. Сведения эти приносили с собой караванщики и проповедники ислама, работорговцы и моряки. Так что мусульманский мир был куда лучше осведомлен о внутренних районах Африки (да и Азии тоже), чем кичившиеся своей образованностью европейцы. Без учета работ арабских географов просто немыслимо говорить об открытии Земли.

¹ Сочинение этого замечательного мореплавателя под названием «Книга пользы об основах и правилах морской науки» вышла в русском переводе в 1985 году.

Впрочем, такие же слова можно повторить относительно многих других народов.

Вот, например, древние обитатели Индостана. Судя по наскальным надписям знаменитого царя Ашоки (середина III века до н. э.), этот величайший из правителей Древней Индии посылал миссионеров в Сирию, Египет, Киренаику, Ливию, Грецию. Индийские купцы были частыми гостями средиземноморских стран. И не только купцы: в античном Риме жили индийские прорицатели, фокусники, наложницы. До Вечного города добирались со своим живым товаром погонщики слонов. Индийские торговцы доплывали по морю до Вавилона, Бирмы, Малайи, Китая, заходили на Шри-Ланку, в Индонезию¹. Индийский математик Брахмагупта (VII век н. э.) с удовлетворительной точностью вычислил окружность Земли, определив ее в 36 тысяч километров². Буддийские миссионеры открыли истоки великих водных артерий субконтинента — Ганга, Брахмапутры, Сатледжа³, освоили долины Тибета и лесные дебри Индокитая.

А разве позволительно умолчать о выдающемся достижении жителей Зондских островов, предков современных индонезийцев, которые на своих утлых суденьшках еще в X веке до н. э. выходили в беспокойные просторы Индийского океана⁴, пересекали его из конца в конец, открыли и в значительной мере заселили огромный остров Мадагаскар, став ядром нынешней мальгашской нации?

Еще в большей степени заданный выше вопрос относится к полинезийцам, «викингам Восхода», как назвал их замечательный исследователь истории и культуры Океании Те Ранги Хироа (П. Бак). У жителей больших и маленьких затерянных в Тихом океане островов сохранились легенды о героях-мореплавателях Мауи, Нуку, Атиу-Мури, Купе и многих-многих других. Самое, пожалуй, замечательное путешествие совершил рыбак Купе, житель острова Гавайки, пустившийся в погоню за вожаком стаи кальмаров, похищавших его ежедневный улов рыбы. Рыбак добрался до обширной незнакомой земли, которую назвал красивым поэтичным именем Ао-Теа-Роа («Длинное Белое Облако») — так еще и сегодня зовут свою страну маори, коренные жители Новой Зеландии. Современные исследователи полагают, что в легенде о Купе отразились со-

¹ Б э ш е м А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 245.

² Там же. С. 513 — 514.

³ Важнейший из притоков великой индийской реки Инд.

⁴ Индийский океан. Ленинград, 1982. С. 164 (из серии «География мирового океана»).

бытия тысячелетней давности, когда Полинезию захватила первая волна мигрантов. Предания об этих первых поселенцах, представителях карликовой группы манахуне (или менехуне), сохранились и на Гавайях, и на Самоа, и на островах Общества, то есть во всех концах островного полинезийского мира. Позднее, в XIII – XIV веках, на острова переселились предки современных жителей. Их каноэ с балансиром принципиально не отличались от парусно-гребных судов предшественников, сходной была и навигационная практика: ориентировка главным образом по солнцу и звездам. Далеко не все отважные мореходы остались в памяти потомков, но маорийские легенды, например, сохранили нам имена командиров первых каноэ, подошедших в середине XIV века к новозеландским берегам: Хотуроа, Тама-ге-капуа, Тури, Тороа...

Отсутствие в работах Жюль Верна данных о полинезийских мореплавателях тем более удивительно, что именно в 70-е годы – время работы писателя над «Историей» – во Франции взошла звезда другого автора приключенческих и географических книг – Луи Жаколио, бывшего колониального чиновника, взявшегося за перо после ухода со службы. В одной из своих книг («Питкернское преступление»), вспоминая работу в Океании, он рассказал и о мореходном искусстве смуглокожих лоцманов. В той же книге приводятся подробные сведения о полинезийских богах и героях. Непонятно, почему Жюль Верн оставил без внимания такие ценные сведения.

Мало внимания писатель уделяет и китайским путешественникам. А ведь жители Среднего государства, самого населенного района планеты, не сидели спокойно за Великой стеной. Одно изобретение компаса чего стоит! Первый прибор такого рода появился в III веке до н. э. Только через полторы тысячи лет с лишним знакомство с компасом позволило европейским мореходам начать эпоху Великих географических открытий.

Китайские джонки избороздили всю западную окраину Тихого океана – от Японии до Малайского архипелага; а позднее они вышли и в Индийский океан. На одной из китайских навигационных карт, составленной в 1421 году по европейскому летосчислению, довольно точно показан обширный регион от Персидского залива и побережья Восточной Африки до далекой Страны Восходящего Солнца, как привыкли называть свою родину японцы; нанесены глубины и данные по навигационной обстановке, указаны расстояния между важнейшими портами.

Не менее активны китайцы были и на суше. Еще в середине II века до н. э. Чжан Цянь, агент императора Уди, дважды посетил земли за рубежами Ханьской империи — заселенный кочевниками таинственный Западный край, куда вскоре вторглись имперские войска. Распространение буддизма способствовало установлению устойчивых связей Срединного государства с Индией и Индокитаем. Среди наиболее известных путешественников в эти края выделяются Хуай Шень (VI в. н. э.), Сюань Цзан (629 — 645) и Цзин (689 — 695).

Существовали и обратные связи. Так, в I веке н. э., по свидетельству Клавдия Птолея, Псевдоарриана и других античных писателей, римские торговые агенты неоднократно проникали в Восточный Туркестан, смежный с Ханьским государством¹.

Разумеется, можно возразить, что в соответствии с названием своего труда — «История великих путешествий и великих путешественников» — автор вправе «не замечать» ни плаваний, ни сухопутных экспедиций, о которых не сохранилось достаточно документальных материалов. Можно поддержать литератора в его стремлении представить читателю-непрофессионалу прежде всего самые яркие, самые эффектные и, разумеется, самые знаменитые странствия. Можно согласиться с писателем, решившим ради занимательности, например, пожертвовать рассказом о второстепенных путешествиях, со скучным перечислением преодоленных географических пунктов.

Но, думается, дело здесь в другом. Как уже отмечалось, верновская «История», подобно многим, составленным и изданным европейцами, рассказывает, в сущности, лишь о распространении белой расы по земному шару. В самом деле, в объемистом первом томе нашлось место лишь для одного небелого путешественника — китаецца Фа Сяня.

Жюль Верн уделяет немало внимания странствию Вениамина Тудельского, вся заслуга которого перед потомками сводится к перечислению живых иудеев и памятников иудейской культуры в том или ином европейском или ближневосточном городе, тогда как гораздо более интересное путешествие по Османской империи Эвлии Челеби, оставившего весьма обширные и обстоятельные записки, остается вне авторского внимания.

Оригинальное издание «Истории» было снабжено несколькими картами мира, где показывалось распределение по планете

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье М, 1988 С 207

«известных и неизвестных» земель, при этом в пределы «неизвестных» попадали области блестящих кочевых культур евразийской Великой степи (и даже те края, по которым проходил оживленный Великий шелковый путь!), негритянские царства Экваториальной Африки, могущественные империи инков и ацтеков, города-государства майя, не говоря уже о менее крупных этнокультурных образованиях или «первобытных» культурах, загадки которых, к слову сказать, остаются во многом неразгаданными и в наши дни.

Но обвинять Жюль Верна в игнорировании «желтых», «черных» и «красных» цивилизаций, конечно, нельзя. Просто время преодолеть господствовавший тогда стереотип еще не пришло. Настоящее открытие Земли (точнее — ее повторное, а еще точнее — третье открытие) началось только в XX веке, когда соединение архивных изысканий и полевых археологических исследований (включая современные способы определения возраста находок) дало в руки историков, в частности историков науки, могучее средство проникновения в глубь веков. Воссозданию значительно более полной картины освоения Земли в немалой степени способствовало обнаружение и прочтение текстов на неизвестных или неразгаданных в XIX веке языках.

Если бы Жюль Верн знал то, что знаем мы, он наверняка многое изменил бы в «Истории», но многое бы и оставил, и прежде всего поразительную живость изложения. В оригинале даже заимствования из дневников и отчетов путешественников органически входят в авторский текст, чего не всегда, к сожалению, удавалось добиться переводчикам. В рассказе о том или ином путешествии Верн стремится отыскать ключевые моменты, именно на них обращая внимание читателей. Когда речь идет о таких крупных фигурах, как Христофор Колумб, ему приходится составлять полную биографию великого путешественника, отыскивая и перепроверяя многочисленные, но противоречивые исторические свидетельства... Не будем сейчас перечислять всех трудностей, с которыми столкнулся автор. Скажем лишь, что, преодолев их, он создал книгу увлекательную, легко читаемую, не требующую никакой предварительной подготовки, а вместе с тем — строго обоснованную историческими фактами.

Хотя «История великих путешествий» написана в основном в соответствии с хронологией (что вполне естественно для подобного рода работы), но все-таки в ней заметна и определенная классифи-

кация материала. Путешествия древности выглядят либо чисто случайными, либо совершенными из простого любопытства, хотя и обусловленного в какой-то мере коммерческой выгодой. На смену им приходят религиозные паломничества средневековья. С началом Возрождения, и даже в преддверии его, в далекие странствия начинают пускаться либо с чисто коммерческими целями, либо с дипломатическими, но тесно переплетенными с той же коммерцией. Великие географические открытия вызывались к жизни не только техническим прогрессом и поисками новых торговых путей, но и настоятельной необходимостью отыскания новых земель, пригодных для заселения. Эта последняя задача была осознана уже в ходе географической экспансии европейцев. Поэтому не случайно автор, прерывая поступательный бег легкокрылых парусников по просторам океанов, останавливается на вещах, вроде бы не имеющих прямого отношения к открытию Земли: покорение пришельцами туземных племен и народов, захват территорий коренных жителей, убийства и ограбления аборигенов, настойчивые попытки белых конкистадоров обратить «дикарей» и «неверных» в единственно правильную религию — веру в Сына Божьего Иисуса Христа. Впрочем, в целом ряде случаев открытие территории весьма трудно отделить от покорения ее. Вспомним хотя бы рассказ о пребывании на Канарских островах отряда Жана де Бетанкура. К моменту появления французских завоевателей Канары были заселены таинственным народом гуанчей, а первое посещение этих островов человеком относится к концу I тысячелетия до н. э., когда до островов добрались карфагенские мореплаватели¹. После нескольких глав, повествующих об относительно спокойных странствиях, автор резко меняет тон изложения, и до предела драматизированное повествование становится как бы прелюдией к главной теме первого тома (а ее можно распространить на всю верховскую «Историю») — кровопролитному столкновению взаимно чуждых цивилизаций, столкновению антагонистических культур.

В целом ряде случаев хронологическая последовательность нарушается. Но эти нарушения почти не сказываются на цельности общей картины географических исследований в планетарном масштабе. Лишь рассказ о географических открытиях викингов переносится в конец тома, туда, где повествуется об исследованиях полярных областей. Но ведь викинги плавали не только

¹ Подробнее см., например: Непомнящий Н. Н. Колесницы в пустыне. М., 1981; или: Непомнящий Н. Н. Последние из атлантов. М., 1992.

в арктических водах. Они хорошо освоили и Средиземное море, такое знакомое автору книги (на гонорар, полученный за «Географию Франции», он купил яхту «Сен-Мишель» и совершал непродолжительные плавания вдоль берегов старушки Европы,) а главное — добрались до далекой благодатной страны, названной Винландом. И находилась она, эта Виноградная страна, на побережье Северной Америки! Таким образом, викинги открыли для себя Новый Свет на полтысячелетия раньше испанцев. Помещение главы об этих поразительных странствиях перед рассказом об историческом плавании Колумба уменьшало драматический накал повествования о великом испанце и, значит, снижало читательский интерес к сути изложения. Верн, как опытный драматург (а мы знаем, что несколько его театральных произведений имели успех у взыскательной парижской публики), просто не мог допустить такого и поэтому перенес главу о походах викингов ближе к концу тома. Видимо, по той же причине он и не упомянул о плавании средневекового ирландского монаха Брендана к американскому берегу. (Правда, во времена Верна этот мореходный подвиг относили к разряду грубых вымыслов, и лишь в наши дни плавание Тима Северина доказало принципиальную возможность подобного путешествия, заставив поверить в вероятность древнего предания.)¹ Такая позиция автора объяснима: ни походы викингов, ни тем более мьгтарства Брендана не имели для европейского мира такого судьбоносного значения, как первое плавание Колумба.

Русский читатель мог бы иметь свои претензии к Верну: автор «Истории великих путешествий» очень мало внимания уделяет России, ее мореходам и землепроходцам. Трудно полагать, что автор сознательно обидел великую страну, к которой проявлял искренний и неподдельный интерес, в будущее которой верил и которую во многих отношениях ставил в пример Европе. Русская тема постоянно присутствовала в его творчестве, причем Жюль Верн неизменно обнаруживал блестящие познания в российской географии. Однако в данном случае он просто не нашел достоверного материала. Что тут греха таить! Наши предки не слишком заботливо хранили память о деяниях пращуров. Чего же можно было ожидать от иностранцев?.. Хотя, если говорить честно, знай Г. Марсель русский язык и русскую географическую литературу, в верновской «Истории» наши отечественные путешественники заняли бы куда более достойное место. До некото-

¹ Северин Т. Путешествие на «Брендане». М., 1983.

рой степени этот недостаток автор восполняет во втором и особенно в третьем томах.

«Открытие Земли» было издано Этцелем в 1870 году. А потом работа над историко-географическим произведением надолго прервалась. Автор набирал материал для последующих томов, одновременно исправляя и дополняя с помощью Габриеля Марселя выпущенный том. Переработанное издание вышло (в двух частях) в октябре 1878 года под названием «История великих путешествий и великих путешественников. Открытие Земли».

В том же году был наконец-то написан и сдан Этцелю второй том — «Мореплаватели XVIII века», выпущенный также в двух частях в июне и октябре 1879 года. Наибольшее место в книге уделялось морским исследованиям, отсюда и ее название. Автор подробно описывает плавания Роггевена, Байрона, Уоллиса и Картерета, но главным героем тома делает капитана Кука, каждому из плаваний которого посвящается отдельная глава. Не забывает писатель и своих соотечественников: Бутенвиля, Кергелена, Сюрвиля, Лаперуза, Маршана, Бодена и других. Мореплаватели иных стран, в том числе русские, остаются в тени. Верн, правда, упоминает В. Беринга и А. Чирикова, но лишь в немногих строках. Григорий Шелихов и другие исследователи Аляски не упоминаются и этого. Ни словом не обмолвился писатель о Великой Северной экспедиции, беспрецедентном по размаху исследовании побережий и шельфовых морей Ледовитого океана. А из «многочисленных», как признает сам Верн, работ русских географов, посвященных изучению внутренней территории государства, упоминания заслужил только немецкий естествоиспытатель Петер Паллас! Сухопутным путешественникам вообще отведено второстепенное место, причем рассказы об их деяниях сведены в три заключительные главы: «Африка», «Азия», «Северная и Южная Америка». Зато во втором томе уделяется гораздо больше внимания научным результатам экспедиций. Что делать! Таково веяние времени: как в XVIII веке точные науки вошли в моду, так и в географических исследованиях экзотика стала уступать место точности. В частности, открывается том описанием геодезических экспедиций в Южную Америку, предметом достаточно скучным для рядового читателя, но Верну удается преодолеть эту трудность. Может быть, потому, что для него она была хорошо знакома: геодезическими измерениями буквально переполнен его роман «Приключения троих русских и троих англичан» (1872). Начиная с

издания 1886 года, второй том получил более соответствующее содержанию название — «Великие мореплаватели XVIII века».

В июне и октябре 1880 года выходят две части последнего тома верновского исследования («Путешественники XIX века»), где собраны сведения о наиболее значительных, по мнению автора, путешествиях первых сорока лет нового века. Почему Ж. Верн остановил работу именно на начале сороковых годов? Видимо, написание нового тома, равного по объему предшествующим, представлялось ему слишком ординарным и утомительным делом, тем более что все значительные исследователи привыкли выпускать подробнейшие отчеты о своих странствиях и открытиях. Собственные приключения описывали даже охотники, отправлявшиеся за тридевять земель пострелять диких зверей, хотя надо сказать, что и среди такого рода путешественников попадались люди, отнюдь не лишённые литературного дара. Разумеется, и писатели-профессионалы, если им представлялся случай отправиться в странствие, оставляли читателям память об этом событии. Вспомним хотя бы Александра Дюма-отца с его «Путевыми впечатлениями. В России» или «Путешествием на Ближний Восток». Может быть, именно эти причины и отвратили автора «Истории великих путешествий» от продолжения своего труда. Начиная с издания 1886 года его детище получило новое, общее для всех томов заглавие: «Открытие Земли». При этом для первого тома был выбран новый подзаголовок: «Первые исследователи».

Позднее отдельными изданиями не раз выходили наиболее удачные главы верновской «Истории», и, пожалуй, наиболее значимые — те, что были посвящены Х. Колумбу и Дж. Куку.

В 1881 году Этцель выпустил не вошедший в основной текст первого тома фрагмент — «Древние континенты». В 1884 и 1886 годах он же сделал попытку издать исключенные Верном отрывки в книгах под названиями «Старый Свет» и «Новый Свет», но тираж, кажется, ограничился всего несколькими пробными экземплярами.

На русский язык «Открытие Земли» впервые было переведено в 1872 году. Первый и второй тома верновского труда неоднократно переиздавались в различных переводах. Вся же работа целиком вышла в 1958 — 1961 годах в прекрасно иллюстрированном детгизовском издании.

Итак, каким же получилось выступление писателя в новой для него ипостаси? По общему мнению, он написал работу, полностью достойную предмета исследований. И при этом — ни на шаг не от-

ступил от своих литературных принципов. Написанная рукой вдохновенного мастера, «История» все же оказалась ближе к литературе, чем к науке. Основное действующее лицо этого научно-художественного произведения — увлеченный герой, точнее, плеяда как бы передающих друг другу эстафету героев, смело идущих к одной главной цели: поиску неизведанных земель, раскрьтию и освоению богатств родной планеты.

Разумеется, написанная свыше сотни лет назад «История великих путешествий» морально устарела и сегодня может служить только хорошим введением в детальное изучение предмета. Но ведь эту книгу написал Жюль Верн! И здесь можно полностью согласиться с крупнейшим в нашей стране знатоком верновского творчества Е. П. Брандисом, утверждавшим, что поклонники замечательного писателя найдут в ней «много параллелей к пестрой географической панораме», заполняющей страницы других его романов.

И в заключение — об издании, осуществленном ленинградским отделением Детгиза в конце 50-х годов и положенном в основу настоящей публикации. Тогда к работе над книгой был привлечен коллектив переводчиков во главе с Е. Брандисом. Редакция попыталась выпустить идеальное пособие для юного читателя по истории географических открытий. А для этого мало было заново перевести французский подлинник. Творческой группе пришлось провести большую дополнительную работу. Прежде всего из верновского текста удалили места малоинтересные, по мнению издателей, тогдашнему школьнику: рассказы о путешествиях паломников и истории завоевания Канарских островов. Другого рода исправления сводились к упрощению авторского языка, вычеркиванию некоторых бытовых подробностей, выбрасыванию отдельных этнографических характеристик Ж. Верна, который без особого пиетета относился к «диким» неевропейским народам, особенно в тех случаях, когда их нравы и обычаи резко расходились с привычками белого человека. Редакторы осуществили сверку (где это было возможно и необходимо) исторических и географических реалий, внося исправления в текст в случае расхождений с данными современных историков. Кроме того, было принято вполне естественное решение: там, где имелись русские переводы дневников и реляций путешественников (Рубрук, Плато Карпини, Марко Поло, Колумб и т. д.), во французский текст вставлялись

соответствующие фрагменты отечественных публикаций. Таким образом, деттизовское издание представляло собой не столько перевод текста Жюль Верна, сколько оригинальную научно-популярную работу. Подобный подход вполне объясним положением на книжном рынке тех лет: не только юные, но и взрослые читатели не имели в своем распоряжении сводной работы по истории географических открытий.

С тех пор ситуация значительно изменилась. Многократно выходили «Очерки по истории географических открытий» И. П. Магидовича (в последних изданиях — в соавторстве с В. И. Магидовичем). Издательство «Мысль» выпустило серию капитальных работ под общим названием «Открытие Земли», составленную по региональному принципу. Русский читатель смог познакомиться с интереснейшим исследованием немецкого ученого Р. Хеннига, посвященном путешественникам глубокой древности и старинным географическим легендам. Увидели свет многочисленные работы выдающихся ученых и популяризаторов науки об исследовании отдельных регионов земного шара. Поэтому надобность в переделке, в «осовременивании» Жюль Верна отпала.

В настоящем издании решено было восстановить наиболее интересные из исключенных в 50-е годы фрагментов, составивших около 6 печатных листов. Кроме того, частично устранены и мелкие неточности в текстах переводов. Однако, признавая фактическую ценность проделанной коллективом под руководством Е. Брандиса работы, редакционная коллегия «Ладомира» решила сохранить те добавления, которые помогают читателю ориентироваться в современном состоянии науки об истории географических открытий. Такие добавления отмечены. Проверен и осовременен корпус примечаний к деттизовскому изданию (они помечены цифрами и помещены после верновского текста). Постраничные примечания составлены специально для настоящего издания. Заново составлен список дополнительной литературы, в котором любознательный читатель может найти более подробные и более современные издания по интересующим его вопросам из истории географических открытий. Поскольку книга предназначена для массового читателя, список этот ограничен только отечественными изданиями. Подобную работу предполагается проделать и в отношении последующих томов верновской «Истории».

А. МОСКВИН

СПИСОК КНИГ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Общие обзоры

- Атлас истории географических открытий и исследований. Москва, ГУТК, 1959.
- Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий и исследований. М., Просвещение, т. 1, 1982; т. 2, 1983. (Существует несколько одноименных изданий «Очерков», вышедших под именем И. П. Магидовича.)
- Хенниг Р.* Неведомые земли. М., Иностранная литература, т. 1 – 4, 1961 – 1963.

2. Региональные обзоры

- Азатьян А. А., Белов М. И.* и др. История открытия и исследования советской Азии. М., Мысль, 1969.
- Бейклевс Дж.* Америка глазами первооткрывателей. М., Прогресс, 1969.
- Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. М., Наука, 1986.
- Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древних времен до середины XIX века. М., Морской транспорт, 1956.
- Белов М. И.* По следам полярных экспедиций. Л., Гидрометеоиздат, 1977.
- Бичурин Н. П.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. – Л., изд-во АН СССР, т. 1 – 3, 1950 – 1953.
- Горнунг М. Б., Липец Ю. А., Олейников И. Н.* История открытия и исследования Африки. М., Мысль, 1973.
- Гумилев Л. Н.* Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., Изд-во восточной литературы, 1960 (есть переиздания; например: М., Мысль, 1993).
- Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., Наука, 1967 (есть новые переиздания).
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., Мысль, 1993.
- Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары, т. 1. Арабские источники VII – X веков. М. – Л., Наука, 1960, т. 2. Арабские источники X – XII веков. М. – Л., Наука, 1965.
- Керали К. В.* Первый американец. Загадка индейцев доколумбовой эпохи. М., Прогресс, 1973.
- Ланге П. В.* Горизонты Южного моря. История морских открытий в Океании. М., Прогресс, 1987.
- Ланге П. В.* Континент коротких теней. История географических открытий в Африке. М., Прогресс, 1990.
- Магидович И. П.* История открытия и исследования Северной Америки. М., Географгиз, 1962.
- Магидович И. П.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., Мысль, 1965.

- Магидович И. П., Магидович В. И.* История открытия и исследования Европы. М., Мысль, 1970.
- Можейко И. В.* В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV – XX века), 2-е изд. М., Наука, 1980.
- Окладников А. П.* Открытие Сибири. М., Молодая гвардия, 1979.
- Свет Я. М.* История открытия Австралии и Океании. М., Мысль, 1966.
- Те Ранги Хиоа* (Питер Г. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., Иностранная литература, 1950; М., Географгиз, 1959.
- Хейердал Т.* Древний человек и океан. М., Мысль, 1982.
- Хейердал Т.* Экспедиция «Кон-Тики» – «Ра». М., Мысль, 1972.

3. Античная география

- Античная география. Книга для чтения. Сост. проф. М. С. Боднарский. М., Географгиз, 1953.
- Арриан.* Поход Александра. М., Миф, 1993.
- Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., изд. АН СССР, 1961.
- Васильев А. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., Наука, 1976.
- Геродот.* История в 9-ти книгах. Л., Наука, 1972; М., Ладомир, 1993.
- Гомер.* Одиссея. Перев. В. А. Жуковского. М., Гослитиздат, 1958.
- Дитмар А. Б.* География в античное время. М., Мысль, 1980.
- Жиров Н. Ф.* Атлантида. М., Мысль, 1964.
- Залесский Н. Н.* К истории этрусской колонизации Италии в VII – IV вв. до н.э. Л., изд. ЛГУ, 1965.
- Ксенофонт.* Анабасис. М. – Л., изд. АН СССР, 1951.
- Лот А.* В поисках фресок Тассили-н-Аджера. Л., Искусство, 1973.
- Павсаний.* Описание Эллады. М., Ладомир, 1995.
- Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., Наука, 1982.
- Платон.* Сочинения. М., Мысль, т. 3, ч. 1, 1971.
- Полибий.* Всеобщая история в 40 книгах. М., т. 1 – 3, 1890 – 1893.
- Резанов И. А.* Атлантида: фантазия или реальность? М., Наука, 1975.
- Страбон.* География в 17-ти книгах. М., Ладомир, 1994.
- Сьма Цянь.* Исторические записки. М., Наука, т. 1 – 2, 1972 – 1975.
- Тацит Корнелий.* Сочинения. Л., Наука, т. 1 – 2, 1969; М., Ладомир, т. 1 – 2, 1994.
- Цезарь Гай Юлий.* Записки о Галльской войне. М., изд. АН СССР, 1962; М., Ладомир – Наука, 1993.
- Шифман И. Ш.* Финикийские мореходы. М., Наука, 1962.

4. Дневники путешествий и другие аутентичные материалы

- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Большаков О. Г., Монгайт А. А.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153). М., Наука, 1971.
- Гарсиласо де ла Вега, Инка.* История государства инков. Л., Наука, 1974.

- Де-Фер Г.* Плавания Баренца. М. – Л., изд. Главсевморпути, 1976.
- Записки солдата Берналя Диаса, изд. 2-е. Л., 1928.
- Кабеса де Вака А. Н.* Кораблекрушения. М., Мысль, 1975.
- Книга Марко Поло. М., Географгиз, 1956; М., Мысль, 1965.
- Ковалевский А. Г.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков, изд. Харьковского университета, 1956.
- Ланда Диего де.* Сообщение о делах в Юкатане. М. – Л., изд. АН СССР, 1955.
- Лас Касас Б.* История Индии. Л., Наука, 1968.
- Мендес Пинто, Фернан.* Странствия. М., Художественная литература, 1972.
- Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI в. о путешествии Франсиско де Орельяны. М., Географгиз, 1963.
- Пигафетта Антонио.* Путешествие Магеллана. М., Географгиз, 1950.
- Письма Америго Веспуччи (в сборнике: «Бригантина – 71», М., Молодая гвардия, 1971).
- После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий. М., Наука, 1968.
- Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., Географгиз, 1957.
- Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы, изд. 4-е. М., Географгиз, 1961.
- Рэли У.* Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвинейской империи... М., Географгиз, 1963.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., Советская Россия, 1982.

5. Популярная литература о жизни и деятельности отдельных исследователей

- Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева. М., Мысль, 1973.
- Бизли Ч. Р.* Генрих Мореплаватель. М., Наука, 1979.
- Вассерман Я.* Золото Кахамарки (о Ф. Писарро). М., Географгиз, 1956.
- Винтер Генрих.* Суда Колумба 1492 г. Л., Судостроение, 1975.
- Дитмар А. Б.* В стране золота и янтаря (О древнегреческом географе Пифее). М., Географгиз, 1963.
- Дитмар А. Б.* Родосская параллель. Жизнь и деятельность Эратосфена. М., Мысль, 1965.
- Камбалов Н. А., Сергеев А. Д.* Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, Алтайское книжное изд-во, 1968.
- Карра де Во Б.* Арабские географы. Л., изд. ЛГУ, 1941.
- Ланге П. В.* Великий скиталец. Жизнь Христофора Колумба. М., Мысль, 1984.
- Ланге П. В.* Подобно солнцу... Жизнь Фернана Магеллана и первое кругосветное плавание. М., Прогресс, 1988.
- Малаховский К. В.* В поисках Южной Земли (Путешествия испанского мореплавателя Педро Фернандеса де Кираса). М., Наука, 1983.
- Милославский Г. В.* Ибн-Баттута. М., Мысль, 1974.
- Митчелл М. Эль-Кано.* Первый кругосветный мореплаватель. М., Мысль, 1977.
- Моут Ф.* Испытание льдом. М., Прогресс, 1966.
- Невский В. В.* Открытия Гасмана. М., Географгиз, 1961.

- Пасецкий В. М.* Первооткрыватели Новой Земли. М., Наука, 1979.
- Ревзин Г.* Колумб. М., изд. Жургазобъединение, 1937; изд. 2-е. М., Молодая гвардия, 1947.
- Сафронов Ф. Г.* Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, Хабаровское книжное изд-во, 1956.
- Свет Я. М.* В страну Офир (Об испанском мореплавателе Педро Сармиенто де Гамбоа). М., Мысль, 1967.
- Семенов А. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., Наука, 1980.
- Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, Наука, 1982.
- Сутормин А. Г.* Ермак Тимофеевич. Иркутск, Восточносибирское книжное изд-во, 1981.
- Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста. Открытие и завоевание Бразилии. М., Наука, 1970.
- Цвейг Стефан.* Америго. М., Географгиз, 1960. (Кроме того, эта и приводимые ниже повести Ст. Цвейга включались во все выходявшие у нас в стране собрания сочинений писателя, в многие сборники избранных произведений; последнее, 8-томное, собрание сочинений Ст. Цвейга вышло в Москве в 1991 – 1993 гг.)
- Цвейг Стефан.* Подвиг Магеллана. М., Географгиз, 1956.
- Цвейг Стефан.* Побег в бессмертие (см. вышеупомянутое собрание сочинений).

6. Научные исследования и популярная литература о развитии географии в отдельных странах

- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: Мангазейский морской ход, ч. 1. Л., Гидрометеиздат, 1980.
- Бокшанин А. А.* Китай и страны южных морей в XIV – XVI вв. М., Наука, 1968.
- Бадигин К. С.* По студеным морям (Очерки по истории ледовых плаваний русских поморов). М., Географгиз, 1956; М., Детская литература, 1988.
- Вайян Дж.* История ацтеков. М., Иностранная литература, 1949.
- Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., Наука, 1966.
- Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., Наука, 1966.
- Ингстад Х.* По следам Лейва Счастливого. Л., Гидрометеиздат, 1969.
- История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., изд. Географического общества, 1973.
- Керов В. А.* Французская колонизация островов Индийского океана, XVII – XVIII вв. М., Наука, 1990.
- Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. – Собр. соч., т. 4. М., изд-во АН СССР, 1957.
- Лебедев Д. М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., изд-во АН СССР, 1956.
- Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. М., Мысль, 1971.
- Мавродин В. В.* Начало мореходства на Руси. Л., изд. ЛГУ, 1949.
- Пирен Ж.* Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследований. М., Наука, 1970.
- Памбу Ж. Ф.* История Бразилии. М., Иностранная литература, 1962.

- Рабемананджара Р. В.* Мадагаскар. История мальгашской нации. М., Иностранная литература, 1956.
- Райерсон С. Б.* Основание Канады. М., Иностранная литература, 1963.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л. — М., изд. Главсевморпути, 1953.
- Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., Наука, 1974.
- Харт Г.* Морской путь в Индию. М., Географгиз, 1959.
- Хасанов Х. Х.* Географическое наследие ученых Средней Азии. Ташкент, Фан, 1961.
- Хейердал Т.* Экспедиция «Тигрис». М., Физкультура и спорт, 1981.
- Хейердал Т.* Мальдивская загадка. М., Прогресс, 1988.
- Шумовский Т. А.* Арабы и море. М., Наука, 1964.

Составил *А. Москвин*

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие Земли. Перевод Е. Брандиса	5
А. МОСКВИН. Жюль Верн – историк географии	184
Список книг для дополнительного чтения	502

ВЕРН Ж.

Полное собрание сочинений. – Серия I. («Неизвестный Жюль Верн»). В 25 т. Т. 23. Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников. Часть 1. Открытие Земли: Пер. с фр. / Сост. З. Потапова. – М.: Ладомир, 1996. – 508 с., ил.

ISBN 5-86218-207-1 (т. 23)

ISBN 5-86218-022-2

В двадцать третий том серии вошла первая часть «Истории великих путешествий и великих путешественников», посвященная истории географических открытий с VI века до нашей эры до XVII века и впервые публикуемая без обширных купюр, сделанных в переводе в советское время.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Полное собрание сочинений

Серия I

Том 23

Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников

Часть 1

Открытие Земли

Редактор

Л. М. Рогачева

Технический редактор

М. А. Страшнова

Корректор

О. Г. Наренкова

Компьютерная верстка

О. Н. Бойко

ЛР № 063160 от 14 декабря 1993 г.

Сдано в набор 10.06.96. Подписано в печать 26. 09. 96.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Баскервиль».

Печать офсетная. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 32.

Тираж 20 000 экз. Зак. № 2008.

Научно-издательский центр «Ладомир» при содействии ТОО «ВРС»
103617, Москва, К-617, корп. 1435

Отпечатано с оригинал-макета на полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Дорогие друзья!

Нижеперечисленные книги "Ладомира" Вы можете приобрести (с доставкой) по каталогу агентства "Роспечать" (1997), имеющемуся в каждом отделении связи:

- 1) Серия "Неизвестный Жюль Верн". тт. 21, 24.
- 2) Ф. Блюш. Жизнь Людовика XIV.
- 3) П. Виллари. Джироламо Савонарола и его время.
- 4) А. Дюма. Путевые впечатления. В России.
- 5) Кардинал де Рец. Мемуары.
- 6) П. Лоти. Избранные романы о любви.
- 7) Р. Музиль. Человек без свойств.
- 8) И. Нижнанский. Кровавая графиня.
- 9) П. Феваль. Горбун, или Маленький парижанин.
- 10) М. Эдвардс. Алфавитный справочник симптомов заболеваний детей.
- 11) В. Бычков. Эстетика Отцов Церкви. (Апологеты. Блаженный Августин).
- 12) П. Гиро. Частная и общественная жизнь греков.
- 13) Ф. Зелинский. Из жизни идей.
- 14) Плиний Старший. Об искусстве.
- 15) Х. К. Андерсен. Сказки. Истории. Новые сказки и истории.
- 16) К. А. Вульпиус. Ринальдо Ринальдино, атаман разбойников.
- 17) П. Махалин. Крестник Арамиса.
- 18) Л. Буссенар. Собрание романов.

Бесплатный план издательства, а также книги — почтой заказывайте по адресу: 103617, Москва, К-617, корп. 1435, НИЦ "Ладомир".

«ЛАДОМИР»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
в серии «Литературные памятники»

КАРДИНАЛ РЕЦ
МЕМУАРЫ

Этому памятнику французской литературы XVII века, несмотря на обширный объем, суждено стать бестселлером. Им будут зачитываться как любители исторических романов, так и любители мемуарной литературы.

В «Мемуарах» Реца есть все: парламентские дебаты, гражданская война, психологические портреты современников (Ришелье, Мазарини, Анны Австрийской, Ларошфуко и многих других), философские и политические размышления, отливающиеся в афоризмы, любовные приключения, придворные интриги, авантюрные страницы. Недаром эти мемуары послужили одним из основных источников романов Александра Дюма о XVII веке (роман «Двадцать лет спустя» фактически построен на книге Реца, да и сам Рец выступает в нем как один из героев).

Поль де Гонди, кардинал де Рец - личность ярчайшая. Потомок итальянцев, обосновавшихся во Франции еще в XVI в., Поль де Гонди, как младший сын в семье, был предназначен церкви. Человек земных страстей, честолюбец и любитель женщин, он приложил все силы, чтобы избежать сутаны. Когда же его попытки сорвались, он решил сделать карьеру на духовном поприще. Став коадьютором (т.е. заместителем парижского архиепископа), он снискал огромную популярность в народе. Она пригодилась, когда ход истории вернул его к мирским делам. В эпоху Реца события развивались бурно: умер Ришелье, за ним Людовик XIII. Королем Франции стал малолетний Людовик XIV, а регентшей - его мать Анна Австрийская. Но настоящим правителем страны был непопулярный у французов итальянец Мазарини, против которого и вселилия королевской власти поднялся сначала парламент, потом крупные феодалы. В стране началась гражданская война, знаменитая Фронда. Активный ее участник, Рец проявил себя дипломатом и интриганом, политиком и авантюристом, демагогом и смельчаком, что во всей полноте отразилось в его мемуарах. Чем кончилась политическая карьера Реца и как завершилась его бурная жизнь, приведшая его в Ватикан и ввергнувшая в борьбу за избрание папы, читатель узнает, познакомившись с предлагаемой книгой.

После долгих лет изгнания Рецу было разрешено возвратиться во Францию, однако жить ему пришлось вдали от двора. В опале и уединении Рец и создал свои «Мемуары». И если в политике этот человек оказался победленным, то он навсегда вписал свое имя в литературу. Судьба «Мемуаров» непроста: они были напечатаны много лет спустя после смерти автора и притом за границей. В последующие десятилетия и века «Мемуары» выдержали множество изданий во Франции; они переведены на основные языки. В России их неполный текст был издан лишь однажды, в царствование Екатерины Великой. Полный перевод на русский язык этого интереснейшего литературного памятника появляется впервые.

Издание снабжено иллюстрациями.

П. ЛОТИ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ЛЮБВИ

Современные переводы лучших романов классика французской литературы Пьера Лоти (1850—1923).

т. 1 Азиаде. История одного спаги. Госпожа Хризантема.

т. 2 Исландский рыбак. Женитьба Лоти. Рамунчо.

П. МАХАЛИН

КРЕСТНИК АРАМИСА

Перевод популярного во Франции продолжения трилогии А. Дюма-отца о мушкетерах.

М. ЭДВАРДС

АЛФАВИТНЫЙ СПРАВОЧНИК СИМПТОМОВ ЗАБОЛЕВАНИЙ ДЕТЕЙ

Книга опубликована в 1995 г. ведущим сотрудником одной из самых популярных и престижных клиник Лондона Мартином Эдвардсом. Именно ему, как никому другому, знакомы те проблемы, решение которых выпадает на долю семейного врача, постоянно наблюдающего как родители, порой неумело, стремятся поддержать и укрепить здоровье своих детей. Опыт Эдвардса обобщен в данной книге, адресованной родителям и представляющей собой (по структуре) перечень симптомов разнообразных заболеваний, наиболее часто встречающихся у детей. После каждого симптома следуют простые, доступные, но в то же время обоснованные медицинские рекомендации. Автор не позволяет в своих рекомендациях перейти границу, отделяющую приемы и этапы доврачебной помощи от момента, требующего привлечения к лечению квалифицированных специалистов.

Ф. БЛЮШ

Людювик XIV

В увлекательно написанной романизированной биографии, составленной ведущим современным французским историком Ф. Блюшем, подробно описывается жизнь Людовика XIV, прозванного Великим, с момента его рождения и до кончины. Со страниц книги перед читателем предстает колоритная фигура самого знаменитого в христианском мире тех времен короля во всех его человеческих проявлениях, покровителя литературы и искусства, ценителя красивых женщин и государственного реформатора. Легенда приписывает Людовику XIV изречение «Государство — это я». Блюш блестяще описал жизнь французского двора, мастерски изобразил страсти, интриги, победы и поражения, которыми жило окружение короля-Солнца. Читатель познакомится с матерью Людовика XIV Анной Австрийской, фактическим правителем страны кардиналом Мазарини и многими другими легендарными историческими личностями. Книга читается на одном дыхании.

TERRA MIRABILIS

YAMENHUISCH D

LAPSUS

